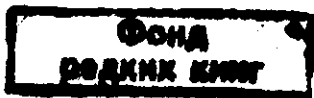

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ ССІІ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА

Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Марининскимъ мостами, д. № 90-1.

1879.

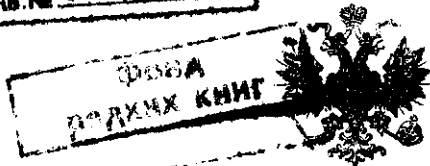
ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

МАРТЪ.

1879.

РЯЗАНСКИЙ
ГОСПЕДУНИВЕРСИТЕТЪ
ИМ. С. А. ЕСЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
Инв. № 091368

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.
ЧАСТЬ 6011.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА

Внатрѣн. каналъ, между Вознес. и Марининскихъ мостами, д. № 90-1.

1879.

Рис. Гол. Дел. Печатн.
БИБЛИОТЕКА

Проверено
20 04 год

СО Д Е Р Ж А Н І Е .

ПРАВНТЕЛЪСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

О преміи фрейлины М. С. Мухановой за жизнеописание императрицы Маріи Сеодоровны.

Очеркъ внутренней исторіи церкви въ Великомъ Новгородѣ А. Нивитскаго.

Господствующая группа выводовъ М. И. Каринскаго.

Новѣйшіе памятники древне-чешскаго языка. В. И. Ламанскаго.

Матеріалы для внутренней исторіи Византійскаго государства В. Г. Васильевскаго.

Объ учебныхъ пособіяхъ для преподаванія естественной исторіи въ реальныхъ училищахъ Н. Брицагина.

Слово пр. Амвросія о началахъ христіанскаго воспитанія.

Замѣтка по поводу отчета о педагогическомъ отдѣлѣ Парижской всемірной выставки В. Э. Эвальда.

Объ одномъ учебникѣ русской исторіи для начальныхъ школъ.

+ Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній: а) университеты, б) низшія училища.

Отдѣлъ классической филологіи.

(См. на 3-й стр. обертки)

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

І. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (10-го января 1879 года). Объ учрежденіи стипендіи въ Рижской Александровской гимназій.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, всемилостивѣйше соизволилъ на учрежденіе на проценты съ представленнаго директору рижской александровской гимназій русскимъ обществомъ гор. Риги капитала въ 1000 руб., заключающагося въ 5% облигаціи 2-го восточнаго займа, одной стипендіи при названной гимназій, съ наименованіемъ оной: „стипендія 2-й саперной бригады“; при чемъ Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть благодарить жертвователей.

2. (10-го января 1879 года). Объ учрежденіи стипендіи при Стерлитамакской прогимназій.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, всемилостивѣйше соизволилъ на учрежденіе при Стерлитамакской прогимназій, на проценты съ пожертвованнаго покойнымъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Базилевскимъ капитала въ одну тысячу руб., заключающагося въ 10 облигаціяхъ 1-го восточнаго займа, одной стипендіи, съ наименованіемъ оной: „стипендія дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ивана Оедоровича Базилевскаго“.

3. (10-го января 1879 года). Объ учрежденіи стипендіи при Казанской Маріинской женской гимназіи.

Педагогическій совѣтъ Казанской Маріинской женской гимназіи ходатайствовалъ объ учрежденіи при названномъ учебномъ заведеніи на проценты съ отказаннаго, по духовному завѣщанію вдовою поручика Е. М. Тахтаровою, капитала въ девятьсотъ пятьдесятъ руб., заключающагося въ 5% облигаціяхъ восточнаго займа, одной стипендіи имени покойнаго мужа жертвовательницы „поручика Андрея Николаевича Тахтарова“.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему о семъ докладу министра народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ на учрежденіе означенной стипендіи.

4. (10-го января 1879 года). Объ учрежденіи стипендіи въ Самарской гимназіи.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Всемилоостивѣйше соизволилъ на учрежденіе на проценты съ представленнаго директору Самарской гимназіи гражданами гор. Самары капитала въ 2,300 р. заключающагося въ пяти 5% облигаціяхъ 2-го восточнаго займа, трехъ стипендій при названной гимназіи, съ наименованіемъ оныхъ: „стипендіи дѣйствительнаго статскаго совѣтника Петра Алексѣевича Бильбасова“, при чемъ Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть благодарить жертвователей.

5. (10-го января 1879 года). Объ учрежденіи стипендіи при Муромскомъ реальномъ училищѣ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ на учрежденіе, на проценты съ пожертвованнаго Муромскимъ купеческимъ обществомъ капитала въ 1,500 руб., заключающагося въ 3-хъ 5% билетахъ государственнаго банка 4-го выпуска, при Муромскомъ реальномъ училищѣ, одной стипендіи, съ наименованіемъ оной: „стипендія потомственнаго почетнаго гражданина Прокопія Степановича Зворыкина“: при чемъ Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть благодарить жертвователей.

6. (10-го января 1879 года). Объ учрежденіи стипендіи при С.-Петербургской 1-й гимназіи.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія Высочайше соизволилъ на учрежденіе при С.-Петербургской 1 гимназіи, на проценты съ представленнаго женою маіора Еваторіею Роштейнъ директору названной гимназіи капитала въ 1,000 руб., заключающагося въ облигаціи 2-го восточнаго займа, одной стипендіи, съ наименованіемъ оной: „стипендія Ефима Роштейна“; при чемъ Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть благодарить жертвовательницу.

7. (10-го января 1879 года). Объ учрежденіи стипендіи при Московскомъ университетѣ.

Управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ сообщилъ министру народнаго просвѣщенія, что московская городская дума, желая почтить заслуги покойнаго гласнаго этой думы князя Черкаскаго, внесла въ московское губернское казначейство, на имя московскаго университета, шесть тысячъ рублей, заключающіеся въ облигаціяхъ восточнаго займа, на учрежденіе при означенномъ университетѣ, одной стипендіи имени В. А. Черкаскаго.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ, въ 10-й день января сего года, на удовлетвореніе означеннаго ходатайства Московской городской думы и повелѣлъ оную благодарить.

8. (10-го января 1879 года). О принятіи пожертвованія, сдѣланнаго статскимъ совѣтникомъ И. С. Хаминовымъ.

Почетный попечитель Иркутской мужской гимназіи и предсѣдатель попечительнаго совѣта Иркутской женской гимназіи, статскій совѣтникъ И. С. Хаминовъ изъявилъ желаніе пожертвовать министерству народнаго просвѣщенія:

1) Каменный двухэтажный домъ съ подваломъ, помѣщающійся на Трапезниковской улицѣ гор. Иркутска, приспособленный уже къ нуждамъ предполагаемой къ открытію въ семъ городѣ женской прогимназіи и стоящій, по оцѣнкѣ строительнаго отдѣленія главнаго управленія Восточной Сибири, 60 т. р.:

2) 40 облигацій Восточнаго займа 1877 г. съ №№ 81401 по 81440 включительно, по 1000 р. каждая, съ 18-ю купонами, всего на сумму

40000 р., на предметъ содержанія, изъ процентовъ съ этого капитала, въ помянутомъ домѣ женской прогимназіи.

При этомъ жертвователь ходатайствовалъ о присоеиніи сему заведенію наименованія: „женская прогимназія Ивана Степановича Хаминова“.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему о семъ докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 10-й день января сего года на сіе Высочайше соизволилъ.

9. (10-го января 1879 года). Объ учрежденіи стипендіи при Рижской женской Ломоносовской гимназіи.

Попечитель дерптскаго учебнаго округа донесъ министру народнаго просвѣщенія, что по поводу возвращенія 2-й саперной бригады изъ похода въ Турцію, русское общество гор. Риги пожелавъ выразить свое сочувствіе къ доблестнымъ войскамъ этой бригады, доставило директору Рижской александровской гимназіи одну 5-ти процентную облигацію 2-го восточнаго займа въ тысячу руб., съ тѣмъ, чтобы на проценты съ этого капитала была учреждена при Рижской женской ломоносовской гимназіи стипендія, съ присвоеніемъ ей наименованія: „стипендія 2-й саперной бригады“.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему о семъ докладу министра народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ на учрежденіе означенной стипендіи, при чемъ Его Императорскому Величеству благоугодно было Высочайше повелѣть благодарить жертвователей.

10. (10-го января 1879 года). Объ учрежденіи стипендій въ Астраханской гимназіи.

Довѣренный вдовы купчихи Анны Петровны Вейнеръ, коллежскій ассесоръ Хлѣбниковъ представилъ директору Астраханской гимназіи капиталъ въ 4000 руб., заключающійся въ облигаціяхъ восточнаго займа, для употребленія процентовъ съ онаго на уплату за обученіе въ названной гимназіи шести бѣдныхъ мальчиковъ, по расчету нынѣ взимаемой платы за обученіе въ сей гимназіи, по 30 рублей въ годъ съ ученика, съ тѣмъ, чтобы если эта плата будетъ увеличена или уменьшена, то въ первомъ случаѣ количество стипендіатовъ соразмѣрно должно уменьшиться, а въ послѣднемъ увеличиться.

По всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія о семъ, Государь Императоръ, Высочайше соизволилъ на учрежденіе при Астраханской гимназіи, на изъясненнхъ основаніяхъ, шести сти-

пендіи, съ наименованіемъ оныхъ: „стипендіи имени купца Петра Антоновича Вейнера“; при чемъ Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть благодарить жертвовательницу.

11. (10-го января 1879 года). Объ учрежденіи стипендіи при Московскомъ университетѣ.

Съ разрѣшенія министерства народнаго просвѣщенія открыта была между профессорами, преподавателями и служащими въ московскомъ университетѣ, а равно между студентами онаго, добровольная подписка, для образованія капитала на учрежденіе при семъ университетѣ стипендіи для дѣтей воиновъ, павшихъ въ минувшую войну, и для дѣтей врачей, участвовавшихъ въ кампаніи, и, кромѣ того, разрѣшено было нѣкоторымъ профессорамъ университета прочесть нѣсколько публичныхъ лекцій, сборъ за слушаніе которыхъ долженъ былъ поступить на усиленіе того же стипендіальнаго капитала.

Почетитель Московскаго учебнаго округа, донося министру народнаго просвѣщенія, что подписка и сборъ за слушаніе публичныхъ лекцій дали капиталъ, который, по обращеніи въ 5⁰/₀ билеты государственнаго банка, составилъ четыре тысячи руб., ходатайствовалъ объ учрежденіи на проценты съ этого капитала одной стипендіи, съ наименованіемъ оной: „стипендією 12-го апрѣля 1877 года.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему министра народнаго просвѣщенія докладу, Высочайше на сіе соизволилъ, и повелѣлъ благодарить жертвователей.

II. ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ ПО МИНИСТЕРСТВУ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

22-го декабря 1878 года. (№ 13). Производятся, за отличіе: въ дѣйствительные статскіе совѣтники: статскіе совѣтники: ректоръ Императорскаго Новороссійскаго университета ординарный профессоръ сего университета Николай Головкинскій, окружный инспекторъ харьковскаго учебнаго округа Петръ Лукьяновъ, директоры гимназій: Пензенской, Карлъ Бауеръ, Варшавской первой мужской, Ефимъ Крыжановскій и Александровской Николаевской, Алексѣй Смирновъ, директоры реальныхъ училищъ: Елабужскаго, Яковъ Кубли, Тверскаго, Александръ Кривоносъ и Иваново-Вознесен-

скаго; Иванъ Бордюговъ, директоръ Московскаго учительскаго института Александръ Малининъ, директоръ Виленскаго маріинскаго высшаго женскаго училища Николай Тулылевъ, начальники учебныхъ дирекцій: Кѣлецкой, Андрианъ Копыловъ и Холмской, Петръ Рублевскій, ординарный академикъ Императорской Академіи наукъ и директоръ главной физической обсерваторіи Генрихъ Вильдъ, ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: с.-петербургскаго: Федоръ Петрушевскій, Владиміръ Ламанскій, Василій Сергѣевичъ, Александръ Коркицъ и Николай Меншуткинъ, Казанскаго: Михаилъ Субботинъ и баронъ Фридрихъ Розенъ, Дерптскаго, Густавъ Флоръ и Новороссійскаго: Федоръ Шведовъ и Яковъ Вальцъ, почетный попечитель Александровской Керченской гимназіи Дмитрій Писполитакіи и членъ археографической комисіи министерства народнаго просвѣщенія Егоръ Замысловскій и коллежскій совѣтникъ, ординарный профессоръ Императорскаго варшавскаго университета Карлъ Юркевичъ.

Въ статскіе совѣтники: коллежскіе совѣтники: экстраординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета Александръ Волковъ, инспекторъ Сандомірской мужской прогимназіи Михаилъ Крашановскій, инспекторъ-руководитель и преподаватель Сѣвницкой учительской семинаріи Василій Юркевичъ и бывший учитель Варшавской пятой мужской гимназіи Осипъ Лапинскій, коллежскій ассесоръ, учитель Плоцкой мужской гимназіи Константинъ Дылевскій, титулярный совѣтникъ, бывший учитель Варшавскаго реальнаго училища Антонъ Ржондковскій, неимѣющіе чиновъ: директоръ Сувалкской мужской гимназіи Петръ Михайловскій, экстраординарные профессора Императорскаго Варшавскаго университета: Дмитрій Самоквасовъ, Феликсъ Навроцкій и Генрихъ Лучкевичъ, учитель и исправляющій должность инспектора Варшавской третьей мужской гимназіи Николай Троицкій, инспекторы мужскихъ прогимназій: Чевстоховской, Северіанъ Воронковъ. Пултуской, Николай Савинъ и Пинчевской, Антонъ Лянниченко, учитель и исправляющій должность инспектора Влоцлавскаго реальнаго училища Руфинъ Ржаницынъ, инспекторъ-руководитель Ленчицкой учительской семинаріи Егоръ Тарасовъ и учителя Варшавскихъ мужскихъ гимназій: второй, Владиславъ Складовскій и шестой, Фридрихъ Беттихеръ.

Въ коллежскіе совѣтники: неимѣющіе чиновъ: экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета Фе-

дору Зигель, учитель и исправляющій должность инспектора Вѣльской мужской гимназій Маркелль Лавровскій, учителя мужскихъ гимназій: Варшавской четвертой, Эмилианъ Конопчинскій и Сувальской, Иванъ Пожерскій, учитель Лодзянскаго высшаго ремесленнаго училища Карль Шмидтъ, учитель Варшавской ветеринарной школы Людовикъ Цихоцкій и исправляющій должность учителя сей же школы, лекарь Елеазаръ Гольдсобель, со старшинствомъ: Зигель съ 1-го августа 1876 года, Лавровскій съ 16-го января 1878 года, Конопчинскій съ 20-го іюля 1875 года, Пожерскій съ 16-го сентября 1877 года, Шмидтъ съ 20-го іюля 1876 года, Цихоцкій съ 5-го Января 1871 года, и Гольдсобель съ 23-го мая 1877 года.

Въ коллежскіе ассесоры: неимѣющій чина, учитель Варшавскаго института глухонѣмыхъ и слѣпыхъ Августъ Барановскій, со старшинствомъ съ 1-го января 1876 года.

Въ коллежскіе секретари: неимѣющій чина, учитель приготовительнаго класса Сандомірской мужской прогимназій Юліанъ Цѣпейко, со старшинствомъ съ 1-го Августа 1876 года.

29-го декабря 1878 года. (№ 14). Назначаются: Окружный инспекторъ с.-петербургскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ Михайловъ—помощникомъ попечителя с.-петербургскаго учебнаго округа.

Причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, дѣйствительный статскій совѣтникъ Лашинъ — окружнымъ инспекторомъ с.-петербургскаго учебнаго округа.

Утверждаются: гвардіи подпоручикъ Томара—вновь почетнымъ попечителемъ Лубенской гимназій, на трехлѣтіе, съ 1879 года.

Ординарный профессоръ Императорскаго с.-петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Фаминцынъ—адъюнктомъ Императорской академіи наукъ по ботаникѣ, съ 1-го декабря 1878 года, съ оставленіемъ на службѣ при университетѣ.

Командируются за границу съ ученою цѣлію: ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Овсянниковъ—съ 1-го февраля по 15-е мая 1879 года.

Учитель Θεодосійской прогимназій Якубовичъ—съ 15-го мая по 15-е ноября 1879 года.

Кандидаты Императорскихъ университетовъ: Московскаго, Соколовъ и Харьковскаго Куилеваскій—на два года и Казанскаго, Васильевъ—на одинъ годъ.

1-го января 1879 года. (№ 1). Производятся, за отличіе: въ

тайные совѣтники: дѣйствительные статскіе совѣтники: попечитель Дерптскаго учебнаго округа Андрей Сабуровъ, помощникъ попечителя Варшавскаго учебнаго округа Николай Воронцовъ-Вельяминовъ, ректоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета ординарный профессоръ сего университета Андрей Бекетовъ, заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета Генрихъ Гивартовскій, ординарный профессоръ Императорскаго Казацкаго университета Андрей Чугуновъ и причисленный къ Министерству народнаго просвѣщенія, почетный попечитель Курской гимназіи Аполлонъ Эвѣгинцевъ.

Въ дѣйствительные статскіе совѣтники: статскіе совѣтники, директоръ С.-Петербургскаго учительскаго института Карлъ Сентъ-Илеръ и чиновникъ особыхъ порученій VI класса при министрѣ народнаго просвѣщенія Валентинъ Шелашниковъ.

Въ статскіе совѣтники: почетные попечители гимназій: Дубенской, отставной гвардіи подпоручикъ Левъ Томара и С.-Петербургской шестой, потомственный почетный гражданинъ Павелъ Лихачевъ, коллежскій совѣтникъ, доцентъ Императорскаго Казацкаго университета Дмитрій Корсаковъ и надворный совѣтникъ, доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета баронъ Викторъ Розень.

Въ коллежскіе совѣтники: надворный совѣтникъ, дѣлопроизводитель VI класса департамента народнаго просвѣщенія Иванъ Опошквичъ-Яцыва и неимѣющій чина, почетный попечитель Глуховскаго учительскаго института Семень Терещенко.

Производится, за полезную дѣятельность въ Коллежскіе совѣтники: почетный членъ Московскаго совѣта дѣтскихъ пріютовъ, попечитель Набилковскаго богадѣленнаго дома, не имѣющій чина Фѣдоръ Терещенко.

Въ коллежскіе ассесоры: почетный корреспондентъ Императорской публичной бібліотеки, потомственный почетный гражданинъ Александръ Неустроевъ.

Производится въ коллежскіе регистраторы: почетный попечитель Новобугской учительской семинаріи Сергій Канивальскій, помощникъ дѣлопроизводителя департамента народнаго просвѣщенія Владиміръ Дьяковъ и состоящій при канцеляріи попечителя Московскаго учебнаго округа писцомъ по найму, Московскій мѣщанинъ Фѣдоръ Мальцевъ.

III. ВЪСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ.

Государь Императоръ Всемилоостивѣйше соизволяетъ пожаловать слѣдующія награды:

По министерству Народнаго Просвѣщенія, 1-го сего января:

Ордена: Св. Александра Невскаго: тайнымъ совѣтникамъ: Товарищу Министра Народнаго Просвѣщенія, сенатору князю Ширинскому-Шихматову и помощнику директора Императорской публичной библіотеки Бычкову.

Бѣлаго Орла: ректору Императорскаго варшавскаго университета, тайному совѣтнику Благовѣщенскому и заслуженному профессору Императорскаго московскаго университета, тайному совѣтнику Щуровскому.

Св. Владиміра 2-й степени: тайнымъ совѣтникамъ: члену совѣта Министерства Народнаго Просвѣщенія Попову; помощнику попечителя московскаго учебнаго округа Иванову; заслуженному ординарному профессору Императорскаго казанскаго университета Котельникову и члену ученаго комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія Ходяеву.

Св. Анны 1-й степени: дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникамъ: вице-директору департамента Народнаго Просвѣщенія Дьякову; директору московской третьей гимназіи Малиновскому и причисленному къ Министерству Народнаго Просвѣщенія Ренару.

Св. Станислава 1-й степени: дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникамъ: предсѣдателю виленской комисіи для разбора и изданія древнихъ актовъ Головацкому; директору кронштадтской гимназіи Янишу; директору архангельской гимназіи Шилацкому; директору орловской гимназіи Гриценкочу; директору витебской гимназіи Шефлеру; директору Харьковской первой гимназіи Тихоновичу; заслуженному ординарному профессору Императорскаго московскаго университета Соколовскому; заслуженному ординарному профессору Императорскаго дерптскаго университета Шмидту; ординарному профессору Императорскаго с.-петербургскаго университета Дестунису; ординарному профессору Императорскаго московскаго университета Новацкому; ординарному профессору Императорскаго московскаго университета Богданову; ординарному профессору Императорскаго казанскаго университета Янишевскому; сверхштатному заслуженному ординарному профессору Императорскаго университета св. Вла-

дими́ра Гогоцкому; сверхштатному ординарному профессору Императорскаго казанскаго университета Зе́дерштедту; директору народныхъ училищъ Московсой губерніи Красношѣвкову и почетному попечителю Симферопольской гимназіи Маразли.

Св. Влади́мира 3-й степени съ мечами—ординарному профессору Императорскаго университета св. Влади́мира, статскому совѣтнику Гарничъ-Гарницкому.

Св. Влади́мира 3-й степени: дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникамъ: директору Московской первой гимназіи Лебедеву; директору череповскаго реального училища Бѣлинскому; директору Новочеркасской учительской семинаріи Протопопову; директору главнаго нѣмецкаго училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра въ С.-Петербургѣ Граффу; начальнику радомской учебной дирекціи Лебединцеву; ординарному профессору Императорскаго с.-петербургскаго университета Фаинцыну; ординарному профессору Императорскаго казанскаго университета Доброворскому; ординарному профессору Императорскаго казанскаго университета Степанову; ординарному профессору Императорскаго университета св. Влади́мира Эргардту; ординарному профессору Императорскаго университета св. Влади́мира Ващенко-Захарченко; ординарному профессору Императорскаго университета св. Влади́мира Сидоренко; бывшему ординарному профессору Императорскаго варшавскаго университета Александровичу; директору народныхъ училищъ Олонецкой губерніи Соколову; почетному попечителю астраханской гимназіи Сергѣеву; статскимъ совѣтникамъ: дѣлопроизводителю V класса департамента народнаго просвѣщенія Тимофееву; директору уральской войсковой гимназіи Матвѣеву; директору ливенскаго реального училища Бѣлину; директору поневѣжской учительской семинаріи Боричевскому; ординарному профессору Императорскаго московскаго университета Толстолятову; ординарному профессору Императорскаго университета св. Влади́мира Ромеру; ординарному профессору Императорскаго университета св. Влади́мира Бецу; директору житомирскаго еврейскаго учительскаго института Барскому; почетному попечителю ливенскаго реального училища Бѣлаго; экстраординарнымъ профессорамъ Императорскаго московскаго университета Тольскому и Кожевникову; экстраординарному профессору Императорскаго с.-петербургскаго историко-филологическаго института Соколову; наставнику-руководителю въ гимназіи Императорскаго с.-петербургскаго историко-филологическаго института Гаврилову; ин-

спектору калужской гимназіи Данилову; инспектору костромской гимназіи Азаревичу; инспектору с.-петербургской шестой прогимназіи Звѣреву; инспектору егорьевской прогимназіи Шереметевскому; штатному учителю радомской женской гимназіи, завѣдывающему тою же гимназіею Попову; врачу при гатчинской учительской семинаріи Лихареву и коллежскому совѣтнику, экстраординарному профессору Императорскаго московскаго университета Герцу.

Св. Владимира 4-й степени: статскимъ совѣтникамъ: директору ревельской александровской гимназіи Гюберъ-фонъ-Грейфенфельсу; директору гродненской гимназіи Татлину; директору сумской гимназіи Сибиллову; директору прибалтійской учительской семинаріи Занцевичу, инспектору московской первой гимназіи Вильману; инспектору виленскаго реального училища Виноградову; заслуженному преподавателю с.-петербургской первой гимназіи Лыткину, заслуженному преподавателю с.-петербургской пятой гимназіи Закржевскому; преподавателю с.-петербургской первой гимназіи Гинтовту; преподавателю Императорской первой казанской гимназіи Жбиковскому; преподавателю с.-петербургской введенской прогимназіи Константинову; преподавателю въ с.-петербургскомъ реальномъ училищѣ Анонимову; врачу вологодской гимназіи Соколову; коллежскимъ совѣтникамъ: преподавателю въ с.-петербургской третьей гимназіи Семенову; преподавателю виленскаго реального училища Полозову; врачу при пансіонѣ лазаревскаго института восточныхъ языковъ Кивокурцеву; надворнымъ совѣтникамъ: директору народныхъ училищъ Псковской губерніи Склярору; завѣдывающему хозяйственною частію въ Императорской публичной библіотекѣ Плетеневу; почетному смотрителю виттегорскаго уѣзднаго училища Преснякову; титулярному совѣтнику почетному смотрителю с.-петербургскаго андреевскаго городского училища Бенардаки; губернскимъ секретарямъ: почетному смотрителю с.-петербургскаго владимірскаго городского училища Юрьеву и учителю приготовительнаго класса архангельской гимназіи Неклюдову; коммерціи совѣтнику Владиміру Спиридонову, послѣднему съ правами, предоставляемыми ст. 196 учр. орд. и друг. знак. отд. изд. 1876 г. т. I св. зак.

Св. Станислава 3-й степени—неимѣющему чина, почетному попечителю одесской второй прогимназіи Карлу Росси.

Государь Императоръ, согласно удостоенію Комитета Министровъ

Всеиодостивѣйше соизволилъ, 22-го сего декабра, пожаловать по Министерству Народнаго Просвѣщенія ордена:

Св. Анны 2-й степени: проректору и ординарному профессору Императорскаго казанскаго университета, дѣйствительному статскому совѣтнику Леваковскому; статскимъ совѣтникамъ: директорамъ гимназій: слуцкой—Носовичу и радомской мужской—Маркіановичу; директорамъ реальныхъ училищъ: великолудскаго—Гречинѣ и скопинскаго—Львову; директору вольской учительской семинаріи Зимницкому; ординарнымъ профессорамъ Императорскихъ университетовъ: харьковскаго: Лазаревичу, Оболенскому, Имшенецкому. Шерцлю, Якобію и Лебедеву и дерптскаго: Тейхмюллеру и Руссову; ординарному профессору историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ Люперсольскому; директору народныхъ училищъ Саратовской губерніи Панову; виленскому директору народныхъ училищъ Снитко; директору и старшему учителю перновской гимназіи Ливену; экстраординарному профессору Императорскаго харьковскаго университета Бріо; секретарю совѣта Императорскаго казаискаго университета Фастрицкому; бібліотекарю Императорскаго харьковскаго университета Балясному; инспекторамъ гимназій: симбирской—Христофорову; александровской рижской—Москвину и кievской первой—Сѣнинскому; исправляющему должность инспектора могилевской гимназіи, заслуженному преподавателю сей гимназіи Фетисову; инспекторамъ прогимназій: жидринской—Цапенко и варшавской второй мужской—Олешкевичу; исполняющему обязанности инспектора александровскаго орловскаго реального училища, учителю сего училища Аралову; инспекторамъ народныхъ училищъ губерній: Вятской—Предтеченскому и Пермской—Шишонко; начальнику отдѣленія канцеляріи варшавскаго учебнаго округа Сѣчковскому; учителямъ гимназій: казанской второй—Раппенгейму; симбирской—Степанову; кievской первой—Регаме; оренбургской—Голубкову; пензенской—Короваеву; ярославской—Малиновскому; московской первой—Каленову; варшавской первой мужской—Роде; александровской николаевской—Токарскому и вятской женской—Хватунову; учителю московской первой прогимназіи Павлову и врачу московскаго учительскаго института Клименкову; коллежскимъ совѣтникамъ: директорамъ гимназій: петроковской мужской—Мигулину и рязанской—Кульчицкому; директорамъ реальныхъ училищъ: новочеркасскаго—Зубкову и пинскаго—Витте; исправляющему должность директора тульскаго реального училища.

Зернову; директору острожской прогимназіи, Омелянскому; директорамъ учительскихъ семинарій: воронежской—Захарову и молодецкой—Дурову; директору народныхъ училищъ Воронежской губерніи—Ларионову; экстраординарнымъ профессорамъ: Императорскихъ университетовъ: с.-петербургскаго—Веселовскому и харьковскаго—Кучину; инспектору пермской гимназіи Фронцкевичу; исправляющему должность инспектора кѣдской мужской гимназіи, учителю сей гимназіи Яновскому; исправляющему должность инспектора с.-петербургскаго втораго реального училища, учителю сего училища Вильде; доценту Императорскаго с.-петербургскаго университета Лебедеву; помощнику бібліотекаря Императорскаго харьковскаго университета Засядко; заслуженному преподавателю гимназіи Императорскаго человеколюбиваго общества Фицтумъ фонъ-Экстедту; учителямъ гимназій: московскихъ, четвертой—Вислоцкому; и пятой—Лебедеву и казанской третьей—Юшкевичу; учителю бобринской прогимназіи Петряевскому; учителю главнаго нѣмецкаго училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра въ С.-Петербурѣ Иверсену; врачу торопецкихъ уѣзднаго и приходскаго училищъ Ламберти и старшему учителю дерптской гимназіи Шнейдеру; надворнымъ совѣтникамъ: директору зарайскаго реального училища Аристову; директору с.-петербургской пятой прогимназіи Морю; директору народныхъ училищъ Пензенской губерніи Ильченко; старшему помощнику бібліотекаря перваго отдѣленія бібліотеки Императорской академіи наукъ Першцетскому и штатному учителю сувальской женской гимназіи, завѣдывающему оною Дурову; коллежскимъ ассессорамъ: директору тамбовской гимназіи Тихому; директору харьковскаго реального училища Шихову; исправляющему должность директора поливановской учительской семинаріи Морелю; почетному почителю таганрогской гимназіи Ковалевскому; ординарному профессору Императорскаго варшавскаго университета Колосову; директору витебской дирекціи народныхъ училищъ Масловскому; инспектору института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи Грушецкому; исправляющему должность инспектора плочкой мужской гимназіи, учителю сей гимназіи Аргѣву; инспектору варшавской первой мужской прогимназіи Соловьевичу; инспектору народныхъ училищъ состоящей при управленіи кievскаго учебнаго округа инспекціи сихъ училищъ губерній Киевской, Подольской и Болынской Соловьеву; учителю с.-петербургской шестой гимназіи Лосеву и штатному смотрителю и учителю при введенскомъ уѣзд-

номъ училищѣ Бему; неимѣющимъ чиновъ: директору александровской гимназіи смоленскаго земства въ городѣ Вязьмѣ Николаю Завсу; директору училища при реформатскихъ церквахъ въ С. Петербургѣ Эрнесту Шульце; ординарнымъ профессорамъ Императорскихъ университетовъ: новороссійскаго—Никодиму Кондакову и варшавскаго—Григорію Симоненко и Митрофану Ганину; инспекторамъ гимназій: Виленской—Юліану Шокальскому и Московской четвертой — Якову Гринчаку, исправляющему должность инспектора Сувалкской мужской гимназіи, учителю сей гимназіи Павлу Моссаковскому; исправляющему должность инспектора Сѣдлецкой мужской гимназіи, учителю сей гимназіи Петру Сотничевскому; инспектору Лодзинскаго высшаго ремесленнаго училища Ивану Анопову; помощнику инспектора сего училища Константину-Иполиту Маркевичу; учителю того же училища Владиміру Карпову и учителю С.-Петербургской третьей гимназіи Василю Шемякину.

Св. Станислава 2-й степени: статскимъ совѣтникамъ: директору Корочанской прогимназіи Николаеву; ординарнымъ профессорамъ Императорскихъ университетовъ: Московскаго—Янжулу, Дювернуа и Умову и св. Владиміра—Паульсону; ординарному профессору Демидовскаго юридическаго лицей Сокольскому; директору народныхъ училищъ Оренбургской губерніи Раслопову; экстраординарному профессору Императорскаго Московскаго университета Зернову; инспектору Устюженской прогимназіи Окунькову; учителямъ гимназій: Нижегородской—Нелидову; Ярославской—Шаблонскому; Оловецкой—Дюливье; Смоленской—Лебедеву; Уфимской—Благовѣщенскому и Житомирской: Мартыновскому и Мануйловичу; старшему учителю Рижской городской гимназіи Гроссу; воспитателю при пансіонѣ С.-Петербургской Ларинской гимназіи Ширмахеру; учителямъ реальныхъ училищъ: Новгородскаго — Николаевскому; Одесскаго—Сергѣеву и Бѣлостокскаго Шмиду; коллежскимъ совѣтникамъ: директору Пензенской прогимназіи Попову; директору Гольдингенской гимназіи Бютнеру; инспекторамъ гимназій: Императорской Казанской первой—Гвоздеву; Немировской — Дзюблевскому и Оренбургской—Громачевскому; инспекторамъ прогимназій: Лебедянской—Ингеницкому и Рыбинской—Захарбекову; инспекторамъ народныхъ училищъ губерній: Тверской — Тяжелову и Полтавской—Охрицкому; лектору Императорскаго Московскаго университета Гемиліану; исправляющему должность инспектора Киевскаго реального училища, учителю сего училища Дьяченко; учителямъ

1868
 гимназій: С.-Петербургской второй—Кенигу; Императорскаго человѣколюбиваго общества—Ливанову; Кронштадтской — Титкову; Калужской—Троицкому; Московской пятой—Шато; Орловской—Гейслеру; Императорской Казанской первой—дю-Тресселю и Кіевской первой — Черкунову; учителю Кіевской шестиклассной прогимназіи Давидовичу; учителямъ учительскихъ институтовъ: Московскаго—Вараввѣ и глуховскаго—Олифіерову-Мануйловичу; учителю главнаго нѣмецкаго училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра въ С.-Петербургѣ Зоммеру и старшему учителю Рижской губернской гимназіи Медеру; надворнымъ совѣтникамъ: окружному инспектору С.-Петербургскаго учебнаго округа Фоккову; директору Новочеркасской гимназіи Канскому; директору Порѣцкой учительской семинаріи Гурлади; ординарному профессору Императорскаго Московскаго университета Чупрову; инспектору Тульской гимназіи Гайчману; исполняющему обязанности инспектора Казанской третьей гимназіи, учителю сей гимназіи Ломоносову; инспектору Александровской Серпуховской прогимназіи Симсону; инспекторамъ народныхъ училищъ губерній: С.-Петербургской — Семеко, Ярославской: Ѳедосѣеву и Андреевскому, Орловской — Андрееву и Владимірской: Драницыну и Попову; правителю канцеляріи попечителя Казанскаго учебнаго округа Анлавицу; учителю и воспитателю при пансіонѣ лазаревскаго института восточныхъ языковъ Квицалѣ; учителямъ гимназій: С.-Петербургской ларинской — Бѣлозерову, Елецкой — Клушину, Нижегородской — Розанову и Тамбовской — Медянику; учителямъ реальныхъ училищъ: Московскаго—Глики, Новочеркаскаго — Науману и Динабургскаго — Весину; учителю Симферопольской татарской учительской школы Писаревскому; смотрителямъ и учителямъ двухклассныхъ городскихъ училищъ: Васильковскаго—Лисенко и Черкаскаго—Поволоцкому; штатному смотрителю и учителю Дерптскаго уѣднаго училища Бруттану; учителямъ гимназій: Ревельской губернской — Борбу, Дерптской — Германсону и Митавской — Киммелю, и учителю Баускаго уѣднаго училища Келеру; коллежскимъ ассессорамъ: директору Невсвижской учительской семинаріи Николаевскому; исправляющему должность эктраординарнаго профессора при специальныхъ классахъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ Мурѳосу; инспектору Новочеркасской гимназіи Калмыкову; инспекторамъ народныхъ училищъ губерній: С.-Петербургской—Петрову, Вологодской—Пономареву, Псковской—Ниландеру, Харьковской Иванову и Рязанской—

Екимецкому; учителю Варшавской первой женской гимназіи Левскому; учителю Московскаго реального училища Измайлову, и учителю С.-Петербургской второй прогимназіи Рѣдковскому; почетному попечителю Харьковскаго реального училища, отставному поручику Бразолу; директору народныхъ училищъ Рязанской губерніи, коллежскому секретарю Кормилицыну; неимѣющимъ чиновъ: директору Вытегорской учительской семинаріи Ивану Блюдухо; ординарнымъ профессорамъ Императорскаго Дерптскаго университета: Фердинанду Гершельману и Вильгельму Гершельману; исправляющему должность учителя института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи Оттону Кубицкому; учителямъ мужскихъ гимназій: Варшавскихъ: второй — Владиславу Рудзинскому, пятой — Адаму Машевскому и шестой — Генриху Гольдбергу; Люблинской — Александру Андреевскому и Холмской — Осипу Бачинскому; штатному учителю Варшавской четвертой женской гимназіи и завѣдывающему оною Евгению Стефановичу; исправляющему должность учителя Шавельской гимназіи Владимиру Франкену и наставнику Владимірской учительской семинаріи Семену Полетикѣ.

Св. Анны 3-й степени: статскимъ совѣтникамъ: учителю Тверской гимназіи Кронбергу и учителю С.-Петербургской шестой прогимназіи Гадзядеому; коллежскимъ совѣтникамъ: исправляющему должность инспектора Новгородскаго реального училища Бураковскому; ученому аптекарю Императорскаго Дерптскаго университета Мазингу; заслуженнымъ преподавателямъ гимназій: С.-Петербургской третьей — Кесслеру и Кронштадтской — Вараксину; учителямъ гимназій: Астраханской: Свѣжницкому и Томасу, Житомирской — Шарову, Александровской-Николаевской — Миллеру и Таганрогской — Мальцову; учителямъ прогимназій: С.-Петербургской третьей — Галактионову и Виленской — Сербову и наставнику Карачевской учительской семинаріи Петрову; надворнымъ совѣтникамъ: инспектору Алатырской прогимназіи Кочкину; исполняющему обязанности инспектора Бердянской гимназіи, учителю сей гимназіи Богданову; исполняющему обязанности инспектора Екатеринбургскаго реального училища, учителю сего училища Соловьеву; инспекторамъ народныхъ училищъ: губерній: Вятской — Коробову, Костромской — Алякринскому и Черниговской — Котлярову; учителямъ гимназій: С.-Петербургской третьей — Федотову, Псковской — Прохазкѣ, Николаевской-Царскосельской — Соколову, Московской третьей — Черному, Рязанской — Павлову, Вятской — Шустову, Виленской — Карпинскому,

Одесской третьей—Тимошевскому и Александровской Керченской—Застырецу; учителямъ прогимназій: Вольской—Воздвиженскому и С.-Петербургской шестой—Смирновскому; наставнику владимірской учительской семинаріи Вердеревскому; учителю главнаго нѣмецкаго училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра въ С.-Петербургѣ Федоченко, учителю училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Анны въ С.-Петербургѣ Вестбергу; учителю виленскаго учительскаго института Циклинскому; штатному смотрителю и учителю Игуменскаго уѣднаго училища, Попову; смотрителю и учителю кременецкаго двухкласснаго городскаго училища Мельникову; старшему учителю дерятской гимназіи Трефнеру; учителю с.-петербургской введенской прогимназіи Степанову и сотруднику археографической комисіи министерства народнаго просвѣщенія Рѣшеткину; коллежскимъ ассессорамъ: секретарю совѣта Императорскаго московскаго университета Боголѣпову; исполняющему обязанности инспектора елецкой гимназіи, учителю сей гимназіи Федюшину; инспектору и старшему учителю училища при реформатскихъ церквахъ въ С.-Петербургѣ Тидеману; правителю канцеляріи попечителя дерятскаго учебнаго округа Гейрихсену; учителямъ гимназій: николаевской-царскосельской — Фомилианту и александровской-николаевской Лопухину, младшему наблюдателю главной физической обсерваторіи Горбаченко; исправляющему должность столоначальника канцеляріи попечителя московскаго учебнаго округа Фелицину; инспектору и учителю рижскаго реальнаго для гражданъ училища Бергу; учителю с.-петербургской третьей гимназіи Пономаренко; штатнымъ смотрителямъ уѣздныхъ училищъ: порховскаго Попову; визниковскаго Орлову; тверскаго Купреянову и клисскаго Васильеву; помощнику класныхъ наставниковъ пемировской гимназіи Гребеновскому; учителямъ приготовительныхъ классовъ гимназій: николаевской-царскосельской Соколову и московской четвертой Виноградову и с.-петербургской введенской прогимназіи Энпову; титулярнымъ совѣтникамъ: исправляющему должность директора новинской учительской семинаріи Токаревскому; секретарю управленія учебными заведеніями Туркестанскаго края Недерицѣ; учителямъ гимназій калишской мужской Бальчевскому; Императорскаго человѣколюбимаго общества Швелю; учителю лазаревскаго института восточныхъ языковъ Сивохину и письмоводителю вологодской гимназіи Чевскому; коллежскимъ секретарямъ: директору киржачской учительской семи-

наріи Смирнову; инспектору народныхъ училищъ Тамбовской губерніи Калининъ; наставнику волчанской учительской семинаріи Новоспасскому; старшему учителю дерптской гимназіи Сиптевичу; учителямъ гимназій: с.-петербургской третьей Торопову и аренбургской Фрейтагу; исправляющему должность архитектора Императорской академіи наукъ, губерискому секретарю Больтенгагену; веимѣющимъ чиновъ: инспектору с.-петербургской второй гимназіи Фридриху Гельбке; доценту Императорскаго дерптскаго университета Вольдемару Мазингу; учителямъ гимназій: костромской Ивану Коллянковскому, варшавскихъ мужскихъ: третьей Антону Краевскому и пятой Ивану Новодворскому; радомской мужской Павлу Пюрке и сѣдлецкой мужской Антону Сѣроцинскому; учителю плотскаго реальнаго училища Александру Матушевскому; учителю варшавскаго института глухонѣмыхъ и слѣпыхъ Александру Раковскому; старшему учителю николаевской либавской гимназіи Адольфу Фельдту и учителю варшавской первой женской гимназіи Петру Кедрову.

Св. Станислава 3-й степени: статскимъ совѣтникамъ: учителямъ гимназій: лубенской Серебренникову и тульской Фильковичу и учителю кременчугскаго реальнаго училища Синегубу; коллегскимъ совѣтникамъ: лектору Императорскаго новороссійскаго университета Хонякевичу; учителямъ гимназій: немировской—Вертипороху; оренбургской—Бейвелю и александровской керченской—Касаткину; сверхштатному учителю воронежской гимназіи Ростокъ; воспитателю при пансіонѣ новгородской гимназіи Фишеру; учителямъ реальныхъ училищъ: бѣлоцерковскаго Бушману и Божовскому и александро-маринскаго-саратовскаго Васильеву, учителю ташкентской мужской прогимназіи Пфенниху, штатному учителю холмской учительской семинаріи Милютину и смотрителю и учителю ямпольскаго двухкласнаго городского училища Рклицкому; надворнымъ совѣтникамъ: исполняющему обязанности инспектора полтавской гимназіи, учителю сей гимназіи Павловичу, доцентамъ Императорскихъ университетовъ: московскаго Снегиреву и графа Комаровскому и дерптскаго Вальцу, главному надзирателю ломоносовской семинаріи Милованову, учителямъ гимназій: вологодской Алухину, полтавской Изволинскому, уфимской Викачеву каменець-подольской Мавродіади, харьковской первой Клемму, гродненской Морозову, могилевской Корноухову; херсонской Преображенскому и кишиневской Пилони, учителямъ прогимназій: с.-петербургской введенской Попову и каменской Андриенко, учителю

приготовительнаго класса московской третьей гимназіи Тадеру, учителямъ одесскаго реального училища Шманкевичу и Бучинскому, наставнику благовѣщенской учительской семинаріи Успенскому, врачу кievской первой гимназіи Чешихину, смотрителю и учителю владимирь-волинскаго двух-класснаго городского училища Бережечкому, старшему учителю рижской губернской гимназіи Кольбергу и учителю аренбургской гимназіи Шевбергу; коллежскимъ ассессорамъ: инспектору народныхъ училищъ Вятской губерніи Шишкину, инспектору минской дирекціи народныхъ училищъ Лазареву, учителямъ институтовъ: лазаревскаго восточныхъ языковъ Вегеру и нижегородскаго-александровскаго Поликарпову; учителямъ гимназій, состоящей при историко-филологическомъ институтѣ князя Безбородю въ Нѣжинѣ—Михайловскому; кронштадтской—Керберу; с.-петербургской пятой—Дрбоглаву; новгородскихъ мужской и женской—Восскому; смоленской—Сперанскому; казанской второй—Сухотину; alexандровской ренельской—Клужену; дубенской Кузьменко; alexандровской сумской: Заблоцкому и Неворалу; курской: Цардѣ и Романкевичу; его королевскаго высочества Герцога Эдинбургскаго бѣлгородской—Лебедеву; бердянской—Яковичу и аваньевской—Шадо; учителямъ реальныхъ училищъ: севастопольскаго Вильмену; ливенскаго—Ольшевскому; кишиневскаго—Хевцуріани; сарапульскаго—Вастратову; временчугскаго—Морачевскому и курскаго—Маркову; учителямъ прогимназій: московской первой Софинскому; alexандровской серпуховской Арефьеву, еодосійской—Иванову и одесской первой—Гищенко учителямъ институтовъ; с.-петербургскаго учительскаго—Смирнову и житомирскаго еврейскаго учительскаго—Лобачевскому; почетному смотрителю золотоношскаго уѣднаго училища Иванову; штатному смотрителю и учителю быховскаго уѣднаго училища Свидерскому; смотрителю и учителю липовецкаго двухкласснаго городского училища Ляховечкому; учителямъ гимназій: alexандровской рижской—Каллистову и новгородской—Тарицыну; учителю виленскаго еврейскаго учительскаго института Калугину; штатнымъ смотрителямъ уѣдныхъ училищъ: львовскаго Акулову; задонскаго—Аракину; галичскаго—Левашову; подольскаго—Монюшко и васильскаго—Архангельскому; помощникамъ классныхъ наставниковъ прогимназій: виленской—Трофимову и острожской—Винарскому; учителю вятской маріинской женской гимназіи Кочкину; учителямъ приготовительныхъ классовъ: исковской гимназіи—Стефановичу и с.-петербург-

ской шестой прогимназіи—Дуркину и учителю быховскаго уѣзднаго училища Тимонову; титулярнымъ совѣтникамъ инспектору народныхъ училищъ, состоящей при управленіи кievскаго учебнаго округа инспекціи сихъ училищъ губерній: Кіевской, Подольской и Волынской, Малиновскому; учителямъ реальныхъ училищъ: Красноуфимскаго, Реснянскаго и Сумскаго, Порубиновскаго; почетнымъ смотрителямъ училищъ; Атчинскаго уѣзднаго Смоленскому и петрозаводскаго городского, Симоновичу; столоначальнику канцеляріи попечителя Казанскаго учебнаго округа Исполатовскому; старшему учителю перновской гимназіи Виндеру; учителю Виленскаго еврейскаго учительскаго института Резанову; штатному смотрителю Муромскаго уѣзднаго училища Соболеву; помощнику классныхъ наставниковъ Уфимской гимназіи Левитскому; письмоводителю Пензенской гимназіи и бухгалтеру пансіона Владиславову; учителю, состоящему при Виленскомъ учительскомъ институтѣ городского училища Кудрявцеву; учителю Тверской Маріинской женской гимназіи Кельину; учителю училища при реформатскихъ церквахъ въ С.-Петербургѣ Брокперу; учителямъ приготовительныхъ классовъ гимназій: Императорской казанской первой, Соколову; Смоленской, Любимову и Таганрогской, Сомову; учителю Полтавскаго реального училища, оставшему штабсъ-капитану Стогову; коллежскимъ секретарямъ: исправляющему должность инспектора Брянской прогимназіи Попову; сверхштатному доценту института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи Хлюдзинскому; исправляющему должность экзекутора Императорской академіи наукъ Федорову; лаборанту химической лабораторіи Императорскаго С.-Петербургскаго университета Потилицину; учителямъ гимназій: Нѣжинской — Сребницкому и Орловской Николаевской женской — Азбукину; почетному смотрителю Каргопольскаго двухкласснаго городского училища Ратькову; смотрителю и учителю Уманскаго двухкласснаго городского училища Басенко; чиновнику по счетной части Императорскаго Дерптскаго университета Якобсону; учителю приготовительнаго класса Кіевской третьей гимназіи Слѣсаревскому; помощникамъ классныхъ наставниковъ: Кіевской второй гимназіи, Каховскому; Екатеринбургской гимназіи, Бурдину и Харьковской прогимназіи, Онопріенко-Шелковому; учителю городского при С.-Петербургскомъ учительскомъ институтѣ училища Васильеву; учителямъ приготовительныхъ классовъ гимназій: Ковенской Измайлову; Александровской Керченской Филиппову; Кишиневской, Комарницкому и Симферопольской,

Константинову и учителю Ревельскаго уѣзднаго училища Паукеру; губернскимъ секретарямъ: учителю Екатеринбургскаго реальнаго училища Болдыреву; младшему помощнику бібліотекаря втораго отдѣленія бібліотеки Императорской академіи наукъ Ламбину; учителю Одесской второй гимназіи фонъ-Венетту и помощнику классныхъ наставниковъ Курской гимназіи Попову; помощнику классныхъ наставниковъ Елатомской прогимназіи, коллежскому регистратору Попову; неимѣющимъ чиновъ: секретарю совѣта и правленія Императорскаго Варшавскаго университета Ивану Смигельскому; исправляющему должность экстраординарнаго профессора историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ Антону Добіашу; исполняющимъ обязанности инспекторовъ гимназій, учителямъ гимназій: его королевскаго высочества Герцога Эдинбургскаго, Бѣлгородской Юлію Эслингеру и тамбовской—Григорію Холодному; исправляющему должность инспектора Сергіевскаго псковскаго реальнаго училища Михаилу Бутлерову; инспектору училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Анны въ С.-Петербургѣ Адольфу Бергману; исправляющему должность инспектора чувашскихъ школъ Казанскаго учебнаго округа Ивану Яковлеву; инспектору народныхъ училищъ Курской губерніи Владиміру Мюнне; законоучителю евангелическаго исповѣданія Варшавской третьей женской гимназіи Адольфу Фровейну; учителямъ гимназій: С.-Петербургскихъ: второй—Юсифу Козичу, Михаилу Свирѣлину и Юсифу Клеменчичу; пятой—Николаю Карповичу и Ларинской—Антону Колоколову; Николаевской Царскосельской—Николаю Добровольскому; Олонецкой Павлу Виноградову; Московскихъ: первой—Николаю Фохту; второй—Михаилу Владиславлеву и Степану Рожанковскому и четвертой—Петру Писареву; Орловской—Михаилу Полидорову; Владимірскихъ мужской и женской—Андрею Истомину; Тульской—Отто Дрейеру; Вятской—Анатолю Казарянову; Казанской третьей—Дмитрію Адамантову; Черниговской—Владиміру Колодѣю; Екатеринбургской—Эдуарду Мартену; Харьковской первой—Ричарду Шерцелю; Усть-медвѣдичкой—Михаилу Суханову; Ковенской—Дмитрію Струменскому; Минской—Ивану Далаку; Витебской—Алексѣю Сапунову; Кишиневской—Ивану Маркову; Аваньевской—Владиміру Охрѣменко; Симферопольской—Алоизію Кашпару и Алексѣю Перлштейну; Бердянской—Павлу Немировичу-Данченко; Варшавской третьей мужской—Александрѣ Антульскому; Ломжинской мужской—Александрѣ Вейсу и Одесской маринской женской—Адольфу Дрен-

геру; штатному учителю Варшавской четвертой женской гимназіи Константину Клодницкому; исправляющему должность учителя Ковенской гимназіи Карлу Зембергу; учителямъ реальныхъ училищъ: С.-Петербургскаго втораго: Эдуарду Михельсону и Фодору Мышковскому, новгородскаго—Николаю Тильтину, череповскаго: Александру Демскому и Фодору Лаврову, сергіевскаго псковскаго—Ивану Введенскому, сызранскаго—Никтополіону Корякову, сумскаго—Андрею Маевскому и бѣлостокскаго—Павлу Двукраеву; учителямъ прогимназій: С.-Петербургской четвертой—Александру Якубову, Шуйской—Іосифу Янгускѣ, бѣльской—Николаю Оболенскому, ржевской—Ивану Смирнову, гомельской—Ивану Коссову прилуцкой: Владиміру Мокржицкому, и Василию Якувскому, суражской—Викторію Сульжикову, воронежской: Вячеславу Волевскому и Петру Косыхъ и вѣрненской женской, исправляющему должность инспектора сей прогимназіи—Евгенію Груздеву; исправляющему должность учителя бѣльской прогимназіи, Константину Казанцеву; штатному учителю кѣледкой женской прогимназіи, завѣдывающему оною Льву Соловьеву; старшимъ надзирателямъ пансіона лица Цесаревича Николая: Фердинанду Георгу Мею и Карлу Булье; наставникамъ учительскихъ семинарій: вольской—Платону Пѣснописцеву, плочкой—Михаилу Каминскому, новоторжской: Владиміру Флерову и Николаю Горѣлову, и преславльской—Александру Пацановскому; учителю острожскаго женскаго графа Блудова училища, Фодору Кутневичу; учителю московскаго учительскаго института Нилу Колосову; врачу тотемской учительской семинаріи Николаю Вишнякову; учителямъ, инспекторамъ городскихъ училищъ: С.-Петербургскаго андреевскаго—Павлу Вересову, петрозаводскаго—Агѣю Котикову, новгородскаго—Александру Собољникову, ярославскаго—Петру Лебедеву, духовщинскаго—Василію Вахтерову и вяземскаго—Василію Рождественскому, лаборанту института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи Антону Орловскому; помощникамъ классныхъ наставниковъ прогимназій: С.-Петербургской третьей—Ивану Кириановичу и устюженской—Николаю Васильеву; письмоводителю варшавской шестой мужской гимназіи Юліану Бояновичу и учителямъ городскихъ училищъ: петрозаводскаго—Николаю Кокушкину и варшавскаго приходскаго—Граціану Адаму Хмѣлевскому.

IV. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (5-го августа 1878 г.). Положеніе о стипендіи имени Императора Александра I при Олонецкой гимназій.

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія товарищемъ министра).

1) Съ Высочайшаго Государя Императора соизволенія, послѣдовавшаго въ 21-й день марта 1878 г., при Олонецкой гимназій учреждается стипендія на счетъ процентовъ съ капитала въ 300 руб., пожертвованнаго Петрозаводскою городскою думою въ память столѣтія со дня рожденія императора Александра I, съ наименованіемъ оной „Александровскою“, въ память незабвенныхъ благодѣяній для г. Петрозаводска Александра I.

2) Означенный капиталъ, въ 5%⁰/₀ билетахъ государственнаго банка, хранится въ Петрозаводскомъ губерискомъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ Олонецкой гимназій, составляя неотъемлемую собственность заведенія и оставаясь на вѣчныя времена неприкосновеннымъ.

3) Проценты съ означеннаго капитала получаютъ директоромъ Олонецкой гимназій и употребляются на уплату за обученіе въ гимназій одного стипендіата.

4) Право избранія стипендіата предоставляется Петрозаводской городской думѣ; право же смѣненія со стипендіи за неодобрительное поведеніе и безуспѣшность принадлежитъ педагогическому совѣту Олонецкой гимназій.

2. (29-го августа 1878 г.). Положеніе о стипендіи имени Императора Александра I при Устюженской мужской прогимназій.

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія товарищемъ министра).

1) Стипендія имени Императора Александра I-го учреждается Устюженскою городскою думою при Устюженской мужской прогимназій на проценты съ капитала 1100 р., пожертвованнаго на этотъ предметъ городомъ, въ память двукратнаго посѣщенія г. Устюжны въ Бозѣ почившимъ Государемъ Императоромъ и въ ознаменованіе исполвившагося столѣтія со дня рожденія Его Величества.

2) На учрежденіе этой стипендіи послѣдовало 21-го марта 1878 г. Высочайшее соизволеніе.

3) Капиталь, обезпечивающій означенную стипендію, заключается въ облигаціяхъ Восточнаго займа, которыя, составляя неприкосновенную собственность Устюженскоѣ прогимназіи, хранятся въ уѣздномъ казначействѣ въ специальныхъ средствахъ прогимназіи. Проценты съ означеннаго капитала берутся учебнымъ начальствомъ прогимназіи по полугодіямъ и выдаются стипендіату помѣсячно. Если стипендіатъ не освобожденъ отъ платы за право ученія, то изъ полученныхъ денегъ удерживается та часть, которая слѣдуетъ за право ученія и вносится въ установленные сроки въ прогимназію; остальные же деньги выдаются стипендіату помѣсячно.

4) Стипендіею имѣетъ право пользоваться воспитанникъ Устюженской прогимназіи, сынъ одного изъ бѣднѣйшихъ постоянныхъ жителей города, отличающійся успѣхами и поведеніемъ.

5) Выборъ стипендіата предоставляется педагогическому совѣту прогимназіи. Педагогическій совѣтъ выбираетъ въ кандидаты на стипендію двухъ или нѣсколькихъ достойнѣйшихъ и бѣднѣйшихъ учениковъ, если таковыя найдутся и сообщаетъ объ этомъ городской думѣ, которая и даетъ свое согласіе на избраніе одного изъ нихъ. Если же не найдется двухъ или нѣсколькихъ достойнѣйшихъ учениковъ, то педагогическій совѣтъ избираетъ одного стипендіата и сообщаетъ о томъ городской думѣ.

6) Въ случаѣ временнаго незамѣщенія означенной стипендіи, проценты съ капитала, оставшіеся невыданными въ видѣ стипендіи, обращаются въ пособіе вновь поступающему стипендіату.

7) При выборѣ стипендіата наблюдается, чтобы избраніе происходило по истеченіи полугодія.

3. (7-го сентября 1878 г.). Правила составленія, храненія и употребленія особаго капитала, принадлежащаго Обществу вспомошествованія нуждающимся ученикамъ С.-Петербургской шестой гимназіи и назначеннаго, съ Высочайшаго разрѣшенія, послѣдовавшаго 14 августа 1878 г. на воспитаніе въ этой гимназіи одного изъ сиротъ офицеровъ, павшихъ въ войнѣ съ турками.

(Утверждены г. управившимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія товарищемъ министра.)

§ 1. Капиталь составляется какъ изъ пожертвованій членовъ об-

щества, лицъ, къ нему не принадлежащихъ, такъ и другими путями, изыскиваемыми правленіемъ общества.

§ 2. Суммы, назначенныя на воспитаніе такого сироты, по обращеніи въ государственныя или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги, находятся въ вѣдѣніи правленія общества и хранятся, на основаніи § 10 устава общества, но не сливаются съ другими суммами этого общества и по нимъ ведется особая отчетность, на основаніи отчетности, опредѣленной уставомъ общества.

§ 3. До составленія капитала въ 2,000 р., съ котораго проценты достаточны не только на уплату за право обученія сироты въ гимназій, но на его одежду и учебныя пособія, всѣ единовременныя пожертвованія, по обращеніи въ поименованныя выше процентныя бумаги, остаются неприкосновенными вмѣстѣ съ процентами на нихъ.

§ 4. Пожертвованія лицъ, обязавшихся вносить ихъ ежегодно, за отчисленіемъ въ неприкосновенный капиталъ 10%, обращаются съ августа 1878 г. на плату за обученіе въ шестой гимназій сына одного изъ офицеровъ русской арміи (въ общемъ, а не въ частномъ смыслѣ), убитыхъ или умершихъ отъ ранъ, полученныхъ въ нынѣшнюю 1877—1878 г. войну противъ турокъ, независимо отъ народности и религіи, къ которымъ принадлежатъ сироты.

§ 5. Остатокъ такихъ ежегодныхъ пожертвованій, за отчисленіемъ 10% въ неприкосновенный капиталъ обращается на доставленіе такому сиротѣ одежды, учебныхъ пособій, и, если будетъ возможно, и на содержаніе сироты у родныхъ или у посторонняго лица, извѣстнаго своею добросовѣстностью правленію общества или педагогическому совѣту шестой гимназій.

§ 6. Взносъ пожертвованій лицъ, обязавшихся вносить ежегодно извѣстную сумму, можетъ быть раздѣленъ на два срока: къ 15 августа и 15 января съ льготнымъ мѣсяцемъ; не внесеніе и въ льготный мѣсяцъ считаются выбывшими, а не внесенное ими пожертвованіе, если сумма годичнаго взноса не будетъ достигать ста руб., распределяется между членами правленія общества, по взаимному соглашенію. Педагогическому совѣту шестой гимназій предоставляется право принять и на себя часть этихъ взносовъ.

§ 7. По составленіи неприкосновеннаго капитала въ 2000 р., процентами съ которыхъ уплачивается плата за обученіе, приобрѣтеніе одежды и учебныхъ пособій, ежегодныя пожертвованія обращаются:

а) на содержаніе сироты у его родныхъ или у лица, означеннаго § 5,

полагая на это не болѣе 25 р, въ мѣсяць, и б) на увеличеніе основнаго капитала.

§ 8. Съ августа 1878 г. неизрасходованная въ теченіе года сумма (за отсутствіемъ желающихъ воспользоваться ею согласно съ ея назначеніемъ) ежегодныхъ взносовъ съ наросшими на нее процентами, обращается въ основной капиталъ, назначенный на воспитаніе такого рода сироты.

§ 9. Никакихъ расходовъ, кромѣ непосредственно касающихся пользы избраннаго сироты, какъ изъ основнаго капитала, такъ и изъ ежегодныхъ взносовъ производиться не можетъ; расходы на печатаніе отчета, объявленій, почтовые и пр. производятся или на личные средства лицъ правленія, или изъ общей суммы общества.

§ 10. По мѣрѣ увеличенія капитала увеличивается и число сиротъ, принимаемыхъ на свое попеченіе обществомъ.

§ 11. По выходѣ изъ возраста сиротъ, оставшихся послѣ офицеровъ, павшихъ въ нынѣшнюю войну, весь капиталъ присоединяется къ общимъ суммамъ общества и расходуетъ на основаніи устава.

§ 12. Для замѣщенія вакансіи такого ученика, правленіе входитъ въ сношеніе съ учрежденіемъ, которому ввѣрено устройство семействъ воиновъ, павшихъ на полѣ брани, и если будетъ въ числѣ указанныхъ сиротъ близкій родственникъ кого нибудь изъ учившихъ или учившихся въ С.-Петербургской шестой гимназіи, то ему отдается преимущество передъ другими. Избранный стипендіатъ, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 14-го августа 1878 г., называется стипендіатомъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Цесаревны Маріи Феодоровны.

4. (28-го сентября 1878 г.). Положеніе о стипендіи „памяти Евгенія Стахѣева“ при 6-й С.-Петербургской прогимназіи.^н
(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія товарищемъ министра).

1. Съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго въ 19 день сентября 1878 года учреждается при 6-ой С.-Петербургской прогимназіи одна стипендія на счетъ процентовъ съ пожертвованнаго женою титулярнаго совѣтника Любовью Константиновою Стахѣевою капитала въ 1000 р.

2. Означенный капиталъ, заключающійся въ билетѣ перваго Восточнаго займа въ тысячу рублей за № 77815, хранится неприкосновеннымъ въ числѣ специальныхъ средствъ названной прогимназіи.

3. Избранному на эту стипендію ученику присвоивается наименование „стипендіата памяти Евгенія Стахѣва“.

4. Стипендія назначается вся сполна одному достойнѣйшему бѣдному ученику 6-й С.-Петербургской прогимназіи, а не многимъ вмѣстѣ. Выборъ этого ученика, а равно и лишеніе его этой стипендіи и замѣщеніе оной другимъ ученикомъ, предоставляется усмотрѣнію педагогическаго совѣта прогимназіи.

5. На полученіе стипендіи „памяти Евгенія Стахѣва“ имѣютъ право только дѣти христіанскихъ исповѣданій.

6. Въ случаѣ выхода поименованнаго выше билета Восточнаго займа за № 77815 въ тиражъ, педагогическій совѣтъ пріобрѣтаетъ въ замѣнъ онаго новый таковой же билетъ или какія-либо другія процентныя бумаги изъ числа поименованныхъ въ Высочайше утвержденномъ 28-го мая 1876 г. положеніи комитета гг. министровъ. Могущій же произойти отъ такового обмѣна остатокъ употребляется въ пользу бѣдныхъ учениковъ, по усмотрѣнію педагогическаго совѣта.

5. (7-го Октября 1878 г.). Положеніе о стипендіяхъ маіора Максима Павловича Подколзина при Воронежской мужской гимназіи на капиталъ въ 100,000 р.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) При Воронежской мужской гимназіи учреждается на проценты изъ ста тысячъ руб. внесенныхъ на вѣчное время въ Харьковскій городской купеческій банкъ губернскимъ секретаремъ Федоромъ Никитичемъ Морозовымъ, отъ имени вдовы статскаго совѣтника Анны Максимовны Быковской, двадцать шесть стипендій, по двѣсти пятьдесятъ руб. каждая. Стипендіи эти, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 27-го августа 1875 г., именуются стипендіями маіора Максима Павловича Подколзина, по имени отца жертвовательницы.

2) Стипендіатами могутъ быть только лица православнаго исповѣданія и русскіе подданные.

3) Стипендіями имени Подколзина должны пользоваться преимущественно сироты и дѣти бѣднѣйшихъ родителей, безъ различія сословій, но безусловными стипендіатами должны быть: дѣти ротмистра Александра Христофоровича Гаушильдтъ, коллежскаго ассесора Ивана Степановича Сovenко, коллежскаго секретаря Ивана Николаевича Карташева, смотрителя Ровенскаго почтоваго отдѣленія Василя Федоровича Родченко, сыновья Яковъ и Иванъ Житомирскаго мѣщанина

Валентина Михайловича Кузьминскаго, и одинъ изъ сыновей Старобѣльскаго мѣщанина Ивана Алексѣевича Соколова, Максимъ.

4) Изъ числа стипендій двѣ отдаются пожизненно въ распоряженіе губернскаго секретаря Ѳедора Никитича Морозова, которому предоставляется право назначать стипендіатовъ по своему усмотрѣнію, безъ всякихъ ограниченій въ выборѣ ихъ, при чемъ Морозову предоставляется право давать и назначеніе тѣмъ деньгамъ, какія образуютъ остатки, если представленныя въ его распоряженіе стипендіи будутъ оставаться нѣкоторое время незанятыми.

5) Замященіе остальныхъ стипендій, согласно волѣ покойной Быковской, предоставляется усмотрѣнію педагогическаго совѣта Воронежской гимназіи, при чемъ совѣтъ руководствуется основаніями, изложенными выше въ пп. 2 и 3 и, если признаетъ почему-либо нужнымъ, приглашаетъ въ засѣданія, назначенныя для избранія стипендіатовъ, учредителя стипендій Ѳедора Никитича Морозова или входитъ съ нимъ въ письменныя сношенія.

6) Стипендіаты помѣщаются преимущественно, а сироты исключительно, въ пансіонѣ при гимназіи, съ платою за cadaго по 250 руб. въ годъ, и только по особо-уважительнымъ причинамъ, каждый разъ съ разрѣшенія педагогическаго совѣта гимназіи, при согласіи на то Ѳедора Никитича Морозова, могутъ быть выдаваемы стипендіи, въ томъ же разрѣѣ на руки родителямъ стипендіатовъ, или лицамъ, уполномоченнымъ родителями, въ сроки, какіе признаетъ удобными учебное начальство.

7) Воспитанникъ, разъ удостоенный стипендію, можетъ быть лишенъ ея только тогда, когда онъ, по правиламъ учебнаго заведенія, подлежитъ совершенному исключенію изъ заведенія.

8) Имѣющіе образоваться остатки, по неполному комплекту стипендіатовъ или по другимъ причинамъ, должны дѣлиться, по окончаніи cadaго года, на двѣ равныя части, изъ которыхъ одна причисляется къ основному капиталу на стипендіи въ гимназіи, назначеніе которыхъ предоставляется усмотрѣнію педагогическаго совѣта, безъ всякихъ ограниченій, постановленныхъ въ настоящихъ условіяхъ, а другая часть употребляется: а) по постановленію педагогическаго совѣта гимназіи—на первоначальное обзаведеніе въ пансіонѣ вновь поступившихъ стипендіатовъ и б) съ разрѣшенія высшаго начальства—на приобрѣтеніе ученыхъ и учебныхъ пособій для гимназіи и вообще на нужды гимназіи и пансіона.

9) Если по указанію опыта, встрѣтится надобность въ измѣненіи

или дополненія настоящихъ правилъ, то совѣту гимназіи предоставляется право ходатайствовать о соответственныхъ измѣненіяхъ; но положенія, выраженныя въ пп. 2 и 3, измѣняемы быть не могутъ.

6. (27-го октября 1878 г.). Положеніе о стипендіи статскаго совѣтника Владиміра Павловича Макина, при Костромской гимназіи.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) Завѣщанная вдовою статскаго совѣтника Марією Федотовною Макиною, по духовному завѣщанію, утвержденному С.-Петербургскимъ окружнымъ судомъ, сумма три тысячи руб. назначается для учрежденія при Костромской гимназіи стипендіи имени покойнаго мужа ея, статскаго совѣтника Владиміра Павловича Макина.

2) Капиталъ этотъ, обращенный въ 5⁰/₁₀₀ банковые билеты, хранится въ Костромскомъ губернскомъ казначействѣ, на одинаковыхъ основаніяхъ вмѣстѣ съ другими суммами, и составляетъ неприкосновенную собственность гимназіи. Проценты съ капитала, въ количествѣ ста пятидесяти руб. въ годъ, употребляются на содержаніе стипендіата.

3) Стипендіатъ избирается, по опредѣленію педагогическаго совѣта Костромской гимназіи, преимущественно изъ дѣтей крестьянъ, бывшихъ крѣпостныхъ людей покойнаго статскаго совѣтника Владиміра Павловича Макина, а за неимѣніемъ таковыхъ крестьянскихъ дѣтей,—изъ сиротъ бѣднѣйшихъ мѣстныхъ городскихъ обывателей, заслуживающихъ пособія по своимъ успѣхамъ и поведенію. Выборъ представляется на утвержденіе начальства Московскаго учебнаго округа.

4) По количеству процентовъ съ капитала представляется возможность избираемаго стипендіата содержать въ состоящемъ при гимназіи пансіонѣ, если родители, воспитатели или родственники найдутъ для себя возможнымъ къ получаемымъ съ капитала процентамъ—150 руб. ежегодно вносить добавочныя деньги, соответственно взимаемой въ пансіонѣ платѣ, на содержаніе и первоначальное обзаведеніе воспитанника; при несогласіи же на то родителей и воспитателей, проценты съ капитала должны быть выдаваемы имъ на руки, по ассигновкамъ директора гимназіи, въ началѣ cadaго полугодія, по 75 руб. въ одинъ разъ.

5) Какъ при выборѣ стипендіата исключительное вниманіе обращается на успѣхи и поведеніе избираемаго, то при значительномъ

пониженіи успѣховъ къ концу учебнаго года, зависящемъ не отъ болѣзни или причинъ, признанныхъ педагогическимъ совѣтомъ гимназій вполне уважительными, или при неудовлетворительности поведенія, педагогическому совѣту, съ разрѣшенія начальства Московскаго учебнаго округа, предоставляется право лишать стипендіи такого стипендіата, въ которомъ будетъ замѣчена вышеуказанная перемѣна къ худшему и опредѣлять на мѣсто его другаго, болѣе достойнаго.

6) Могущіе образоваться по какому-либо случую остатки отъ процентовъ должны храниться на особомъ счету, и изъ этихъ остатковъ, по постановленію педагогическаго совѣта, съ утвержденіемъ попечителя Московскаго учебнаго округа, могутъ выдаваться особыя пособия окончившимъ вполне успѣшно гимназическій курсъ стипендіатамъ Макина.

7) По окончаніи въ заведеніи курса, стипендіатъ не подлежитъ никакимъ обязательствамъ.

8) Стипендія эта учреждается съ Высочайшаго разрѣшенія, послѣдовавшаго 17-го октября 1878 г.

7. (27-го октября 1878 года). Положеніе о стипендіи при Ярославской губернской гимназій имени статскаго совѣтника Владиміра Павловича Макина.

(Утвѣждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) При Ярославской гимназій учреждается съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго 17-го октября 1878 г., стипендія имени статскаго совѣтника Владиміра Павловича Макина, на счетъ процентовъ съ капитала въ 3,000 р., отказаннаго вдовою его, по духовному завѣщанію, утвержденному С.-Петербургскимъ окружнымъ судомъ.

2) Пожертвованный капиталъ хранится въ Ярославскомъ губернскомъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ Ярославской гимназій, составляя неотъемлемую собственность заведенія и оставаясь на вѣчныя времена неприкосновеннымъ. Проценты съ оного 150 р. ежегодно употребляются на означенную стипендію.

3) Выборъ стипендіата предоставляется педагогическому совѣту гимназій и утверждается попечителемъ округа. Стипендіатъ (одинъ или нѣсколько) избирается преимущественно изъ дѣтей крестьянъ, бывшихъ крѣпостныхъ людей покойнаго статскаго совѣтника Владиміра Павловича Макина, а за неимѣніемъ таковыхъ крестьянскихъ дѣтей—изъ сиротъ бѣднѣйшихъ мѣстныхъ городскихъ обывателей.

4) Проценты съ означеннаго капитала обращаются въ уплату за

ученіе стипендіата, на покупку учебныхъ книгъ для него, на одежду и обувь, и въ случаѣ остатка, на уплату части за содержаніе и квартиру.

5) Стипендіатъ пользуется стипендіею до окончанія курса ученія или до выхода его по какимъ-либо причинамъ изъ гимназій, но и во время пребыванія его въ заведеніи можетъ быть лишень стипендіи за малоусидѣнность въ наукахъ, зависящую не отъ болѣзни или причинъ, признанныхъ педагогическимъ совѣтомъ вполне уважительными, или за неодобрительное поведеніе, вслѣдствіе опредѣленія о томъ педагогическаго совѣта и съ утвержденія попечителя Московскаго учебнаго округа.

6) По окончаніи въ заведеніи курса, стипендіатъ не подлежитъ никакимъ обязательствамъ.

7) Могущіе образоваться остатки отъ процентовъ должны храниться на особомъ счету и изъ нихъ, по постановленію педагогическаго совѣта, съ утвержденіемъ попечителя Московскаго учебнаго округа, могутъ выдаваться особія пособія окончившимъ вполне успѣшно гимназическій курсъ стипендіатамъ Макина.

У. ПРИКАЗЫ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

9-го декабря 1878 года. (№ 18). Утверждаются: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, тайный совѣтникъ Ковальскій — вновь деканомъ физико-математическаго факультета сего университета, со 2-го августа 1878 года, на три года.

Ординарные профессора Императорскаго Казанскаго университета, действительные статскіе совѣтники Эйрсовъ и Ковалевскій — деканами сего университета: первый — историко-филологическаго факультета, съ 9-го сентября 1878 по 17-е августа 1880 года, а второй — медицинскаго факультета, съ 16-го сентября 1878 года, на три года.

Ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, статскій совѣтникъ Надлеръ — вновь деканомъ историко-филологическаго факультета сего университета, съ 11-го сентября 1878 года, на три года.

Ординарный профессоръ Демидовскаго юридическаго лица, докторъ государственнаго права Дитятинъ — ординарнымъ профессоромъ
часть сси, отд. 1.

Императорскаго Харьковскаго университета, по кафедрѣ исторіи русскаго права, съ 11-го ноября 1878 года.

Экстраординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, докторъ арабской словесности, статскій совѣтникъ Гиргасть—ординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ арабской словесности, съ 16-го октября 1878 года.

Экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, докторъ славянской филологіи, коллежскій совѣтникъ Первольфъ—ординарнымъ профессоромъ сего университета по занимаемой имъ кафедрѣ славянской филологіи.

Доцентъ Императорскаго университета св. Владимира, докторъ русской исторіи, коллежскій совѣтникъ Антоновичъ—ординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ русской исторіи, съ 29-го мая 1878 года.

Исправляющій должность директора народныхъ училищъ Калужской губерніи, коллежскій секретарь Унковскій—въ настоящей должности.

Инспекторъ Могилевской дирекціи народныхъ училищъ, коллежскій совѣтникъ Поповъ исправляющимъ должность директора Виленской дирекціи народныхъ училищъ.

Исполняющій обязанности инспектора въ Омской гимназіи, преподаватель сей гимназіи, коллежскій совѣтникъ Сциборскій—директоромъ Омской гимназіи.

Старшій учитель лицея Цесаревича Николая Лавровскій—директоромъ Московской 6-й гимназіи.

Исправляющіе должность директоровъ реальныхъ училищъ: Тульскаго, коллежскій совѣтникъ Зерновъ, и Камышинскаго, титулярный совѣтникъ Германъ—въ настоящихъ должностяхъ.

Членъ временной Комисіи по устройству Виленской публичной бібліотеки, съ состоящимъ при ней музеемъ, и по завѣдыванію оными, статскій совѣтникъ Гвайта—директоромъ Вѣлостокскаго реального училища.

Дѣйствительные статскіе совѣтники Мандерштернъ и Бѣлуха-Кохановскій, статскій совѣтникъ Синадскій, коллежскій совѣтникъ Волковъ, коллежскій ассессоръ Алексенко, титулярный совѣтникъ Поповъ и гвардіи подпоручикъ Томара—членами попечительства Полтавскаго реального училища, на три года.

Членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, тайный совѣт-

никъ Батюшковъ—почетнымъ попечителемъ Устюженской прогимназіи, на три года.

Инспекторъ Рыбинской прогимназіи, коллежскій совѣтникъ Захарбековъ—директоромъ сей прогимназіи.

Опредѣляется: потомственный почетный гражданинъ, 1-й гильдіи купецъ Соловьевъ—почетнымъ попечителемъ Киржачской учительской семинаріи, Владимірской губерніи, съ 4-го ноября 1878 года.

Переводится на службу по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія: преподаватель Черниговской духовной семинаріи, коллежскій секретарь Лилеевъ, съ назначеніемъ исправляющимъ должность наставника студентовъ историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ, съ 17-го ноября 1878 года.

Оставляются на службѣ: на три года: Директоръ Могилевской гимназіи, статскій совѣтникъ Фурсовъ, съ 19-го октября 1878 года.

На пять лѣтъ: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, тайный совѣтникъ Ковальскій, со 2-го августа 1878 года.

Исправляющій должность ординарнаго профессора въ Лазаревскомъ институтѣ восточныхъ языковъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Эминъ, съ 7-го октября 1878 года.

Директоръ народныхъ училищъ Пермской губерніи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Чоглоковъ, съ 26-го октября 1878 года.

Увольняются въ отпускъ: въ Россіи: на зимнее вакаціонное время 1878 года: Директоръ Сувалкской мужской гимназіи Михайловскій—въ С.-Петербургъ и Нѣжинъ.

На восемнадцать дней: Начальникъ Варшавской учебной дирекціи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Щебальскій — въ С.-Петербургъ.

Съ 15-го декабря 1878 года по 7-е января 1879 года: Директоръ Виленскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ Голубиновъ—въ С.-Петербургъ, по болѣзни.

На двадцать девять дней: Начальникъ Плоцкой учебной дирекціи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Захаровъ—въ С.-Петербургъ.

За границу: съ 20-го декабря 1878 по 8-е января 1879 года: лекторъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, коллежскій совѣтникъ Тернеръ.

На двадцать восемь дней: ординарный профессоръ Император-

скаго Новороссійскаго университета, статскій совѣтникъ Ковалевскій и учитель Александровской Керченской гимназіи Шушакъ; изъ нихъ Ковалевскій по болѣзни.

На одинъ мѣсяць: преподаватель С.-Петербургскаго втораго реальнаго училища, священникъ Мордрелль, по болѣзни.

На зимнее вакаціонное время 1878 года: учитель Варшавской первой мужской гимназіи, статскій совѣтникъ Роде и классная дама Варшавской второй женской гимназіи Щебальская.

На зимнее вакаціонное время 1878 года и двадцать девять дней: ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Гельмлингъ.

Объявляется признательность министерства народнаго просвѣщенія: Уфимскому губернскому предводителю дворянства, въ званіи камеръ-юнкера, статскому совѣтнику Новикову—за плодотворную его дѣятельность на пользу устроеннаго имъ пансіона для учениковъ Уфимской гимназіи.

Валдайскому уѣздному предводителю дворянства, коллежскому секретарю Кршвицкому—за усердную и полезную дѣятельность его по народному образованію въ Валдайскомъ уѣздѣ.

Почетному понечителю Новочеркасскаго реальнаго училища, отставному есаулу Иловайскому—за пожертвованія его въ пользу сего училища.

Члену Рыльскаго уѣзднаго училищнаго совѣта Деменкову—за усердіе его на пользу Рыльскихъ приходскихъ училищъ.

Законоучителю Промзипскаго двухкласснаго училища, Алатырскаго уѣзда, священнику Кудѣевскому—за усердное отношеніе его къ дѣлу народнаго образованія.

Доктору Борнгауту въ Ригѣ—за продолжительную и полезную его педагогическую дѣятельность.

Увольняются, согласно прошеніямъ: ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Никольскій—отъ должности декана медицинскаго факультета сего университета, съ 16-го сентября 1878 года.

Заслуженный экстраординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Окатовъ—отъ службы при семъ университетѣ, съ 23-го сентября 1878 года.

Директоръ Виленской дирекціи народныхъ училищъ, статскій совѣтникъ Снитко и директоръ Вѣлостокскаго реальнаго училища,

статскій совѣтникъ Рончевскій—отъ службы, съ дозволеніемъ имъ носить въ отставкѣ мундирный полукафтани, послѣдней должности присвоенный; изъ нихъ Рончевскій съ 23-го ноября 1878 года.

Исключаются изъ списковъ умершіе: ординарный академикъ Императорской академіи наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности князь Вяземскій, ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, тайный совѣтникъ Ковалевскій и директоръ народныхъ училищъ Черниговской губерніи, статскій совѣтникъ Кулжинскій.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено: — „атласъ географическихъ сѣтокъ съ очерченіемъ материковъ изд. картографическаго заведенія А. Ильина С.-Петербургъ 1875 г., цѣна 30 к.—допустить въ видѣ пособія для гимназій, мужскихъ и женскихъ и для реальныхъ училищъ.

— Книгу „Русская хрестоматія. Изд. 17 безъ перемѣны. Т. I. Проза. Соч. А. Галахова. С.-Петербургъ, 1879 г.“ — одобрить какъ учебное пособіе для мужскихъ и женскихъ гимназій, реальныхъ училищъ, учительскихъ институтовъ и учительскихъ семинарій.

— Книгу „Бытъ Грековъ и Римлянъ. Соч. Ф. Ф. Велишскаго. Переводъ съ чешскаго членовъ кievскаго отдѣленія общества классической филологіи и педагогики, подъ редакціею И. Я. Ростовцева. Выпуски I, II, III и IV. Прага, 1878 г.“—рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ библиотекъ гимназій, прогимназій и реальныхъ училищъ, а также для раздачи преуспѣвающимъ воспитанникамъ высшихъ классовъ гимназій и прогимназій министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Соловъ и его стихотворенія. Историко-филологическое изслѣдованіе О. Гордіевича. Варшава 1877 г.“—одобрить для фундаментальныхъ библиотекъ гимназій министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Теоретическая, практическая и аналитическая химія, въ приложеніи къ искусствамъ и промышленности, Мусиратта. Переводъ со втораго и третьяго нѣмецкаго изданія. Редація и дополне-

нія проф. Киттары. Томъ первый. Съ 288 политипажамп. Москва — С.-Петербургъ 1868—1878. Цѣна 7 руб.; съ пересылкою 8 р. 50 к.“— рекомендовать для фундаментальныхъ библіотекъ реальныхъ училищъ.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Государь Императоръ по всеподданнѣйшему докладу Г. Министра Народнаго Просвѣщенія въ 10 день текущаго Января Высочайше соизволилъ, въ виду измѣнившихся мѣстныхъ условий г. Омска освободить Главнаго Инспектора училищъ западной Сибири отъ обязанности участвовать въ Попечительномъ Совѣтѣ Омской женской, почетныхъ гражданъ Поповыхъ, гимназіи, а преподавателя, въ качествѣ инспектора, отъ предсѣдательства въ педагогическомъ совѣтѣ этого заведенія и возложить сіи обязанности, согласно §§ 10 и 17 положенія о женскихъ гимназіяхъ и общему порядку, существующему въ сихъ заведеніяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, на Директора Омской мужской гимназіи.

—Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. министра, Народнаго Просвѣщенія въ 10 день текущаго января Высочайше соизволилъ: 1, на присвоеніе двухклассному начальному народному училищу Министерства Народнаго Просвѣщенія въ селѣ Владимірскомъ, Вышневолоцкаго уѣзда, Тверской губерніи, наименованія Алексѣевско-Сназинскимъ училищемъ, съ тѣмъ, чтобы ежегодно 9-го января, 16-го апрѣля, 20-го октября и 13 ноября были совершаемы панихиды въ училищѣ въ память покойныхъ мужа и сына жертвовательницы Сназиной и 2, на учрежденіе при этомъ училищѣ званія почетнаго блюстителя, съ тѣмъ, чтобы на сію должность, былъ назначенъ сынъ жертвовательницы Владиміръ Сназинъ, по смерти же его, это званіе оставалось за семействомъ покойнаго мужа вдовы Сназиной, если кто-либо изъ родныхъ его изъявитъ согласіе принять на себя обязанность; въ случаѣ же отказа ихъ, чтобы былъ назначаема почетнымъ блюстителемъ училища Вышневолоцкій Уѣздный Предводитель Дворянства.

—Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. министра народнаго просвѣщенія Высочайше соизволилъ, въ 10 день сего января, на постановку въ актовомъ залѣ будущаго Сибирскаго Уни-

верситета портретовъ покойнаго извѣстнаго благотворителя отечественнаго просвѣщенія, статскаго совѣтника Демидова, пожертвовавшаго въ 1803 г. 100 т. р. асс. на Сибирскій университетъ, а равно потомственныхъ почетныхъ гражданъ Цибульскаго и Сибирякова, пожертвовавшихъ на тотъ же предметъ по 100 т. сер. каждый и на помѣщеніе въ томъ же актовомъ залѣ мраморной доски съ занесеніемъ на ней Томской городской думы, пожертвовавшей въ пользу Сибирскаго Университета 30 т. р. а равно коммерціи совѣтника Трапезникова, принесшаго въ даръ на сей университетъ 10 т. р. и полковника Богдановича, пожертвовавшаго 4000 р. на учрежденіе при Сибирскомъ университетѣ стипендіи.

—Г. министр народнаго просвѣщенія предложеніемъ отъ 30 декабря 1878 года разрѣшилъ почтителю Казанскаго учебнаго округа учредить при кафедрѣ зоотоміи медицинскаго факультета Императорскаго Казанскаго университета должность сверхштатнаго помощника прозектора, съ производствомъ лицу, имѣющему занять эту должность содержанія по пятисотъ рублей въ годъ, изъ остатковъ отъ личнаго состава означеннаго университета.

—Его сіятельство г. министр народнаго просвѣщенія, 23 истекшаго декабря, утвердилъ опредѣленный педагогическимъ совѣтомъ Ялтинской Александровской прогимназіи размѣръ платы за ученіе, съ начала будущаго 1879-80 учебнаго года, въ I, II, III, и IV классахъ названнаго прогимназіи сорока р., а въ приготовительномъ по двадцати пяти руб. въ годъ съ cadaго ученика.

—Его сіятельство г. министр народнаго просвѣщенія, 23 истекшаго декабря, разрѣшилъ увеличить плату за обученіе въ Харьковскихъ гимназіяхъ, прогимназіи и реальномъ училищѣ до тридцати руб. въ годъ; а въ приготовительномъ классѣ гимназіи до двадцати руб. въ годъ съ cadaго ученика.

О преміи Фрейлины М. С. Мухановой за жизнеописаніе императрицы Маріи Феодоровны.

Ея Императорскаго Величества Фрейлина М. С. Муханова обратилась въ Академію Наукъ съ письмомъ, въ которомъ она изложила, что „сохраняя въ сердцѣ своемъ благоговѣйную память къ почивающей

въ Божѣ государынѣ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, при которой ея отецъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ Сергѣй Ильичъ Мухановъ, долго служилъ оберъ-ниталмейстеромъ, и сама она, состоя фрейлиною, провела лучшіе, незабвенные годы своей жизни, и воспоминаая любвеобильную христіанскую дѣятельность этой государыни на благо и счастье взятыхъ ею на свое попеченіе дѣтей, сиротъ и бѣдныхъ,— она поставила священнымъ обѣтомъ своего сердца сохранить по возможности воспоминаніе о ней, ея жизни и дѣяніяхъ для всѣхъ соотечественниковъ, кому памяты и дороги бывшія ея заботы на поприщѣ благотворительности, и что въ этомъ намѣреніи она хотѣла бы посильно содѣйствовать къ тому, чтобъ у насъ, на русскомъ языкѣ, явилось полное жизнеописаніе покойной императрицы“. Съ этою цѣлью г-жа Муханова представила въ Академію 5,000 руб., назначивъ ихъ для выдачи, отъ имени Академіи, въ видѣ преміи, за лучшее жизнеописаніе императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Вслѣдствіе сего Академія Наукъ, съ Высочайшаго соизволенія, приглашаетъ всѣхъ желающихъ принять участіе въ соисканіи этой преміи, на нижеслѣдующихъ основаніяхъ:

- 1) Срокъ для этого соисканія назначается пятилѣтній, такъ что отвѣтныя сочиненія должны быть доставлены въ Академію не позже 1-го марта 1884 г.
- 2) На соисканіе преміи допускаются лишь рукописныя сочиненія на русскомъ языкѣ.
- 3) Авторъ имѣетъ право выставить на сочиненіи свое имя, или же скрыть оное въ запечатанномъ пакетѣ, снабженномъ особымъ девизомъ.
- 4) О послѣдствіяхъ конкурса на премію будетъ доведено до общаго свѣдѣнія въ публичномъ собраніи Академіи 29-го декабря 1884 года.
- 5) Премія будетъ состоять изъ капитала въ 5,000 р. и изъ процентовъ, которые наростутъ на этотъ капиталъ по день присужденія преміи. Вся эта сумма, капиталъ вмѣстѣ съ процентами, назначается автору увѣнчаннаго преміей сочиненія.
- 6) Премія будетъ уплачена автору не прежде, какъ по представленіи имъ въ Академію печатнаго экземпляра его труда.
- 7) Ея Императорскому Высочеству Государынѣ Великой Княгинѣ Цесаревнѣ благоугодно было соизволить на то, чтобы, согласно желанію фрейлины Мухановой, сочиненіе, которое будетъ награждено учрежденною ею преміей, было при изданіи своемъ въ свѣтъ посвящено Августѣйшему Имени Ея Высочества.

ОЧЕРКЪ ВНУТРЕННЕЙ ИСТОРИИ ЦЕРКВИ ВЪ ВЕЛИКОМЪ НОВГОРОДѢ. ¹⁾

II.

Устройство Новгородской церкви въ XIII вѣкѣ.

Въ древней Руси церковь вообще стояла въ тѣсной связи съ общимъ ходомъ гражданской жизни и пользовалась въ немъ чрезвычайно важнымъ значеніемъ. Но нигдѣ связь эта не была столь тѣсною и значеніе церкви столь могущественнымъ, какъ въ Великомъ Новгородѣ. Причины такого явленія скрываются въ характерѣ самаго новгородскаго быта. Чѣмъ слабѣе было политическое сознание Новгородцевъ, чѣмъ менѣе юридической опредѣленности представляло новгородское политическое устройство, тѣмъ болѣе оно нуждалось въ содѣйствіи со стороны общественныхъ силъ. А единственною общественною силою въ Новгородѣ, способною къ дѣятельности, и была именно церковь, и потому не удивительно, что вмѣшательство ея въ гражданскую жизнь мы видимъ повсюду, гдѣ только въ немъ чувствовалась необходимость. Сообразно съ двоякимъ значеніемъ церкви, какъ нравственнаго авторитета и какъ матеріальной силы, и это вмѣшательство отличалось частію нравственнымъ, частію же матеріальнымъ характеромъ. Прежде всего паденіе княжеской власти въ Новгородѣ сдѣлало этотъ богатый городъ господиномъ, государемъ обширной земли; а между тѣмъ сознание Новгородцевъ о государ-

¹⁾ *Продолженіе.* См. февральскую книжку *Ж. М. Н. Пр.* за текущій годъ. часть, ссн, отд. 2.

ствѣ было еще слишкомъ шаткимъ, чтобъ оно само по себѣ могло сдѣлать ихъ способными нести выпавшее на ихъ долю бремя и препятствовать ползти врознь отдѣльнымъ частямъ Новгородской области. Въ этомъ затруднительномъ положеніи какъ нельзя болѣе кстати явилась на помощь церковь и восполнила недостатокъ политическаго сознанія Новгородцевъ религіозною идеей о связи Великаго Новгорода съ его патрональною святыней, съ храмомъ св. Софіи, Премудрости Божіей. Подъ влияніемъ этого представленія Великій Новгородъ со всѣми его пригородами и волостями сталъ въ глазахъ Новгородцевъ какъ бы отчиною св. Софіи. Съ св. Софіей тѣсно связывалось у Новгородцевъ самое понятіе объ отечествѣ: вмѣсто того чтобы говорить: умремъ за отечество, за родину, Новгородцы восклицали: положимъ головы или изомремъ чество за св. Софію¹⁾. Подобнымъ образомъ, на обладаніи этою святыней Новгородцы основывали и свои притязанія на господство надъ всѣми своими пригородами и волостями, потерявшими уже значительную долю уваженія къ правамъ Новгорода, которыя вытекали изъ простаго старѣйшинства. Новгородскія владѣнія были прежде всего пригороды и волости св. Софіи и только затѣмъ уже Великаго Новгорода²⁾. Любопытнымъ поясненіемъ этой связи новгородскаго владѣчества съ св. Софіей служатъ слова, сказанныя въ 1215 году, очевидно—отъ лица Новгородцевъ, Мстиславомъ Удалымъ въ отвѣтъ на притязанія князя Ярослава управлять Новгородомъ изъ Торжка. „Да не будетъ Новый Торгъ Новгородомъ, ни Новгородъ—Торжкомъ, но гдѣ св. Софія, тамъ Новгородъ“³⁾. Но, сливая понятія о Новгородѣ съ понятіемъ о св. Софіи, Новгородцы естественно ставили самую судьбу перваго подъ особенное покровительство послѣдней. Покрову св. Софіи Новгородцы приписывали отвращеніе отъ себя всѣхъ несчастій; ея „стояніемъ“ или

¹⁾ П. С. Р. Л., III, 62, 1270 г.: «Новгородци же послаша къ нему Лавора Моисеевича: княже, суди же еси на св. Софію; поуди, ать изьмремъ чество за св. Софію... Тамъ же, 71, Н. 1315 г.: «Не выдаемъ Аванасья, но изомремъ вси чество за св. Софію». Тамъ же, III, 99, 1398 г.: «или пакы изнаидемъ свою отчину къ св. Софіи и къ Великому Новгороду, пакы ли свои головы положимъ за св. Софію и за своего господина за Великия Новгородъ»...

²⁾ П. С. Р. Л. III, 98, 1398 г.: «и цѣловаша крестъ за единъ братъ како имъ св. Софіи и Великого Новгорода пригородовъ и волостей поискати». Тамъ же, III, 99, 1398 г.: «благослови, господине отче владыко, поискати св. Софіи пригородовъ и волостей»...

³⁾ П. С. Р. Л., III, 33, 1215.

заступничествомъ объясняли они всё свои успѣшныя дѣйствія и подвиги и потому искали ея благословенія при началѣ каждаго важнаго дѣла ¹⁾.

Еще болѣе обширное поприще для вліянія церкви на гражданскую жизнь открывали слабыя стороны Новгородскаго общественнаго устройства. Какъ извѣстно, органомъ народной воли въ Новгородѣ было народное собраніе, вѣче. Но вѣчная дѣятельность отличалась тамъ такою неопредѣленностью, что открывала полнѣйшій просторъ для частнаго произвола. Всякая случайная сходка людей, коль скоро только она была довольно многочисленна, смотрѣла на себя, какъ на самодержавное вѣче, постановляла рѣшенія и тотчасъ же приводила ихъ въ исполненіе. Однако пока княжеская власть пользовалась въ Новгородѣ еще остатками своего первоначальнаго значенія, она служила нѣкоторымъ противовѣсомъ этой частной управѣ ²⁾. Но когда съ введеніемъ, въ половинѣ XIII столѣтія, обычая управлять Новгородомъ вмѣсто князей посредствомъ великокняжескихъ наместниковъ, княжеская власть тамъ окончательно упала, естественно явилась потребность въ другой силѣ, которая возмѣстила бы въ общественной жизни потерянную опору. Силою этою является церковь или ея представитель, Новгородскій владыка. Съ этого времени, для того чтобы вѣчевое постановленіе имѣло въ глазахъ Новгородцевъ полное значеніе, стало необходимымъ, чтобы оно сопровождалось „Новгородскимъ словомъ“, и какъ торжественнымъ выраженіемъ этого слова, благословеніемъ владыки. Благословеніе владыки являлось такимъ образомъ въ Новгородѣ не простымъ свидѣтельствомъ религіознаго настроенія общества, но вмѣстѣ съ тѣмъ и дѣйствительнымъ факторомъ общественной жизни. Въ особенности содѣйствіе этого фактора было важно въ тѣхъ случаяхъ, когда отъ Новгородцевъ требовалось полное единодушіе. Когда въ 1398 году Новгороду приходилось отстаивать отъ великаго князя Василія свои Двинскія владѣнія, то Новгородцы, какъ бы не полагаясь на силу одного собственнаго рѣшенія положить головы за св. Софію, сочли необходимымъ торжественно скрѣпить его

¹⁾ П. С. Р. Л., III, 74, 1327 г.: «приде рать Татарская... и просто рещь всю землю Русьскую положиша пусту, толко Новгородъ ублюде Богъ и св. Софья». Тамъ же, III, 53, 1240 г.: «князь же Олександръ не умедли нимало, съ Новгородци и съ ладожаны приде на ня (Сафевъ) и побѣди ѿ силою св. Софья». Тамъ же, III, 49, 1234 г.

²⁾ Русск. Лив. Акты, стр. 57, 1331 г.: «darna quam des konighes rechter egu unn sloch de Rusien ut deme hove».

санкціей владыки, били послѣднему объ этомъ челомъ и выступили въ походъ только по полученіи требуемаго благословенія ¹⁾. Но и при обыкновенномъ теченіи дѣлъ всѣ важнѣйшіе акты вѣчевой дѣятельности необходимо требовали санкціи владыки. Лучшимъ доказательствомъ этого можетъ служить то обстоятельство, что, начиная съ XIV столѣтія, большая часть Новгородскихъ договорныхъ и уставныхъ грамотъ многозначительно начинается благословеніемъ владыки и въ концѣ скрѣплена его пастырскою печатью. Было бы, конечно, несправедливо приписывать вѣчевымъ рѣшеніямъ, скрѣпленнымъ владыческою санкціей, безусловную силу. Напротивъ, и послѣ введенія такого порядка въ Новгородѣ верѣдко находились люди, отваживавшіеся дѣйствовать прямо вопреки опредѣленію вѣча и указанію владыки. Лука Варооломеевъ, напримѣръ, вопреки опредѣленію всего Новгорода собралъ въ 1342 году шайку приверженцевъ, пошелъ на Двину и взялъ на щитъ всю Заволоцкую землю ²⁾. Но важно уже то, что замысламъ большинства Новгородцевъ подобныя дѣйствія представлялись яснымъ произволомъ и не вызывали съ его стороны никакого подражанія. Такъ, когда въ 1406 году Псковичи просили прибывшихъ къ нимъ на помощь Новгородцевъ ударить на Литву, тѣ отвѣчали, что владыко не благословилъ, а Великій Новгородъ не указалъ идти имъ на Литву, но что они готовы помочь Псковичамъ противъ Нѣмцевъ ³⁾.

Была еще другая сторона въ вѣчевой дѣятельности Великаго Новгорода, которая дѣлала необходимымъ пастырское вмѣшательство. Мы разумѣемъ именно борьбу вѣчевыхъ партій. Такъ какъ способъ составленія вѣчевыхъ рѣшеній основывался не на большинствѣ, а на единогласіи, то междоусобная борьба лежала въ принципѣ самаго новгородскаго устройства. Коль скоро только при такомъ условіи на вѣчѣ возникало

¹⁾ П. С. Р. Л., III, 98—99, 1398 г.: «Новгородци ркоша своему господину владыцѣ... и бша челомъ... благослови, господине отче владыко, поискати св. Софїи пригородовъ и волостей... и владыка Іоаннъ благослови своихъ дѣтей и воеводъ Новгородскихъ и всѣхъ вои».

²⁾ П. С. Р. Л., III, 81, 1342 г.: «Лука Варооломеевъ, не послушавъ Новгорода и митрополита благословенія и владычии, скопивъ съ собою холоповъ своихъ, и поиде за Волокъ на Двину... и взя всю землю Заволотскую... ии щитъ».

³⁾ П. С. Р. Л., IV, 197, 1406: «и весь Псковъ бша челомъ Новгородскимъ воеводамъ: «поидите, гослѣда, съ нами на Литву мстити вrove крестьянскыя»; они же отвѣщаше тако: «насъ владыко не благословилъ ити на Литву, а Новгородъ намъ не указалъ; но идемъ съ вами на Нѣмци».

разногласіе, и каждая партія, чувствуя за собою нѣкоторую силу, считала возможнымъ отстаивать свое мнѣніе до конца, то вопросъ могъ быть рѣшенъ только вооруженною борьбой. Такъ оно въ дѣйствительности нерѣдко и случалось, и если открывавшіяся вслѣдствіе вѣчевой розни усобицы и не доходили по большей части до своихъ крайнихъ послѣдствій, то только благодаря примирительному вмѣшательству церкви, которое являлось тутъ во всемъ его ослѣпительномъ блескѣ. Въ тѣхъ случаяхъ именно, когда раздоръ между частями, составлявшими вѣче, доходилъ до того, что дѣлались безсильными всѣ внушенія разума, когда между соперниками открывались частыя мелкія столкновения, стоившія жизни не одному изъ горожанъ, когда наконецъ враждебныя партіи, отождествлявшіяся мало по малу, сообразно съ развитіемъ борьбы, съ двумя сторонами, на которыя раздѣлялся городъ, съ оружіемъ въ рукахъ становились другъ противъ друга, готовые ежечасно перейти въ жестокую свалку,—въ то время въ лагерѣ враждующихъ или же на мосту, раздѣлявшемъ противниковъ, появлялся вдругъ Новгородскій владыка, окруженный соборомъ новгородскаго духовенства, въ священномъ облаченіи и съ крестами; а иногда, когда владыка былъ еще только нареченнымъ,—даже въ сопровожденіи стараго епископа, вызваннаго изъ монастыря, и начиналъ благословлять обѣ стороны и увѣщевать ихъ разойтись ¹⁾. И какъ сильно ни было бы раздраженіе между новгородскими партіями, голосъ пастыря, внушавшій своимъ духовнымъ дѣтямъ, что усобица станетъ только причиною запустѣнія города и источникомъ похвалы поганыхъ, въ такихъ случаяхъ никогда не оставался безъ дѣйствія: противники немедленно вступали въ переговоры съ владыкой и благодаря его содѣйствію и наставленіямъ, если и не примирялись вполнѣ, то по крайней мѣрѣ расходились по домамъ безъ свалки. Умѣнье достигнуть подобнаго результата, или какъ тогда выражались, „установить порады“, сами Новгородцы вмѣняли въ особенную заслугу своихъ пастырей. Какъ ни высоко цѣнилось ихъ значеніе, какъ учителей, дѣйствующихъ на своихъ духовныхъ дѣтей то словомъ, то обличеніемъ или запрещеніемъ, тѣмъ не менѣе роль миротворцевъ, водворяющихъ

¹⁾ П. С. Р. Л., III, 87, 1359 г.: «и пріиде владыка Моисей изъ монастыря, а Олекси, помя съ собою и архимандрита и игумени, и благослови ихъ (враждующихъ), рекъ имъ: дѣти! не доспѣйте себѣ брани, а поганымъ похвалы, а св. церквамъ и мѣсту сему пустоты, не съступайтеся на божіе и пріяша слово его и разоидоша».

крестомъ согласіе между согражданами, была цѣнпа Новгородцами въ своихъ владыкахъ выше всего ¹⁾).

Вѣчевая рознь не всегда однако разрѣшалась открытымъ междуусобіемъ. Усобица вообще предполагаетъ нѣкоторое равенство силъ противниковъ, а такое равенство не всегда существовало, и очень часто слабѣйшая сторона, не рассчитывая на успѣхъ, сама уже заранѣе отказывалась отъ всякаго дѣятельнаго отпора. Но при возбужденіи страстей и въ этихъ случаяхъ дѣло не обходилось безъ вопіющихъ насилій. Раздраженная противодѣйствіемъ своихъ соперниковъ, торжествующая сторона была не въ состояніи обуздать своей гнѣвъ и перѣдко подвергала своему преслѣдованію если и не всю массу своихъ противниковъ, то по крайней мѣрѣ тѣхъ лицъ, которыя въ ея средѣ играли выдающуюся роль, не отступая при этомъ ни предъ какими средствами. Въ такихъ обстоятельствахъ положеніе преслѣдуемыхъ было бы совершенно безвыходнымъ, еслибы церковь и тутъ не являлась со своимъ спасительнымъ покровомъ и не давала бы въ своихъ храмахъ пріюта какъ для собственности, такъ и для личности гонимыхъ. Такъ какъ собственность больше всего подвергалась опасности въ случаѣ вражды, то болѣе предусмотрительные граждане держали даже обыкновенно свое имущество постоянно въ церквахъ, гдѣ для этого нарочно устраивались особня подцерковныя палаты: остальные же прибѣгали къ этой мѣрѣ только тогда, когда имъ уже начинала грозить дѣйствительная опасность ²⁾. Къ концу независимаго существованія Новгорода эта мѣра оказывалась уже не вполне надежною: побѣдители тогда уже не останавливались и предъ святостью церквей и подвергали обыску и эти послѣднія. Но долгое время однако защита, оказываемая церквами, была совершенно достаточною, и вторженіе въ храмы съ цѣлію похищенія частныхъ имуществъ

¹⁾ П. С. Р. Л., III, 108, 1418 г.: «слышавъ же владыка Симеонъ усобную распь промежи своими дѣтьми... повелъ предстоящимъ събрати съборъ свои... иде на мость... Услышавъ же она страна пришествіе святителево, и приде нос. Теодоръ Тимоосевъ съ иными посадники и съ тысячскими поклонитися владыцѣ; владыко послуша моленія ихъ, посла архи. Варлама, и отца своего духовного, и протодіакона, на Ярославль дворъ, да подадутъ благословеніе степенному посаднику... и тысяцкому... да идутъ въ дома свои — и разидошася... Ср. П. С. Р. Л., IV, 118, 1418 г. Тамъ же, III, 82, 1342.

²⁾ П. С. Р. Л., III, 137, 1418 г.: «и отъ лютыя брани и усобнаго губительства начаша животы свои носити въ церковь».

являлось въ глазахъ большинства оскорбленіемъ святыхъ¹⁾. Подобно собственности, церковь представляла въ своихъ храмахъ убѣжище и для личности гонимыхъ. Застигнутые грозю, Новгородцы слѣшили спасаться отъ ярости противниковъ бѣгствомъ въ первый ближайшій храмъ: но въ видахъ большей безопасности, они предпочитали направлѣться преимущественно на владычній дворъ, то-есть, къ св. Софіи²⁾. Не всегда, конечно, бѣгство на владычній дворъ спасало несчастныхъ отъ мести народной; по крайней мѣрѣ мы знаемъ примѣры, когда народная казнь разражалась на самомъ владычнемъ дворѣ: очевидно, надъ лицами, искавшими у владыки пріюта въ своемъ „безверемени“³⁾. Но тѣмъ не менѣе бывали случаи, когда заступничество владыки спасало несчастныхъ. Такъ, когда въ 1287 году Новгородцы, по замѣчанію лѣтописца, „безъ исправы“, то-есть, безъ разбора дѣла возстали на бывшего посадника Семена Михайловича, то послѣдній былъ скрытъ владыкою въ храмъ св. Софіи, продержанъ тамъ до слѣдующаго дня и тѣмъ избавленъ отъ нѣрной смерти, такъ какъ въ теченіе ночи всѣ страсти уже улеглись совершенно⁴⁾.

Независимо отъ регулированія вѣчевой дѣятельности, владыка имѣлъ въ Новгородѣ большое значеніе и какъ исполнительный органъ. Исполнительная власть вообще не отличалась въ Новгородѣ надлежащимъ развитіемъ и всего менѣе могла обходиться безъ содѣйствія постороннихъ силъ. Въ особенности замѣчаніе это справедливо по отношенію къ вышнимъ дѣламъ. Съ паденіемъ княжеской власти, Новгородцы совсѣмъ лишились органа, который могъ бы служить ихъ представителемъ въ отношеніи къ сосѣдямъ. Не мудрено поэтому, что и тутъ пришлось прибѣгнуть къ помощи Новгородскаго

¹⁾ П. С. Р. Л., IV, 126, 1447 г.: «олъ же оговори 18 человекъ и по его рѣчьемъ иныхъ съ мосту сметаша, а иныхъ дома разграбаша и изъ церквей вывозиша живогы ихъ, а преже того по церквамъ не искавали». Тамъ же, IV, 117, 1418 г.

²⁾ П. С. Р. Л., III, 61, 1270 г., «пачаша изгонити кн. Ярославъ изъ города и съзвонша вѣче на Ярослави дворѣ, и убиша Иванка, а ннѣ възгоша въ Николу святыхъ».

³⁾ П. С. Р. Л., III, 65, 1290 г.: «убиша Самоила Ратьшнннча на владычннѣ дворѣ». Тамъ же, VI, 206, 1477 г.: «а потомъ и того Овина убиша, и брата его Кузму, у владыки на дворѣ».

⁴⁾ П. С. Р. Л., III, 65, 1287 г.: «бысть мятежъ великъ въ Новгородѣ на Семена Михайловича; въста на него весь Новгородъ, бѣ неправы... а Семенъ прибѣжа къ владыцѣ, и владыка проводи ѣ св. Софію, и тако ублюде Богъ, и заутра снадошася въ любовь».

владыки, какъ единственнаго въ обществѣ авторитетнаго дѣятеля. И дѣйствительно, представительство Новгорода предъ сосѣдями вскорѣ стало одною изъ обязанностей владыки и въ случаѣ какихъ-либо дѣлъ или недоразумѣній съ Новгородомъ всѣ сосѣди, какъ иноземцы, такъ и свои соплеменники, начали обращаться или прямо къ вѣчу, или же къ Новгородскому владыкѣ, минуя совсѣмъ великокняжескаго намѣстника ¹⁾. Обязанность эта ложилась на владыку тѣмъ полнѣе, что дѣло шло тутъ не просто объ одномъ почетномъ представительствѣ Новгорода, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень часто и объ исполненіи епископомъ или подчиненнымъ ему духовенствомъ и всѣхъ вытекавшихъ изъ него сношеній съ сосѣдями. Оно и понятно. Сношенія съ сосѣдями очень часто сопровождались договорами, и потому необходимо требовалось, чтобъ они велись не иначе, какъ людьми грамотными: а знаніе грамотности составляло въ древней Руси непремѣнную обязанность только одного духовенства, остальное же народонаселеніе обладало этимъ качествомъ только случайно. Кромѣ того, при исполненіи своихъ обязанностей послы подвергались въ древности нерѣдко насиліямъ. Къ концу своего независимаго существованія, Новгородцы старались устранить это зло тѣмъ, что ставили судьбу пословъ подъ охрану договоровъ. Въ условія послѣднихъ они заносили статьи, гарантировавшія пословъ отъ произвольнаго задержанія на чужбинѣ ²⁾. Но въ древнѣйшее время эта цѣль достигалась тѣмъ, что посольства составлялись изъ такихъ лицъ, которыя уже однимъ своимъ саномъ внушали извѣстное уваженіе, а именно изъ представителей духовенства, изъ епископовъ, архимандритовъ и священниковъ. Такъ было во всѣхъ краяхъ Руси. Смоленскій князь, отправляя въ 1224 году пословъ въ Ригу для заключенія торговаго договора, конечно, не случайно выбралъ для этой цѣли поца Іеремію. Во Псковѣ веденіе сношеній съ сосѣдями также поручалось обыкновенно представителямъ мѣстнаго „божія священства“ ³⁾. Это общее

¹⁾ П. С. Р. Л., VI, 204, 1476 г.: «И князь велики пожаловалъ, богомольцу своему архіеп. Феозилу и отчивъ своей Новугороду перемирія взяти ведель съ ними (Шведами) по старинѣ... Тамъ же, III, 97, 1397 г.: «приходина послове Псковьскіи... и биша челомя господину архіеп. Великаго Новугорода владыцъ Юанну... чтобы господинъ нашъ Великій Новуградъ нелюба отдалъ, а васъ бы пріялъ въ старину».

²⁾ С. Г. Г. и Д., I, 28, № 20, 1471 г.: «А про послы и про купци Новугородские, тѣхъ вамъ не пріимати». Тамъ же, I, 4, № 3, 1270.

³⁾ П. С. Р. Л., IV, 184, 1391.

древней Руси явленіе имѣло мѣсто и въ Великомъ Новгородѣ; и тамъ, по крайней мѣрѣ въ важнѣйшихъ случаяхъ, въ члѣ посольства, составленнаго изъ депутатовъ вѣча, являлся или самъ владыка, или же какое-либо другое лицо изъ окружавшаго его новгородскаго духовенства ¹⁾.

Подобно участию въ вѣчевой жизни, и во внѣшнихъ сношеніяхъ роль владыки носила примирительный характеръ. Вѣрный своему религиозному званію, Новгородскій владыка обращалъ свои заботы главнымъ образомъ на поддержаніе добрыхъ отношеній съ сосѣдями. И старанія его не пропадали даромъ. Сколько можно судить по отношеніямъ Новгорода къ своему младшему брату Пскову, внушенія владыки, поддержанныя какими-либо религиозными представленіями, въ родѣ мысли о предстоящей близко кончинѣ міра, находили у заинтересованныхъ сторонъ довольно благосклонный приѣмъ и не мало содѣйствовали установленію между ними дружественныхъ связей ²⁾. Въ особенности же примирительная роль владыки получала важное значеніе въ тѣхъ случаяхъ, когда Великій Новгородъ находился въ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Владыки являлись въ то время не простыми представителями, но вмѣстѣ съ тѣмъ и ходатаями за свою родину, и притомъ такими, ходатайство которыхъ, благодаря богоугодной жизни многихъ пастырей, выслушивалось съ гораздо большимъ вниманіемъ, чѣмъ просьбы простыхъ мірянъ. Въ самомъ дѣлѣ, новгородская исторія не лишена примѣровъ, показывающихъ, что представительство владыкъ сопровождалось иногда для Новгородцевъ благими послѣдствіями, что благодаря ему, великіе князья восточной Руси нерѣдко дѣлали уступки въ своихъ требованіяхъ отъ Великаго Новгорода. Такъ извѣстно, что владыка Нифонтъ хотя и не смогъ склонить въ 1148 году Юрія Долгорукаго къ миру съ Новгородомъ,

¹⁾ П. С. Р. Л., III, 91, 1380 г.: „Биша челомъ весь Новгородъ.. владыкъ Алексью: чтобы еси, господине, ялъся ѣхати къ в. кн. Дмитрею Ивановичу и владыка прія челобитіе своихъ дѣтей“... Тамъ же, IV, 79, 1339 г.: „послаша Новгородци Кузю Твердиславля и Олександра Борисовича съ други, а отъ владыки сестричича его Матвея за море, къ Свейскому королю, посольствожь“...

²⁾ П. С. Р. Л., III, 97, 1397 г.: „и владыко Іоаннъ благослови Великій Новгородъ дѣтей своихъ: чтобы есте, дѣти, мое благословеніе пріяли, а Псковичемъ бы есте нелюбья отдали, а свою братію молодшую пріяли бы есте по старинѣ; занеже, дѣти, видите, уже послѣднее время, были бы есте за единъ братъ въ христіанствѣ... и весь Великій Новгородъ благословеніе владыки Іоанна пріяли, а отъ Псковичъ нелюби отложили“... Тамъ же, IV, 208, 1434.

тѣмъ не менѣе вслѣдствіе благорасположенія, которымъ пользовался въ Суздалѣ, успѣлъ-таки добиться освобожденія изъ плѣна Новгородцевъ и всѣхъ новгородскихъ купцовъ. Подобнымъ образомъ владыкѣ Оеofilу удалось побудить Ивана III къ нѣкоторому хотя и не особенно значительному уменьшенію контрибуціи, наложенной на Великій Новгородъ послѣ борьбы 1471 года ¹⁾. Легенда сообщаетъ даже, что якобы только вслѣдствіе просьбъ архіепископа Іоны Отенскаго, великій князь Василій II отыѣнилъ ударъ, который онъ предполагалъ нанести самобытности вольнаго города. По ея разказу, въ бытность владыки Іоны въ Москвѣ, Василій II въ присутствіи митрополита жаловался представителю Новгорода на пренебреженіе его духовныхъ дѣтей къ своему великому князю, и прійдя въ раздраженіе, сталъ было уже грозить ему поднятіемъ руки на его родину. Но святитель успѣлъ обезоружить великаго князя, обѣщавъ ему, въ случаѣ снисхожденія къ своимъ согражданамъ, испросить его сыну у Бога не только торжество надъ всѣми его врагами и укрѣпленіе въ рукѣ его русскихъ хоругвей, но и свободу отъ ига Ордынскихъ царей ²⁾.

Не менѣе благотворнымъ было посредничество Новгородскаго владыки въ сношеніяхъ съ иноземцами, которые хотя и жили въ Великомъ Новгородѣ, но составляли тамъ какъ бы государство въ государствѣ. Мы разумѣемъ именно ганзейскихъ купцовъ. Въ бурное время среднихъ вѣковъ положеніе иноземцевъ на чужбинѣ было крайне незавиднымъ и не обходилось безъ самыхъ вопіющихъ нарушеній права гостепримства. Новгородъ не составлялъ въ этомъ отношеніи никакого исключенія и въ обращеніи своемъ съ иноземнымъ купечествомъ далеко не всегда удерживался отъ несправедливостей. Поэтому, если мы знаемъ, что Нѣмцы питали особенное расположеніе къ Новгородскимъ епископамъ и величали, на примѣръ, владыку Евѣимія I „добрымъ покровителемъ и защитникомъ нѣмецкаго купечества“, то источники этого расположенія мы должны искать не въ чемъ иномъ, какъ въ томъ вниманіи, которое Новгородскій владыка удѣлялъ спра-

¹⁾ П. С. Р. Л., III, 10, 1148 г.: „ходи архиеп. Ниѣонтъ Суздалью, мира дѣля, къ Гюргиви, и пріять ѣ съ любовью Гюрги... и Новотържцѣ всѣ выправи и гость весь цѣль... но мира не дастъ“. Тамъ же, IV, 242, 1471 г.: „а еще сверхъ того на нихъ 17 тысящъ рублевъ конейного прикончалъ, иво владычня ради челобитья тысячу отдасть, а 16 тысящъ то вся Новгородцевъ отправить къ своему государю“... Ср. А. А. Э., I, 65, № 90, 1471 г.

²⁾ Пам. Стар. Русск. Лнт., IV, 32.

ведливымъ требованіямъ нѣмецкихъ гостей ¹⁾). Дѣйствительно, Новгородскій владыка имѣлъ много путей быть полезнымъ для иноземнаго купечества. Онъ былъ однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ совѣтѣ, который собирался въ его комнатахъ по всѣмъ важнѣйшимъ дѣламъ, касавшимся купечества, и, конечно, пользовался въ немъ своимъ вліяніемъ не въ ущербъ послѣднему ²⁾). Затѣмъ, въ качествѣ представителя Новгорода предъ иноземцами, онъ доставлялъ нѣмецкимъ гостямъ, встрѣтившимъ какое-либо затрудненіе или несправедливость на его родинѣ, скорѣйшій доступъ къ новгородскимъ властямъ посредствомъ своихъ приставовъ. Такъ, когда въ 1375 г. имущество одного нѣмецкаго гостя было захвачено при содѣйствіи правительственныхъ (посадника и тысяческаго) приставовъ Новгородцемъ Максимомъ Аввакумовичемъ, и самъ купецъ былъ брошенъ въ ладью и подвергся тамъ побоямъ, какъ злодѣй, то нѣмецкое купечество тотчасъ же обратилось къ владыкѣ съ жалобой на дурное обращеніе, и владыка, принявъ въ немъ участіе, далъ ему своего пристава къ посаднику и тѣмъ побудилъ послѣдняго къ наряженію немедленнаго разбора дѣла ³⁾). Подобнымъ образомъ, когда въ 1412 (?) году нѣмецкій гость былъ схваченъ однимъ Новгородцемъ и посаженъ въ погребъ, то товарищи хлопотали о немъ не только у тысяческаго, но и у владыки, и этимъ путемъ добились того, что задержанный былъ отданъ на поруки ⁴⁾). Наконецъ, Новгородскій владыка съ его подчиненнымъ духовенствомъ служилъ обыкновенно довѣреннымъ лицомъ иноземнаго купечества въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣднему во время

¹⁾ *Baltische Monatschrift*, XX, 138. Письмо Дерпта къ Ревелю отъ января 1430 г. о незадолго предъ тѣмъ умершемъ Новгородскомъ епископѣ говоритъ: «de een god vorheger unde beschermer des Dudsschen coermannes is gewesen».

²⁾ *Bunge*, *Urkundenbuch*, IV, 531, 1106.

³⁾ *Bunge*, U.—B., III, 298, 1375 г. «Des quam Maxime Obaknen cumpan mit II prestaven, de hadde em geven de hertoge und de borch greve, und nam Iohannes Brunswikes gud und siner geselschap mit gewelde und mit macht, und vorden ene ane sinen dank in de lodien und slogen ene und stoten ene als enen misdedere... Do dat geschen was des morgens vro, do genge wi also vort vor den biscop van Nowerden, dem klagede wi, wo ovele men uns hondelte ynd deme was is let, und gaf nas sinen prestaven vort mede an den borchgreuen. De antworde uns also: he wolde beboden de heren und se wolden sik bespreken».

⁴⁾ *Bunge*, U.—B., IV, 815, 1412 (?) г.: «Dit vorvolget wi, also wi beste konden, erst vor deme hertoge. darna vor deme bischope, vor deme borchgreve and vor alle Novgarden»... См. еще *Гильдебранда* Отчеты о розысканіяхъ въ рижскихъ и ревельскихъ архивахъ, С.-Пб. 1877, стр. 35, № 58, 1425 г.

недоразумѣній приходилось оставлять совсѣмъ Великій Новгородъ. Нѣмецкіе гости имѣли въ Новгородѣ извѣстную осѣдлость, которую вельзя было перевозить каждый разъ туда и обратно. Ничего поэтому не оставалось, какъ поручить попеченіе о ней тому лицу, которое пользовалось въ Новгородѣ большимъ авторитетомъ, и въ которомъ нельзя было предполагать никакихъ корыстныхъ наклонностей. Оно такъ на самомъ дѣлѣ и случилось, и нѣмецкіе гости при каждомъ оставленіи Новгорода вручали обыкновенно одни изъ запечатанныхъ ключей отъ варяжской церкви, служившей вмѣстѣ съ тѣмъ и складочнымъ мѣстомъ иноземнаго имущества, въ руки владыки, который и сохранялъ ихъ до перваго востребованія ¹⁾. Бывали впрочемъ случаи, что владыка отказывался принять на сохраненіе предлагаемые ему ключи; но кажется, это имѣло мѣсто только во времена крайняго раздора между Нѣмцами и Великимъ Новгородомъ ²⁾.

Наравнѣ съ вѣншею, владыка имѣлъ значеніе исполнительнаго органа и во внутренней жизни Великаго Новгорода. Въ особенности это должно быть сказано о торговой дѣятельности послѣдняго. Какъ извѣстно, въ Византіи уже со времени Юстиніана и даже еще раньше обнаруживается вѣншеательство епископовъ въ управленіе городскимъ имуществомъ и въ городскую администрацію ³⁾. Такъ, между прочимъ епископы пріобрѣли себѣ тамъ право участія при выборѣ смотрителей за лѣсами, равно какъ и право самаго надзора за сохраненіемъ орудій мѣры, которыя положено было содержать въ церквахъ ⁴⁾. Обычай византійской жизни не прошли безслѣдно и для древней Руси, и здѣсь подъ ихъ вліяніемъ епископы получили въ свое вѣдѣніе отдѣльную отрасль торговой жизни, обнимавшую наблюденіе за

¹⁾ Hans. Urb., 269, 1354 г.: «wan men untvaret, so scal men de slotete bese-gelen und don den enen deme bischope von Nougarden, den anderen deme abate van sunte Iuriane». Bunge, В.—U., IV, 604—605, 1408 (?) г.: «des is he wedder van dar (изъ Новгорода) gekomen und secht, wo dat de bischop nicht to hus en is... und dat he de Russchen bref, den wi em mede deden, an den bischop spre-kende, antwarde (вручилъ) dem borchgreven und hertogen, und leet enen jungen man in sine stede deme borchgreve und hertoge seden, dat se em helpen wolden tom bischope, wauner he to hus queme, dat em de slotel tor kerken antwardet scholde warden umme dat bilde ut to nemende, und dem bischope de slotete wed-der to adtwarde».

²⁾ Гильдебрандъ, Отчеты о разысканіяхъ въ рижскомъ и ревельскомъ архи-вахъ, С.-Пб. 1877, стр. 47, № 207, 1443 г.

³⁾ Gieseler, Lehrbuch der Kirchengeschichte. 1845, В. I, 2-te Abth., 1394.

⁴⁾ Неголинъ, Пол. Собр. Соч., VI, 256.

орудіями вѣса и мѣръ и судъ по поводу возникавшихъ отсюда дѣлъ. Такъ Новгородскій владыка долженъ былъ ежегодно осматривать разныя орудія мѣры, и если замѣчалъ въ нихъ какую-либо порчу, то подвергалъ надсмотрщиковъ денежному штрафу. Доходы, получавшіеся этимъ путемъ, распредѣлялись на три части: одна изъ нихъ шла въ казну св. Софіи, то-есть, владыкѣ, другая въ храмъ св. Іоанна Предтечи, въ притворѣ котораго сохранялись орудія мѣры, третья же сотскимъ, такъ какъ въ контролирующей дѣятельности владыки сотскіе были его непосредственными помощниками ¹⁾.

Кромѣ торговой жизни, дѣятельность владыки замѣчается и въ судебной сферѣ. Мы говорили уже раньше, что церковь стремилась распространить свой судъ и на нѣкоторыя области жизни гражданской, и именно на дѣла семейныя. На сколько удалось ей осуществить эти стремленія на практикѣ, рѣшить довольно трудно. Несомнѣнно однако то, что независимо отъ семейныхъ дѣлъ, на которыя церковь изъясляла свои притязанія, какъ на область, исключительно ей принадлежащую, Новгородскій владыка имѣлъ, по примѣру Византіи, свою долю участія и въ общей судебной жизни Великаго Новгорода. Мы разумѣемъ именно посреднической судъ владыки. Какъ на одно изъ проявленій подобнаго суда, нужно смотрѣть на разборъ владыкой Алексѣемъ во второй половинѣ XIV столѣтія тяжёлаго дѣла Новгородца Астафія съ посадникомъ Александромъ, возникшаго, по всему вѣроятію, изъ того, что послѣдній предъявлялъ на Астафія претензію въ нѣкоторой суммѣ денегъ, данной тому собственно въ качествѣ платы за землю ²⁾. На этотъ же посреднической судъ владыки указываетъ, кажется, и то обстоятельство, что въ нѣкоторыхъ рядныхъ грамотахъ Новгородцевъ между собою закладъ, опредѣленный на случай неустойки, назначался

¹⁾ Повѣсть о началѣ Иечерек. мон., стр. 102: «И азъ вемотрѣхъ въ Фотія патриарха Цареградскаго грамотѣ... Аже стоитъ въ грамотѣ: торговая вся вѣсы, мѣрила, и скалвы воцанья и пудъ медовый, и гривенка рублевая, и всякая известъ иже на торгу промезъ людьми, отъ Бога тако установлено есть: епископу блюсти безъ накости, ни умаливати, ни умноживати, а на всякій годъ завѣшивати; а скривится, а кому приказано, и того казнити близко смерти, а животь его на трое: треть живота св. Софіи, а другая треть св. Іоанну, а третья треть соцкимъ и Новгороду».

²⁾ А. Юр., стр. 430, XIV в.: «И была отцу моему (говорить Астафій въ завѣщаніи) говорка съ Александромъ предъ владыкою Алексѣемъ о томъ серебри и отмоглася Александра отецъ мой».

отчасти и въ пользу Новгородскаго епископа ¹⁾. Владыки даже, кажется, не довольствовались опредѣленною въ ихъ пользу частью, а хотѣли брать себѣ весь закладъ. По крайней мѣрѣ мы знаемъ, что къ концу независимаго существованія Новгорода, съ усиленіемъ своей власти, великіе князья стали требовать, чтобы заклады рядныхъ грамотъ дѣлились по ровну между ними и Новгородскими епископами ²⁾. Въ заключеніе считаемъ не лишнимъ прибавить, что въ случаяхъ чрезвычайнаго княжскаго суда, примѣръ котораго являютъ намъ послѣдніе дни Великаго Новгорода, владыка сталъ на поруку людей, обвиненныхъ въ важныхъ преступленіяхъ и потому подлежащихъ тяжелой отвѣтственности ³⁾.

До сихъ поръ мы имѣли въ виду только одно нравственное воздѣйствіе церкви на общую жизнь Великаго Новгорода; но не менѣе важно было и ея матеріальное вліяніе. Мы видѣли уже, что первоначальнымъ источникомъ содержанія церкви служила десятина изъ княжескихъ доходовъ, которая съ теченіемъ времени была отчасти замѣнена въ Новгородѣ опредѣленною ежегодною денежною суммою. Но десятина, дававшаяся князьями не иначе, какъ опредѣленнымъ церквамъ, обыкновенно епископскимъ, могла поэтому самому служить источникомъ содержанія церкви только въ самую первую пору церковной жизни, когда церковью было еще очень мало; когда же, съ распространеніемъ христіанства, число ихъ значительно увеличивалось, явилась потребность въ другихъ источникахъ содержанія. Подобнымъ образомъ и пошлыны, взимаемая церковью за производство суда и совершеніе другихъ церковныхъ дѣйствій, не могли служить общимъ источникомъ для содержанія церкви, такъ какъ онѣ поступали исключительно въ пользу духовныхъ властей, но никакъ не въ руки монастырей и низшаго духовенства. Такимъ образомъ, обезпеченіе дальнѣйшаго существованія церкви необ-

¹⁾ А. Юр., стр. 270: «А кто сіа (рядъ по мивнію) порушитъ, дастъ князю и владыцѣ десять гривень золота». Тамъ же, стр. 270: «а кто сіа рядъ порушитъ, дастъ судіа три тысячи бѣлъ».

²⁾ А. А. Э., I, 43, № 58, 1456: «А что закладъ въ рядныхъ грамотахъ, а то велѣхомъ имати княземъ великимъ съ владыкою на виноватомъ отъ сего докончанія».

³⁾ П. С. Р. Д., VI, 203, 1476 г.: «а товарищевъ ихъ (главныхъ виновниковъ) веѣхъ вселѣ князь велики своимъ приставомъ подавати на поруки на крѣпкѣ, въ полуторѣ тысячѣ рублевъ въ истцевыхъ да въ своей винѣ безъ урока; и взяли ихъ за себя архіепископъ».

ходимо требовало присоединенія еще какого-либо новаго источника церковныхъ доходовъ. Нетрудно догадаться, откуда могъ послѣдовать этотъ новый источникъ церковнаго содержанія. Въ эпоху натуральнаго хозяйства — а такую эпохой и является рассматриваемое время—главнѣйшимъ источникомъ всякаго богатства является земля. Землею платится даже въ это время правительственнымъ лицамъ за отправленіе службы. Понятно поэтому, что земля же должна была стать и подспорьемъ въ содержаніи церкви. Въ дѣйствительности случилось даже нѣчто гораздо большее. Поземельныя владѣнія, жертвуемая частью правительствомъ для увеличенія церковныхъ доходовъ, частью простыми гражданами для помина души, равно какъ и приобретаемая самою церковью при помощи купли, вскорѣ достигли у новгородскаго духовенства такого развитія, что далеко оставили за собою всѣ остальные источники содержанія церкви ¹⁾. Въ особенно большомъ количествѣ земли скопилось въ рукахъ Новгородской владычной каѳедры. Извѣстныя подъ названіемъ владычины, земли эти встрѣчались во всѣхъ краяхъ Новгородской области—и во Псковѣ, и въ Торжкѣ, и въ Заволочьѣ; между ними были какъ простые села, такъ и цѣлыя волости, и даже маленькіе городки ²⁾. Объ общемъ количествѣ ихъ мы легко составимъ себѣ приблизительное понятіе, если только вспомнимъ, что у Новгородскаго владыки были описаны Иваномъ III въ 1478 году десять волостей, составлявшія 311 сохъ, и такъ какъ подъ сохой разумѣлся человекъ, пашущій на трехъ коняхъ или самъ третьей, то предполагается земледѣльческое населеніе не менѣе какъ въ тысячу человекъ. А между тѣмъ, эти десять волостей не составляли даже и половины земель Новгородскаго владыки ³⁾.

Присоединеніе новаго источника церковныхъ доходовъ уже само по себѣ дѣлало Новгородскаго владыку однимъ изъ самыхъ могуще-

¹⁾ П. С. Р. Л., IV, 61, 1352. А. И., I, 16, № 7, 1396—97 г.: «А что погосты и села и земли и воды и пошляны, что потягло къ церкви Божьи, или купли, или кто далъ по души памяти дѣля, а въ то ни единъ христіанинъ не въ ступается». Тамъ же, I, 131, № 82, 1467 г.: «слышахъ, что которые люди православни, отходя сего свѣта... писали свои грамоты духовныи, а подавали свои села и свои имѣнія... св. Софїи Божїи мудрости и по всемъ св. церквамъ и по монастыремъ». Тамъ же, I, 126, № 77, 1463.

²⁾ С. Г. Г. и Д., I, 4, № 3, 1270 г.: «А село св. Софїи исправи къ св. Софїи». П. С. Р. Л., III, 99, 1398 г.: «повъхавъ, господо, князь великого бояринъ... на св. Софїи волость на Вель»... Тамъ же, III, 101, 1401 г.: «горъ владычнь городокъ Мольватни».

³⁾ П. С. Р. Л., VI, 216, 1478 г.

ственныхъ поземельныхъ собственниковъ Великаго Новгорода. Но это могущество еще увеличивалось приобрѣтеніемъ тѣхъ правъ и привилегій, которыя вообще были свойственны землевладѣльцамъ Великаго Новгорода. Общее правило, опредѣлявшее въ Новгородѣ отношеніе землевладѣльцевъ къ крестьянамъ, гласило, что въ отсутствіи господаря или владѣльца земли княжескіе судьи не могли судить въ области подчиненныхъ первому людей, старость, половниковъ и холоповъ: судъ надъ ними долженъ былъ переноситься въ подобныхъ случаяхъ въ самый Новгородъ. Нѣтъ никакого основанія думать, чтобъ это правило не распространилось на важнѣйшаго господаря, на Новгородскаго владыку ¹⁾. Землевладѣльцы далѣе перѣдко получали освобожденіе отъ всякаго вмѣшательства правительства въ судъ надъ ихъ крестьянами. Церковь не только раздѣляла съ другими землевладѣльцами эту привилегію, но гораздо лучше ихъ умѣла выпрашивать у правительства подобныя льготы, вслѣдствіе чего члены духовенства въ большей части случаевъ пользовались и привилегіей собственнаго суда надъ ихъ крестьянами со всеми связанными съ нимъ доходами. Новгородскій владыка самъ не составлялъ въ этомъ отношеніи никакого исключенія ²⁾. Къ чести Новгородскихъ епископовъ должно быть однако сказано, что приобрѣтенное ими могущество не только не пропадало безслѣдно для Великаго Новгорода, но и служило для него существенною опорой. Великому Новгороду не доставало военныхъ силъ, и этотъ недостатокъ чувствовался тѣмъ осязательнѣе, чѣмъ болѣе съ движеніемъ исторической жизни впередъ въ Новгородцахъ падала старинная личная удаль. Церковь и тутъ не оставляла его безъ выручки. Конечно, Новгородскій владыка никогда не превращался, какъ это перѣдко замѣчается на епископахъ запада, въ надменнаго феодала, у котораго въ одной рукѣ былъ посохъ, а въ другой мечъ; но тѣмъ не менѣе онъ выставлялъ отъ себя особенный полкъ, называвшійся владычнымъ стягомъ и руководившійся въ своихъ дѣйствіяхъ инструкціями, данными владыкой. Значеніе этой помощи будетъ намъ совершенно яснымъ, если только мы вспомнимъ, что уклоненію владычнаго стяга отъ борьбы съ великимъ кня-

¹⁾ С. Р. Г. и Д., I, 7, № 6, 1305 г.: «а старость, ни холопа, ни рабы: безъ господаря, твоимъ судиямъ не судити». Тамъ же, I, 14, № 10, 1307 г.: «А холопа и половника не судити твоимъ судиямъ безъ господаря, судити князю въ Новгородѣ»...

²⁾ А. Зап. Р., I, 88, № 71, по 1479 г.

земь Московскимъ Новгородцы приписывали свое поражение на Шелони въ 1471 году ¹⁾).

Но Великій Новгородъ чувствовалъ недостатокъ не только въ военныхъ силахъ, но еще гораздо болѣе въ матеріальныхъ средствахъ. И въ этомъ затрудненіи его выручалъ опять-таки не кто иной, какъ Новгородскій владыка, располагавшій богатою казною, которая хранилась на полатахъ св. Софійи и потому извѣстна подъ названіемъ Софійской. Правда, нѣкоторые ученые, какъ на примѣръ г. Прилежаевъ, объясняютъ поддержку, которую оказывала Новгороду Софійская казна, тѣмъ, что якобы послѣдняя собственно была не болѣе, какъ только казною самаго Великаго Новгорода, что главнымъ источникомъ ея богатства служили избытки городской экономіи, которые Новгородъ препровождалъ въ руки владыки на сохраненіе. Г. Прилежаевъ утверждаетъ даже, что суммы, накопившіяся отъ такихъ вкладовъ и получавшія названія отъ имени тѣхъ владыкъ, при которыхъ онѣ образовались, какъ на примѣръ, „владычне Моисеево скопленіе“, „скопленіе владычне Алексѣево“, поступали въ полное безотчетное распоряженіе владыки паравнѣ съ тѣми доходами, которые шли въ Софійскую казну изъ собственныхъ церковныхъ источниковъ ²⁾. Въ замѣнъ контроля надъ владыкой въ его распоряженіяхъ городскими суммами, Великій Новгородъ оставлялъ за собою, по мнѣнію почтеннаго изслѣдователя, только право обращаться къ Софійской казнѣ за пособіемъ въ случаѣ нужды ³⁾. Такое представленіе дѣла кажется намъ однако не только не согласнымъ съ характеромъ новгородскаго быта, но и совершенно лишеннымъ всякой фактической подкладки. Нечего уже говорить о томъ, что мы не знаемъ ничего объ избыткахъ городской экономіи, а тѣмъ болѣе о вкладахъ со стороны Новгорода въ Софійскую казну. Мы не имѣемъ даже никакихъ основаній предполагать существованіе послѣднихъ. Лѣтописныя свидѣтельства, приводимыя г. Прилежаевымъ въ пользу своего мнѣнія, указываютъ на совершенно противное. Выраженіе: владычне

¹⁾ П. С. Р. Л., IV, 127—128, 1471 г.: «А коневая рать не пошла къ пѣшей рати на срокъ въ пособіе, занеже владычень стягъ не хотяху ударитися на княжую рать, глаголюще: «владыка намъ не велѣлъ на великого князя руки подынуть, послалъ насъ владыка на Псковичь».

²⁾ П. С. Р. Л., IV, 64, 1861 г.: «А въ Новгородѣ поновиша городъ каменныи, взяше серебро въ св. Софьи, владычня Моисеева скопленія». Владычнюю казеду занималъ тогда уже преемникъ Моисея, Алексѣй.

³⁾ Журн. Мин. Нар. Пр. за июль 1875 г., стр. 106—107.

Моисеево скопленіе, скопленіе владычне Алексѣево, показываютъ ясно, что тутъ идетъ рѣчь о владычныхъ капиталахъ, а отнюдь не о новгородскихъ; въ противномъ случаѣ слѣдовало бы ожидать выраженія: скопленіе Великаго Новгорода. Къ тому же заключенію приводятъ и нѣкоторыя другія данныя. Еслибы капиталы Софійской казны были результатомъ сбереженія самаго Великаго Новгорода, то владыка, съ одной стороны, не имѣлъ бы никакого основанія называть „своими“ суммы, даваемыя въ пособіе вольному городу, какъ это прямо отмѣчается лѣтописью въ нѣкоторыхъ случаяхъ, ни употреблять ихъ, съ другой стороны, на такія дѣла, которыя не имѣли съ Новгородомъ рѣшительно ничего общаго, какъ напримѣръ, на возведеніе костровъ или башенъ въ Псковѣ. А между тѣмъ подобныя траты со стороны владыки были не совсѣмъ безпримѣрны въ новгородской исторіи ¹⁾.

Какъ бы то однако ни было, несомнѣнно одно, что при богатствѣ Софійской казны, Великій Новгородъ считалъ себя въ правѣ смотрѣть на нее какъ на казну общественную, и прибѣгалъ къ матеріальной помощи владыки при каждомъ затруднительномъ случаѣ. А эти затруднительные случаи наступали почти всегда, когда Новгородцамъ приходилось платить большую военную контрибуцію или же производить какую-либо общественную постройку. Намъ извѣстны два примѣра участія владыки въ уплатѣ контрибуціи, наложенной сосѣдями на Великій Новгородъ. Первый изъ нихъ относится къ 1386 году, когда изъ восьми тысячъ рублей контрибуціи владыкой были уплачены изъ своей казны три; а второй къ 1428 году, когда къ десяти тысячамъ, даннымъ Порховомъ и самимъ Новгородомъ, владыко прибавилъ еще отъ себя тысячу для выкупа плѣнныхъ ²⁾. Что же касается до произведенія общественныхъ построекъ, то содѣйствіе владыки было тутъ весьма разнообразнымъ и крайне характернымъ для новгородскаго быта. Прежде всего у Великаго Новгорода почти со-

¹⁾ П. С. Р. Л., IV, 195, 1400 г.: «Пріѣхалъ владыко Иванъ въ Псковъ и и повелъ Захарья поспѣшно наняти наймитовъ ставити костеръ подъ Псковою, а владыко свое серебро далъ».

²⁾ П. С. Р. Л., IV, 94, 1386 г.: «Новгородцы вземше съ полатей у св. Софьи 3000 рублевъ, и послаша князю въ Ямна». Тамъ же, III, 110, 1428 г.: «и тогда пріѣзда владыка Евѣмій къ Порхону съ послы Новгородскими и докончаша Витовту другую 5000 серебра, а шестую тысячу на полоню». Тамъ же, V, 263, 1428 г.: «а шестую тысячу рублевъ владыка свою далъ за полоню». Ср. П. С. Р. Л., III, 238, 1428 г.

всѣмъ не было собственныхъ зданій для своихъ общественныхъ учреждений. Послѣднія помѣщались поэтому обыкновенно или при церквахъ, какъ это замѣчается на торговой управѣ, или же на владычномъ дворѣ. Такъ извѣстно, что въ комнатахъ владыки происходили какъ новгородскій судъ, такъ и совѣщаніе правительственныхъ лицъ ¹⁾. Новгородъ, далѣе, не обладалъ совсѣмъ техническими средствами на тотъ случай, когда потребности его не могли быть удовлетворены церковью непосредственно, и когда, слѣдовательно, ему приходилось производить общественныя сооруженія самому. Напротивъ, Новгородскій владыка, какъ глава церкви, обязанный заботиться о постройкѣ храмовъ и въ особенности о приданіи благолѣпія св. Софіи, содержалъ для этой цѣли свои особенныя дружины мастеровъ и даже вызывалъ ихъ изъ другихъ краевъ древней Руси, а иногда еще и изъ нѣмецкихъ городовъ ²⁾. Неудивительно поэтому, что владыка былъ въ Новгородѣ чуть ли не постояннымъ распорядителемъ и даже производителемъ общественныхъ работъ. Въ большей части случаевъ участіе владыки въ постройкахъ ограничивалось однимъ руководствомъ надъ работами и обуславливалось предварительнымъ приглашеніемъ со стороны Новгородцевъ. Такъ, въ 1352 году владыка по просьбѣ Великаго Новгорода ѣздилъ въ Орѣховъ наряжать каменные костры, а въ 1400 г. положилъ основаніе въ Новгородѣ новой каменной крѣпости ³⁾. Но нерѣдко, особенно когда къ дѣлу примѣнялись благотворительныя побужденія, владыка производилъ общественныя сооруженія и по собственному почину, своими людьми и на свои средства. Такъ, одними собственными силами владыки были построены въ 1230 году скудельница для погребенія мертвыхъ во время свирѣпствовавшего тогда мора, а въ 1338 г.—новый Волховскій мостъ ⁴⁾. На-

¹⁾ А. А. Э., I, 62, № 87, 1470—1471 г.: «А наместнику твоему судити съ посадникомъ во владычнѣ дворѣ, на пошломъ мѣстѣ». Ср. тамъ же, I, 71, № 92, 1471; *Vunge, U.—B.*, IV, 531, 1406 г.

²⁾ П. С. Р. Л., III, 111, 1439 г.: «постави... владыко Еуемен полату въ дворѣ у себе, а дверей у ней 30; а мастера дѣлали нѣмецкыи, изъ заморіа, съ новгородскыи мастера». Ср. тамъ же, III, 81, 1342 г.

³⁾ П. С. Р. Л., III, 85, 1352 г.: «Добиша челомъ Новгороцы владыцѣ Василію: «чтобы еси, господине, ѡхазъ, нарядилъ костры во Орѣховѣ»—и онъ ѡхазъ нарядилъ». Тамъ же, II, 101, 1400 г.: «Заложилъ владыка Іоанъ городъ дѣтинецъ камень отъ св. Бориса и Глѣба».

⁴⁾ П. С. Р. Л., III, 46, 1230 г. Тамъ же, III, 78, 1338 г.: «дѣлаша мостъ новъ... повелѣніемъ владыки Василія; самъ бо владыка присталъ тому и почаль и кончалъ своими людьми, и много добра сотвори христіаномъ».

конецъ, даже въ тѣхъ обстоятельствахъ, когда Великій Новгородъ не нуждался въ техническихъ средствахъ владыки, онъ все-таки не могъ обходиться по крайней мѣрѣ безъ денежнаго пособія со стороны св. Софіи. И софійская казна охотно сужала его послѣднимъ. Такъ извѣстно, что въ 1361 году средства на постройку новаго каменнаго города были даны св. Софіей, а въ 1391 году софійская казна ссудила Новгородъ цѣлыми пятью тысячами рублей, которыя и были распределены затѣмъ по городскимъ концамъ съ цѣлю сооруженія въ нихъ каменныхъ костровъ или башенъ ¹⁾.

Положеніе, занятое церковью въ общей жизни Великаго Новгорода, не осталось безъ вліянія какъ на ея отношенія къ свѣтской власти, такъ отчасти даже и на ея внутреннее устройство. Церковь была въ Новгородѣ не только хранительницею религіознаго преданія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и однимъ изъ самыхъ видныхъ общественныхъ дѣятелей. Поэтому было бы болѣе чѣмъ странно ожидать, чтобы пріобрѣтенія, которыя были сдѣланы Новгородомъ въ церковной области въ половинѣ XII столѣтія, и которыя доставили церкви извѣстную степень самостоятельности, достались исключительно въ руки мѣстнаго духовенства, и чтобы мірская власть не захотѣла сама имѣть въ церковныхъ дѣлахъ свою долю вліянія. Въ дѣйствительности случилось даже нѣчто большее. Міръ успѣлъ не только пріобрѣсти вліяніе на дѣла церкви, но даже въ извѣстной степени и подчинить послѣднюю своей власти, присвоивъ себѣ право избранія главы мѣстной церкви, принадлежавшее прежде Кіевскому митрополиту. Нѣтъ сомнѣнія, что отъ участія въ пользованіи этимъ правомъ ни мало не устранились и представители мѣстнаго Новгородскаго духовенства, Софіяне или члены Софійскаго собора, игумены и рядовое священство; но во всякомъ случаѣ они выражали собою только одну изъ вліятельныхъ силъ, и притомъ далеко не самую рѣшительную ²⁾. Рѣшающій голосъ при избраніи Новгородскихъ владыкъ принадлежалъ не кому иному, какъ органу народной воли, вѣчу, въ составъ котораго, кромѣ духовенства, входили и всѣ остальные граждане Великаго Новгорода, начиная съ

¹⁾ П. Р. С. IV, 64, 1361; тамъ же, IV, 98, 1391 г.: «А Новгородци взяли сребра 5000 у св. Софьи, съ полатей, скопленія владычня Алексѣева, и раздѣлиша на пять концевъ, по 1000 на конецъ, и изставиша костры каменны, по обѣмъ сторонамъ острога у всякой улицы». Ср. тамъ же, 233, 1391.

²⁾ П. С. Р. Л., III, 21, 1193 г.: «Новгородци же съ княземъ Ярославомъ и съ игумены, съ Софьяны, и съ попы, съдумавъше, изволиша Богомъ избрана Мартурія». См. тамъ же, III, 19, 1186.

князя и знатнѣйшихъ Новгородцевъ и кончая черными людьми ¹⁾). И какъ представитель міра, народа, вѣче, подобно религиознымъ общинамъ первыхъ вѣковъ христіанства, дѣйствовало въ этой роли естественно совершенно свободно, ни мало не стѣсняясь соображеніями монашескаго или іерархическаго характера. Оно остававляло свой выборъ одинаково на лицахъ какъ чернаго, такъ и бѣлаго духовенства, и только впоследствии мало по малу утвердился обычай, по которому избраникъ вѣча, если только онъ оказывался лицомъ, принадлежащимъ къ бѣлому духовенству, долженъ былъ по крайней мѣрѣ послѣ выбора принять монашеское званіе ²⁾. Еще менѣе вѣче стѣснялось іерархическими соображеніями. Во владыки, конечно, нерѣдко избирались игумены, іеромонахи, священники, по точно также нерѣдко и простые чернецы, не имѣвшіе никакой степени священства: все дѣло зависѣло тутъ отъ народнаго желанія ³⁾. Единственное ограниченіе, которое, кажется, имѣло мѣсто при выборѣ главы Новгородской церкви, состояло въ томъ, что избираемое лицо должно было принадлежать къ духовному званію. По крайней мѣрѣ намъ неизвѣстно ни одного примѣра, чтобы владычняго сана былъ удостоенъ кто-либо изъ мірянъ.

Не смотря на отсутствіе всякихъ постороннихъ стѣсненій, выборъ владыки въ Новгородѣ, благодаря соперничеству вѣчевыхъ партій, былъ все-таки дѣломъ весьма труднымъ. Поэтому для облегченія его, Новгородцы уже заранѣе прибѣгали обыкновенно къ содѣйствию стараго владыки и просили его „благословить“ кого-либо на свое мѣсто или указать на одно или нѣсколькихъ лицъ, которыя могли бы служить ему преемниками. Указаніе это однако должно быть считаемо не за особенную форму избранія владыки, какъ думаютъ нѣкоторые ученые, а только за рекомендацію кандидатовъ, ничуть не устранившую собственной дѣятельности вѣча. Имѣла ли мѣсто эта рекомендація, или нѣтъ, выборъ въ концѣ концовъ все-таки составлялъ дѣло

¹⁾ П. С. Р. Л., III, 67, 1299 г.: «и съ звонивше вѣче у св. Софьи, князь Георгій Андреевичъ, со всеми Новгородци, въведоша его (Феофтиста игумена) съ поклономъ и посадиша ѿ въ владыкъ на дворѣ».

²⁾ П. С. Р. Л., III, 75, 1330 г.: «възлюбиха весь Новгородъ... Григоріа Калѣку іереа бывша св. безребрянникъ Козмы и Даміана на Холпіи улицы и повелѣша ему пріяти св. ангельскіи образъ».

³⁾ П. С. Р. Л., IV, 63, 1359 г.: «Новгородцы въведоша на сѣни Алексія черца тои же зимы владыка поставленъ бысть дьякономъ и потомъ въ Теери».

самого вѣча ¹⁾). При этомъ, если вѣчу удавалось прійти къ единогласному рѣшенію, избраніе считалось совершившимся, новоизбранный владыка тотчасъ же или чрезъ нѣкоторое время былъ торжественно возводимъ вѣчемъ во владычій дворъ ²⁾). Но коль скоро вѣче раздѣлялось въ своихъ желаніяхъ, то обыкновенный порядокъ вѣчевыхъ рѣшеній не представлялъ никакихъ средствъ къ дальнѣйшему движенію дѣла: нельзя-же было каждой партіи проводить въ представители церкви собственнаго кандидата съ оружіемъ въ рукахъ. Въ подобныхъ случаяхъ ходъ избранія владыки былъ подчиненъ особенному порядку, любопытному для характеристики новгородскаго быта. Какъ оно ни казалось бы естественнымъ, однако Новгородцы и тутъ не дали мѣста рѣшенію большинства голосовъ; въ замѣнъ его былъ введенъ жеребій, на исходъ котораго Новгородцы смотрѣли, какъ на проявленіе воли Божіей: поэтому всѣ владыки, достигшіе своего званія этимъ путемъ, считались избранными не людьми, а Богомъ и св. Софіей ³⁾). Самый процессъ жеребьеванія происходилъ уже не на Ярославль дворъ, гдѣ обыкновенно было заявляемо о необходимости избранія новаго владыки, а на вѣчѣ у св. Софіи и совершался слѣдующимъ образомъ ⁴⁾): Имена трехъ кандидатовъ, опредѣлявшихся уже заранѣе, писались на особенныхъ жребіяхъ, которые, по приложеніи къ нимъ посадникомъ его должностной печати, и помѣщались затѣмъ на престолѣ св. Софіи ⁵⁾). Къ выниманію жеребь-

¹⁾ П. С. Р. Л., III, 63, 1274 г.: «посадникъ Павша съ мужи старѣйшими биша челомъ Далмату: кого, отче, благословиши на свое мѣсто пастуха намъ и учителя? Далматъ же нарече два игумена... коего себѣ излюбите, того вамъ благословлю. Иде посадникъ на Юань дворъ и съ зва Новгородци и сказа имъ слово Далматово; и възлюбима вси Богомъ възлюбленнаго Климента»... См. тамъ же, III, 69, 1308.

²⁾ П. С. Р. Л., III, 19, 1186 г.: «Новгородцы же съ мн. Мьстиславомъ... съдумавше, изволиши себѣ поставити братъ его Ильинъ Гаврила». См. также предыдущую ссылку.

³⁾ П. С. Р. Л., III, 86, 1359 г.: «и много гадаваше посадникъ, и тысяцскыи а весь Новгородъ, игумены и попове, и не изволиша себѣ отъ человекъ избраніи сътворити, но изволиша себѣ отъ Бога пріяти свѣщеніе и уповати на милость его, кого Богъ похощеть и св. Софія, того знаменаетъ»... См. тамъ же, III, 21, 1193 г.; и 45, 1229 г.

⁴⁾ П. С. Р. Л., IV, 235, 1471 г.

⁵⁾ П. С. Р. Л., IV, 95, 1388 г.: «и избраша три игумены, и сътвориша три жребья; въ первый написаша игумена св. Спаса съ Хутинъ Ивана... и посадникъ Михаилъ Даниловичъ самъ жребья печатавъ, и положиша на престолѣ въ св. Софіи».

евъ приступали однако не тотчасъ по совершеиіи этой операціи, а только послѣ отпращенія литургіи, въ продолженіе которой Новгородцы стояли вѣчемъ предъ храмомъ св. Софіи ¹⁾. Для спятія жеребьевъ съ престола въ древнѣйшее время обыкновенно выбирались люди, отъ которыхъ всего меньше можно было ожидать какой-либо фальши, а именно слѣпцы, княжескія дѣти. Выбраннымъ же въ первоначальное время считался тотъ, чей жеребій былъ первый вынесенъ къ народу ²⁾. Но въ XIV столѣтіи порядокъ этотъ подвергся значительнымъ измѣненіямъ. Съ этого времени обязанность снимать жеребьи возлагалась обыкновенно на старшаго священника (протопопа) Софійскаго собора, да и избраннымъ считался уже не тотъ, чей жеребій былъ первымъ вынесенъ къ народу, а тотъ, чей жеребій оставался послѣднимъ на престолѣ ³⁾. Смотри на жеребьеваніе, какъ на проявленіе воли Божіей, Новгородцы естественно должны были съ теченіемъ времени прійти къ убѣжденію, что съ ихъ стороны будетъ гораздо послѣдовательнѣе считать избраннымъ того, на кого какъ указывала бы св. Софія, оставляя его жеребій при себѣ, то-есть, на своемъ престолѣ ⁴⁾.

По избраніи и возведеніи во владычныя сѣни, новоизбранный назывался нареченнымъ владыкой и въ вѣрной надеждѣ на посвященіе отъ митрополита въ ближайшемъ будущемъ немедленно же приступалъ къ управленію церковью. Определеннаго срока, въ теченіе котораго владыкѣ непременно нужно было быть посвященнымъ въ свой санъ, не существовало: нѣкоторые епископы оставались въ званіи нареченныхъ владыкъ нѣсколько мѣсяцевъ, другіе же — цѣлыя года и даже по нѣскольку, по три и по шести лѣтъ ⁵⁾. Все дѣло зависѣло

¹⁾ П. С. Р. Л., IV, 95, 1388 г.: «И начаша іереи съборомъ литургію пѣти а Новгородци стояша вѣчемъ у св. Софьи»...

²⁾ П. С. Р. Л., III, 21, 1193 г.: «и послаша съ вѣча слѣпца, да коего намъ Богъ дасть, и вынеся Божію благодатію Мартурин... Тамъ же, III, 45, 1229 г.: «и послаша изъ грядницѣ владычнѣ княжича Ростислава... и вынеся Спуридонъ»...

³⁾ П. С. Р. Л., IV, 95, 1388 г.: «и по опыти св. службы, протопопъ Иванко въземъ съ престола изнесе на вѣче жребій Аонасьевъ, и потомъ Пореевевъ, а Иваковъ остался на престолѣ»... Тамъ же, III, 106, 1415; 110, 1421 г.

⁴⁾ П. С. Р. Л., III, 66, 1339 г.: «и избраша себѣ три мужа... и положиша три жребіе на престолѣ въ св. Софії, утвердивше себѣ слово, его же восхоцеть Богъ и св. Софія Премудрость Божія, своему престолу служебниа имѣти, того да оставитъ на престолѣ своемъ».

⁵⁾ П. С. Р. Л., III, 181, 1325, 183, 1424 и 1429 гг.

туть отъ случайныхъ обстоятельствъ, главнымъ образомъ отъ того, была ли замѣщена митрополичья кафедра на Руси, и гдѣ въ данное время находился на лицо глава Русской церкви ¹⁾. Коль скоро только мѣстопробываніе митрополита становилось достовѣрно извѣстнымъ, и митрополичьи поклонники, пріѣхавъ въ Новгородъ, возвѣщали о согласіи его совершить посвященіе, Новгородскій владыка немедленно же отправлялся къ нему въ сопровожденіи особенной свиты, состоявшей изъ духовныхъ лицъ и бояръ и служившей для митрополита гарантіей въ дѣйствительности желанія Новгородцевъ имѣть извѣстное лицо своимъ епископомъ ²⁾. Поставленіе въ епископы естественно должно было сообразоваться съ тѣмъ званіемъ, которое носилъ нареченный владыка. Если народный избранникъ уже раньше имѣлъ степені священства, то митрополитъ, повятно, совершалъ только одинъ обрядъ хиротонисанія; если же нареченный владыка былъ простымъ чернецомъ, то его предварительно посвящали въ діаконы и священники. Временами это посвященіе совершалось совершенно независимо отъ митрополита, въ сосѣднемъ съ Новгородомъ епископскомъ городѣ, а именно въ Твери: такъ, по крайней мѣрѣ былъ посвященъ въ Твери чернецъ Алексѣй въ 1359 году ³⁾. Но обыкновенно и ставленіе въ низшія степені совершалось самимъ митрополитомъ, или по крайней мѣрѣ подъ его руководствомъ, одновременно съ посвященіемъ въ епископскій санъ ⁴⁾. Самый обрядъ хиротонисанія состоялъ изъ двухъ частей—изъ знаменанія или церковнаго нареченія и собственно посвященія, которыя совершались въ различные дни и въ различныхъ церквахъ ⁵⁾. Если хиротонисаніе происходило, какъ

¹⁾ П. С. Р. Л., III, 67, 1299 г.: «и посадиша ѿ въ владычнн дворѣ, донде увѣдають, гдѣ митрополитъ».

²⁾ П. С. Р. Л., III, 75, 1331 г.: «Пріидоша послеве отъ митрополита изъ Волынской земли... зовуще Василія къ митрополиту на поставленіе... поиде преспод. Василіи въ Волынскую землю къ митрополиту на поставленіе, а съ нимъ бѣше бояре Новгородскіи». Тамъ же, IV, 96, 1388 г.: «пріѣхаша поклоньщики съ Москвы отъ Пумина митрополита позывати на поставленіе владыку»... Тамъ же, III, 25, 1201 г.

³⁾ П. С. Р. Л., III, 87, 1359 г. «поставленъ бысть Алексѣй чернецъ, шестникъ, въ діаконы и въ попы отъ Тверского епископа Феодора».

⁴⁾ П. С. Р. Л., III, 45—46, 1230 г.

⁵⁾ А. А. Э., I, 471, № 375, 1456 г.: «митрополитъ же возставъ, руку протягъ. Яво же знамянати, глаголетъ всегласносице: «благодать пресв. Духа... имѣеть ты епископомъ». П. С. Р. Л., VI, 242, 1498 г.: «и знаменалъ митрополитъ вьвука крестомъ, глаголя: «во имя Отца и Сына и Св. Духа»; и князь великій поло-

оно временами случалось, въ самомъ Новгородѣ, то знаменавіе совершалось въ церкви св. Бориса и Глѣба, а посвященіе—въ св. Софїи. Если же поставленіе имѣло мѣсто въ Москвѣ, то первое совершалось въ церкви Успенія, а второе—въ храмѣ св. Михаила. Къ концу независимаго существованія Новгородцы однако достигли того, что и въ Москвѣ посвященіе ихъ владыкъ стало отправляться въ главномъ храмѣ, то-есть, въ Успенскомъ соборѣ¹⁾. Бѣльшая часть владыкъ оставалась съ тѣми же именами, которыя они носили и до своего посвященія; но нѣкоторымъ митрополитъ еще разъ переимѣнялъ имя, не смотря на то, что нареченные владыки, сообразно съ утверждавшимся въ Новгородской церкви обычаемъ, предъ посвященіемъ принимали монашество, и слѣдовательно, уже раньше посвяти не мірское, а монашеское имя. Такъ чернецъ Сампсонъ былъ посвященъ митрополитомъ въ епископы въ 1416 году подъ именемъ Евсеімія²⁾.

Сравнительно съ другими властями Великаго Новгорода, положеніе Новгородскихъ владыкъ въ силу святости самаго ихъ сана было гораздо болѣе устойчивымъ; но и его нельзя назвать однако совершенно изъятымъ отъ всѣхъ превратностей судьбы. Переимѣны, слѣдовавшія непрерывно одна за другою въ гражданской жизни Новгорода, не могли не отражаться и на положеніи владыки, такъ какъ вслѣдствіе этихъ переимѣнъ владыка легко становился въ противорѣчіе съ господствовавшюю партіей. Въ особенности шатко было положеніе такъ называемыхъ нареченныхъ владыкъ. Благодаря измѣненію въ расположеніи народа, иному нареченному владыкѣ не удавалось дожидаться и посвященія отъ митрополита: вмѣсто предполагаемаго посвященія онъ подвергался неожиданно изгнанію изъ владычнаго двора и удаленію въ монастырь, изъ котораго былъ призванъ.

жилъ вѣнку на внука, и митрополитъ благословилъ внука». Тамъ же, III, 165, 1571.

¹⁾ П. С. Р. Л., III, 67, 1300 г.: «Прѣвѣа Максимъ митрополитъ въ Новгородъ и Ростовскыи еп. Семень и Тѣерскыи еп. Андрей и поставиша архіепископа Новгороду Феоктиста; знаменаша его въ церкви св. Бориса и Глѣба мѣсяца іюня 28, того же мѣсяца и поставиша его въ св. Софїи». Тамъ же, V, 243, 1388 г.: «поставленъ бысть Иванъ архіепископомъ Новгороду, въ преименитой церкви св. вел. урх. Михаила пресв. митроп. Пуминомъ... и знаменанъ бысть въ церкви св. Богородици Пуминомъ митрополитомъ съ прочими епископы». Ср. П. С. Р. Л., III, 94, 1388 г., 106, 1416 г.; А. А. Э., I, 99, № 91, 1431 г.: «а ставитися нашему владыцѣ въ дому Пречистые и у гроба св. Петра чудотворца въ Москвѣ».

²⁾ П. С. Р. Л., III, 106, 1416; 110, 1424 г.

Такъ, въ 1228 году чуть не съ побоями прогнанъ былъ съ владычнаго двора нареченный владыка Арсеній подѣ тѣмъ предлогомъ, что будтобы по его волѣ Новгородъ постигла продолжительная оттепель, причинившая народу много вреда. Подобнымъ образомъ былъ удаленъ въ 1421 году Θεодосій: въ вину ему было поставлено то, что онъ былъ шестникъ, то-есть, пришлецъ, а не настоящій Новгородецъ ¹⁾. Однако и посвященіе не совсѣмъ спасало владыкъ отъ переменъ въ расположеніи народа: лучшимъ доказательствомъ этого могутъ служить нерѣдкіе примѣры добровольнаго оставленія владыками своей каѳедры. Нѣтъ сомнѣнія, что въ подобныхъ случаяхъ не оставались безъ вліянія и личныя причины, въ родѣ склонности къ монашескому уединенію, немощи или престарѣлости; но одними ими объяснять дѣла нельзя ²⁾. Съ одной стороны, многіе владыки по оставленіи нерѣдко снова возвращались на каѳедру: такъ владыка Моисей управлялъ Новгородскою епархіею два раза, отъ 1325 по 1330 г., и отъ 1352 по 1359 годъ, владыка Алексѣй—также два, отъ 1359 по 1375 г., и отъ 1375 по 1386 годъ ³⁾. Съ другой стороны, есть примѣры, показывающіе, что оставленіе владыкою каѳедры „по своей волѣ“ было въ сущности невольнымъ, вынужденнымъ обстоятельствами. Таково было, на примѣръ, удаленіе по своей волѣ въ 1228 году владыки Антонія, не задолго передъ тѣмъ воротившагося на родину изъ Перемишля: въ сущности оно было не чѣмъ инымъ, какъ слѣдствіемъ происковъ Арсенія: не даромъ же впоследствии Новгородцы обвиняли послѣдняго, что онъ выпроводилъ владыку Антонія и сѣлъ на владычномъ

¹⁾ П. С. Р. Л., III, 44, 1228 г.: «въздвиге (дьяволъ) на Арсенія мужа кротка и смѣрена крѣпкоу велику, простую чюдъ; и створше вѣче на Ярославѣ дворѣ, и поидоша на владычны дворѣ, рекуче: того дѣла стоить тепло дѣлго, выпроводилъ Антонія владыку на Хугино, а самъ сѣлъ давъ мѣзду князю; — и акы злодѣя пѣхающе за воротъ выгнаша, малъ Богъ ублюде отъ смѣрти... Тамъ же, III, 110, 1424 г.: «послаша Новгородца Θεодосіа въ свой монастырь». Тамъ же, IV, 120, 1423 г.: «а рзучи тако: не хотимъ шестника владыкою». Ср. П. С. Р. Л., III, 110, 1421 г.

²⁾ П. С. Р. Л., III, 68, 1308 г.: «выиде архіеп. Θεоктистъ изъ владычня двора, своего дѣла нездоровія, благословивъ Новгородъ». Тамъ же, III, 75, 1330.

³⁾ П. С. Р. Л., III, 73, 1325; 75, 1330; 86, 1359 г. Тамъ же, III, 90, 1375 г. «сѣиде влад. Алексѣи съ владычества, по своей воли... Новгородцы же въ то время... послаша къ митрополиту... чтобы благословилъ сына своего владыку Алексѣа въ домъ св. Софіа на свои святительскій степенъ, и митрополитъ благослови... а Новгородцы вѣчемъ стаха на Ярославѣ дворѣ и послаша съ челобитіемъ къ владыкъ, и владыка пріа челобитіе».

столѣ, давъ мзду князю ¹⁾). Не всегда однако партія, достигшая господства въ Новгородѣ и недовольная владыкой, дожидалась его добровольнаго удаленія; бывали случаи, что вѣче, помимо всякаго разрѣшенія со стороны митрополита, низлагало собственною властью и посвящаемыхъ уже владыкъ. Такъ, въ 1211 году народная партія низложила владыку Митрофана и избрала на его мѣсто Антонія, который и былъ посвященъ митрополитомъ ²⁾. Но въ 1219 году, вслѣдствіе торжества княжеской партіи, обстоятельства опять совершенно переѣнились. Воспользовавшись удаленіемъ владыки Антонія въ Торжокъ, Новгородцы вновь посадили на кафедру Митрофана, и когда Антоній не захотѣлъ отказаться отъ своего сана, дѣло запуталось до того, что по необходимости пришлось обратиться за разрѣшеніемъ къ митрополиту. Послѣдній уладилъ распрю такъ, что въ Новгородѣ оставилъ владыкой Митрофана, какъ старѣйшаго, а Антонію далъ Перемышль ³⁾.

Избраніемъ владыки и отчасти его удаленіемъ собственно и исчерпывалось все вліяніе мірской власти на ходъ церковныхъ дѣлъ; никакихъ другихъ попытокъ къ ограниченію церковной власти въ Новгородѣ мы не видимъ. Правда, бывали случаи, когда вѣче считало нужнымъ приставить къ епископу изъ своей среды людей, которые наблюдали бы за правильнымъ отправленіемъ имъ своихъ обязанностей. Но съ одной стороны, такіе случаи были, кажется, исключительными (извѣстенъ всего одинъ примѣръ) и обуславливались явно сдѣлкой двухъ противоположныхъ вѣчевыхъ партій, изъ которыхъ одна приставляла своихъ людей къ владыкѣ, возведенному другою. Съ другой стороны, можно думать, что ограниченіе въ такомъ случаѣ касалось исключительно одной гражданской дѣятельности владыки,

¹⁾ П. С. Р. Л., III, 42, 1225 г.: «приде архіепископъ Антоніи изъ Перемышля въ Новгородъ и сѣде на своемъ столѣ и ради быша Новгородци своему владыцѣ... Тамъ же, III, 42, 1228 г.: «Помде Антоніи архіепископъ Новгородскыи на Хутино къ св. Спасу, по своей воли». Ср. тамъ же, III, 44, 1228 г.

²⁾ П. С. Р. Л., III, 21, 1211 г.: «зависть въложи (дьяволъ) людемъ на архіепископа Митрофана съ кн. Мстиславомъ, и не даша ему правитися, и ведоша и въ Торопць».

³⁾ П. С. Р. Л., III, 37, 1219 г.: «иде Антонъ археп. Новгородскыи на Тържкъ; Новгородци же въведоша археп. Митрофана въ дворъ опять на столѣ, а къ Антонію послаша: понди, кдѣ ти любо; Антоніи же понде въ Новгородъ къ св. Спасу въ Передичахъ; князь же и Новгородци рекоша Митрофану и Антону: иди къ митрополиту, да кого намъ прислетъ, то нашъ владыка... Ср. тамъ же, III, 38, 1220 г.

но отнюдь не церковной ¹⁾). Въ церковной сферѣ, напротивъ, владыка былъ совершенно независимымъ отъ мірской власти дѣятелемъ. Только къ концу самобытнаго существованія Новгорода возникаетъ потребность подчинить нѣкоторому контролю по крайней мѣрѣ судебную дѣятельность церковной власти. Но и здѣсь, во первыхъ, ближайшимъ поводомъ къ учрежденію контроля послужило, по всей вѣроятности, присутствіе въ церковной компетенціи множества гражданскихъ дѣлъ, а во вторыхъ, самъ владыка былъ оставленъ совершенно въ сторонѣ: за опущенія въ церковномъ судѣ долженъ былъ отвѣчать его намѣстникъ, руководившій этимъ дѣломъ. Послѣдній подвергся именно штрафу въ 50 рублей въ пользу города и взысканію убытковъ, понесенныхъ истцомъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда по вначію какого-либо дѣла, уѣзжалъ изъ Новгорода, не приведя его къ концу ²⁾). Собственно говоря, какъ глава мѣстной церкви, Новгородскій владыка если и стоялъ въ какой-либо зависимости, то только отъ Кіевского, впоследствии Московскаго митрополита. Но и эта зависимость являлась болѣе номинальною и была отяготительною для владыки развѣ въ матеріальномъ отношеніи, но никакъ не въ церковномъ. Единственнымъ дѣйствительнымъ ограниченіемъ, которымъ связывался Новгородскій владыка въ дѣлахъ церкви, должны считаться поэтому одни только каноническіе законы. Послѣдніе составляли предметъ особеннаго попеченія Новгородцевъ и были уже очень рано извѣстны Новгороду. Уже бесѣда владыки Нифонта съ Кирикомъ показываетъ, что около половины XII столѣтія въ Новгородѣ имѣлся Номоканонъ въ XIV-ти титулахъ ³⁾. Въ болѣе же поздній періодъ, благодаря стараніямъ митрополита Кирилла II, каноническія правила Великаго Новгорода могли получить законченный видъ. Въ 1282 году составлена была, по волю епископа Климента, полная Новгородская Кормчая и положена въ Софійскомъ соборѣ „на почитаніе священникамъ и на послушаніе крестьяномъ“. Какъ и всѣ другіе списки каноническихъ правилъ того времени, новый Новгородскій (Софійскій) списокъ заключалъ въ себѣ уже толкованія, заимствованныя изъ Кормчей, полученной Кирилломъ изъ Болгаріи. Но въ основаніи его скрывается упомянутый нами ста-

¹⁾ П. С. Р. Л., III, 14, 1228 г.: «а завтра въведоша опять Антонія архиепископа и посадиша съ нимъ 2 мужь, Якуна Моисѣевича, Микифора Щитника».

²⁾ А. А. Э., I, 71, № 92, 1471 г.: «или тысяцкой поѣдетъ прочь изъ города не кончавъ суда, или владыченъ намѣстникъ, ино взять великимъ княземъ и Великому Новгороду 50 рублей, а истцю убытки подойметъ».

³⁾ Павловъ, Первоначальный славяно-русскій Номоканонъ, стр. 58 и д.

рый переводъ церковныхъ правилъ, существовавшей въ Новгородѣ уже въ предшествовавшее время. вмѣстѣ съ тѣмъ изъ стараго же Новгородскаго Номоканона перешли въ Софійскій списокъ и статьи русскаго, преимущественно мѣстнаго новгородскаго происхожденія, а именно: дополненія къ церковному уставу Или Новгородскаго, каноническіе отвѣты Іоанна II, вопросы Кирика и отвѣты Нифонта, опредѣленія Владимірскаго собора 1274 года и церковныя уставныя грамоты Владиміра Святаго и князи Святослава (1137 г.)¹⁾.

Мы сказали уже, что положеніе, занятое Новгородскою церковью въ общей жизни Великаго Новгорода, не осталось безъ вліянія и на ея внутреннее устройство и управленіе. Прежде всего, благодаря обширному кругу мірскихъ занятій, личная дѣятельность главы Новгородской церкви ограничивалась самымъ необходимымъ, а именно—посвященіемъ ставленниковъ, освященіемъ церквей и общимъ наблюденіемъ за церковнымъ благочиніемъ. Сообразно съ церковными правилами, первая обязанность лежала на владыкахъ безусловно и требовала ихъ особеннаго вниманія, такъ какъ при поставленіи новыхъ лицъ на церковныя мѣста дѣло шло не просто объ одномъ актѣ посвященія, но вмѣстѣ съ тѣмъ объ ознакомленіи со ставленниками и, временами, даже о ихъ подготовленіи²⁾. Что же касается до второй, до освященія церквей, то самъ владыка постоянно занимался этимъ дѣломъ, только, кажется, въ одномъ Новгородѣ³⁾. Въ другихъ же городахъ и краяхъ Новгородской земли онъ принималъ на себя эту обязанность рѣдко, только въ исключительныхъ случаяхъ, когда жители извѣстной мѣстности дѣлали изъ освященія храма особенное мѣстное торжество⁴⁾. Въ большей же части случаевъ онъ поручалъ дѣло освященія церквей приближеннымъ лицамъ изъ среды окружавшаго его софійскаго духовенства или даже просто обходился при помощи разсылки антиминсовъ⁵⁾. Наконецъ, наблюденіе за цер-

¹⁾ *Павловъ*, Первон. славяно-руск. Номоканонъ, стр. 73—78.

²⁾ А. И., I, 147, № 104, 1496—1504 г.

³⁾ П. С. Р. Л., III, 100, 1398 и 1399 гг.

⁴⁾ П. С. Р. Л., III, 88, 1364 г.: «Поставиша въ Торжну церковь камену... замышленіемъ богобоязливыхъ купцовъ Новгородскихъ, а потянутіемъ всѣхъ правовѣрныхъ христіанъ; а на зину свяща ю археп. Новгородскыи Алексѣи, съ попы и съ дяковы и съ крылосомъ св. Софіа».

⁵⁾ П. С. Р. Л., III, 89, 1367 г.: «биши (Шковича) чедомъ археп. Новгородскому Алексѣю о священіи св. Троица, и посла къ нимъ владыка отца своего духовнаго Іоана, и протопопа своего, и протодіакона и священа бысть церкви св. Троица»... А. И., I, 17, № 8, 1392—1395 г.: «А коли самъ (митрополить)

ковнымъ благочивіемъ представляло для владыки нѣкоторый трудъ только развѣ въ отношеніи Новгородской земли. Въ самомъ Новгородѣ ознакомленіе съ теченіемъ церковныхъ дѣлъ совершалось какъ бы само собою, такъ какъ послѣднія происходили какъ бы на глазахъ у владыки. Не такъ легко доставалось оно въ пригородахъ и волостяхъ. Конечно, нѣкоторыя данныя о положеніи церковныхъ дѣлъ въ области получались владыками иногда отъ ихъ областныхъ органовъ, а иногда и отъ частныхъ лицъ, и имъ оставалось только давать свои резолюціи по возбуждавшимся вопросамъ¹⁾. Но тѣмъ не менѣе, для непосредственнаго ознакомленія съ волостями необходимо было прибѣгать временами и къ личнымъ визитациямъ или „поѣздкамъ“, и сколько мы знаемъ, владыки дѣйствительно имѣли обыкновеніе совершать поѣздки по своей епархіи и посѣщать отдѣльные края послѣдней, то Заволочье, то Корѣльскую землю, то Псковъ²⁾. Но врядъ ли однако можно утверждать, что эти церковныя визитации служили особенно плодотворнымъ средствомъ при устройствѣ епархіальныхъ дѣлъ. Сколько-нибудь правильному совершенію ихъ должны были мѣшать, независимо отъ постороннихъ обстоятельствъ, обширность Новгородской земли и отсутствіе всякихъ сносныхъ путей сообщенія. Потому визитации производились вообще крайне рѣдко, а съ нѣкоторою правильностью изъ всѣхъ Новгородскихъ краевъ только по отношенію къ одному Пскову, занимавшему въ Новгородской епархіи привилегированное положеніе и потому требовавшему болѣе надзора.

Слѣдствія общественнаго положенія Новгородской церкви сказывались не только въ отвлеченіи отъ дѣлъ самого владыки, но и въ характерѣ владычней администраціи. Принимая во вниманіе все разнообразіе обязанностей, которыя возникали для владыки частію изъ его политической дѣятельности, частію изъ его отношеній къ своимъ поземельнымъ владѣніямъ, мы необходимо должны предположить, что удовлетвореніе этимъ обязанностямъ потребуетъ массы

былъ въ Новгородѣ въ Великомъ, тогда есмь антимиомъ свящааъ, а приказалъ бытъ есмь епископу послати и къ вамъ тѣхъ антимиосовъ».

¹⁾ А. И., I, 61, № 31, 1426 г.

²⁾ П. С. Р. Л., IV, 119, 1419 г.: «Владыка Семеонъ ѣздилъ по Корѣльской земли». Тамъ же, IV, 125, 1446 г.: «владыка Еуеимій... повѣха за Волокъ благословити Новгородскую отчину и свою архіепископью, и своихъ дѣтей». Тамъ же, III, 11, 1153 г.: «иде... архіеп. Нисонтъ въ Ладогу и заложилъ церковь камяну св. Климента». Тамъ же, IV, 123, 1446 г.

свѣтскихъ слугъ, спеціально предназначенныхъ для этой цѣли. И дѣйствительно, владыка обиталъ въ новгородскомъ дѣтинцѣ не только среди „духовнаго полка“, но и въ сосѣдствѣ огромнаго „мірскаго воинства“, такъ что дворъ его самъ собою превращался въ точный противень княжескаго оригинала. По патрональному новгородскому храму св. Софіи мірское воинство владыки, со включеніемъ, вѣроятно, и духовнаго полка, носило названіе софіянъ, а по мѣсту служенія при владычнемъ дворѣ называлось владычными дворянами и помѣщалось частію на самомъ дворѣ, частію же неподалеку въ окрестности, на владычнемъ берегу рѣки Волхова, на рѣчкѣ, называвшейся Крюкомъ ¹⁾. Высшую степень между софіянами занимали нарочитые дворяне или бояре, игравшіе, безъ сомнѣнія, не маловажную роль и при самомъ избраніи владыки. Бояре служили ближайшими пособниками владыки въ его политической дѣятельности: при посредствѣ бояръ владыка велъ иногда переговоры съ вѣчемъ, боярамъ же поручалось временами и исполненіе посольствъ второстепенной важности ²⁾. Независимо отъ этихъ отдѣльныхъ порученій, бояре вообще служили запасомъ, изъ котораго владыка избиралъ себѣ людей для завѣдыванія своимъ дворомъ и для управленія имѣніями, въ особенности же для производства владѣльческаго суда и управы. Такъ изъ бояръ назначались чашники и столбники, заведенные владыкою по образцу чиновъ княжескаго двора, и, вѣроятно, разныя иныя чины, имена которыхъ до насъ не дошли ³⁾. Точно также изъ бояръ назначались судьи, которые, раздѣляя подъ именемъ поѣздниковъ или посыльниковъ по владычнымъ волостямъ, давали крестьянамъ судъ и управу, собирали оброки и судебныя пени и доставляли ихъ въ казну епископа, взимая за все это и въ свою пользу нѣкоторые натуральные

¹⁾ П. С. Р. Л., III, 21, 1193 г.: «Новгородцы же съ кн. Ярославомъ, и съ игуменъ, и съ Софьяны, и съ попы съдумавше, изволиша... Тамъ же, VI, 286, 1528 г.: «Онъ же обрѣте мѣсто на Софійской сторонѣ, идѣже баня стоитъ на рѣчкѣ; а ту рѣчку преже изъначала звали Крюкъ, а на ней преже жили нарочитые дворяне владычня двора».

²⁾ П. С. Р. Л., IV, 117, 1418 г.: «Святитель же послуша моленія ихъ, посла его (Степанка) съ попомъ ихъ (Кузмо-Демьяцевъ) на вѣче со своимъ бояриномъ». Тамъ же, IV, 236, 1471 г.: «И Великій Новгородъ всего того не ради, да своего посла Родіона владычня столбника во Псковъ о томъ прислалъ».

³⁾ П. С. Р. Л. IV, 128, 1471 г.: «Князь великій... посъче 4 боярина... и между ними «Еремія владычня чашника». Тамъ же, III, 44, 1228 г.: «И разграбша дворъ его... и Андрейченъ владычня столбника и Давыдковъ Софійскаго (софіянина?»).

поборы съ тѣхъ же крестьянъ ¹⁾. За боярами слѣдовали владычни дѣти боярскіе, отличительную обязанность которыхъ составляла, быть можетъ, служба во владычномъ полку ²⁾. Во всякомъ случаѣ, подобно боярамъ, владыка пользовался и боярскими дѣтьми какъ для отдѣльных порученій, такъ и при управленіи своими вотчинами. Боярскія дѣти были посылаемы владыкой съ поминками къ митрополиту, и изъ нихъ же по всей вѣроятности, назначались имъ волостели, завѣдывавшіе цѣлыми волостями, и поселники, управлявшіе отдѣльными селами ³⁾. Въ качествѣ такихъ управителей, боярскія дѣти должны были собирать доходы въ пользу землевладѣльца, исполнять полицейскія обязанности и даже, временами, давать управу подчиненнымъ. Такъ извѣстно, что въ позднѣйшее время владычни люди, управлявшіе вотчинами, обязаны были въ томъ случаѣ, когда обвиненіе въ какомъ-либо важномъ преступленіи, убійствѣ, грабежѣ и т. п. падало на владычныхъ крестьянъ, представлять послѣднихъ въ Новгородскій судъ ⁴⁾. Дальнѣйшіе отдѣлы владычныхъ слугъ составляли паробки, занимавшіеся письменными работами, въ особенности перепиской священныхъ книгъ, и холопы, исполнявшіе всѣ низшія обязанности по владычному двору и управленію ⁵⁾.

Но коль скоро вокругъ владыки уже существовали штаты свѣтскихъ владычныхъ слугъ, то естественно ожидать, что при обыкновенномъ въ то время отсутствіи строгаго сознанія о различіи свѣтскихъ и церковныхъ дѣлъ, свѣтскіе слуги архіерея захватятъ въ свои руки и церковное управленіе, и такимъ образомъ вотчинная администрація владыки перейдетъ въ епархіальную. Такой переходъ совер-

¹⁾ А. З. Р., I, 91, № 71, по 1479 г.: «а того здавна не бывало, што владычнымъ бояромъ ѣздити по тымъ жеребьемъ много». Тамъ же, I, 88: «а коли ѣздыть поѣздычки владычины по волости, а пригодится имъ судити судъ съ королевымъ намѣстникомъ»...

²⁾ Д. къ А. И., I, 57, № 42, 1517—1551 г.: «писалъ еси ко мнѣ (Новгородскому епископу Θεодосію) въ своей грамотѣ, что государь князь великій нашихъ дѣтей боярскихъ отъ казанскія службы ведѣла оставити».

³⁾ А. И., I, 507, № 275, 1461 г.: «А что еси, сыну, приедадъ къ намъ своего сына боярського, на имя Василья, и съ своими поминки, по изначальству, какъ прежніе твоя братья, архіепископы В. Новгорода и Пскова, посылали къ моей братьи, преже бывшимъ мене митрополитомъ, о церковныхъ великихъ и духовныхъ дѣлахъ».

⁴⁾ А. А. Э., I, 72, № 92, 1471.

⁵⁾ Изв. II-го Отд. Имп. Ак. Н., VI, 279, 1362 г.: «а писалъ многогрѣшный худыи неразумныи владыченъ паробокъ Микюла». Тамъ же, стр. 289.

шался тѣмъ легче, что владыка избавлялся чрезъ это отъ необходимости расходовать свои средства на образованіе и содержаніе новаго, особеннаго штата церковныхъ чиновъ. Правда, нѣкоторая доля церковныхъ дѣлъ, какъ на примѣръ, освященіе церквей, преподаваніе благословенія и т. п., могла быть совершена не иначе, какъ духовными лицами. Но по ея незначительному расширенію, она не требовала образованія особенныхъ постоянныхъ церковныхъ органовъ: при исполненіи такихъ дѣлъ можно было удовольствоваться простою системою порученій. На самомъ дѣлѣ оно такъ обыкновенно и было: при встрѣчѣ съ дѣломъ, требовавшимъ непрелѣннаго участія духовнаго элемента, владыка просто возлагалъ исполненіе его на то или другое лицо изъ окружавшаго его новгородскаго духовенства¹⁾; во всѣхъ же другихъ сферахъ церковной дѣятельности, гдѣ содѣйствіе духовенства не было безусловно необходимымъ, мы встрѣчаемъ не духовныя лица, а свѣтскихъ дѣятелей изъ среды мірскаго воинства владыки или софіянъ. Такъ извѣстно, что при совершеніи епархіальныхъ визитацій владыка былъ окруженъ не только своимъ клиромъ, но и многочисленною свитой софіянъ. Во Псковѣ однажды даже произошла свалка софіянъ съ мѣстными жителями, которая и побудила владыку къ немедленному отъѣзду²⁾. Затѣмъ софіяне играли важную роль и при владычнемъ управленіи и судѣ. Изъ нихъ именно назначались всѣ низшіе служители, исполнявшіе при судѣ полицейскія обязанности и соотвѣтствовавшіе мірскимъ подвойскимъ и позовникамъ. Новгородская судная грамота сообщаетъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда на судъ Новгородскаго владыки требовались лица, жительствовавшія гдѣ-либо въ области, изъ софіянъ посылались къ нимъ особенные гонцы, которые и передавали позовъ или судебное приглашеніе на мѣстѣ. Вознагражденіе, которое слѣдовало софіянамъ за путевыя издержки, тою же грамотой было опредѣлено одинаково съ платою, получавшеюся въ подобныхъ случаяхъ мірскими позовниками равно какъ и падала одинаково на лицъ, проигравшихъ тяжбу³⁾.

¹⁾ П. С. Р. Д., III, 89, 1367 г.

²⁾ П. С. Р. Д., IV, 209, 1435 г.: «сталъ бой Псковичамъ съ Софьяны. И владыка разгнѣвался и поѣха прочь... а былъ во Псковѣ полътретья дни» (вмѣсто мѣсяца).

³⁾ А. А. Э., I, 70, № 92, 1471 г.: «А кто съ кѣмъ пошлется на послуха, ино взять закладъ шестинку на сто версть по старинѣ: а подвойскимъ, и Софьяномъ, и биричемъ, и извятникомъ, на сто версть четыре гривны». Тамъ же, I, 70: «А закладъ дать виноватому пеню на сто версть шестинку».

Не только масса церковныхъ владычныхъ слугъ происходила изъ мірскаго воинства владыки, но и главнѣйшіе органы владычнаго управленія и суда почти всѣ носили мірское званіе. Конечно, бывали случаи, когда въ церковныхъ должностяхъ появлялись и духовныя лица. Такъ должность владычнаго ключника, завѣдывавшаго архивомъ Новгородскаго владыки, замѣщалась иногда лицами монашескаго званія¹⁾. Но такіе случаи были исключительными: обыкновенно же церковныя должности были занимаемы мірянами. Такъ одна изъ важныхъ церковныхъ должностей, должность софійскаго казначей, до XV столѣтія поручалась обыкновенно мірянамъ, и только съ XV вѣка въ ней стали появляться чернецы²⁾. То же должно сказать и о владычнемъ намѣстникѣ. Какъ мы уже видѣли, самъ владыка, вслѣдствіе многочисленности своихъ занятій, не могъ удѣлять много времени дѣламъ церковнымъ. Въмѣсто него ходомъ церковныхъ дѣлъ и отправленіемъ владычнаго суда завѣдывалъ обыкновенно его намѣстникъ, который поэтому и служилъ отвѣтственнымъ лицомъ, когда въ судѣ возникали какія-либо опущенія³⁾. Но не смотря на такое значеніе намѣстника, есть основаніе предполагать, что онъ назначался не изъ духовныхъ, а изъ свѣтскихъ слугъ владыки. Въ 1476 году именно владычній намѣстникъ Юрій Репеховъ былъ назначенъ вмѣстѣ съ двумя другими помощниками выдавать кормы великому князю и его людямъ: такое назначеніе врядъ ли могло бы состояться, еслибы намѣстникъ былъ духовнаго званія⁴⁾. Подобный же свѣтскій характеръ носила и областная архіерейская администрація. Изъ двухъ органовъ областного владычнаго управленія, первый, намѣстники, назначавшіеся въ главнѣйшіе отдѣлы Новгородской земли, которые составляли большія историческія цѣлыя, а именно въ Двинскую землю или Заволочье, и во Псковь, несомнѣнно избирались изъ среды свѣтскихъ

¹⁾ П. С. Р. Л., III, 86, 1359 г.: «и избраша себѣ три мужи: Алексѣя черннца ключника дому св. Софія»... Тамъ же, VI, 5, 1471 г.

²⁾ Нам. Стар. Русск. Лит., IV, № 8: «Сѣй оубо (Евѣмій II) первый казначей во ивоцехъ бысть, яко же и тѣло есть: преже бо того въ древности вси казначей міряне бяху».

³⁾ А. А. Э., I, 69, № 92, 1471 г.: «А посадника и тысяцкаго и владычнаго намѣстника и ихъ судей съ суда не сбивати».

⁴⁾ П. С. Р. Л., VI, 201—202, 1476 г.: «архіепископъ же добилъ челоуъ о томъ великому князю бояры его, а велѣлъ кормы отдавати намѣстнику своему Юрьѣ Репехову, а тѣ (двое другихъ владычныхъ слугъ) съ нимъ же въ поддатынхъ».

слугъ владыки. По крайней мѣрѣ, псковскій намѣстникъ не только въ источникахъ до времени попытокъ преобразованія ни разу не названъ духовнымъ лицомъ, но и обыкновенно характеризуется именемъ, отчествомъ и прозваніемъ, что всего скорѣе можетъ указывать на свѣтское званіе ¹⁾. Въ кругъ обязанностей областныхъ намѣстниковъ входили вообще всѣ дѣла, которыя составляли сферу владычняго вѣдомства, какъ духовнаго, такъ и мірскаго, а именно—судь, заботы о правильномъ взносѣ духовенствомъ пошлинъ, шедшихъ въ пользу владыки, и наблюденіе за владычными землями ²⁾. Еще менѣе можно сомнѣваться въ свѣтскомъ значеніи другаго органа владычняго управленія, десятильниковъ: свѣтскій характеръ ихъ засвидѣтельствованъ ясно не только жалобой ростовскаго священника Георгія Скрипицы, но и другими, болѣе рѣзкими данными. Не ходя далеко, мы можемъ сослаться на тотъ фактъ, что въ числѣ митрополичьихъ десятильниковъ половины XV вѣка встрѣчается конюшій бояринъ Юрій ³⁾. Сомнѣніе если еще и остается, то оно касается исключительно мѣстнаго характера десятильниковъ. Но и это сомнѣніе совершенно неосновательно. Церковный уставъ 1274 года, запрещающій ставить десятильниковъ на мздѣ, показываетъ, что это былъ постоянный церковный органъ, а другой церковный уставъ 1389—1404 гг., опредѣляющій, какіе поборы долженъ брать съ духовенства десятиникъ, „на десятину насѣдъ“, ясно даетъ понять, что это была мѣстная должность ⁴⁾. Согласно съ этими данными, мы должны считать новгородскихъ десятильниковъ представителями владычней церковной власти въ меньшихъ округахъ, на которые была разбита Новгородская земля и которая называлась десятинами ⁵⁾.

¹⁾ *Амурсіа*, И. Р. I., III, 299—300: «И буди милость Божія.. на посадникахъ Двинскихъ... и на владычнѣхъ намѣстникѣхъ». П. С. Р. Л., IV, 236, 1471 г.: «какъ вѣдиль въ Новгородъ Иванъ Омичъ владыченъ намѣстникъ». Русск. Див. Акты, стр. 263, 1509 г.: «unde des Ertzbischofs ho uetman Wassilie Igneckewitz Galckin». А. Ю., 112, № 71, XIV—XV в.: «печать Остофьи Яколича, влччнн намстк».

²⁾ См. нашъ Очеркъ внутренней исторіи Пскова, стр. 195.

³⁾ А. И., I, 98, по 1450 г.: «десятникъ мой Юрій Конюшой, по моему пожалованію, повкалъ по десятинѣ... того моего боярина Юрья Конюшого самого убили въ улогѣ, а дворянъ моихъ перебили».

⁴⁾ *Русск. Дост.*, I, 112, 1274 г.: «или намѣстеники поставляющии на мздѣ или десятильника»... А. А. Э., I, 5, № 9, 1389—1404 гг.: «а десятинику на десятину насѣдъ имати за вѣздное, и за Рождественое, и за Петровское»... Д. къ А. И., I, 362, № 214, 1496 г.: «въ костромской десятинѣ».

⁵⁾ А. Ю., 270, № 257, III, XV в.: «а за десятиника ся яло пошь Семень».

Сообразно съ характеромъ времени, всѣ акты церковно-правительственной дѣятельности оплачивались непосредственно тѣми лицами, которыхъ они касались. Такой фискальный взглядъ на церковныя дѣйствія необходимо долженъ былъ вести къ превращенію духовенства въ тяглыхъ людей своего епархіальнаго владыки. Къ счастью только, богатство софійской казны дѣлало крайнее развитіе крѣпостническихъ стремленій владыки почти совершенно излишнимъ во все время самостоятельнаго существованія Великаго Новгорода. Но тѣмъ не менѣе зачатки главнѣйшихъ обязанностей новгородскаго духовенства къ своему владыкѣ замѣчаются уже въ этотъ періодъ. Съ нѣкоторыми изъ своихъ обязанностей духовенство встрѣчалось уже на самомъ порогѣ, отдѣленіемъ мірянъ отъ церкви, такъ какъ уже простое посѣщеніе не могло обійтись для ставленниковъ безъ извѣстныхъ расходовъ, количество которыхъ Владимірскимъ соборомъ 1274 года было опредѣлено въ семь гривенъ за посвященіе въ оба сана,—и діакона, и священника вмѣстѣ. Но эти обязанности имѣли только временное значеніе и притомъ возникли не на Руси, а въ Византіи, гдѣ протори при ставленіи распредѣлялись по степенямъ, въ которыя приходилось посвящаться, такъ что дякъ платилъ одну злотницу, діаконъ и священникъ вносили по три: общая сумма, слѣдовательно, и тамъ составляла семь злотницъ ¹⁾. Подобнымъ же временнымъ характеромъ отличались и тѣ пошлины, которыя приходилось платить духовенству за пользованіе церковнымъ судомъ, и которыя, кстати замѣтить, превосходили въ нѣкоторыхъ случаяхъ подобныя же пошлины свѣтскихъ судовъ ровно вдвое. По Новгородской судной грамотѣ, напримѣръ, за производство суда церковныя судьи брали съ суднаго рубля по гривнѣ или 14 денегъ, тогда какъ мірскіе судьи—только по 7 денегъ ²⁾. Настоящія же, постоянныя обязанности духовенства, посредствомъ которыхъ оно превращалось въ

и за Совіане. А. А. Э., I, 99, № 91, 1471 г.: «А на Волоцѣ и на Вологдѣ владыцѣ церкви и десятина, пошлина своя, вѣдати по старинѣ».

¹⁾ Рус. Дост., I, 112, 1274 г.: «Не взимати же од нихъ ничто же, развъ якоже азъ уставихъ въ митрополи, да боудеть се въ всѣхъ епископахъ, да възмутъ клирошане з(7)гривень отъ поповства и отъ дяконства отъ объета». А. И., I, 44, № 21, 1416.

²⁾ А. А. Э., I, 69—70, № 92, 1471 г.: «А отъ суднаго рубля взять владыкѣ и его намѣстнику и ключнику отъ печати гривна, а отъ безсуднаго рубля... три деньги; а посаднику и тысесскому и ихъ судьямъ и инымъ судьямъ имати отъ суднаго рубля по семи денегъ, а отъ безсуднаго рубля по три денги».

оброчныхъ людей епархіальнаго владыки, имѣютъ свой источникъ въ содержаніи церковныхъ органовъ управленія и въ покрытіи владычныхъ расходовъ по визитаціямъ. Обязанность содержать церковные органы управленія дала начало десятинѣ, пошлинѣ, которая вносила въ духовенствомъ въ пользу архіерейскихъ десятниковъ ¹⁾. Что же касается до визитацій, то на совершеніе ихъ уставомъ князя Святослава 1137 года была опредѣлена изъ княжеской казны извѣстная сумма, а именно самому владыкѣ — десять гривенъ, а сопровождавшему его священнику двѣ гривны ²⁾. Но кажется, наравнѣ съ княжескою казною, и епархіальное духовенство вездѣ принимало участіе въ покрытіи владычныхъ расходовъ по визитаціямъ, по крайней мѣрѣ, въ формѣ даровъ и приношеній. Во всякомъ случаѣ, въ тѣхъ краяхъ, гдѣ визитаціи совершались правильно, участіе духовенства въ продовольствіи владыки и его людей было не только обязательно, но и опредѣлено весьма обстоятельно. Такъ извѣстно, что во Псковѣ обязанность покрывать владычьи расходы по подѣзду была организована въ двѣ отдѣльныя подѣздныя пошрины, а именно поплѣшную которая взималась съ плѣши или съ гуменца, тонзуръ, то-есть, головы, и выражалась въ деньгахъ, и кормъ или кормовую, которая первоначально была неопредѣленная и обнимала все разнообразіе житейскихъ потребностей, необходимыхъ во время подѣзда какъ для самаго владыки, такъ и для его людей и лошадей ³⁾.

Чѣмъ выше поднималось значеніе Новгородскаго владыки и его мірскаго воинства, тѣмъ менѣе мѣста оставалось въ церковномъ управленіи на долю подчиненнаго ему духовенства. Великій Новгородъ составлялъ въ этомъ отношеніи любопытную противоположность со своимъ младшимъ братомъ: во Псковѣ, благодаря отдаленности владычней власти, „все божіе священство“ представляло общественную силу, пользовавшуюся большимъ вліяніемъ и какъ бы замѣнявшую собою владыку, а союзы духовныхъ лицъ или соборы являлись важными органами церковнаго управленія. Напротивъ того, въ Новгородѣ общественное значеніе „божія священства“ было совершенно ничтожное, а соединеніе отдѣльныхъ церквей въ особенные куны или соборы если и встрѣчается, то совершенно въ иномъ, нежели въ Псковѣ,

¹⁾ А. А. Э., I, 99, 1471 г.

²⁾ Рус. Достоп., I, 85, 1137 г.: «Въ поѣздѣ отъ всея земли владыцѣ 10 гривенъ, а попоу двѣ гривне».

³⁾ См. нашъ Очеркъ внутр. ист. Пскова, стр. 216.

смыслѣ. Новгородскіе соборы не были союзами, обнимавшими въ одинаковой мѣрѣ какъ городское, такъ и сельское духовенство. Сельскія церкви въ Новгородѣ вообще не образовали изъ себя соборовъ, и единственною связью между ними служили владычніе десятинники. Новгородскіе соборы были исключительно городскими союзами. Число ихъ въ началѣ XV столѣтія простиралось до семи, а значеніе почти совсѣмъ ускользаетъ отъ всякаго опредѣленія ¹⁾. Быть можетъ, они служили посредниками между владыкой и отдѣльными церквями, хотя и въ гораздо слабѣйшей степени, чѣмъ соборы во Псковѣ. Первое мѣсто между ними естественно принадлежало Софійскому собору, капитулъ котораго служилъ помощникомъ для владыки при исполненіи имъ епархіальныхъ церковныхъ обязанностей и потому пользовался нѣкоторыми, исключительно ему предоставленными, доходными статьями. Статьи эти падали частію на городскія, частію же на областныя церкви. Къ числу городскихъ доходовъ относились пѣвнія и праздничныя гривны. Быть можетъ, въ видахъ приученія къ церковному благочинію, новгородское городское духовенство обязано было поочередно отправлять въ Софійскомъ соборѣ недѣльныя службы. Но городскіе священники уже рано стали предпочитать личному исполненію этой обязанности—внесеніе известной денежной суммы въ пользу Софійскаго причта, съ тѣмъ чтобы недѣльная служба была совершаема за нихъ священниками Софійскаго собора. А такъ какъ размѣръ денежной платы равнялся гривнѣ, и платилась она за отправленіе или „пѣніе“ службы, то она и получила названіе пѣвчей, или какъ тогда говорилось, „пѣвчей гривны“. Въ случаѣ уклоненія уличкаго священника отъ внесенія таможенной платы въ срокъ или въ среду на пѣвчей недѣлѣ, ему грозила пени въ два рубля въ пользу архіепископа и выисканіе двойнаго урока въ пользу служившаго за него священника и бочки русскаго кислаго меду въ пользу протопола съ остальнымъ Софійскимъ причтомъ. Обычай платить пѣвчія гривны былъ окончательно установленъ владыкою Геннадіемъ въ 1486 году; но изъ его распоряженія видно, что онъ въ той же формѣ существовалъ и при владыкѣ Евѣиміѣ II. Изъ этого позволительно заключать, что возникновеніе его относится, по всей вѣроятности, къ гораздо болѣе раннему времени ²⁾. Наравнѣ съ пѣвчею гривной, и про-

¹⁾ П. С. Р. Л., III, 107, 1117 г.: «а владыка Симеонъ, съ всею сельскою соборовъ и съ христіанами, съ кресты обходи около всего города»...

²⁾ Чт. въ Моск. Общ. Ист. и Др. за 1866 г., III, сѣкъ, стр. 3: «И гоено-

исхожденіе праздничныхъ гривенъ нужно относить къ болѣе древнему времени, чѣмъ то, отъ котораго до насъ дошли первыя о нихъ упоминанія. Источникъ ихъ скрывается въ обычай приглашать для служенія на мѣстные храмовые праздники софійское духовенство и чествовать его за трудъ угощеніемъ и даже поднесеніемъ нѣкоторыхъ даровъ. Но являясь вначалѣ актомъ добровольнаго усердія, даръ съ теченіемъ времени становится обязательнымъ, опредѣляется въ размѣрѣ и такимъ образомъ превращается въ извѣстную церковную пошлину ¹⁾.

Что касается до областныхъ пошлинъ, шедшихъ въ пользу софійскаго причта, то къ разряду ихъ нужно причислить проскурную (просфорную) пошлину и пошлину за антиминсы. Проскурная пошлина взималась съ просвирицъ, занимавшихся приготовленіемъ просфоръ для храмовъ, и быть можетъ, первоначально была также пошлиною собственно городской. На это указываетъ то обстоятельство, что она падала исключительно на городскія церкви, но отнюдь не на сельскія. Мы же считаемъ нужнымъ отнести ее къ числу областныхъ на томъ основаніи, что, ограничиваясь одними городскими церквами, она въ позднѣйшее время была распространена на большую часть новгородскихъ монастырей. Кромѣ городскихъ церквей, проскурная пошлина была взимаема съ 70 новгородскихъ монастырей, а слѣдовательно, имѣла дѣло не съ однимъ городомъ, а съ цѣлою областью. Размѣръ проскурной пошлины былъ точно опредѣленъ, кажется, только для однихъ городскихъ церквей; въ монастыряхъ же онъ много зависѣлъ отъ степени ихъ зажиточности. Средняя величина проскурной пошлины для монастырей равнялась

днѣ преосв. владыка Геннадій... какъ пожаловали ихъ прежніе архіепископы, Евфимій, и Іона, и Θεозиль, волить держати тѣ недѣли годовыя своимъ соборнымъ Софійскимъ попомъ за тѣхъ поповъ за улицкихъ. А которыи попуъ уличкой не принесеть тое гривна Софійскому попу на пѣвшей недѣли въ среду, и взяти... владыки Геннадію на томъ попѣ на уличкомъ за его вину 2 рубль, а попу Софійскому за его службу взяти гривна пѣшая съ другою гривною, а протопопу Гаврилу .. съ братьею съ соборныи взяти бочку меду Руского кислого».

¹⁾ А. И., I, 164, № 111, 1500 г.: «А на праздника на Успеніе Пречистые позоветь къ себѣ игумень на службу попа Софійского да діакона, да дасть имъ обѣда на службу гривну Новгородскую, а кормить ихъ что ся у него лучить». А. А. Э., III, 453, № 306, 1504 г.: «А что шла пошлина Софійскому протопопу и протодякону и священникомъ, съ пяти концовъ съ городскихъ церквей, на праздники, и ту шль вмати пошлину по старинѣ шь».

одной новгородской гривнѣ. Богатые монастыри однако платили больше, а бѣдные—меньше ¹⁾. Вторая областная пошлина, плата за антимины, взималась, какъ показывается самое названіе, за разсылку антиминовъ по церквямъ. Эта пошлина была по преимуществу областною, падала исключительно на околгородскія новгородскія церкви, въ числу которыхъ относились и все храмы города Пскова ²⁾. Размѣръ ея также былъ не всегда одинаковъ и видоизмѣнялся сообразно съ величиной приходовъ, приписанныхъ къ известнымъ церквямъ. Въ церквяхъ, имѣвшихъ приходы отъ 500 до 600 обжъ, плата за антимины колебалась отъ одного до полутора рубли. Платой за антимины однако еще не исчерпывались расходы областныхъ церквей по освященію. Въ тѣхъ случаяхъ именно, когда освященіе церквей совершаемо было причтомъ Софійскаго собора, въ его пользу должно было идти, по крайней мѣрѣ, въ позднѣйшее время, и все приношеніе, которое выручалось на освященіяхъ отъ христороубцевъ ³⁾. Но не смотря на это щедрое вознагражденіе, капитулъ Софійскаго собора, кажется, не всегда оставался чистъ въ своей дѣятельности по раздачѣ антиминовъ; иногда съ его стороны случались и злоупотребленія. Въ концѣ XV столѣтія Псковичи жаловались митрополиту, что въ бытность свою въ Псковѣ, Новгородскій владыка велѣлъ на четверо рѣзать данные имъ антимины. Трудно предположить, чтобы самъ владыка рѣшился допустить такое отступленіе отъ церковнаго порядка; гораздо вѣроятнѣе, что къ нему прибѣгли члены Софійскаго собора, чтобы окупить четверо заплаченную въ митрополию пошлину ⁴⁾.

¹⁾ А. А. Э., III, 453, № 318, 1504 г.: «А что шла пошлина Софійскому протопопу и протодьякону и попамъ, съ проскуриницъ, и имъ та пошлина съ проскуриницъ имать по старинѣ». Тамъ же, III, 453, до 1551 г.: «да съ семидесять монастырей шла имъ проскурная пошлина, съ иного монастыря до гривны Новгородскія, а съ иного болши того, а со иного менши; а съ посадскихъ (то есть, городскихъ) церквей пошлина проскурная идетъ имъ по старинѣ». Ср. А. А. Э., I, 222, 1551 г.

²⁾ А. А. Э., I, 222, № 229, 1551 г.

³⁾ А. А. Э., III, 453, 1504 г.: «а антимины вѣдати Софійскому протопопу и протодьякону и священникомъ по старинѣ жъ». Тамъ же, III, 453, до 1551 г.: «а изстари всему Софійскому собору шла пошлинъ съ антиминовъ, съ церквей, которыя церкви около Новгорода, гдѣ въ приходѣ обжъ 500 или 600, до рубля и до полутора рубля Новгородскихъ съ церквей, съ антимины; а гдѣ церкви свящуютъ, и на церковныхъ де священіяхъ все приношеніе имъ же шло».

⁴⁾ А. И., I, 17, № 8, 1392—1395 г.: «Нынѣча слышу, что самъ (Новгород-

Блескъ, окружавшій Новгородскаго владыку, не только мѣшалъ развитію самостоятельности въ подчиненномъ ему духовенствѣ, но и почти совсѣмъ скрываетъ послѣднее отъ глазъ изслѣдователя. Не смотря однако на всю скудость имѣющихся у насъ о немъ свѣдѣній, мы все-таки можемъ замѣтить, что и тутъ повторяются тѣ же отношенія, какія отличаютъ положеніе Новгородской церкви вообще. Духовенство въ Новгородѣ не только не составляло отдѣльной касты, но даже и особеннаго сословія, а только развѣ классъ, тѣсно связанный съ остальнымъ обществомъ. Какъ выходъ изъ духовенства, такъ и входъ въ его ряды, былъ вполне открытъ для всѣхъ желающихъ. Намъ извѣстны примѣры, что лица духовнаго званія, носившія священнической и діаконовскій санъ, слагали его съ себя безъ всякихъ затрудненій и принимали на себя другія обязанности. Между христіянами, конечно, такая профанація духовнаго сана производила уже тогда нѣкоторый соблазнъ; но это однако не мѣшало разпопамъ, раздіаконамъ достигать высокаго положенія въ обществѣ. Во Псковѣ, напримѣръ, одного раздіакона мы видимъ въ классѣ бояръ ¹⁾. Подобнымъ образомъ, и входъ въ ряды духовенства былъ открытъ всѣмъ классамъ новгородскаго общества. Между лицами, пришедшими въ концѣ XV столѣтія къ владыкѣ Геннадію, упоминается, напримѣръ, Омельяно мясникъ ²⁾. Но, не составляя замкнутой касты, духовенство въ Новгородѣ не образовало и отдѣльнаго сословія. На это указываютъ два обстоятельства: отсутствіе въ духовенствѣ наследственности и неимѣніе никакихъ сословныхъ правъ и преимуществъ. Правда, уже въ древнѣйшее время въ церкви существовало мнѣніе, смотрѣвшее на поповичей, какъ на естественныхъ преемниковъ званія священниковъ, и можно даже полагать, что ряды церковныхъ должностей восполнялись по преимуществу изъ духовнаго юношества, больше другихъ обладавшаго знаніемъ грамоты. Но нѣтъ сомнѣнія, что одно происхожденіе отъ духовныхъ лицъ не составляло еще основанія, достаточнаго для того, чтобы быть причисленнымъ къ духовному

свѣй владыка) былъ тогда у васъ (Псковичей), а далъ вамъ отъ тѣхъ (священныхъ митрополитомъ) антиписовъ, а приказалъ вамъ на четверо рѣзати каждый антиписъ»...

¹⁾ П. С. Р. Л., IV, 254, 1477 г.: «Псковъ послалъ къ вел. князю 2 посаженыхъ... А съ ними два боярина, Опимаха Гладкого да Андрѣя Иванова, сына попова, раздіакона».

²⁾ А. И., I, 148, № 104, 1496—1504 г.: «А нынѣ у меня побѣжали ставленники четыре, Максимко, да Буземка, да Осонско, да Омельяно мясникъ».

званію. Извѣстно, что въ тѣхъ случаяхъ, когда поповичи оказывались не знающими грамоты, и слѣдовательно, не могущими рассчитывать на занятія церковныхъ должностей и въ будущемъ, они становились изгоями, то-есть, переставали считаться членами духовнаго званія. И церковь если и предъявляла притязаніе на подчиненіе себѣ подобныхъ людей, то не на сословномъ, а на совершенно другомъ основаніи, на томъ именно, на которомъ она считала своею обязанностью смотрѣть на всѣхъ людей, какъ на своихъ, которыхъ общественное положеніе или было неопредѣленно (выкупившихся холоповъ, задолжавшихъ купцовъ), или же нуждалось въ покровительствѣ (слѣпцовъ, хромцовъ) ¹⁾. Но, кажется, и этому, болѣе скромному притязанію не удалось осуществиться на практикѣ. Поповичи, отдѣлившіеся отъ своихъ семей, но не имѣвшіе возможности занять церковное мѣсто, стали причисляться къ тѣмъ общественнымъ классамъ, положеніе которыхъ было ими усваиваемо. Нѣкоторые изъ поповичей, обратившіеся къ обработкѣ земли, снятой у землевладѣльцевъ, были отпесены такимъ образомъ къ разряду черныхъ людей ²⁾. Но гораздо чаще мы встрѣчаемъ ихъ въ классѣ купцовъ ³⁾ и земцевъ или своеземцевъ, то-есть, мелкихъ поземельныхъ собственниковъ, частію воздѣлывавшихъ землю на себя, частію же сдававшихъ ее въ аренду чернымъ людямъ ⁴⁾.

Отсутствіе сословности въ духовенствѣ Великаго Новгорода видно также и изъ другаго обстоятельства, того именно, что, какъ духовенство, оно не имѣло никакихъ особенныхъ правъ и преимун-

¹⁾ Повѣсть о нач. Печерск. мон. Псковъ, 1849 г., стр. 98—104: «А се церковные люди... изгой трои: поповъ сынъ грамоты не умѣеть». Ср. А. А. Э., I, 5, № 9, 1404 г.

²⁾ А. А. Э., I, 4, № 8, 1372 г.: «Се прѣхаша ко мнѣ къ в. князю... отъ всего Новгорода Иванъ посадникъ... а отъ черныхъ людей Вонславъ поповичъ, Василей Огаоновъ». Писц. кн. Вотской земли во *Вр. М. О. И. и Др.*, XI, мат., стр. 2, 1500 г.: «Деревня Конецъ, у Ладоги на посадѣ, Яковльская Губина сына Селезнева. Дворъ: Максимко Ивановъ, сынъ поповъ, Стребыховъ. Сяеть ржи... и сѣна косить»...

³⁾ П. С. Р. Л., IV, 280, 1510 г.: «И переняша Псковичи половяную свою вѣсть отъ Филиппа отъ поповича отъ купчины отъ Псковитина».

⁴⁾ *Неволинъ* въ *З. Р. Г. Общ.*, VIII, прил. стр. 222, 1495 г.: «Во Ходовскомъ же погостѣ въ в. князя деревняхъ въ опчихъ... Васюку попову сыну Григорьеву своеземцу: въ дер. въ Куреневѣ... на Васюковомъ жеребю дворъ самъ Васюкъ поповъ, сѣть ржи 3 коробы; и сѣна косить 30 копенъ; обжа... Въ селци въ Рындинѣ... на Васюковѣ жеребю попова дворъ» и т. д. Тамъ же, VIII, прил. стр. 17, 1500 г.: «Въ Лузскомъ же погостѣ деревни своеземцевъ... Бориска попова сына Филимонова Гдичнаго»... Тамъ же, VIII, 12.

щество. Правда, въ силу каноническаго права, духовенство было освобождено отъ исполненія личныхъ обязанностей, не несло, напри- мѣръ, наравнѣ съ остальнымъ населеніемъ, военной службы. Но здѣсь льгота составляла принадлежность только церковнаго сана, а отнюдь не званія. Отъ несенія военной службы освобождались только лица, дѣйствительно посвященныя въ извѣстный церковный санъ. Въ случаѣ войны только они одни могли оставаться дома и молить Бога. Всѣ же остальные церковники, не успѣвшіе получить посвященія, подвергались военной службѣ наравнѣ съ другими классами населенія. Не будучи поставленъ, идти въ походъ долженъ былъ и дьякъ, даже еслибъ у него уже было прострижено гугменце ¹⁾. Самое однако важное—это то, что духовенство въ Новгородѣ ни въ чемъ не отличалось отъ остальнаго общества въ отношеніи къ реальнымъ повинностямъ, падавшимъ на собственность, въ особенности же собственность поземельную. Конечно, было бы несправедливо не указать, что въ позднѣйшій московскій періодъ у новгородскихъ церквей, какъ въ городахъ, такъ и въ сельскихъ приходахъ, были земли, которыя относились къ разряду не тяглыхъ, то-есть, свободныхъ отъ всякихъ общественныхъ повинностей ²⁾. Но съ одной стороны, мы не имѣемъ достаточныхъ данныхъ для того, чтобы рѣшить, на сколько такой порядокъ можетъ быть перенесенъ на древнѣйшій, собственно новгородскій бытъ. Съ другой стороны, льготная земля была не столько собственно церковною, сколько общественною землею, приписанною къ церквамъ для содержанія приходскихъ пріютовъ. Оттого она была весьма ограничена въ своихъ размѣрахъ: въ городахъ отводилось ей столько, сколько требовалось для помѣщенія храма и дворовъ церковнослужителей, а въ селахъ нѣсколько больше, чтобы сверхъ того дать еще церковникамъ возможность обзавестись собственною пашней ³⁾. Собственно церковною землею должно считать

¹⁾ П. С. Р. Л., II, 40, 1148 г.: «Книже! ать же поидемъ, и всяка душа, аче и дьякъ, а гугменце ему прострижено, а не поставленъ будетъ, и ты поидеть (въ походъ); а кто не поставленъ, ать Бога молить».

²⁾ *Неволинъ* въ *З. Р. Г. Общ.*, VIII, прил. стр. 23, 1500 г.: «село Бялое... а въ немъ церковь Р. Х.; а нетяглыхъ людей въ томъ селѣ дворъ Емслянъ попъ, дв. Дмитръ дьякъ, дв. сторожъ Мартюшъ; а пашни у нихъ церковныя на 3 коробья ржи, а въ обжа и въ оброкъ не положены».

³⁾ *Неволинъ* въ *З. Р. Г. Общ.*, VIII, прил. стр. 230, 1495 г.: «А на погоеть въ на волостной землѣ: Жабеньскаго десятка дв. Успенской попъ Евсевѣй, дворъ Никольской попъ Иванъ... на церковной землѣ на Никольской дв. дьякъ Никольской... дв. Успенской пономарь Стенко»...

тѣ земли, которыя составляли частную собственность, вотчину церквей и приставленнаго къ нимъ духовенства, священниковъ и діаконовъ, которыми они распоряжались по произволу и обыкновенно не обрабатывали сами, а сдавали чернымъ людямъ ¹⁾. А такія земли какъ въ московское, такъ и въ новгородское время одинаково со всѣми другими землями подлежали всѣмъ общественнымъ повинностямъ, какъ общимъ, такъ и мѣстнымъ. Къ числу общихъ повинностей относились, напримѣръ, городоставленіе и доставленіе ратниковъ въ народное ополченіе. И вотъ источники говорятъ намъ, что даже самъ Новгородскій владыка не былъ освобожденъ отъ исполненія послѣдней повинности и долженъ былъ выставять со своихъ поземельныхъ владѣній особенный полкъ ²⁾. Къ числу же мѣстныхъ повинностей нужно отнести такъ называемыя городовыя подѣлки, постройку мостовыхъ и т. д. Новгородское духовенство не избавлялось отъ участія и въ этихъ подѣлкахъ. Изъ устава о мостѣхъ XII столѣтія видно, что въ постройкѣ городскихъ мостовыхъ принималъ участіе какъ самъ владыка съ изгоями, такъ и члены Софійскаго собора ³⁾.

Подчиненіе новгородскаго духовенства реальнымъ общественнымъ обязанностямъ не служитъ однако доказательствомъ того, что въ его средѣ совсѣмъ не было стремленій къ освобожденію себя отъ послѣднихъ. Неся разнообразныя тягости на пользу епархіальнаго владыки, духовенство тѣмъ неотразимѣе должно было стремиться къ освобожденію себя отъ тягла общественнаго, и притомъ не только въ смыслѣ приобрѣтенія частныхъ привилегій, имѣвшихъ силу въ отношеніи того или другаго храма, но и въ смыслѣ снисканія общихъ льготъ для всего духовнаго чина. Точекъ опоры для подобныхъ стремленій у него не доставало. Подобно тому какъ въ западной церкви основаніемъ для подобныхъ притязаній служилъ преимущественно Ветхій Завѣтъ, который по неясности легко могъ быть

¹⁾ Новг. Писц. кн., III, 41, 1500 г.: «В. князя деревни, что были церковныя Борисоглѣбскіе съ Загзенья, да Спаскіе съ Розважы улицы, да Федоровскіе съ Царковы улицы». А. Ю., стр. 112, № 71: «Се купи Михаило Оормѣевичъ у попа у Ортемья село въ Кехтѣ въ Малой». *Неволимъ* въ З. Р. Г. *Общ.*, VIII, пр., стр. 14, 1500 г.: «А тѣ обжа попова Наумова вотчина». См. тамъ же, VIII, прил., стр. 20, 24, 26, 31.

²⁾ П. С. Р. Л., IV, 127—128, 1471 г.

³⁾ Рус. Пр. по Карамз. сп., ст. 134, XIII в.: «а владыцъ съвозъ городная врата съ изгой, а съ другими до Острое улицы... Софинномъ до тысяцскаго»...

источникомъ для всякаго рода доказательствъ, точно также и на Руси, въ Великомъ Новгородѣ и Псковѣ, одинаковую услугу оказывало византійское церковное законодательство. Хотя въ Византіи земли церковей и духовенства и не были свободны отъ обыкновенныхъ поголовныхъ повинностей, тѣмъ не менѣе они освобождались отъ обязанностей чрезвычайныхъ и низкихъ, *munera torrida et extraordinaria*. Понятіе о низкихъ повинностяхъ въ каноническомъ правѣ не было строго опредѣлено и съ теченіемъ времени подвергалось разнымъ измѣненіямъ; но во всякомъ случаѣ, между разными другими тягостями, оно заключало въ себѣ заботы о продовольствованіи солдатъ и постройку крѣпостей¹⁾. Эти-то постановленія каноническаго права и могли легко послужить для новгородскаго духовенства точкой опоры въ его стремленіяхъ освободиться не только отъ участія въ постройкѣ крѣпостей, но и отъ поставленія со своихъ земель ратниковъ. Нельзя сказать, чтобъ эти стремленія духовенства увѣнчались полнымъ успѣхомъ; но нѣтъ сомнѣнія, что ему все-таки удалось добиться нѣкоторыхъ облегченій. Въ Новгородѣ вообще постройка городскихъ укрѣпленій не могла причинять духовенству большія хлопоты, такъ какъ она производилась волостями, а горожане играли при этомъ только роль распорядителей. Но и независимо отъ того, позднѣйшія данныя показываютъ, что при городоставленіи духовенство даже не соединялось съ остальнымъ населеніемъ, а несло эту повинность отдѣльно, и притомъ, конечно, не въ особенно большомъ размѣрѣ²⁾. Относительно Пскова, гдѣ имѣли мѣсто подобныя же отношенія, намъ извѣстенъ даже и размѣръ участія, который вынадалъ тамъ на долю духовенства при городоставленіи: онъ ограничивался постройкой части городской стѣны, величиной въ 160 сажень, и покрытіемъ башенъ. Что же касается до обязанности ставить съ церковныхъ земель ратниковъ, то притязаніе на освобожденіе отъ этой повинности духовенство заявило въ концѣ XV

¹⁾ Kiffel, Geschichtliche Darstellung des Verhältnisses zwischen Kirche und Staat, I, 156, 157, 162, 164.

²⁾ П. С. Р. Л., VI, 293, 1534 г.: «онѣ бо государи (Иванъ III и Василій III) управляху свою вотчину Великій Новгородъ 60 дѣтъ и множае, а не таковъ бо бѣ обычай градъ ставити, а не едину грядую, ни двѣ въ тѣ дѣти ставити; и егда ставити градъ, ино воставляху всею областію Новгородской земли волостями, елико ихъ есть во всей Новгородской земли и области, а Новгородские люди тогда кто пригоже съ торговыхъ рядовъ нарядчики были; а священного лица никако же съ простою чадію ни въ какихъ дѣлѣхъ не сововуцали».

столѣтія во Псковѣ и при помощи Номоканона успѣшно отстояло его, не смотря на сильное противодѣйствіе такой льготы со стороны вѣча ¹⁾. Но чуть ли не всего счастливѣе было духовенство въ отношеніи городскихъ подѣлокъ. По крайней мѣрѣ псковскіе священники сообщали въ 1600 году царю, что они изстари не участвовали съ горожанами ни въ какихъ подѣлахъ и на этомъ основаніи были освобождены отъ нихъ и впредь ²⁾.

Нигдѣ такъ ясно не сказывается связь духовенства съ новгородскимъ обществомъ, какъ въ отношеніяхъ его къ приходамъ. И это совершенно понятно. Въ древности храмы не только создавались, но и поддерживались по большей части самимъ же обществомъ. Церкви строились какъ частными лицами, такъ и цѣлыми товариществами или мѣстными союзами, улицами и волостями или селами ³⁾. Тѣ же лица и союзы далѣе заботились о сообщеніи храмамъ извѣстнаго благолѣпія, о снабженіи ихъ необходимыми церковными предметами и богослужебными книгами ⁴⁾. На нихъ же падало въ значительной долѣ и содержаніе приставленнаго къ церквамъ причта. Такъ общество должно было уже оплачивать трудъ духовныхъ лицъ по исполненію ими заказныхъ службъ и разныхъ церковныхъ требъ, и эта плата ложилась на него тѣмъ чувствительнѣе, что размѣръ ея много зависѣлъ отъ самихъ же исполнителей. Церковная власть старалась, правда, подчинить нѣкоторые виды этой платы опредѣленной таксѣ, постановляла, напримѣръ, что за сорокоустъ нужно брать шесть кунъ, а за гривну служить пять сорокоустовъ ⁵⁾. Но вообще плата назначалась самимъ духовенствомъ, и нерѣдко такъ, что подавала поводъ къ

¹⁾ П. С. Р. Л., IV, 269, 1495 г.: «И Псковичи срубили съ десяти сякъ человекъ конный, да и со священниковъ и со діаконъ почали рубити; и священники нашли въ правилахъ св. отецъ въ Манакануѣ, что написано, яко не подобаетъ съ церковной земли рубитися». Тамъ же: «и не взяша съ нихъ ничего въ помочь».

²⁾ *Евгеній*, Ист. Кн. Пск., II, 103, 1600 г.: «а они дея (псковскіе духовные) изстари и по са мѣста съ посадскими людьми никакихъ податей и мостовъ по большимъ улицамъ не мащивали, oprичъ городова стѣны, 160 сажень да башни крыли»...

³⁾ П. С. Р. Л., III, 13, 1165 г.; 18, 1185 г.

⁴⁾ *Изв. Имп. Ак. Н.*, VI, 35, 1390 г.: «написаны быши книги сія, глаголемыя прологъ, ко св. чудотворцома Козмы и Дамьяну... повелѣніемъ... всѣхъ бояръ и всеи улицы Кузюдемьянъ».

⁵⁾ *Калайдовича* Пам. XII в., 173: «сорокоусты на гривну патью служить, а на 6 кунъ одинаю».

жалобамъ на его корыстолюбіе ¹⁾. Но кромѣ этого косвеннаго участія, общество оказывало церквамъ и прямую поддержку назначеніемъ руги и пожалованіемъ поземельныхъ владѣній. Подъ ругою разумѣлся хлѣбный или денежный окладъ, опредѣлявшійся общественною властью, а иногда и просто какимъ-либо товариществомъ, на содержаніе извѣстнаго церковнаго причта. Руга вообще встрѣчалась не часто, была принадлежностью такъ-сказать привилегированныхъ церквей. Такою привилегированною церковью былъ, на примѣръ, храмъ св. Іоанна Предтечи, служившій мѣстомъ новгородскаго торговаго управленія: на содержаніе его причта былъ опредѣленъ извѣстный процентъ изъ пошлыны, которая собиралась съ провѣсу воска ²⁾. Сравнительно съ ругою, поземельныя владѣнія имѣли въ содержаніи церквей и ихъ причта гораздо большее значеніе. Какъ уже мы указывали, владѣнія эти были двухъ родовъ. Одни представляли такъ-сказать не отчуждаемую принадлежность церквей, другія же—полную частную собственность или вотчины послѣднихъ. Но въ томъ и другомъ случаѣ церкви обязаны были ими своимъ прихожанамъ, съ тою только разницею, что вотчины пріобрѣтались отъ отдѣльныхъ лицъ, жертвовавшихъ ихъ въ церкви на поминъ души. Эти тѣсныя отношенія, въ которыхъ стояли къ церквамъ прихожане и жертвователи, дѣлали вышательство послѣднихъ въ церковныя дѣла неизбѣжнымъ даже помимо религіознаго интереса. Прежде всего для нихъ не могла быть безразличною судьба церковныхъ владѣній. И вотъ мы дѣйствительно видимъ, что во Псковѣ на судѣ за церковную землю стоятъ сначала всѣ прихожане сообща, а позднѣе ихъ представители, церковные (старосты ³⁾). Но затѣмъ для прихожанъ было важно и то, чтобы причтъ не обременялъ ихъ излишними поборами. И вотъ мы видимъ, что они распространяютъ свое вліяніе, на самое назначеніе къ церквамъ священнослужителей, и притомъ тѣмъ легче, что это ни мало не противорѣчило церковнымъ прави-

¹⁾ А. И., I, 13, № 6, 1388—1395 г.

²⁾ Д. къ А. И., I, 3, № 3, 1134—1135 г.: «а оброча... изъ всеу вощанаго имати: попомъ по 8 гривень серебра, а дякону 4 гривны серебра, а дяку 3 гр. сер., а сторожамъ 3 гр. сер.». Ср. П. С. Р. Л., VI, 218, 1478 г. Тамъ же, VI, 299, 1536 г.: «А всеневную (то-есть, службу) замыслили рядовичи Великого ряду корыстнаго... и попа другого поставили и ругу обвщали давати по 3 рубли на всякъ годъ».

³⁾ Пск. Судн. Грам., 2-е изд., стр. 10: «А не церковною землею и на судѣ помощью сусѣди не ходятъ; итти на судѣ старостамъ за церковную землю».

ламъ. Каноническими законами патронамъ, были ли то частныя лица, или же цѣлые союзы, предоставлялось именно право презентаціи или предложенія владыкъ лицъ, излюбленныхъ для занятія извѣстныхъ церковныхъ мѣстъ. У насъ нѣтъ древнихъ свидѣтельствъ, доказывающихъ, что въ Новгородѣ имѣла мѣсто подобная презентація ¹⁾; но всѣ позднѣйшія данныя говорятъ однако въ пользу того мнѣнія, что назначеніе церковнослужителей совершалось именно въ этой формѣ. Изъ посланія Геннадія видно, что лица, предназначавшіяся для занятія извѣстныхъ церковныхъ должностей, приводились къ владыкѣ на посвященіе самими мірянами; а Стоглавъ прямо сообщаетъ, что въ Великомъ Новгородѣ уличане принимали къ церквамъ поповъ, діаконовъ, и дьяковъ и пономарей и затѣмъ приходили съ ними къ владыкѣ, вѣроятно—для посвященія или же для благословенія ²⁾.

Дѣло однако не остановилось на одномъ избраніи. Въ древности вообще не существовало правила, по которому церкви считались изъятыми изъ частной собственности. Кто строилъ и содержалъ церковь, тотъ считался вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы и ея собственникомъ. Сами владыки не менѣе другихъ раздѣляли эту точку зрѣнія и имѣли свои собственные, владычныя церкви и монастыри; только въ этомъ случаѣ не могло возникнуть никакихъ затрудненій, такъ какъ аномалія въ лицѣ владыки сглаживалась на мѣстѣ: владыка былъ непосредственнымъ главою какъ своихъ собственныхъ, такъ и всѣхъ остальныхъ храмовъ ³⁾. Но коль скоро эта точка зрѣнія переносилась на лица постороннія для церкви, то затрудненія возникали тотчасъ же сами собою: духовенство частныхъ церквей не могло стать въ зависимость отъ своихъ патроновъ безъ того, чтобы не потерпѣла ущерба власть епархіальнаго архіерея. Первымъ явленіемъ въ этомъ родѣ въ Вели-

¹⁾ *Бѣлосоз* (Разказы изъ Руск. Ист., II, 117—118) видимъ доказательство присутствію въ Новгородѣ выборовъ причта въ одномъ мѣстѣ Всеволодова устава, а именно: «а поповъ св. всл. Ивана, и дьякона, и дьяка, и сторожовъ, призирати старостамъ Иваньскимъ и купцамъ» (Д. къ А. И., I, 4, № 3, 1134—1135 г.); но неосновательно: слово «призирати» значитъ не выбирать, а заботиться.

²⁾ А. И., I, 147, № 104, 1496—1504 г.: «занеже вѣдь толко приведутъ кого грамотѣ горазда, и мы ему велимъ одны октеніи учти, да поставимъ его да отпушаю боржае... Стоглавъ, изд. 1856 г., гл. 41, стр. 176: «Въ Новгородѣ въ Великомъ попы и дьяконы и дьяки и пономари и проскурницы и притворяне уличане къ церкви принимаютъ... да съ тѣмъ идутъ ко владыкѣ всею улицю».

³⁾ П. С. Р. Д., III, 25, 1199 г.: «Испьсаша церковь въ Русѣ св. Спаса, владычню, въ монастырѣ». Тамъ же, III, 79, 1339 г.: «кончаша церковь владычню пишуще».

комъ Новгородѣ были княжескія церкви, помѣщавшіяся главнымъ образомъ на Городищѣ и получающія свое содержаніе отъ князя: причты княжескихъ церквей не считали себя поэтому связанными церковною властью Новгородскаго владыки, предпочитая послѣдней зависимость отъ своего князя-патрона¹⁾. Примѣръ князя не остался безъ подражанія со стороны какъ частныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ союзовъ. И тѣ стали смотрѣть на церкви какъ на свою частную собственность, а на священнослужителей—какъ на вполнѣ зависимыхъ отъ себя людей, и тѣмъ не мало содѣйствовали извращенію смысла церковной должности. Хотя посвященіе въ древней Руси, сообразно съ каноническимъ правомъ, и не было абсолютнымъ, то-есть, такимъ, которое сообщало поставленнымъ лицамъ извѣстную способность, а не извѣстную церковную должность, не мѣсто при извѣстной церкви,—тѣмъ не менѣе, при взглядѣ мірянъ на священнослужителей, какъ на вполнѣ зависимыхъ отъ нихъ людей, оно теряло свой отличительный характеръ, усвоенный ему вселенскими соборами — *ne quis ordinetur sine titulo*—и сдѣлалось фактически абсолютнымъ. Не много было пользы отъ того, что владыка посвящалъ ставленниковъ только въ извѣстныя церкви, такъ какъ вслѣдствіе неудовольствія паствы, послѣдніе легко теряли свои мѣста и такимъ образомъ все-таки оставались при одной способности къ священнодѣйствию²⁾. Благодаря такому произвольному отстраненію священнослужителей патронами и прихожанами, на Руси въ средѣ духовенства изстари существовали два большіе отдѣла, изъ которыхъ первый обнималъ собою мѣстные причты, состоявшіе въ данное время при мѣстныхъ церквяхъ, а второй—безмѣстныхъ церковниковъ, потерявшихъ вслѣдствіе неблагоприятнаго расположенія паствы свои мѣста, на кои они были первоначально посвящены. Хорошо еще, если безмѣстному священству скоро пред-

¹⁾ И. С. Р. Л., III, 7, 1136 г.: «Оженяся Святославъ Ольговецъ Новгородѣ въ вѣнчѣея своими поны у св. Николаы, а Лифонтъ его не вѣнчѣя, ни попомъ на сватбу, ни черепцемъ дастъ, глаголя: не достоитъ ея попити». С. Г. Г. и Д., I, 4, № 6, 1270 г.

²⁾ Евсѣий, Ист. Ки. Пск., II, 84—85, 1528 г.: «Да били мнѣ челоуѣ старосты петисборскія... что деи она по моему наказу поучаютъ дѣтей своихъ духовныхъ, а она деи ихъ не слушаютъ, да съ мірскими людьми и игуменовъ и священноинокъ и священниковъ отъ церквей безъ моего вѣдома отсылаютъ; и азъ приказалъ намѣстнику своему того беречь накрѣпко, чтобы безъ моего вѣдома отъ церквей игуменовъ и священноинокъ и діаконовъ не отсылали, а нѣкихъ не поряживали».

ставлялся благопріятный случай выйти изъ своего тяжелаго положенія, если въ какомъ-либо краю епархіи открывался сильный недостатокъ въ священникахъ, какъ это, напримѣръ, было въ 1388 году, когда Псковичи просили у Новгородцевъ поповъ „которые ходятъ поны безъ церкви“¹⁾. Въ противномъ случаѣ, до полученія новаго мѣста, безмѣстнымъ священнослужителямъ естественно приходилось пользоваться своею собственностью только временно, отправлять службы лишь по найму, въ замѣнъ мѣстныхъ священниковъ: послѣднее случалось обыкновенно тогда, когда мѣстные попы не могли по какимъ-либо причинамъ сами совершать богослуженіе²⁾.

Однако безмѣстные священнослужители рѣдко оставались въ такомъ выжидательномъ положеніи; гораздо чаще, взявъ съ собою ставленную грамоту, свидѣтельствовавшую о ихъ способности къ священствованію, равно какъ и отпускную, позволявшую имъ искать мѣста въ чужихъ краяхъ, они сами пускались въ погоню за должностью. Вообще духовенство въ древности было также склонно къ бродячей жизни, какъ и остальное населеніе; оно также находилось въ постоянномъ движеніи, которое не ограничивалось предѣлами одного роднаго края, а распространялось на всю тогдашнюю Русь. Такъ въ позднѣйшее время (въ XVI столѣтіи) священнослужители, принадлежавшіе какъ къ бѣлому, такъ и къ черному духовенству, являлись въ Псковъ не только изъ новгородскихъ, московскихъ и тверскихъ предѣловъ, но и изъ Литвы (то-есть, Западной Руси, въ особенности же изъ Кіева), вступали въ сдѣлки съ прихожанами церквей, предлагали выгоднѣйшія для послѣднихъ условія или даже просто подкупали ихъ и такимъ образомъ успѣвали стѣснять мѣстные причты, которымъ въ свою очередь приходилось волочиться безъ мѣстъ³⁾. Въ условіяхъ, заключавшихся духовенствомъ съ прихожанами при принятіи должно-

¹⁾ П. С. Р. Л., IV, 96, 1388 г.: «Псковичи прїѣздиша ко владыцѣ Ивану прошати поповъ во Псковъ къ церквамъ, которыми ходятъ поны безъ церкви».

²⁾ А. А. Э., I, 441, № 360, 1594 г.

³⁾ Х. И., I, 61, № 31, 1420 г. *Евгеній*, Ист. Кн. Пск., II, 82—83, 1528 г. «Да что во Псковѣ черные попы и бѣлые и діаконы съ Москвы и изъ за Твери и изъ Новгорода и изъ Литвы, да у церквей служатъ, а старостамъ петисоборскимъ то невѣдомо, есть ли у нихъ ставленные грамоты и отпускныя, или нѣтъ, и свершены ли въ попы, или не свершены, и есть ли у нихъ жены, или нѣтъ, да подъ мѣстныхъ игуменовъ и священниковъ подкупаются, и старые игумены и священноиноки и священники и діаконы, тутюшніе жильцы, волочатся безъ мѣстъ».

сти, опредѣлялось время, въ продолженіе котораго священникъ обязывался совершать богослуженіе, на примѣръ, годичный срокъ, службы, какія онъ долженъ былъ совершать въ различные дни и требы, за отправление которыхъ ему не полагалось брать пошлины съ прихожанъ; въ условія же заносилась и статья, воспрещавшая прихожанамъ удалять священника безъ вины даже въ томъ случаѣ, когда послѣдній захотѣлъ бы остаться при церкви и по прошествіи договорнаго срока ¹⁾. Такимъ образомъ, право презентациі, предоставленное каноническими законами мірянамъ, превратилось въ древней Руси въ частный наемъ священнослужителей, который въ позднѣйшее время совершали даже не безъ пѣкотораго цинизма. По свидѣтельству Стоглава, псковскіе великокняжескіе дворецкіе и дьяки, распорядившіеся мѣстами при русскихъ церквяхъ, раздали ихъ вкупѣ съ владычнымъ намѣстникомъ только за большія деньги ²⁾. Ту же страсть къ наживѣ на счетъ причта Стоглавъ порицаетъ и въ новгородскихъ прихожаныхъ. По его словамъ, населеніе новгородскихъ улицъ принимало къ церквямъ поповъ, діаконовъ и остальныхъ членовъ причта не иначе, какъ взявъ съ нихъ изрядный откупъ: съ инога попа 15, съ другихъ 20 и даже по 30 рублей. Понятно, что требованія откупа заявлялись съ особенною настойчивостью тогда, когда владыка самъ отъ себя рѣшался назначать въ приходъ какого-либо священника, гораздо грамотѣ: оно явилось тогда для прихожанъ средствомъ обороны противъ вторженія владыки въ принадлежавшую имъ сферу дѣятельности ³⁾.

Наравнѣ съ церковью и другая, перенесенная изъ Византіи единица религіознаго общенія, монастырь, получила въ древней Руси своеобразное развитіе. Въ Византіи господствовали три формы монастырскаго устройства: 1) кивовія или общежитіе, представлявшее соединеніе извѣстнаго числа монаховъ на строгомъ общежительномъ уставѣ; 2) отшельничество, на основаніи котораго тѣмъ же уставомъ

¹⁾ А. Ю., стр. 199, № 185, 1588 г.

²⁾ Стоглавъ, гл. 41, стр. 177: «Такоже и дворецкіе и дьяки и во Псковѣ намѣстникъ владыченъ ставятъ сами поповъ къ ружнымъ церквямъ и на нихъ и на всемъ причтѣ церковномъ великие жъ денги емлютъ».

³⁾ Стоглавъ, гл. 41, стр. 176: «и на нихъ емлютъ денги великіе, на пошѣ рублевъ 15, а на иномъ 20, а у инога 30, да съ кѣмъ идутъ ко владыкѣ всею улицею. А только владыка попа пришлетъ къ которой церкви, хотя грамотѣ гораздо и чюственнѣ, а только иновахъ денегъ уличаномъ не дастъ и они его не принутъ».

общежитія связывалось только весьма незначительное число ипоковъ, обыкновенно -- трое или даже двое, и 3) пустынножителство, сообразно съ которымъ каждый отдѣльный монахъ уже образовалъ особый монастырь. Последняя форма монашества считалась самою высшею, но принятіе ея совѣтовалось только людямъ, „внимающимъ понести великаго и жестокаго житія“¹⁾. Всѣ эти формы монастырской жизни встрѣчаются и въ древней Руси, только съ большими мѣстными особенностями. Преимущественнымъ распространеніемъ, особенно въ сѣверной Руси, пользовалось впрочемъ отшельничество, какъ форма, которая при извѣстныхъ условіяхъ всего менѣе могла стѣснить дорогую для того времени личную свободу. По числу членовъ русскіе отшельническіе монастыри еще напоминали свой византійскій образецъ. Обыкновенное количество монаховъ составляло въ нихъ не болѣе двухъ или трехъ и только изрѣдка доходило до шести или семи: въ такомъ случаѣ монастырь считался уже большимъ²⁾. Но въ своемъ устройствѣ они очень мало отвѣчали византійскимъ предписаніямъ. Въ нихъ ясно преобладало „собинное“ существованіе. Тѣсное сожителство монаховъ отнюдь не считалось ихъ принадлежностью. Напротивъ, каждый монахъ селился отдѣльно, въ особенной кижинѣ (кельѣ), по близости, а иногда и совершенно вдали отъ остальныхъ братьевъ. Подобнымъ образомъ нимало не возбранялась и частная собственность. Каждый монахъ могъ имѣть свое имущество и отдѣльное хозяйство и долженъ былъ заботиться о ихъ поддержаніи: оттого монахи „были одержимы всякими житейскими печальми“. Вся связь между этими отдѣльными единицами заключалась не болѣе, какъ только во временныхъ совѣщаніяхъ и въ религіозномъ общеніи, въ храмѣ, который они себѣ сооружали³⁾. Съ этимъ собиннымъ мо-

¹⁾ А. П., I, 52, № 26, 1418 г. Преданіе Нила Сорскаго, С.-Пб. 1859 г., стр. 23.

²⁾ П. С. Р. Л., VI, 284, 1528 г.: «А преже бо сего токмо величія монастыри во общину быша и по чину, а прочіи монастыри, иже окрестъ града, особь живущи, кождо себѣ въ келіяхъ ядаху и всякими житейскими печальми одержими бяху; а въ лучшихъ монастырѣхъ 6 чернцовъ или 7, а въ прочихъ два или 3».

³⁾ Преданіе Нила Сорскаго, стр. 24: «Нынѣ же нѣщии, не внемлюще силъ Св. Писанія, избрѣтоша себѣ не по волѣ, не по преданію св. отецъ, четвертый чинъ или житіе: видуще бо келліи всякъ, идѣше аще хочеть, или далече, или поблизу, живутъ уединенно, всякъ свою волю предпочитал и стяжаніе съ попеченіемъ гоня». Тамъ же, стр. 35: «Отцы пишуть, ублажающе въ двухъ или тріехъ житіи. Возмаѣся бо нѣщимъ, яко еже жити не общежительно, но близъ или далече въ своихъ келліяхъ, особь, и сходится временемъ на совѣтъ, се есть путь средній и царскій»...

нашескимъ существованіемъ было тѣсно связано другое явленіе, на первый взглядъ кажущееся совершенно непонятнымъ, а именно возникновеніе такихъ монастырей, въ которыхъ находились какъ чернецы, такъ и черницы, и въ которыхъ начальствовали игумены, а не игуменьи со священниками-бѣльцами. Странность явленія, которую преосв. Макарій несправедливо пытался объяснить признаніемъ черницъ за особенный, только приписной къ мужскому монастырь, нѣсколько сгладится, какъ скоро принять во вниманіе раздѣльное жителство членовъ монастыря. Отшельнической монастырь есть собственно только мѣсто религіознаго общенія: монахи и монахини относятся къ нему почти также, какъ прихожане къ своей церкви ¹⁾.

Хотя отшельническіе монастыри и пользовались преобладаніемъ въ сѣверной Руси, тѣмъ не менѣе тамъ встрѣчались и монастыри общежительныя, только также въ весьма своеобразной формѣ. Противоположно отшельническимъ монастырямъ, члены общежительныхъ составляли, правда, изъ себя общину, но довольно оригинальнаго устройства. Въ составъ каждой общины входили два элемента, старцы и вкладчики. Подъ первыми разумѣлись исключительно люди, отрекавшіеся отъ міра, иноки по призванію, подъ вторыми же — міряне, обеспечивавшіе себѣ право на причисленіе къ монастырю внесеніемъ вклада или извѣстной денежной или какой-либо иной цѣнности. Конечно, во многихъ монастыряхъ и старцы нерѣдко пріобрѣтали себѣ право на пребываніе въ монастырѣ не иначе, какъ посредствомъ внесенія вкуповъ, вкладовъ или милостынь; но это было не необходимо: въ иноки принимали часто и „за богородъ“. Напротивъ, въ вкладчики можно было попасть не иначе, какъ только чрезъ внесеніе въ монастырь опредѣленнаго вклада ²⁾: Были двѣ причины, которыя побуждали мірянъ записываться въ монастырскіе вкладчики. При томъ стремленіи кончать свою жизнь въ ангельскомъ (то-есть, монашескомъ) образѣ, которое характеризуетъ рассматриваемое время, внесеніе вкладовъ, особенно со стороны знатныхъ лицъ, уже само по себѣ должно было быть весьма обыкновеннымъ явленіемъ. Оно обеспечивало вкладчикамъ не только спокойное

¹⁾ П. С. Р. Л., IV, 278, 1504 г.: «А что въ монастырѣхъ въ одномъ мѣстѣ жили черны и черницы, а служили у нихъ игумены...»

²⁾ Макарь. Мин. Четивъ, за сент., стр. 476: «и увѣдавъ сія братія, притекши скоро къ нему (князю) оскорбленіи... Мы, рече, прииди въ обитель Пречистыя... и давахомъ вклады, и по своимъ родителейхъ имѣнія и села въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ». А. А. Э., I, 83, № 108, до 1479 г.

и почетное пребываніе въ монастырѣ въ старости, но и могилу въ оградѣ послѣдняго и даже постоянное поминавіе по смерти. Что же касается до другой побудительной причины, то она имѣла болѣе фактической характеръ и состояла не въ чемъ иномъ, какъ въ желаніи обезпечить свое земное существованіе. Такимъ соображеніемъ руководились по преимуществу малосостоятельные люди, изъ которыхъ составлялось обыкновенно большинство монастырскихъ вкладчиковъ. Внося вкладъ, они не отрѣшались отъ міра и отъ своихъ мірскихъ занятій, но въ то же время гарантировали себѣ право на пожизненное полученіе изъ монастыря содержанія, которое шло въ послѣднемъ на долю чернецовъ. Въ числѣ такихъ вкладчиковъ встрѣчаются особенно часто лица, стоявшія въ какихъ-либо служебныхъ отношеніяхъ къ монастырю: въ XVI вѣкѣ, напримѣръ, между вкладчиками одного монастыря упоминается конюхъ Карпъ ¹⁾. Но коль скоро вошло въ обычай внесеніе вкладовъ со стороны отдѣльныхъ лицъ, монаховъ и мірянъ, то отчего было не послѣдовать ихъ примѣру и цѣлымъ монастырямъ? И вотъ, мы дѣйствительно видимъ, что игумены съ братіей однихъ монастырей цѣликомъ вкладываются въ другіе и такимъ образомъ полагаютъ начало монастырямъ приписнымъ. Выгоды при этомъ были обоюдныя. Независимо отъ расширенія своей власти, главный монастырь получалъ возможность извлекать доходы какъ изъ внесеннаго вклада, такъ и изъ тѣхъ земель и угодій, которыми располагалъ приписной, и которыя въ рукахъ послѣдняго, вслѣдствіе скудости средствъ, легко могли оставаться безплодными ²⁾. Точно также, хотя приписка и сопровождалась обыкновенно для мелкихъ монастырей потерей нѣкоторой доли самостоятельности, тѣмъ не менѣе въ замѣнъ того она доставляла имъ спокойное существованіе. Благодаря опорѣ, которую чрезъ приписку они пріобрѣтали въ главныхъ монастыряхъ, имъ уже не могли быть особенно страшны свѣтскіе правители, архіерейскіе слуги и сильные люди. Въмѣстѣ съ тѣмъ имъ не нужно было уже много беспокоиться и о снисканіи средствъ для своего существованія. Принимая вклады, большой монастырь обязывался обыкновенно выдавать имъ „вѣчно“ такое же содержаніе, какое получали въ немъ чернецы и вкладчики ³⁾.

¹⁾ П. С. Р. Л., III, 153, 1548 г.: «да въ тѣ жь поры выняли у старца у Еврема въ кельѣ, въ карци, ризы казенны, да старца связали, да у вкладчики у Карпа у конюха выняли колоколь, кои у трапезы»...

²⁾ *Амеросій*, Ист. Росс. Иерарх., V, 156, 1678 г.

³⁾ *Рус. Ист. Библ.*, II, 18, № 19, 1459—1471 г.: «се вложися игумень Иг-

Независимо отъ состава, и самый характеръ общежитія въ новгородскихъ монастырскихъ общинахъ представлялъ важныя особенности. Какъ показываетъ примѣръ Исковскаго Сибтогорскаго монастыря, общежитіе было въ нихъ болѣе въ зародышѣ, чѣмъ въ полной дѣйствительности. Общежитіе существовало безъ опредѣленнаго письменнаго устава, который сколько-нибудь регулировалъ бы отношенія монаховъ, и состояло главнымъ образомъ въ одномъ сожительствѣ въ стѣнахъ монастыря. Общая трапеза соблюдалась не строго, равно какъ не строго устранилась и частная собственность; сообразно съ своими частными средствами монахи держали „собины“ или отдѣльныя хозяйства, облекались въ иѣмецкое сукно и въ бараньи шубы съ пухомъ¹⁾. Даже постановленіе церковныхъ правилъ, воспрещавшее монахамъ послѣ постриженія сохранять за собою недвижимыя имущества, не имѣло полной обязательной силы. Монахи и монахини не только владѣли вотчинами, но и распоряжались ими совершенно свободно, продавали, дарили, отдавали кому хотѣли по завѣщанію, приобретали или наследовали въ свою личную пользу новыя имѣнія, нерѣдко даже состоя въ монашескомъ званіи. Примѣры такого владѣнія и свободного распоряженія недвижимою собственностью монахами довольно многочисленны, и хотя въ каждомъ частномъ случаѣ и бываетъ трудно рѣшить, къ какому монастырю принадлежалъ собственникъ, къ отшельническому или общежительному, тѣмъ не менѣе въ общемъ несомнѣнно, что какъ въ томъ, такъ и въ другомъ родѣ монастырей, владѣніе недвижимою собственностью у отдѣльныхъ лицъ было вещь самую обыкновенною²⁾. Существованіе самой собствен-

натея Рождества св. Богородици и вси старци Рождества св. Богородици с Палья острова къ св. Спасу въ Нередицы вѣдныиъ вкладомъ и даша десять рублевъ при игуменѣ при Митрофанѣ и при старцахъ при Левонтѣ и при Ермілѣ, и при Серопионѣ, и при Арсѣнии; и при вкладщикахъ при... и при... и при всехъ вкладшихъ (то-есть, вкладщикахъ). А имати имъ хлѣбъ и соль, какъ ченци и вкладники в монастырѣ емлють въ домъ св. Богородици и в вѣки; а в иное имъ ни во что же не вступати». Нѣкоторыя выраженія въ этой важной грамотѣ приписаны позднѣе.

¹⁾ А. И., I, 52, № 26, 1418 г.: «А повѣдаете ми (Фотію) и пишете, что того устава его ктиторова у васъ написаннаго и не было». А. И., I, 8, № 5. 1382 г.: «А одвѣиѣ потребное имати у игумена, обычныи, а не иѣмечьскихъ суконъ, а шубы бораньи носити безъ пуху». Тамъ же, I, 510, № 578, 1469—1473 г.; А. Ю., стр. 145, № 110.

²⁾ А. Юр., стр. 433, № 409, V: «Се азъ... игуменъ Василій далъ есмь въ домъ св. Николы... Урвановскую землю, чѣмъ есмь володѣлъ». Тамъ же, стр.

ности въ монастыряхъ служило обыкновенно для послѣднихъ источникомъ разныхъ затрудненій, такъ какъ оно вызывало постоянное вмѣшательство въ монастырскія дѣла свѣтской власти, чего духовенство всячески избѣгало. Нерѣдко случалось именно, что чернецы вслѣдствіе неудовольствій оставляли монастырь, и конечно, считали себя въ правѣ не только сохранить за собою свою частную собственность, но даже и требовать обратно вклада, внесеннаго въ монастырскую казну. А такъ какъ, съ другой стороны, духовная власть смотрѣла на достойные чернецовъ, особенно же на ихъ вкладъ, какъ на имѣніе монастырское, то вышедшимъ ничего иного не оставалось, какъ искать управы у свѣтской власти, и сколько извѣстно, послѣдняя не отказывала въ такихъ случаяхъ въ судѣ и назначала роту игумену и старцамъ ¹⁾. Нерѣдко случалось и такъ: умиралъ въ монастырѣ инокъ и оставлялъ послѣ себя нѣкоторое имущество. Монастырь естественно склоненъ былъ смотрѣть на себя, какъ на самаго законнаго наследника умершаго, но такъ какъ въ то же время и кровные родственники его не отказывались отъ правъ на наслѣдіе, то дѣло опять запутывалось и могло быть разрѣшено не иначе, какъ при вмѣшательствѣ свѣтской власти. Духовное начальство, конечно, порицало мірянъ за это несправедливое, по его мнѣнію, вмѣшательство въ церковныя дѣла; но частое повтореніе жалобъ показываетъ, что онѣ дѣйствовали не довольно успѣшно ²⁾.

Кромѣ устройства общежитія, большіе монастыри отличались отъ отшельническихъ характеромъ внутренняго управленія и отношеній къ своему епархіальному владыкѣ. Хотя византійское каноническое право и не допускало изъятія монастырей изъ-подъ власти своего

143, № 110: «Се даде Алексъ чернецъ св. Николи и взѣвъ землю... купцю свою»... Тамъ же, стр. 432, № 409, III: «Ортемей черноризецъ, отходя сего свѣта, пише рукописанье: св. Николь... четверть поволоки, моего участка»... Тамъ же, 434—435, № 409: «а что моя полянка особная досталась мнѣ отъ братьи, и ту полянку даю (черноризецъ Ермола) св. Михаилу и инымъ земли, что въ межахъ съ тою землею, всю по купчимъ». У *Неволима* въ *З. Р. Г. Общ.*, VIII, прил., стр. 41, упоминается земля «Овдогьи черницы, съ Ямы городка, гридинскіе жены».

¹⁾ А. И., I, 50, № 24, 1416—1421 г.: «И тыя черньци да изъ вашего (Святогорскаго) монастыря вышедшіе вонъ, да подымають мірскыя люди и мірскыя судья и ня старцевъ»...

²⁾ А. И., I, 50, № 24, 1416—1421 г.: «или мірскый человекъ почнетъ чего выскывати умершаго чернца, или племя или родъ общежителева, а тыя того не искати»...

епископа, тѣмъ не менѣ это правило, вслѣдствіе недостаточнаго сознанія византійскаго образца, не могло сохраниться за Русскою церковью, а чрезъ это и тутъ открылось обширное поле для разнаго рода исключеній. Поэтому, между тѣмъ какъ мелкіе монастыри и на Руси воишь подчинялись власти владыки и даже иногда испытывали отъ него притѣсненія, въ то же время знатнѣйшіе монастыри мало по малу выходятъ изъ-подъ владычней опеки и пріобрѣтаютъ для своего внутренняго управленія нѣкоторую независимость ¹⁾. Что же касается послѣдняго, то здѣсь разница между общежительными и отшельническими монастырями только въ степени его сложности. Въ сущности внутреннее управленіе монастырей въ обоихъ случаяхъ одинаково основывалось на выборномъ началѣ и всякое уклоненіе отъ него порицалось, какъ незаконное. Въ завѣщаніи Антонія Римляпина предаются проклятію не только иноки, которые вздумали бы добиваться игуменства насиліемъ или за деньги, но и епископы и князья, которые захотѣли бы проводить въ настоятели Антоніевскаго монастыря своихъ собственныхъ кандидатовъ ²⁾. Въ монастырскомъ управленіи ученые старались отыскать свойственное каноническому праву искусное соединеніе единоличной власти съ коллегіальною; но это соединеніе если и можно допустить, то только въ весьма слабой степени. Въ числѣ единоличныхъ монастырскихъ властей мы встрѣчаемъ прежде всего игумена, сосредоточивавшаго въ своихъ рукахъ общее управленіе монастыремъ, а затѣмъ, по крайней мѣрѣ въ важнѣйшихъ монастыряхъ, келаря, завѣдывавшаго свѣтскими, мірскими дѣлами монастыря, и казначея, спеціально распоряжавшагося монастырскою казною: иногда, впрочемъ, эти послѣднія лица носили и другія названія, но это, конечно, нимало не измѣняло сущности дѣла ³⁾. Коллегіальная же власть была представляема соборомъ, заключавшимъ въ себѣ, кромѣ поименованныхъ лицъ, или всю рядовую братію монастыря, или же только избраннѣйшихъ старцевъ, которые отъ этого носили титулъ соборныхъ.

¹⁾ А. А. Э., I, 63, № 87, 1470—71: «А во владычень судъ и въ тысяцкого, а въ то ся тебѣ не вступати, ни въ монастырскіе суды, по старинѣ».

²⁾ *Аморосія*, II. P. I., III, 124, 125; А. А. Э., I, 83, до 1479 г.: «А кого себѣ братья възлюбятъ игумена, того себѣ держатъ».

³⁾ А. И., I, 8, № 5, 1382 г.: «Отсель... на Сивтной горѣ... ничтоже своего (дмѣти) ни игумену ни братіи... ни ѣсти въ келіи ни пити, не у келаря просити; а келарю не дати, ни клучнику не дати, никому же ничто же безъ игуменова слова... *Русс. Ист. Библи.*, II, 17—18, 1459—1471 г.; А. И., I, 532, № 292, 1526—1530 г.

Первое, по всему вѣроятію, имѣло мѣсто въ томъ случаѣ, когда монастырь былъ незначительный, второе же—когда въ монастырѣ „стадо“ чернецовъ было довольно многочисленно. Сверхъ того, въ монастырскихъ соборахъ принимали участіе какъ церковный причтъ, такъ иногда и церковные старосты, послѣдніе, очевидно—какъ представители мірскаго патроната надъ монастырями ¹⁾. Что же касается до распредѣленія силы и вліянія между единичною и коллегіальною властями, то неограниченнымъ авторитетомъ игуменъ пользовался только въ одной духовной сферѣ: здѣсь безусловное повиновеніе игумену составляло существенную черту каждого монастырскаго устава ²⁾. Во всѣхъ же остальныхъ сферахъ дѣятельности онъ находился въ зависимости отъ монастырскаго собора: онъ судилъ братію при помощи послѣдняго и ему же долженъ былъ отдавать отчетъ въ хозяйственномъ управленіи по сложеніи должности ³⁾.

Въ хозяйственной сторонѣ монастырскаго быта главное мѣсто принадлежало монастырскимъ вотчинамъ. Мы уже раньше имѣли случай замѣтить, что важнѣйшимъ источникомъ въ содержаніи духовенства съ этого періода становятся поземельныя владѣнія, и что ихъ особенно много было у Новгородскаго владыки. Послѣ владыки никто не обладалъ въ Новгородѣ такими обширными землями, какъ монастыри. Не всѣ, конечно, монастыри могли похвастать обширностью своихъ земель; но у важнѣйшихъ изъ нихъ поземельныя владѣнія несомнѣнно были весьма значительны. Довольно указать на тотъ фактъ, что для удовлетворенія требованій Ивана III по отводу ему новгородскихъ земель Великій Новгородъ предложилъ ему половину волостей владыки и шести главнѣйшихъ монастырей. Удваивая количество земли, взятое при этомъ отводѣ у каждого монастыря, мы получили, что въ концѣ независимаго существованія Новгорода общая сумма владѣній составляла у Юрьева монастыря 1440, у Аркажа—666, у Благовѣщенскаго—506 обжей или третихъ частей сохп ⁴⁾.

¹⁾ А. И., I, 50, № 24, 1416—1421.: «А какова будетъ когорà промежи братія тоя обители, ино вѣдаетъ промежи ими игуменъ и старци и с причетни тоя обители съ старостами св. Богородица». Тамъ же, I, 532, № 292, 1526—1530 г.

²⁾ А. И., I, 8, № 5, 1382 г.: «Послушаніе же и покореніе имѣть во всемъ игумену».

³⁾ А. Ю., 145, № 110, XIV или XV в.: «в поидеть игуменъ процъ наъ монастыря, ино ему дати уцетъ чернцамъ»...

⁴⁾ П. С. Р. Д., VI, 217, 1478 г.: «да прежеписанныхъ шести монастырей по половинѣ волостей: а у Юрьева монастыря въ половинѣ, что взялъ князь елики».

Своихъ обширныхъ земель монастыри обыкновенно не обрабатывали на себя, а отдавали ихъ въ пользованіе крестьянамъ и поземщикамъ, занимавшимся на монастырской землѣ разными промыслами. Во взаимныхъ отношеніяхъ монастырей и ихъ селянъ господствовала система оброка и только изрѣдка встрѣчаются примѣры барщины. Такъ напримѣръ, временами крестьяне косили сѣно на владыку и монастыри, пахали игуменовъ жеребей и дѣлали разныя монастырскія подѣлки¹⁾. Барщина была излишнею уже потому, что самый оброкъ платился обыкновенно естественными произведеніями²⁾. Кромѣ поземельной платы, крестьяне должны были оплачивать всѣ расходы по монастырскому вотчинному управленію и прежде всего по подѣздамъ монастырскихъ настоятелей. Подобно тому какъ Новгородскій владыка совершалъ объѣзды своего духовенства, такъ точно и настоятели монастырей, по крайней мѣрѣ важнѣйшихъ, завели обычай совершать періодическія посѣщенія въ свои монастырскія вотчины. Расходы, которые вытекали отсюда для крестьянъ, были точно также опредѣлены, какъ и владычнія подѣздныя пошлины. Въ договорныхъ грамотахъ крестьянъ съ монастыремъ было постановляемо, сколько времени настоятель долженъ былъ пребывать во время подѣзда въ вотчинѣ, сколько получалъ пива, рыбной и мясной валогы, овса и сѣна. Въ тѣхъ же грамотахъ опредѣлялись далѣе и всѣ дары, которые шли въ пользу игумена и его свиты, священника съ діакономъ, чашика, казначея и прислуги. Даръ настоятеля поступалъ въ его казну даже и тогда, когда онъ и не совершалъ обычнаго подѣзда; но его свита въ такихъ случаяхъ не получала ничего³⁾. Наравнѣ съ

720 обожей, а у Аркажа 333, а у Благовѣщенскаго 253, а у Никольскаго Неревскаго конца 251, а у Онтонова 50 сохъ, а у Михайловскаго 100 обожей безъ трехъ».

¹⁾ *Неволина*, въ *З. Р. Г. Общ.*, VIII, прил., стр. 13, 1500 г.; *А. А. Э.*, I, 6, № 11, 1391 г.

²⁾ *Чт. оз М. Общ. Ист. и Др.* за 1858, II, стр. 54: «се урядишася Рабичичане св. архим. Григоріемъ и съ попы и съ черньци Юрьева монастыря.. давати имъ успы въ житницу 30 коробей ржи, 30 овса въ правую мѣру Новгородскую. А возити имъ самимъ той хлѣбъ в монастырь св. Георгія».

³⁾ *Чт. оз М. Общ. Ист. и Др.*, за 1858 г., II, стр. 54: «А коли архимандритъ прѣиде на подѣздъ, стояти ему на стану двѣ ночи. А пива положити христьяномъ довольно. А хлѣба и валогы, рыбное и мясное, довольно. А конемъ овса и сѣна довольно. А дару архимандриту на томъ стану 5 гривенъ, столынику полкоробей ржи. Чашику полкоробей ржи... А коли архимандритъ на подѣздъ не поиде: ино тогда пошляникомъ пошлины вси не надобъ. А архимандритъ

общей монастырскою властью, и частные органы монастырскаго управленія, заващики и поселскіе, также получали извѣстные доходы съ завѣдывавшихся ими монастырскихъ вотчинъ и сель¹⁾.

Заботы монастырей по управленію своими вотчинами далеко не исчерпывались одною хозяйственною стороною. Весьма часто къ хозяйственному управленію присоединилось еще вотчинно-административное, и такимъ образомъ монастырь со своими имѣніями почти совсѣмъ выдѣлялся изъ общества и становился какъ бы государствомъ въ государствѣ. Конечно, такое обособленіе не было нормальною принадлежностью монастырскаго быта. Оно было не болѣе, какъ результатомъ пожалованія, льготы со стороны свѣтской власти, и потому представляло большое разнообразіе какъ въ своихъ видахъ, такъ и размѣрахъ. На первомъ планѣ однако при этомъ изъятіи стояло всегда освобожденіе отъ финансовыхъ государственныхъ повинностей, которыя были весьма многообразны и нерѣдко весьма тягостны для поземельныхъ владѣній. Освобожденіе пріобрѣталось ими отъ всѣхъ вообще повинностей, какъ это, напримѣръ, было съ землею Юрьева монастыря на Воложѣ, или же отъ нѣкоторыхъ, преимущественно торговыхъ пошлинъ, какъ это видно изъ примѣра Троицкаго Сергіева монастыря, получившаго отъ Новгорода право безошлинной торговли въ Двинскомъ краѣ²⁾. Освобожденіе отъ финансовыхъ повинностей было для монастырей тѣмъ важнѣе, что здѣсь льгота обыкновенно обращалась въ привиллегію, свѣтская власть не только отказывалась отъ своихъ правъ, но и передавала ихъ въ руки монастырскаго начальства. За финансовыми льготами слѣдовали льготы, которыя касались изъятія монастырскихъ людей отъ свѣтскаго суда, обременительнаго для нихъ частію по сопряженнымъ съ нимъ поборамъ, частію по притѣсненіямъ его органовъ. Судебныя льготы были двоякаго рода: однѣ изъ нихъ относились до разбора внутреннихъ дѣлъ между самими монастырскими людьми, другія же—до разбора тяжбъ ихъ съ посторонними для монастыря лицами. Къ числу первыхъ относилось

даръ 5 гривенъ поставати хрестьяномъ въ монастырь». Ср. Новг. Писц. кн., II, 701, *Неволина* въ *З. Р. Г. Общ.*, VIII, пр. 229.

¹⁾ *Цт. съ М. Общ. Ист. и Др.* за 1858 г., II, стр. 54: «А поселникамъ поселы по старинѣ».

²⁾ А. А. Э., I, 2, № 4, 1338—1340: «кто сидеть на земли св. Юрья, даль есмь (Иванъ Калита) имъ волю, не надобъ имъ потягнута къ городу ни въ которую дань, ни въ подводы, ни въ кормы, ни въ стани, ни къ который проторь»... А. А. Э., I, 80, № 104, 1477 г.

полное или частичное устраненіе свѣтскихъ судей отъ дѣлъ, возникавшихъ между монастырскими крестьянами, и передача этихъ дѣлъ въ руки самихъ монастырскихъ властей¹⁾. А такъ какъ въ древности чей былъ судъ, того и пошлыны, то вмѣстѣ съ приобрѣтеніемъ суда монастырское начальство получало и право собирать въ свою пользу судебныя пошлыны, виры и продажи²⁾. Что же касается до разбора дѣлъ монастырскихъ крестьянъ съ посторонними людьми, то здѣсь главное отягощеніе исходило отъ низшихъ судебно-полицейскихъ органовъ, позволявшихъ себѣ разныя вымогательства съ подсудимыхъ. Поэтому и пожалованіе состояло тутъ въ томъ, что правительство въ знакъ особеннаго доброжелательства назначало нѣкоторымъ монастырямъ своихъ особенныхъ приставовъ, которые не только призывали къ суду постороннихъ людей въ ихъ столкновеніяхъ съ монастырскими, но чрезъ которыхъ однихъ только могъ и совершаться призывъ монастырскихъ крестьянъ въ общіе суды. Кроме судебнаго, приставы имѣли еще и другое значеніе, а именно значеніе официальныхъ зашитниковъ монастырскихъ людей противъ несправедливыхъ притѣсненій чуждыхъ для монастыря властей и сильныхъ лицъ³⁾.

Недостатокъ извѣстій крайне затрудняетъ точное опредѣленіе значенія монастырей въ жизни Великаго Новгорода. Но все же по этому предмету можно сдѣлать не безъ основанія нѣкоторыя общія указанія. Какъ и вездѣ на Руси, монастыри были свѣтильниками лучшей нравственной и даже, на сколько это было возможно по тому времени, умственной жизни. Конечно, дѣло не обходилось при этомъ

¹⁾ А. А. Э., I, 2, № 4, 1338—1340 г.: «а волобтемъ ихъ (крестьянъ Юрьева монастыря) Волоцкимъ на Волоцъ не судити, опричь татбы и розбоа и душегубства, а то судити ихъ человекъ св. Юрья промежи собою».

²⁾ *Срезневскій*, Грам. Юрьеву мон. 1130 г.: «се азъ Мьстиславъ... повезлъ есмь сыну своему Всеволоду одата Вундъ св. Георгиеви съ данно и съ вирами и съ продажами... и осеннее полуодие даровное подьтретлядесяте гривъ»... А. З. Р., I, 87, № 71, по 1479 г.: «А присудъ весь королевъ на тыхъ мѣстѣхъ здавна: вижь ли, коли отъ монастыря ѣдутъ тыи поѣздыники, а коли кого королевъ намѣстникъ осудитъ и вину возметъ, ино они протавъ столько же берутъ вины, а любо по силѣ; а кого тые поѣздыники монастырскіе осудятъ, а вину возмутъ, ино королю протавъ столько же вины: бо въ тыхъ 20 и 4 днехъ на году, какъ верху писано, коли ѣздытъ, вольно имъ тежь судити».

³⁾ *Чт. съ М. Общ. Ист. и Др.*, 1858 г., II, 54: «Прости вамъ новгородцимъ полкоробья ржи». См. А. А. Э., I, 124, № 154, 1512 г.; Д. къ А. И., I, 356, № 206, 1471—1475 г.

безъ большихъ исключеній; но въ лучшихъ случаяхъ иноки несомнѣнно подавали мірянамъ примѣры нравственной сдержанности и гуманнаго отношенія къ угнетеннымъ и бѣднымъ. Извѣстно также, что монастыри служили не только собирателями священныя и церковныя книги, но и органами ихъ распространенія. Въ монастыряхъ переписывались и оттуда разсылались священныя книги въ самые отдаленныя края Новгородской земли ¹⁾. Самое распространеніе христіанства обязано монастырямъ очень многимъ. Въ числѣ духовныхъ просвѣтителей Новгородской земли благочестивые подвижники играли едва ли не главную роль. Стремленіе спасти душу побуждало подвижниковъ удаляться отъ міра; а это съ размноженіемъ народонаселенія становилось въ ближайшихъ предѣлахъ все труднѣе и труднѣе. Неудивительно поэтому, что благочестивые отшельники начинаютъ стремиться изъ ближайшихъ странъ въ болѣе отдаленныя, изъ непосредственныхъ окрестностей Новгорода — въ пустынный сѣверо-востокъ. А такъ какъ этотъ Новгородскій край очень былъ занятъ массой языческаго финскаго населенія, то естественно, мѣсто противоборства съ внушеніями бѣса, искони желающаго зла роду человѣческому, тутъ должна была заступить болѣе практическая борьба пустынниковъ съ язычествомъ, имѣвшая цѣлью насажденіе между язычниками христіанства. И дѣйствительно мы знаемъ, что многие подвижники посвящали себя этой плодотворной дѣятельности. Для примѣра достаточно указать на основателей монастырей Валаамскаго и Соловецкаго, на Арсенія Коневскаго и Лазаря Мурманскаго ²⁾. — Не менѣе духовной, была важна и мірская дѣятельность монастырей. Монашествующіе Великаго Новгорода вообще должны быть признаны за дѣятельныхъ колонизаторовъ и распространителей земледѣльческой культуры на сѣверѣ. Прежде всего, носители свѣта христіанскаго ученія, поселяясь въ дикихъ и пустынныхъ краяхъ, естественно должны были для своего поддержанія обращаться къ земледѣлію, и вотъ мѣстности, прежде покрытыя дремучимъ лѣ-

¹⁾ *Купріяновъ* въ *Изв. II-го Отд. Имп. Ак. Н.*, VI, 302, XIV в.: «написаны быша книги сия, нареченыи охтанкы в монастырѣ св. Троица на Видогоицѣ (щѣ?) къ св. Въскресеню за Волокъ. в Ракулѣ на Двинѣ. повелѣніемъ раба божия Пумяки грѣшнаго, отца владычня».

²⁾ Архиманд. *Досиога*, *Опис. Соловецкаго монастыря*, I, 53. *Амаросій*, *И. Р. I.*, V, 123, XIV в.: «мужъ той (Лопянинъ старѣйшій, сынъ котораго получилъ отъ Лазаря Мурманскаго прозвѣніе) жительство имѣя на Рондо озерѣ, и послѣди бысть мнихъ и сынове его крестившася».

сомъ, начинали расчищаться подъ пашню и привлекать къ себѣ поселенцевъ даже не монашескаго званія ¹⁾. А затѣмъ и монастыри, находившіеся въ мѣстностяхъ людныхъ, не отказывались въ видахъ хозяйственныхъ приобрѣтать разными путями земли въ отдаленныхъ краяхъ и заботились о ихъ заселеніи и обработкѣ ²⁾. Въ обоихъ случаяхъ успѣшному ходу дѣла много помогали два обстоятельства; вслѣдствіе умѣнья монастырей выпрашивать у свѣтскихъ властей разныя привилегіи, поселеніе на монастырскихъ земляхъ въ матеріальномъ отношеніи было гораздо болѣе выгоднымъ и потому привлекательнымъ для постороннихъ; къ тому же, располагая нѣкоторыми свободными средствами, монастыри легко могли дѣлать земледѣльцамъ всѣ ссуды, которыя были необходимы для первоначальнаго заведенія хозяйства и получать которыя было въ обычаѣ у поселенцевъ; наконецъ, было бы несправедливо не указать и на ту поддержку, которую монастыри оказывали промышленной жизни. Печего уже говорить о томъ, что монастыри нерѣдко сами занимались промышленными (особенно солеваренными) и торговыми предпріятіями. Гораздо любопытнѣе другой фактъ, тотъ именно, что монастыри въ древности служили для мірянъ мѣстомъ сохраненія капиталовъ и получения ссудъ. Есть несомнѣнныя данныя, что подобно церквамъ, монастыри служили хранителями мірскихъ богатствъ, что туда сносились знатными людьми болѣе цѣнные ихъ пожитки ³⁾. Весьма возможно поэтому, что міряне отдавали въ монастырскую казну на сохраненіе и всѣ свои наличные капиталы. Присоединимъ сюда еще, что монастыри очень часто не лишены были и значительныхъ собственныхъ достатковъ, и тогда будетъ совершенно ясно, что въ ихъ рукахъ сосредоточивались тогда большія денежныя средства. Нѣтъ основанія думать, что монастыри оставляли ихъ лежать подъ спудомъ, безъ всякаго употребленія. И сколько мы знаемъ, монастыри дѣйствительно производили изъ нихъ, конечно, не безъ процен-

¹⁾ Макарь. Вел. Минси Четивъ, сент., стр. 484: «И нѣкогда ми въпросившу человека земледѣльца, нарицаема жува, много лѣтъ ту живуца: како, рече, сіа мѣста до прихода Іосифова? Онъ же отвѣща: яко веліа лѣсы быша».

²⁾ А. Ю., 270, № 257, XV в.: «что купилъ пос. Иванъ Даниловичъ у игумена св. Спаса (далѣе: съ Хутыня) и у всѣхъ чернцовъ, участокъ Одреевъ дади ихъ, за Волокомъ въ Соломбалѣ»...

³⁾ П. С. Р. Л., III, 136, 1418 л.: «нѣ и монастырь св. Николи на полѣ разграбиа, и игумена и чернцовъ оскорбиша, ркуще: здѣ животы христіанскія и балярскія».

товъ, денежныя ссуды, особенно промышленнымъ людямъ, и тѣмъ не мало содѣйствовали дальнѣйшему возростанію своихъ богатствъ ¹⁾. Церковныя власти, конечно, вооружались противъ этой профанациі монастырями духовнаго званія. но дѣло тѣмъ не менѣе шло своимъ неизбѣжнымъ порядкомъ ²⁾.

Монастырей въ Новгородской землѣ вообще было очень много: можно даже сказать, что ихъ было больше, чѣмъ въ какомъ либо другомъ краю древней Руси. Достаточно указать на тотъ фактъ, что по случаю нашествія Дмитрія Донскаго, въ окрестностяхъ одного Новгорода было выжжено въ 1386 году цѣлыя 24 монастыря ³⁾. Многіе изъ Новгородскихъ монастырей пользовались особенною славою благодаря святости своихъ основателей: таковы, на примѣръ, монастыри Хутынский и Антоніевскій. Самое однако важное мѣсто между ними занималъ монастырь Юрьевъ. На возвышеніе его, вѣроятно, не осталась безъ вліянія древность его основанія: по преданію онъ былъ устроенъ Новгородскимъ княземъ Мстиславомъ Владиміровичемъ. Какъ то бы ни было, только Юрьевъ монастырь вообще выдѣлялся изъ ряду остальныхъ новгородскихъ монастырей и даже игралъ нѣкоторую общественную роль. Настоятель его былъ какъ бы ближайшимъ помощникомъ Новгородскаго владыки во всей общественной дѣятельности послѣдняго. Онъ принималъ всегда дѣятельное участіе во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда владыка являлся въ Новгородѣ примирителемъ враждебныхъ партій; онъ исполнялъ иногда за владыку посольства второстепенной важности ⁴⁾. Наконецъ, подобно владыкѣ, настоятель Юрьева монастыря былъ довѣреннымъ лицомъ пѣмцакаго купечества. Въ его руки передавались запечатанные ключи отъ другой

¹⁾ *Срезневскій*, Малозв. и неизв. памятники, № XXXV, XIII в.: «Се азъ рабъ божіи Климѣнтъ даю св. Георгию. и игумену Варламу и всей братьѣ. что взялъ есмь 20 гривенъ серебра на свои руки. св. Георгия. было же бы ми чимъ заплатит(и) даю за все за то. два села съ обильемъ. и съ лошадьми. и съ бортью. и съ мазыи селыци. и нивъ и колода одерънъ св. Георгию». А. Ю., 119, № 71, XV в.: «что взялъ Софонтьевъ дѣдъ Василей у игумена св. Михаила и у старосты у Степана чернеца и у всего стада 9 рублевъ серебра, да 25 сороковъ бѣлки, да 9 пузовъ жита, да кунъ»...

²⁾ А. А. Э., I, 462, № 369, 1410 г.: «А которые игумены или попы или черници, торговали прѣжь сего или серебро давали въ рѣзы, а того бы отъ сѣхъ мѣстъ не было». Ср. *Калайдовича*, Нам. XII в., стр. 174.

³⁾ П. С. Р. Л., IV, 94, 1386 г.: «А въ то время Новгородды пожгоша о коло города монастыревъ 24»...

⁴⁾ П. С. Р. Л., III, 6, 1134; 87, 1359, 100, 1318; 108, 1418; IV, 94, 1386 г.

нѣмецкой церкви (а быть можетъ, и просто другой ключъ отъ той же церкви, отъ которой одинъ поручался обыкновенно самому владыкѣ) въ тѣхъ случаяхъ, когда иноземные гости по какой-либо причинѣ принуждены были оставить свой торговый дворъ въ Новгородѣ ¹⁾. Наравнѣ съ церковью св. Николая, въ его монастырѣ сохранялись драгоценности, которыя иноземнымъ гостямъ приходилось давать Новгородцамъ въ залогъ того, что протензіи, которыя предъявлялись на Нѣмцевъ новгородскими купцами, подвергшимися лишенію имущества въ чужихъ краяхъ, будутъ къ извѣстному сроку разобраны и удовлетворены ²⁾. Сообразно съ этимъ общественнымъ значеніемъ, какъ іерархическое положеніе Юрьева монастыря, такъ и его отношеніе къ міру, были совершенно особенныя. Въ отношеніи перваго должно замѣтить, что во всей Новгородской землѣ это былъ единственный монастырь, игумень котораго носилъ титулъ архимандрита, и притомъ, какъ оно и совершенно естественно при этомъ условіи, Новгородскаго, а не Юрьевскаго ³⁾. Правда, преосв. Макарій сообщаетъ, будто бы лѣтописью упомянуты дважды два архимандрита въ Новгородѣ; но очевидно, что это—ошибка, и что нужно читать не „архимандрита два“, какъ напечатано въ одной лѣтописи, а „архимандрита Давида“, какъ напечатано правильно въ другой ⁴⁾. Затѣмъ, что касается до отношеній Юрьева монастыря къ міру, то здѣсь повторяются тѣ же явленія, которыя характеризовали отношенія міра къ Новгородскому владыкѣ. Какъ мы уже говорили, настоятели монастырей

¹⁾ Hans. Urb., 269, 1354 г.: «Wan men utvaret, soscal men de slotete besegelen und don den enen deme bischope van. Nougarden, den anderen deme abate von sunte Juriane». *Bunge*, U.-B., V, 189, № 2105, 1416 (?) г.: «Als ju wol yurdenket, dat unse boden... hodden to ju gesant Hinsen und Claws Durkope, und hadde van ju gerne bat de slotete to unser kerken uppe dat se mochten ud te nomen hebben een dur bar bilde, dat in der kerken steit... und gi en do to kennende deden, dat de abbet van sunte Juriene nicht to hus en were, dar umme wurden en de slotete nicht».

²⁾ *Bunge*, U.-B., VI, 114, 1337 (?) г.: «Do spreken de Nougurder: «Dat silver und dat want (данная Нѣмцами въ залогъ за захваченное ихъ братьею у Новгородцевъ имущество) schal vorsegelen de borchgreve ——— und dat silver schal men bringen deme abbate van sunte Juriene, und dat want in sunte Nicolaus kerke to ligende to einem pande to s. Iacopes dage».

³⁾ П. С. Р. Л., III, 42, 1226 г.: «преставися игумень св. Георгія Саватія, архимандритъ Новгородскыи».

⁴⁾ П. С. Р. Л., IV, 94, 1386 г.: «и послаша къ князю архимандрита два»... Но въ П. С. Р. Л., V, 241, 1386 г.: «И послаша... Новгородцы архим. Давыда»...

избирались обыкновенно самою же монастырскою братіей, напротивъ того, избраніе Юрьевскаго архимандрита было дѣломъ общественнымъ, въ которомъ, кромѣ братіи, принималъ участіе и весь міръ. Одинъ случай показываетъ, что для избранія архимандрита князь, владыка, посадникъ и всѣ Новгородцы собирались въ самомъ Юрьевскомъ монастырѣ; но всегда ли дѣло происходило такъ, рѣшить довольно трудно ¹⁾. Но, вступивъ разъ въ сферу Новгородской общественной жизни, и Юрьевскій архимандритъ не могъ избѣгнуть тѣхъ тревоженій, которыя были свойственны этой жизни. Подобно владыкѣ, и Новгородскій архимандритъ сталъ въ сильную зависимость отъ массы народонаселенія и по ея волѣ перѣдко лишался своего званія. Иногда, впрочемъ, низверженіе было не болѣе, какъ интригой собственныхъ же членовъ монастыря. Такъ въ 1337 году неудовольствія противъ настоящаго игумена Іосифа было возбуждено старымъ Юрьевскимъ архимандритомъ Лаврентіемъ, и притомъ, какъ показываютъ послѣдующія событія, явно не безъ корыстныхъ цѣлей. Въ самомъ дѣлѣ возбужденный Лаврентіемъ простой народъ, составивъ вѣче, немедленно же заперъ Іосифа въ храмѣ и держалъ его тамъ въ заключеніи до тѣхъ поръ, пока онъ не отказался отъ архимандріи въ пользу своего предшественника ²⁾. Но иногда самый образъ дѣйствія архимандрита вызывалъ неудовольствія: тогда въ дѣло вмѣшивалось вѣче въ его полномъ составѣ, и изложеніе имѣло болѣе прочный, если не безповоротный характеръ ³⁾.

¹⁾ П. С. Р. Л., III; 42, 1226 г.: «преже своего преставленія, Саватія съзва владыку Антонія и пос. Ивоки и всѣ Новгородцы, и запроша братъъ своен и всѣхъ Новгородецъ: изберъте собѣ игумена. ои же рекоша: въведъте Грычина попа... и въведоша».

²⁾ П. С. Р. Л., III, 78, 1337 г.: «сташа простая гадъ на архим. Есефа, а думои старого архим. Лаврентія, и створиша вѣче, и запроша Есефа въ церкви св. Николы; и сѣдоша около церкви ноць и день коромольници, стрегуще его». Тамъ же, III, 78, 1338 г.: «преставися архим. Лаврентіи св. Георгія, и посадиша Іосифа».

³⁾ П. С. Р. Л., III, 47, 1230 г.: «въведоша съ Хутна... Арсенія игумена... ян. Ярославъ, влад. Спуридонъ и всѣ Новгородъ, и даша игуменьство у св. Георгія; а Саву лишиша».

А. Иввитскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ГОСПОДСТВУЮЩАЯ ГРУППА ВЫВОДОВЪ.

Огромное большинство выводовъ, употребляемыхъ въ наукѣ и жизни, можно свести къ одной группѣ на основаніи единства логическаго процесса, лежащаго у нихъ въ основаніи. Этотъ процессъ состоитъ въ перенесеніи опредѣленія (предиката) съ предмета одного сужденія на предметъ другаго. Нѣтъ ничего проще общаго логическаго принципа, которымъ гарантируется логическая законность всѣхъ выводовъ этой группы. Онъ состоитъ въ томъ, что какой бы то ни было предметъ нашей мысли необходимо долженъ получить опредѣленіе, приписанное нами другому предмету, какъ скоро мы допустили, что мысль имѣетъ право смотрѣть на послѣдній, не какъ на что нибудь отдѣльное или отличное отъ перваго, а какъ на предметъ, тождественный съ первымъ. Но тождество между предметами сужденій можетъ имѣть различныя виды. Соответственно этому должны будутъ, конечно, видоизмѣняться и частныя условія перенесенія предиката съ одного предмета на другой, хотя родовыя черты вывода всюду останутся тѣже, т. е. всюду выводъ будетъ опираться на признаніе тождества между предметами и всюду онъ останется перенесеніемъ опредѣленія съ одного изъ нихъ на другой.

Мы сдѣлаемъ попытку прослѣдить всѣ модификаціи умозаключеній на основаніи тождества между предметами сужденій. И такъ какъ наша цѣль состоитъ не въ психологическомъ анализѣ ихъ происхожденія и ихъ развитія, а въ разъясненіи ихъ логическихъ особенностей, то мы начнемъ нашъ обзоръ не съ тѣхъ формъ вывода, которыя возникаютъ ранѣе другихъ, встрѣчаются чаще и развиваются

полиѣе, а съ тѣхъ, въ которыхъ чище и рельефнѣе выступаетъ родовая формула и за тѣмъ постепенно будемъ переходить къ тѣмъ, въ которыхъ общая формула встрѣчается съ большими и большими усложненіями.

I.

Сужденія (утвердительныя) часто опредѣляютъ какъ такую операцію мысли, въ которой понятію приписывается (аналитически или синтетически) извѣстное опредѣленіе (свойство или отношеніе). Въ подобныхъ опредѣленіяхъ есть нѣкоторая неточность, которая можетъ сильно затемнять дѣло. Легко можно подумать въ такомъ случаѣ, какъ это часто и бываетъ, что субъектомъ сужденія служитъ то понятіе или представленіе, которое съ совершенно опредѣленными чертами выступаетъ предъ нашимъ сознаниемъ, когда мы слышимъ терминъ, обозначающій субъектъ. На самомъ дѣлѣ далеко не такъ. Истиннымъ субъектомъ сужденія всегда служитъ неопредѣленно мыслимый предметъ, о которомъ всегда предполагается, что его содержаніе никакъ не исчерпывается сполна тѣмъ свойствомъ, какимъ онъ характеризуется въ подлежащемъ. Этотъ неопредѣленно мыслимый предметъ ставится въ сужденіи нашею мыслию въ качествѣ нѣкотораго X, чего-то такого, что въ предѣлахъ этого сужденія остается не исчерпаннымъ съ многихъ сторонъ и что можетъ быть исчерпано сполна въ своемъ содержаніи лишь въ цѣломъ рядѣ сужденій. Опредѣленно представленіе, которое непосредственно соединяется съ терминомъ подлежащаго, имѣетъ свою цѣлю только указать на этотъ предметъ, только сдѣлать, такъ сказать, намекъ на то, на что направлена мысль, чему намѣреваются приписать извѣстное опредѣленіе. Подлинный смыслъ сужденій всегда таковъ: предметъ, который ближайшимъ образомъ характеризуется для насъ такою-то совокупностію признаковъ (то-есть, тѣми представленіями, которыя непосредственно соединяются съ терминомъ подлежащаго) имѣетъ кромѣ того еще такіе-то признаки (соединяемые непосредственно съ терминомъ сказуемаго). Опредѣленное представленіе, соединяемое непосредственно съ терминомъ подлежащаго, составляетъ въ сущности только часть содержанія предмета, оно можетъ быть даже такимъ же несущественнымъ признакомъ предмета, какимъ часто бываетъ представленіе, соединяемое съ терминомъ сказуемаго. Они различаются другъ отъ друга только тѣмъ, что одно берется какъ указаніе на предметъ,

то-есть, какъ такой признакъ, который въ состояніи остановить на немъ наше вниманіе, другое—какъ признакъ, теперь прилагаемый къ предмету, все равно на основаніи ли только что сейчасъ добытыхъ нами свѣдѣній о немъ, или на основаніи свѣдѣній, пріобрѣтенныхъ нами ранѣе. Этимъ отчасти объясняется, почему мы отлично понимаемъ другъ друга при взаимной передачѣ мнѣній о предметахъ, тогда какъ термины, обозначающіе предметы, часто вызываютъ далеко не сходныя представленія у различныхъ людей. Важно не то, что одинъ съ терминомъ чловѣкъ непосредственно соединяетъ представленіе о разумно-нравственномъ существѣ, другой — извѣстный видимый образъ, что даже этотъ образъ очерчивается далеко не тождественно въ представленіи различныхъ людей, напримѣръ въ мысли зрячаго и слѣпаго; важно не то, что мѣтка оказывается не одинаковой; взаимное пониманіе вполне обезпечено, если разныя мѣтки указываютъ на одни и тѣже предметы, на одну и ту же неопредѣленную полноту содержанія, изъ которой онѣ взяты для ея же характеристики, такъ какъ въ сужденіи ей именно приписывается опредѣленіе, а не тому опредѣленному понятію, которое соединяется съ терминомъ подлежащаго. Даже въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ опредѣленіе берется изъ числа тѣхъ самыхъ качествностей, которыми характеризуется предметъ („сужденія аналитическія“), оно прилагается вовсе не этимъ качествностямъ, а поставляемымъ неопредѣленно мыслию предметамъ, о которыхъ можетъ быть высказано множество другихъ сужденій, которые слѣдовательно представляютъ для нашей мысли неопредѣленную полноту содержанія, предполагаютъ цѣлыя ряды свойствъ и отношеній. Говоря, что тѣла протяженны, мы хотимъ сказать вовсе не то, что въ понятіи тѣла есть признакъ протяженности, а то, что предметы, которые характеризуются признаками, соединенными съ терминомъ тѣло, по которымъ должны принадлежать и многія другія свойства и отношенія, имѣютъ свойство протяженности; называть подобныя сужденія аналитическими можно лишь въ томъ смыслѣ, что для убѣжденія въ ихъ истинности достаточно сослаться на понятіе, непосредственно характеризующее ихъ субъектъ для нашего сознанія, а никакъ не въ томъ, что въ нихъ предикатъ приписывается самому этому понятію.

И такъ опредѣленное понятіе, соединяемое съ терминомъ подлежащаго, вовсе не есть субъектъ сужденія, а представляетъ только нѣкоторыя изъ его свойствъ или отношеній и имѣетъ особое назначеніе выдѣлять этотъ предметъ изъ другихъ, указывать на него. Но

возможность указывать на предметъ, характеризовать его въ нашемъ сознаниі, очень часто вовсе не составляетъ исключительной особен-ности какой нибудь одной изъ качественностей или какого нибудь одного изъ отношеній, ему принадлежащихъ. Одну изъ египетскихъ пирамидъ мы можемъ назвать пирамидой Хеопса, но ее же можемъ назвать самой большой изъ пирамидъ. Эти два названія будутъ соединяться съ двумя различными представленіями, будутъ харак-теризовать пирамиду съ двухъ различныхъ сторонъ, одно — со сто-роны времени и виновника ея постройки, другое — по сравнительной величинѣ ея съ другими пирамидами. Каждое изъ этихъ представле-ній совершенно достаточно для того, чтобы выдѣлить предметъ, на которомъ оно сосредоточиваетъ вниманіе мысли, изъ ряда другихъ предметовъ. И при всемъ томъ предметъ, который будетъ характери-зованъ однимъ изъ этихъ представленийъ, будетъ совершенно тѣмъ же, реально тождественнымъ съ предметомъ, характеризуемымъ другимъ представленіемъ. Такъ какъ теперь истиннымъ субъектомъ каждаго сужденія служитъ не то опредѣленное представленіе, которое непо-средственно соединяется съ терминомъ подлежащаго, а неопредѣленно мыслимый предметъ, который только характеризуется опредѣленнымъ понятіемъ подлежащаго, то, очевидно, какъ бы различно ни характе-ризовались предметы двухъ сужденій въ нашемъ сознаниі, мы всегда имѣемъ право перенести опредѣленіе, приписанное одному изъ нихъ, на другой, какъ скоро мы убѣдились, что дѣйствительный субъектъ сужденія въ обоихъ случаяхъ одинъ и тотъ же и только предъ на-шимъ сознаниемъ обрисовывался не одинаковыми признаками. Здѣсь мы имѣемъ самое чистое и самое рельефное примѣненіе той общей формулы выводовъ на основаніи тождества, которую характеризовали мы выше. Разсмотримъ этотъ случай внимательнѣе.

Если я знаю извѣстную пирамиду за пирамиду Хеопса; если я знаю за тѣмъ, что Хеопсова пирамида самая большая изъ египетскихъ пирамидъ, то приписать ей какое-нибудь новое свойство въ качествѣ пирамиды самой большей только затѣмъ, чтобы перенести его на нее же, характеризовавъ ее при этомъ такъ, какъ она обыкновенно ха-рактеризуется въ моемъ сознаниі, то-есть, какъ пирамиду Хеопсову, было бы для меня не выводомъ, а пустымъ тожесловіемъ. Новое свой-ство и признавалось мною въ ней именно какъ въ Хеопсовой пира-мидѣ; а поэтому сужденіе: Хеопсова пирамида имѣть такое-то свой-ство будетъ для меня не выводомъ, а сужденіемъ, въ которомъ пре-дикатъ мною непосредственно отнесенъ къ субъекту и только субъ-

ектъ намѣренно былъ характеризованъ иначе, чтобы процессъ получилъ форму вывода. Но отсюда было бы слишкомъ поспѣшно заключить, что всякій подобный выводъ можетъ представлять только пустыя тожесловія. Наше знаніе, разумѣть ли подъ нимъ личное знаніе того или другаго человѣка или результатъ совокупнаго опыта человечества, науку, всегда отрывочно, случайно, не полно. Очень часто поэтому можетъ случиться, что предметъ, разсматриваемый нами съ иной точки зрѣнія или обсуждаемый на основаніи неполныхъ свѣдѣній о немъ или по какимъ-либо другимъ причинамъ, можетъ казаться намъ особымъ предметомъ,—не тѣмъ, который уже игралъ роль субъекта во многихъ другихъ нашихъ сужденіяхъ. Въ такомъ случаѣ перенесеніе опредѣленія съ предмета перваго на послѣдній, совершенное вслѣдствіе отерывшейся возможности отождествить ихъ, или признать, что только для нашего сознанія они представлялись двумя особыми предметами, необходимо разширить наше знаніе о послѣднемъ, будетъ существенно новымъ знаніемъ о немъ. Предметъ, никакъ не характеризованный, не можетъ быть предметомъ нашего сужденія, а слѣдовательно и нашего знанія; точно также и знаніе, отнесенное къ предмету, характеризованному опредѣленнымъ образомъ въ нашемъ сознаніи, не есть знаніе о предметѣ, къ которому не приурочены тѣ же характеристическія черты, а поэтому перенесеніе его на послѣдній вслѣдствіе состоявшагося отождествленія предметовъ будетъ безспорно выводомъ, а не пустымъ тожесловіемъ.

Прежде чѣмъ показать примѣненіе этой модификаціи вывода въ наукѣ, объяснимъ ее на самомъ простомъ примѣрѣ. Я хожу часто по извѣстной улицѣ и заинтересовался однимъ изъ домовъ, на ней находящихся; я составилъ много сужденій о мѣстѣ его среди другихъ домовъ, о степени изящества его архитектуры, о магазинахъ, въ немъ помѣщающихся. Эти сужденія группируются въ моей мысли около представленія о домѣ, характеризуемомъ во многихъ глазахъ какой нибудь изъ усвоенныхъ ему чертъ. Идя за тѣмъ по другой улицѣ, я могъ также запримѣтить домъ и также составить о немъ нѣсколько сужденій, которыя будутъ группироваться около представленія объ этомъ домѣ, характеризуемомъ во многихъ глазахъ также какимъ нибудь признакомъ. Если затѣмъ отъ кого нибудь изъ своихъ знакомыхъ я узнаю случайно, что второй домъ есть тотъ же самый что и первый, построенный такъ, что выходитъ своими противоположными сторонами на двѣ смежныя параллельныя улицы, я сейчасъ же составляю сужденіе, что два предмета, казавшіеся мнѣ особыми

предметами, на самомъ дѣлѣ одинъ и тотъ же предметъ. Этотъ предметъ можетъ непосредственно характеризоваться для меня въ будущемъ признаками одного изъ прежнихъ двухъ предметовъ, того именно, на которомъ особо сосредоточено было мое вниманіе, который интересовалъ меня несравненно болѣе. Но этимъ не ограничится результатъ сообщеннаго мнѣ свѣдѣнія. На представленіе о домѣ, который непосредственно характеризуется для меня признаками одного изъ прежнихъ домовъ, я перенесу теперь всѣ опредѣленія изъ сужденій, составленныхъ мною о другомъ домѣ и нимало не буду сомнѣваться, что образовавшіяся такимъ путемъ сужденія будутъ вѣрны. Но на чемъ они основываются? Ужь конечно, не на моемъ личномъ наблюдѣніи; мое наблюдѣніе приурочивало эти опредѣленія къ особому предмету. Отъ своего знакомаго я могъ слышать только о тождествѣ этихъ двухъ предметовъ, но многія изъ свойствъ, которыя наблюдалъ я во второмъ домѣ, могли вовсе ускользнуть отъ его вниманія и поэтому о принадлежности ихъ первому дому онъ сообщить мнѣ не могъ. Значитъ, это перенесеніе предикатовъ съ одного предмета на другой могло быть лишь результатомъ вывода и этотъ выводъ, очевидно, расширилъ мое знаніе объ интересующемъ меня предметѣ.

Пользуется ли подобными выводами наука? Археологъ открываетъ развалины города, изучаетъ на нихъ планъ города, характеръ его построекъ, бытъ его жителей и проч. И если при этомъ на основаніи историческихъ и географическихъ соображеній, онъ получаетъ увѣренность, что это развалины такого то древле существовавшаго города, то онъ переноситъ всѣ опредѣленія, которыя приписалъ онъ находящемуся въ развалинахъ городу, на извѣстный ему по историческимъ преданіямъ древній городъ, расширяя такимъ образомъ свое знаніе о послѣднемъ. Не тотъ ли это выводъ, о которомъ идетъ у насъ рѣчь? Когда историкъ убѣждается, что первый самозванецъ одно и тоже лицо съ Григоріемъ Отрепьевымъ, онъ переноситъ на перваго извѣстія о происхожденіи и жизни послѣдняго и проясняетъ до нѣкоторой степени, при помощи этихъ свѣдѣній, образъ самозванца. Предположимъ, историкъ считаетъ вѣроятнымъ, что Пифагоръ, о которомъ есть извѣстіе, что онъ остался побѣдителемъ на олимпійскихъ играхъ, есть лицо тождественное съ соименнымъ философомъ самосскимъ, онъ получаетъ право перенести на послѣдняго то опредѣленіе относительно времени его жизни, которое должно быть приложено къ первому на основаніи анализа сообщаемыхъ подробностей о его состязаніи на играхъ. Это все выводы того же порядка. Особымъ образомъ пользуются

ими естественныя науки. Химикъ утверждаетъ, что то или другое тѣло, кажущееся однороднымъ, въ дѣйствительности состоитъ изъ вѣсколькихъ простыхъ (далѣе не разложимыхъ средствами науки) тѣлъ, на примѣръ, вода изъ кислорода и водорода. Какъ пришелъ онъ къ такому выводу? Онъ имѣлъ предъ собою воду, пропустилъ чрезъ нее гальваническій токъ и затѣмъ получилъ два простыхъ тѣла. Изъ этого опыта, руководствуясь единственно закономъ причинности въ томъ общемъ его выраженіи, въ которомъ по большей части примѣняетъ его физикъ, онъ имѣлъ право заключить, что за однимъ явленіемъ, пропусканіемъ гальваническаго тока чрезъ воду слѣдуетъ съ неизмѣнною послѣдовательностью другое—образованіе опредѣленныхъ газовъ. Но сдѣланный имъ выводъ содержитъ нѣчто болѣе: въ немъ утверждается, что вода состоитъ изъ кислорода и водорода (то-есть не прямо изъ тѣхъ газовъ, какъ получились они въ опытѣ, а изъ двухъ отличныхъ другъ отъ друга тѣлъ, наблюдаемыхъ теперь въ новомъ газообразномъ состояніи, иначе сказать, метаморфизированныхъ по своимъ свойствамъ, но по веществу составляющихъ то самое, что составляло воду). Мы спрашиваемъ теперь о логическомъ приѣмѣ, съ помощію котораго химикъ выводитъ, что вода состоитъ изъ кислорода и водорода. Было бы ошибочно утверждать, что это положеніе выражаетъ собою просто наблюденіе факта, который имѣлъ онъ при своихъ опытахъ надъ водою. Въ продолженіе всего его анализа воды не было ни одного момента, въ который бы онъ могъ сказать, что онъ наблюдаетъ существованіе въ водѣ двухъ простыхъ тѣлъ въ качествѣ составляющихъ ее элементовъ, подобно тому, какъ онъ можетъ сказать, на примѣръ, что онъ наблюдаетъ въ какой нибудь недистиллированной водѣ, разсматриваемой подъ микроскопомъ, присутствіе и движеніе инфузорій или другихъ тѣлъ. До своего опыта онъ имѣлъ воду, въ которой не могъ наблюдать составляющихъ ее элементовъ, послѣ опыта онъ имѣетъ водородъ и кислородъ въ газообразномъ состояніи и уже никакъ не въ качествѣ составныхъ элементовъ воды, а въ качествѣ особыхъ отдѣльныхъ отъ нея тѣлъ. Во время опыта онъ можетъ, правда, наблюдать (если опытъ такого рода, что даетъ возможность наблюдать это) появленіе на поверхности воды пузырьковъ выдѣляющагося газа, но газъ, образующій ихъ, все же существуетъ уже въ этомъ случаѣ передъ нимъ какъ отдѣльное отъ воды тѣло, появляющееся только на ея поверхности, тѣло не составляющее уже элемента воды, но внѣшнее ей и метаморфизированное. Если тѣмъ не менѣе изъ своего опыта онъ выноситъ убѣжденіе,

что вода состоитъ изъ кислорода и водорода, то это убѣжденіе, очевидно, есть выводъ. Въ чемъ же состоитъ, спрашиваемъ опять, логическій пріемъ этого вывода? Химикъ твердо убѣжденъ, что вещество въ предѣлахъ нашего опыта не творится вновь и не обращается въ ничто, а можетъ только измѣнять свои свойства. На этомъ основаніи при достаточномъ знакомствѣ съ условіями, въ которыхъ производитъ онъ свой опытъ, и при надлежащихъ мѣрахъ предосторожности при его совершеніи, онъ убѣжденъ заранѣе, что тѣла, которыя получатся при его опытѣ надъ водою, каковы бы они ни оказались, будутъ по веществу тождественны съ исчезнувшею, по видимому, частию изслѣдуемаго имъ тѣла, то-есть что то, что составляетъ предметъ его анализа есть фактически одинъ и тотъ же по веществу предметъ съ тѣмъ, который долженъ получиться въ результатѣ анализа, и такъ какъ въ послѣднемъ онъ находитъ два далѣе неразложимыя и отличныя другъ отъ друга тѣла, то онъ и переноситъ это опредѣленіе на предметъ анализа, утверждая, что вода состоитъ изъ двухъ простыхъ тѣлъ. Онъ не переноситъ прямо свойствъ этихъ тѣлъ на воду потому, что дѣйствительное тожество между тѣломъ анализируемымъ и тѣлами, получившимися изъ анализа, онъ установилъ только по веществу, а не по свойствамъ, какія обнаруживаютъ эти тѣла; онъ поступаетъ въ этомъ случаѣ подобно тому, какъ и археологъ, который не переноситъ на древній городъ тѣхъ особенностей его развалинъ, которыя составляютъ простой результатъ времени и положенія ихъ подъ землею. Но формула вывода въ тѣхъ границахъ, въ которыхъ установлено тожество между предметами, остается, очевидно, одною и тою же у обоихъ. Вода и тѣла имѣющія быть получены послѣ анализа ея,—таковъ порядокъ мыслей въ этомъ заключеніи,—по самымъ условіямъ опыта не могутъ не быть тѣмъ же самымъ веществомъ, но полученное не однородно по веществу и состоитъ изъ двухъ простыхъ тѣлъ, значитъ и вода по веществу есть сложное тѣло и состоитъ изъ этихъ простыхъ тѣлъ. Возьмемъ еще примѣръ изъ физики. На основаніи извѣстныхъ явленій солнечнаго спектра Ньютонъ сдѣлалъ заключеніе, что бѣлые лучи свѣта не однородны, но состоятъ изъ семи родовъ свѣта различной преломляемости. Опять мы имѣемъ здѣсь нѣчто болѣе заключенія о простой неизмѣнной послѣдовательности явленій. Мы имѣемъ положеніе, что бѣлый лучъ свѣта составенъ, что онъ содержитъ въ себѣ въ совокупности явленія, которыя, встрѣчаясь каждое въ отдѣльности, производятъ въ насъ представленія того или другаго изъ основныхъ цвѣтовъ радуги. Но ме-

жду тѣмъ въ наблюденіи экспериментатора при его опытахъ вовсе не дано факта составности бѣлаго луча изъ семи основныхъ родовъ свѣта; въ его опытахъ какъ разложенія, такъ и составленія бѣлаго луча свѣта, бѣлый лучъ и явленіе солнечнаго спектра даны какъ два отдѣльныя, внѣшнія другъ другу или слѣдующія другъ за другомъ явленія. Утверждая, что бѣлый лучъ свѣта состоитъ изъ нѣсколькихъ разнородныхъ лучей, экспериментаторъ дѣлаетъ, очевидно, выводъ и для этого вывода прежде всего необходимо убѣжденіе, что явленіе на экранѣ при условіяхъ опыта не можетъ быть ничѣмъ инымъ, кромѣ пропущенныхъ чрезъ призму лучей бѣлаго свѣта, то-есть, что въ дѣйствительности оно можетъ быть только самымъ этимъ лучемъ, видоизмѣнившимся только при прохожденіи чрезъ призму. И это именно убѣжденіе заставляеть его перенести наблюдаемую на экранѣ множественность и разнородность лучей на кажущійся однороднымъ бѣлый лучъ свѣта, то-есть, вывести, что послѣдній не ведетъ только за собою извѣстное явленіе, а самъ состоитъ изъ явленій, которыя, взятыя въ отдѣльности, производять въ насъ представленія, соответствующія основнымъ цвѣтамъ радуги.

Одно изъ наиболѣе обычныхъ примѣненій разсматриваемой нами модификаціи вывода представляютъ выводы относительно времени и мѣста предметовъ на основаніи одновременности и совмѣстности ихъ съ другими предметами. Психологическій вопросъ о происхожденіи нашихъ представленій о протяженіи и продолженіи еще не рѣшенъ окончательно; метафизическое значеніе ихъ еще болѣе возбуждаеть споры. Но все это нисколько не препятствуетъ логикѣ смотрѣть на опредѣленное мѣсто или время, къ которымъ приурочиваемъ мы вещи и событія, какъ на совершенно законный предметъ нашихъ сужденій. Если опредѣленный моментъ во времени, или опредѣленное мѣсто въ пространствѣ и не имѣютъ, подобно другимъ предметамъ, чувственныхъ свойствъ, которыя давали бы обильный матеріалъ для составленія сужденій о нихъ, то въ замѣнъ того они представляютъ рядъ отношеній къ реальнымъ предметамъ и событіямъ, и приурочить предметы и событія къ опредѣленному мѣсту и времени безспорно составляетъ существенную задачу знанія. Но подобно всякому другому предмету нашихъ сужденій, опредѣленное время и опредѣленное мѣсто, такъ или иначе не характеризованные предъ нашимъ сознаніемъ, не могутъ сдѣлаться предметомъ нашего знанія и поэтому приурочить событіе или предметъ къ какому нибудь мѣсту или времени, не указавъ какимъ нибудь другимъ предметомъ или событіемъ этого мѣста или этого

времени, также невозможно, какъ невозможно приурочить признакъ къ предмету, не охарактеризовавъ предметъ другимъ признакомъ. Желая опредѣлить мѣсто Везувія, я говорю, что онъ помѣщается недалеко отъ Неаполя и послѣднимъ характеризую то мѣсто, на опредѣленномъ разстояніи отъ котораго ставлю въ своемъ представленіи Везувій. Желая опредѣлить время жизни Филолая, мы можемъ сказать, что онъ вѣроятно былъ современникомъ Сократа и жизнь послѣдняго явится для насъ характеристическою чертою того періода времени, къ которому мы хотимъ отнести жизнь Филолая. Мы говоримъ, что нашествіе французовъ на Россію было въ 1812 г. послѣ Р. X. и событіе рождества Христова ставится въ качествѣ черты, характеризующей извѣстный моментъ времени, въ извѣстномъ отдаленіи отъ котораго, то-есть на разстояніи 1812 лѣтъ, мы полагаемъ нашествіе Французовъ на Россію. Когда мы говорили о другихъ предметахъ нашего знанія, мы видѣли, что примѣненіе къ нимъ нашей формулы вывода обусловлено тѣмъ обстоятельствомъ, что предметы двухъ нашихъ сужденій, составляя на самомъ дѣлѣ одну и ту же вещь, могутъ характеризоваться для нашего знанія различными чертами и вслѣдствіе этого представляться намъ различными предметами, поэтому какъ скоро мы приобретаемъ убѣжденіе, что предметы, казавшіеся намъ различными предметами, въ дѣйствительности составляютъ одинъ предметъ, мы приобретаемъ право переносить извѣстное намъ опредѣленіе одного изъ нихъ на другой. Теперь и въ нашихъ сужденіяхъ о мѣстѣ и времени событій мы легко можемъ усмотрѣть возможность того же самаго случая. Одно и то же время можетъ характеризоваться въ нашемъ сознаніи различнымъ образомъ, то-есть, не одними и тѣми же предметами и событіями и мы можемъ быть очень далеки отъ мысли, что имѣемъ дѣло не съ различными временами или мѣстами а съ тѣмъ же временемъ или мѣстомъ. Составляя различныя сужденія объ этихъ временахъ или мѣстахъ, мы будемъ имѣть, очевидно, два порядка сужденій, изъ которыхъ каждый будетъ группироваться около своего особаго предмета какъ своего особаго центра. Но разъ намъ случилось убѣдиться, что эти предметы на самомъ дѣлѣ тождественны и мы получаемъ право перенести всѣ опредѣленія съ одного изъ нихъ на другой. Время, въ которое жили Кевесъ и Симмиасъ, выводимые Платономъ въ его діалогѣ „Федонъ“, мы имѣемъ право опредѣлить какъ совпадающее въ послѣдними десятилѣтіями жизни Сократа, и какъ скоро изъ давнихъ, входящихся въ томъ же діалогѣ, съ вѣроятностію выводимъ, что время, охарактеризованное нами

жизнью Кевеса и Симміаса, есть то же самое время, на которое должны падать лѣта мужества или можетъ быть старости Филолая, мы переносимъ на время, охарактеризованное жизнью Филолая, опредѣленіе, высказанное нами о времени жизни Кевеса и Симміаса, то-есть, совпаденіе съ послѣдними десятилѣтіями жизни Сократа и говоримъ, что время жизни Филолая по всей вѣроятности приблизительно совпадаетъ съ жизнью Сократа. А такъ нашъ ближайшій какъ интересъ состоитъ не въ опредѣленіи момента времени просто какъ момента времени, а именно какъ момента опредѣленнымъ образомъ характеризованнаго, то-есть, главный интересъ лежитъ въ лицахъ и событіяхъ, приурочиваемыхъ ко времени, то мы и нашему выводу даемъ такую форму: что въ сужденіяхъ на первый планъ выступаютъ лица и событія. Кевесъ и Симміасъ, говоримъ мы, были младшими современниками Сократа, Филолай, по видимому, былъ старшимъ современникомъ ихъ, а поэтому онъ долженъ былъ быть приблизительно современникомъ Сократа. Но эта замѣна сужденій о времени лицъ тождественными съ ними сужденіями о лицахъ, конечно, нисколько не препятствуетъ тому, чтобы нашъ выводъ, рассматриваемый съ его логической стороны, основывался на отождествленіи опредѣленныхъ периодовъ времени и былъ перенесеніемъ опредѣленій со времени, характеризованнаго одною чертою, на время характеризованное другою. Все это, какъ понятно само собою, приложимо и къ нашимъ выводамъ на основаніи совмѣстности предметовъ и событій.

II.

Доселѣ мы слѣдили за тѣми случаями выводовъ на основаніи тождества, въ которыхъ предметы двухъ сужденій на дѣлѣ, въ дѣйствительности были однимъ и тѣмъ же предметомъ и только вслѣдствіе того, что были характеризованы не одинаково, ставились нашимъ сознаніемъ въ качествѣ отдѣльных, внѣшнихъ другъ другу предметовъ. Но возможенъ случай тождества между предметами и другого рода. Предметъ для нашего знанія есть полнота качествъ и отношеній, которыя мы въ немъ познаемъ и съ сознательною отчетливостію относимъ къ нему въ качествѣ его опредѣленій. Правда позади этихъ опредѣленій мы ставимъ что-то еще въ качествѣ ихъ субстрата, въ качествѣ носителя этихъ опредѣленій, объединяющаго ихъ въ себѣ и проявляющагося въ нихъ. Но какъ скоро мы хотимъ выznать этотъ остатокъ, составить о немъ раздѣльное представленіе,

это представленіе опять оказывается такимъ, что оно вполне разрѣшается на качества и отношенія, которыя опять должны предполагать субстратъ, носителя ихъ, такъ что самое, такъ сказать, зерно бытія скрывается вновь за его принадлежностями, составляя вѣчно ставимую и доселѣ неразрѣшенную мыслию задачу. Но теперь опредѣленія предмета, которыя для сознанія замѣняютъ его качества и отношенія, то-есть составляютъ все наше знаніе о предметѣ, рѣдко бывають на столько специфичны, чтобы мы могли отнести ихъ только къ одному тому предмету, на который въ данный моментъ времени устремлено наше вниманіе; по большей части каждое изъ нихъ, (за исключеніемъ нѣкоторыхъ), взятое въ отдѣльности, таково, что одинаково могло бы приличествовать какъ этому предмету, такъ и многимъ другимъ. Тѣ же самыя представленія, которыя соединяемъ мы съ терминомъ зеленый, сладкій и под., которыя относимъ мы въ сужденіи въ качества опредѣленія какого нибудь одного предмета, тѣ же самыя представленія мы имѣли бы право отнести и къ безчисленному множеству другихъ. Предположимъ теперь, что мы ограничиваемъ наше сужденіе о двухъ предметахъ только тѣми свойствами, которыя касаются какой нибудь одной стороны ихъ. Предположимъ далѣе, что съ этой стороны опредѣленіемъ обоихъ предметовъ можетъ служить одно и то же представленіе. Это будетъ значить, что оба предмета, если отрѣшиться отъ всѣхъ другихъ ихъ опредѣленій, будутъ для нашей мысли по своему содержанію тождественны, такъ какъ ихъ содержаніе сводится для знанія къ ихъ опредѣленіямъ, а опредѣленія въ извѣстныхъ границахъ признаны тождественными. Необходимо точнѣе опредѣлить эту мысль во избѣженіе весьма возможнаго ея перетолкованія. Существовало воззрѣніе, которое придавало самостоятельность и реальность простымъ отвлеченіямъ. Ничего подобнаго мы не имѣемъ въ виду, высказывая нашу мысль о тождествѣ для мысли двухъ реально отдѣльныхъ предметовъ. Мы не имѣемъ ни нужды ни желанія ставить строго логическій вопросъ на доселѣ еще шаткую метафизическую почву. Чѣмъ бы ни были вещи, разсматриваемыя въ качества метафизическихъ реальностей, въ нашемъ непосредственномъ опытѣ онѣ отдѣлены одна отъ другой, внѣшни одна другой со всѣми качествами и отношеніями, которыя принадлежатъ каждой изъ нихъ. Треугольность, если можно такъ выразиться, бѣлизна или опредѣленная степень упругости для нашего опытнаго знанія непосредственно даны не какъ что-то единое, чему причастны различныя треугольницы или различныя бѣлыя и упругіе предметы, а даны столько разъ,

сколько существуетъ этихъ вещей, каждый разъ какъ особое свойство, усматриваемое нашимъ воспріятіемъ въ этой вещи, и для нашей цѣли вѣтъ никакого повода изслѣдовать ни того, какъ представлять способъ существованія ихъ въ воспріемлемой вещи, ни тѣмъ болѣе того, какъ можетъ быть растолковано это существованіе съ метафизической точки зрѣнія. И тѣмъ не менѣе для насъ должно остаться безспорнымъ, что одинъ и тотъ же терминъ, возбуждающій въ насъ одни и тѣ же представленія, можетъ служить обозначеніемъ этихъ сходныхъ свойствъ, а самыя тѣ представленія, которыя соединяются съ нимъ, если приложить его къ одной изъ сходныхъ вещей,—они самыя могутъ одинаково стать опредѣленіемъ и другой, такъ что совершенно сходныя вещи, если ихъ разсматривать исключительно со стороны сходныхъ свойствъ, представляютъ для мысли одно и то же содержаніе, тождественны по своему содержанію. Мысль не должна забывать, конечно, что это содержаніе въ чувственномъ опытѣ дано столько разъ, сколько дано сходныхъ предметовъ, но такъ какъ одно и то же представленіе было бы одинаково способно выразить какой угодно изъ этихъ случаевъ, а содержаніе предмета въ нашей мысли замѣняется представленіемъ, то мы имѣемъ полное право сказать, что предметы, сходные между собою до невозможности различить ихъ одинъ отъ другаго по извѣстнымъ свойствамъ, являются въ нашей мысли тождественными по своему содержанію, то-есть, имѣютъ одно и то же содержаніе.

Эти замѣчанія раскрываютъ предъ нами возможность другой модификаціи выводовъ на основаніи тождества между предметами двухъ сужденій. Два отдѣльные реальные предмета, если разсматривать ихъ со стороны всѣхъ возможныхъ опредѣленій, которыя мы можемъ приложить къ нимъ, никогда не могутъ оказаться для нашего знанія тождественными по всей совокупности своего содержанія. Еслибы, предположимъ, между ними не существовало никакихъ другихъ различій, самое положеніе ихъ внѣ другъ друга въ пространствѣ и слѣдовательно неодинаковое положеніе ихъ въ пространствѣ относительно другихъ предметовъ, всегда дало бы возможность приписать каждому изъ нихъ опредѣленіе, неприложимое къ другому. Но если изученіе ихъ ограничить одною какою нибудь стороною, на примѣръ—ихъ величиною или ихъ цвѣтомъ или фигурой и такъ далѣе, то легко они могутъ оказаться совершенно тождественными по ограниченной такимъ образомъ части своего содержанія. Предположимъ теперь, что изучивъ два предмета съ какой-либо стороны, мы будемъ въ состояніи

на основаніи этого знанія сказать о нихъ заранѣе, что они должны оказаться тождественными и по извѣстной другой сторонѣ своего содержанія. Для насъ, очевидно, не будетъ въ такомъ случаѣ никакой необходимости особо изслѣдовать съ этой послѣдней стороны каждый изъ предметовъ, довольно познакомиться съ однимъ и затѣмъ опредѣленіе, ему присвоенное, перенести на другой. Не менѣе, очевидно, что мы получаемъ въ такомъ случаѣ право перенести съ одного предмета на другой не только самое опредѣленіе послѣдняго, но и все то, что прилагаемъ мы послѣднему единственно и исключительно въ силу этого опредѣленія, такъ какъ то, что поставлено въ необходимую связь съ извѣстнымъ опредѣленіемъ, должно необходимо относиться къ каждому предмету, который имѣетъ это опредѣленіе. Чтобы отличить эти выводы отъ выводовъ выше характеризованныхъ нами, мы будемъ называть ихъ выводами на основаніи логическаго тождества предметовъ, а первой группѣ выводовъ усвоимъ названіе выводовъ на основаніи реального тождества предметовъ.

Самыми рельефными примѣрами выводовъ на основаніи логическаго тождества между предметами служатъ неисчислимое количество разъ повторяемые въ математикѣ выводы, основывающіеся на аксіомѣ: двѣ величины, равныя одной и той же третьей, равны между собою. Мы говоримъ: А равно В, а В равно С, слѣдовательно и А равно С. Утверждая равенство между А и В, мы признаемъ полное логическое тождество между ними, если разсматривать ихъ исключительно съ количественной стороны. Что разумѣется въ этомъ случаѣ подъ количественною стороною, опредѣлить это болѣе точно мы будемъ имѣть поводъ при разъясненіи одной изъ дальнѣйшихъ модификацій выводовъ на основаніи тождества. Здѣсь же для насъ достаточно ограничиться тою не точно опредѣленною, но достаточно понятною мыслию, что, устанавливая равенство между А и В, мы устанавливаемъ безусловное логическое тождество между ними по той сторонѣ ихъ содержанія, которую часто называютъ количественной стороною въ противоположность сторонѣ качественной и по которой предметамъ усваиваютъ названіе величинъ. Говоря затѣмъ, что В равно С, мы можемъ смотрѣть на сказуемое этого сужденія, то-есть, на равенство съ С просто какъ на одно изъ возможныхъ опредѣленій В съ количественной стороны. И въ такомъ случаѣ заключеніе А равно С окажется просто результатомъ перенесенія опредѣленія съ одного предмета на другой вслѣдствіе признаннаго логическаго тождества между ними по одной сторонѣ ихъ содержанія. Выводъ въ такомъ видѣ не нуждается въ

математической аксіомѣ какъ въ особой послылкѣ: аксіома составляетъ наглядное, практически приспособленное къ извѣстнымъ отношеніямъ между предметами, выраженіе общей логической формулы вывода.— Когда мы говоримъ о равенствѣ между предметами, мы ограничиваемъ логическое тождество между ними одною стороною, которую не точно можно назвать количественною стороною. Но мы можемъ ограничить тождество между ними еще болѣе. Мы можемъ разсматривать предметъ не вообще съ количественной стороны, а единственно со стороны количественнаго отношенія его къ извѣстному другому и это отношеніе его отождествить съ количественнымъ отношеніемъ третьяго предмета къ опредѣленному четвертому. Результатъ, очевидно, окажется тотъ же: все, что поставимъ мы въ качествѣ опредѣленія этого послѣдняго отношенія, мы получимъ право перенести на отношеніе перваго предмета ко второму, такъ какъ оба отношенія мы признали логически тождественными, то-есть представляющими для мысли одно и то же содержаніе. Разъ признали мы, что отношеніе А къ В то же самое, что отношеніе С къ D, тотчасъ мы получаемъ право отношеніе Е къ F, которое считаемъ адекватнымъ выраженіемъ для отношенія С къ D, считать столько же адекватнымъ выраженіемъ и для отношенія А къ В.—Предметъ, разсматриваемый въ качествѣ величины, мы легко можемъ опредѣлить, не прибѣгая къ абстрактнымъ терминамъ. Мы можемъ просто указать на другой предметъ, болѣе знакомый намъ съ этой стороны и сказать, что опредѣленіе перваго въ качествѣ величины было бы совершенно тождественно съ опредѣленіемъ послѣдняго. Но такъ какъ безчисленное множество вещей могутъ оказаться тождественны съ той же стороны съ извѣстнымъ предметомъ, то для насъ открывается широкая возможность давать предмету въ качествѣ величины разнообразныя опредѣленія путемъ приравненія его къ различнымъ другимъ предметамъ. Этимъ объясняется вообще возможность пользоваться этими выводами, тамъ гдѣ дѣло идетъ о количественной сторонѣ вещей. Но это же объясненіе показываетъ, что область примѣненія ихъ никакъ не ограничивается одною этою стороною. Въдѣ и абстрактное качественное опредѣленіе предмета мы всегда также можемъ замѣнить указаніемъ на другой предметъ, имѣющій то же самое опредѣленіе и также можемъ встрѣчать много предметовъ, которые окажутся логически тождественными съ нимъ по той же сторонѣ его содержанія. Въ этомъ могутъ убѣдить насъ тѣ случаи нашей практической жизни, когда по образчику извѣстной матеріи, оставленной нами въ нашей квартирѣ, мы подыскиваемъ въ магазинѣ

подходящій къ ней по цвѣту, рисунку, ткани и пр. кусокъ. Оставленная нами дома матерія и отрѣзанный отъ нея лоскутокъ, взятый нами съ собою, отождествлены въ нашей мысли по цвѣту, рисунку, ткани и пр. и если лоскутокъ походить съ этихъ сторонъ на предлагаемый намъ въ магазинѣ кусокъ матеріи, мы не сомнѣваемся, что и оставленная нами дома матерія будетъ походить на него. Въ математикѣ выводы этого рода получаютъ особое значеніе лишь потому, что послышки для заключенія въ ней получаютъ не на основаніи непосредственнаго сличенія другъ съ другомъ единичныхъ фактовъ и самую цѣлю свою они имѣютъ тамъ доказательство не частныхъ а общихъ положеній.

Примѣры, которые приводили мы въ разъясненіе своего взгляда, легко могутъ возбудить нѣкоторое недоумѣніе. Тѣ два сужденія, изъ которыхъ выводится третье, оказываются по нашему толкованію ихъ имѣющими не одинаковый смыслъ: одно логически отождествляетъ два предмета, другое приписываетъ опредѣленіе одному изъ нихъ. Между тѣмъ эти два сужденія обыкновенно имѣютъ одно и то же выраженіе и представляютъ одно и то же отношеніе между субъектомъ и предикатомъ. А равно B , говоримъ мы, B равно C слѣдовательно и пр. Матерія, оставленная на дому, сходна съ образчикомъ, образчикъ сходенъ съ кускомъ, который предлагается въ магазинѣ, слѣдовательно и пр. Но это недоумѣніе разъясняется легко. Когда мы говоримъ, что сказуемое втораго сужденія даетъ опредѣленіе одному изъ предметовъ, отождествленныхъ въ первомъ сужденіи, это никакъ не значитъ, что оно по нашему взгляду не можетъ быть отождествленіемъ этого предмета съ какимъ нибудь третьимъ предметомъ. Логическое отождествленіе одного предмета съ другимъ есть установленіе одного изъ видовъ возможныхъ отношеній между предметами; а подъ опредѣленіемъ предмета мы разумѣемъ одинаково разъясненіе какъ его свойствъ такъ и его отношеній, однимъ словомъ все, что можетъ быть поставлено мыслию въ качествѣ его предиката. Не удивительно поэтому, что оба доказывающія сужденія могутъ оказаться по выраженію и смыслу заключающихся въ нихъ истинъ совершенно сходными и тѣмъ не менѣе логическое значеніе каждаго изъ нихъ въ операциіи вывода будетъ не одинаково. Въ обоихъ сужденіяхъ, приравнивалъ одинъ предметъ къ другому, мы одинаково устанавливаемъ логическое тожество между ними (въ одномъ между A и B , въ другомъ между B и C); но въ одномъ это тожество будетъ имѣть цѣлю обезпечить за нами право перенесенія предиката съ одного предмета

на другой, въ другомъ оно указываетъ намъ тотъ предикатъ, который слѣдуетъ перенести на субъектъ заключенія.

Опредѣленный предметъ можетъ быть съ извѣстной стороны логически отождествленъ не съ тѣмъ или другимъ столь же конкретно опредѣленнымъ предметомъ, каковъ и онъ самъ, а съ какимъ угодно изъ конкретныхъ предметовъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ опредѣленные свойства. Прилагая къ очень многимъ предметамъ одно и то же названіе, напримѣръ треугольника, куска желѣза и пр., мы приписываемъ каждому изъ нихъ одни и тѣ же опредѣленія, соединяемыя съ этимъ названіемъ и слѣдовательно необходимо отождествляемъ ихъ по одной части ихъ содержанія. Но въ этомъ случаѣ часть содержанія каждаго изъ нихъ, отождествляемая съ соответствующею частью содержанія другихъ, рисуется предъ нами не просто какъ извѣстная сторона содержанія, не получившая еще ни въ одномъ изъ нихъ своего разъясненія, только еще ожидающая нужныхъ опредѣленій, а какъ сторона совершенно опредѣленная, такъ что самое отождествленіе предметовъ съ извѣстной стороны (кусковъ желѣза — по матеріалу, треугольниковъ — по формѣ) есть результатъ признанія тождества и самыхъ опредѣленій, относящихся къ этой сторонѣ. А потому подобное отождествленіе одного предмета съ цѣлою массой другихъ, признающихъ имѣющими съ нимъ одни и тѣ же свойства или отношенія, само по себѣ не можетъ служить основаніемъ для вывода отъ одного изъ нихъ къ какому угодно другому. Но возможность вывода тотчасъ же является, какъ скоро, отождествивъ предметы по извѣстнымъ свойствамъ или отношеніямъ, мы находимъ основаніе кромѣ того отождествить ихъ по какой нибудь другой сторонѣ ихъ содержанія, которая не имѣетъ еще своего прямого опредѣленія въ нашей мысли, такъ что опредѣленіе ихъ съ этой стороны должно еще предполагать особый процессъ мыслительной дѣятельности. Тогда мы получаемъ возможность найти нужное опредѣленіе на одномъ изъ предметовъ, отождествленныхъ въ мысли, и затѣмъ на основаніи той модификаціи вывода, о которой теперь идетъ рѣчь, перенести его на какой угодно другой изъ нихъ.

Лучшіе истинно научные образцы подобнаго рода выводовъ представляетъ намъ каждая теорема Эвклидовой геометріи. Совершенно вѣрно замѣчаютъ, что каждая теорема въ ней доказывается на частномъ случаѣ, на этомъ именно начертанномъ треугольникѣ, кругѣ и пр., и тѣмъ не менѣе каждое заключеніе обще, простирается не на этотъ только чертежъ, но на каждый треугольникъ, кругъ и пр.

Собственно ближайшій выводъ, какой можетъ быть сдѣланъ изъ опредѣленнаго построенія, конечно, всегда непосредственно простирается на начертанную фигуру. Но съ нимъ соединяется другой обобщающій выводъ и этотъ послѣдній составляетъ простое примѣненіе выводовъ на основаніи логическаго тождества. Въ начертанной фигурѣ при доказательствѣ опредѣленнаго положенія дѣлаются только такіа вспомогательныя построенія, изъ нея берутся для доказательства только такіа свойства или отношенія, возможность которыхъ обеспечивается самой конструкціей фигуры какъ фигуры, относящейся къ опредѣленному виду фигуръ или какъ фигуры, въ отношеніи къ которой сдѣланы извѣстныя предположенія. Но именно эти вспомогательныя построенія и эти свойства и отношенія даютъ возможность примѣнить къ начертанной фигурѣ процессъ доказательства, результатомъ котораго оказывается то или другое выводное положеніе. Выводное положеніе дѣлается общимъ положеніемъ о какой бы то ни было фигурѣ извѣстнаго рода лишь потому, что предполагается, что доказательство приложимо къ каждой подобной фигурѣ; а что доказательство дѣйствительно приложимо къ каждой такой фигурѣ, это слѣдуетъ изъ того, что вспомогательныя построенія, а равно и взятые свойства или отношенія начертанной фигуры должны оказаться тѣми же у каждой фигуры этого рода; послѣднее же слѣдуетъ изъ того, что возможность ихъ обеспечивается самой конструкціей фигуръ этого именно рода. Значить, въ концѣ концовъ предполагается логическое тождество начертанной фигуры съ какой угодно другой, подходящей подъ то же понятіе, со стороны общихъ условій ея конструкціи, а вмѣстѣ съ ними со стороны какъ вспомогательныхъ построеній такъ и ея свойствъ и отношеній, возможность которыхъ обуславливается этой конструкціей. Этотъ треугольникъ, — такъ можно выразить мысль, которая молчаливо подразумѣвается при доказательствѣ, — логически тождественъ съ каждымъ другимъ по общимъ условіямъ своей конструкціи а вмѣстѣ съ тѣмъ и со стороны возможности продолжить его основаніе, провести изъ вершины угла, съ которой начинается вновь начертанная линія еще линію, параллельную сторонѣ треугольника, противолежащей этому углу, и смотрѣть на остальные два угла его какъ на углы, образуемые пересѣченіемъ двухъ параллельныхъ линій двумя прямыми. Но исключительно въ силу этой возможности сдѣлать этотъ чертежъ, извлечены изъ него эти сужденія, получило право примѣнить сюда другія извѣстныя истины и черезъ то доказать въ отношеніи къ начертанному тре-

угольнику, что сумма угловъ его равняется двумъ прямымъ угламъ. Слѣдовательно, то же опредѣленіе должно принадлежать и каждому другому треугольнику. — Обратимся къ наукамъ опытнымъ. Когда флорентинскіе академики производили свой извѣстный опытъ надъ золотымъ сфероидомъ, наполненнымъ водою и перенесли свойство скважности, неожиданно для нихъ обнаружившееся въ этомъ сфероидѣ, вообще не золото, они могли сдѣлать это перенесеніе опредѣленія съ одного куска золота на золото вообще лишь подъ тѣмъ условіемъ, что заранѣе признавали за безспорную истину, что расположеніе мельчайшихъ частицъ во всемъ, что подходитъ подъ понятіе о золотѣ, совершенно сходно съ расположеніемъ ихъ въ томъ кускѣ этого металла, надъ которымъ производился опытъ; сказать ипаче, — золотой сфероидъ, разсматриваемый со стороны связи между его мельчайшими частицами, экспериментаторами заранѣе отождествлялся съ какимъ угодно другимъ кускомъ того же металла. Не это сужденіе о логическомъ тождествѣ какихъ бы то ни было кусковъ золота по характеру связи между составляющими ихъ частицами составляло смыслъ выведеннаго ими положенія, а опредѣленіе ихъ со стороны этой связи, признаніе существованія поръ, предикатъ скважности. Конечно при вѣрѣ въ господство закона причинности самый экспериментъ (—предполагаемъ, что онъ сдѣланъ былъ вполне точно—) велъ не къ тому только выводу, что этотъ золотой сфероидъ имѣетъ скважность; онъ доказывалъ, что при совершенно подобныхъ условіяхъ должно повториться совершенно подобное же явленіе. Но это послѣднее положеніе все же никакъ не тождественно съ выводомъ, въ которомъ скважность приписывалась золоту вообще. Мы, правда, не назовемъ золотою вещь, съ которой не соединяется извѣстныхъ свойствъ, которыя въ нашемъ представленіи связавы съ терминомъ „золота“, а поэтому какая угодно новая вещь, которая подходила бы подъ установившееся понятіе о золотѣ, непременно должна бы была оказаться сходной по извѣстнымъ свойствамъ съ тѣмъ кускомъ металла, надъ которымъ производился опытъ. Но этими свойствами, соединяющимися съ самымъ терминомъ „золото“, далеко не исчерпываются всѣ свойства вещей, къ которымъ приложимъ этотъ терминъ, и поэтому остается еще вопросомъ, окажутся ли всѣ эти вещи сходны съ предметомъ опыта и въ остальныхъ свойствахъ, то-есть будетъ ли при каждомъ новомъ кускѣ металла дано то совершенное сходство условій съ условіями произведеннаго опыта, которое давало бы право единственно на основаніи закона причинной связи сдѣлать

выводъ отъ одной вещи, подходящей подъ понятіе о золотѣ, въ какой угодно другой, лишь бы она подходила подъ то же понятіе. Если выводъ тѣмъ не менѣе былъ сдѣланъ, то значить предполагалась не только вѣра въ причинную связь событій, но существовала кромѣ того увѣренность въ логическомъ тождествѣ всѣхъ вещей, подходящихъ подъ понятіе золота, со стороны связи между ихъ мельчайшими частицами, то-есть, съ такой стороны, съ которой эти вещи получали въ глазахъ экспериментаторовъ точное опредѣленіе впервые при помощи сдѣланнаго эксперимента. Выводъ могъ имѣть только одну форму: этотъ кусокъ золота по характеру связи между составляющими его частицами долженъ быть логически тождественъ съ какимъ угодно другимъ, подходящимъ подъ то же понятіе, но онъ имѣетъ скважность, слѣдовательно, ее долженъ имѣть и какой угодно другой кусокъ золота. Осторожный экспериментаторъ поваго времени, конечно, едва ли рѣшился бы утверждать общее положеніе на основаніи опытовъ надъ однимъ предметомъ. Но отсюда было бы слишкомъ поспѣшно заключать, чтобы и въ наше время не устанавливалось логическое тождество съ извѣстной стороны между предметами, принадлежащими къ одному и тому же виду, — не устанавливалось иногда прежде, чѣмъ найдено опредѣленіе, характеризующее ихъ съ этой стороны; и въ наше время весьма возможно, что эксперименты надъ отдѣльными предметами извѣстнаго вида съ цѣлію дать имъ опредѣленіе съ какой-либо стороны, находятъ въ знаніи заранѣе готовую посылку, способствующую перенесенію этого опредѣленія на какой угодно другой экземпляръ того же вида. Химикъ, приступающій къ анализу зерна растенія, принадлежащаго къ опредѣленному виду, не можетъ не имѣть въ виду съ одной стороны тождество по многимъ чертамъ этого зерна съ другими зернами того же растенія, съ другой стороны весь прошлый опытъ его науки, по которому химическій составъ частныхъ экземпляровъ при подобныхъ условіяхъ, вообще говоря, оказывался приблизительно очень сходнымъ. Онъ не можетъ поэтому заранѣе не предполагать приближительнаго тождества со стороны химическаго состава какого угодно изъ зеренъ растенія того же вида (конечно за всегда возможными случайными уклопеніями), такъ что его анализъ опредѣленнаго экземпляра всегда находитъ готовую посылку для перенесенія результатовъ на какой угодно другой экземпляръ того же вида. Онъ, по всей вѣроятности, тѣмъ не менѣе никогда не удовлетворится однимъ экземпляромъ. Но здѣсь дѣло зависитъ не отъ недостатка вѣры въ приближительное тождество экземпляровъ того же

вида, а съ одной стороны отъ неизбежной неточности частныхъ опытовъ, съ другой отъ того, что цѣлю ставится не приблизительное въ широкомъ смыслѣ этого термина опредѣленіе состава, а такое, которое наиболѣе точно выражало бы его. Выводъ на основаніи логическаго тождества одного предмета съ какимъ угодно другимъ изъ числа извѣстныхъ образомъ характеризованныхъ предметовъ здѣсь, очевидно, не исчезаетъ; но вслѣдствіе возможной при данныхъ условіяхъ его неточности, онъ повторяется нѣсколько разъ; и всѣ выводныя положенія затѣмъ сводятся къ одному болѣе точному положенію.

III.

Предметы нашей мысли только въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ составляютъ нѣчто недѣлимое. По большей части они обнимаютъ собою болѣе или менѣе значительную группу реально отдѣлимыхъ другъ отъ друга предметовъ, которые или въ видахъ удобства для нашего знанія, или вслѣдствіе особо тѣсной реальной связи между ними мы соединяемъ и разсматриваемъ вмѣстѣ въ качествѣ одного предмета. Представленія, соединяемыя нами съ терминомъ треугольникъ, могутъ быть отнесены одинаково и къ остроугольнымъ и къ тупоугольнымъ и къ прямоугольнымъ треугольникамъ. И безчисленное множество треугольниковъ, относящихся къ каждой изъ послѣднихъ группъ, всѣ одинаково становятся предметомъ нашей мысли, когда говоримъ мы о треугольникахъ вообще. Опредѣленная линія AB можетъ быть легко раздѣлена на нѣсколько частей AC , CD , DB , которыя, если взять ихъ всѣ вмѣстѣ и расположить въ опредѣленномъ порядкѣ, будутъ составлять вновь одинъ предметъ, характеризуемый нами какъ линія AB . Будемъ ли мы говорить о треугольникахъ остроугольныхъ, тупоугольныхъ и прямоугольныхъ или будемъ говорить о треугольникахъ вообще, мы будемъ имѣть въ виду одни и тѣ же фактически данныя или могущіе быть данными предметы, въ одномъ случаѣ разбитые только на три группы, въ другомъ—соединенные въ одну группу. Будемъ ли мы говорить о линіяхъ AC , CD , DB или будемъ говорить о линіи AB , въ концѣ концовъ будемъ разумѣть одинъ и тотъ же фактически данный предметъ, только въ одномъ случаѣ раздробленный на три части, въ другомъ въ его цѣломъ видѣ. А между тѣмъ каждый изъ видовъ треугольника (треугольники остроугольные, тупоугольные, прямоугольные) какъ и каждая изъ частей линіи AB (линіи AC , CD и DB) могутъ быть предметомъ

особаго сужденія, Такимъ образомъ мы можемъ имѣть три сужденія (например о каждомъ изъ видовъ треугольника, о каждой изъ частей линіи АВ), предметы которыхъ, взятые вмѣстѣ, какъ разъ окажутся фактически тождественными съ предметомъ одного (о треугольникахъ вообще или о цѣлой АВ). Можемъ имѣть одно или два сужденія (например объ одномъ или двухъ главныхъ видахъ треугольника, объ одной или двухъ частяхъ линіи АВ), которыхъ предметъ опять окажется фактически тождественнымъ, если и не съ цѣлымъ, то все же съ одною частию предмета другаго сужденія (о треугольникахъ вообще или о цѣлой линіи АВ). Такимъ образомъ дано безспорное реальное тождество предмета одного сужденія съ предметами нѣсколькихъ (или другаго), а слѣдовательно необходимо вмѣстѣ съ тѣмъ дана и возможность перенесенія опредѣленія. Но здѣсь же и очевидно, что эта возможность встрѣчается теперь съ болѣе сложными условіями. При выводахъ также на основаніи реального тождества, разсмотрѣнныхъ нами выше, истиннымъ субъектомъ двухъ сужденій былъ не только реально одинъ и тотъ же предметъ, но и въ обоихъ сужденіяхъ онъ одинаково разсматривался за-разъ во всемъ своемъ объемѣ и только характеризовался не одинаково для нашего знанія. Въ выводахъ, которые теперь подлежатъ нашему разсмотрѣнію, одинъ и тотъ же реальный предметъ разсматривается въ различныхъ сужденіяхъ не одинаково, то за-разъ во всемъ своемъ объемѣ то по частямъ, въ качествѣ отдѣльныхъ разрозненныхъ предметовъ, взятыхъ въ своей отдѣльности. Переносъ опредѣленія, мы не можемъ игнорировать этихъ особыхъ условій, не можемъ не ставить для вывода ограниченій, съ логическою необходимостію вытекающихъ изъ этихъ условій.

Вникая далѣе въ тѣ предметы нашихъ сужденій, которые при сличеніи съ предметами другихъ сужденій оказываются группами предметовъ, мы легко можемъ замѣтить, что это соединеніе нѣсколькихъ или многихъ предметовъ въ одну группу имѣетъ въ нашихъ глазахъ не одинъ и тотъ же смыслъ. Мы можемъ соединять предметы въ одну группу то на основаніи сходства между ними, то на основаніи какого нибудь реального совершившагося на дѣлѣ или только представляющагося возможнымъ соединенія между ними. Въ первомъ случаѣ мы будемъ смотрѣть на нихъ какъ на предметы, изъ которыхъ каждый характеризуется особо, во тѣмъ же самымъ признакомъ, какимъ и другіе, то-есть, будемъ смотрѣть на нихъ, какъ на предметы, отождествленные логически съ опредѣленной стороны, и только эта установленная нами логическая связь между

ними даетъ намъ возможность разсматривать ихъ во всей ихъ совокупности какъ одинъ предметъ сужденія, обнимать ихъ за-разъ своею мыслию. Во второмъ случаѣ они являются въ нашихъ глазахъ въ качествѣ частей одного и того же агрегата, характеризуемыхъ (уже не каждая особо) лишь въ своей совокупности, такъ что характеризующій признакъ принадлежитъ не каждой изъ нихъ въ отдѣльности, а только всѣмъ имъ въ соединеніи ихъ одной съ другой. Соответственно этому и прилагая группамъ опредѣленія, мы преслѣдуемъ двѣ существенно различныя цѣли. Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ въ виду опредѣленія, которыя были бы приложимы всецѣло къ каждому изъ частныхъ предметовъ, входящихъ въ группу. Такъ мы говоримъ: люди смертны, французы отличаются болѣе живымъ темпераментомъ. На частные предметы, входящіе въ группу, обозначаемую терминомъ „люди“ или „французы“, мы смотримъ въ этомъ случаѣ какъ на предметы, имѣющіе каждый одно и то же характеристическое свойство и нашимъ сужденіемъ хотимъ каждому изъ одинаково характеризованныхъ предметовъ приписать известное опредѣленіе. Отсюда никакъ не слѣдуетъ, впрочемъ, чтобы тожество опредѣленія, относимаго къ каждому предмету группы, не дозволяло этому опредѣленію состоять въ свою очередь изъ нѣсколькихъ понятій, изъ которыхъ каждое, взятое въ отдѣльности, могло бы относиться лишь къ нѣкоторымъ, а не ко всѣмъ предметамъ группы. Мы можемъ произнести сужденіе такого рода: люди имѣютъ или бѣлый, или мѣдно-красный, или желтый, или оливковый или, наконецъ, черныи цвѣтъ кожи, и это сужденіе будетъ сужденіемъ о группѣ, понимаемой въ первомъ смыслѣ, хотя каждое изъ понятій, соединенныхъ въ опредѣленіи, не составляетъ опредѣленія каждаго изъ членовъ группы. Но эти понятія, не каждое въ отдѣльности, а только всѣ въ совокупности, мы признаемъ адекватнымъ опредѣленіемъ группы; всѣ они составляютъ одно опредѣленіе, обнимающее въ себѣ совокупность одинаково возможныхъ предикатовъ членовъ группы; вслѣдствіе этого, входящій въ группу, характеризуется въ ней исключительно общими чертами группы, а поэтому ему можетъ принадлежать (въ предѣлахъ сужденія о группѣ) не какойнибудь изъ этихъ частныхъ предикатовъ, а единственно ихъ совокупность въ смыслѣ совокупности исключающихъ другъ друга и одинаково возможныхъ предикатовъ. Въ своихъ сужденіяхъ о группѣ второго рода, мы приписываемъ ей опредѣленіе, которое не можетъ относиться къ каждому предмету порознь, а лишь ко всѣмъ имъ взятымъ вмѣстѣ, къ всецѣлой ихъ совокупности. Липія АВ, говоримъ мы, равна линіи

GH. Линія АВ можетъ состоять изъ частей АС, CD, DB, въ своей совокупности составляющихъ тотъ же фактически данный предметъ, что и линія АВ; но опредѣленіе въ сужденіи, высказанномъ объ линіи АВ, полагается уже не въ качествѣ опредѣленія принадлежащаго каждой изъ этихъ частей, а въ качествѣ опредѣленія, принадлежащаго всѣмъ имъ взятымъ въ совокупности. Весьма не рѣдко случается, что предметы, соединяемые въ группу втораго рода, могутъ характеризоваться въ нашихъ глазахъ, кромѣ принадлежности ихъ къ одному и тому же агрегату, особо признакомъ, принадлежащимъ и каждому изъ нихъ; поэтому очень возможно, что подлежащее сужденія о такой группѣ по термину, его обозначающему, совершенно совпадетъ съ подлежащимъ группы перваго рода. Но если группа въ сужденіи берется и рассматривается какъ агрегатъ предметовъ, подлежащихъ опредѣленію лишь въ качествѣ агрегата, а не просто въ качествѣ совокупности предметовъ, логически отождествленныхъ съ известной стороны, то сужденіе, рассматриваемое въ живомъ процессѣ нашей мысли, а не по терминамъ, выражающимъ этотъ процессъ, будетъ относиться къ сужденіямъ втораго рода, а не перваго. Мы можемъ сказать: люди создали цивилизацію, французы заселяютъ такую—то территорію и хотя подлежащее въ этихъ сужденіяхъ по термину будетъ тождественно съ подлежащимъ сужденія о группахъ перваго рода, однако въ нашей мысли предметъ сужденія будетъ становиться нами иначе, чѣмъ дѣлается это при сужденіяхъ, дѣйствительно имѣющихъ своимъ предметомъ группу перваго рода. Не то хотимъ мы сказать этими сужденіями, что каждый человѣкъ создалъ цивилизацію или каждый французъ заселяетъ такую—то территорію, а то, что люди въ ихъ совокупности или французы, вмѣстѣ взятые, имѣютъ эти опредѣленія. Мы произносимъ сужденіе: „линіи АС + CD + DB, изъ которыхъ каждая равна какой ни есть GH, равны въ совокупности линіи АВ“ и никто, конечно, не станетъ утверждать, что это сужденіе относится къ сужденіямъ о группѣ въ первомъ смыслѣ, хотя въ подлежащемъ предметъ характеризуется какъ составленный изъ частей, существенно однородныхъ. А между тѣмъ это сужденіе съ логической точки зрѣнія будетъ, очевидно, сродно сужденію: французы заселяютъ такую—то территорію. Назовемъ группу предметовъ перваго рода—логической группой предметовъ, а самые предметы, которые составляютъ ее, ея членами, а группу втораго рода—агрегатомъ, а предметы, составляющіе ее—частями агрегата. Изъ всего того, что сказали мы о группахъ того и

другаго рода, ясно, что опредѣленіе логической группѣ придается не въ томъ смыслѣ, въ какомъ агрегатѣ. Это различіе не можетъ, конечно, не отразиться въ процессѣ вывода при объѣмѣ опредѣленій между группой и частными предметами и не образовать особыхъ модификацій вывода.

Есть и еще одно условіе, усложняющее формулу при выводахъ этого рода. Когда одинъ и тотъ же реальный предметъ, характеризованный различно въ двухъ сужденіяхъ, напримѣръ въ одномъ какъ А, въ другомъ какъ В, разсматривался тѣмъ не менѣе въ каждомъ изъ нихъ одинаково за-разъ во всемъ своемъ объемѣ, тогда при перенесеніи опредѣленія для характеристики процесса вывода было совершенно безразлично, будетъ ли предметъ въ посылкѣ характеризованъ какъ А, а въ заключеніи какъ В, или наоборотъ, въ посылкѣ какъ В, а въ заключеніи какъ А. Когда же одинъ и тотъ же реальный предметъ разсматривается въ сужденіяхъ не одинаково, то за-разъ во всемъ своемъ объемѣ въ качествѣ логической группы или агрегата, то въ качествѣ частныхъ предметовъ, взятыхъ въ своей отдѣльности, то-есть, въ качествѣ членовъ группы или частей агрегата, тогда, конечно, процессъ вывода долженъ будетъ видоизмѣняться, смотря по тому, какъ берется предметъ въ посылкѣ и какъ берется онъ въ заключеніи, то-есть, направляется ли мысль отъ логической группы на входящія въ нее члены, отъ агрегата на составляющія его части, или она совершаетъ обратное движеніе отъ членовъ логической группы къ самой группѣ, отъ частей агрегата къ самому агрегату.

Начнемъ съ выводовъ отъ членовъ логической группы къ самой этой группѣ.

IV.

Мы можемъ образовать сужденія о многихъ предметахъ, изъ которыхъ каждый характеризуется непосредственно въ нашей мысли чертами, ему одному принадлежащими. Мы можемъ знать кромѣ того, что всѣ эти предметы имѣютъ извѣстныя общія черты, которыми характеризуется въ нашихъ глазахъ логическая группа предметовъ, т. е. что одни и тѣ же реальные предметы имѣются въ виду какъ при образованныхъ нами частныхъ сужденіяхъ, такъ и при нашемъ представленіи опредѣленной логической группы. Такъ какъ опредѣленіе въ сужденіи принадлежитъ не опредѣленному представленію,

какимъ характеризуется его субъектъ, а неопредѣленно мыслимому предмету, который только характеризуется опредѣленнымъ представленіемъ, то отождествивъ предметъ логической группы съ предметами частныхъ сужденій, мы получаемъ право перенести опредѣленіа съ послѣднихъ на группу. Но это перенесеніе требуетъ выполненія нѣкоторыхъ условій, вытекающихъ изъ того вида тождества, съ которымъ мы имѣемъ теперь дѣло.

Группа обнимаетъ собою во первыхъ всѣ предметы, имѣющіе свойства, которыми она характеризуется, поэтому перенести безъ всякаго ограниченія подмѣченныя у частныхъ предметовъ опредѣленія на группу на основаніи тождества ихъ съ нею, мы имѣемъ прямое логическое право въ томъ лишь случаѣ, когда обозрѣли всю совокупность предметовъ, въ нее входящихъ, и составили сужденіе о каждомъ изъ нихъ, потому что только въ такомъ случаѣ установится полное тождество между предметомъ сужденія о группѣ и совокупностію предметовъ сужденій, съ которыхъ переносится опредѣленіе. Выводъ отъ частныхъ предметовъ къ логической группѣ въ своей самой рельефной формѣ, есть такимъ образомъ полная индукція.

Далѣе, давая какое-нибудь опредѣленіе предмету, мы рассматриваемъ его съ одной опредѣленной стороны. Въ группѣ предметы обнимаются мыслию за-разъ; они составляютъ единый предметъ мысли. Поэтому, чтобы изъ опредѣленій частныхъ предметовъ получилось единое опредѣленіе единаго предмета, всѣ они должны касаться одной и той же стороны, съ одной и той же стороны характеризовать предметы: иначе они не будутъ приложимы къ группѣ ни въ смыслѣ многихъ отдѣльныхъ другъ отъ друга опредѣленій, изъ которыхъ каждое характеризуетъ ее съ своей особой стороны, ни въ смыслѣ одного опредѣленія, въ которомъ предметъ берется съ одной извѣстной стороны, — послѣднее потому, что на самомъ дѣлѣ они касаются различныхъ сторонъ, первое потому, что нѣтъ полного тождества между частнымъ предметомъ и группой и слѣдовательно опредѣленіе перваго не можетъ быть перенесено на послѣднюю въ качествѣ ея адекватнаго опредѣленія. (Отъ заключенія на основаніи полной (и не полной) индукціи, обыкновенно требуютъ большаго, требуютъ именно, чтобы каждое частное сужденіе прилагало своему частному предмету то же самое опредѣленіе, что и другія подобныя сужденія. Подобное требованіе имѣетъ въ своемъ основаніи ту вѣрную мысль, что опредѣленіе въ сужденіи о группѣ принадлежитъ всецѣло каждому члену группы. Но эта мысль понимается слишкомъ узко и ведетъ поэтому только къ тому ре-

зультату, что логика опускаетъ изъ вниманія одну изъ очень важныхъ модификацій индуктивныхъ выводовъ вообще. Предположимъ, что мы изучаемъ отдѣльные предметы съ одной опредѣленной стороны и находимъ, что нѣкоторые изъ этихъ предметовъ представляютъ съ этой стороны извѣстное свойство или отношеніе, у другихъ это именно свойство или отношеніе замѣняется другимъ, еще у иныхъ инымъ и т. д. Предположимъ далѣе, что всѣ эти предметы составляютъ одну логическую группу. Въ этомъ случаѣ точно также какъ и въ томъ, когда изучаемые нами предметы всѣ оказались бы имѣющими одно и то же свойство или отношеніе, мы можемъ имѣть потребность опредѣлить ихъ съ изучаемой стороны не въ качествѣ только этихъ отдѣльныхъ предметовъ, а въ качествѣ предметовъ, составляющихъ группу. Лишены ли мы вовсе этой возможности? Конечно, нѣтъ. О каждомъ предметѣ группы, характеризованномъ неопредѣленно, то-есть чертами общими ему со всѣми другими членами той же группы, мы, правда, не можемъ сказать, ни того, что ему принадлежатъ всѣ эти частныя или особенныя опредѣленія, ни того, что ему принадлежитъ то, а не другое изъ этихъ опредѣленій. Но мы можемъ сказать, что ему принадлежитъ какое-нибудь одно изъ нихъ, такъ какъ они обнимаютъ собою всѣ возможные предикаты всѣхъ членовъ группы, если ихъ разсматривать съ одной опредѣленной стороны. Мы переносимъ поэтому изученныя опредѣленія частныхъ предметовъ на каждый членъ логической группы въ смыслѣ возможныхъ его предикатовъ, исключаящихъ другъ друга и исчерпывающихъ собою, говори- мыкомъ логики, сферу его опредѣлимости, и переносимъ на томъ безспорномъ основаніи, что при изученіи частныхъ предметовъ видѣли, что съ признаками, характеризующими группу, соединяются только эти опредѣленія и непременно какое-нибудь одно изъ нихъ. Предметы, характеризуемые какъ G (черта группы), — говоримъ мы, — суть тѣ же самыя, что и предметы, характеризуемые одинъ какъ A, другой какъ B и т. д., послѣдній какъ N, но каждый изъ послѣднихъ предметовъ, — продолжимъ мы въ случаѣ тождества изученнаго у нихъ свойства или отношенія, — имѣетъ опредѣленіе P, слѣдовательно то же нужно сказать и о каждомъ изъ первыхъ. Въ случаѣ же различія ихъ по этимъ свойствамъ или отношеніямъ мы имѣемъ полное право продолжать выводъ такъ: по каждый изъ послѣднихъ предметовъ имѣетъ непременно или опредѣленіе P или Q или R, слѣдовательно то же нужно сказать и о первыхъ. Когда нѣтъ настоятельной надобности указывать на каждый членъ группы, то послѣднюю мысль мы

выражаемъ обыкновенно такъ: предметы, характеризуемые какъ G , частью имѣютъ опредѣленіе P , частью Q , частью R . Сужденіе о группѣ, выведенное изъ сужденій о частныхъ предметахъ, не только можетъ совмѣщать въ себѣ нѣсколько предикатовъ, лишь бы они исчерпывали сферу опредѣлимости членовъ группы съ извѣстной стороны; оно можетъ даже указывать болѣе или менѣе точно степень значенія въ группѣ каждаго предиката. Мы можемъ сказать, что несравненно большее число ея членовъ имѣютъ такое-то опредѣленіе и только нѣкоторые такое-то. Подобныя заключенія, очевидно, основывались бы на совершенно томъ же выводѣ и было бы ровно столько же безспорны, какъ и заключенія съ однимъ предикатомъ. Въ продолженіе нашего обзора выводовъ мы не разъ будемъ имѣть случай убѣдиться, какую важную роль играютъ подобныя сужденія въ различныхъ модификаціяхъ нашихъ выводовъ.—Конечно, еслибы у каждаго частнаго предмета оказался свой особый предикатъ, совершенно отличный отъ предикатовъ другихъ предметовъ, мы, по всей вѣроятности, не стали бы переносить на группу такое огромное число соединенныхъ предикатовъ, но и въ этомъ случаѣ мы не перенесли бы ихъ вовсе не потому, чтобы это противорѣчило какимъ нибудь формальнымъ законамъ вывода, а потому, что сужденіе съ подобнымъ составнымъ предикатомъ для насъ практически было бы совершенно бесполезно, никакъ не послужило бы тѣмъ интересамъ, съ какими составляемъ мы сужденіе о группѣ. Въ группѣ предметы характеризуются одинаково, и поэтому сужденіе о группѣ тѣмъ болѣе для насъ важно, тѣмъ болѣе даетъ возможности уяснить эти предметы въ качествѣ предметовъ однородныхъ и точнѣе характеризовать ихъ въ качествѣ членовъ одной и той же группы. Соединеніе нѣсколько предикатовъ въ одно опредѣленіе этому само по себѣ не препятствуетъ. Оно, правда, предполагаетъ разнообразіе въ предметахъ, но если количество соединенныхъ предикатовъ незначительно, а между тѣмъ они обнимаютъ очень значительное число членовъ, то опредѣленіе указываетъ на сродство между членами и при этомъ очерчиваетъ опредѣленными чертами границы, внутри которыхъ должны лежать предикаты цѣлой группы и такимъ образомъ служитъ уясненію предметовъ въ качествѣ членовъ одной группы. Но если каждый членъ группы имѣетъ свое особое опредѣленіе или если предикаты, которыми исчерпывается сфера опредѣлимости членовъ группы, таковы, что ими исчерпывается сфера опредѣлимости съ извѣстной стороны и всѣхъ другихъ предметовъ, не принадлежащихъ группѣ, то соединеніе предикатовъ въ одно опре-

дѣленіе не будетъ свидѣтельствовать ни о какомъ сродствѣ между предметами группы и не будетъ способствовать составленію болѣе опредѣленнаго понятія о группѣ какъ единомъ предметѣ нашего знанія.—Можно указать на одинъ случай, когда мы не имѣемъ даже формальнаго права неодинаковыя опредѣленія частныхъ предметовъ перенести на группу. Это бываетъ тогда, когда опредѣленія эти имѣютъ отрицательный характеръ. Изъ сужденій: кавказское племя не отличается желтымъ цвѣтомъ кожи, монгольское не отличается чернымъ, негрятянское бѣлымъ и пр. не получится выводнаго сужденія, имѣющаго такой же смыслъ, какой оно имѣетъ при утвердительныхъ сужденіяхъ. Однако это ограниченіе вытекаетъ изъ самаго правила. Нужнаго заключенія не получится здѣсь на томъ же самомъ основаніи, на которомъ не получится его и изъ утвердительныхъ сужденій въ родѣ слѣдующихъ: одна изъ сторонъ извѣстнаго треугольника равна линіи АВ, другая той же линіи, третья линіи CD, которой отношеніе къ линіи АВ неизвѣстно. Въ обоихъ случаяхъ при перенесеніи опредѣленія съ частныхъ предметовъ на логическую группу (каждое племя въ одномъ примѣрѣ, каждая изъ сторонъ извѣстнаго треугольника въ другомъ) въ сказуемомъ выводнаго сужденія мы могли бы имѣть ошибочную дисъюнкцію, потому что опредѣленія частныхъ предметовъ могли бы оказаться не исключаящими другъ друга и слѣдовательно могущими принадлежать одному и тому же члену: не бѣлый можетъ быть вмѣстѣ и не желтымъ и не чернымъ; линія, равная линіи АВ можетъ оказаться равной и линіи CD. Если у частныхъ предметовъ мы беремъ не тождественныя опредѣленія, мы должны брать такія, которыя въ нихъ замѣняютъ другъ друга, то-есть, мы должны быть увѣрены, что опредѣленіе, которое прилагаемъ извѣстному частному предмету, есть именно то самое, которое для него заступаетъ мѣсто опредѣленія, приписаннаго нами другому предмету. Только о такихъ опредѣленіяхъ можно сказать въ собственномъ смыслѣ, что ими характеризуются предметы съ одной и той же стороны, съ одной и той же точки зрѣнія.—Вовсе игнорируя индуктивные выводы съ составными опредѣленіями, логика не можетъ въ свое оправданіе сослаться на то, что въ этихъ выводахъ мы имѣемъ простое соединеніе нѣсколькихъ выводныхъ сужденій, полученныхъ по третьей фигурѣ категорическаго силлогизма. Результатъ индуктивнаго вывода, если опредѣленіе получилось составное, дѣйствительно можно выразить такъ: нѣкоторые G имѣютъ предикатъ P, другія G—предикатъ Q, еще иныя—предикатъ R. Вѣрно и то, что каждая изъ составныхъ

частей этого сужденія могла бы получиться по третьей фигурѣ категорическаго силлогизма. Но не говоря уже о томъ, что тогда были бы не только тщетны (они тщетны и безъ того), но и странны всѣ усилія отдѣлять ученіе о силлогизмѣ отъ ученія объ индукціяхъ, нельзя не признать совершенно ошибочнымъ подобнаго толкованія индуктивнаго вывода съ составнымъ опредѣленіемъ. Простое соединеніе сужденій о нѣкоторыхъ G само по себѣ никогда не въ состояніи дать исчерпывающаго сужденія о цѣлой группѣ G . Для послѣдняго нужно добавочное убѣжденіе, что предикаты сужденій о нѣкоторыхъ G исчерпываютъ опредѣленіе группы G сполна, что нѣкоторые G и еще нѣкоторые и еще нѣкоторые равняются сполна числу членовъ группы G то-есть требуется, чтобы частные выводы были не отдѣльными другъ отъ друга выводами, а обзоромъ цѣлой группы; но тогда мы будемъ уже имѣть не выводъ по третьей фигурѣ, а полную индукцію.

Переноси на группу тѣ опредѣленія членовъ, которыя оказались одинаковыми, мы не перечисляемъ ихъ каждое порознь, а замѣняемъ ихъ однимъ, тождественнымъ съ каждымъ изъ нихъ. Это объясняется самымъ характеромъ сужденій о логической группѣ, гдѣ предметы, хотя и за-разъ обнимаются мыслию въ одномъ понятіи, но обнимаются съ цѣлю дать имъ опредѣленіе, которое всецѣло принадлежало бы каждому изъ нихъ въ отдѣльности; а такимъ именно и должно оказаться опредѣленіе или прямо тождественное съ опредѣленіемъ каждаго частнаго предмета или опредѣленіе, составленное изъ различныхъ понятій, изъ которыхъ каждое тождественно съ опредѣленіями какой-нибудь одной части изъ всего числа частныхъ предметовъ, относящихся къ группѣ.

Противъ полной индукціи какъ вывода нѣкоторые возражаютъ, что она не даетъ общихъ положеній, такъ какъ общее положеніе должно обнимать неопредѣленное или неограниченное число экземпляровъ или видовъ, а при полной индукціи предполагается изученіе всѣхъ экземпляровъ или видовъ, и слѣдовательно число ихъ не можетъ быть неопредѣленнымъ или неограниченнымъ. Выводное положеніе, получаемое при ея помощи, говорятъ также, есть просто сокращенное выраженіе существовавшаго уже знанія, а не новая истина, такъ какъ оно не простирается далѣе тѣхъ предметовъ, о которыхъ говорятъ послышки. Присоединиться къ послѣднему мнѣнію мы не можемъ. На томъ же основаніи мы могли бы тогда утверждать, что напримѣръ заключеніе о времени жизни Цицогора, которое нѣкто-

рыми выводятся на основаніи извѣстія о Пивагорѣ, побѣдитель на олимпійскихъ играхъ, есть не выводъ, а простое словесное видоизмѣненіе послѣдняго сужденія, такъ какъ и въ этомъ выводѣ реальный предметъ, о которомъ говорить посылка, какъ предполагается, тотъ же, что и предметъ вывода. Новость мысли зависитъ не отъ того только, что въ ней опредѣленіе распространяется на новый реальный предметъ, мысль будетъ новой, если опредѣленіе дано было уже предмету, но онъ характеризовался иначе и поэтому представлялся намъ инымъ предметомъ. Въ полной индукціи, конечно, не захотятъ допустить увеличенія знанія и въ этомъ послѣднемъ смыслѣ. И нѣкоторое основаніе для этого въ самомъ дѣлѣ найти можно. Составляя сужденіе о частныхъ предметахъ, мы только развѣ въ очень рѣдкихъ случаяхъ не знаемъ, что они относятся къ опредѣленной логической группѣ, а поэтому относимъ къ нимъ опредѣленіе, мы всегда беремъ ихъ уже въ качествѣ членовъ группы. Въ такомъ случаѣ естественно представляется, что перенесеніе опредѣленія съ нихъ на группу не новая мысль, а пустое тожесловіе, подобно тому, какъ было бы пустымъ тожесловіемъ переносить на пирамиду Хеопса опредѣленіе, присвоенное нами самой большей пирамидѣ, еслибы и въ самый моментъ составленія этого сужденія, самая большая пирамида мыслилась нами въ качествѣ Хеопсовой пирамиды. Здѣсь, нужно думать, заключается истинное побужденіе выискивать возраженія противъ полной индукціи какъ вывода. Однако въ сужденіи о группѣ мы приписываемъ опредѣленіе не только предметамъ, характеризованнымъ извѣстными признаками, но всѣмъ предметамъ, такъ характеризованнымъ; произнося сужденіе о группѣ, мы утверждаемъ, что существованія въ предметѣ признаковъ группы совершенно достаточно для установленія за нимъ опредѣленія, присвоеннаго группѣ. Но этого отгѣнка мысли никакъ не заключается въ сужденіяхъ, въ которыхъ мы приписываемъ это опредѣленіе частнымъ предметамъ. Приписывая предикатъ каждому частному предмету, мы можемъ знать, что онъ членъ группы, но не можемъ приписывать его ему въ качествѣ члена группы, характеризованнаго единственно чертою группы, тогда какъ, зная, что Хеопсова пирамида есть самая большая пирамида, мы должны были прямо приписать ей новое опредѣленіе, какъ пирамидѣ Хеопса, если названіе Хеопсовой считаемъ характеристичнымъ для нея. Что достаточно характеризовать предметъ просто какъ членъ извѣстной группы, чтобы придать ему извѣстное опредѣленіе,—этого не вытекаетъ ни изъ сужденій о частныхъ предме-

тахъ, взятыхъ отдѣльно отъ сужденія, вполне отождествляющаго группу съ этими предметами, ни изъ послѣдняго сужденія, взятаго отдѣльно отъ первыхъ. Значить, выводъ не можетъ быть только инымъ выраженіемъ для частныхъ сужденій. Сужденіе о пирамидѣ Хеопсовой на самомъ дѣлѣ не нуждалось ни въ чемъ, кромѣ встрѣчи моею съ извѣстнымъ мнѣ предметомъ и наблюденія въ немъ извѣстнаго свойства; сужденіе о группѣ нуждалось не только во встрѣчѣ съ извѣстными мнѣ предметами и наблюденіи въ нихъ извѣстнаго свойства, но и въ особомъ убѣжденіи (все равно было ли оно приобретено ранѣе или позднѣе), что эти предметы исчерпываютъ собою сполна группу. Изъ этихъ двухъ посылокъ оно выводится безспорно; но то же самое приложимо и къ выводамъ, на примѣръ, относительно совмѣстности или современности предметовъ на основаніи совмѣстности или современности ихъ съ другими и къ безчисленному множеству другихъ выводовъ.

Спорить о томъ, какія положенія считать общими, какія нѣтъ, мы не станемъ: это значило бы спорить изъ-за словъ. Но вѣрно то, что для науки наиболѣе цѣнны сужденія о такихъ группахъ, которыя обнимаютъ неисчислимо количество экземпляровъ. Поэтому выводы на основаніи полной индукціи, въ которыхъ сужденія частныя суть сужденія объ экземплярахъ, не могутъ имѣть сколько-нибудь значительнаго примѣненія въ наукѣ. Но полная индукція можетъ оперировать не съ экземплярами только, но и съ видами. Большія группы распадаются на меньшія и послѣднихъ въ группѣ можетъ быть опредѣленное, ограниченное число. Если теперь, при посредствѣ какихъ-либо другихъ модификацій вывода, мы получаемъ возможность приложить извѣстное опредѣленіе каждой изъ этихъ меньшихъ группъ, то перенесеніе его на группу большую, обнимающую сполна меньшія, будетъ, очевидно, примѣненіемъ полной индукціи. Извѣстно, что доказательствъ подобнаго рода не чуждается даже и математика. Если же подъ всѣми видами, относящимися къ извѣстному классу, разумѣть всѣ извѣстныя намъ виды, то выводы на основаніи полной индукціи отъ видовъ къ классу, вовсе не будутъ рѣдкостью и въ другихъ наукахъ.

V.

Гдѣ группу нельзя раздѣлить на опредѣленное число группъ меньшихъ, а количество экземпляровъ, относящихся къ группѣ, неисчислимо,

тамъ выводъ на основаніи полной индукціи будетъ не приложимъ. Должна-ли вмѣстѣ съ тѣмъ исчезнуть и всякая возможность перенесенія предиката съ частныхъ предметовъ на группу? Пусть мы имѣемъ извѣстное опредѣленіе одного или нѣсколькихъ предметовъ и знаемъ, что эти предметы имѣютъ нѣкоторые сходные признаки, характеризующіе собою цѣлую группу, совмѣщающую въ себѣ неопредѣленное множество предметовъ. Изученные нами предметы не покрываютъ собою цѣлой группы, но они покрываютъ собою нѣсколько ея членовъ, реально тождественны съ этими членами. Значитъ, мы имѣемъ безспорное право признать ихъ опредѣленіе опредѣленіемъ нѣсколькихъ членовъ группы. Этотъ процессъ вывода есть тотъ процессъ вывода, который называется третьей фигурой категорическаго силлогизма. Логическая операція въ немъ ясна. Но есть основаніе думать, что не вполне вѣрно опредѣляется тотъ смыслъ, который мы на дѣлѣ придаемъ выводному сужденію.

Всякое сужденіе относитъ извѣстное опредѣленіе къ предмету, указанному тѣмъ или другимъ способомъ. Къ какому же предмету мы относимъ предикатъ въ выводномъ сужденіи, когда выводъ сдѣланъ по третьей фигурѣ категорическаго силлогизма? Къ чему мы хотимъ отнести, на примѣръ, понятіе млекопитающаго въ сужденіи: нѣкоторые изъ животныхъ, живущихъ въ водѣ, суть млекопитающіе, какъ скоро это сужденіе выведено изъ наблюденія, что китъ живетъ въ водѣ и есть животное млекопитающее? Хотимъ ли мы отнести его къ тому предмету, въ которомъ его наблюдали? Но въ такомъ случаѣ намъ не было нужды въ выводномъ сужденіи и достаточно было остановиться на той послѣдкѣ, которая прямо относитъ его къ нему, характеризуя предметъ, именно, какъ предметъ частный. Хотимъ-ли мы отнести его къ этому предмету, но дополнивъ характеристику послѣдняго признаками группы? Но въ такомъ случаѣ намъ слѣдовало бы въ выводномъ сужденіи сказать, что китъ, будучи животнымъ, живущимъ въ водѣ, есть вмѣстѣ и животное млекопитающее. Хотимъ ли мы отнести его къ предмету, характеризованному исключительно чертами группы, т. е. произнести сужденіе объ одномъ или нѣсколькихъ членахъ группы? Но въ группѣ предметы логически отождествлены; они правда мыслятся тамъ какъ множество членовъ, но эти члены не отличены одинъ отъ другаго и предикатъ не можетъ быть приуроченъ опредѣленно къ тому, а не къ другому изъ нихъ. Ставя предикатъ опредѣленіемъ члена группы, мы говоримъ только, что онъ относится къ какому-то изъ этихъ членовъ, но не указываемъ, къ какому именно.

Поэтому, если наша цѣль состоитъ въ томъ, чтобы въ членѣ группы указать предметъ, къ которому долженъ быть приуроченъ предикатъ, то мы указываемъ этотъ предметъ очень неопредѣленно, указываемъ собственно не предметъ, а цѣлый неисчислимый рядъ предметовъ, среди которыхъ нужный намъ предметъ находится. Какая же можетъ быть нужда опредѣленное указаніе на предметъ въ послылкѣ замѣнить неопредѣленнымъ, изъ предиката, приуроченнаго къ точно опредѣленному предмету, сдѣлать предикатъ, который колеблется между безчисленными предметами? Мы произносимъ сужденія неопредѣленные: кто-то пришелъ, голуби поклевали кормъ, набросанный курамъ, и под., но исключительно въ тѣхъ случаяхъ, когда или вовсе не знаемъ характеристическихъ чертъ предмета, или когда вполне равнодушны къ нимъ, такъ что предметъ рисуется предъ нашею мыслию исключительно какъ одинъ изъ предметовъ, относящихся къ опредѣленному классу. Но къ выводу по третьей фигурѣ силлогизма мы прибѣгаемъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда предметъ намъ достаточно извѣстенъ и имѣетъ значеніе и интересъ въ нашихъ глазахъ. Какой-же смыслъ имѣлъ бы выводъ, котораго вся цѣль состояла бы въ томъ, чтобы точное указаніе на предметъ замѣнить указаніемъ, по которому нельзя отыскать его среди множества другихъ? Всѣ эти недоумѣнія перестанутъ для насъ существовать, какъ скоро мы допустимъ, что истиннымъ субъектомъ въ заключеніяхъ по третьей фигурѣ категорическаго силлогизма служить не нѣкоторый членъ группы, а сама группа предметовъ, взятая въ ея цѣломъ, и только опредѣленіе ставится въ ней въ качествѣ опредѣленія неполнаго, недостаточнаго, не адекватнаго ея опредѣленія. Мы хотимъ опредѣлять не нѣкоторый членъ группы, о которомъ и безъ того у насъ есть сужденіе, но высказать нѣчто о цѣлой группѣ, показать отношеніе къ ней извѣстнаго предиката. Высказывая эту мысль, мы не думаемъ оспаривать ни того, что прямой выводъ изъ послылокъ будетъ говорить о нѣкоторыхъ членахъ группы, ни того, что этотъ выводъ будетъ логически законенъ. Мы утверждаемъ только, что истинная цѣль вывода состоитъ не въ опредѣленія нѣкоторыхъ членовъ группы, а въ опредѣленіи самой группы, что указывая тѣсный кругъ предметовъ (нѣкоторые члены), къ которымъ предикатъ прилагается, мы пользуемся этимъ только какъ средствомъ для того, чтобы опредѣлить значеніе предиката для болѣе широкаго круга предметовъ, мыслимыхъ въ группѣ. Справедливо замѣчаютъ, что къ этому выводу мы прибѣгаемъ часто при опроверженіи ошибочныхъ сужденій о группѣ. Но вѣдь это зна-

читать, что истиннымъ субъектомъ выводнаго сужденія служитъ здѣсь группа. Спиноза былъ мыслителемъ, признававшимъ возможность чисто умозрительнаго знанія; онъ отвергалъ ученіе о цѣлесообразности природы, значитъ, и между философами, признававшими умозрительное знаніе были такіе, которые отрицали ученіе о цѣлесообразности природы. Этотъ силлогизмъ можно бы было противопоставить взгляду того, кто всѣхъ философовъ, признававшихъ умозрительное знаніе, считалъ бы защитниками ученія о цѣлесообразности природы. Но не мѣтили ли бы очевидно возражатель своимъ силлогизмомъ на цѣлую группу? Не хотѣлъ ли онъ просто сказать, что предикатъ оспариваемаго имъ сужденія не имѣетъ того значенія въ группѣ, которое приписывается ему въ этомъ сужденіи? Впрочемъ, этотъ выводъ не всегда имѣетъ смѣсль опроверженія ошибочнаго сужденія. Кто нибудь можетъ, на примѣръ, изучать съ известной стороны известный видъ растеній; онъ можетъ быть убѣжденъ, что особенности этого вида съ той стороны, которая его интересуетъ, не исчерпываются тѣми, которыя онъ уже успѣлъ подмѣтить на многихъ экземплярахъ, и тѣмъ не менѣе при встрѣчѣ съ экземплярами, имѣющими новую особенность, онъ заключаетъ, что значить въ группѣ бываютъ экземпляры и съ этою особенностію. Опять, очевидно, его интересъ сосредоточенъ на цѣлой группѣ, на изученіи всевозможныхъ опредѣленій ея съ известной стороны и выражая свою мысль въ формѣ частнаго сужденія, онъ указываетъ тѣмъ только на необходимость дополненія найденнаго опредѣленія, для того, чтобы получить вполне адекватное опредѣленіе группы, исчерпывающее всѣ предикаты въ ней встрѣчающіеся. Возьмемъ группу предметовъ, логически отождествленныхъ въ понятіи о металлѣ. По обыкновенному взгляду, развиваемому въ логикахъ, известный предикатъ, на примѣръ „тяжеле воды“ долженъ или относиться къ ней, или вовсе не относиться; отсюда, какъ скоро сужденіе „металлы тяжеле воды“ признано ошибочнымъ, предикатъ „тяжеле воды“ долженъ совершенно также отрицательно относиться къ цѣлой группѣ металловъ (а не къ нѣкоторымъ изъ ея членовъ) какъ предикатъ существо мыслящес. Между тѣмъ на дѣлѣ отношеніе вовсе не таково. Понятіе о существѣ мыслящемъ вовсе не можетъ быть элементомъ предиката въ сужденіи о металлахъ, тогда какъ понятіе „тяжеле воды“ можетъ войти въ это сужденіе въ качествѣ одного изъ элементовъ полнаго опредѣленія металловъ; имѣя въ виду составить сужденіе о металлахъ по ихъ вѣсу сравнительно съ водою, мы можемъ высказать совершенно законно положеніе: металлы бываютъ и

тяжеле и легче воды. Послѣ всѣхъ этихъ разъясненій едва ли покажется парадоксальнымъ, если мы скажемъ, что выводное положеніе въ третьей фигурѣ категорическаго силлогизма по смыслу, который мы придаемъ ему, вовсе не частное сужденіе (хотя подобныя сужденія вообще и встрѣчаются въ нашей мысли), но сужденіе общее, въ которомъ указывается или недостаточность опредѣленія группы, считавагося вполне адекватнымъ ея опредѣленіемъ, или устанавливаются элементы для адекватнаго опредѣленія.

VI.

Имѣя сужденія о частныхъ предметахъ, число которыхъ не покрываетъ собою всю группу, мы можемъ въ выводѣ на основаніи реального тождества заключать лишь о нѣкоторыхъ членахъ группы. Правда, въ иныхъ случаяхъ положеніе дѣла представляется болѣе благоприятнымъ. Мы можемъ не только знать, что извѣстные предметы, которые безспорно принадлежатъ къ группѣ, имѣютъ извѣстное опредѣленіе, но можемъ не встрѣтить ни одного предмета изъ принадлежащихъ къ группѣ, который имѣлъ бы другое опредѣленіе. Но и при этомъ извѣстные намъ предметы остаются все же одною только частію группы и могутъ завѣрять насъ поэтому только въ принадлежности опредѣленія этой части. Однако, несомнѣнно, мы пользуемся такъ называемою неполной индукціей *per enumerationem simplicem* которая безспорно представляетъ не другой видъ вывода, а именно перенесеніе предиката съ частныхъ предметовъ на группу и хотя посылкой въ ней служить неполное перечисленіе членовъ группы, тѣмъ не менѣе при ея посредствѣ мы получаемъ сужденіе о цѣлой группѣ съ адекватнымъ опредѣленіемъ. Какъ же объяснить логическую состоятельность этого вывода?

Говорятъ, выводное сужденіе въ неполной индукціи основывается на простомъ перечисленіи случаевъ, подтверждающихъ общее положеніе и на отсутствіи случаевъ, ему противорѣчающихъ. Въ обыкновенной жизни дѣйствительно мы очень склонны заключать къ группѣ просто отъ извѣстныхъ намъ членовъ ея, если не встрѣчались съ исключеніями. Но можно ли оправдать подобныя заключенія съ логической точки зрѣнія? Да и не чаще ли вообще они ведутъ къ ошибкамъ, чѣмъ къ вѣрному положенію? Было бы очень странно считать законнымъ выводъ, который скорѣе ведетъ къ укорененію заблужденій, чѣмъ къ убѣжденію въ истинѣ. Навыки нашей мысли представ-

ляютъ, конечно, фактъ очень интересный съ психологической точки зрѣнія, но задача логики выяснитъ формулы законныхъ выводовъ, а не санкционировать тѣ или другіе навыки, приобретенные мыслию. Впрочемъ даже и тѣ, которые формулируютъ неполную индукцію просто какъ выводъ *per enumerationem simplicem, ubi non reperitur instantia contradictoria*, въ дѣйствительности вовсе не признаютъ законности заключенія, удовлетворяющаго только требованіямъ этой формулы. При подробномъ разъясненіи неполной индукціи, они всегда обставляютъ примѣненіе ея различными требованіями, исполненіе которыхъ должно гарантировать правильность вывода. Но если исполненіе этихъ требованій необходимо, то значитъ формула не выражаетъ вывода, значитъ, дѣйствительное основаніе вывода въ ней точно не опредѣляется.

Есть и другой поводъ подозрѣвать, что ходячее ученіе о неполной индукціи далеко не достигло совершенства. Одни прямо высказываютъ, другіе очевидно подразумеваютъ, что выведенное при помощи неполной индукціи сужденіе есть только вѣроятное сужденіе во всей той части заключающагося въ немъ утвержденія, которая простирается далѣ числа случаевъ, уже изслѣдованныхъ, и тѣмъ не менѣе оно признается ими также вѣроятнымъ и въ качествѣ общаго сужденія. Такимъ образомъ выходитъ, что сужденія о частныхъ предметахъ, которыя не даютъ права съ достовѣрностію заключать хоть объ одномъ членѣ группы далѣ того числа ихъ, которое соотвѣтствуетъ числу изслѣдованныхъ предметовъ, тѣмъ не менѣе даютъ право съ вѣроятностію судить о всемъ неопредѣленномъ множествѣ предметовъ, относящихся къ группѣ. Выходитъ, что отъ извѣстнаго числа частныхъ предметовъ съ одинаковою вѣроятностію можно заключать и еще только къ одному предмету сверхъ ихъ самихъ и къ цѣлой группѣ во всемъ неизмѣримомъ ея объемѣ. Не трудно объяснить, какимъ путемъ доходятъ до положенія, изъ котораго съ неминуемою необходимостію вытекаютъ такіе странные выводы. Дѣло просто въ томъ, что здѣсь перемѣшивается заключеніе отъ частныхъ предметовъ къ группѣ съ обратнымъ заключеніемъ отъ группы къ опредѣленному частному предмету. Утверждая, что отъ частныхъ предметовъ можно при извѣстныхъ условіяхъ заключать съ нѣкоторою вѣроятностію къ общему положенію, не могутъ, конечно, не быть увѣрены, что изъ существованія извѣстнаго опредѣленія у этихъ предметовъ безспорно слѣдуетъ по крайней мѣрѣ существованіе того же опредѣленія у многихъ другихъ имъ подобныхъ. Но въ то же вре-

мы замѣчаютъ, что какой бы мы ни взяли опредѣленный частный предметъ изъ принадлежащихъ къ группѣ, но еще не изслѣдованныхъ, мы на основаніи вѣроятнаго сужденія о группѣ можемъ только съ вѣроятностію заключать къ существованію у него извѣстнаго опредѣленія, то-есть, всегда предполагается возможнымъ, что онъ окажется и не имѣющимъ этого опредѣленія. Сознаютъ такимъ образомъ, что въ группѣ, о которой составлено только вѣроятное сужденіе, мы не можемъ назвать ни одного опредѣленнаго предмета кромѣ изслѣдованныхъ уже нами, о которомъ со всею достовѣрностію мы могли бы сказать, что онъ непременно будетъ имѣть извѣстное опредѣленіе. Эту-то именно невозможность навѣрное приурочить опредѣленіе группы къ тому или другому опредѣленному предмету кромѣ уже изслѣдованныхъ и перетолковываютъ въ смыслѣ невозможности съ достовѣрностію сказать, что въ группѣ есть еще предметы, имѣющіе извѣстное опредѣленіе, кромѣ тѣхъ, которые уже изслѣдованы. Совершенно вѣрно, конечно, что какъ ни безспорны основанія, которыя заставляютъ перенести опредѣленіе съ однихъ членовъ группы на другіе, но если они недостаточны для того, чтобы составить несомнѣнное сужденіе о всей группѣ, о всѣхъ ея членахъ, никогда нельзя о произвольно или случайно выбранномъ опредѣленномъ членѣ сказать съ рѣшительностію, что онъ окажется имѣющимъ нужное намъ опредѣленіе. Но какъ отсюда будетъ слѣдовать, что мы не можемъ со всею несомнѣнностію утверждать о группѣ, что количество ея членовъ, имѣющихъ извѣстное опредѣленіе, несравненно болѣе количества ихъ, нами изслѣдованнаго? Можно быть увѣреннымъ даже, что извѣстное опредѣленіе въ группѣ въ высокой степени преобладаетъ надъ всѣми другими, почти исключительно господствуетъ въ ней и въ то же время не считать безусловно невозможнымъ, что случайно выбранный предметъ окажется исключеніемъ.

Обратимся къ нашему основному вопросу, въ чемъ состоитъ основаніе заключенія по неполной индукціи какъ заключенія законнаго? Каждый предметъ въ природѣ, доступный человѣческому воспріятію, при извѣстномъ положеніи въ отношеніи къ нему чловѣка, можетъ возбудить въ немъ опредѣленное, ему соответствующее представленіе. Чѣмъ больше въ природѣ предметовъ извѣстной группы, имѣющихъ извѣстное свойство, тѣмъ болѣе значить существуетъ для чловѣка объективныхъ поводовъ получить воспріятіе предмета съ этимъ свойствомъ, и наоборотъ чѣмъ менѣе предметовъ, относящихся къ той же группѣ и не имѣющихъ этого свойства, тѣмъ менѣе объек-

тивныхъ поводовъ имѣть воспріятіе предмета, не имѣющаго этого свойства. Еслибы изъ предметовъ, принадлежащихъ къ извѣстной группѣ, какъ имѣющіе извѣстное свойство, такъ и не имѣющіе его поставлены были въ отношеніи къ воспріятію совершенно въ одинаковыя благоприятныя условія за исключеніемъ различія въ ихъ количествѣ, то, очевидно, относительное различіе количества воспринятыхъ предметовъ, имѣющихъ извѣстное свойство, отъ количества неимѣющихъ его, опредѣлялось бы исключительно относительнымъ различіемъ количества дѣйствительно существующихъ членовъ группы, имѣющихъ это свойство, отъ количества подобныхъ же членовъ, неимѣющихъ его, а слѣдовательно первое соответствовало бы послѣднему. Отсюда понятно въ чемъ состоитъ сущность того вывода, который называютъ неполной индукціей. Если мы изъ предметовъ, относящихся къ извѣстной группѣ, исключительно знаемъ такіе, которые имѣютъ извѣстное свойство, то этотъ фактъ можетъ имѣть для нашего знанія о цѣлой группѣ и очень большое значеніе и почти никакого — просто смотря по тому, имѣемъ ли мы право думать, что при нашихъ воспріятіяхъ извѣстныхъ намъ членовъ группы мы были поставлены именно въ такія условія, которыя были одинаково благоприятны для воспріятія предметовъ, какъ имѣющихъ это свойство такъ и не имѣющихъ его, такъ что еслибы существовали послѣдніе въ сколько-нибудь значительномъ количествѣ, они необходимо въ соответствующей степени отразились бы въ нашемъ воспріятіи и знаніи. Опытъ научаетъ насъ съ достаточною точностію опредѣлять въ общихъ чертахъ условія, которыя могутъ назваться одинаково благоприятствующими встрѣчѣ съ членами группы, имѣющими не одинаковыя опредѣленія. Мы знаемъ, что чѣмъ шире распространяется наше наблюденіе по району возможнаго для насъ опыта, тѣмъ болѣе исключается мѣсто для предположенія, что особенныя благоприятныя обстоятельства для встрѣчи съ предметами, имѣющими извѣстное опредѣленіе, зависѣли отъ ограниченія района наблюденія одной или лишь въсколькими частями его. Мы знаемъ далѣе, что чѣмъ разнообразнѣе условія, при которыхъ всюду дѣлаются наблюденія, тѣмъ болѣе устраняется предположеніе, что подобныя благоприятныя обстоятельства заключаются въ особенныхъ свойствахъ условій наблюденія. Мы знаемъ наконецъ, что чѣмъ многочисленнѣе случаи, наблюдаемые въ каждомъ опредѣленномъ районѣ опыта при каждомъ видоизмѣненіи условій, тѣмъ болѣе устраняется предположеніе о томъ, что подобныя благоприятныя обстоятельства заключаются въ особыхъ случай-

ныхъ и измѣнчивыхъ условіяхъ каждаго случая наблюденіи въ отдѣльности. Такъ постепенно убѣждаемся мы, что господство извѣстнаго свойства въ воспринятыхъ нами предметахъ зависитъ не отъ тѣхъ или другихъ случайныхъ условій воспріятія, а отъ господства извѣстнаго опредѣленія въ группѣ, имъ опредѣляется. Необходимость при неполной индукціи имѣть въ виду все эти требованія, часто охотно признають. Но если исполненіе этихъ требованій необходимо, то уже ее нельзя, очевидно, характеризовать какъ выводъ чрезъ простое перечисленіе подтверждающихъ случаевъ при отсутствіи случаевъ противорѣчащихъ. Повятно и то, что какъ при полной индукціи, такъ и при неполной нѣтъ никакой необходимости ограничивать выводъ случаями, гдѣ мы встрѣчаемъ исключительно одно и то же опредѣленіе въ изучаемыхъ предметахъ. Мы можемъ изслѣдовать извѣстныя намъ члены группы съ такой стороны, съ какой представляютъ они нѣкоторое разнообразіе въ опредѣленіяхъ. И если мы указаннымъ выше путемъ можемъ убѣдиться, что наша встрѣча съ членами группы, имѣющими исключительно извѣстныя свойства, зависитъ единственно отъ значенія этихъ свойствъ въ самой группѣ, то выводъ нашъ будетъ имѣть тѣ же права, какъ еслибы дѣло шло объ одномъ опредѣленіи. Мы можемъ даже по сравнительному значенію опредѣленій въ воспринятой части группы судить о сравнительномъ значеніи ихъ въ цѣлой группѣ. Конечно, совершенно точнаго соотвѣтствія здѣсь ожидать будетъ трудно: чѣмъ болѣе свойства пизпускаются до значенія частныхъ свойствъ нѣкоторыхъ предметовъ группы, тѣмъ болѣе наблюденіе надъ ними будетъ зависѣть отъ частныхъ условій воспріятія частныхъ предметовъ. Но значеніе того или другаго изъ нихъ въ средѣ воспринятыхъ предметовъ все же будетъ въ значительной степени опредѣляться значеніемъ ихъ въ самой группѣ, а потому дастъ возможность судить о послѣдней.

Теперь мы можемъ легко убѣдиться въ томъ, что выводы не полной индукціи прямо основываются на томъ же самомъ принципѣ, на которомъ основываются выводы индукціи полной и третьей фигуры силлогизма. Если забыть объ условіяхъ, которыя единственно даютъ право переносить опредѣленія съ частныхъ предметовъ, не исчерпывающихъ группы, на группу, то эти предметы окажутся простою совокупностію нѣсколькихъ членовъ группы или ея частію. Но иначе представляется дѣло, если не игнорировать этихъ условій. Если воспріятіе обставляется такими условіями, что появленіе въ немъ

частныхъ предметовъ, относящихся въ группѣ, съ тѣми, а не съ другими свойствами обуславливается по возможности исключительно значеніемъ этихъ свойствъ въ самой группѣ, то въ воспріятіи появляется, правда, все же только одна часть группы, но часть, опредѣляемая строемъ и характеромъ цѣлаго, часть, совпадающая съ цѣлымъ въ своихъ логическихъ границахъ, указываемыхъ предикатами, въ своемъ логическомъ очертаніи, обозначаемомъ сравнительною степенью значенія предикатовъ. Сказать иначе, въ воспріятыхъ предметахъ предъ нами выступаетъ сама группа, правда такъ, что безчисленныя мѣста для членовъ остаются не занятыми, но расположеніе данныхъ въ воспріятіи членовъ достаточно указываетъ расположеніе остальныхъ, намѣчаетъ общій логическій строй группы, подобно тому, какъ въ частяхъ кривой линіи взятыхъ изъ различныхъ мѣстъ ея теченія, но не перемѣшанныхъ одна съ другой, а оставшихся на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, какія занимаютъ они въ самой линіи, дана уже не просто часть этой линіи, а сама линія, правда постоянно прерывающаяся, но сохраняющая черты общаго своего теченія. Въ неполной индукціи мы заключаемъ на основаніи реального тождества не просто нѣкоторыхъ предметовъ съ нѣсколькими членами группы, но нѣсколькихъ предметовъ, опредѣленныхъ всѣми остальными, а вслѣдствіе того въ своихъ логическихъ границахъ, въ своемъ логическомъ очертаніи совпадающихъ съ границами и очертаніями группы. А такъ какъ переносимые предикаты касаются этихъ именно границъ, этого очертанія, то выводъ можетъ быть на столько строгъ, на сколько строго установлено самое тождество. Весь вопросъ въ томъ: можетъ ли быть это тождество установлено съ тою полною и строгостію, какія требуются идеей вывода.

Есть ограниченіе съ этой стороны, которое обыкновенно признается и едва ли можетъ подлежать спору. Одно изъ самыхъ важныхъ условий для исключенія случайности при изученіи группы состоитъ въ распространеніи наблюденія на возможно широкую область. Но мы не можемъ забыть, что границы нашего опыта не совпадаютъ съ границами бытія. Поэтому полученный на основаніи неполной индукціи выводъ не можетъ быть въ собственномъ смыслѣ выводомъ къ группѣ вообще, а лишь къ группѣ, на сколько она дана въ предѣлахъ доступной нашему опыту дѣйствительности. Если наблюденіе въ отношеніи къ предметамъ, принадлежащимъ къ известной группѣ, ограничено тѣмъ или другимъ райономъ, то въ предѣлахъ этого района и могутъ быть ограничены только его случайности. Выводъ можетъ

простираться и на будущее, но лишь на столько, на сколько предполагается господство въ будущемъ тѣхъ же условій, которыми обеспечиваются существованіе опредѣленнаго порядка вещей въ настоящемъ. Никто не рѣшится утверждать, что положеніе, которое признается истиннымъ лишь въ качествѣ положенія, точно выражающаго фактически данную теперь дѣйствительность, несомнѣнно окажется вѣрнымъ и въ томъ случаѣ, если данный порядокъ вполне преобразится, будетъ ли то путемъ постепенныхъ вѣковыхъ измѣненій или путемъ какой нибудь внезапной катастрофы.

Конечно, не часто при неполной индукціи мы можемъ достигнуть того, чтобы случайности наблюденія были достаточно исключены, чтобы единственнымъ и очевиднымъ для насъ основаніемъ появленія въ нашемъ воспріятіи предметовъ лишь съ извѣстными свойствами служило значеніе этихъ свойствъ для самой группы. Однако это возможно особенно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ группа (напримѣръ тѣла, явленія) совпадаетъ со всѣми предметами нашего внѣшняго опыта, и наблюдаемое въ ней свойство (напримѣръ, тяжесть) стоитъ въ связи со всѣмъ нашимъ опытомъ, соприкасается едва не съ каждымъ фактомъ нашего знанія. Значить, съ этой стороны достовѣрность вывода, основаннаго на неполной индукціи, не имѣетъ такихъ ограниченій, которыя одинаково простирались бы на всѣ случаи этого вывода. Тѣмъ не менѣе ограниченіе существуетъ и близко примыкаетъ къ этой сторонѣ, хотя и не заключается въ ней непосредственно. При помощи исключенія случайности воспріятія мы ставимъ появленіе въ нашемъ воспріятіи предметовъ съ извѣстными свойствами въ очевидную для насъ зависимость отъ значенія этихъ свойствъ въ цѣлой группѣ. Но по строгой формулѣ вывода намъ нужна увѣренность, что логическія границы и очертаніе воспринятой нами части группы вполне совпадаютъ съ логическими границами и очертаніемъ цѣлой группы. Но получится ли указаннымъ путемъ это убѣжденіе? Предположимъ, что во всей группѣ въ дѣйствительности лишь незначительное количество членовъ имѣютъ свойство, не сходное съ свойствами остальныхъ членовъ, и это ничтожное количество исчезаетъ, такъ сказать, въ неисчислимой массѣ остальныхъ членовъ. Пусть въ такомъ случаѣ появленіе предметовъ съ извѣстными свойствами единственно опредѣляется значеніемъ этихъ свойствъ въ группѣ и все же такъ мы не можемъ требовать, чтобы ничтожное число предметовъ, составляющихъ исключеніе, нашло себѣ представителя въ воспринятой нами части группы. Представитель не можетъ не быть

полной единицей, особымъ членомъ группы, а между тѣмъ неисчислимое количество членовъ группы можетъ относиться къ ничтожному количеству тѣхъ изъ нихъ, которые составляютъ исключеніе, такъ, какъ всѣ извѣстные намъ члены группы къ какой нибудь ничтожной дроби. Такимъ образомъ мы можемъ поставить наше воспріятіе въ такія условія, которыя дадутъ намъ полную увѣренность въ томъ, что появленіе въ нашемъ сознаніи предметовъ съ опредѣленными свойствами исключительно зависитъ отъ значенія этихъ свойствъ въ группѣ и это поведетъ, конечно, къ убѣжденію, что воспріятая нами часть группы совпадаетъ, вообще говоря, по своимъ логическимъ границамъ и по своему очертанію съ цѣлой группой, но все же останется подъ сомнѣніемъ, будетъ ли это совпаденіе полнымъ совпаденіемъ или только приблизительнымъ. Средства вполне устранить это сомнѣніе мы не имѣемъ. Мы можемъ сказать только, что возможность исключенія изъ общаго положенія основывается въ этомъ случаѣ на простомъ предположеніи, которое не имѣетъ за себя никакихъ данныхъ, тѣмъ не менѣе она остается возможностью и ставитъ въ вопросъ полную адекватность приписаннаго группѣ опредѣленія. Если, поэтому, говорятъ, что неполная индукція можетъ давать только вѣроятныя положенія, то это вѣрно въ томъ смыслѣ, что возможность исключенія изъ ея выводнаго положенія никогда не можетъ быть устранена, такъ какъ требованія ея формулы при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ не могутъ быть совершенно точно выполнены. Но толковать это ограниченіе въ томъ смыслѣ, будто достовѣрность вывода простирается исключительно на число членовъ группы, соответствующее числу изслѣдованныхъ предметовъ, очевидная ошибка. Признать извѣстныя опредѣленія почти безусловно господствующими въ группѣ при вполне благопріятныхъ условіяхъ для вывода мы имѣемъ, очевидно, здѣсь такое же безспорное право, какъ и при всякомъ другомъ выводѣ. При менѣе благопріятныхъ условіяхъ возможность исключенія увеличивается на столько, на сколько появленіе въ воспріятіи предметовъ съ извѣстными только свойствами можетъ объясняться отчасти случайными условіями воспріятія. Но и при этомъ можетъ оставаться безспорнымъ широкое распространеніе этихъ свойствъ въ группѣ, такъ какъ исключеніе случайныхъ условій воспріятія, хотя сдѣланное и не въ надлежащей степени, все же должно убѣждать насъ, что значеніе извѣстныхъ свойствъ въ группѣ служитъ если не единственнымъ, то все же

однимъ изъ важнѣйшихъ условій появленія въ нашемъ сознаніи предметовъ только съ извѣстными свойствами.

Въ очерченныхъ границахъ неполная индукція представляетъ мощное и вполне законное орудіе вывода и совершенно напрасно хотятъ ограничить значеніе ея для точнаго знанія установленіемъ аксіомы причинности и другихъ аксіомъ. Вопросъ объ аксіомахъ какъ послѣднихъ посылакахъ вообще человѣческаго знанія не входитъ въ нашу задачу. Но неполная индукція важна вовсе не какъ доказательство ихъ. На ней основывается много очень важныхъ истинъ, постоянно употребляющихся въ качествѣ отдаленныхъ посылокъ для многихъ выводовъ. Равнѣ установившаяся истина о неуничтожимости вещества и болѣе поздняя мысль о неуничтожимости движенія, разсматриваемыя съ метафизической точки зрѣнія, могутъ имѣть другія основанія, но взятая просто въ качествѣ достовѣрныхъ положеній точнаго знанія представляютъ результатъ сознанія того факта, что всюду, гдѣ наука могла прослѣдить съ точностію измѣненія въ явленіяхъ, какихъ бы разнообразныхъ областей природы это ни касалось, какъ бы разнохарактерны ни были изучаемыя явленія, — всюду измѣненіе оказывалось простой метаморфозой вещества и движенія, а не прибылью и убылью ихъ, то-есть, эти положенія представляютъ выводъ на основаніи неполной индукціи. Напрасно думаютъ, что тѣ четыре метода индуктивнаго доказательства причинной связи явленій, которыя были перечислены сполна въ первый разъ Гершелемъ и развиты Миллемъ, исключительно предполагаютъ аксіому причинности. Методъ совпаденія, чтобы получить при его помощи даже только вѣроятныя истины, очевидно, предполагаетъ въ качествѣ одной изъ своихъ отдаленныхъ посылокъ положеніе, что при сколько нибудь значительномъ числѣ случаевъ наблюденія надъ извѣстнымъ явленіемъ никакое случайно совпадающее съ нимъ событіе не можетъ оказаться сосуществующимъ съ нимъ столь же часто, какъ вмѣстѣ взятыя его причины, если только случайно совпадающее событіе не относится къ числу событий, слишкомъ часто повторяющихся. Безъ этого положенія при всей вѣрѣ въ законъ причинности и при всемъ убѣжденіи, что причины событія Е мы должны искать одинъ разъ среди событий АВС, другой — ADG, третій — АНІ и т. д. мы не имѣли бы права заключить, что причина событія Е во всѣхъ случаяхъ та же, то-есть, А, а не различная для каждаго случая, напримѣръ для одного В, для другаго D и т. д. А между тѣмъ высказанное положеніе, необходимое для вывода, основано на неполной индукціи: оно

есть результатъ безчисленныхъ, обнимающихъ всю сферу опыта, слѣдственныхъ при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ, наблюденій надъ событиями случайно встрѣчающимися и такими, которыя связаны между собою причинною связью. Еслибы природа была устроена иначе, еслибы каждое дѣйствіе напримѣръ, могло происходить отъ очень многихъ и разнообразныхъ причинъ и часто встрѣчались бы случаи совпаденія двухъ явленій, не связанныхъ закономъ причинности, заключеніе по методу совпаденія было бы невозможно, хотя въ устроенной такъ природѣ каждая причина непременно сопровождалась бы своимъ результатомъ, то-есть, законъ причинности нарушенъ бы не былъ. Если методъ сопутствующихъ измѣненій толковать въ томъ смыслѣ, что соотвѣтствующія измѣненія въ событіяхъ А и В могутъ увѣрить насъ въ причинной связи между ними лишь въ томъ случаѣ, когда другія современныя имъ явленія остаются неизмѣнными, то для него кромѣ фактовъ, данныхъ въ наблюдениі, нужно будетъ имѣть только положеніе о причинной связи. Но едва ли точно соотвѣтствіе между измѣненіями двухъ явленій, еслибы даже состояніе нѣкоторыхъ другихъ явленій за то же время не было извѣстно, не повело изслѣдователя къ вѣроятному предположенію о причинной связи между ними. Изъ строгаго соотвѣтствія измѣненій въ двухъ явленіяхъ не слѣдуетъ еще, что одно изъ нихъ есть причина другаго, но едва ли былъ бы справедливъ тотъ, кто сталъ бы утверждать, что изъ него нельзя съ нѣкоторою вѣроятностію заключать вообще о причинной связи между явленіями, не опредѣляя, будетъ ли состоять эта связь въ зависимости одного изъ нихъ отъ другаго или въ ихъ общей зависимости отъ какого ни есть третьяго явленія. Какъ естественно и законно для мысли подобное заключеніе, это видно уже изъ того, что давая формулу методу сопутствующихъ измѣненій, обыкновенно въ ней вовсе не упоминаютъ о наблюдениі надъ другими явленіями, кромѣ испытывающихъ параллельныя измѣненія, и вспоминаютъ о нихъ только при развитіи подробностей. Но выводъ, который сдѣланъ бы былъ на основаніи наблюденія только соотвѣтствующихъ измѣненій двухъ явленій, конечно, опять не могъ бы опираться исключительно на законъ причинности. Природа могла быть устроена такъ, что каждое дѣйствіе въ ней имѣло бы свою причину и все же рядъ измѣненій въ одномъ явленіи могъ бы совпадать съ рядомъ измѣненій въ другомъ, хотя бы оба ряда не стояли одинъ съ другимъ ни въ какой непосредственной причинной связи, и подобныя

случайныя совпаденія измѣненій въ однихъ явленіяхъ съ измѣненіями въ другихъ могли бы повторяться очень часто. Если для насъ мало вѣроятно, чтобы точное совпаденіе измѣненій въ двухъ явленіяхъ не скрывало за собою нѣкоторой причинной связи между ними, то это исключительно зависитъ отъ того, что весь нашъ опытъ, который мы можемъ считать достаточно точно выражающимъ общій порядокъ природы съ этой стороны, обрисовываетъ намъ природу въ иныхъ чертахъ. Это опять заключеніе на основаніи неполной индукціи. И не при установленіи только истинъ, одинаково касающихся всѣхъ предметовъ природы, неполная индукція сохраняетъ свои права въ наукѣ; ею непосредственно пользуются и для установленія законовъ въ частныхъ областяхъ знанія. Если напримѣръ, для убѣжденія въ одинаковости всюду состава воздуха, кромѣ вывода этой истины изъ факта постояннаго движенія и перемѣщенія его, которое должно всюду сопровождаться уравненіемъ его состава, прибѣгали къ безчисленнымъ его анализамъ въ разнообразнѣйшихъ мѣстахъ и при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ, то здѣсь прекрасно примѣненный методъ неполной индукціи подкрѣплялъ положеніе, конечно, никакъ не менѣе, чѣмъ побочныя соображенія, приводимыя въ его пользу. Установленіе закона кратныхъ отношеній при опредѣленіяхъ химическихъ соединеній представляетъ примѣръ основаннаго на неполной индукціи заключенія (не отъ экземпляровъ уже, а) отъ видовъ къ роду какъ большей логической группѣ. Каждая наука знаетъ такого рода выводы и сомнѣніе, которое соединяется съ ними, всегда простирается не на широкое господство закона, установленнаго при ихъ помощи, а на полное отсутствіе исключеній изъ него.

Отмѣтимъ еще случай заключеній на основаніи неполной индукціи, которому даютъ обыкновенно несоотвѣтствующее мѣсто. Предположимъ, что мы имѣемъ дѣло съ группой, члены которой строго ограничены однимъ опредѣленнымъ райономъ. Этимъ заравѣе исключено одно изъ возможныхъ условій случайности въ нашемъ наблюденіи экземпляровъ, принадлежащихъ къ группѣ. Намъ остается только разнообразить условія наблюденія и имѣть въ наблюденіи достаточное число экземпляровъ. Это именно случается при заключеніяхъ обратныхъ обыкновеннымъ заключеніямъ такъ называемой математической вѣроятности. Если въ извѣстномъ ящикѣ помѣщены шары разнообразныхъ цвѣтовъ, то вынувъ изъ нихъ болѣе или менѣе значительное количество, мы можемъ съ извѣстною степенью точности опредѣлить,

какого цвѣта шары преобладаютъ въ ящикѣ, или даже въ какомъ численномъ отношеніи находятся тамъ шары одного цвѣта къ шарамъ другихъ. Здѣсь дана группа, характеризованная понятіемъ о шарахъ, заключенныхъ въ ящикѣ, значить группа, члены которой строго ограничены по своему мѣсту опредѣленнымъ райономъ; цвѣта шаровъ представляютъ изслѣдуемые предикаты группы, внимаемые шары суть изслѣдуемые экземпляры; при процессѣ вынутія мы, конечно, будемъ брать шары изъ различныхъ мѣстъ ящика, то-есть разнообразить условія встрѣчи съ экземплярами. Наконецъ послѣ достаточнаго числа опытовъ, мы придемъ къ заключенію, что случайныя условія воспріятія достаточно исключены и на вынутые уже шары будемъ смотрѣть какъ на представителей группы, появленіе которыхъ съ опредѣленными свойствами въ нашемъ воспріятіи зависѣло отъ значенія этихъ свойствъ въ группѣ, а потому и перенесемъ эти свойства и степень ихъ значенія для шаровъ, вынутыхъ нами изъ ящика, на цѣлую группу. Если процессъ не доведенъ до того момента, въ который предполагаются случайности воспріятія достаточно исключеными, вѣроятность заключенія окажется слабѣе и тѣмъ ранѣе опъ будетъ прерванъ, тѣмъ болѣе заключеніе будетъ приближаться къ заключенію по третьей фигурѣ силлогизма, хотя полное отсутствіе самаго важнаго условія случайности воспріятія и полная свобода выбора шаровъ при вынутіи ихъ изъ ящика все же будетъ заставлять насъ думать, что сравнительное значеніе свойствъ въ группѣ составляетъ одно изъ самыхъ существенныхъ условій появленія въ воспріятіи экземпляровъ съ тѣми, а не другими свойствами, слѣдовательно будетъ побуждать насъ смотрѣть на воспринятую часть группы не просто какъ на часть группы, но какъ на такую часть, которой появленіе въ воспріятіи опредѣлялось характеромъ цѣлой группы. По своему логическому характеру этотъ случай совершенно тождественъ съ процессомъ вывода натуралиста, изучающаго, на примѣръ, бабочекъ известнаго острова. И здѣсь группа ограничена опредѣленнымъ мѣстомъ. Путешествія натуралиста по различнымъ мѣстамъ острова будутъ выражать то же стремленіе разнообразить условія, какое заставляеть человека, внимающаго шары изъ ящика, разнообразить при этомъ движенія своей руки. Остальные моменты процесса такъ ясно совпадаютъ въ обоихъ случаяхъ, что нѣтъ никакой нужды развивать сравненіе подробнѣе.

VII.

Логическія группы предметовъ могутъ быть субъектами, не категорическихъ только, но и гипотетическихъ сужденій. На сколько несправедливо основные элементы категорического сужденія ограничивать предикатомъ и тѣмъ опредѣленнымъ представленіемъ, которое непосредственно соединяется съ терминомъ подлежащаго, на столько же несправедливо и основные элементы гипотетического сужденія ограничивать представленіями о двухъ фактахъ или отношеніяхъ, которые носятъ названіе предыдущаго и послѣдующаго, условія и условнаго, основанія и слѣдствія. Въ категорическомъ сужденіи мы опредѣленіе относимъ не къ представленію, непосредственно соединяющемуся съ терминомъ подлежащаго, а къ предмету, только характеризованному этимъ представленіемъ. Совершенно подобно этому фактъ или отношеніе, относящееся къ той половинѣ сужденія, которая носитъ названіе послѣдующаго, мы относимъ не къ другому факту или отношенію, а къ опредѣленному порядку во времени, который для насъ только указывается, только характеризуется тѣмъ фактомъ или отношеніемъ, о которомъ говоритъ предыдущее. Соединяя два факта въ условномъ сужденіи, мы выражаемъ ту мысль, что одинъ изъ нихъ составляетъ неизбѣжный членъ того порядка фактовъ во времени, который характеризуется другимъ. Два факта, соединяемые въ гипотетическомъ сужденіи такъ же вышши другъ другу, какъ только могутъ быть вышши другъ другу два понятія, соединяемые въ сужденіи категорическомъ. И какъ соединить послѣднія не можетъ значить ничего другаго, какъ поставить ихъ въ одномъ и томъ же предметѣ въ качествѣ опредѣленій, его составляющихъ, такъ соединить два событія или отношенія не можетъ означать ничего инаго, какъ отнести ихъ къ одному и тому же порядку во времени въ качествѣ членовъ, его наполняющихъ. При этомъ, конечно, все равно съ логической точки зрѣнія, говоримъ ли мы просто, что одинъ фактъ относится къ тому же порядку во времени, къ какому и другой, или говоримъ, что онъ долженъ относиться на основаніи извѣстныхъ намъ законовъ бытія или наконецъ, что онъ долженъ бы относиться, если предполагать осуществленіе нормативныхъ законовъ нравственности, мысли и пр. Какъ предметъ, составляющій истинный субъектъ категорического сужденія, представляетъ для насъ неопре-

дѣленную полноту содержанія, которая указывается только опредѣленною его частію, но иногда можетъ быть указана и другою и которая только частію выражается въ данномъ опредѣленіи и допускаетъ неопредѣленное количество другихъ опредѣленій: такъ мыслимый нами порядокъ фактовъ или отношеній во времени, составляющій истинный субъектъ гипотетическаго сужденія, можетъ представлять полноту фактовъ или отношеній, которая указывается однимъ изъ нихъ, но иногда могла бы быть указана и другимъ и которая въ такомъ случаѣ только частію будетъ исчерпываться въ послѣдующемъ членѣ, но можетъ быть вполне развита лишь въ цѣломъ рядѣ подобныхъ членовъ. Напрасно стали бы возражать намъ, что вводи представленіе о порядкѣ во времени, мы вводимъ фикцію, нѣчто безусловно невоспріимимое, а слѣдовательно и не дѣйствительное для міра опыта. Это возраженіе совершенно съ тою же силою можно бы было примѣнить и въ тому, что мы называли предметомъ категорическаго сужденія: въ мірѣ воспріятіемъ, мы также не найдемъ чувственно даннаго матеріала, на который мы могли бы указать, какъ на точное выраженіе предмета того или другаго категорическаго сужденія; весь этотъ матеріалъ разрѣшится на опредѣленія и нельзя будетъ указать ничего кромѣ этихъ опредѣленій; а между тѣмъ безъ представленія о предметѣ мы не обойдемся. Не вступая въ споры относительно метафизическаго значенія этого предмета, мы вполне можемъ удовлетвориться сознаніемъ того, что этотъ предметъ въ нашей мысли представляетъ ту своеобразную форму синтеза, въ которой даны въ воспріятіи свойства, относимыя нами къ одному предмету въ качествѣ его опредѣленій. Точно также не задаваясь никакими философскими теоріями, мы вполне можемъ удовольствоваться и въ отношеніи къ представленію о порядкѣ во времени увѣренностію, что и въ немъ мы представляемъ особыя своеобразныя формы синтеза, въ которыхъ дѣйствительно даны въ воспріятіи явленія и въ нашемъ сознаніи—мысли. Послѣ этихъ замѣчаній ясно, что разнообразныя виды заключеній отъ членовъ группы къ группѣ также приложимы къ гипотетическимъ сужденіямъ какъ приложимы они къ сужденіямъ категорическимъ. Мы можемъ отнести къ опредѣленнымъ порядкамъ фактовъ или отношеній во времени факты одного и того же рода или различающіеся по роду и затѣмъ увѣрившись, что частныя характеризованные нами порядки фактовъ или отношеній составляютъ извѣстную группу или часть ея, вслѣдствіе того перенести на группу факты, отнесенные

нами къ частнымъ порядкамъ, слѣдуй тѣмъ самымъ правиламъ, которыя прилагаются къ сужденіямъ категорическимъ. Математикъ доказываетъ, напримѣръ, что какъ въ тому порядку отношеній, который характеризуется тѣмъ, что прямая, поставленная на другую прямую, дѣлаетъ смежные углы равными другъ другу, такъ и въ тому, когда она дѣлаетъ ихъ неравными, необходимо принадлежитъ отношеніе равенства обоихъ смежныхъ угловъ, вмѣстѣ взятыхъ, двумъ прямымъ и затѣмъ переноситъ послѣднее отношеніе на какой бы то ни было порядокъ отношеній, характеризующійся вообще паденіемъ одной прямой на другую, потому что послѣдняя группа возможныхъ порядковъ отношеній вполнѣ совпадаетъ съ частными порядками, имъ изслѣдованными. Нѣтъ никакой нужды на другихъ примѣрахъ разъяснять совершенный параллелизмъ выводовъ, состоящихъ изъ условныхъ сужденій, выводамъ изъ сужденій категорическихъ тѣмъ болѣе, что сознаніе тождества логической операціи вывода въ обоихъ случаяхъ давно уже проникло въ логику. Но можетъ быть здѣсь излишне сдѣлать одно замѣчаніе. Еслибы о фактахъ въ ихъ отношеніи другъ къ другу мы не имѣли возможности составлять общихъ положеній, каковы напримѣръ законъ причинности, невѣроятность слишкомъ частаго совершенно случайнаго совпаденія фактовъ, то методъ совпаденія оказался бы простымъ примѣненіемъ того, что называютъ неполной индукціей, въ сферѣ сужденій гипотетическихъ. Если мы имѣемъ частные порядки фактовъ, характеризуемые то событіями $A B C$, то $A D F$, то $A G H$ и такъ далѣе и такъ далѣе и къ каждому изъ нихъ можемъ отнести событіе E ; если далѣе мы видимъ, что группа, характеризуемая просто существованіемъ событія A , совмѣщаетъ въ себѣ всѣ эти порядки, то наше право перенести на эту группу событіе E , очевидно вполнѣ зависѣло бы отъ того, имѣемъ ли мы основаніе смотрѣть на частные изслѣдованные нами случаи, какъ на такіе, которыми достаточно исключаются случайности наблюденія, благоприятствующія появленію въ воспріятіи членовъ группы A въ сопровожденіи именно E , то-есть, нашъ выводъ зависѣлъ бы отъ удовлетворенія требованій индукціи. Но какъ скоро въ процессъ вывода можно ввести общее положеніе вообще о фактахъ, получается возможность не прибѣгать къ изслѣдованію огромной массы случаевъ $A B C$, $A D E$ и такъ далѣе и превратить индуктивную форму вывода въ другую, о которой рѣчь впереди. Однако для того, чтобы воспользоваться важнѣйшимъ въ данномъ случаѣ общимъ положеніемъ о случайныхъ совпаденіяхъ между

фактами, нужно, чтобы были достаточно известны въ каждомъ частномъ случаѣ наступленія Е всѣ его предшествующія, чтобы они разнились другъ отъ друга и т. и., но это бываетъ не всегда; впрочемъ и при самыхъ благоприятныхъ условіяхъ выводъ по методу совпаденія получается лишь вѣроятный. Такимъ образомъ все же приходится въ количествѣ изучаемыхъ случаевъ, въ разнообразіи условій наблюденія, то-есть въ возможномъ удовлетвореніи требованіямъ неполной индукціи искать подкрѣпленія вывода и при методѣ совпаденія.

М. Карпневій.

НОВѢЙШЕ ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕ-ЧЕШСКАГО ЯЗЫКА ¹⁾).

Критическія замѣтки о древнемъ и новомъ по исторіи славистики.

(ПАМЯТИ АББАТА ІОСИФА ДОБРОВСКАГО.)

VIII.

Приступаемъ теперь къ обзору подложныхъ чешскихъ глоссъ. Числомъ ихъ всего 848. Ужь одно это обстоятельство доказываетъ, что обманщикъ-палеографъ работалъ долго надъ своими подлогами. Ежели прибавить къ этому разнообразныя подлоги и поддѣлки, указанныя гг. Баумомъ и Вольтманомъ въ другихъ рукописяхъ, то мы будемъ принуждены положить на эту работу не годъ и не два, а нѣсколько, и довольно много лѣтъ. Изъ того, что *Mater Verborum*, Яромирская Библия, *Concordantia discordantium salonum*, *Mariale Arnesti* и *Liber viaticus*, всѣ эти пять рукописей поступили одновременно въ 1818 г. въ бібліотеку Чешскаго народнаго музея изъ Брезницкой бібліотеки графа Коловрата, изъ этого обстоятельства можно, по видимому, предполагать, что подлоги были совершены не въ Прагѣ, не въ музеѣ, не послѣ, а задолго до 1818 г., во время нахождения этихъ рукописей въ замкѣ графа Коловрата.

Такое предположеніе имѣетъ только видимую, наружную и чисто внѣшнюю вѣроятность. Это предположеніе можетъ быть принято

¹⁾ *Продолженіе*. См. февральскую книжку *Ж. М. Н. Пр.* за текущій годъ.

только съ допущеніемъ разныхъ другихъ предположеній, одно невѣроятнѣе другаго. По множеству подчистокъ, поддѣлокъ и разныхъ новыхъ приписокъ древнимъ почеркомъ и подъ древнія чернила эти палеографическіе подвиги требовали многихъ лѣтъ продолжительныхъ и постоянныхъ занятій фальсификатора въ Брезницкой библіотекѣ. Слѣдовательно, если подлоги кончились въ 1817 г., то они должны были начаться по крайней мѣрѣ въ 1813—1814, а можетъ быть, и въ 1812 г. и даже гораздо раньше. Допустимъ, что мысль о подлогахъ зародилась у фальсификатора не раньше 1811—1812 гг. Тогда надо признать, что въ этому времени онъ уже приобрѣлъ извѣстныя палеографическія свѣдѣнія, опытность въ опредѣленіи вѣка рукописей, навыкъ писать древнимъ почеркомъ, разныя свѣдѣнія филологическія въ чешскомъ и другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ. Въ то время Чехамъ такихъ свѣдѣній нельзя было приобрѣтать въ высшемъ заведеніи, а только послѣ, по выходѣ изъ него, самостоятельнымъ чтеніемъ и собственными занятіями, и все же не безъ наставленій, если не руководства того или другаго ученаго. Такимъ образомъ надо допустить, что какъ бы фальсификаторъ молодъ ни былъ, а онъ не могъ окончить школьнаго образованія раньше 1807—1808 гг., а можетъ быть, и 1806 г., слѣдовательно, долженъ былъ родиться въ 1780-хъ и чуть ли даже не въ 1770-хъ годахъ. Но каждое поколѣніе имѣетъ, такъ сказать, свои любимыя мечты, свои идеалы, свои стремленія и увлеченія. Эти поддѣлки и подлоги были плодомъ національныхъ, даже можно сказать революціонныхъ мечтаній ускорить во что бы ни стало подъемъ народности, плодомъ дилетантскихъ воззрѣній на палеографію, археологію и филологію чешскую и даже славянскую, плодомъ усвоенія нѣкоторыхъ научныхъ приемовъ для цѣлей ненаучныхъ, и даже анти-научныхъ. У молодыхъ слишкомъ 20-ти или 30-ти лѣтнихъ Чеховъ 1806—1812 гг. вмѣстѣ съ любовью къ родинѣ являлась и любовь къ старинѣ. Въ трудахъ Добнера, Пельцеля, Ф. Проказки, Ад. Фойгта, Дуриха и особенно гениальнаго аббата І. Добровскаго (до 1806—1812 гг.) зарождалась истинная наука въ Чехіи, но ея приемы и выводы еще не успѣли на столько распространиться въ общество и такъ сказать опомлеться, чтобы дилетантизмъ и даже шарлатанство могли успѣть овладѣть ими и пользоваться для своихъ цѣлей. Да и въ то время великихъ міровыхъ событий и политическихъ переворотовъ, когда летѣли въ дребезги старыя троны, разрушались старыя государства, устроились новыя рес-

публики и королевства, Австрія и Пруссія въ нѣсколько битвъ сокращались до скромныхъ размѣровъ и переходили въ полное распоряженіе Наполеона, когда наконецъ съ полумилліонною арміею онъ вторгся въ Россію и дошелъ до Москвы, въ это время быстро смѣнявшихся событій никакая молодежь въ Европѣ не могла беззавѣтно отдаваться вѣрованіямъ въ великую политическую силу археологій и всеоживляющую и возрождающую мощь палеографіи. Эта вѣра могла зародиться нѣсколько позже, въ 1813 — 1815 гг., въ эпоху реставраціи и Вѣнскаго конгресса, Вартбургскаго празднества, карбонаровъ и Тугендбунда, въ эпоху стремленій къ возстановленію всякаго рода поправныхъ правъ, часто совершенно иначе понимаемыхъ правительствами и обществами. И такъ, невѣроятно, чтобъ указанные подлоги въ рукописяхъ графа Коловрата могли быть совершены въ теченіе 1812 — 1817 гг. Послѣднихъ двухъ лѣтъ было слишкомъ мало для совершенія этихъ подлоговъ. Да и кто могъ быть этотъ фальсификаторъ? Былъ ли онъ совершенно независимый чловѣкъ, простой пріятель и знакомый графа Коловрата, получившій по знакомству доступъ къ его рукописямъ? Или же это былъ кто-нибудь изъ служащихъ графа, его домашній секретарь, учитель его сыновей или племянниковъ, или просто библіотекарь? Послѣднее все же вѣроятнѣе перваго. Пріятелями и знакомыми графовъ и вообще магнатовъ чешскихъ и теперь бываютъ и могутъ быть только своя же братья аристократы. Но такъ называемые народовцы и властенцы, или тогдашніе славомилы и властимилы, къ которымъ безъ сомнѣнія принадлежалъ фальсификаторъ, и теперь не являются, а тѣмъ болѣе не появлялись тогда, между надмѣнными, гордыми, спѣсивыми чешскими аристократами, преданными по большей части палѣ и Габсбургамъ и съ великимъ презрѣніемъ относившимися къ чешской народности, къ чешскому языку, какъ достойнiю черни, не любившими и старой чешской исторіи, когда въ Чехіи было столько ересей... Если графъ Коловратъ, тогдашній владѣлецъ Брезницкихъ рукописей, любилъ древнее искусство и вообще древность, то онъ могъ имѣть и особаго библіотекаря, даже могъ пріискать себѣ чловѣка болѣе или менѣе знающаго. Но тогда онъ, значитъ, интересовался своими рукописями, любилъ смотрѣть и зналъ прекрасныя миниатюры *Liberviatiscus* и прочее. Такіе любители, особенно съ конца XVIII вѣка, бывали между австрійскими, а слѣдовательно, и чешскими, аристократами. Такіе любители-аристократы любятъ показывать друзьямъ и

пріятелямъ свои рѣдкости и сокровища. Еслибы такимъ былъ графъ Коловратъ, то какой бібліотекаръ дерзнулъ бы подчищать, скоблить его рукописи и дѣлать въ нихъ новыя приписки? Если же графъ Коловратъ былъ совершенно равнодушенъ къ своимъ рукописямъ и миниатюрамъ, никогда ими не занимался и въ нихъ не заглядывалъ, то по видимому, были тогда поддѣлки и подлоги удобнѣе и легче. Но въ такомъ случаѣ скупой и экономный, какъ всѣ почти чешскіе аристократы, графъ Коловратъ не тратился бы на особаго бібліотекаря, какъ не тратятся на нихъ и теперь чешскіе аристократы, имѣющіе сотни тысячъ дохода и богатые дѣдовскіе и прадѣдовскіе архивы. Управляющіе имѣніями и служащіе по экономіи завѣдуютъ этими архивами. На нихъ не тратятся обыкновенно и самыя расточительныя магнаты. Тѣмъ не менѣе о чешскихъ аристократахъ и ихъ отношеніяхъ къ бумагамъ и рукописямъ, завѣщаннымъ отъ предковъ, не надо судить по русскому дворянству, у котораго нѣтъ что называется ни *esprit de corps*, ни старыхъ традицій. У насъ въ рѣдкость не беззаботное и часто совершенно невѣжественное обращеніе дѣтей и внуковъ съ отцовскими и дѣдовскими рукописями и коллекціями. Совсѣмъ иное дѣло въ странахъ болѣе или менѣе старой культуры и съ старою, даже древнею аристократіей. Въ Чехіи же старая аристократія обладаетъ громадными богатствами и по своему своеобразному, уединенному положенію въ странѣ представляетъ одно изъ замѣчательнѣйшихъ социальныхъ явленій въ цѣлой Европѣ.—Мнѣ приходилось лично наблюдать въ Венеціи и Фріулѣ представителей двухъ древнихъ графскихъ родовъ, которые доставили мнѣ возможность работать въ ихъ домашнихъ архивахъ. Оба они были люди совершенно беззаботные на счетъ литературы и науки. Одинъ занимался сельскимъ хозяйствомъ, охотой, а въ свободное время бранью и руганью новой Италіи Кавура и Виктора-Эмануила. Другой былъ весь отданъ разнымъ экономическимъ спекуляціямъ. Ихъ архивы, ихъ коллекціи рукописей въ сущности ни мало ихъ не занимали. Но они любили при случаѣ поговорить о нихъ, похвастаться ими; не зная ихъ настоящаго достоинства и значенія, они страшно преувеличивали ихъ внутреннюю и внѣшнюю цѣнность, хотя они никогда не думали объ ихъ продажѣ общественнымъ или правительственнымъ учрежденіямъ. Для этихъ коллекцій были отведены еще дѣдами хорошія помѣщенія въ палацкахъ. Рукописи содержались въ чистотѣ и порядкѣ, по издавнo заведенному обычаю. Владѣльцы никогда ихъ

не читали, толку въ нихъ рѣшительно не понимали, но гордились ими, величались и тщеславились, какъ своими гербами, генеалогическимъ деревомъ, старыми дипломами и привилегіями своихъ предковъ, портретами своихъ дѣдушекъ и прабабушекъ. Коллекція древнихъ рукописей и всякаго рода старинныхъ бумагъ вообще составляютъ у старыхъ аристократическихъ родовъ такую же принадлежность и необходимость ихъ старыхъ дворцовъ и замковъ, какъ старое серебро, старая мебель и старые парки. Онѣ составляютъ въ понятіяхъ аристократовъ одно изъ важныхъ и многихъ отличій, которыми высокой породы люди отдѣляются отъ остальныхъ смертныхъ не бѣлой кости. Такіе аристократы научно неразвитые и мало просвѣщенные вообще неохотно и не безъ безгнѣвности припускаютъ постороннихъ, особенно мѣстныхъ уроженцевъ, не изъ ихъ среды, къ своимъ фамильнымъ бумагамъ. Если графъ Коловратъ принадлежалъ къ этому рода аристократамъ, то въ занятіяхъ своими рукописями онъ никогда не далъ бы полной свободы и простора какому-нибудь своему секретарю или служащему. Ему казались бы подозрительными, ему были бы просто неприятны всѣ эти заботы надъ рукописями, его фамильнымъ добромъ, какого-нибудь литерата изъ мѣщанъ или мужиковъ. „Я плачу ему и содержу его для того, чтобы онъ у меня работалъ и дѣлалъ чтò мнѣ нужно, а не чтò ему хочется“. Затѣмъ, можно быть увѣрену, надъ всякимъ подобнымъ лицомъ, занимавшимся этими фамильными пергаменами и бумагами, всегда устривался строгій надзоръ. Чѣмъ непросвѣщеннѣе владѣлецъ коллекцій, тѣмъ онъ болѣе готовъ предполагать въ интересующихся ими людяхъ, какія-нибудь практическія, заднія и не всегда чистыя цѣли. Да и число людей, занимавшихся въ то время въ Чехіи древними чешскими рукописями, было такъ малочисленно, что они всѣ были извѣстны наперечетъ. Никто изъ нихъ, какъ извѣстно, не работалъ въ Брезницѣ. Такимъ образомъ подлоги и поддѣлки въ этихъ пяти Брезницкихъ рукописяхъ, а въ томъ числѣ и въ *Mater Verborum*, должны были быть сдѣланы послѣ поступленія ихъ въ бібліотеку Чешскаго музея. Слѣдовательно, начало ихъ восходить не равнѣ, какъ жь 1818 г., чтò видно впрочемъ и изъ того, что нѣкоторыя особенныя слова такъ называемыхъ Зеленогорской и Краледворской рукописи уже вошли въ число новѣйшихъ чешскихъ глоссъ *Mater Verborum*.

Прежде чѣмъ перейти къ опредѣленію личности поддѣльщика остановимся еще на подложныхъ глоссахъ. Ихъ всего 848, а подлин-

ныхъ и древнихъ 339. Впрочемъ изъ этихъ 848 болѣе 700 глоссы не представляютъ никакого особеннаго интереса, такъ какъ значительнѣйшая часть этихъ словъ вошла, напримѣръ, въ извѣстный словарь Палковича: „Böhmisch-deutsch-lateinisches Wörterbuch mit Beyfügung der den Slowaken u. Mähren eigenen Ausdrücke. В. (A—N) I-r Prag. 1820. II-r В. (O—Z). Pressburg. 1821; затѣмъ прочія находятся въ нѣкоторыхъ современныхъ изданіяхъ древнихъ памятниковъ чешской словесности, напримѣръ, изданіи Ганки Starobyla skladanie., Zbjrka najd. slov., а также въ открытыхъ въ 1817—1818 годахъ Краледворской и Зеленогорской рукописяхъ. Собственно говоря, изъ этихъ 848 словъ, можно выдѣлить, какъ особенно заслуживающія вниманія, въ древнихъ памятникахъ не встрѣчающіяся и не имѣющіяся въ современномъ чешскомъ языкѣ, только около сотни съ небольшимъ словъ, и даже меньше. Такъ, изъ нихъ надо исключить 10 словъ, о которыхъ мы выше ничего не сказали, приводя при случаѣ глоссы поддѣланныя. Къ нимъ слѣдуетъ прибавить еще 10 глоссъ. Вотъ онѣ:

1) *cebole (cebolle) cere*. Въ печатномъ экземплярѣ *cere louh vocata*. Простому глазу видно, что здѣсь что-то выскоблено и вмѣсто подлиннаго неловко вписано *ceb*, какъ это доказываетъ и цвѣтъ чернилъ.

2) *dennice (denice) aurora est clarescentis diei initium et primus splendor denice qui grece dicitur ethos*. Въ печатномъ экземплярѣ... (*splendor aeris qui*). Изъ *aeris* поддѣлано *denice* такъ: изъ *a* сдѣлано *d*, изъ *r—n*, а изъ *s—ce*; *s* было прежде выскоблено, чему остаются еще слѣды.

3) *iun (iun) ruber*. Въ печатномъ экземплярѣ *ruber iunger*. *G* и сокращеніе *er* надъ *g* выскоблены, какъ видны еще слѣды.

4) *nemes (nemes) barbarus, tardus, truculentus... immitis*. Въ печатномъ экземплярѣ: *barbarus... truculentus, atrox, immitis*. Глосса *nemes* поддѣлана изъ *atrox*: изъ *at* сдѣлано *n*, изъ *r—e*, изъ *ox—me*, а *e* вновь приписано, и все остальное, что мѣшало, выскоблено. Патера замѣчаетъ, что это самая неудачная поддѣлка.

5) *okurka (ocurka) cucumer... cucumeris*. Въ печатномъ экземплярѣ: *cucumis et cucumer dicitur huius cucumeris ut vomis et vomer*. Поддѣльная глосса изъ *cucumis* (?) *dicitur d* отчасти и *tur* выскоблено.

6) *plzt (pilzt) centon...* Въ печатномъ экземплярѣ *ñlz*. Поддѣльная глосса изъ *vilz*: изъ *v* сдѣлано *p* и приписано *t* надъ *z*.

7) *gak* (*gac*) *cancer... forcers*. Въ печатномъ экземплярѣ: *cancer, nasa forcers...* Поддѣльная глосса изъ *nasa*: изъ *n* сдѣлано *g*, второе *a* выскоблено.

8) *Srbi* (*zirbi*) *Sarabaite, proprie currentes vel sibi viventes*.—Въ другомъ мѣстѣ *Sirbi*. Въ печатномъ экземплярѣ: *Sarmentum a serendo dictum id est quasi sirimentum*. Глосса *Sirbi* сдѣлано изъ *sarmentum*: *a* отчасти выскоблено; дабы между *S* и *a* не оставалось пробѣла. нижняя часть *S* утолщена, изъ *n* сдѣлано *bi*, при этомъ *en* выскоблено, *a tu* оставлено, такъ какъ фальсификаторъ избѣгалъ пробѣловъ, которые могли бы возбудить подозрѣніе. Изъ *dictum* сдѣлано *dicti*, изъ *sirimentum* *sirbntm*. Въ третьемъ мѣстѣ — *zirbi Sarmathe populi*.

9) *svět* (*suet*) *consilium... t consilit*. Въ печатномъ экземплярѣ: *consilium querit consulit*. Поддѣльная глосса изъ *querit*: *q* частью выскоблено и изъ него сдѣлано *s*, изъ *v—t*, *i* выскоблено и *t* оставлено. Въ другомъ мѣстѣ приписано *swet consilium*. Слово *svět* извѣстно Чехамъ только въ смыслѣ *lux* и *mundus*. Въ смыслѣ же нашего совѣта (свѣтъ) встрѣчается у одного Далимила *svet', i* (женск. р.) и затѣмъ еще въ Краледворской рукописи. Фальсификаторъ нашъ, вписывая и поддѣливая эту глоссу, надѣялся, конечно, услужить комментаторамъ Краледворской рукописи, въ чемъ и не обманулся.

10) *varle* (*varlle*) *ventriculus*. Въ подлинномъ было *varbe*, изъ *b* сдѣланы два *ll*.

Итакъ, собственно говоря, число неизвѣстныхъ или замѣчательныхъ словъ должно еще уменьшиться. Изъ нихъ надо выключить десять словъ, хотя и замѣчательныхъ, но не неизвѣстныхъ. Это именно *bělboh*, *bodr*, *hrabiwy*, *chrabrost*, *něha*, *něhovati*, *plznu*, *rodny*, *godna*, *vojevoda*. О нихъ мы будемъ говорить особо. Такимъ образомъ остается всего 92 слова. Приведемъ ихъ сначала въ алфавитномъ порядкѣ: 1) *bezeslavie*, 2) *bezsvětny*, 3) *blahodobie*, 4) *blahorodie*, 5) *blahoslovie*, 6) *blahovolie*, 7) *blahozvučie*, 8) *blenie*, 9) *borac*, 10) *bracka*, 11) *cedu*, 12) *dětel*, 13) *děvana*, 14) *děvosnub*, 15) *drebne*, 16) *hrez*, 17) *chlasi*, 18) *chlipa salacia dea paganorum*, 19) *izok*, 20) *jarobud-demetrius*, 21) *ječmy*, 22) *jezen*, *jasni*, 23) *kamy*, 24) *knižny*, 25) *komonniči* (*starosta*), 26) *kony*, 27) *kory*, 28) *koty*, 29) *kroky*, 30) *kuzni*, 31) *kywač*, 32) *letnice*, 33) *lichoplesy*, 34) *luby*, 35) *ložesny*, 36) *lukava*, 37) *majčenie*, 38) *matěra*, 39) *matureju*, 40) *mlh*, 41) *mračice*, 42) *mrština*, 43) *nečestie*, 44) *nejesyt*, 45) *neti*, 46)

obuz, 47) ohništěnin, 48) opes, 49) oslopy, 50) ostrožny hrad, 51) paz, 52) pečera, 53) pelesty, 54) plamennik, 55) plasy, 56) plecnicí, 57) plěnik, 58) poluču, 59) porvata, 60) poskoěnici, 61) pravoslavny, 62) prijē, 63) prok, 64) raky, 65) ryd, 66) sestí, 67) skora, 68) skranec, 69) skravad', 70) snaha, 71) srače, 72) sram, 73, srocenie, 74) stvor, skvor, 75) svekry, 76) svoba, 77) svor, 78) sytivrat, 79) ščednie, 80) tcšt', 81) topčš, 82) trenovci, 83) trepice, 84) tvrd', 85) vded, 86) včty, 87) vršiti, 88) vtv, 89) vzpěsi, 90) zeř, 91) žarovište, 92) žestoky.

Изъ этихъ 92 словъ—одиннадцать (№№ 20, 22, 25, 26, 27, 28, 33, 45, 66, 75, 86) любопытны не въ словарномъ, а въ грамматическомъ отношеніи. Онѣ должны были представить древнія утраченныя формы. Мы видѣли, что знакомому съ Institutiones Добровскаго составить ихъ было немудрено.

Итакъ, собственно неизвѣстныхъ и замѣчательныхъ словъ останется 81 слово. Но надо принять въ соображеніе, что изъ нихъ по крайней мѣрѣ 27 словъ принадлежатъ къ самымъ немудренымъ и общеизвѣстнымъ словамъ ц.-славянскимъ и русскимъ. Сюда мы причисляемъ №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 16, 17, 24, 36, 39, 42, 43, 44, 47, 51, 52, 57, 58, 61, 67, 69, 72, 84, 88, 92¹⁾. На вѣкоторую еще ученость намекають развѣ 2 слова (44, 47) неясуть nejesyt, и огнищанинъ (ohništěnin). Но оба эти слова фальсификаторъ могъ узнать изъ Добровскаго Institutiones и Дуриха (Bibl. Slav. или другихъ). Для прочихъ же понятій, выражаемыхъ этими ц.-слав. и русскими словами древній чешскій языкъ имѣлъ свои реченія, нисколько не хуже этихъ заимствованныхъ, не чешскихъ. Такъ orthodoxus—pravoslavny а въ древнемъ чешскомъ это понятіе всегда выражалось словомъ pravovčrpný и т. д.

Любопытна глосса mracise. Видно, что слово морошка въ той книгѣ, изъ которой фальсификаторъ заимствовалъ это слово, было напечатано моротка то-есть т вмѣсто ш, и вотъ у фальсификатора явилось чешское mracise. Ганка въ своемъ изданіи (Sbjrka) замѣчаетъ (с. 390) mracise (ros. morotka) snad mracise rubus. По странной случайности и передъ Ганкою русское слово морошка было съ тою же опечаткою: моротка.

Tvrd' firmamentum передано не совсѣмъ по чешски, ибо въ чеш-

¹⁾ Нѣкоторые изъ этихъ словъ понятны каждому Чеху и легко могли быть или вновь стать чешскими.

скомъ было и есть *tviz* (съ другимъ значеніемъ). Впрочемъ въ словарѣ Гапка *tvrd'* означаетъ материкъ и сводъ небесный. Но это еще ничего не говоритъ въ пользу народности или древности слова.

Слово *izok*, которымъ обозначенъ май, а не июнь, фальсификаторъ могъ узнать изъ Добровскаго *Slovanca*. Prag. 1814, стр. 70. *Die ältesten slav. Benennungen d. zwölf Monaten* или изъ изданія Ганке-фонъ-Ганкевштейна (1804, см. тамже стр. 70).

Къ такимъ же заимствованнымъ словамъ, безъ сомнѣнія, принадлежатъ: 1) *détel* *pragmа causa*. Въ трехъязычномъ лексиконѣ Поликарпова 1704 г. — дѣтель зри дѣло (*ἔργον*, *factum*), 2) *dévosnub* *procah*. Г. Патера приводитъ тутъ польское сл. *dziewostąb*. 3) *kuzni* *machinas*, *cogitationes malas*. Гапка объясняетъ въ своемъ указателѣ *kuzen* *machinatio*. Суффиксъ здѣсь знь—къзнь. 4) *oslopy* (*ozlopi*) *vectes dicti*, *quod manibus vesticentur*. Г. Патера предполагаетъ заимствование изъ русскаго ослопъ, ослопина. Не знаю, откуда фальсификаторъ могъ узнать это русское слово. 5) *ostrožny* *hrad* *arx*, *altum aedificium*. Съ русскаго. (См. Дурихъ; *Bibl. slav.*). 6) *pelest* *varius* (*equus*). *pelesty* (*pelesti*) *discolor*, *mutabilis*. Въ чешскомъ языкѣ этого слова нѣтъ. Гапка въ своемъ Указателѣ ссылается на слав. *peles*. Отчего *pelesty*, а не *pelesy* ¹⁾? 7) *plasy* (*plazi*) *tenie*, *infule*. Гапка замѣчаетъ: *cf. russ. polosa*. 8) *plecnici* *renones sunt* *velamina humerum et pectoris*. См. Церк. словарь П. Алексѣева. М. 1816. оплечье (и оплечки). 9) *srace* (*srace*) *tuunica vestis antiquissima*. Нѣтъ въ чешскомъ. Гапка замѣчаетъ: *snf. russ. soročka*. Гапка читалъ *srace*. Но чешски должно было бы быть *sraka* или *sraky* или *sraciце* или *sracka*; изъ *sraciце* или *sracce* — *srace*. 10) *šcedně* (*scedne*) *parce*, *honeste*, *moderate*. Г. Патера полагаетъ, что это съ польскаго *szczędne*. Но фальсификатору могло быть извѣстно и русское нещадно. 11) *vršiti* (*viršiti*) *triturgare*, *consulare*, *drischin*. Въ чешскомъ нѣтъ. Въ *Institutiones* Добровскаго (ч. I, гл. I, § 7): „*врхъ* (молотить, *triturgare*), у Сербовъ и нынѣ *вршем*, *вриећи* *вм.* древнихъ словъ *врхъ*, *врѣщи*“.

¹⁾ Въ стихотворенія *Wáemilost* (писанномъ, кажется, до 1825 г.) Гапка употребилъ это слово: *Milost žurěj potuček přes křemen když gechá, přes pelestý palauček za potučkem spěchá.* (*Hankowy Pjsně*. 1832, стр. 82). Въ приложенномъ объясненіи неизвѣстныхъ словъ Гапка говоритъ: *pelestý*, *pelestý*, *strakatý*. Въ изданіи 1841 г. уже нѣтъ *pelestý*, а *přes zelstý palauček*. Въ прибавленіяхъ къ Словарю Юнгманна, см. подъ слов. *pelesta* сообщеніе Гапки изъ дѣтскаго языка.

(Русск. пер. I, 132). 12) vded (wded) upura. Въ чешск. нѣтъ. Въ Institutiones Добровскаго (ib.): uded „вдод (удодъ птица, upura) вдодов, у Карниольцевъ udeb, odeb, у Кроатовъ ded и dedek, у Богемцевъ dedek и dudek. (Русск. пер., I, 132) ¹⁾. 13) vrv (virvv) resticula, restis. Въ чешскомъ нѣтъ.

Если къ прежнимъ 27 прибавить послѣднія 13, то получимъ 40 словъ. По вычетѣ ихъ изъ 81 слова останется всего 40 (съ однимъ) словъ особенныхъ и неизвѣстныхъ. Итакъ, изъ 848 признанныхъ по палеографическимъ наблюденьямъ подложными, только 92 слова не встрѣчаются въ данномъ видѣ (11 словъ на і = ѣ) или съ этимъ значеніемъ въ словарѣ Палковича 1818—1820 гг., въ древнихъ чешскихъ памятникахъ, изданныхъ Ганкою (Star. Sklad., Zbirka nejđ. slovn.), въ словарѣ и грамматикахъ (чешской и древне-славянской) Добровскаго. Но въ числѣ этихъ 81 слова, неизвѣстнаго ни въ древнемъ, ни въ повочешскомъ съ даннымъ значеніемъ, находится 40 словъ инославянскихъ, преимущественно ц.-слав., русскихъ и польскихъ. Многія изъ этихъ словъ, по всей вѣроятности, были прямо заимствованы изъ Institutiones Добровскаго, остальные изъ русскихъ и польскихъ книгъ, бывшихъ подъ руками фальсификатора: въ то время въ Прагѣ уже было не мало русскихъ и другихъ славянскихъ книгъ, прежде всего въ библиотекѣ Добровскаго, въ музеѣ, затѣмъ у Пухмира, Гапки...

Остающіяся 40 особенныхъ и неизвѣстныхъ глоссы, кажется, могутъ быть распредѣлены слѣдующимъ образомъ:

I. Слово Dĕvana, хотя и сочиненное, но не нашимъ фальсификаторомъ.

II. Слова chlira, letnice, kupač, plamenník, stvor, svor употребительны и въ древнемъ, и въ новомъ чешскомъ языкѣ. Фальсификаторъ произвольно придалъ имъ совершенно иной, особый смыслъ.

Chlira — употребляется въ извѣстныхъ еще Ганкѣ отрывкахъ Александриды — въ смыслѣ bujnost, žádost, Gier. Въ изданномъ Ганкою словарѣ XIV в. и такъ называемомъ Велешинѣ — читаемъ effrenata libido mizka znikla chlirnost. У Роскоханара castrimargia chlirstwo. Фальсификаторъ смель возможнымъ назвать богиню Salacia

¹⁾ Съ этихъ страницъ грамматики Добровскаго особенно позаимствовался нашъ фальсификаторъ. Такъ глосса «strel že vrženie» (strel se virsene) radiogum autem ictus, внушена, кажется, слѣдующимъ мѣстомъ Institutiones: «вергѣ, врещи. Прич. прощ. вержен, оттуда *верженіе камне*, Лук. 22, 41, по справедливому показанію Алексѣева въ словарѣ славянскомъ» (русск. пер., стр. 132).

(*dea paganorum quasi maritima*) отвлеченнымъ названіемъ страсть, жадность, ибо, какъ справедливо замѣтилъ И. И. Срезневскій, — „понималъ слово *salacia* какъ однозначашее со словомъ *salacitas*“. Это воззрѣніе и пріемъ напоминаютъ сочинителя Краледворской рукописи, который изъ Страха и Треса (дрожи, боязни) сдѣлалъ также какихъ-то боговъ. „*St(ra)ch uderi u wsie u polani, Ai polene oruzie chuataiu*“ (со страху хватаются за оружіе! — недурно). — „*Zastup sien bie cztirsie hlukow cietni, S niem ze stienow lesniech wirazi trzas, Trzas osiede cetne voie w(ra)ho(m) Wzad wzad strachi iim bi ze wsia lesa, rozprnu sie rsadi semo tamo.—I bi upieti w(ra)ho(m)i bi vstupati w(ra)ho(m), Trsas ie hnase z boistce, St(ra)ch z hrdl iich viraze skrsieki*“¹⁾).

¹⁾ Подобныя одицетворенія нечужды и средневѣковымъ памятникамъ, но такія же самыя попадаются и у чешскихъ стихотворцевъ начала нынѣшняго столѣтія. Такъ у Пухиры:

Strassný na krwawém zde stogj Smrtonoš woze,
Nad njmž stogazyká chlubná Sláwa se wznássj,
Kam se hne koli, před geho popěňnými se konmi
Ženau *Strach* a *Smrt*... (Swatyně Wenussina w Knjdě. Изъ

Монтескье, съ французскаго. *Puchmayer*, Nowé Basně, IV, w Praze, 1802, стр. 9.

У Гиввковскаго:

Neb kde Putysyla potýkala,
A kde Wádka s zástupem zlých žen,
Tam krew cedila se gen,
Tam *Strach* *ljal*, tam *Smrt* *panowala*. (Děwjn. W Praze.

1805. II, с. 22. Страхъ и Тресь по фразеологій весьма близки къ стиху Гиввковскаго: *Strachemby se mohly trásti nasse brány*. (Ibid. ч. I, с. 20).

Въ употребленіи слова *Морены* сочинитель Краледворской рукописи обнаруживаетъ тоже внутреннее родство съ своимъ предшественникомъ и современникомъ Кл. Brentano, хотя и вѣдѣвшимъ писателемъ, но избравшимъ тему древне-чешскую (о Любушѣ). Въ его драммѣ: *Die Gründung Prags* (Pesth 1815) хоръ двущезъ, опуская въ могилу двухъ юныхъ покойницъ, поетъ:

Marzana! Marzana!
Du kehrtest zurück,
Frost hat uns erschlagen
Das blühende Glück (S. 406).

Въ другомъ мѣстѣ Любуша говоритъ:

Goldene Zeit, hier war noch kein Schritter,
Als der Tod, Marzana, das hagere Weib,
Und der Winter deckte des Todten Leib.

Въ третьемъ мѣстѣ Премьслъ, убившій Розгони, покусившагося на жизнь Любуши, и стоя надъ его трупомъ, говоритъ такъ:

Слово *letnice* (мн. ч.) пятидесятница, *pentecoste*, *letniční slavnost*, *pentecostale festum*; *Letnice* (ед. ч.) — лѣтняя кофта женская у Моравянъ. Словомъ *Letnice* фальсификаторъ переводитъ лат. гл. *latona*.

Слово *Кываѣ* у Юнгманна *kteřý při obžinkách česká na výsluhu*; а также *kdo kývá*, кивающій, махающій. Фальсификаторъ приписалъ это слово къ латинской глоссѣ — *secundus (digitus) salutaris*.

Слово *plamenník* значитъ въ чешскомъ собственно факель. Фальсификаторъ употребилъ это слово въ смыслѣ пламеносъца и приписалъ къ латинской глоссѣ *flammiger*.

Stvoř въ древне-чешскомъ употребляется въ смыслѣ тварь, творенія. Почему-то уже къ глоссѣ *Mater Verborum Osiros rex fuit egypthi et interpretatur rauper*, *zsvoř*, Ганка читалъ *stvoř* и прибавилъ *Osiros, creatura (Zbjrka)*.

Svoř связка, союзъ. Это слово, очень употребительное въ чешскомъ въ разныхъ частныхъ примѣненіяхъ, фальсификаторъ прикѣпилъ къ объясненію лат. гл. *zodiacus, circulus*.

III. Слова, вновь образованныя по аналогіи.

1) *Komoniči starosta*. Въ польскомъ есть слово *komonnik* кавалеристъ, въ чешскомъ *komoň komonny, komonstvo*. Фальсификаторъ образовалъ по аналогіи постельникъ — постельничій прилагательное отъ польск. *komonnik*, на томъ, конечно, основаніи, что оно могло быть и чешскимъ: по крайней мѣрѣ, оно было незнакомо Палковичу и Юнгманну; послѣднему только изъ *Bohemarius'a* и подложныхъ глоссѣ *M. V. komoniku equiti*.

2) *ložesny (losezni) clinicus*, то-есть, больной, лежащій въ постели. Добровскій въ *Institutiones* (ч. I, гл. III, § 32) отмѣтилъ между окончаніями именъ средн. р. — *eso* и *esno*, „колесо вм. коло, небеса отъ небо, посредствомъ придатка *es* — *ложесна* множ.“ (Русск. пер. I, 356).

Ich opfre dir, Marzana, seinen Bart (S. 250).

При разборѣ Краледворской рукописи мы увидимъ много примѣровъ, какъ въ своей фразеологіи и представленіяхъ о древности близка и родственна Краледворская рукопись съ стихотворными произведеніями начала нынѣшняго столѣтія, и какъ она далека по своему слогу и воззрѣніямъ отъ памятниковъ средневѣковой литературы и народной эпической поэзіи Славянскихъ и другихъ народовъ. См. у Ганки въ переводѣ Гесснеровыхъ идиллій (*Idylle. w Praze. 1819, с. 222*): *«radostná Spjle, hlasný Smich a Milek»* — *«der frohe Scherz, der laute Gelächter u. Amor»*. (Gessners *Sal. Schriften. Zürich, 1778, I, 123*). О вліяніи Гесснера на Краледворскую рукопись рѣчь впереди.

По аналогіи прил. колесный отъ коло, фальсификаторъ образовалъ прилагательное ложесный отъ lože, имѣя въ виду слово ложесна.

3) blenie (blene) balatus vox ovium. Въ чешскомъ есть blečim, blečiti, balage, также blekati и bleknouti, blek. По аналогіи русск. блѣять, блѣю и чешск. пѣти, пѣю фальсификаторъ образовалъ имя блѣние, какъ пѣніе.

4) sedu excolo purgo. Въ чешск. есть sedim, sediti. Русскому цѣжу, древне-слав. цѣждѣ соотвѣствовало бы древне-чешское сезіи. Но фальсификатору хотѣлось представить форму болѣе первообразную и по аналогіи вед-у вес-ти, пад-у, пас-ти, онъ образовалъ sedu. Шафарикъ въ своемъ изданіи замѣтилъ: „Beachtenswehrte Form, st. ceziu. Наши vidúci, horúci предполагаютъ также древн. vidu вм. viziu, horu вм. horiu“. Бѣда только въ томъ, что тогда бы цѣд-ѣ sedu должно было бы имѣть во 2-мъ л. ед. и въ 3-мъ л. мн. цѣд-е-ши и цѣд-ѣть. Но какъ только виждѣ, видиши, видѣть, такъ цѣждѣ, цѣдиши, цѣдѣть.

5) bracka (bracka) sistrum brachka singoz, tintinabulum. Ганка (Sbirka, стр. 369) замѣчаетъ: „bracka neb bracka. tintinabulum cf. sl. brjacati, unde Bracislaw nunc Bfetislaw sonans gloria“. Въ славянской грамматикѣ Добровскаго (корни III разр.) „брацати, брацаніе, брацало должно относить лучше къ русск. сл. бряк, брякаю“. Отъ предположенной формы braka произведено уменьшительное bracka по аналогіи указаннаго въ Добровскаго Lehrgebäude d. böhm. Sprache прилѣра (S. 51) wnučka von wnuk, wnuka.

6) drebne riget, stat rigidus. У Ганки (Sb. 375): drēbsti, drēbnauti rigere. Въ Institutiones Добровскаго (корни III разр.): „дрѣбну, дрѣбный“. Въ этомъ словѣ русское я соотвѣтствуетъ не древне-слав. ѣ, сербск. е, чешск. а, е, ибо корни дрѣб пѣть, а оно, наше я, вышло изъ е—дробь, дреб—дряб— (кор. дрѣб и дрѣб), и сомнительно, чтобы съ этими словами въ древнемъ языкѣ соединялось понятіе rigere, rigidus; сл. у Даля—дрѣба—дрѣба, дрѣбина. Дребь—чаща лѣсная. Дербя, дербить (чесать, тербить). Въ чешскомъ языкѣ drēbnauti или drēbsti rigere вовсе нѣтъ. Юнгманъ повторилъ лишь Ганку; но въ чешск. есть drbám, drbati, drbnu, drbnauti (нѣм. derb), наше дербить.

7) mln (mln) fulgur. Ганка (s. 389) замѣчаетъ mln, mln (mln), у Роскоханого arias (?) mln. Въ Institutiones Добровскаго (корни III разр. млн (моля), при слов. мляѣ, молнія и молнии замѣчено: „У Сербовъ теперь муля, гдѣ коренная буква л по обыкновенію перемѣняется на ѣ. У Далмат. мунуа. Слово другимъ Славянамъ неизвѣстное. Ибо у Чеховъ вмѣсто онаго употребляется blesk, у Кроатовъ bleszk, у

Карніольцевъ blisk, у Поляковъ blyskawica. У Лук. 17, 24 ἢ ἀστράλη, ἢ ἀστράπτοσσι переводится молніи блистающися“. Фальсификатору хотѣлось подарить это слово чешскому языку, и еще въ самой что ни на есть древней формѣ (?).

8) opes, opice simia. Муж. opes въ чешск. нѣтъ, но есть opicak м. и приведено у Добровскаго (Lehrgeb.). По аналогіи samec, samice немудрено къ opice прибавить opes. (см. Lehrgeb. S. 47).

9) poskoňici (rozkošnici) saltatores. poscošnici salisatores. Въ чешскомъ есть rozkačowač. Образовать сл. rozkošnik было нехитро. Слыхалъ, конечно, фальсификаторъ и о сербск. поскочница, поскочице (особаго рода коротенькія пѣсни). О нихъ см. особенно Словарь Вука перваго изданія.

10) prok (proc) residuus. Въ чешск. было prokný. Въ Institutiones Добровскаго (корни III разр.): прок, прочій.

11) ryd (rid) singultus suspiriis viscerum pulsus. Въ чешск. rydám, rydati—скрипѣть зубами (Палк.) и bouiti se, sarati se fremere, griesgramen (Юнгманнъ). Придавъ чешск. rydati значеніе русскаго рыдать, фальсификаторъ образовалъ имя ryd по аналогіи rih, rik, своихъ же глоссъ.

12) srocenie (srocene) factio conjuratio. Кажется, это слово не встрѣчается больше нигдѣ (см. Юнгманнъ), но есть въ этомъ же смыслѣ srotitise, srocenec (ein Verschworner), и образовать это слово можетъ всякій: на это никакой мудрости не требуется. Кстати фальсификаторъ могъ разчитывать, что его глосса будетъ пріятна комментаторамъ Краледорской рукописи, гдѣ только и встрѣчается srotiti se: srotichu se druhý ke druhému.

13) Svoba (zuoba) feronia, dea paganorum. Для обозначенія этой bohyně swobody a ozwobozenj z otroctwj Krok II, 379 фальсификаторъ воспользовался указаніемъ Inst. и Lehrgeb. Добровскаго, гдѣ въ корн. III разр. и въ Bildung d. Substantivs стоитъ: свобода, своба, свой.

14) tešt (tesc) vacua. „Въ Inst. Добровскаго (корни III разр.): тѣц, ж. тѣца, с. тѣце, и тощій, тѣчая, тѣще, пустой, съ гласною благозвучною, скрипою или неясвенною и подвижною, оттуда у Русскихъ тощ; у Кроатовъ tesch (тещ), у Карн. tesh, у Иллировъ tasht. Поляки пишутъ szczy вм. tszczy. Чехи корень тѣц сохранили только въ словѣ tescitroba, тощій желудокъ“. Фальсификаторъ хотѣлъ обогатить чешскій словарь. Ганка (Ib. S. 424) замѣчаетъ: „tesč, tešt, tštj vacua“. Не знаю, отчего tesc (tesč) vacua?

15) *trenovci*—*molares dentes*. Въ чешск. имѣются *třenov* жерновъ, *třenovní*, (*zub*), *třenový*. Не трудно поэтому было образовать *trenoves*, *trenovci*.

16) *trepiše* — *gamula hahala*, трепалка. Въ чешскомъ не употребляется, но есть *těpáti*, *těpalka*; по аналогіи со сл. трепица нетрудно было образовать и это слово.

17) *zarovišce* (*sarovisce*) *piram*, *rogam*, *lignorum constructionem in quo mortui comburuntur*. Окончаніе *išce* очень обычно въ чешскомъ языкѣ, и изъ слав. жар легко было образовать это слово, по аналогіи *trh-trhovišce*, *hrach-hrachovišce*.

18) *zei* (*zerr*) *mania*, *ab insania et furore vocata*. Въ чешскомъ были и есть слова *zúřiti*, *zúřivost*, *zúřivý*, но *zei* встрѣчается только въ этой глоссѣ *Mater Verborum*, имѣвшей, вѣроятно, цѣлью, объяснить и дополнить встрѣчающееся только въ Краледворской рукописи *zeřivý*. Такъ какъ по признакамъ палеографическимъ глосса *zerr* оказывается новѣйшею, то позволительно думать, что она вписана въ рукопись не раньше второй половины сентября 1817 г., ибо 15-го сентября этого года состоялось знаменитое открытіе пресловутой рукописи. Позволительно думать, что въ Брезницѣ о словѣ *zeřivý* еще не знали въ теченіе всего 1817 и начала 1818 г. Слѣдовательно, новѣйшая глосса *zei* была вписана въ *Mater Verborum* уже въ Прагѣ, въ библиотекѣ музея, послѣ 1818 г.

IV. Слова дѣланья, кованья:

1) *Jarobud. Demetrius*. Слова сложныя съ Яр- и съ Буд- встрѣчаются: Ярославъ, Ярополкъ, Яромиръ, Буд, Будимиръ (въ Древн. Русск. стихотвор., изд. Якубовича, 1804). Отчего было не составить Яробудъ и произвольно примѣнять это сочиненное имя къ Димитрію?

2) *Lichoplesy* (*lichoplezi*) *syrene*. Фальсификатору, очевидно, не нравилось прежнее слово, которымъ въ его время Чехи переводили сл. сирены, именно *oschchule*¹⁾ (см. Словарь Палковича), и онъ призналъ за благо самъ сочинить или взять къ-мъ-нибудь другимъ сочиненное слово для сирены. Лихоплесь не хуже множества сочиненныхъ и скованныхъ словъ у Чеховъ первой половины нынѣшняго столѣтія.

3) *jesen, jasni* (*yassni, yesen*) *Isis lingua egiptiorum terra dicitur*. Это слово сковано, кажется, отчасти въ подобіе *Isis*, отчасти съ припоминаніемъ польскаго божества (по Длугошу, Гванини, Вѣльскому)

¹⁾ У Пухмайера *Sebránj Básnj a zpřewj. II. 1797.*

Jesse, что Лелевель еще въ 1853 году объяснялъ: *ten co je, jest* ¹⁾. По свидѣтельству этихъ драгоценныхъ для славянскаго язычества источниковъ, это польское божество было Юпитеромъ. Тунманнъ (*Untersuch. über die Gesch. einiger nördl. Völker*) говорилъ о *poln. Luftgott Jasny*. Въ статьѣ объ обожаніи солнца у древнихъ Славянъ (Ж. М. Нар. Пр. ч. II, 1846 г., стр. 59 — 60) И. И. Срезневскій, объясняя, что Яровить или Руевить было божество солнечное, прибавилъ: „Другая форма корня „яръ“ есть „ясъ“, и отъ нея произошло другое названіе богъ свѣта—Ясонъ или Хасонъ, извѣстное Чехамъ ²⁾ въ смыслѣ Феба. Дрогошъ, а за нимъ и Бѣльскій, говорятъ о немъ (*Jesse*), какъ объ Юпитерѣ; но это не должно наводить никакого сомнѣнія, если сообразить, что и Сварожичей мы знаемъ также двухъ — и бога свѣта, и бога огня, какъ дѣтей неба“.

Если ученому русскому слависту въ 1846 г. казалось возможнымъ сравнивать Яровита съ польскимъ божествомъ *Jesse* (Юпитеромъ) и даже съ чешскими божествами свѣта (?) Ясонемъ и Хасонемъ, а Лелевелю—уже въ 50-хъ гг. сблизать *Jesse* съ *Jasny*, то нашему фальсификатору, чешскому ученому 1818—1827 гг., было совершенно естественно было вспомнить о польскомъ *Jesse* — Юпитерѣ, и не смущаясь, сковать слово *jesen*, *jasni* и примѣнить его къ Изидѣ, *Isis*.

4) *majčenie (maicene) priarismus est pudendorum extensio*. Ужь не отъ сербскаго ли мајка сочинено это слово?

5) *porvata prozerpina*. Смыслъ этого сочиненія объясненъ Юнгманномъ: *Porvata te byla porvana t. j. unesena*. У насъ въ дѣтскомъ языкѣ оборвата вм. оборвана.

6) *prije (priye) affrodis grece, latine venus*. Я уже сказалъ, что послѣ замѣчанія Дуриха (1795 г.) о F нѣмецкомъ и П славянскомъ передѣлать Фрейю въ Прию было не мудро. Только, кажется, во второй половинѣ XVIII в. ученые стали Фрейю вводить въ славянскую мифологію. У Фортиса въ Далмаціи оказалась богиня *Dobra Frichia*,

¹⁾ *Ten co je, jesz, jest, dzis wyrażany przez jistny, jistność, jestestwo on jen, jeden, swodjim ja oljawit (jaw) jajo; jego w jit (intuitus) Jaje początek światu światła, świata; a jego zjer widaje (tworzy, otwiera) twór czyli zwier. Jesse jest stwórcą (zwarazici) i Światowitem, Światowidem.... Bie, ten co ma być, bies, bih, boh, lug, bogor и т. д. (Slaw. Batwochw. Poznań. 1853. I, 21—22).*

²⁾ Словарь Юнгмана. Тутъ подъ словомъ *Gasoň* поставлено *recent.* = *Phoebus*, а подъ словомъ *Chasoň* — *Phoebus Ros.* (чешскій словарь *W. Rosy*, полов. XVII в.).

что значить по Гебгарди—schöne Freya. „Die Freia, говоритъ Гебгарди,—war zwar eine deutsche Göttin, allein da die isländischen Alterthümer die Wanadis oder die wendische Göttin nennen, so muss sie wohl von den Wenden zu den Deutschen gekommen seyn“. (Wend. Gesch. S. 243).

Глосса Прія имѣеть также, кажется, нѣкоторое значеніе для хронологіи подложныхъ глоссъ: значить, не древнѣе конца XVIII вѣка. Прія, сколько извѣстно, нигдѣ раньше не встрѣчается. По признакамъ же палеографическимъ это глосса подложная, новѣйшая. Спрашивается: кто съ послѣднихъ лѣтъ XVIII в. до 1817 г. могъ вписывать новѣйшія глоссы въ *Mater Verborum* въ Брезницѣ? Такъ какъ было некому, то значить, эта глосса вписана въ Прагѣ, послѣ 1818 года.

7) *Sytivrat* (*sytiwrat*) *Saturnum pagani illum esse aiunt, qui primus ab olimpo venit, arma iouis fugiens*. Въ изслѣдованіи объ святилищахъ и обрядахъ языческихъ Славянъ И. Н. Срезневскаго (1848 г.) Сьтивратъ выступаетъ, какъ славянской богъ времени ¹⁾. Въ Дополнительныхъ Замѣчаніяхъ 1878 г. онъ уже помѣщенъ въ третьей категоріи, гдѣ глоссаторъ показалъ себя свободнымъ осмыслителемъ языческихъ вѣрованій древняго міра. Въ той же статьѣ уже найдено остроумнымъ замѣчаніе А. Н. Веселовскаго о томъ, что слово *saturnus* могло быть принято глоссаторомъ какъ *satturnus*. Для насъ же важнѣе всего тутъ замѣчаніе самого Ганки (Sb., стр. 422): „*Sytiwrat* cf. *indic. Saturawrata, Saturnus*. Другая глосса *picus, saturni filius ztracec sytiuratonv zin*."

Этотъ Сьтивратъ, напомнившій Ганкѣ *Saturawrata*, дѣйствительно скорѣе сочиненъ и скованъ по образцу индійскому, чѣмъ *sat-urnus*. Если же это толкованіе вѣрно, то объ глоссы *Sytivrat* и *Sytivratov sup* также имѣють важное хронологическое значеніе. Въ 1817—1820 годахъ молодые Чехи, дилетанты археологи и патріоты, уже интересовались древнею Индіей и санскритомъ. Еще въ рецензіи на Кайсарова, слѣдовательно, въ 1808 г., Добровскій полунасмѣшливо (могъ ли онъ говорить совершенно серьезно о тогдашнихъ миеологахъ?),

¹⁾ *Аванасьева* (Повт. возр., III) съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго дѣла, приводитъ и Гриммово, и другія ученые толкованія этого Сьтиврата. Тутъ есть и сито (рѣшето), и гора Ситна, и врата (адовы?). Дико и нелѣпо всѣмъ этимъ ученымъ звучалъ вопросъ Добровскаго: «Aber warum untersucht man nicht, wer den Korsch (Sytivrat) zuerst genannt habe?».

полусерьезно замѣтилъ: „Sonderbar genug, dass die slawischen Mythologen nicht darauf verfallen sind, ihre Götternamen in Indien zu suchen“. Изъ всѣхъ замѣчаній Добровскаго о мифологiи, кажется, этимъ только и воспользовались. Въ 1819 г. (30-го iюня) новооткрытую былинѹ о Судѣ Любуши, которую, боясь Добровскаго, долго не печатали въ Прагѣ, препроводили въ копию въ Варшаву къ Скороходу Масвскому съ слѣдующею, между прочимъ, рекомендаціей, почти буквально напоминающею разъясненiя и выраженiя Верковича объ его знаменитыхъ Родонскихъ открытiяхъ: „Fragmentum adscriptum (?) totum, quantum musaeo nationali ab anonymo donatum, opto ut legas; in quo certe confraternitatem cechici sermonis cum polonico maximam reperies. Inveniesque simul, Slavos priscos ex India, paterno solo, non rudes ferosve Europam advenisse, prouti quidam scioli scriptores illos depingunt... Habent Cechi tempore Libussae jura scripta (desky prawdodatne) divina illis; processus similis erat illis Hindorum: Suditi po zaconu wekożiznych bogow etc. Lectitans descriptiones Asiae, Hindorum linguam Slavicae affinem dudum esse censui; peregrinatio cuiusdam Cechi Fr. Bresowski, modo tornatoris Zagrabiae (Agram) et eius sincera narratio opinionem evixit, qui usquam in provinciam Canton Hindos bene intelligebat et invicem ab illis intelligebatur, quaeque hucusque legi de lingua Sanscritana narrationem hominis confirmarunt abunde“. Это писалъ Антонiвъ Юнгманнъ, братъ Юсифа, родившiйся въ 1775 г. и жившiй постоянно въ Прагѣ съ 1807 г. Очень почтенный профессоръ медицинскаго факультета въ Пражскомъ университетѣ и отличный врачъ, онъ любилъ заниматься, или такъ сказать, баловаться въ часы досуга санскритомъ и въ 1821 г. въ журналѣ Кроуъ (II) помѣстилъ статью: O sanscritu a wytah z grammatiky Nał. Фальсификаторъ (1818—1827 гг.) могъ отъ Юнгманна или черезъ Юнгманна провѣдать о фиктивномъ индiйскомъ божествѣ (?) Satugawrata и о близкомъ сходствѣ славянскаго языка съ индiйскимъ, легко могъ себѣ сковать Ситиврата.

8) topěš (topess) topsus, topstein. Составить это слово въ виду стоявшихъ нѣмецкаго и латинскаго было очень легко.

9) vzpěši (vzpezi) triptes, species demonum a verbo tripo, ludo, quia deludunt dormientes.

И. И. Срезневскiй въ Дополнительныхъ Замѣчанiяхъ (стр. 145—146) говоритъ: „Гапка не зналъ, какъ читать въ единств. числѣ: uspěch или uspēs; Юнгманнъ читалъ uspěch; Шафарикъ съ Палацкимъ опять усумнились и задали вопросъ, не надобно ли читать uspěši съ предположенiемъ, не взято ли это отъ глаг. spatī; Патера принялъ ихъ чтенiе

какъ вѣрное, безъ оговорокъ; но, вѣроятно, не наложилъ запрета на стараніе продолжать догадки. Можетъ быть, кому нибудь удастся попасть и на болѣе счастливое объясненіе слова". Въ такихъ случаяхъ, я самъ полагаю, чтеніе Ганки должно заслуживать предпочтеніе, развѣ онъ могъ иногда нарочно подпускать туману. Что касается до запрета, то дѣйствительно г. Патера нѣкоторымъ образомъ наложилъ его: кому охота продолжать догадки о подложныхъ глоссахъ? Нельзя однако отвергать, что слово *rwospie conticinium* (см. *Hanky Zb. slown.*) тутъ прежде всего имѣлось въ виду сочинителемъ слова *usřech?* *usřes?*, какъ замѣчаетъ Ганка, или какъ читаетъ г. Патера вслѣдъ за Шафарикомъ *uzreši*—духи, во снѣ являющіеся. Сомнѣніе Ганки или его незнаніе, какъ читать въ ед. ч. *usřech* или *usřes*, ничего еще не говорятъ противъ невозможности сочиненія и написанія этой глоссы самимъ Ганкою. Можно такъ неудачно сочинить какое-нибудь слово, что черезъ нѣсколько лѣтъ самъ составитель не будетъ въ силахъ объяснить его. Столь любившій, какъ увидимъ, немогузнайство и всякіе недоговоры и недосказыванья, Ганка могъ и тутъ быть неискреннимъ и нарочно прикидываться не знающимъ.

10) *Radihost wnuik Kirtow*. Глосса эта имѣетъ важное хронологическое значеніе. Объ этомъ божествѣ у Чеховъ (собственно у Моравянъ) впервые упоминается въ XVIII столѣтіи у извѣстнаго лгуна Стредовскаго. Такъ какъ эта глосса въ палеографическомъ отношеніи представляется новою, а о поддѣлкахъ и подлогахъ въ Брезницѣ нельзя предполагать, то эту глоссу надо считать написанною послѣ 1818 г., то-есть, въ Прагѣ, въ музеѣ. Радигость внукъ Кртовъ легко могло явиться въ подраженіе встрѣчающимся въ Словѣ о Полку Игоревѣ Бояну, внуку Велесову, вѣтрамъ, Стрибожьимъ внукамъ. Далѣе это родство обличаетъ знакомство сочинителя съ Машемъ и Антономъ. Машъ объяснял Радигоста—*Gott der Freude*. Антонъ (*Erste Linien*. 1783) замѣчалъ по этому поводу: „Ebenso gut könnte man in ihm einen wohlthueden freudigen Fremdling finden, wodurch H. Masch in seiner Meynung, dass die Wenden ihn bei ihren Ankunft in Meklenburg schon vorgefunden hatten, bestärkt werden könnte. Nun mir ist der Name nicht erklärbar (S. 46). Радигость нашему сочинителю казался богомъ покровителемъ иностранцевъ, гостей и купцевъ. Оттого онъ и поставленъ рядомъ съ Меркуріемъ (*Mercurius a mercibus est dictus*). Слово гость въ значеніи купца неизвѣстно въ древнемъ и старинномъ чешскомъ языкѣ. Чехи ученые узнали это значеніе гостя только изъ древнихъ русскихъ памятниковъ, перанѣ конца XVIII столѣтія (см. Дурихъ, *Bibl.*).

Наковецъ почему Радигость—внукъ Кртовъ? Машъ говоритъ, что Радигость былъ въ сущности бѣлый богъ, но состоялъ въ нѣкоторой связи съ чернымъ богомъ. На Петрскомъ изображеніи, говоритъ Машъ,—*Radegast hat einen fürchterlichen Löwenkopf, u. das Wort Zern auf dem Gewande deutet seinen Zorn an, aber gleich zugleich — Belbog, ein guter Gott genennet wurde* (I, 3944). Въ древности, по Машу, черное божество называлось Tchart. Нашъ фальсификаторъ конечно зналъ, что чертъ въ формѣ чартъ не годится для глубокой древности и для всѣхъ Славянъ, потому счелъ приличнымъ сообщить древнѣйшую, такъ сказать, праславянскую форму черта—Kirt.

Обратимся теперь къ словамъ, хотя и замѣчательнымъ, но не неизвѣстнымъ, а встрѣчающимся въ другихъ памятникахъ.

1) *belboh-beel, baal, ydolum*. Изъ того, что въ латинскихъ глоссахъ стоитъ *beel*, не слѣдуетъ, что глоссаторъ, пиша *belboh*, могъ и не думать о славянскомъ бѣлбогѣ. Такое объясненіе—чистѣйшая натяжка, въ родѣ того, напримѣръ, что Kirt или Kirtov, быть можетъ, стоитъ вмѣсто Крона (Доп. Зам., стр. 131 и 140). Эта глосса одна изъ важнѣйшихъ въ хронологическомъ отношеніи, и вотъ почему. О славянскомъ божествѣ Бѣлбогѣ нѣтъ рѣшительно никакого древняго свидѣтельства. Впервые, сколько извѣстно, объ этомъ божествѣ славянскомъ заговорилъ Машъ въ 1771 г. Машъ по крайней мѣрѣ первый пустилъ этого бога во всеобщее обращеніе и ознакомилъ съ нимъ Славянъ: „*Aus d. Helmod wissen wir, говоритъ онъ (I, стр. 26),—dass die Wenden einen Belbog u. einen Zernbog gehabt haben*“ (I, стр. 53). За нимъ Антонъ, сказавъ, что злой богъ былъ чортъ, а добрый имѣлъ разныя названія, прибавилъ: „*So ward der Bjelbog der Gott des Lichtes oder d. weisse Gott genannt, welchen Namen schon Helmod hat*“ (sic!). Самое свидѣтельство Гельмольда о черномъ богѣ довольно подозрительно. Тѣмъ не менѣе вслѣдъ за Машемъ изъ словъ Гельмольда о черномъ богѣ стали выводить новое свидѣтельство Гельмольда же о бѣломъ богѣ, на томъ же основаніи, что если былъ черный, то долженъ былъ быть и бѣлый богъ, при чемъ даже выражали какъ бы нѣкоторую умѣренность, ибо могли бы, на томъ же основаніи, перебрать всѣ цвѣта радуги. „Славянскаго Бѣлбога вмѣстѣ съ Чернобогомъ, безъ сомнѣнія, зналъ Гельмольдъ. Правда, что въ хроникѣ его есть теперь только второе имя; но это могло сдѣлаться по ошибкѣ переписчика. Никто не отвергалъ и того, что слово Бѣлбогъ было дѣйствительнымъ названіемъ славянскаго божества; а въ подтвержденіе этого можно привести нѣсколько славянскихъ названій мѣстностей (Сас.

Čes. M. XXXVII. 28)“ (см. Доп. Зам. Срезневскаго, стр. 131—132). Въ Исслѣдованіи о языческомъ богослуженіи древнихъ Славянъ, того же автора, стр. 12, сказано: „О богѣ добра и богѣ зла, какъ отдѣльныхъ божествахъ у Славянъ, упоминаетъ Гельмольдъ: „отъ одного ожидали Славяне счастья, отъ другаго бѣдствій, и послѣдняго называли чернобогомъ, а перваго, вѣроятно, бѣлбогомъ“. — *Malum deum sua lingua Diabol, sive Zcerneboch, id est nigrum deum appellant, — bonumque Velboch* (послѣднія слова пропущены, вѣроятно, писцомъ¹⁾). Такъ Машева мысль прочно утвердилась въ наукѣ и безсознательно повторена даже въ томъ разсужденіи 1878 г., въ которомъ, по видимому, такъ осмѣивается Машъ.

Эта мысль Маша и его славинскій или славянскіе бѣлбоги съ помощью сочиненія Антова утвердились прежде всего въ разныхъ литературныхъ романтическихъ произведеніяхъ первой четверти нашего столѣтія. *Bilobogi* являются въ исторической драмѣ Клеменца Brentано—съ нею мы встрѣтимся—*Die Gründung Prags. Pesth. 1815*. Тамъ Tetka, сестра Любуши, говоритъ однажды:

Mein Haupt möcht'ich des Himmels Augen lesen
Der guten Götter, *Bilobogi*, Wesen,
Und allzu hoch geht also wohl mein Streben.

Встрѣчаются бѣлбоги и въ романѣ Линды: *Záře nad pohanstvem. 1818*. И едва ли это не первый чешскій памятникъ, въ которомъ явились бѣлбоги или просто бѣлбогъ. Юнгманнъ въ своемъ словарѣ подъ словомъ бѣлбогъ, не желая сослаться на Линду, котораго онъ читалъ—какъ видно изъ нѣкоторыхъ замѣтокъ карандашемъ въ экземплярѣ, поступившемъ въ нашу Публичную Библиотечку изъ его собранія книгъ,—сослался на Раковецкаго и Баптке. Умѣренный мифологъ занимаетъ извѣстное мѣсто въ исторіи развитія повѣйшей вѣры въ бѣлбога. Въ высшей степени характеристично для тогдашняго состоянія славистики, что Юнгманнъ ссылается, какъ на важный источникъ, на слѣдующее мѣсто Раковецкаго: „*W swiętyinach pogańskich Słowian. posąg Bialego-boga trzymał w*

¹⁾ Замѣтимъ, что предполагать въ текстѣ Гельмольда такую прибавку совершенно излишне, такъ какъ вслѣдъ за Чернобогомъ онъ именуетъ и этого (*bonum deum*) добраго бога, только не называя его бѣлымъ, а иначе: *Zcerneboch. appellant. Inter multiformia autem Sclavorum numina prepollet Zvantevith deus terre Ragianorum, utpote efficacior in responsis. Cuius intuitu ceteros quasi semideos existimabant...* (I, 52). Въ другомъ мѣстѣ (II, 12) онъ замѣчаетъ, что все славянскія земли, а не одна земля Вагровъ, признавали Святовита *deum deorum*. Никакого Вѣлбога Гельмольдъ и подразумевать не могъ.

reku poświęcone żelazo do próby takowej przeznaczone. W potrzebie braço go z ręki posągu, rozpalano go na offiarniku przed posągiem stojącym, i po zrobioném doswiadczeniu do ręki posągu wkładano“ (Prawda Ruska. Warszawa. 1820. I, 210), Все это, безъ всякихъ подтвержденій сказанное Раковецкимъ, было принято Юнгманномъ, какъ свидѣтельство первостепеннаго источника. Тотъ же Раковецкій (I, 24) говоритъ: „Два божества, одно подъ названіемъ бѣлый богъ, другое черный богъ, по свидѣтельству историковъ (wedle historyków), были древнѣйшими въ мифологіи славянскои“. Въ примѣчаніи, сверхъ Карамзина, есть ссылка на Гельмольда (I, 52). Затѣмъ сказано: „Кажется, названіе черта (czarta) можетъ происходить отъ черно-бога. Въ верхней Лузации есть гора, называемая Черный богъ. Въ Сербіи былъ городъ того же названія“ (см. Антонъ, Машъ, Тунманнъ и Гебгарди). Замѣчательно, что въ 1820 г. знали въ Лужицахъ еще только одну гору Чернобогъ. Въ концѣ 1830-хъ годовъ нашлась къ общему удовольствію подъ самымъ Будишиномъ и гора Бѣлбогъ, даже рядомъ съ горою Чернобогъ (см. И. И. Срезневскаго, Изсл. объ яз.ч. бог. древн. Сл., стр. 13, прим. 1); далѣе оказалось, что у окрестныхъ жителей Будишина сохраняется важное преданіе объ этихъ любопытныхъ горахъ, „какъ о мѣстахъ языческаго богослуженія“. Потомъ еще отыскался островъ въ Помераніи съ монастыремъ и съ именемъ Бѣлбога (Cod. Romer. 1843. 70), наконецъ нашлось урочище Бѣлне боги (лѣсъ и лугъ) близъ Москвы, по дорогѣ въ Троицу. Можно однако надѣяться, что и эти мѣстныя названія и даже сохранившееся у окрестныхъ жителей Будишина преданіе о горахъ Бѣлбогъ и Чернобогъ Богъ дастъ со временемъ утратить значеніе свидѣтельствъ о древнемъ славянскомъ божествѣ бѣлбогѣ или даже бѣлбогахъ. Но время вписанія новѣйшихъ глоссъ въ Mater Verborum, 1818 — 1827 гг., совпадаетъ съ періодомъ самой горячей вѣры въ славянскаго Бѣлбога, и въ этомъ, но только въ этомъ, отношеніи глосса Бѣлбогъ имѣетъ извѣстное значеніе. Она, въ свою очередь, эту вѣру подтвердила и распространила между учеными.

2) bodr promptus, promptus, expeditus. Слово это очень любопытно. Въ древнемъ и старинномъ чешскомъ языкѣ, сколько извѣстно, ни bodr, ни bodrost, съ производными не встрѣчаются, за однимъ впрочемъ исключеніемъ: въ Краледворской рукописи говорится: „rozstupi sie bodrost v myslech“. Слово bodru, bodrost появились въ чешской письменности въ новѣйшее время. Первый чешскій писатель, который далъ въ ней этимъ словамъ право гражданства, былъ Ганка, любив-

пій вообще вносить новыя, инославянскія, особенно русскія слова въ чешскій письменный языкъ. Что слово *hodrost* было новостью въ чешской словесности, видно и изъ того, что Юнгманнъ не могъ при этомъ словѣ сослаться ни на что, кромѣ Краледворской рукописи, а Ганка въ изданіи своихъ стихотвореній, гдѣ употребилъ это слово ¹⁾, включилъ его въ списокъ словъ (*perowědoměgých*). См. *Hankowu Pjsně. W Praze. 1831.* Болѣе раннихъ изданій я, къ сожалѣнію, не могъ достать въ Петербургѣ. Первое изданіе: *Dwanáctero písní*, гдѣ одно стихотвореніе изъ 12 не Ганкино: первое отдѣленіе вышло въ Прагѣ въ 1815 г., второе отдѣленіе, тоже 12 стихотвореній, вышло тамъ же въ 1816 г. Второе умноженное изданіе (*swazeček I, 12° 60 стр.*) вышло въ Прагѣ въ 1819 г. Третье въ 1831, а четвертое въ 1841. У меня была подъ рукою только два послѣднія изданія.

3) *pěna, pěnovati.* Эти слова, равно какъ и прил. *pězný*, нар. *pězně, pěznost*, не встрѣчаются ни въ древнихъ, ни въ старинныхъ чешскихъ памятникахъ. Юнгманнъ первыя два слова взялъ изъ *Mater Verborum*, а для прочихъ сослался на сочиненія Ганки. Слово *pěznost* (*srdečnost, milostnost, laskawost*) приведено Юнгманномъ изъ нѣмецко-чешскаго словаря Добровскаго, въ которомъ тоже работалъ Ганка. Въ чешскую словесность это русское слово ввелъ Ганка, который его употреблялъ безпрестанно. Это было одно изъ любимѣйшихъ словъ Ганки. Пристрастіе его къ этому слову одна изъ характернѣйшихъ особенностей его слога. Въ объясненіи неизвѣстныхъ словъ (*Pjsně. 1831*) приведено слово *pězný-zart, zärtlich*. Вотъ нѣсколько примѣровъ изъ стихотвореній:

Něžná fialinko, Proč se w hauštj skrýváš;—něžná fialinka (с. 42).)
Měl gsem krásné děvěe, Plno něžné wnady;—Wy znáte srdce mogo,)
Wy znáte něžnost mau;—Nenařikey, nesuzug se Holubinko něžná;—)
Již zde Marj něžně Na břehu twém sela;—Něžně pěge slawjček;—)
Gegj hadra gak dvě Holubinky něžně;—kde Rudolf se swau něžnau Wilhelmi-)
nau;—něžná lilie se klonj.

Въ Ганкиномъ переводѣ Идиллій Гесснера (*Gesnerowu Idylly. W Praze. 1819*) также часто является это слово: *něžná trawinka*

¹⁾ *Kdeže mogo hodrost*

utěšej milé?

ach, co sem wás spatřil

zmizla od té chwjle. (Ach wy oši, oši. 1841. S. 4.

Въ переводѣ Гесснеровыхъ Идиллій (*Ганки, 1819*): *Bodry ginoch Wšecko gest bodro, a každá bylínka omladla rosau (fd. 66).*

(стр. 17); w nězném obgjmánj (стр. 46); nebylot' nězněgi stwořeného (стр. 71); nězné přispewky (стр. 81); o nězná dobrotiwá Bohyně (стр. 196). Въ книжкѣ Ганки 1817 г.: Prostonárodnj Srbská Muza, do Čech přewedená (Č. I). W Praze. 1817: Ptácy nězné pjsně pěli, Slysset bylo tam pjsstěly, Slawjček swistal (стр. 31. Petrburgská pjsen).

Надѣюсь, послѣ этихъ примѣровъ никто не скажетъ, чтобы Ганка сталъ употреблять слова nězný и пр. послѣ ужь того, какъ нашлись въ Mater Verborum глоссы něha, něhovati, или что эти глоссы, по палеографическимъ наблюденимъ оказавшіяся новѣйшими, могли быть вписаны (послѣ 1818 г.) какимъ-нибудь Чехомъ, который не меньше Ганки дорожилъ усвоеніемъ древне-чешскому языку словъ něha, něhovati, и вѣроятно, по какой-то особенной случайности, также нѣжно, какъ Ганка, любилъ всѣ производныя отъ нихъ слова.

Отмѣтимъ еще другую случайность. Выше мы привели нѣсколько церковно-славянскихъ или по образцу церковно-славянскому сочиненныхъ чешскихъ словъ, какъ-то: blahodobie, blahorodie, blahovolie, blahozwučie. Къ этому же роду словъ, конечно, принадлежитъ и blahodějné (jutro), встрѣчающееся въ Краледворской рукописи (Čestm. a Vlasl., ст. 116). Этого рода слова также, какъ и слово: нѣжный и пр., были особенно любимы Ганкою. Приведемъ нѣсколько примѣровъ:

ostawila mne zde
w rozwinutém mági,
w blahowěřj, že s nj
zapoletjm k rági. (Pjsne. 1831. Žalost, стр. 44).

„blahozwučné pjsťaly“ (Hesnerowy Idylly. 1819. с. 124); „žena krásna, autlého zrústu a blahorodného wzeztenj“ (стр. 132); „Swat a požehnan mi bud' ten, kdož stjny tyto tak blahoděgně sem wštěpil.“ (стр. 131); „plna blahorodných, vznešených citů; (стр. 217); „blahodějná ženo: (стр. 134); „blahoděgný hospodái“ (стр. 176); „každé blahoděgstwj wyléwali na ně“ (стр. 189); „blahonaděgnj snowé“ (стр. 144); „blahowonná dauška“ (стр. 166); „blahowonnost“ (стр. 111).

Едва ли не болѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ и современниковъ, чешскихъ писателей, любилъ Ганка употреблять въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ слова русскія, а частью и церковно-славянскія. Напримѣръ, въ чешскомъ языкѣ, ни древнемъ, ни новомъ (народномъ), не употребителенъ глаг. влати. Ганка его употребляетъ, а за нимъ стали употреблять и другіе писатели. Такъ, въ переводѣ Идиллій Гесснера: „spotěšenjm se djwám, gak moge šediwá brada bělosněžně

ptes prsí wlage“ (стр. 69); Въ стихотвореніи Laučenj, II, (1831, стр. 45):

Po žjém poli	вѣ
žjto wlage se ¹⁾ ,	вѣ
teplými wětry	вѣ
zakwětage se.	

Вѣроятно, Ганка разрѣшилъ себѣ такую вольность послѣ открытія Суда Любуши, гдѣ za te luta gozvlaiáše buga стоитъ совершеннымъ особнякомъ и не находитъ себѣ оправданія и объясненія ни въ одномъ изъ памятниковъ чешской письменности, за исключеніемъ приведеннаго мѣста изъ стихотворенія Ганки.

Весна у Моравянъ и Словаковъ теперь и въ старинномъ чешскомъ называется vesno ²⁾ въ ср. р.; впрочемъ употребительнѣе слово jaго. Ганка въ своихъ стихотвореніяхъ употребляетъ сл. Vesna:

ostawila w kwjťj	вѣ
gjmž se Wesna skwěge.	

Вѣроятно, Ганка сталъ употреблять это слово, потому что оно нашлось въ Краледворской рукописи—въ знаменитомъ мѣстѣ: po putí vsej z Vesny ро Могани,—а затѣмъ и въ Mater Verbohum, гдѣ обѣ глоссы (vesna bis), по палеографическимъ признакамъ, г. Патера считаетъ подложными.

Въ спискѣ неизвѣстныхъ словъ, приложенномъ въ стихотвореніяхъ Ганки 1831 г., слѣдующія слова заслуживаютъ вниманія: gesen, изрѣдка попадающее въ старо-чешскомъ, употребительное только у Словаковъ, kurhan (mohyla, hrob), ladný (skwělokrásný), lichý (zlý, falešný), zbor (zhromažděnj), žurbetí (hrbetí).

4) Hrabivý (hrabiví) гарах. Это слово любопытно тѣмъ, что оно встрѣчается еще въ Краледворской рукописи и нигдѣ больше. Г. Патера съ палеографической стороны призналъ эту глоссу новѣйшею. Очевидно, она вписана послѣ открытія Краледворской рукописи, и притомъ лицомъ, знавшимъ, что это слово рѣдкое и замѣчательное. Случайно или съ извѣстнымъ умысломъ записано это слово въ Mater Verbohum?

Тотъ же самый вопросъ возбуждаютъ и слѣдующія глоссы:

5) Chrabrost fortitudo mentis. Это слово встрѣчается еще только въ Краледворской рукописи. Изъ новѣйшихъ писателей чешскихъ сл.

¹⁾ Въ объясненіи неизвѣстныхъ словъ Ганка отмѣтилъ: wlatí se wlnowati se, wlny dělati.

²⁾ Такъ Ганка употребляетъ въ переводѣ Геснеровыхъ Идиллій: radostné Wesno (стр. 222, fröhlicher Lenz).

chrabrý, chrabr чуть ли не первый употребилъ другъ Ганкинъ Линда, котораго, какъ увидимъ, Добровскій обвинялъ въ поддѣлкѣ вмѣстѣ съ Ганкою пѣсни о Вышеградѣ и Суда Любуши. Линда выпустилъ въ свѣтъ (9-го сентября 1818 г.) свой романъ: *Zaře nad pohanstvem*, съ которымъ мы послѣ познакомимся. Въ этомъ романѣ, представляющемъ между прочимъ картину чешскаго язычества, приводятся славословія или гимны богу Святовиту, или какъ онъ въ романѣ называется—Свантовиту. Тутъ между прочимъ поется:

Ty gsy dobr,
ty gsy mocen,
ty gsy chrabr,
ty gsy krásen.

6) *Vojevoda-dux*, — *voievodi-duces*. Здѣсь любопытно не самое слово, въ древнемъ и ново-чешскомъ весьма употребительное, а его форма, безъ стяженія, которое издревле составляетъ одну изъ самыхъ типическихъ особенностей чешскаго въ ряду родственныхъ славянскихъ нарѣчій. Во всѣхъ древнихъ памятникахъ это слово является въ формѣ стинутой, то-есть, *vévoda*, *vúvoda*. Въ формѣ же *vojevod*—это слово является лишь въ Судѣ Любуши (*vsiak ot svej celiedi vojevodi*), въ Краледворской рукописи и въ видѣ *vojvoda* въ романѣ Линды, во всякомъ случаѣ написанномъ раньше открытія перваго, и надо полагать, оконченномъ въ рукописи, какъ увидимъ, почти одновременно съ открытіемъ втораго памятника, если еще не раньше. Вотъ примѣры изъ романа Линды:

„*Giž woywoda Čech přichozy do kragin nassich postavil sem tohoto Boha přinesseného za trogimi horami a přes čtyry teky*“ (*Zaře nad pohanstvem*. Praha. 1818, стр. 26).

tam od dalekých wrchů černých
powstal Woywoda Čech se žástupem swým
a gal se giti do kragin nassich,
do nassich wrchů a hágů. (стр. 30).

„*Bratře, wúdcе národa Woywody Cecha*“ (стр. 83).

„*A powstal li nepřítel vlasti, tu býwal knjže pražský Woywodau národu.*“ (стр. 164).

Быть можетъ, Линда случайно написалъ *Vojvoda*, а потомъ открылись слова *voievodi* и *vojevoda* въ Судѣ Любуши и Краледворской рукописи? Вѣроятно, фальсификаторъ *Mater Verborum* внесъ слово *vojevoda* безъ всякаго умысла и не зная, что эти слова Суда Любуши и Краледворской рукописи могутъ возбуждать подозрѣніе?

7) *Rodný, rodná—bratr rodný germanus frater, sestra (seztra) rodná germana.* (Здѣсь уже не *zesti*). Слова: родной въ нашемъ смыслѣ у Чеховъ не было: ни въ древнихъ, ни въ старинныхъ памятникахъ оно не встрѣчается. Что этого слова не было и не могло быть въ древнемъ чешскомъ языкѣ, въ быліиѣ X—XI в., оно понятно, такъ какъ самыя понятія родной братъ и родная сестра относительно новыя. Эти два выраженія—родной братъ и родная сестра—встрѣчаются только въ Судѣ Любуши, и нашъ фальсификаторъ вписаніемъ этихъ двухъ глоссъ въ *Mater Verborum* изобличилъ не только свою личность, но и свою увѣренность въ подложности Суда Любуши. Еслибъ онъ самъ твердо вѣрилъ въ подлинность этого памятника, то зачѣмъ бы ему было въ чешскую рукопись XIII в., поддѣлываясь подъ ея древній почеркъ и правописание, вписывать рѣдкія, подозрительныя слова Суда Любуши?

8) *Přizný (řizni) frugalis.* Въ Судѣ Любуши есть *řizne die*, а въ Краледворской рукописи *řizno*. Вотъ три случая употребленія этихъ словъ во всей чешской письменности. Эти слова служатъ однимъ изъ сильныхъ доказательствъ подложности Суда Любуши и... Краледворской рукописи. Это слова, не только никогда въ чешскомъ языкѣ не существовавшія, но и совершенно невозможныя ни въ какомъ славянскомъ нарѣчій. Слово *řizní*, какъ уже показалъ Добровскій, сдѣланное. Оно сочинено чловѣкомъ, кое-что, только не хорошо, знавшимъ по части сравнительной грамматики славянскихъ нарѣчій. Онъ зналъ древне-славянское и русское слово польза, и предполагая совершенно ошибочно, что имя чешскаго города Pilsen (Pilsen), собственно происходящее отъ древн. слав. плъз-, серб. пуз-, русск. ползти, одного происхожденія съ русск. польза, сочинилъ для понятія пользы чешское слово *řizeň*, и затѣмъ образовалъ такое же невозможное прилагательное *řizný*. Онъ не зналъ и не догадывался, что древне-слав. и русск. польза есть прежде всего слово сложное, съ пр. *no*, которое никогда въ слав. языкахъ своего *o* не теряетъ, какъ русскіе предлоги: во (въ), со (съ), ко (къ), гдѣ *o* не первоначальное и гдѣ въ другихъ славянскихъ нарѣчійяхъ, не знающихъ вовсе перехода *ъ* въ *o*, какъ на примѣръ, въ сербскомъ, хорватскомъ, словинскомъ, чешскомъ и частью въ польскомъ (гдѣ не тутъ, а въ другихъ случаяхъ еще *o* является вм. др. слав. *ъ*), вмѣсто *vo*, *so*, *ko* употребляются *va*, *sa*, *ve*, *ke*, *ku*: въ словинск. есть *so*—др. слав. *сѣ*. Этотъ фальсификаторъ не зналъ, что въ сл. польза, русск. польза и польга (какъ нельга = нельзя) кор. *льг*, что это слово одного происхожденія не съ чешск. Pilsen, а съ чешск. *lze, lřita*, слов. (мѣстн.) *Lehota* (русск. льгота), съ

серб. лаган, лагано, тогда какъ чеш. *plzen* въ сродствѣ съ серб. пѹзати, пѹзити, пѹзавѣ и проч. ¹⁾). Эта глосса *plznu* есть одно изъ важнѣйшихъ хронологическихъ указаній. Она свидѣтельствуетъ вмѣстѣ съ другими, что подложныя и поддѣльныя глоссы сочинены и написаны по открытїи Суда Любуши и Краледворской рукописи, слѣдовательно, никакъ не раньше 1817—1818 г., именно послѣ поступленія рукописи изъ Брезницы въ Чешскій народный музей, а слѣдовательно, послѣ 1818 г. Но эта глосса свидѣтельствуетъ еще о другомъ болѣе важномъ обстоятельствѣ, именно о томъ, что фальсификаторъ чешскихъ глоссъ *Mater Verborum* живо принималъ къ сердцу подозрѣнїя Добровскаго въ подлинности Суда Любуши, не только старался прискаты данныя, подтверждающія его подлинность, по, что еще любопытнѣе, даже принималъ предохранительныя мѣры противъ могущихъ, по его мнѣнїю, возникнуть въ послѣдствїи подозрѣнїй и сомнѣнїй относительно самой Краледворской рукописи, въ подлинности которой въ 1820-хъ годахъ никто не сомнѣвался, даже самъ Добровскій. Умышленнымъ выборомъ нѣкоторыхъ словъ, тенденціозностью нѣкоторыхъ изъ своихъ глоссъ фальсификаторъ *Mater Verborum* раскрылъ потомству свое

¹⁾ Въ древне-чешскомъ было также это слово, что впрочемъ видно и изъ мѣстнаго названїя *Plzeň*. См. въ новооткрытыхъ г. Патерою чешскихъ и болгарскихъ глоссахъ (*Cas. Česk. Mus.* 1878. IV, стр. 552) XII в. *aplznet se (zplznetze) fetentique fluvio laboretur.* въ тѣмъ же и зловоннѣй рѣкѣ называемъ въпадааше. Въ желанїи доказать во что бы ни стало подлинность, древность Суда Любуши не отстававшїй отъ Палацкаго, Шафарикъ прибѣгаетъ къ странной натяжкѣ и замѣчаетъ: «Dobrowsky's Ableitung aus *po* und *lza* ist zweifelhaft: in Georgii Monachi Hamartoli Chronicon, einem correcten Serb. Codex auf Perg. vom J. 1389, liest man ausdrücklich: на пользоу юмоу nicht ползоу. Fol. 238, col. 2, was mit unserm *plzeň, plznu*, schön übereinstimmt. (Die ält. Denkm. S. 55). Прибавимъ, что Миклошичъ въ своемъ Словарѣ привелъ еще другой случай столь же ошибочнаго написанія *польза* изъ одной рукописи XVI в. Но слово *польза* въ славянскихъ рукописяхъ встрѣчается конечно много десятковъ разъ въ совершенно правильномъ видѣ: *польза*. Нѣсколько случаевъ ошибочнаго его написанія ничего не доказываютъ, равно какъ древность и правильность списка никогда не можетъ гарантировать отъ двухъ, трехъ и даже болѣе случайныхъ ошибокъ. Прилагательное (отъ *польза*) могло первоначально быть *польз-ин*, съ приставкою *ин*, которая въ послѣдствїи замѣнилась приставкою *им*, отвѣчающею и безъ того греч. и лат. *прист. inos, inus, inas*. Это въ объясненїе *з (пользы)*, вмѣсто котораго слѣдовало бы ожидать *ж*. Форма же *польж-ын* не явилась, а не удержалась въ языкѣ, ибо легко могла породить противныя древнему и чистому языку недоразумѣнїя, отъ смѣшенїя съ слов. *лещи, лежати, за-лежь* и производными.

невѣріе въ подлинность этихъ памятниковъ или, прямо сказать, свою увѣренность въ ихъ подложности.

Я указывалъ на нѣкоторые, такъ сказать, слѣды связей и какъ бы внутренняго согласія и сочувствія фальсификатора чешскихъ глоссъ съ Линдою, авторомъ романа *Záře nad rohanstvem*, 1818 г. Глоссы *chrabrost* и *vojvododa* и употребленныя Линдою слова *vojvoda* и *chrabr*, безъ сомнѣнія, покажутся осторожнымъ ученымъ случайностями, ничего не доказывающими. Но спрашивается: какъ имъ угодно будетъ объяснить слѣдующую странную случайность и совпаденіе представленій о богинѣ Живѣ у Линды, у фальсификатора чешскихъ глоссъ и у Ганки. Я предполагаю теперь вмѣстѣ съ осторожными учеными, что тутъ было собственно не два, а три разныхъ лица, то-есть, не Линда и Ганка, какъ оно было на дѣлѣ, а 1) неизвѣстный фальсификаторъ, 2) Линда и 3) Ганка.

Мы уже знаемъ, что богиня Жива является въ *Mater Verborum* четыре раза. Въ одномъ мѣстѣ *siva* поддѣлано изъ *aiunt*, въ другомъ изъ *sive* (*dea sive imperatrix*), въ третьемъ недавно написано *siva*, въ четвертомъ на первомъ листѣ, въ надписи медальона *aestas siva* тоже повѣйшей приписки. Мы видѣли, что тутъ изображенъ скорѣе юноша, чѣмъ женщина, что во всякомъ случаѣ изображенное тутъ лицо держитъ въ одной рукѣ (геральдическую) лилію, а въ другой (геральдическій) трилистникъ, и что тутъ нѣтъ ничего похожаго на колосья.

Въ своемъ изданіи чешскихъ глоссъ *Mater Verborum* (1833 г.) Ганка слѣдовалъ алфавитному порядку латинскому и прежде сообщаетъ латинскую глоссу, а за нею приводитъ чешскую. Часто онъ прописываетъ весь текстъ латинской глоссы, какъ бы пространенъ онъ не былъ, на примѣръ, *clamis, pallium est, quod ex una parte induitur neque consuitur sed fibula infrenatur, kirzno*. Но въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ были поддѣлки и подчистки, онъ какъ будто случайно, но въ сущности конечно для удаленія подозрѣній, сокращаетъ текстъ латинскій. Такъ поступилъ онъ и съ тѣми глоссами, въ которыхъ было поддѣлано, съ помощью подчистокъ, слово Жива. Въ первомъ случаѣ, гдѣ было: *Dea frumenti ceres, sed hoc pagani siva* (вм. *aiunt*), Ганка напечаталъ такъ: *Dea frumenti, ceres, siva* и выпустилъ оставшееся въ рукописи послѣ подчистки: „*sed hoc pagani*“. Ганка это сдѣлалъ очевидно для того, чтобъ удалить всякое подозрѣніе, ибо чтеніе: „*sed hoc pagani siva*“ поразило бы своею странностью всякаго даже новичка въ палеографіи и филологіи. Съ глос-

сою же: „*Dina dea siua impetratrix*“, гдѣ *siua* поддѣлано изъ союза *siue*, Ганка-издатель распорядился такимъ образомъ: онъ пропечаталъ просто *dina, dea, siua* и выпустилъ *impetratrix*, какъ будто ея и не бывало¹⁾. Еслибъ эти подчистки были сдѣланы не самимъ Ганкою, то какъ ему было бы не остановиться на такихъ чтеніяхъ, которыя легко возбудили бы сомнѣніе и подозрѣніе въ самомъ неопытномъ начетчикѣ рукописей, не то что въ ученикѣ Добровскаго, издатель и комментаторъ разныхъ древнихъ памятниковъ, хорошо знавшемъ мнѣнія и доказательства Добровскаго относительно прежнихъ подлоговъ: пѣсни о Вышеградѣ, Суда Любуши, отрывковъ Евангелія отъ Іоанна. Хорошо зналъ Ганка, что Добровскій подозрѣвалъ между прочимъ его въ этихъ подлогахъ. Въ высшей степени замѣчательно для характеристики Ганки, что, зная объ этомъ подозрѣніи Добровскаго²⁾, онъ писалъ въ письмѣ къ Добровскому отъ 16-го іюня 1821 г. слѣдующее: „Д-ръ Юнгманнъ (акушеръ) прилежно изучаетъ санскритъ, и желая имѣть разсужденіе Маевскаго, которое вы также изволите имѣть, вступилъ въ переписку съ Маевскимъ, которому дурную копію о Любушинѣ Судѣ сообщилъ (по руски въ чешскомъ подлинникѣ), а тотъ (то-есть, Маевскій) подѣлъ съ нею (a ten se s tím Rakoveckému vytasil) къ Раковецкому. Въ его сочиненіи (*Prawda Ruska*) эта копія и напечатана вмѣстѣ съ латинскимъ письмомъ Юнгманна. Когда мы это здѣсь получили, увидалъ я, какъ это должно было быть ошибочно, почему самъ, находясь здѣсь въ полной практикѣ языка польскаго съ графомъ Любенскимъ, написалъ Раковецкому, что это мы здѣсь имѣемъ въ подозрѣніи (*že to zde v podezření máme*), и приложилъ ему болѣе вѣрный списокъ, дабы о томъ могли лучше судить (*a přiložil sem mu věrnější přepis aby se o tom lépe souditi mohlo*“³⁾). Итакъ, Ганка писалъ Добровскому, что и для него самого между прочимъ Судъ Любушинъ подозрителенъ

¹⁾ Такіе же странные пропуски и небрежности допущены Шафарикомъ и Палацкимъ въ ихъ злополучномъ изданіи (1840 г.), разборъ котораго мы представимъ при разсмотрѣніи Суда Любуши.

²⁾ Добровскій писалъ Ганкѣ изъ Вены (іюнь 1821 г.): «*Polak jakýsi, jenž Pravdu Ruskou přeložil, v předmluvě dosti obšírně mluví také o verších českých nově vymyšlených o libušině soudu. Kdož pak mu takové věci, za kteréž bysme se stydětí měli, tam poslal. Já aspoň to nerád vidím. Honosme se tím, což pravdivéko máme a smyšlených věcí nechejmež těm jenž nic staršího nemají. Čas. Česk. Mus. 1870. IV, стр. 329.*

³⁾ *Čas. Česk. Mus.* 1870. III, стр. 239—240.

и подлинность его не доказана. Раковецкій издаетъ Судъ Любушинъ, какъ драгоценнѣйшій памятникъ древности. Ганка находитъ, что у Раковецкаго былъ дурной списокъ, и что подлинность этого памятника сомнительна: мы де здѣсь имѣемъ его въ подозрѣніи. Для сего Ганка и сообщилъ Раковецкому болѣе вѣрный списокъ и свое подозрѣніе въ подлинности памятника. Все это онъ сдѣлалъ, дабы лучше могли судить объ этомъ, такъ какъ прежде Раковецкій судилъ поспѣшно. Правда, эти слова можно понимать на двое. Для Добровскаго они должны были имѣть одинъ смыслъ, сейчасъ указанный; но отъ этого смысла можно было, когда понадобится, и отпереться. „Мы здѣсь имѣемъ въ подозрѣніи“. Это не я, Ганка, а нѣкоторые ученые, напримѣръ, Добровскій; я сообщилъ болѣе вѣрный списокъ, *aby se o tom lére souditi mohlo*, то-есть, пусть судятъ, дѣйствительно ли этотъ памятникъ подозрителенъ. Важно было бы имѣть это письмо Ганки къ Раковецкому и другія его современныя письма о Судѣ Любуши.

Зная, что Добровскій подозрѣваетъ его въ сочиненіи Суда Любуши. Ганка имѣлъ въ 1824 г. неприятность прочитать въ Архивѣ Гормайра слѣдующее заключительное замѣчаніе Добровскаго о Судѣ Любуши: „*von nun an wird es (das Fragment) Niemand mehr für was anderes halten können, als für einen offenbaren Betrug eines Schurken, der seine leichtgläubigen Landsleute zum Besten haben wollte*“.

Безъ сомнѣнія, изъ устъ Добровскаго, человѣка прямого и не стѣсняяшагося въ выраженіяхъ, когда шло дѣло о лжи и обманѣ, Ганкѣ приходилось не разъ слышать такіа же строгія и рѣзкія замѣчанія. Вотъ отчего онъ и писалъ Добровскому: *že to zde v podezrení máme*. Замѣчательно, что до смерти Добровскаго (1829 г.) Ганка публично хранилъ глубокое молчаніе о подлинности Суда Любуши, но по смерти его, въ новомъ изданіи Краледворской рукописи 1829 г., тотчасъ же напечаталъ Судъ Любуши, выдавъ его за памятникъ XI в., и съ того же года сталъ прилагать къ своимъ изданіямъ Краледворской рукописи пѣснь о Вышеградѣ и любовную пѣснь короля Вячеслава. Но въ этимъ подробностямъ мы еще воротимся.

Послѣ такихъ заявленнхъ Добровскимъ противъ него подозрѣній Ганка, если бы былъ невиненъ, и слѣдовательно, искренне возмущенъ такимъ несправедливымъ о немъ мнѣніемъ, непременно сталъ бы осторожнѣе и внимательнѣе въ своихъ описаніяхъ и изданіяхъ древнихъ рукописей. Нѣкоторыя подчистки въ *Mater Verborum* сдѣланы до того грубо, что видны простому глазу. Ганка же не только не замѣтилъ ни одной изъ нихъ, но и всѣ испорченныя подчисткою ла-

тинскія глоссы напечаталъ (1833 г.) такъ, что видимо его желаніе устранить всякое даже о томъ подозрѣніе.

Обращаемся же теперь къ Живѣ. Надпись на медальонѣ первой миниатюры (буква А) по палеографическимъ признакамъ найдена новѣйшею, подложною. Что навело фальсификатора на мысль обратить и перекрестить эту фигуру въ богиню Живу? Безъ сомнѣнія, представленное въ медальонѣ изображеніе принялъ онъ за женскую фигуру, а не за мужскую. Обнаженная лѣвая грудь легко могла навести его на мысль о женщинѣ, а не о мужчинѣ или юношѣ. Но почему онъ эту женщину нашелъ возможнымъ переименовать въ богиню Живу? Въ его же глоссахъ есть и Дѣвана, Лада и Лѣтница. Отчего же это Жива? Изображенія Живы были извѣстны въ то время. Въ саксонской хроникѣ Ботона конца XV в. она изображена въ видѣ нагой женщины съ длиннѣйшими распущенными волосами и лавровымъ вѣнкомъ на головѣ; въ лѣвой рукѣ, поднятой къверху, она держитъ кисть виноградную съ листьями, въ правой, закинутой назадъ, пальцо ниже груди—золотое яблоко. Гебгарди говоритъ: „Die Siwa zu Rethra war bekleidet und trug einen schlappenden nackten Mann auf dem Haupte, und eine Weintraube in der Hand“ (S. 243). Онъ же прибавилъ: „Masch hält den Mann für einen Affen“.

Но съ колосьями въ рукахъ богини Живы не представляли. И цвѣты, которые держитъ въ рукахъ изображенное въ медальонѣ лицо, нисколько не похожи на колосья.

Не могу видѣть случайности въ томъ, что въ исторической повѣсти Линды: *Zate nad rohaustwem* 1818 г. говорится о празднествахъ Живы, *bohyně augody polnj*, слѣдующихъ за празднествами Лады и Перуна и предшествующихъ радованкамъ пастуховъ богу Волосу; разказывается также (въ разговорѣ матери съ ребенкомъ на народномъ празднествѣ въ честь Святовита), что „нѣкогда колосья хлѣбные были также высоки, какъ ели, но одинъ изъ злыхъ боговъ захотѣлъ разомъ погубить весь хлѣбъ и наслалъ всѣхъ чернбоговъ, дабы оне все пожгли, и дабы ничего болѣе не росло; тогда добрая богиня Жива захватила одинъ колось, еще горящій, и уберегла лишь то, что держала въ горсти, и съ той поры хлѣбъ имѣетъ такіе маленькіе колосья“¹⁾ (стр. 36—37).

¹⁾ Ганушъ полагалъ, что то не Жива, а Сива (отъ сѣяти и пр.) или отъ *altsl. siev—anije splendor*. «Das erstere ist wahrscheinlicher, da die Gestalt d. Göttin in d. Miniatur Aehren in der Hand zu halten scheint. *Wer wird bei diesen*

Нельзя не думать, что это мѣсто Лиды вдохновило фальсификатора и болѣе всего внушило ему мысль о переименованіи въ Живу этой фигуры въ медальонѣ съ лиліей и трилиственникомъ въ рукахъ. Дѣйствительно ли онъ самъ принялъ лилію или трилиственникъ за колосья, или же успокоился на фикціи и на авось—сойдутъ они и за колосья, мы не знаемъ, но можемъ быть увѣрены, что только съ этою вѣрою, фикціей или авось фальсификаторъ могъ сдѣлать свою надпись на медальонѣ: *Estas Siva*. Нельзя не считать вѣроятнымъ, что на его рѣшимость сдѣлать эту надпись повліяло немало приведенное мѣсто изъ Лиды о богинѣ Живѣ. Но фальсификаторъ не раскрывалъ намъ своихъ побужденій и мотивовъ; мы можемъ только догадываться о нихъ, узнавъ теперь, черезъ пятьдесятъ слишкомъ лѣтъ, объ его подлогахъ и ознакомившись съ романомъ или повѣстью Лиды: *Zaře nad rohanstvem*. Въ 1833 году Ганка издаетъ чешскія глоссы *Mater Verborum*, и въ краткомъ своемъ описаніи миниатюры перваго листа (буква А), остановившись на изображеніи въ медальонѣ, говорить слѣдующее: „Въ зеленомъ вѣнцѣ стоитъ полунагая, съ распущенными волосами особа (*rozprostowlasatěla osoba*), держащая въ одной рукѣ колосья, а въ другой цвѣты. На самомъ вѣнцѣ находится надпись „*Estas Siva*“, богиня, много разъ въ этой рукописи встрѣчающаяся“ (*Zbirka*, стр. VII). Еще раньше, въ 1827 г., Ганка также описывалъ эту фигуру: „богиня, въ половину приодѣтая, въ одной рукѣ держащая колосья, въ другой цвѣты, съ надписью *Estas. Siva*“. (*Čas. Česk. M.* 1827, IV, стр. 69 и слѣд.). Что же мы видимъ въ этомъ описаніи Ганки? Онъ совершенно входитъ въ кругъ понятій фальсификатора и самъ видитъ въ одной рукѣ Живы колосья вмѣсто лиліи или трилиственника. Онъ написалъ это въ 1827 г. и повторилъ въ 1833 г. Ганка держался той же вѣры или фикціи фальсификатора, безъ которой послѣдній не могъ изображеніе медальона приписать богинѣ Живѣ. Однимъ изъ факторовъ этой вѣры или этой фикціи должно было быть знакомство фальсификатора съ приведеннымъ мѣстомъ Лиды о колосьяхъ въ рукѣ Живы. Все это намъ понятно теперь, но какъ же это понялъ и схватилъ Ганка? Объясняя, что богиня Жива держитъ въ одной рукѣ колосья, Ганка тоже, значить, припомнилъ себѣ это же представленіе Живы у Лиды и ошибся или увлекся совершенно одинаково съ фальсификаторомъ, наведенный къ тому тѣмъ же *Umständen noch behaupten wollen, dass ein moderner Böhme die Glossen fabricirte?* (*Sitzungsber. d. k. böhm. Ges.* 1865, стр. 53). Ганушъ о колосьяхъ повторилъ за Ганкой.

мѣстомъ Линды. Линда вовсе не былъ такимъ великимъ поэтомъ и художникомъ, который можетъ одинаково настраивать и вдохновлять людей совершенно разныхъ и чуждыхъ другъ другу. Да и это мѣсто Линды о Живѣ вовсе не такого рода, чтобъ оно легко могло поправиться двумя совершенно разными лицамъ.

Мы уже убѣдились въ невозможности предположить поддѣлки и подлоги въ *Mater Verborum* до 1818 г., до поступления рукописи изъ Брезницы въ Чешскій народный музей; мы видѣли, что нѣкоторыя отдѣльныя глоссы имѣютъ важное хронологическое значеніе, прямо указывая на время, не болѣе раннее, чѣмъ конецъ XVIII столѣтія, или даже, чѣмъ 1817—1818 гг., годы открытія Суда Любуши и Краледворской рукописи; мы замѣтили, что инныя глоссы изобличаютъ какъ пристрастіе фальсификатора къ рѣдкимъ или вовсе не чешскимъ словамъ, которыя любилъ Ганка или употреблялъ другъ его Линда въ своемъ романѣ, такъ и тожество представленій богини Живы съ колосьями въ рукѣ у фальсификатора, у Ганки и у Линды. Послѣ всего этого мы считаемъ себя въ правѣ всѣ найденныя по палеографическимъ наблюденіямъ новѣйшими и подложными чешскія глоссы *Mater Verborum* вмѣстѣ съ подчистками и поддѣлками (всего слишкомъ 800 глоссъ) относить къ періоду времени 1818—1827 гг., но никакъ не раньше. Всѣ эти поддѣланныя и подложныя глоссы обличаютъ одного фальсификатора, одно лицо, одну руку. Сверхъ тѣхъ глоссъ, которымъ мы придали хронологическое значеніе, еще слѣдующія соображенія не позволяютъ относить эти подлоги къ первой половинѣ XVIII в., или къ вѣкамъ XVII, XVI, XV и XIV. Писателю XIV в. не было никакой надобности поддѣлываться подъ письмо и правописаніе половины XIII столѣтія. То же самое отчасти можно сказать и про XV в., хотя относительно послѣдняго, равно какъ и про XVI, XVII и XVIII столѣтія, слѣдуетъ прибавить, что въ тѣ времена никто не могъ, если бы даже и хотѣлъ, поддѣлываться подъ письмо, правописаніе и языкъ половины XIII в. Въ эти столѣтія, равно какъ и раньше, совершались довольно часто различныя палеографическія подлоги, но они касались дипломовъ, жалованныхъ грамотъ и различныхъ актовъ, преимущественно на латинскомъ языкѣ, и руководились цѣлями практическими и корыстными. Эти подлоги бывали по большей части грубы, и тѣмъ грубѣе, чѣмъ далѣе отстоялъ фальсификаторъ отъ того времени, которому онъ хотѣлъ приписать свой подлогъ. Но совершать подлоги и подчистки въ памятникѣ чисто литературномъ и ученомъ, не богословскомъ, а филологическомъ, въ памятникѣ не латинскомъ, а народ-

номъ чешскомъ, не было рѣшительно никакой нужды для людей XV, XVI, XVII и первой половины XVIII столѣтій. Наконецъ, въ XV и въ значительной части XVI в., въ эпоху религіознаго возбужденія умовъ, ученымъ и писателямъ чешскимъ было вовсе не до подложныхъ глоссъ. Въ XVI и частью XVII вв. Чехія имѣла нѣсколько замѣчательныхъ для своего времени филологовъ и знатоковъ чешскаго языка, но ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ тѣхъ свѣдѣній объ историческомъ развитіи языка, о древнемъ чешскомъ языкѣ, которыя впервые разъяснили и расиространили у Чеховъ отчасти Томса и особенно Добровскій къ 1818 г. включительно, и которыя къ этому времени успѣлъ уже усвоить себѣ, напрямѣръ, Гавка.

Въ полномъ сознаніи всей тяжести взводимаго нами обвиненія на человѣка, котораго такъ долго всѣ въ Россіи, и мы въ томъ числѣ, считали однимъ изъ лучшихъ и благороднѣйшихъ славянскихъ дѣятелей, я считаю себя въ правѣ и даже нравственно обязаннымъ—не скрывать правды, не молчать объ обнаруженной и столь долго царившей въ наукѣ лжи, но утверждать прямо и рѣшительно, что эти подчистки, поддѣлки и подлоги принадлежать, безъ всякаго сомнѣнія, бывшему бібліотекарю музея В. В. Ганкѣ.

Если вѣрно, что эти поддѣлки и подлоги въ *Mater Verborum* не могли быть сдѣланы раньше поступленія рукописи въ музей, слѣдовательно, были совершены въ самомъ музеѣ, въ Прагѣ, въ періодъ времени съ 1818 по 1827 г., то также вѣрно, что они не могли быть сдѣланы никѣмъ, кромѣ Ганки. Поддѣланныхъ и подложныхъ глоссъ много, слишкомъ восемьсотъ (848). На эти подчистки, выскабливанія, поддѣлки и вписки новѣйшихъ надписей и глоссъ требовалось много времени. Даже теперь у Чеховъ очень мало людей, преданныхъ наукѣ и на столько свободныхъ и обезпеченныхъ, что могли бы спокойно отдавать цѣлые мѣсяцы и годы своимъ любимымъ ученымъ занятіямъ въ бібліотекахъ и архивахъ. И теперь въ чешскихъ архивахъ и бібліотекахъ преимущественно работаютъ свои же архивариусы и бібліотекари, да тѣ немногіе ученые, которые получаютъ особня порученія и пособія отъ земства и правительства, при чемъ первое не особенно щедро, а послѣднее и вовсе почти не помогаетъ чешскимъ ученымъ. Въ 1818 — 1827 гг. у Чеховъ, за исключеніемъ Добровскаго и отчасти Палацкаго, не было совсѣмъ ученыхъ и даже любителей науки, не заваленныхъ разными текущими работами, которыя не давали имъ времени заниматься по собственному выбору и желанію

разными вопросами по филологіи и исторіи, а тѣмъ болѣе проводить утра и дни въ библіотекахъ надъ рукописями.

Разсматривалъ поддѣльныя и подложныя глоссы, мы замѣчаемъ, что глоссы, такъ сказать, тенденціозныхъ сравнительно очень немного. Напротивъ, мы видимъ между поддѣльными и подложными глоссами огромную массу совершенно, такъ сказать, бесполезныхъ и излишнихъ, ничего ровно не прибавляющихъ, ничего рѣшительно не доказывающихъ, множество словъ простыхъ, обыкновенныхъ и извѣстныхъ чуть не каждому Чеху, или, правда, словъ устарѣлыхъ и вышедшихъ изъ употребленія, но встрѣчающихся въ памятникахъ, изданныхъ, напримѣръ, въ *Starobyla skladanie*, въ хроникѣ Далимиловой. Очевидно, у фальсификатора было много свободнаго времени. Онъ работалъ себѣ исподволь, не торопясь, ничѣмъ не смущаясь, часто забывая о первоначальной цѣли и просто увлекаясь своимъ ближнимъ дѣломъ. Въ этой продолжительной работѣ, фальсификатора преимущественно занималъ, можно сказать, самый процессъ подчистокъ, поддѣлокъ и подлоговъ. Онъ часто отъ себя вписывалъ слова, которыя уже встрѣчаются въ подлинныхъ глоссахъ. Положимъ, тутъ могла быть извѣстная цѣль: отстраненіе подозрѣній и приданіе достовѣрности подлогамъ. Но онъ иногда скоблилъ, подчищалъ и поддѣлывалъ такія слова, за которыя даже можно сказать съ его точки зрѣнія не стоило бы брать на свою душу лишній грѣхъ или изъ-за такихъ пустяковъ марать себѣ руки.

Положимъ, что выскабливая и подчищая *atgox* и поддѣлывая изъ этого слова глоссу *Nemes* къ лат. сл. *barbagus*, фальсификаторъ отводилъ себѣ душу, скрывая давно накипѣвшую у Чеховъ злобу на Нѣмцевъ. Въ этой поддѣлкѣ есть своего рода мысль, тенденція, есть даже удовольствіе не палеографическаго свойства. Но за то сколько же подчистокъ и поддѣлокъ, сдѣланныхъ изъ любви къ искусству, изъ страсти къ подлогамъ, изъ какого-то чисто палеографическаго и фальсификаторскаго самоуслажденія! На что ему, напримѣръ, были нужны *sevolle* и *venes*, такъ и *denise*? Стоило ли для нихъ подкабливать и подчищать? Для чего ему понадобились десятки и десятки разныхъ новоприписанныхъ имъ и самыхъ обыкновенныхъ, общеизвѣстныхъ словъ?

Никакой посторонній посѣтитель и ученый, не принадлежащій къ личному составу общественной библіотеки, никогда не рѣшился бы, да и не имѣлъ бы возможности, дѣлать такіе подлоги въ учрежденіи, недавно основанномъ, въ первыхъ восемь лѣтъ его существованія. И

начальству библиотеки, и всему ученому кругу въ Прагѣ скоро стало бы извѣстно, что NN занимается рукописью *Mater Verborum*. Его спрашивали бы, чего онъ въ ней ищетъ, что въ ней напелъ и что намеренъ дѣлать съ своею работою. О такихъ работахъ въ общественныхъ библиотекахъ и архивахъ такихъ большихъ городовъ, какъ Москва и Петербургъ, Берлинъ и Вѣна, даже Парижъ и Лондонъ, скоро узнаютъ въ разныхъ ученыхъ кружкахъ. Это въ большихъ столицахъ съ крупными и разнообразными, промышленными, торговыми и государственными интересами, въ болѣе или менѣе старинныхъ учрежденіяхъ, гдѣ издавна работаетъ много ученыхъ. А что сказать о Прагѣ 1818—1827 гг. съ ея слабо развитою общественною жизнью, съ ея мелкими провинціальными интересами, и объ ея только что тогда возникшемъ музеѣ и его библиотекѣ?

До іюня 1827 г. никто изъ постороннихъ посѣтителей никогда не спрашивалъ себя *Mater Verborum* и ни единого дня не занимался ею. Кто же совершилъ эти подлоги? Самъ Ганка обличилъ себя какъ нельзя лучше. Въ первой статьѣ своей (1827 г.), оповѣстившей ученому міру о находкѣ чешскихъ глоссовъ въ *Mater Verborum*, Ганка повѣдалъ намъ слѣдующее: „14-го іюля нынѣшняго года“, говорилъ онъ, (*Mater Verborum. Neustarssj slownjk s českými glossami*), — „явился въ музей г. д-ръ Э. Г. Граффъ, совѣтникъ и профессоръ въ Кенигсбергѣ, съ рекомендательнымъ письмомъ отъ хранителя Вѣнской придворной библиотеки П. Коцтара (съ просьбою ко мнѣ), чтобъ я ознакомилъ его съ древнѣйшими пражскими рукописями и доставилъ ему доступъ къ нимъ, такъ какъ онъ занимается глоссаріемъ древнѣйшаго нѣмецкаго языка. Обѣщавъ, сколько мнѣ возможно, исполнить его желаніе и свести его въ библиотеки Капитульную, Страховскую и Клементинскую, я предложилъ ему *Mater Verborum*, сверхъ двухъ рукописныхъ словарей *Uguicij Pisani* нашей библиотеки, ибо въ первой (то-есть, въ *Mater Verborum*) тотчасъ при записываніи (ея) въ каталогъ нашель я нѣкоторыя старонѣмецкія слова (*nebot' sem w prwnj hned při zapisowánj w katalog některá staroněmecká slova bych nalezl*). *Mater Verborum* его (то-есть, Граффа) наиболѣе занимала, ибо въ ней онъ тотчасъ узналъ сочиненіе Констанцскаго епископа Саломона, который жилъ въ концѣ IX в., былъ вѣстѣ съ тѣмъ аббатомъ Санетъ-Галленскимъ и умеръ въ 920 г.“ Затѣмъ идутъ извѣстія объ его словарѣ и объ извѣстныхъ его рукописяхъ. „Г-нъ проф. Граффъ“, продолжаетъ послѣ того Ганка, — „вынувъ свои бумаги, попросилъ меня сличить съ нимъ нѣкоторыя слова, и сличивъ нѣсколько, — пришли мы

къ чешскимъ — какъ это меня обрадовало, и съ какою жадностью я искалъ далѣе, (этого) невозможно выразить, особенно когда я нашелъ, что въ словахъ нынѣшній г написано просто безъ s или z, такъ что я принялъ бы это за словацкое, и видѣлъ также всюду и послѣ мягкихъ согласныхъ и вмѣсто позднѣйшаго i, но болѣе широкаго a вмѣсто нашего e видѣтъ не нашлось; также простое e стоитъ вмѣсто ie или je. Далѣе посредствомъ внимательнаго обзора мы дошли до года, до писца и живописца, что все находится въ разрисованной буквѣ Р второй азбуки, а именно въ этой буквѣ, какъ и въ прочихъ инициалахъ, на золотомъ полѣ нѣсколько фигуръ съ различными надписями въ рукахъ: такъ нарисована Божья Матерь съ младенцемъ въ рукахъ и держитъ свитокъ съ надписью Mater IHV XPI, подъ нею два монаха въ багряныхъ рясахъ, стоящій на колѣняхъ съ надписью ORA. p. sece. Vasedo, а стоящій—ORA. P. ILLRE. MIROZLAO. A. MCH. Вообще эта рукопись огромная, самаго большаго формата въ листъ на 243 параллельныхъ листахъ, писана въ 3 столбца, по 51 строкѣ въ каждомъ, и украшена, какъ сказано, разрисованными буквами на золотомъ полѣ въ такой же самой первой буквѣ A, занимающей цѣлый листъ, сверхъ иныхъ аллегорическихъ фигуръ, вверху въ кругу находится богиня на половину одѣтая, въ одной рукѣ держащая колосья, а въ другой цвѣты, и надъ нею надпись Estas. Siva. Переплетъ старшій, изъ бѣлой кожи, покрывающей буквы доски, съ оловянными застежками. Эта драгоценная рукопись досталась въ музей въ числѣ другихъ древнихъ рукописей изъ Брезницкаго замка, благодаря великодушнѣйшей щедрости графа Коловрата Краковскаго. Гдѣ эта рукопись прежде находилась, нѣтъ на ней никакой замѣтки, хотя на остальныхъ отмѣчено: Monasterii in Rudnic, in Saczka, in Jaromir etc.“ (Cas. Cesk. Mus. 1827. IV, стр. 69—71).

Въ этомъ извѣщеніи, — утверждаемъ положительно — Ганка просто на просто лгалъ. Эта ложь заключается въ томъ, что записывая эту рукопись въ каталогъ, онъ замѣтилъ въ ней нѣмецкія глоссы и не замѣтилъ чешскихъ. Нельзя записать рукописи въ каталогъ, не перелистовавъ ея хотя слегка и бѣгло. Первый бібліотекаръ, Чехъ и патриотъ, въ только что образованной бібліотекѣ Чешскаго музея записываетъ въ каталогъ одну изъ рукописей, пожертвованныхъ графомъ Коловратомъ; возможно ли предположить, что онъ эту рукопись, бывшую графскую рукопись, запишетъ небрежно, кое-какъ, не справившись съ содержаніемъ рукописи: вѣдь самъ графъ-жертвователь или кто-нибудь изъ его близкихъ всегда могъ зайти въ музей справиться, за-

писаны ли его пожертвованія, внесены ли въ каталогъ? Кто хотя немного знакомъ съ чешскими общественными условіями, тотъ никогда не предположитъ какой-нибудь небрежности или невниманія со стороны чешскаго ученаго къ какому-либо графу, тѣмъ болѣе такому крупному жертвователю и вкладчику въ музей. Нельзя этого предположить и теперь, а въ то время, когда чешскіе писатели (и Ганка въ томъ числѣ) сочиняли и подносили стихотворенія къ именинамъ и на свадьбы разныхъ високородныхъ графовъ и князей, такая небрежность показалась бы преступленіемъ. Далѣе Ганка уже въ 1818 г. былъ большимъ любителемъ старыхъ книгъ и рукописей, любилъ ходить по антикварамъ, самъ читалъ и списывалъ для себя и для Добровскаго много рукописей, самъ издалъ нѣсколько древнихъ памятниковъ ¹⁾, наконецъ самъ въ сентябрѣ 1817 г., въ тотъ же день, какъ пріѣхалъ въ Краледворъ, отправился съ знакомымъ капланомъ на церковную башню, и тамъ въ подвалѣ, въ углу между стрѣлами, открылъ знаменитую Краледворскую рукопись. Ни одинъ любитель старыхъ книгъ и древнихъ рукописей, особенно, если ему удалось сдѣлать такую необычайную и счастливую находку, никогда не оставитъ не выданной имъ прежде книги или рукописи безъ болѣе или менѣе внимательнаго осмотра. Отъ долгой привычки обращенія съ рукописями и старыми книгами глазъ необыкновенно изощряется, незамѣтно научается быстро отыскивать главныя, существенныя черты и особенности памятника. При видѣ неизвѣстной рукописи у такихъ любителей особенно хотъ разъ сдѣлавшихъ какую-нибудь находку, можно сказать глаза разгораются и чешутся руки, и пальцы перелистываютъ рукопись, такъ сказать, инстинктивно и машинально, прежде чѣмъ сознается желаніе посмотреть памятникъ. Рукопись же *Mater Verborum* отличается своею громадвою величиною, своимъ письмомъ древнимъ и красивымъ, многими миниатюрами. На первомъ же листѣ нарисована сова или филинъ. Должно быть на основаніи же Далимила (*vůg*) еще въ 1805 г. Гибковскій писалъ о поклоненіи древнихъ язычниковъ Чеховъ совѣ; особенно отмѣчены совы и въ Краледворской рукописи ²⁾.

¹⁾ Шаарикъ говорилъ про Ганку въ 1845 г.: «Bereits im Anfange d. Jahres 1817 hatte er die meisten Bibliotheken Prags u. d. Umgegend durchsucht, die ältesten böhmischen Handschriften durchgesehen, u. aus denselben die für seine Sammlung passenden Stücke abgeschrieben (*Thun*, I. M. Gr. v.) Gedichte aus Böhmens Vorzeit. Prag. 1845, S. 6.

²⁾ Там со ctjte Perunowy třepky... Tam со wzywate wy sowu. (*Hněvkovský*,

На эту сову обратилъ, какъ мы уже видѣли, особенное вниманіе и Ганка въ своемъ изданіи глоссъ *Mater Verborum* въ 1833 г., ибо онъ также полагалъ, что совѣ или филину Чехи язычники поклонялись. Въ 1827 г. онъ упомянулъ только объ аллегорическихъ фигурахъ въ этой миниатюрѣ. На томъ же первомъ листкѣ и въ той же миниатюрѣ находится женское изображеніе съ надписью *Estas, Siva*. Записывая *Mater Verborum* въ каталогъ, Ганка не замѣтилъ ни столь важной, по тогдашнимъ и его собственнымъ понятіямъ, совы въ древности чешской, ни менѣе же важной въ мифологіи славянской богини Живы. Первый листъ, первая миниатюра *Mater Verborum* нисколько Ганки не заинтересовали. Онъ не полюбостествовалъ поглядѣть и другія миниатюры, не напалъ поэтому и на миниатюру буквы Р, гдѣ написанъ годъ и названы писецъ Вацерадъ и живописецъ Мирославъ. Впрочемъ Ганка не скрываетъ, что прежде, чѣмъ записать рукопись въ каталогъ, онъ все-таки немножко перелистовалъ и осмотрѣлъ ее, даже нашелъ въ ней древне-нѣмецкія слова, но чешскихъ не примѣтилъ. Послѣднее онъ утверждаетъ положительно ¹⁾. И нужно было случиться особому обстоятельству, нужно было явиться въ музей проф. Граффу, чтобы тотчасъ открылись, къ великому удивленію и утѣшенію Ганки, чешскія глоссы *Mater Verborum*. Что Ганка тутъ лгалъ и передъ проф. Граффомъ прикинулся не знающимъ, это ясно, какъ Божій день: нѣмецкія глоссы всѣ по большей части писаны въ строку вмѣстѣ съ латинскими, тогда

Děwjn, Praha, 1805, II, стр. 62).—Въ Крал. рук. *Tamo i vele duš tóká sěmo tamo po dřevch; jich boji se ptactwo i plachú zvět Jedno sovy neboja se.* (Zaboj, ст. 246—249).

¹⁾ Въ изданіи 1833 г. Ганка говоритъ, что *Mater Verborum* содержитъ въ себѣ немного болѣе 500 нѣмецкихъ словъ: *Tak glossovaný exemplář dostal se českému přepisovateli a on gich dwakrát tolik přimnožiw, wšeho přez patnácte set* (собственно не всѣ 1200) *djlem w textu samém, wjce wšak (gak sezdá při psanij terpuw na wuznamy mysle) nad textem napsal.* Эти нѣмецкія глоссы Ганка замѣтилъ тотчасъ, при вписываніи рукописи въ каталогъ. Но издатель *Starob-Sklad.*, за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ открывшій Краледворскую рукопись въ углу подвала церковной башни между Жижкинскими (какъ онъ увѣрялъ) стрѣлами, не замѣтилъ чешскихъ глоссъ, коихъ числомъ слишкомъ вдвое больше (подлинныхъ то меньше), и кои вписаны по большей части между строкъ, и следовательно, кидаются въ глаза. Замѣтимъ еще, что Градецкая рукопись, изъ которой заимствовалъ Ганка древне-чешскіе памятники, изданные имъ въ I-мъ т. *Starob. Skl.*, содержитъ, по словамъ Ганки, «*Latinsko-český slovař, 5 listů.*» (*Star. Skl. 1817. I, XXX*). Следовательно, Ганка еще съ 1817 г. имѣлъ случай ознакомиться съ древними или старинными латинско-чешскими словарями и понять ихъ важность. Замѣтивъ древне-нѣмецкія слова, Ганка не полюбостествовалъ узнать и справиться, нѣтъ ли въ рукописи и чешскихъ словъ?—Все это явная ложь!

какъ значительнѣйшее число чешскихъ глоссъ писано между строкъ. Перелистывая рукопись, легко можно замѣтить и прочесть чешскія глоссы: онѣ выдаются и бросаются глаза. Увидать и найти нѣмецкія глоссы, какъ нашель ихъ, по его увѣренію, Ганка, нельзя, не читая латинскаго текста. Если жъ онъ, записывая рукопись въ каталогъ, нашель въ ней старо-нѣмецкія слова, значить, онъ внимательно, какъ и слѣдовало ожидать, просматривалъ всю рукопись, и слѣдовательно, не могъ тогда же не замѣтить и не найти въ ней чешскихъ глоссъ.

Этою очевидною ложью Ганка желалъ предупредить и заранѣе отвести всякое сомнѣніе и подозрѣніе, коихъ онъ въ данномъ случаѣ боялся и ожидалъ относительно его участія въ подчисткахъ, поддѣлкахъ и припискахъ, въ томъ случаѣ, еслибъ о нихъ догадались или распознали ихъ. Онъ самъ, должно быть, не былъ твердо увѣренъ въ ихъ неузнаваемости, и потому никого не оповѣщалъ о чешскихъ глоссахъ *Mater Verborum*, рѣшившись дожидаться случая, когда онѣ могли быть найдены или открыты кѣмъ-нибудь другимъ и ему же, Ганкѣ, показаны къ великому его удивленію и удовольствію. Пока же, въ ожиданіи такого счастливаго случая, Ганка само собою не терялъ даромъ времени и вносилъ исподволь въ *Mater Verborum* свои собственныя глоссы. Подложная надпись о Вацерадѣ-писцѣ и Мирославѣ-художникѣ на бѣлыхъ свиткахъ въ ихъ рукахъ обличаетъ тотъ же пріемъ и ту же манеру, которыя проявились въ обнаруженныхъ гг. Баумомъ и Вольтманномъ подлогахъ въ Яромирской библии, *Liber viaticus* и двухъ остальныхъ рукописяхъ, хранящихся въ библиотекѣ музея и поступившихъ изъ того же Брезницкаго собранія. Слѣдовательно, и эти послѣдніе подлоги точно также должны принадлежать Ганкѣ, какъ несомнѣнно принадлежатъ ему подчистки, поддѣлки и подлоги въ *Mater Verborum*.

Отъ чешскихъ ученыхъ, пражскихъ палеографовъ и археологовъ, особенно отъ нынѣшняго бібліотекаря музея г. Вртятки и членовъ музейнаго совѣта, мы всѣ въ правѣ ожидать и надѣяться, что они рѣшатся наконецъ прервать свое официальное молчаніе о поддѣлкахъ, о подлогахъ и всякой иной порчѣ рукописей, которыя именно совершены Ганкою во все время продолжительнаго имъ завѣдыванія бібліотекою Чешскаго народнаго музея. Голословное и лавоническое заявленіе, что невозможно прямо обвинить Ганку въ этихъ подлогахъ, никого не удовлетворить и только обнаружило бы передъ міромъ или недостатковъ критики и незнаніе ея требованій и пріемовъ,

вмѣстѣ съ пренебреженіемъ къ обязанностямъ всѣхъ официальныхъ хранителей рукописей и памятниковъ въ общественныхъ библіотекахъ и музеяхъ, или же непремѣнное желаніе скрывать правду и дѣлать то царство лжи и самообмана, изъ котораго повышли разные памятники древне-чешской словесности и новѣйшая апологетическая о нихъ литература, къ крайнему сожалѣнію, немалому нашему стыду и къ великому вреду для науки продолжающая понинѣ процвѣтать и развиваться. Новыя прибывающія у Чеховъ ученныя силы и духъ прямой и смѣлой общественной критики, обнаруженной особенно въ нынѣшнемъ году младо-Чехами въ разборѣ дѣйствій Пражской городской думы, позволяютъ намъ надѣяться, что пожеланія и надежды достопочтеннаго французскаго ученаго Гастона Париса будутъ въ болѣе или менѣе непродолжительномъ времени блистательно оправданы. Я разумѣю слѣдующія его слова, сказанныя имъ по поводу новыхъ статей гг. Ягича, Гебауэра, Баума и Патеры: „Nous sommes heureux de voir des critiques slaves, et notamment tchèques, porter dans l'étude de ces questions obscures et surtout obscurcies une main si hardie et si ferme. Les temps sont bien changés à l'avantage des écrivains de la Bohême. Il y a soixante ans, Prague était un atelier de faussaires; il y a vingt ans,—et même moins,—on ne pouvait parler librement de leurs produits sans être appelé traître si on était tchèque, allemand (injure aussi grave), si on était étranger. Aujourd'hui la bonne foi et la science brillent également dans les écrits sérieux qui paraissent sur ces matières, et la partie éclairée de la nation se prépare évidemment à un sacrifice dont la sincérité lui fait plus d'honneur que ne lui en promettaient les fabrications naïves d'une génération aujourd'hui disparue“¹⁾.

¹⁾ *Revue Critique*. 1878, p. 378.

В. Ламанскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ВНУТРЕННЕЙ ИСТОРИИ ВИЗАНТІЙСКАГО ГОСУДАРСТВА.

Мѣры въ защиту крестьянскаго землевладѣнія.

I.

Византійское государство получило въ наслѣдство отъ временъ Римской имперіи двѣ основныя черты социальнаго строя: господство крупнаго землевладѣнія и колонатъ или крѣпостное право. Римскимъ куріаламъ и поссессорамъ соотвѣтствуютъ на Востокѣ архонты и ктиторы, владѣющіе отдѣльными болѣе или менѣе обширными помѣстьями, на которыхъ работаютъ или даже хозяйничаютъ полусвободные люди, приписанные (*ἐναπόγραφοι*) къ землѣ. Только въ видѣ исключенія и не въ большомъ количествѣ удержались вольныя крестьянскія водости, тѣ митрокоміи, о которыхъ говорится еще въ Юстиниановомъ кодексѣ ¹⁾. Въ иконоборческомъ законодательствѣ обнаруживаются послѣдствія какого-то обширнаго и глубокаго переворота, причины котораго еще не вполне выяснены, но по всѣмъ признакамъ находятся въ связи съ большими славянскими поселеніями на греко-римской почвѣ. Несомнѣнные признаки указываютъ на существованіе въ VIII и IX вѣкахъ многочисленныхъ крестьянскихъ свободныхъ общинъ, на преобладаніе мелкаго крестьянскаго землевладенія, на ослабленіе или полную отмѣну крѣпостныхъ отношеній,

¹⁾ L. un. II, 56. Законъ Льва и Анеміи 468 года: *Non licere metrocopiae habitatoribus loca sua ad extraneum transferre* (Ed. *Krüger*, pag. 992).

на свободу крестьянских переходовъ. Замѣтно, что классъ мелкихъ свободныхъ землевладѣльцевъ получилъ въ численномъ отношеніи весьма сильное подкрѣпленіе, подобно тому какъ это нѣсколько раньше произошло на Западѣ влѣдствіе поселеній Готовъ, Бургундовъ и другихъ варваровъ. Славяне цѣлыми массами заняли европейскія области имперіи; даже и въ азіатскихъ провинціяхъ поселенія ихъ считались десятками и сотнями тысячъ, то-есть, почти не уступали въ численномъ отношеніи колоніямъ германскихъ варваровъ на Западѣ ¹⁾. Иконоборческое движеніе, направленное противъ монаховъ и монастырей, слѣдовательно, и противъ монастырскаго землевладѣнія, точно также могло содѣйствовать возрожденію крестьянской собственности на Востоке. Такъ или иначе, съ VIII вѣка въ Византійскомъ государствѣ существуютъ многочисленныя крестьянскія общины, владѣющія землею на правахъ коллективной собственности, и даже въ помѣстьяхъ крупныхъ землевладѣльцевъ, по прежнему вносимыхъ отдѣльно въ податныя книги, земля обрабатывается вольными людьми—половинками и десятиниками (моргитами). Нѣтъ сомнѣнія, что жизненная энергія, обнаруженная Византіей въ борьбѣ съ Арабами и Болгарами, находится въ связи съ этимъ приливомъ новыхъ силъ, съ улучшеніемъ экономическихъ основъ государственнаго быта. Но и новому или вновь усилившемуся крестьянскому сословію и крестьянской общинѣ грозили многоразличныя опасности. Византійское государство было проникнуто преданіями римскаго права. Оно могло держаться только постояннымъ напряженіемъ народныхъ силъ, находившихся въ его распоряженіи. Оно всегда налагало на своихъ подданныхъ сложный и крайне тяжелый грузъ прямыхъ и косвенныхъ

¹⁾ Въ 668 году Юстиніанъ II^е переселилъ изъ Славніи въ Византію такую массу Славянъ, что изъ среды ея могъ быть набранъ военный корпусъ въ 30 тысячъ человекъ (Theoph., p. 557. 561). Въ 762 году въ Азію добровольно выселилась славянская колонія, численность которой доходила до 208,000 человекъ (Theophan. p. 667., Nicephori patr. Breviar. p. 74). Между тѣмъ численность Вестъ-Готовъ, поселившихся въ южной Галліи, опредѣляется приблизительно не болѣе какъ въ 300,000 человекъ (См. *Dahn*, Die Könige der Germanen, VI, 50), а касательно Бургундовъ мы имѣемъ одну только цифру въ 80,000 человекъ, способныхъ носить оружіе (armatorum), относимую нашимъ источникомъ къ 370 году. Дѣлая на основаніи этой цифры расчетъ для 413 года, для времени перваго утвержденія Бургундовъ въ Галліи (на Рейнѣ), мы придемъ относительно общей цифры (всей ихъ массы) почти къ тѣмъ же самымъ 300,000 человекъ (мужеска и женска пола). См. *A. B. Jahn*, Gesch. der Burgundionen, I, 243, 252, 332.

податей, постоянныхъ и экстраординарныхъ повинностей. Когда они перечисляются въ императорскихъ жалованныхъ грамотахъ, то филологъ приходитъ въ недоумѣніе предъ изобиліемъ непонятныхъ для него техническихъ выраженій; не менѣе подвигъ бы и экономистъ изобрѣтательности византійскихъ приказовъ и выносливости народной массы. И здѣсь положеніе было таково, что отдѣльный членъ общины охотно покидалъ иногда свой участокъ и предпочиталъ сѣсть „присельникомъ“ (*παροικος*, парикомъ) на чужой землѣ, въ помѣстьи богатаго землевладѣльца. Вслѣдствіе давности (тридцатилѣтняго пребыванія на одномъ мѣстѣ) онъ легко превращался опять въ крѣпкого землѣ чловѣка. Съ другой стороны, цѣлыя общины болѣе или менѣе добровольно отдавали себя подъ защиту людей сильныхъ, отказываясь отъ своей свободы и независимости. Положеніе остальныхъ вольныхъ крестьянъ отчасти характеризуется тѣмъ названіемъ, которое утвердилось за ними въ X вѣкѣ, въ періодъ Македонской династіи. Они постоянно именуется „бѣдными“ или „убогими“ людьми (*πένητες*), точно такъ какъ у насъ въ Московскій періодъ ихъ собратья именovali себя „сиротами“. Выраженіе „убогіе“ употребляется въ сословномъ смыслѣ, подобно однозначущимъ терминамъ въ западной средневѣковой Европѣ (*pauperes*, *arme Leute*); законъ различаетъ иногда среди этихъ „убогихъ“ состоятельныхъ и несостоятельныхъ, бѣдныхъ и богатыхъ людей. Но конечно, это не даетъ намъ права заключать, что положеніе „убогихъ“ было вообще хорошо, и что крестьяне назывались убогими и бѣдными потому, что они были зажиточны. Терминъ все-таки выразительно указываетъ на общее правило и на существо дѣла.

Сословію бѣдныхъ или убогихъ противопоставляется въ Македонскій періодъ многочисленное и если не въ политическомъ, то въ социальномъ отношеніи могущественное сословіе „людей сильныхъ“ (*δυνατοί*), магнатовъ, или заимствуя выраженіе изъ славянскаго быта, развившагося подъ наибольшимъ вліяніемъ Византіи, в л а с т е л е й.

Прежде всего это суть, конечно, тѣ же самые архонты и ктиторы, о которыхъ мы говорили выше, то-есть, старинная провинціальная аристократія, нѣкогда заправлявшая дѣлами городскихъ общинъ. Политическое значеніе ея давно уже было затемнено развитіемъ имперской централизаціи. Наконецъ, императоръ Левъ Мудрый уничтожилъ послѣдніе остатки муниципальнаго самоуправленія. Закрывъ городскіе сенаты (*курии*, *βουλευτήρια*) и отмѣнивъ всякіе выборы муниципальныхъ властей, такъ какъ такія учрежденія, по выраженію царскаго

указа, не соответствовали существующему порядку вещей, при котором обо всемъ печется самъ императоръ ¹⁾, Левъ Мудрый провозгласилъ вмѣстѣ съ тѣмъ окончательное торжество бюрократіи и нанесъ довершающій смертельный ударъ политическому значенію стариннаго провинціального дворянства. Экономическое значеніе этого сословія было подорвано круговою отвѣтственностію предъ казною за правильное и бездомочное поступленіе податей и тяжелыми бѣдствіями, сопровождавшими нашествія Готовъ, Аваровъ, Ново-Персовъ Сассанидской державы; наконецъ оно было убито большими славянскими переселеніями VII вѣка, которыя несомнѣнно сопровождались экспроціаціей въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ. Многія прежнія латифундіи превратились, конечно, въ крестьянскія славянскія общинныя земли. Но какъ, не смотря на всѣ неблагопріятныя обстоятельства, уцѣлѣли до позднѣйшаго времени греческія митрокоміи, точно такъ, нужно думать, удержалась отчасти и прежняя землевладѣльческая аристократія на своихъ прежнихъ мѣстахъ. Юридическіе памятники позднѣйшаго времени, X и XI вѣковъ, прямо показываютъ, что помимо чиновной служилой аристократіи — воеводъ, судей, сборщиковъ податей, епископовъ и игуменовъ, въ провинціяхъ существуетъ туземная мѣстная аристократія, всегда старавшаяся удержать право патроната надъ остальнымъ населеніемъ. Въ новеллахъ Юстиніана нерѣдко говорится о „властеляхъ“ (*δυνατοι*), о домахъ „властельскихъ“ (*οἶκοι δυνατῶν*); магнаты представляются намъ съ свитою оруженосцевъ, они окружены кліентами и стремятся подчинить другихъ несправедливымъ притязаніямъ своего властолюбія ²⁾. Эта провинціальная аристократія, съ притязаніями на древность и благородство происхожденія, продолжаетъ заявлять себя и въ послѣдующихъ столѣтіяхъ. Въ агиографическихъ памятникахъ, подобныхъ житію Филарета Милостиваго (жилъ во второй половинѣ VIII вѣка), рисуется намъ картина помѣщичьяго быта въ отдаленной Пафлагонской глуши: „сынъ дѣлателя пѣкоого, по мѣстѣхъ старѣйша суца“, имѣеть „имѣніе отъ рукъ рабъ своихъ, благородень сынъ“; онъ беретъ себѣ жену „рода благородна и богата“ и самъ ведетъ свое хозяйство, пока не разорить его сарацинское нашествіе. Данилида, богатая вдова изъ Пелопоннеса, оказавшая щедрую помощь родоначальнику Македонской династіи Василію I въ предчувствіи его

¹⁾ Novell. Collect. II, № 46, 47; Zachariae, Jus Graecorom., III, 138, 139.

²⁾ Novell., 17, 28, 30.

будущаго величія, принадлежала, по видимому, къ тому же сословію ¹⁾. Въ историческихъ сочиненіяхъ XII вѣка, на примѣръ у Никифора Врѣннѣя, мы встрѣчаемъ указанія на то, что въ отдаленныхъ малоазіатскихъ и сирійскихъ городахъ старыя архонтскія роды даже несовсѣмъ утратили и свое политическое значеніе ²⁾. Само собою разумѣется, что изъ среды той же самой землевладѣльческой аристократіи восполнялось всегда и сословіе придворной, служилой и бюрократической аристократіи, тѣмъ болѣе что всѣ должности, за исключеніемъ высшихъ правительственныхъ, если и не были совсѣмъ продажны, то во всякомъ случаѣ сопровождались при пожалованіи взъсканіями по тарифу, который въ X вѣкѣ былъ весьма высокъ ³⁾. Впрочемъ, можно было покупать не только дѣйствительныя должности, но и одни наименованія ихъ безъ дѣйствительнаго исправленія службы, обозначасмой наименованіемъ; то-есть—продавались титулы. Это обстоятельство облегчало путь землевладѣльческому провинціальному классу для вступленія въ ряды новой чиновничьей и титулованной аристократіи. При Романѣ Лакапинѣ обнаруживается, что многіе архонты пелопоннескіе успѣли пріобрѣсти отъ правительства разнаго рода почетныя чиновническіе титулы, превратились въ протоспафаріевъ ⁴⁾. Исключительною и замкнутою эта землевладѣльско-чиновная аристократія, которая именно и соответствуетъ сословію властелей, никакъ не была. Не говоря о разнаго рода императорскихъ любимцахъ низкаго происхожденія, законодательные памятники X-го столѣтія показываютъ, что нерѣдко изъ среды „убогихъ“ и бѣдныхъ, то-есть, изъ среды крестьянскихъ общинъ выходили люди, становившіеся властелями. Стоило только „убоному“ получить первый неважный чинъ, онъ уже выдѣлялся изъ своей среды и стремился обезпечить свое новое положеніе экономическимъ путемъ: для этого нужно было не только выйти изъ общины, но и пріобрѣсти самостоятель-

¹⁾ De Basilio Macedone (біографія Василія, написанная Константиномъ Багранороднымъ). Theophan. Contin. (Bonn.), pag. 227, 228: Τῆ κατὰ τοὺς τόπους ἐκείνους εὐγενεὶ καὶ πλουσιωτάτῃ γυναικί и т. п. Любопытно, что Василій долженъ былъ заключить союзъ духовнаго братства съ сыномъ Данилиды.

²⁾ Niceph. Bryenn, pag. 88: περὶ τὴν πόλιν δοσαμένους ἐκάλει πρὸς βουλήν... πρὸς τοὺς ἀρχοντας; δὲ μοι ὁ λόγος; pag. 96: τὸ δὲ τοὺς ἀρχοντας ἐθεράπευσεν.

³⁾ Porphyrog. de ceremon., II, cap. 49.

⁴⁾ De administ. Imper., cap. 50 (pag. 134. Paris): τῆς ἀταξίας γενομένης καὶ στάσεως παρὰ τοῦ πρωτοσπαθαρίου Βάρδα τοῦ Πλατυπόδη καὶ τῶν ὁμοφρόνων αὐτοῦ πρωτοσπαθαρίων καὶ ἀρχόντων.

ный участокъ земли, отдѣльно записываемый въ податной или писцевой книгѣ (*ιδιοτεριόριστον*), что именно и было признакомъ нѣкоторымъ образомъ аристократическаго землевладѣнія. Откуда же можно было взять такой участокъ? Если экономическое положеніе, наслѣдованное отъ предковъ, помогало прежней землевладѣльческой аристократіи архонтовъ и ктиторовъ приобрести византійскія должности и чины, занять мѣсто въ рядахъ чиновнической и придворной аристократіи, то и наоборотъ, всякій новый чиновникъ византійскаго приказа (*σάκρστον*), опираясь на свое служебное положеніе, всяческими правдами и неправдами добивался того, чтобы быть помѣщикомъ и землевладѣльцомъ и большею частію достигалъ своей цѣли. Кратко сказать: землевладѣлецъ хотѣлъ быть дѣйствительнымъ или титулярнымъ чиновникомъ, чиновникъ стремился быть землевладѣльцемъ. Этимъ путемъ произошло сліяніе старыхъ и новыхъ элементовъ, угнѣлѣвшихъ архонтскихъ родовъ и вновь выслужившихся и разбогатѣвшихъ фамилій, въ одно большое сословіе „властелей“. Безъ поддержки и прилива служилыхъ чиновничьихъ элементовъ прежняя землевладѣльческая аристократія едва ли успѣла бы сохранить то значеніе и особенно ту численность, съ которыми является сословіе властелей.

Вотъ это — то сословіе властелей, почти совсѣмъ лишенное какого-либо политическаго значенія, утратившее всякія преданія о муниципальномъ самоуправленіи, бессильное и рабское по отношенію къ центральной власти, и является въ X вѣкѣ опаснымъ врагомъ крестьянскихъ общинъ, мелкаго крестьянскаго землевладѣнія. Оно ложилось на массу населенія двойнымъ бременемъ: не только вымучивало отъ имени государства, въ званіи воеводъ (*στρατιγῶν*), писцовъ и дозорниковъ, протонотаріевъ — государственныхъ подати и повинности, но и дѣйствовало въ свою собственную пользу, прикрываясь покупными титулами, цѣну которыхъ все-таки слѣдовало воротить въ продолженіи какъ можно болѣе краткаго срока. Государственное жалованье, присвоенное должности, представляло только проценты на внесенную при полученіи должности сумму; оплачиваемая жалованьемъ должность была своего рода помѣщеніемъ капитала съ цѣлю полученія ренты. Но проценты были недостаточно высоки; а притомъ многіе ограничивались покупкой однихъ чиновъ и титуловъ безъ жалованья. Ловкій и оборотливый Грекъ рѣдко руководился при этомъ однимъ честолюбіемъ; онъ надѣялся воротить свое другимъ путемъ; онъ полагалъ, что взносомъ двѣнадцати литръ, чего стоилъ титулъ про-

госпаарія, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣталъ нѣкоторыя полномочія въ отношеніи къ „убогимъ“ и къ ихъ крестьянскимъ участкамъ. Жадность къ стяжанію, своекорыстіе, безсовѣстная готовность на всякій обманъ и незаконную продѣлку составляли общую и характеристическую принадлежность сословія властелей, по свидѣтельству самихъ византійскихъ государей X столѣтія. Дѣйствовали, конечно, помимо нравственныхъ и общія соціальныя условія, обозначаемыя на языкѣ экономической науки выраженіями: „притягательная сила крупнаго землевладѣнія“, „отсутствіе правильнаго и хорошо устроеннаго поземельнаго кредита“ и т. п. Какъ бы то ни было, X вѣкъ по Р. Х. есть, по видимому, тотъ критическій періодъ въ византійской исторіи, когда преобразовавшаяся властельская аристократія, то-есть, другими словами, относительно крупная поземельная собственность вела наиболее яростное нападеніе, наиболее упорную осаду противъ подкрѣпившагося въ теченіе предыдущихъ вѣковъ сословія свободныхъ крестьянскихъ землевладѣльцевъ, противъ крестьянской (славянской) общины. Прежде властельская аристократія не была довольно сильна для этого, а въ XI вѣкѣ борьба отчасти разрѣшилась торжествомъ одной изъ сторонъ, отчасти была пріостановлена внѣшними событіями.

На Западѣ такой періодъ прошелъ нѣсколько раниѣе. Вѣкомъ борьбы крупнои поземельной собственности съ мелкимъ землевладѣніемъ было тамъ VIII и отчасти IX столѣтіе, время государей Каролингской династіи.

Въ странахъ, сохранившихъ, подобно Галліи, значительное романское населеніе и римскій соціальный строй, исходною точкою экономического развитія были тѣ же латифундіи и колонаты; приливъ новыхъ собственниковъ, вслѣдствіе раздробленія большихъ участковъ по третямъ (tertiatio) въ пользу германскихъ поселенцевъ, измѣнилъ характеръ этого землевладѣнія только на короткое время. Новые болѣе мелкіе участки опять слились въ крупныя, пропали въ крупномъ землевладѣніи — хотя, конечно, не безслѣдно, такъ какъ крупная поземельная собственность восторжествовала не путемъ прямого поглощенія болѣе мелкихъ участковъ, а путемъ ихъ условнаго подчиненія, образовавшемъ такъ называемыхъ зависимыхъ отношеній. Даже и въ такихъ странахъ, которыя болѣе густо и почти сплошь были заняты германскими поселеніями, процессъ разложенія германской общины (марки) и превращенія общиннаго устройства въ помѣстное (Hofverfassung) совершался въ то же самое время, то-есть, при Каролингахъ.

Тамъ этотъ процессъ совершался вдали отъ глазъ центральной власти; онъ начинался выдѣленіемъ между полноправными владѣльцами первоначальныхъ почти одинаковыхъ и равныхъ поземельныхъ надѣловъ болѣе предприимчивыхъ людей, которые умѣли, не выходя изъ общинной связи, положить начало своему большому хозяйственному благосостоянію — распашкою лѣса, поднятіемъ нови, то-есть, основаніемъ своего частнаго хозяйства неподалеку отъ общиннаго поля. Въ самыхъ древнихъ германскихъ правдахъ признаются такіа распашки частною собственностію отдѣльныхъ членовъ общины. Здѣсь находился для дѣятельныхъ и предприимчивыхъ людей исходный пунктъ для приобрѣтенія экономическаго преобладанія, для хозяйственнаго подчиненія себѣ другихъ членовъ общины, а мало по малу и цѣлой общины; разныя несчастія и нерѣдкіе голодные годы помогали такому ходу дѣла и ускоряли процессъ; достиженіе правительственныхъ должностей графа или центенара (сотника), предоставлявшихся преимущественно мѣстнымъ землевладѣльцамъ, служило на этой первоначальной ступени подспорьемъ для экономическихъ стремленій. Дѣло кончалось тѣмъ, что вся община подчинялась одному изъ своихъ членовъ, который собственно и не выступалъ изъ нея. Правительство только тогда замѣтило указанный процессъ, когда уже дѣйствія его стали ощущаться въ области политической организаціи, когда землевладѣльцы начинали превращаться въ прирожденныхъ чиновниковъ государства, а социальная сила недвижимаго имущества — въ политическую силу, довершая въ то же время при помощи этой послѣдней свою побѣду надъ маркою, надъ крестьянскою общиною; однимъ словомъ, замѣтило поздно. Капитуляріи Каролинговъ начинаютъ жаловаться на хищничество людей сильныхъ, которые отнимаютъ землю у бѣдныхъ (*pauperes*), даже лишаютъ ихъ личной свободы. Образцомъ можетъ служить капитулярій 805 года:

De oppressione pauperum liberorum hominum, ut non fiant a potentioribus per aliquod malum ingenium contra justitiam oppressi, ita ut coacti res eorum vendant aut tradant. Ideo haec et supra et hic liberis hominibus diximus, ne forte parentes contra justitiam fiant exhereditati, et regale obsequium minuat, et ipsi heredes propter indigentiam mendici vel latrones seu malefactores effitiantur.

Или же капитуляріи 811 года: *Pauperes se reclamant expoliatos esse de eorum proprietate et hoc aequaliter clamant super episcopos et abbates et eorum advocatos et super comites et eorum centenarios. Dicunt etiam, quod quicumque proprium suum episcopo, abbati vel co-*

miti aut iudici vel centenario dare noluerit, occasiones quaerunt super illum pauperem, quomodo eum condemnare possint et illum semper in hostem faciant ire, usque dum pauper factus, volens nolens suum proprium tradat vel vendat.

Извѣстно, впрочемъ, что серьезной и рѣшительной борьбы противъ возникающей феодальной аристократіи, о злоупотребленіяхъ которой здѣсь говорится, не было предпринято государственною властію. Политика Каролинговъ состояла въ томъ, чтобы воспользоваться вновь выросшею соціальною организаціей для цѣлей государственныхъ, чтобы ввести магнатовъ въ рамки государственнаго строя и чрезъ нихъ вновь привлечь къ службѣ ускользающіе отъ его прямаго вліянія низшіе элементы населенія. Секуляризація церковныхъ имуществъ, сеніоратъ и вассальность должны были служить такой цѣли. Средства эти удались только отчасти и временно, а въ сущности привели къ превращенію государственнаго строя, все-таки основаннаго на союзѣ подданныхъ, на общемъ подчиненіи свободныхъ людей одному государю, въ строй феодальный съ его іерархическою лѣстницей зависящихъ отношеній.

Любопытную аналогію съ жалобами и увѣщаніями каролингскихъ капитуляріевъ представляетъ законодательство императоровъ Македонской династіи въ X вѣкѣ, направленное въ защиту „убогихъ“ противъ „властелей“. Благодаря другому положенію вещей и большей силѣ центрального авторитета, благодаря непрерывности римской имперской традиціи, которая здѣсь была еще менѣе нарушена, чѣмъ на Западѣ, въ Византіи не могло быть и рѣчи о какомъ-либо раздѣлѣ правительственныхъ и политическихъ правъ власти. Вооруженные старыми государственнымъ преданіями, Византійскіе императоры гораздо яснѣе и строже понимали свои обязанности въ отношеніи ко всѣмъ подданнымъ и прямо провозглашали, что власть монарха есть общее всѣмъ благо, и что защита слабыхъ и бѣдныхъ противъ сильныхъ и богатыхъ есть ея первѣйшій долгъ. Помимо этихъ идеальныхъ воззрѣній, дѣйствовали, конечно, съ не меньшей силою, побужденія реальныя и грубыя. Чѣмъ безграничнѣе была власть восточныхъ автократовъ, чѣмъ болѣе давала она простора ихъ личному произволу, тѣмъ они были ревнивѣе въ охраненіи ея. Чѣмъ безраздѣльнѣе они пользовались ею, тѣмъ болѣе были чутки ко всякой опасности, грозившей со стороны какихъ-либо аристократическихъ элементовъ. Наконецъ, и суровыя требованія государственности, поставленной въ необходимость постоянно отбиваться отъ тѣснѣнша-

гося со всѣхъ сторонъ варварства, подсказывали именно болѣе разумнымъ и энергическимъ государямъ, что никакъ не слѣдуетъ выпускать изъ своихъ рукъ безпрепятственнаго и непосредственнаго распоряженія народными силами, податными и военными, и что отдавать крестьянскія общины въ жертву крупнымъ землевладѣльцамъ и вообще властелямъ значитъ подрывать основы государственной безопасности извнѣ и собственного могущества внутри. Однимъ словомъ, византійскіе государи Македонскаго дома лучше, чѣмъ западные ихъ предшественники, поняли вредъ, который простекалъ для государства отъ уменьшенія количества мелкихъ поземельныхъ владѣтелей, а также и опасность, которая грозила бы ихъ власти и династическимъ интересамъ отъ излишняго усиленія влательскихъ фамилій. По внѣшне-хронологическому счету ихъ законодательство, охранявшее неприкосновенность крестьянскихъ общинъ, относится, конечно, къ болѣе позднему времени, чѣмъ капитуларіи Каролинговъ, оплакивающая бѣдственное положеніе западныхъ „убогихъ“ (pauperes). Но принимая въ расчетъ внутреннюю хронологію, мы должны представлять себѣ дѣло иначе. Такъ какъ возрожденіе греко-римскаго христіанскаго востока приливомъ сѣвѣжнихъ славянскихъ элементовъ произошло по крайней мѣрѣ на два вѣка позже, чѣмъ соотвѣтствующее явленіе въ западной исторіи, то и дальнѣйшіе, отсюда развивающіеся факты внутренней жизни отстаютъ на значительный промежутокъ времени въ одной исторіи противъ другой. Крестьянская славянская община на византійской почвѣ явилась позднѣе, чѣмъ германская марка на западно-римской: точно также и кризисъ, грозившій ея существованію, наступилъ для нея позднѣе. Но этотъ кризисъ былъ здѣсь замѣченъ и захваченъ болѣе своевременно. Равнымъ образомъ и мѣры, которыя употреблялись со стороны государственной власти, съ цѣлію уврачеванія болѣзни, были, несомнѣнно, гораздо дѣйствительнѣе и рѣшительнѣе на востокѣ, чѣмъ на западѣ, хотя, конечно, останется вопросъ: устранивъ временно одау опасность, не укрѣпили ли онѣ въ организмѣ какого другого недуга? Эти мѣры отчасти указаны были старыми преданіями Римскаго государства. Еще Юстиніановы юристы обращали вниманіе на опасности, которыя простекаютъ для мелкой поземельной собственности отъ сосѣдства съ сильнымъ человекомъ ¹⁾. Въ Юстиніановомъ кодексѣ прямо запре-

¹⁾ См. сходно Basilic. Lib. XII, tit. 1, cap. 50 (Heimbach, I, 750). Γροῦς δὲ τοῦτο

щается провинціальнымъ областнымъ правителямъ дѣлать какія-либо покупки и вообще пріобрѣтенія въ управляемыхъ ими областяхъ ¹⁾). Послѣ запрещеніе это было хотя и несовсѣмъ отмѣнено, по все-таки смягчено и ослаблено императоромъ Львомъ Мудрымъ. Онъ постановилъ, что только самъ воевода (*στρατηγός*) не можетъ ни въ какомъ случаѣ дѣлать пріобрѣтеній въ находящейся подъ его управленіемъ провинціи (темѣ), а всѣмъ низшимъ подчиненнымъ чинамъ это дозволяется по усмотрѣнію областнаго начальника, разрѣшенія котораго слѣдуетъ испрашивать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. ²⁾). Такимъ образомъ, уничтожена была единственная, впрочемъ, не особенно дѣйствительная преграда, мѣшавшая властелямъ захватывать имущества бѣдныхъ. Какъ прежде, такъ и теперь, ограниченіе свободной купли относилось только ко времени исправленія должности, такъ что и самъ воевода, сложивъ съ себя санъ или перейдя въ другую провинцію, имѣлъ возможность объявить себя послѣ помѣщикомъ въ прежней своей провинціи. Въ другихъ, теперь, такъ и прежде, ограниченіе касалось только административныхъ чиновниковъ, а не всѣхъ сильныхъ людей, не всѣхъ вообще властелей. Вѣрно то, что новелла Льва Мудраго болѣе широко раскрыла дверь всяческимъ неблаговиднымъ злоупотребленіямъ чиновниковъ. Но въ сущности дѣло было совсѣмъ не въ этихъ однихъ злоупотребленіяхъ. Если чрезъ нѣсколько времени обнаружилось особенно усиленное стремленіе властелей вторгаться въ крестьянскія общины, то вѣроятно, только въ самой малой степени тутъ виновато было постановленіе императора Льва, ослабившее и безъ того не кувякую плотину. Соответственно тому, когда преемники Льва VI сознали необходимость выступить на защиту мелкой поземельной собственности, то они прибѣгли не къ простой отмѣнѣ его постановленія, а стали распространять запрещеніе пріобрѣтать крестьянскіе участки на гораздо большее число лицъ свѣтскаго и духовнаго званія, на всѣхъ вообще властелей, и стали обставлять эти свои запреты новыми весьма рѣзкими и суровыми угрозами, — и отчасти принимать мѣры, своимъ радикализмомъ и рѣшительностію даже превосходившія общія угрозы закона. Напоръ

πρόμος καὶ δευτέρος, μή πως εἰς δυνάτον ἔλθαι πρόσωπον καὶ μέλλει ἀδικεῖσθαι περὶ ἄλλου καὶ ἑτέρων τινῶν διὰ τῆς τοῦ παρακωντηρέου ἰσχύος.

¹⁾ L. un. C. de contract. judicum I, 53 (Ed. *Kröger*, pag. 158). Provincias vero moderantibus non solum donationes sed etiam emptiones quarumcumque mobilium vel immobilium rerum—penitus interdicimus.

²⁾ Novell 84. *Zachariae*, Jus Gaecorum., III, 180.

со стороны крупнаго властельскаго землевладѣнія противъ общиннаго крестьянскаго былъ такъ силенъ и такъ продолжителенъ, что, конечно, онъ не могъ быть вызванъ однимъ неважнымъ измѣненіемъ въ гражданскомъ законодательствѣ; за то онъ не могъ быть и остановленъ какимъ-либо однимъ новымъ строгимъ закономъ, а потребовалъ долгой борьбы со стороны власти, вооруженной самою неограниченною свободой въ выборѣ средствъ.....

Въ тѣсной связи съ крестьянскимъ землевладѣніемъ, по своему характеру и по своимъ судьбамъ, находятся такъ-называемые воинскіе участки или военно-помѣстное землевладѣніе (*στρατιωτικὰ κτήματα, στρατιωτότοποια*). Установленіе ихъ восходитъ къ первымъ временамъ Римской имперіи, когда пограничнымъ солдатамъ, а также и охотникамъ изъ среды чуждыхъ варварскихъ народностей, вмѣсто жалованья и платы были отводимы земли на границахъ государственной территоріи (*terrae limitaneae vel castellarum*), а отчасти и внутри ея—съ обязательствомъ воинской службы, или въ частности, пограничной защиты. Ветераны также получали такого рода участки съ условіемъ, что дѣти ихъ, подобно отцамъ, будутъ отбывать военную службу. Такія земли вообще не могли быть свободно отчуждаемы, а должны были переходить къ дѣтямъ, равно какъ и къ другимъ наследникамъ, не иначе какъ вмѣстѣ съ лежащею на нихъ воинскою повинностію. Обычай отводить страціотамъ воинскіе участки существовалъ и въ царствованіе Юстиніана ¹⁾; вѣроятно даже, что вслѣдствіе постройки или возобновленія въ этотъ періодъ многихъ новыхъ и старыхъ крѣпостей и сторожевыхъ пунктовъ на границахъ и въ горныхъ проходахъ (клисурахъ), онъ получилъ цвое развитіе. Итакъ, не было никакой нужды придумывать весьма странную теорію о переходѣ на Востокъ германской ленной системы и о полномъ развитіи ея на византійской почвѣ въ IX и X вѣкахъ. Войны, которыя Юстиніанъ велъ противъ Готовъ за обладаніе Италіей, никакъ не могутъ служить къ объясненію путей, которыми получено было это мнимое заимствованіе, тѣмъ болѣе, что въ данное время и самыя варвары-Германцы не имѣли ленной системы ²⁾. Воинскіе участки, о которыхъ идетъ рѣчь въ повелѣхъ императоровъ Македонской династіи, суть старое римское учрежденіе, пришедшее, правда, въ упа-

¹⁾ L. 2, 3. C. de fundis limitrophis, II. 60.

²⁾ Здѣсь мы имѣемъ въ виду разсужденія Гфререра (Gfrörer) въ третьей части его: *Byzantinische Geschichten*.

докъ въ продолженіи VII вѣка и въ смутныя времена большихъ славянскихъ поселеній. Въ X столѣтіи оно снова дѣлается предметомъ заботъ для окрѣпшей центральной власти. Военскіе участки приходилось защищать противъ тѣхъ же самыхъ враговъ, которые грозили уничтоженіемъ крестьянскому землевладѣнію. Опасность приходила со стороны владѣтелей, которые стремились скупать военскія помѣстья точно также, какъ и крестьянскія поля. Едва ли слѣдуетъ предполагать при этомъ какія-либо особыя политическія побужденія со стороны византійской чиновничьей аристократіи. Тѣ, которые отыскиваютъ западно-европейскіе порядки, на византійской почвѣ, полагаютъ, что владѣтели и магнаты, пріобрѣтая военскіе участки, соглашались съ нѣхъ царскихъ ленниковъ, а сажали на нихъ вмѣсто того своихъ людей, своихъ лепниковъ, вслѣдствіе чего возникала, будто бы, настоящая феодальная связь и сословіе имперскихъ князей (Reichsfürstenthum) самаго дурного качества ¹⁾. Византійскіе магнаты, конечно, могли иногда вооружить крестьянъ, сидѣвшихъ на ихъ земляхъ, а также личную свою свиту и прислугу, и такимъ образомъ выставить довольно значительное ополченіе; но въ этомъ никакъ нельзя видѣть признаковъ существованія какого-либо класса вассаловъ, и подвассаловъ, обязанныхъ нести за свои участки рыцарскую службу и связанныхъ съ земледавальцемъ обѣгомъ взаимной вѣрности. Идея такой связи между свободными людьми, всегда оставалась чуждою Византійцамъ; тѣмъ менѣе могли тамъ упрочиться наследственныя отношенія означеннаго рода. Во всякомъ случаѣ, если и существовали у греческихъ владѣтелей, по крайней мѣрѣ въ зародышѣ, феодальныя стремленія, то они не могли достигнуть развитія и полнаго осуществленія, вслѣдствіе бдительнаго наблюденія со стороны центральной власти. Прежде чѣмъ перенести свои притязанія на политическую почву, владѣтели должны были восторжествовать на экономической или соціальной. Но именно здѣсь-то, въ первой стадіи своего развитія, они были застигнуты энергическими мѣрами монархической власти, взявшей подъ защиту и крестьянскую общину, и военскіе участки. Македонская династія не безъ успѣха вела борьбу съ мусульманскимъ міромъ въ Сиріи и Малой Азіи, помимо разныхъ превратностей въ отношеніяхъ къ Болгарамъ и Славянамъ въ Европѣ; она должна была держать всегда наготовѣ по крайней

¹⁾ Gfrörer, Byzantin. Geschichten, III, 27.

тырь 120 тысячъ готоваго войска ¹⁾. Понятно, что нельзя было отдать въ жертву корыстолюбивой жадности чиновниковъ и землевладѣльцевъ ни одного стратіота. Сверхъ того, нужно знать, что, вопреки предположенію нѣкоторыхъ изслѣдователей, воинскіе участки вовсе не были освобождены отъ поземельной подати, такъ что и казна имѣла интересъ въ ихъ охраненіи. Византійскіе стратіоты, служащіе и отставные, и дома ихъ были свободны отъ разныхъ натуральныхъ повинностей: повоза, постройки мостовъ, дорогъ и укрѣпленій, и т. д., такъ что они должны были получать денежное вознагражденіе, если въ случаѣ нужды приходилось употребить ихъ на такого рода работы; но прямыя государственныя подати они несли съ своихъ земельныхъ участковъ подобно всѣмъ другимъ подданнымъ имперіи ²⁾. Уже одно это подвергало ихъ всѣмъ тѣмъ напастямъ и бѣдствіямъ, какими давали себя чувствовать населенію византійскіе сборщики податей, писцы и дозорщики. „Стыжусь связать“, пишетъ авторъ одного военнаго трактата, жившій въ концѣ X вѣка, — „стыжусь это сказать: люди, которые не дорожатъ своею жизнію ради службы благочестивымъ нашимъ царямъ и ради свободы христіанъ, такіе люди не рѣдко подвергаются даже тѣлеснымъ побоямъ—и отъ кого? отъ людишекъ, служащихъ по сбору податей (πράξ φρολόγων ἀνθρωπάρων), которые не приносятъ никакой пользы обществу, а умѣютъ только притѣснять и давить „убогихъ“ (τοὺς πένητας), извлекать изъ неправды, изъ многой крови убогихъ многія таланты золота для себя самихъ... Въ свою очередь и областные судьи (гражданскіе правители) не должны подвергать воинновъ безчестію, волочить ихъ и бить, какъ рабовъ, налагать на нихъ (какой позоръ!) цѣпи и колодки и т. д.“ ³⁾.. Таково было положеніе мнимыхъ византійскихъ ленниковъ! Послѣ этого намъ становится тѣмъ понятнѣе, что госу-

¹⁾ Столько считаетъ въ византійской арміи на основаніи довольно точныхъ, очевидно, свѣдѣній арабскій писатель Ибн-Хордадбегъ: *Le livre des routes et des provinces (Barbier de Meynard в Journal Asiatique 1865, pag. 481) Ср. Cremer, Kulturgeschichte des Orients, I, 245.*

²⁾ Leonis Philosophi *Tactica Constit.*, XX, § 71..... Ἀρχεὶ γὰρ αὐτοῖς τελεῖν τοὺς τε δημοσίους φόρους καὶ τὰ ἐπιχειρήματα αὐτοῖς ἀεὶ κἄ, καὶ μηδὲν πλέον καταβαρῆσθαι. Ἐὰν δὲ ἡ καταρροχισία γένηται — — — ἢ ἀνάγκη τις ἕτερα τῶν δημοσίων διοικήσεων, καὶ οὐκ ἐπαρκεῖ τὸ κατὰ τόπον δημοσίον, δια μισθοῦ ταῦτα ἐργάζεσθαι.. Ср. *Constit.* IV, § 1.

³⁾ *De velitatione bellica Nicephorae Phocae*, cap. 19. (При Боннскомъ изданіи Льва Діакона), pag. 239, 240.

дарственной власти приходилось принимать спеціальныя мѣры для защиты воинскаго землевладѣнія и отъ злоупотребленій власти, и отъ собственной готовности владѣльцевъ освободиться отъ своихъ участковъ путемъ продажи ихъ лицамъ другого сословія. Довольно важныя и отчетливыя свѣдѣнія о воинскихъ помѣстьяхъ находимъ мы въ сочиненіи Константина Багрянороднаго о придворныхъ обрядахъ (L. II, cap. 49). Отсюда мы видимъ, что въ X вѣкѣ особенное значеніе имѣли двоякаго рода помѣстья (τόπαι)—конныя и морскія. Вслѣдствіе постоянной и непрерывной борьбы съ Арабами и Сарацинами, которые все еще оставались вѣрными наѣзднической системѣ войны, и Византійцамъ приходилось заботиться о развитіи и поддержаніи легкой, а послѣ и тяжелой конницы. Участокъ земли въ пять и минимумъ въ четыре литры считался, по свидѣтельству сейчасъ указаннаго источника, достаточнымъ для содержанія коннаго стратіота. (обыкновенный участокъ простого моряка имѣлъ цѣнность трехъ литръ и т. д. Другія подробности, которыя здѣсь находятся, также пригодятся намъ при объясненіи новыхъ постановленій о воинскихъ участкахъ.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній, мы можемъ теперь перейти къ главной задачѣ нашей статьи. Она состоитъ, съ одной стороны, въ изученіи мѣръ, которыя были принимаемы византійскимъ правительствомъ въ защиту крестьянскаго свободнаго и воинскаго землевладѣнія, а съ другой стороны, въ ближайшемъ ознакомленіи читателей съ самыми документами, которые такъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о существованіи своего рода социальнаго вопроса въ Византійскомъ государствѣ X вѣка, но еще такъ мало обращали на себя вниманіе ученыхъ и такъ мало доступны для общаго пользованія и пониманія... Мѣры, которыя были принимаемы императорами Македонской династіи для защиты крестьянскаго и воинскаго землевладѣнія, въ сущности не многосложны и однообразны. Главнымъ образомъ, онѣ заключались въ запрещенія властелямъ вкупаться въ крестьянскія общины, пріобрѣтать участки стратіотовъ. Разнообразныя подробности и частныя правила относительно давности, покрывающей неправильное пріобрѣтеніе, относительно возвращенія или невозвращенія покупной цѣны или же издержекъ на улучшенія въ имѣніи, сдѣланныхъ властелемъ за время незаконнаго владѣнія и т. п. Конечно, имѣютъ важность, а также интересъ, и эти частности, равно какъ и другія подробности, то-есть, прямыя историческія указанія, разбѣяныя въ относящихся сюда новеллахъ Константина Багрянороднаго, обоихъ Романовъ, Никифора Фоки, и особенно, Василія II.

Но мы не намѣрены ограничиться извлеченіемъ таковыхъ частныхъ и подробностей. Намъ кажется, что будетъ гораздо полезнѣе, если мы постараемся передать содержаніе означенныхъ документовъ какъ можно полнѣе и ближе къ подлинному ихъ тексту съ сохраненіемъ не только общихъ разсужденій, которыми мотивируются постановленія и распоряженія, и въ которыхъ выражается взглядъ Византійскихъ государей на свои обязанности, на государственныя задачи и требованія, но по возможности самого тона рѣчи и ея характеристическихъ особенностей. Не легко читаются „новыя заповѣди“ Византійскихъ государей X вѣка въ подлинникѣ; буквальный переводъ чрезвычайно труденъ, почти невозможенъ, и во всякомъ случаѣ былъ бы неудобопонятенъ. Поэтому мы предлагаемъ нѣчто среднее между буквальнымъ переводомъ и свободнымъ изложеніемъ содержанія, приводимъ повеллы, такъ сказать, въ вольномъ переводѣ.

II.

1) Новелла Романа Лакапина 922 года.

Наше обзорнѣе соціальнаго законодательства Византійскихъ императоровъ Македонской династїи должно начаться съ новеллы, изданной въ 922 году соправителемъ Константина Багрянороднаго, Романою Лакапиномъ. Эта новелла состоитъ изъ трехъ статей. Въ первой — рѣчь идетъ о такъ называемомъ „предпочтеніи“ (προτίμησις), то-есть, о правѣ преимущественной покупки отчуждаемаго имѣнія известными лицами, находящимися въ особыхъ отношеніяхъ къ продавцу (Verkaufsrecht, Näherrecht) или о правѣ выкупа. Существовалъ древній законъ, изданный въ 468 году императорами Львомъ и Анеміемъ, по которому никакой посторонній человекъ не могъ приобретать поземельнаго владѣнія въ такъ называемыхъ митрокоміяхъ, такъ что если какой житель волости (vicarius) пожелалъ бы продать свой участокъ, то онъ могъ передать его только жителю той же митрокоміи, записанному въ той же самой писцовой или податной книгѣ¹⁾. Но, по видимому, этотъ законъ, на который дѣлается указаніе въ самомъ началѣ новеллы Романа Лакапина, былъ забытъ и не имѣлъ приложенія. Что же касается 114-й новеллы Льва Мудраго, которая постановляетъ, что каждый можетъ безпрепятственно отчуж-

¹⁾ См. выше примѣч. на стр. 160.

дать свое имущество третьему лицу, при чемъ однако сосѣди въ продолженіи шести мѣсяцевъ сохраняютъ право выкупа посредствомъ возврата покупщику заплаченной имъ суммы, то подлинность этой новеллы подлежитъ большому сомнѣнію, и подъ древнимъ закономъ, на который ссылается въ самомъ началѣ новелла Романа, разумѣется не этотъ законъ Льва, а совершенно другая статья кодекса, перешедшая въ Василики ¹⁾.

„Существуетъ древній законъ, по которому всякій можетъ безпрепятственно со стороны какихъ-либо родичей или соучастниковъ продавать свое имущество, кому только онъ захочетъ. Но существуетъ также другой законъ, по которому нельзя продавать своей собственности кому-либо другому помимо жителей собственной сельской волости (τῆς ἰδίας μητροχωρίας). Обращая надлежащее вниманіе на интересы нашихъ податныхъ людей и вмѣстѣ съ тѣмъ на потребности государственной казны, мы считаемъ нужнымъ исправить противорѣчіе и неопредѣленность прежняго законодательства симъ нашимъ божественнымъ повелѣніемъ. Мы постановляемъ, что отнынѣ въ каждомъ городѣ, въ каждой странѣ или провинціи при продажѣ, отдачѣ въ вѣчную или во временную аренду земли, дома, виноградника или какого другого недвижимаго имущества—должно имѣть мѣсто право преимущественной покупки, предоставляемое ниже поименованнымъ лицамъ въ опредѣленномъ порядкѣ. Никакое отчужденіе собственности на недвижимыя имущества не должно быть совершаемо иначе, какъ съ предварительнымъ заявленіемъ отчуждающаго предъ тѣми лицами, за которыми признается право на преимущественную покупку. При этомъ соблюдается слѣдующій порядокъ: 1) Прежде всего призываются къ покупкѣ родичи, то-есть, такія лица, которыя, вслѣдствіе родства, по наслѣдству или завѣщанію, владѣютъ смѣшанно участвами одного и того же недвижимаго родового владѣнія, составляющаго или составлявшаго нѣкогда одно цѣлое (οἱ ἀναμίξ συζυγμένοι συγγενεῖς). 2) Затѣмъ—соучастники, то-есть, лица, которыя вслѣдствіе покупки съобща (pro indiviso) или другого подобнаго способа приобрѣтенія владѣютъ однимъ и тѣмъ же общимъ недвижимымъ имуществомъ, хотя бы оно и было потомъ (послѣ покупки) раздѣлено на отдѣльные участки (οἱ ὅπως συμπλεκόμενοι κοινωνοί). 3) Далѣе слѣдуютъ сосѣди, которые имѣютъ какіе-либо черезполосные участки среди земель, подлежащихъ продажѣ (οἱ μόνον ἀναμειγμένοι). 4) П

¹⁾ L. 14 C—de contract. IV, 38. Basilic. XIX, 5.

даже сосѣди, не находящіеся въ такихъ отношеніяхъ черезолосности, но однотяглые (οἱ συμπαραχρῆμενοι ὄμοτελεῖς) и 5) наконецъ, простые сосѣди, то-есть, только соприкасающіеся какою-либо частію своего владѣнія съ продаваемымъ или вообще отчуждаемымъ участкомъ“ (οἱ ἀπλῶς ἐν τινὶ μέρει συναπτάς ἡνόμενοι).

„А однотяглыми мы называемъ“, говоритъ новелла, „тѣхъ, которые записываются (въ податныхъ книгахъ) подъ однимъ тягломъ, хотя бы они и въ разныхъ мѣстахъ вносили свои подати“¹⁾. Толкованіе это въ свою очередь требуетъ объясненія, которое и даютъ намъ одинъ комментаторъ и позднѣйшіе юридическіе памятники. Византійскій комментаторъ новеллы подъ однотяглыми разумѣетъ тѣхъ, которые тянутъ тягло (платятъ подати) подъ однимъ господиномъ, наиримѣръ, подъ одною архіепископіей²⁾. Подобнымъ же образомъ, въ одномъ юридическомъ руководствѣ (Μικρὸν κατὰ στοιχεῖον) однотяглые суть люди, находящіеся подъ однимъ господиномъ и одному и тому же лицу вносящіе и уплачивающіе свои подати и оброки³⁾, а въ другомъ — это суть сосѣди, которые даютъ десятины и дани одному господину⁴⁾. Итакъ, это тѣ крестьяне, которые хотя и считаются собственниками своихъ участковъ, но находятся подъ патронатомъ какого-либо сильнаго человѣка, которому они вносятъ

¹⁾ ὄμοτελεῖς δὲ φημεν πάντας τοὺς ὑπὸ τὸν αὐτὸν ὑποταχμένον ἀναγραφόμενους, καὶ ἐν διαφόροις τόποις τὰ ἴδια τελέσματα καταβάλλονται.

²⁾ Πλὴν καὶ τελοῦσιν ὑπὸ ἑνὸς δεσπότην — — —, ὅσον ὑπὸ μίαν ἀρχιεπισκόπην. Zachar Jus Graecorum III, 236.

³⁾ Οἱ ὑφ' ἑνὸς δεσπότην ὑπάρχοντες καὶ τῷ αὐτῷ καὶ ἐνὶ τοῖς φόροις καὶ τὰ τέλη καταβάλλοντες καὶ ἀποδίδοντες.

⁴⁾ Въ новогреческомъ, изданіи Арменопула: γέγοντες, ὅπου δίδουν τὰς δεκατίας καὶ τὰ δεσίματα εἰς ἕνα ἀσθέντην. Zachar. Gesch des riechisch-röm. Rechts, pag. 219. Es hatten nemlich die Kataster der Steuersprengel je nach den Hebungsbzirken ihre Unterabtheilungen (ὑποταγαί). Für jeden Grundherrn (Kirchen und Kloster, einzelne grosse Grundbesitzer), der von seinen in dem Sprengel wenn auch an verschiedenen Orten belegenen Besitzungen die Steuern zusammen abzuführen hatte, war eine solche Uerabtheilung gebildet, und er wurde insofern als ein ὑποταχμένος bezeichnet, innerhalb der Unterabtheilung waren dann die betreffenden Besitzungen und die zu denselben gehörigen Colonen und Häusler mit dem ihrerseits an den Grundherrn zu leistenden Abgaben, verzeichnet (ἀναγραφόμενοι). Jeder derselben hatte die Abgaben auf der Besitzung zu entrichten, zu welcher er gehörte; waren diese Besitzungen auch räumlich von einander getrennt, so waren die Bauern und Häusler doch Hintersassen eines und desselben Grundherrn. Solche Hintersassen, denen ein nutzbares Eigenthum zugeschrieben wurde, nennt die Novelle im engern Sinne ὄμοτελεῖς.

свои подати; такъ какъ онѣ представляетъ ихъ предъ казною относительно поземельной подати, то они и обозначаются въ писцовой книгѣ подъ его именемъ, составляя въ ней всё вмѣстѣ особую статью.

Далѣе новелла сообщаетъ слѣдующія правила относительно права предпочтительной покупки: При предположенномъ отчужденіи должны быть предварены сосѣди, принадлежащіе ко всѣмъ пяти категоріямъ предпочтенія, чтобы въ случаѣ отказа отъ своего права лицъ одной категоріи могли вступить и перенять имѣніе другіе, принадлежащіе къ низшей категоріи. Заявленіе дѣлается при свидѣтеляхъ сначала однимъ, потомъ другимъ по порядку. Если же всё, обладающее правомъ предпочтительной покупки, принадлежитъ къ одной категоріи, то и заявленіе или предвареніе дѣлается всѣмъ вмѣстѣ за одинъ разъ. Въ продолженіе тридцати дней со времени заявленія „предпочитаемый“ долженъ уплатить цѣну имѣнія и взять за себя поземельный участокъ. Если же „предпочитаемый“ находится въ извинительномъ отсутствіи или малолѣтенъ, то и по истеченіи четырехъ мѣсяцевъ онъ самъ или его представители и попечители имѣютъ право выкупа въ отношеніи къ постороннему покупщику. Кто въ продолженіе 30-ти дней или 4-хъ мѣсяцевъ не выплатилъ цѣны имѣнія или ранѣе того отказался отъ покупки, тотъ утрачиваетъ право предпочтенія. Точно также утрачиваетъ ее тотъ, кто въ отношеніи къ отчуждающему или его семейству былъ виновникомъ имущественнаго ущерба, покушенія на жизнь или тяжкаго безчестія, и притомъ не случайно, а умышленно. Какъ сказано, „предпочтеніе“ имѣетъ мѣсто при продажѣ, при отдачѣ во временную или наслѣдственную аренду; но оно не дѣйствуетъ при отдачѣ недвижимости въ приданое, предбрачный даръ, при дареніи простомъ или по случаю смерти, или по завѣщанію, а также при мѣнновой сдѣлкѣ. Однако, такого рода юридическія дѣйствія (акты) не должны быть совершаемы притворно только для прикрытія настоящей продажи и купли, поэтому, въ случаѣ подозрѣнія, „предпочитаемые“ всегда могутъ требовать присяги отъ обѣихъ сторонъ въ томъ, что такого рода злоупотребленія не было ими допущено. Если же потомъ окажется, что присяга была дана ложно, то виновные подвергаются наказанію клятвoprеступниковъ, и сверхъ того, у покупщика отбирается купленное имѣніе, а у продавца полученная за него плата; то и другое поступаетъ въ пользу казны.

Новелла Романа Лакапина прямо высказываетъ, что всѣ эти правила о предпочтительной покупкѣ относятся также къ крестьянскимъ

свободнымъ общинамъ и поселкамъ. Здѣсь они должны имѣть даже наибольшую силу. Такимъ образомъ уже и первая часть новеллы содержитъ постановленія, служащія къ пѣкоторой охранѣ крестьянской свободной собственности, потому что права предпочтительной покупки со стороны родственниковъ и сосѣдей устраняли въ известной степени постороннихъ сильныхъ людей. Однако, новелла Романа этимъ не довольствуется; слѣдуетъ вторая часть, которая гласитъ слѣдующее:

„Запрещаемъ на будущее время властелямъ приобрѣтать что-либо отъ бѣдныхъ тѣмъ или другимъ способомъ — посредствомъ ли простаго дара (ἀπλῆ δωρεά), или завѣщаніемъ по случаю смерти, или только въ видѣ одного пользованія, или наконецъ, подъ предлогомъ какой-либо помощи и защиты, за исключеніемъ того случая, когда властель будетъ находиться въ родствѣ съ бѣдными. Также запрещаемъ властелямъ дѣлать покупки и наймы (μισθώσεις) или мѣны въ селахъ и деревняхъ (χωρία ἢ ἀγροίαις), въ которыхъ они не имѣютъ собственнаго (поземельнаго) имущества, отъ мѣстныхъ крестьянскихъ обывателей (κτητόρων). Если даже дѣло касается участковъ (τάξαις), не принадлежащихъ бѣднымъ, а какимъ-либо другимъ лицамъ, если, на примѣръ, продаются отъ казны такъ называемыя „выморочныя участки“ (κλασματικοὶ τόποι) ¹⁾ или какое другое имѣніе, находящееся въ рукахъ казны, и тогда пусть имѣютъ „предпочтеніе“ (право преимущественной покупки) ктиторы-крестьяне, и только въ томъ случаѣ, если они откажутся отъ приобрѣтенія, позволяется и властелямъ вступать въ сдѣлки. Властелями при этомъ должны быть считаемы всѣ тѣ лица, которыя могутъ наводить страхъ на отчуждающихъ не только сами собою, но и вслѣдствіе значенія и силы другихъ, находящихся съ ними въ близкихъ отношеніяхъ, или же могутъ дѣйствовать посредствомъ обѣщаній какого-либо благодѣянія.

„Если же кто изъ властелей дерзнетъ совершить что-либо противное этимъ опредѣленіямъ, то онъ будетъ лишенъ приобрѣтеннаго имущества, и сверхъ того, обязанъ будетъ уплатить пеню въ пользу государственной казны. Впрочемъ, по истеченіи десяти лѣтъ безрекловнаго владѣнія, противъ лицъ, получившихъ имѣніе бѣднаго вслѣдствіе какой-либо сдѣлки или въ видѣ дара и по завѣщанію, уже не можетъ быть заявлено никакого иска—ни со стороны казны, ни

¹⁾ Glossae Basilic. κλασματικῆ γῆ, ἤτοι ἐξκληματικῆ. Cf. *Ducange, Été du rolle des tailles.*

со стороны тѣхъ, кому принадлежало до тѣхъ поръ право преимущественной покупки.

„3) Еще мы повелѣваемъ, чтобы воинскіе участки, отчужденные какимъ-либо способомъ въ продолженіе послѣднихъ тридцати лѣтъ, или же имѣющіе впредь быть отчужденными, были безъ всякаго вознагражденія возвращаемы къ своему первоначальному назначенію, то-есть, къ лежавшей на нихъ повинности военной службы, если только послѣ упомянутаго отчужденія за „стратиотомъ“ не осталось столько, сколько достаточно для отбыванія вновь военной службы“²⁾. На сколько оказывается въ этомъ отношеніи недостатокъ, на столько признается недѣйствительнымъ отчужденіе.

2) Новелла Романа Старшаго о властеляхъ, вступающихъ въ общины убогихъ.

Суровая дѣйствительность скоро подвергла испытанію пользу и достаточность императорскихъ постановленій. Вскорѣ послѣ изданія новеллы наступили тяжелые бѣдственные годы для населенія имперіи. Зима 927—928 года отличалась жестокими, необычными морозами, такъ что земля въ продолженіе 120 дней оставалась, по словамъ византійскихъ лѣтописей, превращенною въ ледъ (κρυστάλλωθησαν). Слѣдствіемъ того былъ неурожай, затѣмъ страшный голодь, „превосходившій всѣ когда-либо бывшіе“, и наконецъ моръ, истреблявшій людей въ такомъ множествѣ, что живые не успѣвали хоронить умершихъ. Царь Романъ, обнаружившій своимъ указомъ о предпочтительной покупкѣ, попеченіе о слабыхъ и бѣдныхъ, показалъ при этомъ случаѣ еще болѣе явнымъ образомъ свою о нихъ заботливость и тѣмъ заслужилъ похвалы „своей сострадательной и милосердой природѣ“. Онъ раздавалъ лично милостыню бѣднякамъ, страдающимъ отъ голода; онъ сдѣлалъ нѣсколько весьма полезныхъ распоряженій для облегченія ихъ бѣдственнаго положенія, между прочимъ велѣлъ прикрѣплять двери и досчатые перегородки или заборы съ боковъ при константинопольскихъ портикахъ, гдѣ находили себѣ пріютъ непривыкшіе къ такимъ суровостямъ климата и беззащитные противъ нихъ небогатые жители столицы и т. п. Нѣсколько лѣтъ продолжались

²⁾ βασιλ. τῶ στρατιωτικῶ πρὸς τὴν τῆς νέας στρατείας οὐστρασίαν ἐξαρχῆν. Цархариэ эти слова переводить (pag. 256). als ihm (dem Soldaten) bei einem Feldzuge zur Bestreitung einer neuer Ausrüstung genügt.

бѣдствія голода и моровой язвы. Когда же они миновали, то оказалось, что многіе самымъ безчеловѣчнымъ образомъ воспользовались народнымъ несчастіемъ для собственной выгоды и гнусной наживы. Властели, по словамъ Романа Лакапина, оказались болѣе жестокими и неумолимыми, чѣмъ голодъ и зараза. По самой ничтожной цѣнѣ, за небольшое количество хлѣба они скупали у бѣдныхъ, подвергающихся опасности голодной смерти, ихъ главное достояніе, ихъ земельные участки ¹⁾. Скандалъ былъ такъ великъ, что императоръ счелъ необходимымъ принять противъ него мѣры и выдалъ новую грамоту, въ которой самымъ рѣшительнымъ и даже рѣзкимъ образомъ осуждаетъ поведеніе людей сильныхъ, а также и своихъ собственныхъ чиновниковъ, которые обязаны были наблюдать за исполненіемъ прежде изданнаго закона. Вообще новелла, изданная Романомъ Лакапиномъ въ 934 году ²⁾, представляетъ, помимо своего законодательнаго содержанія, въ высшей степени драгоцѣнныя черты для характеристики греко-византійскаго общества и разныхъ его классовъ.

„Есть люди, которые, отрицаясь своей духовной природы и своего создателя, заботятся только о земныхъ благахъ и временномъ благополучіи, отказываясь такимъ образомъ отъ правъ на небесныя награды и забывая о днѣ судномъ. Существованіе такихъ людей, съ жадностію гоняющихся за богатствомъ и вполнѣ обладаемыхъ страстію стяжанія, есть причина всѣхъ бѣдствій: отсюда происходятъ всяческія замѣшательства, отсюда—скопленіе всякихъ несправедливостей, отсюда—великія и долгія страданія и многіе стоны бѣдныхъ. Но за бѣдныхъ вступаетъ самъ Господь; онъ говоритъ въ писаніи: „ради мученія бѣдныхъ и воздыханія убогихъ я возстану“. Если же самъ Богъ, возведшій насъ на царство, возстаетъ на отмщеніе убогихъ, то какъ можемъ мы пренебречь своимъ долгомъ или въ конецъ забыть о своей обязанности, когда именно отъ однихъ очей царскихъ

¹⁾ Namartol., p. 835 (*Muralt*). Theoph. Contin. Bonn., pag. 417. (Первоначальный источникъ здѣсь продолжатель Амартола; см. *Hirsch Byzantin. Stud.* pag. 268). Все хронологическія сомнѣнія разрѣшаются свидѣтельствомъ слѣдующей новеллы Романа I, гдѣ начало бѣдствія относится къ первому идиакту (928 годъ). Отрывокъ изъ Симеона Метафраста, приведенный неизвѣстно откуда Алеманомъ въ примѣчаніяхъ къ Прокопію Кесарійскому (III, 452 ed. Bonn.), едва ли сюда относится.

²⁾ О годѣ см. *Zachariae, Geschichte des gr.-römisch. Rechts*, pag. 250 (Zweite Ausg.).

бѣднякъ ждетъ себѣ здѣсь утѣшенія? Ради того, имѣя намѣреніе не только, въ видѣ возмездія, поправить то, что было недавно совершено или дерзко предпринято противъ отдѣльныхъ лицъ, но и прилагая общее и постоянное врачеваніе, мы издаемъ настоящій законъ, который, съ одной стороны, послужитъ къ устраненію и искорененію ненасытной страсти (любостязанія), такъ чтобъ отнынѣ уже никто не былъ лишаемъ своего и бѣдный не испытывалъ преобладанія сильныхъ, а съ другой стороны—представляется намъ соответствующимъ общественному благу, приятнымъ Богу и выгоднымъ для казны и государства. Нужно, конечно, признаться, что вышеозначенныя вредныя стремленія уже и прежде не остались незамѣченными, напротивъ, вызвали надлежащее вниманіе, вслѣдствіе чего ко всѣмъ подчиненнымъ намъ властямъ разсланы были опредѣленія и рѣшенія, останавливающія зловредныя посягательства и удерживающія многостязательныя руки. Но такъ какъ всякое зло умѣетъ принимать многообразныя и разнообразныя формы, а любостязаніе въ особенности ухищряется ускользнуть отъ сѣтей закона, то мы почли нужнымъ издать нынѣ болѣе опредѣленное и тщательное изложеніе мѣръ, служащихъ къ пресѣченію всѣхъ уловокъ.

1) Итакъ, мы опредѣляемъ, что во всѣхъ странахъ и областяхъ, подчиненныхъ нашей власти, каждый нашъ подданный долженъ пользоваться безъ всякаго стѣсненія доставшимся ему поземельнымъ участкомъ (*κτῶσις*). При обыкновенномъ ходѣ вещей имущество пусть передается законнымъ образомъ по наслѣдству или по завѣщанію владѣльца его дѣтямъ или родственникамъ. Если же вслѣдствіе какихъ бы то ни было обстоятельствъ представится необходимость или появится собственное желаніе у владѣльца продать всю свою землю или же только часть ея, то пусть покупка сначала будетъ предложена крестьянамъ (*κτῆτορες*) того же самаго села, или же деревни, или же сосѣднихъ полей и селеній. Мы постановляемъ это не изъ ненависти къ сильнымъ или какой-либо къ нимъ зависти, но изъ благорасположенія къ бѣднымъ, ради ихъ защиты и ради общаго блага (*σωτηρίας*). Ибо тѣ, которые получили въ удѣлъ себѣ отъ Бога власть и возвысились надъ толпою славою и богатствомъ, тѣ—вмѣсто того, чтобы, какъ это имъ приличествовало, взять на себя попеченіе о бѣдныхъ, напротивъ, смотря на нихъ какъ на свою добычу, отданную имъ на съѣденіе, и досаждаютъ, если имъ не удастся проглотить ее какъ можно скорѣе. Не всѣ, конечно, виновны въ такомъ безобразіи (*ἀνομιὰ*), но пусть законъ будетъ общею охраной и руча-

тельствомъ за то, что къ ишеницѣ не примѣшаются плевелы. Итакъ, пусть никто впредь изъ высшихъ гражданскихъ, военныхъ и церковныхъ чиновъ ¹⁾—ни самъ собою, ни при помощи какого-либо посредствующаго лица не осмѣливается вступать посредствомъ покупки, дара или какимъ другимъ путемъ въ какое-либо селеніе или деревню, покупая въ цѣлости его земли или хотя бы даже часть ея, такъ какъ всякое такого рода пріобрѣтеніе будетъ считаться недѣйствительнымъ, и самое имущество со всякими улучшеніями подлежащимъ безвозмездному возврату прежнимъ владѣльцамъ или ихъ наследникамъ, или же, въ случаѣ неимѣнія таковыхъ, жителямъ того же самаго селенія или имѣнія. Злоупотребленіе властію со стороны такихъ лицъ, являющихся въ села со множествомъ слугъ, наемниковъ и всякаго рода спутниковъ, не только увеличиваетъ тяготы бѣдныхъ и ведетъ за собою возстанія, преслѣдованія, требованіе подвѣдь, притѣсненія, вымогательства, но, какъ это пойметъ каждый способный прямо смотрѣть на вещи, служитъ къ непосредственному и немалому государственному ущербу и вреду. Потому что именно крестьянское землевладѣніе удовлетворяетъ двумъ существеннымъ государственнымъ потребностямъ, внося казенныя подати и исполняя воинскую повинность. То и другое должно будетъ сократиться, если сократится число крестьянъ. Тѣ, которые обязаны нещися о государственной безопасности, должны уничтожить причину смятенія, искоренить вредъ и охранить условія общественной пользы. Все это теперь обезпечивается нашимъ подданнымъ относительно будущаго... Однако, намъ слѣдуетъ не только заботиться о будущемъ, но и предпринять возможное врачеваніе относительно прошедшаго. Недавнее общественное бѣдствіе, наведенное на насъ измѣнчивостію временъ, или скорѣе, посланное намъ въ наказаніе за наши грѣхи, для многихъ было только удобнымъ случаемъ для собственнаго обогащенія; вмѣсто того, чтобъ оказать бѣднымъ, страдающимъ отъ голода, человѣколюбіе или состраданіе, они спѣшили за деньгами или хлѣбомъ или какими другими выдачами кувить по дешевой цѣнѣ поземельные участки не-

¹⁾ Новелла здѣсь перечисляетъ магистровъ, патриціевъ, лицъ, почетныхъ начальствованіями (ἀρχαίς), воеводствами (στратѳіαις), гражданскимъ какимъ-либо или военнымъ саномъ (ἀξιωμασί), или же числящихся въ царскомъ синклитѣ, далѣе областныхъ начальниковъ, дѣйствительныхъ и бывшихъ, митрополитовъ, епископовъ, игуменовъ; церковныхъ правителей, завѣдующихъ благотворительными или царскими богоугодными домами. Уже изъ предыдущей новеллы мы знаемъ, что не эти только лица составляли сословіе вѣстелей.

счастливыхъ. Они обнаружили большую жестокость, чѣмъ сама постигшая бѣдныхъ горькая нужда, и даже въ послѣдовавшее затѣмъ время продолжали быть для сельскихъ несчастныхъ жителей все тѣмъ же моромъ, или же гангреною, въвышеюся въ здоровое деревенское тѣло, чтобы довести его до гибели.

2) Итакъ, если кто изъ знатныхъ лицъ, которымъ запрещено было покупать или вообще пріобрѣтать имѣнія бѣдныхъ, тѣмъ или другимъ способомъ сдѣлался владѣльцемъ крестьянскихъ полей или селеній въ ихъ цѣлости или въ какой части въ періодъ времени, начиная отъ перваго индикта или отъ начала голода, тотъ долженъ быть удаленъ изъ нихъ, получивъ обратно внесенную имъ покупную сумму, при чемъ право выкупа предоставляется или первоначальнымъ владѣльцамъ, или ихъ наслѣдникамъ и сродникамъ, или же, въ случаѣ отсутствія таковыхъ, тѣмъ, которые несутъ съ ними одно податное тягло (*σουτελοῦτων*), или же наконецъ цѣлой общинѣ (*τῆς κοινότητος*). Что же касается улучшеній, то если означенныя лица (пользующіеся правомъ выкупа) имѣютъ достатокъ и добрую волю, то можетъ быть назначаемо за нихъ нѣкоторое вознагражденіе; а если это будутъ лица не имущія или не желающія платить, то богатымъ, нарушившимъ законъ, прійдется при своемъ удаленіи удовольствоваться возможностью взять съ собою и унести самый матеріалъ построекъ или вообще сдѣланныхъ улучшеній, предполагая, что это въ самомъ дѣлѣ было результатомъ ихъ стараній и заботъ, а не досталось имъ вмѣстѣ съ землей отъ тѣхъ же бѣдныхъ.... Изложенныя правила, впрочемъ, имѣютъ приложеніе только къ случаямъ дѣйствительной покупки; а въ отношеніи пріобрѣтеній, сдѣланныхъ путемъ дара или наслѣдства или какихъ другихъ актовъ, они считаются недействительными; какъ прежде, такъ и теперь, мы постановляемъ, что они должны быть отбираемы и возвращаемы безъ всякаго притязанія на какое-либо вознагражденіе.

3) Далѣе, есть люди, которые по рожденію принадлежатъ къ сословію бѣдныхъ, но по милости Божественнаго Промысла или какими другими непонятными судьбами изъ своей болѣе скромной доли поднялись на верхъ и достигли лучшаго положенія въ жизни. Мы считаемъ справедливымъ, чтобы они оставались при томъ наслѣдствѣ и владѣніи, которое имъ съ вачала досталось; они не должны, преступая мѣрку своего первоначальнаго состоянія, являться причиною бѣдствія своихъ сосѣдей, отнимая у нихъ разбойнически ихъ имущество,—а таково обычное обвиненіе въ отношеніи сдѣлокъ, заклю-

чаемых со стороны гордых своимъ высокимъ положеніемъ и славою лицъ съ другими, болѣе скромными. Скорѣе имъ (бѣднякамъ, поднявшимся на верхъ) слѣдовало бы, памятуя особенную къ нимъ милость Божию, оказывать благорасположеніе къ своимъ односельчанамъ (πρός το βροχθρον), и имѣя въ виду неизвѣстность будущаго, а также неизбѣжность страшнаго суда, не превращать имущества ближнихъ въ предметъ хищничества.

4) Если такія лица (бѣдныя, превратившіеся во властелей) вступили во владѣніе пріобрѣтенными ими имуществами равнѣ означенаго въ нашемъ законѣ срока (то-есть, до начала голода), и если притомъ они остаются съ того времени все въ томъ же положеніи, то и теперь мы позволяемъ имъ оставаться по прежнему, при чемъ имъ, какъ и всѣмъ другимъ (властелямъ), запрещается пріобрѣтать сосѣднія имѣнія. Если же они оказываются тягостными и несносными для сосѣдей, причиняя постоянный и тяжкій вредъ убогимъ, то они должны быть удалены и даже изгнаны, въ возмездіе за свою строитивость и ненасытность подвергаясь лишенію своей собственности.

5) Что касается вознагражденія, о которомъ рѣчь была выше, то вопросъ о немъ требовалъ тщательнаго разсмотрѣнія, и на основаніи онаго получилъ разумное и справедливое разрѣшеніе. Если совершенъ былъ свободный и невынужденный актъ продажи за цѣну, которая можетъ быть признана справедливою, то относительно такихъ случаевъ имѣетъ силу вышепоставленная статья о возвратѣ покупной цѣны—съ небольшимъ только дополненіемъ въ видахъ облегченія безпомощной бѣдности. Именно: возвратъ имущества и угодій прежнимъ продавцамъ, ихъ наследникамъ, или же ихъ родственникамъ совершается немедленно. Если бѣдныя — состоятельны, то они должны тотчасъ же возвратить при этомъ и полученную ими продажную цѣну имѣнія; а если они не имѣютъ средствъ скоро воротить эту сумму, то не слѣдуетъ прибѣгать противъ нихъ къ какимъ-либо насильственнымъ средствамъ, дабы мѣра, принимаемая въ видахъ ихъ будущей пользы и благосостоянія, не показалась имъ тягостною и ненавистною вслѣдствіе крутаго вымогательства въ настоящемъ. Сверхъ того, душевная низость и пронырство, которыми заражено большинство людей, не устыдились бы воспользоваться условіемъ скорога выкупа для того, чтобы повернуть исходъ всего дѣла въ свою пользу. Тѣ люди, которые заражены страстію стяжанія, для которыхъ ничто ведущее къ наживѣ не можетъ считаться постыд-

нымъ, приведуть все въ дѣйствіе и на все рѣшатся, чтобы только достигнуть своей цѣли и насытить свою алчность ¹⁾). Въ видѣ преграды новымъ выдумкамъ и уверткамъ, для обезпеченія дѣйствительнаго исполненія нашихъ постановленій, пусть будетъ назначенъ трехлѣтній срокъ ожиданія, который достаточенъ для того, чтобы и неимущему принести богатство и доставить возможность легкой уплаты. Справедливость должна соединиться въ законоположеніяхъ съ милостію и пользою. Такъ какъ однажды уже сдѣлано было постановленіе (запрещающее властелямъ приобретать крестьянскіе участки), то ничего не было бы страннаго и противнаго законамъ, если бы люди, уличенные въ неповиновеніи нашимъ повелѣніямъ, понесли достойное вознагражденіе за свое поведеніе и были лишены приобретенныхъ ими правъ. Но растворяя челоуколюбіемъ суровую строгость точнаго соблюденія законовъ, мы опредѣлили вмѣсто полнаго и безусловнаго изгнанія (съ купленныхъ участковъ безъ всякаго вознагражденія) трехлѣтнюю только отсрочку уплаты, съ умѣренностію наказывая погрѣшившихъ, но въ то же время ублажая острочкою достойныхъ сожалѣнія бѣдныхъ. Такъ какъ мы слышали, что были люди, дошедшіе до такой жадности къ наживѣ, что они захватывали поземельные участки бѣдныхъ за самую дешевую цѣну, нельзя даже сказать, покупая, но развѣ съ разверстою пастью поглощая оныя,—то очевидно, что различіе намѣренія и практическаго исполненія требуетъ и неодинаковаго приложенія вышеуказанныхъ постановленій. Итакъ, если окажется, что цѣна, заплаченная за имѣніе, вдвое ниже дѣйствительной его цѣнности, то покупатель лишается ея безъ всякаго вознагражденія.

7) Равнымъ образомъ, если покупка совершилась пусть и не на столько, но все же въ ущербъ и вредъ продавцамъ, и если доходы, полученные съ имѣнія, уже сравнялись съ уплаченною при покупкѣ суммою, они (то-есть, покупщики) не имѣютъ права предъявлять никакихъ требованій (при возвращеніи земли продавцу). Если же

¹⁾ Эта замѣчательная въ устахъ государя характеристика своихъ подданныхъ читается такъ въ подлинникѣ: Ἄλλως τε δὲ καὶ το παρτέργον καὶ ἀνελεύθερον τῆς τῶν πολλῶν γνώμης διὰ τῆς ταχείας εἰσπράξεως οὐκ ἐρυθρίασαι μὴ οὐκ ἀπαράφραστον μένειν τὴν τῶν ὑποτιμηθέντων ἐκβασιν διαμυχανήσασθαι. τοῖς γὰρ ἀπληστίας πάθει καὶ ψυχικῇ πενίᾳ πρὸς τοσοῦτον πορισμὸν προστατήχουσι καὶ μηδὲν αἰσχροῦ τῶν εἰς χρηματισμὸν συντελοῦντων ὑπολογιζομένοις καὶ τοσαύτης πολυπραγμοσύνης ἐφόδιον τὴν ἐλευθερίαν ἐπιφορτιζομένοις οὐδὲν ἀτόλητον, οὐδὲν ἀνεπιχειρήτον περιλειφθήσεται εἰς τὴν τῆς οἰκείας συμβαλλόμενον προθέσεως συντελεῖν.

полученныхъ доходовъ еще не достаетъ (до заплаченной суммы), то недостающее только должно быть восполнено тѣми, кто имѣетъ право перенять имѣніе или участокъ.

8) Мы не желаемъ, чтобы рѣшенные нами добрыя мѣры потерѣли какое-либо нарушеніе подъ предлогомъ пожертвованій и записей, даваемыхъ святымъ обителямъ постригшимся или желающими въ нихъ постричься монахами. Для монастырей будетъ совершенно достаточною выгодною вмѣсто земли или недвижимости получать справедливую ея цѣну деньгами, если въ самомъ дѣлѣ ради спасенія души, а не ради обмана, прикрывающаго продажу, дѣлается вкладъ. Мы полагаемъ, что предоставляя право выкупа и преимущественной покупки и въ отношеніи вкладовъ, дѣлаемыхъ въ монастыри, мы устанавливаемъ правило полезное не только для „убогихъ“, но и для священныхъ домовъ, такъ какъ обитатели оныхъ такимъ образомъ будутъ свободны отъ споровъ, тяжбъ и раздоровъ, отъ неблагого и неблаговиднаго стяжанія, а имъ, какъ плотскимъ все-таки созданіямъ, слѣдуетъ избѣгать всякихъ поводовъ къ паденію, а не идти имъ на встрѣчу.

Если кто изъ лицъ чиновныхъ и властныхъ послѣ изданія настоящей нашей заповѣди, человеколюбиво исправляющей ненасытную страсть къ приобрѣтенію и вводящей полезный обществу порядокъ (τὸ κοινῆ λογιστέον εἰσρηγόμενα), рѣшится въ чемъ-нибудь ее нарушить и вкрадется посредствомъ покупки, дара или какимъ другимъ образомъ въ сельскія или деревенскія крестьянскія земли, то наша воля состоитъ въ томъ, чтобы такой человекъ былъ оттуда изгоняемъ безъ всякаго вознагражденія, лишаясь при томъ всѣхъ своихъ издержекъ и улучшеній, и сверхъ того, подвергаясь наказанію. Для знатныхъ это наказаніе будетъ заключаться въ денежномъ штрафѣ, равняющемся цѣности имѣнія и взыскиваемомъ не ради выгодъ казны—ибо казна не желаетъ видѣть собственной выгоды въ томъ, что служитъ во вредъ обществу—но ради попеченія объ „убогихъ“; а для менѣе состоятельныхъ наказаніе будетъ заключаться въ безденежномъ лишеніи купленнаго участка и въ соответственномъ денежному штрафу взысканіи другаго рода... Мы желаемъ, чтобы всѣ эти правила получили полную силу—ради блага нашихъ подданныхъ, которое составляетъ предметъ многихъ и постоянныхъ нашихъ заботъ. Мы ничего не щадили, чтобы вернуть свободу тѣмъ изъ нашихъ подавленныхъ, которые были ею лишены, и при помощи Божіей многія поля, деревни и города отняты нами отъ противниковъ (Болгарь)

частію оружіемъ, частію одною только угрозою войны или осады; теперь наши подданные свободны отъ напастей непріятельскаго вѣдѣнія. Если мы успѣли достигнуть такихъ успѣховъ противъ внѣшнихъ враговъ, то, конечно, удастся намъ сокрушить и внутреннихъ враговъ всякаго добраго порядка — острымъ мечемъ сего настоящаго законодательства...

3) Новелла царя Константина Багрянороднаго о властеляхъ, вступающихъ въ общины убогихъ.

Постановленіе 934 года, такъ грозное относительно будущихъ его нарушителей, такъ суровое и рѣзкое по своему тону и языку, допускало, однако, послабленіе относительно властелей, воспользовавшихся для округленія своихъ помѣстій и вытѣсненія крестьянъ съ ихъ общинныхъ земель страшными бѣдствіями голода и мора. Ясное дѣло, что обязанность возвращенія крестьянами покупной суммы хотя и съ всевозможными льготами и разсрочками ослабляла дѣйствительность закона въ примѣненіи къ происшедшимъ уже нарушеніямъ его, и примѣромъ смягченія въ отношеніи къ прошедшему возбуждала сомнѣнія въ серіозности угрозъ касательно будущаго. Человѣкъ, который для избѣжанія голодной смерти продавалъ свою собственность, едва ли будетъ имѣть средства для выкупа ея. Что угрозы Романа относительно будущаго никого не испугали, это доказали послѣдствія. Властели продолжали пріобрѣтать земли „убогихъ“ покупками, сдѣлками и насиліемъ... Вотъ что говорить византійская хроника о Константинѣ VII Багрянородномъ, который, послѣ низложенія Романа Лакапина и его сыновей, сдѣлался самостоятельнымъ и единственнымъ правителемъ государства: (944 года).

„Онъ увидѣлъ, что жадность людей ненасытныхъ распространяется все болѣе, что сильные люди (архонты) прокрались въ средину провинцій и сель (χωρίων) и угнетаютъ тамъ несчастныхъ убогихъ (πλάκωτους πένητας), что властели посредствомъ насилія и различныхъ хитрыхъ уловокъ пріобрѣли себѣ тамъ (многія) помѣстья (πρόστατα): онъ рѣшился отнять у нихъ несправедливо пріобрѣтенное... Что же сдѣлалъ для этого сей во всемъ мудрый государь? Собравъ подвластный ему сенатъ, онъ на основаніи его совѣта опредѣлилъ, что всѣ богатые, которые со времени его провозглашенія самодержавнымъ государемъ (944 г.), пріобрѣли покупкою, дареніемъ

или насиліемъ помѣстья или поля въ селахъ, будутъ оттуда выгнаны безъ всякаго вознагражденія. Такимъ образомъ ему удалось нѣсколько остановить заразу и сдержать жадность ненасытныхъ пріобрѣтателей“¹⁾.

Законъ, остановившій заразу любостыжанія, есть повелла 947 года, продиктованная патриціемъ и квесторомъ Теофиломъ, и отъ которой дошли до насъ два списка, представляющіе два экземпляра, отправленные въ двѣ различныя малоазіатскія провинціи (теми Фракісійскую и Анатоликонъ). Нѣкоторыя отличія, между двумя изводами, находящіяся, впрочемъ, только въ началѣ, не лишены интереса.

„Отъ многихъ мы слышали, что властели и выдающіеся мужи въ темѣ (области) Фракісійской, презирая царскіе законы и самое естественное право, а также и наши повелѣнія, не перестаютъ вкупаться въ села или вступать въ нихъ посредствомъ даренія и наслѣдства, и подъ этимъ предлогомъ тирапствуютъ надъ несчастными убогими, сгоняютъ ихъ съ ихъ собственныхъ полей, вытѣсняють съ земли, имъ принадлежащей“²⁾. Вслѣдствіе того, мы, послѣ разсмотрѣнія съобща (ἐκ κοινῆς διασκεψέως), постановляемъ слѣдующій общій законъ и правило:

1) Изданнымъ прежде (то-есть, въ 934 году), закономъ уже запрещено было „особамъ“ (προσώπων) и домамъ царскимъ и богоугоднымъ покупать имѣнія у сельскихъ общинъ или у отдѣльныхъ членовъ оной (ἀπὸ τῶν χωρίων ὁμάδος ἢ τοῦ καθεκάστου), при чемъ осуждались какъ прошлыя сдѣлки подобнаго рода (отъ перваго индикта до изданія законоположенія), такъ особенно будущія (послѣ изданія законоположенія). Тѣмъ не менѣе большинство властелей совсѣмъ не думали соблюдать законъ и воздерживаться отъ губительныхъ сдѣлокъ съ бѣдными, такъ что и судьи въ свою очередь, не столько по дурнымъ побужденіямъ, сколько вынуждаемые необходимостью, часто произносили судебныя рѣшенія въ дѣлахъ такого рода не на точномъ основаніи закона, а примѣняясь къ обстоятельствамъ (κατ' οἰκονομίαν),—то такъ, то иначе. Вслѣдствіе того мы постановили та-

¹⁾ Theophan. Continuat. de Constantin. Porphyrog. cap. 15 (pag. 447 Bonn.).

²⁾ Вмѣсто этого введенія въ экземплярѣ, отправленномъ въ провинцію Анатоликонъ: читалось: „Мы узнали объ убожествѣ и бѣдности народа въ темѣ Анатоликонъ и о тиранинн надъ нимъ властелей (δουτῶν), и крайне ужаснулись ненасытности и жадности ихъ душъ, что ни законъ, ни страхъ царя не смирилъ ихъ любостыжанія.“

кое общее рѣшеніе, чтобы всѣ тѣ, кому вышеупомянутыми законами (934 г.) было воспрещено покупать земли бѣдныхъ и кто, не смотря на то — уже послѣ провозглашенія насъ самодержцемъ (въ 945 году), осмѣлился втереться въ какое-либо село или поселокъ или вообще захватить недвижимость бѣднаго, тотъ немедленно, безъ всякихъ отговорокъ и отсрочекъ прогоняется съ пріобрѣтеннаго имъ участка, не имѣя права представлять какихъ-либо требованій за тѣ или другія свои издержки.

2) Относительно тѣхъ, которые пріобрѣли участки въ промежуткъ времени отъ большаго голода или перваго индикта (928 г.) до нашего провозглашенія (945 г.), мы постановляемъ слѣдующее общее правило: всякое пріобрѣтеніе посредствомъ дара или наслѣдства, или какой другой юридической сдѣлки, придуманной для обхода закона, признается не имѣющимъ силы и не дѣйствительнымъ, отмѣняется безъ всякихъ правъ на возмѣщеніе издержекъ; точно также уничтожаются и всякія мѣны и мѣновныя сдѣлки, и каждый получаетъ свое, развѣ только самъ убогій пожелаетъ остаться при вымѣненномъ имѣннѣи, находя для себя болѣе выгоднымъ промѣнять отяготительное участіе въ общинѣ на частную собственность, и получая при томъ лучший участокъ ¹⁾. Относительно продажъ и покупокъ наше рѣшеніе, таково, что и онѣ отмѣняются, и проданныя земли возвращаются прежнимъ владѣльцамъ, или же ихъ наслѣдникамъ, либо однопятымъ (πρὸς — συντελεστάς), какъ определено въ первоначальномъ законоположеніи. Что же касается возвращенія покупной цѣны, то тутъ нужно обращать вниманіе на лица и обстоятельства. Если покупатель принадлежалъ къ разряду владѣльцевъ или же былъ родственникомъ владѣльца свѣтскаго, либо духовнаго, а продавецъ былъ изъ сословія бѣдныхъ, такъ что состояніе его не превышало пятидесяти золотыхъ монетъ (номисма, золотая монета около трехъ рублей), то возвратъ покупной суммы не имѣетъ мѣста. Если же продавецъ имѣетъ состояніе выше пятидесяти номисмъ, то онъ долженъ уплатить подлежащую возврату сумму въ теченіе трехъ лѣтъ, пользуясь тѣми же преимуществами, какъ и общинникъ (ὄμις), хотя бы это на самомъ дѣлѣ былъ схолярій (воинъ, служащій въ императорской гвардіи), или чиновникъ, служащій въ приказахъ (σεκρέτοις ὑπηρέτοίμενος). Если же продавцемъ имѣнія была крестьянская община

¹⁾ Zachar., Jus Graecorom III, 254: ἢτε πρὶν ἀνακεκοινώμενος ὄν καὶ οὐ μόνον ἰδίᾳ τὴν ἑαυτοῦ κατάσχουσιν ἀπορίσας διὰ τὸ ἀνεπὸχλήτων, ἀλλὰ καὶ τὸ κρεῖττον ἀντιλαβών.

(εἰ δὲ οὐκ ἦν ἡ πωλήσις), у которой не окажется средствъ для возвращенія полученныхъ за него денегъ (при отобрании отъ покупателя проданной земли), то пусть она имѣеть отсрочку на такое число лѣтъ, какое, по мнѣнiю судьи, будетъ достаточно для того, чтобы соотвѣтствующая подлежащей возврату сумма могла быть выручена изъ доходовъ имѣнiя. Если же окажется, что продавецъ или продавцы при продажѣ или ранѣ подверглись какому-нибудь обману или насилiю со стороны покупателя или его фамилии, то возвратъ покупныхъ денегъ отмѣняется, хотя бы покупатель и не принадлежалъ къ разряду властелей. Если же покупателями были болѣе бѣдные изъ монастырей или кто-либо изъ протоспаарiевъ, живущихъ въ богослассаемой столицѣ, или изъ низшихъ архонтовъ, и если они совершили свои покупки безъ всякаго насилiя и обиды и безъ содѣйствiя со стороны сильныхъ, то они не только получаютъ обратно уплаченные при покупкѣ деньги, но и всякiя издержки, употребленные на пользу, какъ напримѣръ, на разведенiе виноградниковъ или на устройство водяныхъ мельницъ. Они могутъ снять и унести и материалъ собственныхъ построекъ, не вредя, конечно, прежнему положенiю хозяйственныхъ заведенiй, и только въ томъ случаѣ, если не получаютъ за нихъ вознагражденiя. Если же возвращенiю должнаго препятствуетъ несостоятельность лицъ, обязанныхъ возмѣстить оное, то отчужденное имѣнiе остается въ залогъ (μασεγγυήσις) въ продолженiе столькихъ лѣтъ, доколѣ чистый доходъ съ него не покроетъ должной покупной суммы или вышеозначенныхъ издержекъ; или пусть лучше имѣнiе возвращается во владѣнiе прежняго отчуждившаго его хозяина, но только съ тѣмъ условiемъ, чтобы покупатель могъ наблюдать за сборомъ плодовъ (доходовъ) и сохранностью на удовлетворенiе долга. И если отчуждившiй имѣнiе имѣеть какiя-либо другiя средства, напримѣръ, другую землю, то пусть онъ отдаетъ весь сборъ этихъ плодовъ лицу, заключавшему съ нимъ запродажную сдѣлку; а если у него нѣтъ другихъ источниковъ существованiя, то пусть онъ удерживаетъ изъ доходовъ то, что нужно для удовлетворенiя необходимыхъ потребностей и для хозяйственныхъ земледѣльческихъ оборотовъ, а все остальное пусть отдаетъ кому слѣдуетъ.

3) Если же отчужденiе произошло при такихъ условiяхъ, что продавецъ былъ одинъ изъ болѣе видныхъ или знатныхъ членовъ общины (τῆς οἰκίας), напримѣръ — школарiй, а покупатель — лицо только не много низшее по достоинству, напримѣръ, стратiотъ, или же если, передача совершилась со стороны одного изъ болѣе бѣдныхъ (εὐτελεστέρων) въ

пользу другаго, только не много надъ нимъ возвышающагося, напри-
мѣръ, со стороны получившихъ воинскую отставку гражданъ (ἀστρα-
τεῶτων πολιτῶν) схоляріямъ или приказнымъ (секретикѣ), то въ этомъ
случаѣ сдѣлка должна сохранять свою силу и оставаться неизмѣнною.
Равнымъ образомъ, если кто обязанъ внести въ казну лежація на
немъ подати и повинности или же хочетъ дать своей дочери при-
даное, но не имѣетъ никакихъ другихъ средствъ уплатить свой долгъ
казнѣ или наложенную на него повинность, или дать обѣщанное при-
даное, то ради этихъ причинъ позволено отчуждать и недвижимое
имѣніе, но только односельчанамъ (συνχωρίταις), или въ случаѣ необ-
ходимости, въ села, входяція въ составъ одной и той же волости
(митрокоміи) или состояція подъ одною и тою же комитурою ¹⁾.

Сверхъ того, когда продаетъ или другимъ образомъ отчуждаетъ
имѣніе свое властель, то имѣетъ мѣсто „предпочтеніе“ (право выку-
па) въ пользу крестьянъ—относительно того, въ чемъ они являют-
ся относительно его сообщинниками, напримѣръ, относительно выгона
или водъ, или горныхъ мѣстъ, безъ которыхъ они не могутъ вести
своего хозяйства ²⁾. Но въ пользу (посторонняго) покупщика поста-
новляется, что если онъ захочетъ приобрести только это одно (то-
есть собственность властеля) и отступиться отъ того, что входитъ въ
составъ общественнаго владѣнія (ἀπὸ τῶν ἀναγκαιωμένων), то онъ
имѣетъ возможность и право поступить такимъ образомъ. Если же
въ отчуждаемомъ имѣніи есть какой-нибудь самостоятельный отдѣльно
отмежеванный участокъ (ἐστὶ τι καὶ ἰδιοσώστατον), то (крестьяне) обя-
зываются или приобрести его въ цѣлости, или совершенно отъ него
отказаться. Въ первомъ случаѣ, они имѣютъ отсрочку четырехъ мѣ-
сяцевъ для сбора той цѣны, какую даетъ другой покупатель, или
лучше—въ какую имѣніе оцѣнивается, если покупщики принадлежатъ
къ разряду убогихъ (πένητες).

4) Новелла Константина Багрянороднаго о военныхъ
участкахъ (περὶ στρατιωτῶν, περὶ στρατιωτοτοπίων).

Авторомъ этой новеллы, какъ и указано въ подлинномъ ея над-
писаніи, былъ знаменитый въ то время юристъ—патрицій и инвесторъ
Феодоръ Деканолитъ. Точный годъ изданія ея неизвѣстенъ; несо-

¹⁾ ἢ ἐξ ἀνάγκης πρὸς τὰ ὑπὸ τὴν αὐτὴν μητροχωρίαν χωρία ἢτοι ὑπὸ τὴν αὐτὴν
χωρητοῦραν.

²⁾ προτιπάζει: τοὺς χωρίτας ἐν οἷς εἶσιν ἀναγκαιωμένοι, ἢ χωρία τῆς ἐκείνου
χωρῆς ἢ ὑδάτων, ἢ τῶν ὄρεων οὐ δύναται διακρίσθαι.

живѣнно только, что она относится къ періоду единодержавнаго правленія Константина VII (945—959 гг.). Константинъ Багрянородный никогда не былъ воиномъ и не любилъ водить своихъ полковъ въ поле и на битву; но какъ видно изъ этой повеллы, онъ интересовался военнымъ дѣломъ, не только какъ ученый диллетантъ, занятый вопросомъ о томъ, какими военными машинами и какими военными хитростями брали города и одерживали побѣды Греки и Римляне; онъ не былъ слѣпъ и глухъ къ печальной современной ему дѣйствительности, хотя, быть можетъ, несовсѣмъ безпристрастно всю отвѣтственность за униженіе имперіи въ послѣднихъ столкновеніяхъ съ Болгарами и Арабами готовъ былъ возложить на своихъ ближайшихъ предшественниковъ, Романа Лакапина и его сыновей. Общія мотивы, вызвавшіе обширное и подробное законоположеніе о воинскихъ сухопутныхъ, а также и морскихъ помѣстьяхъ (о которыхъ мы отсюда и получаемъ точныя свѣдѣнія), весьма яркимъ и откровеннымъ языкомъ изложены въ концѣ повеллы. Злоупотребленія, противъ которыхъ она направлена, были въ сущности двоякаго рода: а) военные участки подверглись, подобно крестьянскимъ, поглощенію со стороны крупной собственности, при чемъ власти пользовались разнаго рода несчастіями, а иногда и безличностію стратіоговъ; б) не только собственность, но и личность стратіота не была ограждена отъ наслія и жадности людей сильныхъ, и особенно начальствующихъ, стремившихся превратить слугу государства въ собственного слугу, парика и раба. Противъ первой бѣды утверждается неотчуждаемость военныхъ помѣстій, о которой была уже рѣчь въ повеллѣ Романа Лакапина, и на сей разъ точно опредѣляется, что должно быть разумѣемо подъ воинскимъ участкомъ, и какъ великъ долженъ быть его нормальный объемъ: вмѣсто какой-либо поземельной мѣры эта величина опредѣляется денежною цѣнностію, при чемъ единицею служитъ литра золота (около 250 рублей), изъ которой выходило 72 номисмы (около $3\frac{1}{2}$ руб.). Далѣе опредѣляется, какъ поступать, если стратіотъ, кромѣ воинскаго помѣстья, имѣетъ другое поземельное имущество, и какому наказанію слѣдуетъ подвергать владельцев, покупающихъ участки, вписанные въ военно-помѣстныхъ книгахъ, а также обозначается срокъ давности, прикрывающей неправильную покупку и указываются лица, имѣющія право вчинать искъ о возвращеніи и т. д. Что касается злоупотребленій втораго рода, то противъ нихъ повелла вооружается только угрозою денежнаго штрафа и притомъ не очень высокаго.

„Что въ тѣлѣ голова, то въ государствѣ войско, сообразно съ тѣмъ или другимъ состояніемъ той и другой, все измѣняется (и въ отвѣтствующемъ организмѣ); кто не прилагаетъ о нихъ большой заботы, тотъ погрѣшаетъ противъ собственной безопасности. Такъ какъ съ теченіемъ времени воинское устройство ослабѣло, а источники, откуда стратіоты получали средства къ существованію и жизни, сдѣлались болѣе скудными и затруднительными, то наше царство (величество) приняло мѣры для приведенія ихъ въ болѣе благопріятное положеніе, сообразно учинить дѣло полезное для всѣхъ.

„Итакъ, мы постановляемъ то самое, что не писанный обычай уже прежде утвердилъ—именно, что не позволено стратіотамъ продавать имѣнія, съ которыхъ они отправляютъ воинскую службу (ἐξ ὧν αἱ στρατεῖαι ὑπηρετοῦνται), а напротивъ нужно, чтобы для каждой службы (εἰς ἐκάστην στρατείαν) сохранялось недвижимое имущество въ размѣрѣ для всадниковъ въ четыре литры. Къ нимъ мы повелѣваемъ причислять и отдѣленныхъ для флота моряковъ (πλωῖτους, матросовъ, пловцовъ) Эгейскаго моря, Самоса и Кивиррѣотскаго округа; потому что они, будучи обязаны сами снаряжать свои суда и ставить на нихъ гребцовъ (ἀπόστολοι καὶ ἀντρείται), несутъ тяжелую службу. А тѣмъ, которые служатъ на жалованьи (ἐπί ρόγας) въ царскомъ флотѣ (τὰ βασιλικὰ πλωῖμα) и остальнымъ „пловцамъ“ (πλωῖται) уже теперь утвердившійся обычай предписываетъ имѣть для царской службы недвижимаго имущества на двѣ литры, что и намъ кажется достаточнымъ.

„Итакъ, если въ такомъ недвижимомъ владѣніи обрѣтаются люди, внесенные въ списки той или другой воинской службы (τῆς ἐκατέρας δοολείας), то они должны сохранять не отчуждаемымъ свой участокъ и передавать его по наслѣдству какимъ угодно сообразнымъ съ закономъ способомъ, но только вмѣстѣ съ лежащею на нихъ повинностію. Воинскій участокъ не можетъ быть переданъ ни по наслѣдству, ни по завѣщанію лицамъ, характеръ или положеніе которыхъ не совмѣстны съ военною службою, то-есть, лицамъ сановнымъ (ἀξιωματικοῖς). Если же помѣстье при переходѣ по наслѣдству подвергнется раздѣлу на неровныя доли, то обязанность должна распредѣляться сообразно съ количествомъ земли, какое получитъ каждый, то-есть, владѣльцы должны складываться и сообща ставить одного вооруженнаго человѣка.

„О движимомъ имуществѣ мы не заботимся и владѣльцу представляется распоряжаться онымъ, какъ онъ заблагоразсудитъ, лишь бы только много не удалялось въ тоже время недвижимое; ибо въ

такомъ случаѣ движимое годилось бы для выполненія убыли въ недвижимомъ.

„Если же стратиотъ окажется владѣльцемъ нѣсколькихъ недвижимыхъ имѣній, такъ что его имущество въ своей совокупности много превосходитъ необходимое количество одной службы, то и тогда, если все это записано въ воинскихъ спискахъ (*ἐν τοῖς στρατιωτικοῖς κώδικιν ἀπογράφονται*), отчужденіе отдѣльныхъ участковъ не допускается, хотя бы у владѣльца и послѣ отчужденія оставалось земли болѣе, чѣмъ на четыре или двѣ литры. Никто не можетъ покупать что-либо изъ такихъ воинскихъ участковъ, въ особенности человекъ знатный или савонный, митрополитъ, епископъ, или монастырь, или какой другой богоугодный домъ, или властель даже до школярія. Пусть они знаютъ, что не будетъ принимаемо никакого иска съ ихъ стороны для возвращенія уплаченныхъ при покупкѣ денегъ, и что даже не позволено будетъ и рѣчи заводить объ издержкахъ и убыткахъ, еслибы они и много истратили на улучшеніе купленнаго. Имъ дозволено будетъ унести только свой строительный матеріалъ, и то безъ ущерба прежнему положенію имѣнія. Если же не все окажется внесеннымъ въ списки, и стратиотъ имѣеть самостоятельный участокъ (*κτῆμα ἰδιοκτηρίαν*), не подлежащій воинской повинности, то владѣлецъ имѣеть право отчуждать его какимъ угодно способомъ, лишь бы только внесенное въ списокъ недвижимое имѣніе было достаточно для отправления военной службы. Ибо если оно окажется недостаточнымъ, то получившій отъ стратиота какимъ бы то ни было способомъ его свободную землю обязанъ будетъ восполнить недостатокъ военного помѣстья. Если же имѣнія стратиота еще совсѣмъ не были внесены въ военно-помѣстные книги (*ὀδδὸλος ἀναγεγραμμένα εἶσι*), то наиболѣе доходная ихъ часть, цѣнностію до четырехъ литръ, предполагается подлежащею повинности, и согласно съ нашимъ предвидѣніемъ пусть отчисляется къ не отчуждаемому, а остальное позволено отчуждать¹⁾. Если при этомъ случится, что одинъ ранѣе купилъ (изъ имѣній стратиота) болѣе доходное, а другой послѣ менѣе доходное, и потомъ болѣе доходное, на основаніи вышеозначеннаго пункта, будетъ присуждено къ возврату, то пусть первый покушникъ имѣеть право старѣй-

¹⁾ Отсюда, по видимому, можно заключить, что воинскіе участки вовсе не были всегда образуемы посредствомъ отвода государственной или казенной земли, а просто объявлялись частными землями, находящимися въ рукахъ крестьянъ, воинскими.

шинства предъ позднѣйшимъ (ἐχέτω τὰ τῆς προγενεσίας δίκαια κατὰ τοῦ μεταγενεστέρου ὁ προγενέστερος). Если же кто, имѣя нѣсколько недвижимыхъ имѣній, продастъ именно то, которое внесено въ военно-поимѣстныя книги, а потомъ возбудитъ споръ съ цѣлю возвращенія проданнаго участка, какъ находящагося въ спискахъ, то онъ, согласно съ вышевыраженнымъ правиломъ, имѣетъ право получить обратно проданный участокъ, но при этомъ долженъ удовлетворить покупателя изъ другаго своего имущества, если окажется, конечно, излишекъ — у всадника противъ четырехъ литръ, у пловца (οἱ πλωτῆρες) — противъ двухъ. Если же кто подлежитъ отбыванію военной службы только съ одной части своего достоянія, то расчетъ дѣлается сообразно съ величиной этой части (по аналогіи).

Лица, какамъ бы то ни было способомъ прибрѣтены воинскія поимѣстья, не прежде считаются ихъ господами, какъ по истеченіи срока лѣтъ безспорнаго владѣнія, такъ какъ и недобросовѣстнымъ владѣльцамъ (κακῆ πίστει νομῆδον) старый обычай назначаетъ такой-же срокъ давности. При этомъ однако, различаются тѣ, которые пользовались имуществомъ на основаніи договора или сдѣлки и не обязаны возвращать плодовъ или доходовъ, и тѣ, которые подлежатъ обязанности возвратить плоды и доходы и возмѣстить всякій вредъ: это и мы находимъ приличнымъ (то-есть, по отношенію къ воинскимъ участкамъ, прибрѣтеннымъ bona fide u mala fide).

„Стратіотомъ же слѣдуетъ считать не только того, кто поступилъ въ священные наши легіоны (καθολομένους ταῖς ἱεραῖς λαγεῶσι), но и тѣхъ, которые, вслѣдствіе какого-нибудь случайнаго несчастія (διὰ τινὰ τύχης ἑπιπείαν) оказались несостоятельными и получили увольненіе отъ службы ¹⁾. Къ нимъ должны относиться то же ограниченіе и та же привилегія, то-есть, они не могутъ продавать своихъ имѣній сами, а равно мы не дозволяемъ, чтобы могла продавать ихъ казна. Потому что, если мы запрещаемъ самимъ владѣльцамъ дѣлать это, то какъ можемъ позволить это казнѣ и такимъ образомъ дать силу закона старому несправедливому обычаю. Напротивъ, такой обычай слѣдовало совсѣмъ изгнать съ лица земли и моря, какъ въ высшей степени злѣрскій и жестокій. Тѣ, которые ввели его, привили по моему мнѣнію, къ государству обычай медвѣдей ²⁾. Известно, что

¹⁾ ἐπιπείεις ἀφθέντες ἀδωρεΐας ἐνδίκως τετυφῆσαι. Ср. Constant. Porphyrog. de ceremoniis, II cap. 49. ἂν δὲ παντελῶς ἐξαπορῶσιν ———, τότε ἀδωρεῦονται καὶ δίδονται εἰς ἀπελάτας, ἐξ ὧν καὶ Τρέχωνες ἀφορίζονται εἰς τὰ κάστρα.

²⁾ τὴν αὐτὴν ταῖς ἀρχαῖς φύσιν τῇ πολιτείᾳ προσένημον.

медвѣди, будучи мучимы голодомъ, лижутъ свои пальцы (сосутъ лапу) а стратіоты не суть ли то же, что пальцы или, скорѣе, даже руки въ государствѣ?

„2) Эти постановленія должны имѣть силу на будущее время. Что же касается прошедшаго, то до сихъ поръ относительно вышеозначенныхъ злоупотребленій существовало такое общее правило, что покупщики возвращаютъ воинскія имѣнія безъ всякаго вознагражденія. Но приложеніе правила къ частнымъ случаямъ, видоизмѣняемое то такъ, то иначе—по произволу тѣхъ, отъ кого зависѣло рѣшеніе, приносило большой вредъ дѣламъ и всяческую неясность. Разсмотрѣвъ вопросъ со всѣхъ сторонъ, мы рѣшили отвергнуть всѣ запутанныя и разнообразныя правила, и для всѣхъ возможныхъ случаевъ постановляемъ слѣдующія общія начала:

а) если у внесенныхъ въ списки стратіотовъ есть наследники, то они, сообразно съ степенью своей родственной близости, имѣютъ право преимущественной покупки и вмѣстѣ съ тѣмъ право вчинать искъ для возвращенія воинскихъ имѣній, захваченныхъ насиліемъ властей или просто неправильно отчужденныхъ владѣльцами; если же ближайшіе сродники не могутъ или не хотятъ этого сдѣлать, то право судебного иска переходитъ къ болѣе отдаленнымъ родственникамъ;

б) затѣмъ оно „принадлежитъ складчикамъ и сокопейникамъ (συνδο-
τας καὶ συναίχμοος), то-есть, лицамъ, которыя сообща ставятъ и воору-
жаютъ стратіота или сами лично несутъ вмѣстѣ военную службу ¹⁾; а если таковыхъ нѣтъ, то болѣе бѣднымъ или нуждающимся стра-
тіотамъ, принадлежащимъ къ одному податному тяглу (συντελεστικῆς), дабы они изъ этихъ имѣній могли восполнить недостатокъ средствъ и могли оправиться до степени состоятельности;

и с) наконецъ, въ случаѣ недостатка таковыхъ, право выкупа и иска переходитъ къ простымъ гражданскимъ податнымъ соплательщи-
камъ (πολιτικοῦς συντελεστικῆς), чтобы не пропадала по крайней мѣрѣ по-
земельная подать (πρὸς τὸ μὴ διαπίπτειν τὸν ἕκ τοῦ κήνσου φόρον);

д) если и продавцемъ и покупщикомъ были стратіоты, то здѣсь обращается вниманіе на состояніе покупщика: если богатый купилъ у бѣднаго, онъ подвергается, какъ и властель, наказанію, лишаясь

¹⁾ Constant. Porphyrog. de ceremon. l. c.: "Ὅτε δὲ πτωχεύουσιν (οἱ στρατιῶται) εἰδόντες, αὐτοῖς καὶ συνδοταῖς πρὸς τὸ δι' αὐτῶν εἶναι τὸ ἱκανὸν καὶ δουλεύειν τῇ ἰδίᾳ στρατείᾳ.

покупки безъ всякаго вознагражденія; если же купилъ несостоятельный у богатаго, то онъ или удерживаетъ за собою купленное или получаетъ обратно заплаченные деньги“.

Въ концѣ Константинъ описываетъ положеніе дѣлъ, до котораго была доведена имперія и особенно ея военныя силы. Это было всецѣлое паденіе и неудержимое стремленіе къ гибели. Всякой, кто имѣлъ значеніе и силу, захватывалъ себѣ необозримыя территоріи (ἀπερὶ ὑράπτου χώρας) и превращалъ несчастныхъ поселянъ, на нихъ судившихъ, какъ бы въ рабовъ своихъ (ἐν ἀνδραπόδων λόγῳ), не считая при томъ своихъ дѣйствій дурными, сокрушаясь только въ томъ случаѣ, если кто другой превзошелъ его ловкостію и захватилъ больше. Шло ужасное какъ бы состязаніе на аренѣ зла; зло не остановилось только на властеляхъ, но, начавшись отъ нихъ, коснулось и „малосильныхъ“ (ὀλιγοδυναίς); обычай людей стоящихъ на верху всегда легко передается толпѣ. Такимъ образомъ тѣ, которымъ доставалось начальствовать надъ войскомъ, всѣ безъ исключенія—какъ будто уже законъ требовалъ, чтобы стратигъ велъ себя подобнымъ образомъ,—подвергали своихъ стратіотовъ всяческимъ мытарствамъ и вымогательствамъ, либо, получивъ хорошіе подарки, совсѣмъ освобождали отъ военной службы (ἀνταδόσαν αὐτοῖς ἀστρατῖαν). Это были люди продажные, и въ то же время, безпечные и невоинственные: трусливые муравьевъ и хищные волковъ. Не умѣя брать дань со враговъ, они обирали подданныхъ. Не многого доставало, чтобы довести дѣла до окончательной катастрофы; благодаря ихъ поведенію, Римское государство пришло на край гибели. О нашихъ заботахъ, говоритъ императоръ,—направленныхъ къ восстановленію и улучшенію дѣлъ, засвидѣтельствуется голосъ всѣхъ честныхъ и порядочныхъ людей, и еще громче возгласятъ о нихъ толпы людей, освобожденныхъ отъ непріятельскаго плѣна и возвращающихся на родину. Надѣемся, что и другія перемѣны къ лучшему въ быту государственномъ будутъ слѣдствіемъ этихъ нашихъ заботъ и попеченій, которыя не оставляютъ насъ ни днемъ, ни ночью, и которыми вызваны настоящія законоположенія. Чтобы обезпечить ихъ дѣйствительное исполненіе на будущее время и на всегда, мы опредѣляемъ, что кто будетъ держать стратіота въ видѣ парика, или захватить насиліемъ его землю, съ которой онъ долженъ былъ нести военную службу, тотъ подвергнется взысканію въ количествѣ 36 золотыхъ монетъ (номисмъ), изъ коихъ половина должна идти стратіоту, для того чтобы онъ могъ возстановить себя въ первобытномъ своемъ состояніи, а другая половина поступаетъ въ казну

въ возмѣщеніе службы, которой государство будетъ лишено. Если же имѣніе не было захвачено силою, но приобрѣтено покупкою, то полагается штрафъ въ пользу казны въ 24 монеты, и купленное имѣніе отбирается безъ права вчинать искъ о возвращеніи покупной цѣны. Но не подвергаются никакой отвѣтственности тѣ лица, которыя изъ жалости принимаютъ къ себѣ въ видѣ париковъ или же батраковъ (εἴτε παροικεῖν, εἴτε θυγατέων) стратіотовъ, согнанныхъ другими съ участковъ или добровольно покинувшихъ опіе. А тотъ, кто осмѣлится держать стратіотовъ для собственныхъ послугъ, отнявъ ихъ у войска, подвергнется штрафу въ шесть номисмъ за одинъ годъ въ пользу казны, если только стратіоты не были ему переданы съ подобною цѣлю отъ военачальника или другихъ архонтовъ (командировъ) ¹⁾.

5) Новелла Романа Младшаго о стратіотахъ или рѣшеніе на докладъ областного судьи, объявленное магистромъ Θεодоромъ Декаполитомъ.

Къ кратковременному царствованію Романа II (959—963 гг.) относятся двѣ новеллы, касающіяся нашего вопроса. Въ первой изъ нихъ Романъ II разъясняетъ и развиваетъ постановленія своего отца, Константина Багрянороднаго, относительно того пункта новеллы „о властеляхъ“, купившихъ крестьянскіе участки въ періодъ времени отъ 928 года по 945, по которому, съ одной стороны, за крестьянами признавалось право на возвращеніе проданныхъ во время нужды участковъ, а съ другой—за властями признавалось право на обратное полученіе покупной суммы съ извѣстною разсрочкою въ облегченіе бѣднѣйшихъ крестьянъ. Отсюда мы узнаемъ, что уже самъ Константинъ Багрянородный не дошедшимъ до насъ законодательнымъ актомъ распространилъ обязанность возврата покупной суммы на всѣхъ вообще, даже и бѣднѣйшихъ покушниковъ означеннаго періода, увеличивъ только отсрочку съ трехъ лѣтъ на пять. Затѣмъ оказывается, что взаимныя притязанія и судебныя процессы по этому поводу между богатыми и бѣдными, властями и убогими, продолжались даже до времени Романа II, и особенно затруднительными и сложными казался тѣ случаи, когда „убогіе“ не вполне воспользовались отсрочкою, то-есть, уплатили въ продолженіе ея только часть слѣдующаго съ нихъ обратнаго взыскація, или же только дали письменныя обязательства, оказавшіяся для нихъ непосильными. Въ повелѣ Романа II, продиктованной тѣмъ же самымъ юристомъ, которому принадлежитъ эдиктъ

¹⁾ εἰς τὴν στρατιωτικὴν ἐν παροίκῳ λόγῳ εὐραϊεῖν κατέχων.

Константина VII о воинскихъ участкахъ, даются новыя, болѣе подробныя правила для подобныхъ случаевъ, притомъ въ такой степени льготныя для крестьянъ и крестьянскихъ общинъ, что молодой государь, поддававшійся въ другихъ отношеніяхъ вліанію своей придворной аристократіи, никакъ не подлежитъ упреку въ измѣнѣ преданіямъ своего дома. Мы не находимъ здѣсь никакого стремленія смягчить строгія постановленія предшествовавшихъ государей, возбудившія, конечно, неудовольствіе аристократіи и тѣхъ родовитыхъ фамилій, которыя будто бы пользовались особеннымъ уваженіемъ Романа II ¹⁾. Но прежнему остается въ силѣ запрещеніе властелямъ приобретать имѣнія убогихъ, попрежнему остается въ силѣ относительно будущаго угроза безвозмезднаго отобранія такихъ покупокъ у людей богатыхъ, точно такъ какъ не отмѣняется и прежнее законодательство о случаяхъ безденежнаго возврата такихъ покупокъ. Въ началѣ новеллы находится не совсѣмъ вѣрное показаніе, что такіе случаи въ первый разъ предусмотрѣны въ эдиктѣ Константина Багрянороднаго, тогда какъ мы знаемъ, что уже Романъ Лакапинъ высказалъ ту же самую угрозу. Почему игнорируется новелла Романа I-го, объ этомъ легко догадаться... Прибавимъ, что, какъ уже видно изъ предыдущаго, новелла Романа Младшаго, сочиненная Феодоромъ Декаполитомъ, трактуеть, несмотря на свое заглавіе, не объ однихъ только стратіотахъ, но вообще объ убогихъ и властеляхъ.

„Докладъ твой, освященный господиномъ (ἁγιασμένον κόνιον), по царскому повелѣнію, переданъ былъ нашему смиренію. Мы думаемъ, что ты и самъ знаешь силу новыхъ заповѣдей. Хотя они имѣютъ разнообразное содержаніе и часто измѣнялись то въ томъ, то въ другомъ смыслѣ по требованіямъ времени, но исполнѣ ясно слѣдующее: ни бѣдные стратіоты, ни простые граждане никогда не получали привиллегій безденежнаго возвращенія проданныхъ ими имуществъ до провозглашенія незабвеннаго и троблаженнаго (покойнаго) государя, то-есть, царя Константина Багрянороднаго. Но и при немъ всѣ стратіоты, имѣющіе болѣе чѣмъ на четыре литры недвижимаго имущества, а равно и всѣ гражданскіе люди (πολιτικοί, простолюдины), на основаніи новыхъ царскихъ постановленій, обязаны были при возвращеніи имъ неправильно отчужденной ими земли возвратитъ съ своей стороны въ продолженіе трехъ лѣтъ полученную за нее отъ покупателя сумму; только одни бѣдные и несостоятельные стратіоты (не имѣющіе четырехъ литровъ) получили

¹⁾ Theophan. Continuat., pag. 471.

облегченіе и освобождены были отъ обязанности возвращать взятія при продажѣ своей земли деньги. Сверхъ того, эдиктъ, изданный при блаженной памяти царѣ нашемъ (Константинѣ Багрянородномъ) и продиктованный Теофиломъ квесторомъ, имѣлъ обратную силу въ отношеніи къ прошлому времени—считая съ голоднаго года, съ котораго вообще началось законодательство по данному вопросу; и здѣсь въ отношеніи этого прошлаго времени постановлялось, что если какой гражданинъ не имѣетъ состоянія болѣе 50 номисмъ, то онъ не принуждается возвращать цѣны, которую онъ получалъ за свою землю. Когда потомъ послѣдовало прошеніе архонтовъ военнаго разряда (καταλόγου), то онъ сдѣлалъ только одно новое добавленіе, именно— что и эти лица (πολιτικοί съ имѣніемъ ниже 50 номисмъ) возвращаютъ покупную сумму. (Здѣсь указывается на такую повелю, какой до насъ не дошло). Ибо онъ считалъ крайне несправедливымъ, чтобы ни въ чемъ неповинный покущикъ, уплатившій добросовѣстнымъ образомъ свою плату, не только лишался купленнаго участка, но и внесенной имъ покупной суммы. По внимательномъ разсмотрѣніи вопроса, онъ рѣшилъ только продлить отсрочку въ пользу убогихъ, обязанныхъ возвратомъ полученныхъ разъ денегъ, именно такъ, чтобы они проданные участки, если таковыя принадлежали къ сельской ихъ общинѣ (ἐὰν εἰς κοινότητα χωρίου ᾖσι), получали обратно тотчасъ послѣ заявленія жалобы, а покупную сумму возвращали бы уже не въ трехлѣтній, а въ пятилѣтній срокъ. Я полагаю, что такимъ образомъ заставляя крестьянъ пятилѣтнимъ потомъ и трудами расплачиваться за собственную расточительность и небрежность, онъ (то-есть, Константинъ Багрянородный) хотѣлъ привести ихъ къ привычкамъ трудолюбія.

1) Итакъ тѣ, которые получили обратно свою собственность безденежно ранѣе царскаго опредѣленія, если они имѣютъ судебный приговоръ, уже не должны быть тревожимы, но могутъ владѣть своимъ безъ всякаго посторонняго посягательства. Ибо рѣшеніе было произнесено на основаніи правила, имѣвшаго тогда полную силу, и позднѣйшее царское опредѣленіе не предписывало пересматривать прежде рѣшенія дѣла. Напротивъ, царское правосудіе недостойному рабу своему (то-есть, самому Θεодору) дало такое рѣшеніе, что все устроенное прежде должно оставаться непоколебимымъ. Посему, если убогіе какимъ-либо образомъ подверглись уже судебному разбирательству и получили обратно безъ всякаго денежнаго съ ихъ стороны возмездія свои участки, и если они имѣютъ возможность представить письменное судебное рѣшеніе, то вы не должны тревожить ихъ

(обращеніе дѣлается къ окружному судѣ). Но если они были обязаны при обратномъ полученіи участковъ уплатить покупную сумму съ допущеніемъ извѣстной отсрочки, и если эта отсрочка уже миновала, то на этотъ случай постановляется слѣдующее:

а) если они уплатили хотя малую какую-нибудь часть продажной-покупной цѣны, или же соглашаются и обѣщаются, получивъ другую отсрочку, уплатить всю сумму, то слѣдуетъ требовать отъ нихъ письменныхъ обязательствъ, которыя должны быть ими выданы прежнимъ покупателямъ въ томъ смыслѣ, что въ теченіе другой отсрочки, которую ты имъ назначишь, они уплатятъ или остальное, или же все;

б) если же они еще совсѣмъ ничего не уплатили, и особенно, если дали письменныя обязательства покупателямъ и оказались не въ состояніи что-нибудь внести изъ цѣнности имѣнія, то слѣдуетъ или выдѣлить участокъ изъ состава общинной земли (*ἀπὸ τῆς βράβου τοῦ χωρίου ἀποτραῖν*), если ты найдешь это болѣе выгоднымъ для убогихъ, или же публичною властью временно ввести покупателя во владѣніе проданными участками, съ тѣмъ чтобъ онъ сообразно съ количествомъ уплаченной при покупкѣ суммы получалъ въ свою пользу доходъ, имѣющій поступать отъ пользованія тѣми участками, которые поступятъ въ его владѣніе на извѣстный срокъ—на три года или болѣе, но не далѣе, какъ на десять лѣтъ. При этомъ слѣдуетъ обѣ стороны заставить другъ друга выдать собственноручныя взаимныя обязательства—покупщиковъ къ крестьянамъ и крестьянъ къ покупателямъ—такого содержанія, что по истеченіи опредѣленныхъ лѣтъ пользованія имѣніе опять вернется отъ покупателя къ общинѣ (*πρὸς τὴν κοινότητα—ἢ τῶν τόπων χωρῆς*), которой и будетъ принадлежать пользованіе, а убогіе никогда не будутъ лишены права собственности. Все это должно быть объяснено въ документъ, дабы не могло быть прикрито никакою продѣлкою;

с) если же убогіе могутъ и предпочитаютъ часть цѣны (подлежащей возврату), на сколько они въ состояніи, уплатить сейчасъ, а за другую часть отдать покупателямъ недвижимое имущество во временное пользованіе, то допускается и такая сдѣлка, сообразуясь съ вышеприведеннымъ правиломъ о десятилѣтнемъ срокѣ, то-есть, этотъ крайній срокъ пользованія сокращается соотвѣтственно съ долею вкороченныхъ денегъ. Если, напримѣръ, убогій получилъ при продажѣ сто номисмъ и уплатилъ въ возвратъ сейчасъ же или обязался уплатить вскорѣ половину этой суммы (50 номисмъ), то покупатель можетъ

владѣть участкомъ и пользоваться съ него доходами только въ продолженіе пяти лѣтъ.

2) Это имѣетъ силу по отношенію къ продажамъ, состоявшимся въ продолженіе 17-ти-лѣтняго періода отъ перваго царскаго объ этомъ закона (928 г.) до провозглашенія покойнаго императора. А въ отношеніи къ продажамъ, послѣдовавшимъ отъ начала самодержавія Константина Багрянороднаго, неуклонно слѣдуетъ держаться того, что всѣ стратиоты и простолюдины (политикоі) получаютъ обратно свои участки безденежно. Лица, которыя послѣ столькихъ предвареній и царскихъ указовъ все-таки рѣшились, слѣдуя внушеніямъ своей жадности, вкрадываться внутрь сельскихъ общинъ и міровъ (τὰς τῶν χωρίων ὁμάδας καὶ κοινότητας) и производить въ нихъ смятеніе, дѣлая покупки у стратиотовъ и убогихъ,—такія лица уже не имѣютъ никакого основанія жаловаться. Въ твоёмъ докладѣ говорилось также о совершенномъ неурожаѣ плодовъ и объ угрожающей опасности голода¹⁾. Намъ слѣдуетъ опасаться, чтобы не наслать на несчастныхъ убогихъ (ἀθλίους πένησι) напасть судебскую болѣе свирѣбую, чѣмъ самый голодъ²⁾. Какъ хорошіе доктора отказываются давать лѣкарства въ то время, когда больной находится въ жару, точно такъ и мы должны отсрочить требованія и сдѣлать нѣкоторое послабленіе въ виду тяжелаго времени“.

6) Новелла Романа II о воинскихъ участкахъ 962 года.

Подлинное заглавіе этой новеллы въ рукописяхъ слѣдующее: „Изъ царскаго эдикта, провозглашеннаго къ тѣмъ, которые находятся въ темѣ (области) Тракиской, въ мѣсяцъ мартъ V-го индикта 6470 (=962) года“. Это показываетъ, что новелла дошла до насъ не вполне; то-есть, утратила, по видимому, вступленіе, въ которомъ, по обычаю, должны были излагаться мотивы, вызвавшіе новый законодательный актъ. Что касается ея содержанія, то можно сказать, что она выражаетъ то же самое направленіе, какъ и предыдущая. Въ ней не только нѣтъ рѣчи о какой-либо формальной отмѣнѣ прежняго законодательства, но и совсѣмъ незамѣтно признаковъ, чтобы молодой

¹⁾ Мы принимаемъ здѣсь поправку Цахаріе и читаемъ λιμοῦ вмѣсто λοιμοῦ. Последнее слово было бы болѣе умѣстно черезъ двѣ строчки ниже, но тамъ и въ текстѣ стоитъ λιμοῦ.

²⁾ μὴ λιμοῦ βίαιότεραν ἀνάγκην κριτοῦ τοῖς ἀθλίους ἐπιστήσομεν πένησι.

царь, весьма не строгій къ себѣ и къ своимъ приближеннымъ, стремился приобрести славу великодушія и удовольствіе видѣть вокругъ себя веселыя лица уступками окружающей его средѣ на счетъ болѣе отдаленной, хотя и болѣе многочисленной массы „убогихъ“ и стратіотовъ. Если и здѣсь вводится явное различіе добросовѣстныхъ и недобросовѣстныхъ покупателей воинскихъ участковъ, то все-таки и для первыхъ не отмѣняется общая обязанность безденежно возвращать купленное. Точно также и при разсмотрѣніи пункта, касающагося охраны и защиты личной свободы стратіотовъ, нельзя видѣть особаго послабленія въ томъ, что собственники и власти, принимающіе къ себѣ обдѣлѣвшихъ и покинувшихъ службу военныхъ людей, объявляются не подлежащими отвѣтственности, особенно если мы примемъ въ расчетъ всѣ оговорки, которыми сопровождается такое постановленіе. Этихъ предварительныхъ замѣчаній достаточно, чтобы предостеречь читателя отъ всякихъ ложныхъ толкованій, высказанныхъ другими ¹⁾, и предоставить ему свободу сужденія. Прибавимъ только для облегченія его памяти и соображеній, что какъ предыдущая новелла обсуждала вопросъ объ условіяхъ возврата денегъ покупщику за отобранное имѣніе и о разныхъ способахъ возмѣщенія этой суммы убогими, такъ въ этой опредѣляются по преимуществу случаи, когда бывший покупщикъ воинскаго участка долженъ или не долженъ подлежать, сверхъ безденежнаго отобранія земли, еще денежной пенѣ въ пользу казны. Вотъ самое изложеніе новеллы:

1) „Относительно лицъ, владѣющихъ какими-нибудь частями воинскихъ помѣстій, мы опредѣляемъ, что если они приобрѣли ихъ добросовѣстнымъ образомъ (*καλή πίστις, bona fide*), то-есть, посредствомъ покупки, дара или мѣны, и не имѣютъ еще въ свою пользу давности (*ἀπό τοῦ χρόνου βοήθειαν*), то у такихъ слѣдуетъ только отбирать самое помѣстье для возврата жалующимся стратіотамъ, но не слѣдуетъ налагать на нихъ какого-либо штрафа. Достаточно того, что они обязаны безденежно возвратить помѣстье. Если же кто владѣетъ воинскими участками вслѣдствіе насильственного завладѣнія, то похитителю назначается пеня сообразно съ цѣнностію захваченнаго имѣнія. Стратіотъ, купившій у другаго стратіота воинское помѣстье, не подвергается никакому штрафу, если оказывается покупателемъ *bona fide*. Но если продавецъ имѣлъ достаточныя средства къ исполненію воинской повинности, а покупщикъ таковыхъ не имѣетъ,

¹⁾ *Gfrörer*, *Byzantinische Geschichten*, III, 20.

то продавцу возвращается помѣстье, а покупатель получаетъ обратно уплаченную сумму. Если же, наоборотъ, продавецъ есть несостоятельный человѣкъ, а купившій — состоятельный, то продавецъ получаетъ обратно помѣстья безъ всякаго вознагражденія покупщику (*ἀναργύρατος*), то-есть, безъ возврата заплаченныхъ имъ денегъ. Если же оба, будучи стратіотами, оба принадлежатъ къ разряду людей бѣдныхъ, то покупная цѣна точно также возвращается покупщику, но съ тѣмъ облегченіемъ въ пользу продавца, что ему дается для того трехлѣтній срокъ.

2) Если кто купилъ воинскіе участки отъ дозорщика или царскаго человѣка ¹⁾ посредствомъ заявленія на судѣ (*διὰ λιζέλλων*), то на этотъ случай мы постановляемъ, что если владѣющіе не могутъ еще прикрыться давностію, и если они принадлежатъ къ воинскому классу (*στρατιωτικοί*), то они возвращаютъ имѣнія безденежно, но никакой пени на нихъ не налагается, такъ какъ и они могутъ опираться на правило о добросовѣстной покупкѣ.

3) Если кто посредствомъ покупки, дара или промѣна приобрѣлъ помѣстья, которыя отчасти или въ цѣлости принадлежали нѣкогда къ воинскимъ, и если давность при этомъ еще не имѣетъ мѣста, то владѣлецъ, представляющійся приобретателемъ добросовѣстнымъ, не подвергается никакому штрафу, кромѣ безденежнаго отобранія у него участковъ, но штрафъ переносится на продавца, дарителя или мѣновщика; а если окажется, что и они владѣли *bona fide*, то и они освобождаются отъ пени.

4) Если какіе стратіоты раздѣлившись оставляютъ весь воинскій жеребій (*κλήρον*) своимъ отцамъ или братьямъ, или своимъ содавальцамъ (*συνδοταίς*), чтобъ они отбывали за нихъ воинскую службу (*ἐκδοουλέωσθαι*), а сами, совершенно отдѣлавшись отъ воинской доли (*μοίρας*), пристапуть къ какимъ-либо лицамъ, то принявшіе ихъ не подвергаются никакому наказанію или пенѣ, если, какъ сказано, ихъ служба (*στρατεία*) отбывается другими, и они не удержали за собою никакой части воинскаго жеребья (*κλήρον*). Равнымъ образомъ, если кто приметъ стратіотовъ, попавшихъ въ крайнюю бѣдность и уже никакъ не могшихъ отправлять воинскую повинность (*βάρος*), то онъ не подвергается никакому штрафу; но напротивъ, подвергаются этому

¹⁾ Мы принимаемъ чтеніе: *παρὰ ἐπόπτον ἢ βασιλικόν*. Другія чтенія см. у *Zachariae*, *Jus Graeco-rom.*, III, 286. Мѣсто это все-таки остается не вполне яснымъ.

штрафу тѣ, которые согнали съ земли стратіота и были причиной его бѣдствія. Кто приметъ состоятельнаго и не разорившагося стратіота и будетъ держать его, зная его положеніе, или получивъ предостереженіе отъ турмарка, либо вѣмита (συνδοτοῦ и т. д.), и слѣдовательно, лишившись возможности отговариваться незнаніемъ, тотъ долженъ подвергаться штрафу. Ибо ясно, что если состоятельные стратіоты будутъ отлѣкаться отъ военной службы, то наши войска понесутъ немалый вредъ.

7) Новелла Никофора Фоки, продиктованная Патриціемъ и протосекретомъ Симеономъ о предпочтеніи убогимъ властелей при покупкѣ имѣній, продаваемыхъ властями.

Императоръ Никифоръ Фока (963—969 гг.), восшедшій на престолъ, какъ соправитель и опекунъ малолѣтнихъ законныхъ наслѣдниковъ Македонскаго дома, сыновей Романа II, и какъ мужъ ихъ матери Теофано, самъ принадлежалъ къ одной изъ тѣхъ магнатскихъ семей, которыя стояли во главѣ властельскаго сословія. Естественно было ожидать, что такой государь не пойдетъ далѣе въ ограниченіи социальныхъ правъ чиновно-землевладѣльческой аристократіи. Герой Крита и Сарацинскихъ походовъ, прославившій византійское оружіе давно невиданными блестящими побѣдами и завоеваніями, не могъ, конечно, пожертвовать основапіями военной имперской организаціи, и поэтому стратіоты могли быть совершенно спокойны за свои помѣстья. Но надѣвъ царскую порфиру, Никифоръ Фока все-таки не отсекся отъ своего прошлаго; интересы властелей все-таки были для него болѣе понятными, родными и близкими, чѣмъ для его предшественниковъ. Новелла 967 года, носящая въ заглавіи имя патриція Симеона (Метафраста?), несомнѣнно свидѣтельствуетъ о нѣкоторой реакціи законодательства въ пользу властельскаго сословія, хотя въ ней и говорится только о равно справедливомъ отношеніи къ обѣимъ сторонамъ. Никифоръ Фока, чрезъ посредство своего государственнаго секретаря, заявляетъ, что прежніе государи нарушили возвышенный законъ безпристрастія, подобающаго монарху, и доказательство тому находятъ въ томъ, что они давали убогимъ и стратіотамъ право преимущественной покупки даже въ отношеніи властельскихъ имуществъ. Если мы обратимся назадъ къ законоположеніямъ обоихъ Романовъ и Константина Багрянородскаго, то мы не найдемъ, чтобы въ нихъ гдѣ-либо содержалось прямо высказанное постановленіе та-

ного рода. Но несомненно, что въ обѣихъ новеллахъ Романа Лакапина есть пункты, которые и могли быть истолкованы въ такомъ смыслѣ и дѣйствительно должны были приводить къ такимъ послѣдствіямъ. Когда постановляется (§ 2 новеллы 928 года), что даже при продажѣ выморочныхъ участковъ, продаваемыхъ казной, или вообще не общинныхъ крестьянскихъ земель, а особыхъ отдѣльныхъ помѣстій (εἰσέτας), дается предпочтеніе „убогимъ“, или когда даже тѣмъ властелямъ, которые выросли на почвѣ своей крестьянской общины и владѣли издревле въ своемъ селѣ или деревнѣ полевыми надѣлами, не позволялось передавать эти надѣлы постороннимъ, запрещалось также увеличивать ихъ (§ 3 и 4 новеллы 934 года); тогда, конечно, позволительно было говорить о преимущественномъ прокровительствѣ „убогимъ“ и стратіотамъ. Сверхъ отмѣны этихъ пунктовъ, Никифоръ Фока усиливаетъ въ пользу властелей дѣйствіе правила о сорокалѣтней давности, указанной уже въ повѣлѣ Константина Багрянороднаго о воинскихъ участкахъ.

„Подобно Господу Богу, который равно о всѣхъ печется и для всѣхъ имѣетъ одинаковые вѣсы, императоры должны наблюдать полную справедливость и равенство въ отношеніи ко всѣмъ подданнымъ и о всѣхъ одинаково заботиться. Въ старинномъ законодательствѣ цари названы законными защитниками, общимъ и для всѣхъ равнымъ благомъ. Между тѣмъ наши предшественники въ своихъ законахъ, изданныхъ по случаю бывшей въ то время нужды и запрещающихъ властелямъ покупать имѣнія бѣдныхъ и стратіотовъ, показали себя пристрастными къ одной сторонѣ, и такимъ образомъ превратили въ ничто и отвергли самую существенную идею Римской державы, заключающуюся въ приведенномъ изреченіи. Запрещая властелямъ покупать имущества убогихъ и стратіотовъ, они поступали хорошо. Но сверхъ того, они прибавили въ своемъ законодательствѣ, что бѣдные имѣютъ право преимущественной покупки и въ отношеніи имуществъ властельскихъ— и не только на основаніи общинности (ἐξ ἀνακοινώσεως), но и на основаніи неотяглости (ἐξ ἀρροτλήϊας). Такимъ образомъ они не только всячески преграждали путь возникающимъ состояніямъ, но стѣсняли и доводили до бѣдности прежде существовавшихъ богатыхъ и состоятельныхъ людей, при всякой продажѣ давая предпочтеніе (право преимущественной покупки) убогимъ. Благосостояніе и выгоды богатыхъ не только не были предметомъ предусмотрительной заботы, но имъ даже не давали возможности оставаться при томъ, чѣмъ они уже

владѣли. Наша царская держава, заботясь о законахъ, для всѣхъ равныхъ и одинаковыхъ, нижеслѣдующими постановленіями не имѣеть въ виду уничтожить или отмѣнить прежнее законодательство, но скорѣе сохранить, что есть въ немъ справедливаго и прочнаго.

Мы опредѣляемъ, что закоподательство прежнихъ царей должно сохранять свою силу, и мы его подтверждаемъ во всемъ, исключая слѣдующихъ пунктовъ:

а) Отмѣняется постановленіе, по которому бѣдные имѣютъ право преимущественной покупки въ отношеніи къ продаваемымъ имѣніямъ богатыхъ. Ни на основаніи одנותяглости (*ὀμοτελείας*), ни на основаніи общинности владѣнія, ни простолюдины, ни стратіоты впредь не будутъ пользоваться такимъ преимуществомъ. Напротивъ, имѣніе влстеля пусть снова пріобрѣтаютъ лице архонтское (*ἀρχοντικὸν προσώπον*). Нужно понимать такъ, что такое лицо появляется въ известной мѣстности именно для успокоенія и пользы живущихъ подлѣ бѣдныхъ. Если бы такое лицо, послѣ полученія въ свою власть и собственность известного поземельнаго имѣнія, задумало обижать сосѣдей, то мы повелѣваемъ, пусть такое лицо, какъ всякое орудіе насилія и зла, будетъ изговяемо не только съ новаго своего пріобрѣтенія, но и съ родовыхъ своихъ земель. Наша воля состоитъ въ томъ, чтобы влстели пріобрѣтали покупкой имѣнія отъ однихъ влстелей, а стратіоты и бѣдные—отъ людей одного съ ними состоянія; и какъ мы поставляемъ препятствія къ пріобрѣтенію бѣдными влстельскихъ участковъ, такъ на оборотъ запрещаемъ сильнымъ покупать имѣнія несостоятельныхъ стратіотовъ и людей бѣдныхъ подъ предлогомъ общинности или одנותяглости (*ὀμοτελείας καὶ ἀνακονώσεως*).

б) До сихъ поръ сокоралѣтній срокъ времени, протекшій безъ жалобы или протеста, закрѣплялъ право собственности за тѣми, которые владѣли пріобрѣтеннымъ изъ воинскихъ участковъ, но пресѣкаемый жалобами, этотъ срокъ имѣлъ способность подвигаться впередъ (вверхъ) и тяготѣлъ даже надъ тѣми, которые сдѣлали свои пріобрѣтенія ранѣе голоднаго времени (*πρὸ τῆς ἐνδείας*); прилагаемый безъ разбора, законъ этотъ часто лишалъ такихъ лицъ сдѣланныхъ ими пріобрѣтеній. Мы опредѣляемъ, что тѣ, которые сдѣлали свои пріобрѣтенія отъ стратіотовъ и простолюдиновъ добросовѣстнымъ образомъ и ранѣе голода, уже должны быть оставлены въ покоѣ; въ отношеніи ихъ сокоралѣтняя давность не пресѣкается и не подвигается вверхъ вслѣдствіе заявленія (*ἐπιφωνήσεως*), и соб-

ственность ихъ остается неподвижною и непоколебимою. Только тѣ, которые сдѣлали свои приобрѣтенія посредствомъ грабежа, насильственнаго захвата и вообще недобросовѣстнымъ образомъ, подвергаются дальнѣйшему дѣйствию закона давности вслѣдствіе заявленія или протеста.

Законодатель прибавляетъ въ объясненіе и оправданіе своего постановленія несомнѣнно точное замѣчаніе, что до времени „голода“ не было закона, запрещающаго приобрѣтать имѣнія бѣдныхъ, и что, напротивъ, древнее право, отмѣненное только во время „нужды“, допускало добросовѣстное приобрѣтеніе крестьянскихъ земель безразлично властями и бѣдными.

8) Постановленіе Никифора Фоки о постройкахъ, возведенныхъ властями въ имѣніяхъ, приобрѣтенныхъ отъ убогихъ.

Объ этомъ постановленіи можно сказать, что оно служитъ прямымъ дополненіемъ и отчасти объясненіемъ къ предыдущей новеллѣ. Царіэ полагаетъ, что оно даже составляло часть ея.

„Между лицами, которымъ недавнее законодательство запретило покупать новыя имѣнія и расширяться, есть такія, которыя по родовому наслѣдству получили недвижимое имущество, принадлежащее къ разнымъ деревнямъ и поселкамъ (ἐν χωρίοις ἢ ἀγροίοις), а потомъ прикупили отъ односельчанъ (ἀπὸ τῶν σοῦχωριτῶν) немногія и небогшія угодья (τόπια), и затѣмъ выстроили на нихъ многоцѣбныя громадныя жилища, истративъ на это свои деньги. Мы полагаемъ, что ради малыхъ и неважныхъ мѣстъ (каковы купленные) не должны быть разрушаемы выстроенныя на нихъ громадныя и многоцѣбныя зданія, но прежніе владѣльцы, прѣдавцы участковъ, если они находятся въ живыхъ, или же ихъ наслѣдники, могутъ быть удовлетворены (въ случаѣ нужды) такимъ образомъ: пусть они получаютъ двойное количество первоначально заплаченной имъ покупной суммы или же двойное пространство земли такого же качества, (какъ и застроенная), и пусть купившіе не лишаются плодовъ своего труда...“

9) Новелла Никифора Фоки о стратіотахъ, продавшихъ свои помѣстья и потомъ снова ихъ отыскивающихъ.

Неизвѣстно въ какомъ именно году изданная, но изложенная въ видѣ рѣшенія на докладъ одного сановника, новелла эта свидѣтельствуется, что при Никифорѣ Фокѣ и въ отношеніи къ военскимъ помѣстьямъ су-

ществовали желанія большей свободы гражданскихъ сдѣлокъ. Далѣе, изъ этой новеллы видно, въ какой малой степени склоненъ былъ названный воинственный государь уступить стремленіямъ, способнымъ поколебать основанія византійской военной организаціи, каковы бы ни были ея хорошія или дурныя стороны. Собственные преобразовательные военные планы Никифора Фоки, оказывалось, требовали не ослабленія, а еще усиленія прежней системы. Позволеніе стратіотамъ отчуждать свои владѣнія, составляющія излишекъ противъ нормальной установленной величины помѣстья, находилось уже въ новеллѣ Константина Багрянороднаго, хотя и съ разными ограниченіями. Отмѣнялись ли эти ограниченія эдиктомъ Никифора Фоки, нельзя сказать положительно, ибо говорится, что прежнее законодательство остается въ силѣ, а потомъ приводится изъ него только одинъ наиболѣе существенный пунктъ. Во всякомъ случаѣ, возвышеніе на будущее время нормальной величины воинскаго помѣстья означаетъ еще большее ограниченіе желательной для властелей свободы приобрѣтенія поземельной собственности.

„Доложилъ мнѣ протоспаварій Василій, завѣдывающій прошеніями (ὁ ἐπι δεήσεων), что онъ, отбирая безденежно (безъ возвращенія покупной цѣны) разныя помѣстья (τόποις), возвращаетъ ихъ стратіотамъ, когда обнаруживается, что на этихъ самыхъ мѣстахъ они отправляли свою воинскую повинность. При этомъ онъ показывалъ, что инымъ кажется тягостнымъ стѣсненіе (свободы), вслѣдствіе котораго они не имѣютъ возможности продать что-нибудь изъ своихъ угодій въ другое мѣсто, какимъ бы кто ни обладалъ имуществомъ.

1) Относительно стратіотовъ, продавшихъ свои участки до настоящаго времени, наша воля состоитъ въ томъ, чтобы сохраняло свою силу прежнее законодательство, такъ чтобъ у стратіота былъ надѣлъ недвижимаго доходнаго имущества въ четыре литры въ виду его военной службы. Если, имѣя такое количество земли, стратіотъ окажется продавшимъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ другой участокъ, а теперь станетъ его отыскивать, то пусть онъ имѣетъ право преимущественной покупки въ отношеніи къ этому участку, то-есть, не безденежнаго возврата, а съ уплатою надлежащей цѣнности. Если же онъ продалъ какую-либо долю изъ недвижимаго доходнаго имѣнія въ четыре литры, то получаетъ ее назадъ безденежно.

2) Но отъ настоящаго времени, когда получилъ движеніе вопросъ о введеніи новаго тяжелаго вооруженія (τῶν κλιβανόφων καὶ ἐπιπλοκισφόρων), мы повелѣваемъ, ни одинъ стратіотъ пусть не имѣетъ права

продавать что-нибудь въ другое мѣсто изъ своей земли, если только его недвижимое доходное имущество не превосходить цѣнности въ двѣнадцать литръ. Если же онъ продалъ что изъ имущества, равняющагося сейчасъ означенной суммѣ, то онъ получить эту долю обратно безъ всякаго съ своей стороны вознагражденія покупщику. Если же онъ, продавъ излишекъ противъ 12 литръ, теперь будетъ отыскивать проданное обратно, то не можетъ получить того безденежно, а только заплативъ надлежащую сумму.

10) Новелла въ разрѣшеніе доклада объ Армянахъ вообще и о тѣхъ (въ частности), которые подлежатъ обвиненію въ убійствѣ.

Не смотря на нѣкоторыя сомнѣнія и разнорѣчивыя показанія рукописей, новелла съ этимъ заглавіемъ, безъ сомнѣнія, вполне основательно приписывается новѣйшими издателями императору Никифору II. Изъ сочиненія, посвященнаго современникомъ описанію военныхъ пріемовъ этого императора, мы знаемъ, что при немъ въ пограничныхъ съ мусульманскими областями арменіанскихъ округахъ (Ἀρμενικὰ θέματα), подъ которыми, конечно, разумѣются темы — Селевкійская, Ликандъ и Севастійская, Армяне служили стражниками на порубежныхъ наблюдательныхъ постахъ, хотя они и не считались людьми особенно надежными¹⁾. Изъ новеллы Никифора Фоки мы видимъ, что Армяне не только употреблялись въ видѣ соглядатаевъ, полезныхъ своимъ знаніемъ путей въ Сирію, получая за это хлѣбное и денежное содержаніе, но допускались также и въ видѣ военныхъ поселенцевъ, владѣя обыкновенными стратіотскими помѣстьями. Но и здѣсь они не являются такимъ элементомъ, на который можно было бы вполне полагаться, и способны были иногда перебѣжать въ Сирію, то-есть, къ Сарацинамъ. Такъ какъ и Сарацины, съ своей стороны, нередко дѣлали то же самое, то-есть, переходили на службу къ Византіяцамъ, то вполне естественно было замѣнять ими ушедшихъ Армянъ. Согласно съ такимъ соображеніемъ мы и читаемъ въ началѣ новеллы вмѣсто словъ *πρὸς φύλαξιν* (для сохраненія) *πρὸς φύλαξιν* (перебѣщикамъ). Во второй части новеллы, написанной въ видѣ отвѣта на запросъ мѣстнаго воеводы (стратига), содержатся любопытныя постановленія о частныхъ гражданскихъ взысканіяхъ съ убійцы въ пользу наслѣдниковъ убитаго, сопровождающихъ уголовное наказаніе:

¹⁾ De velitatione bellica Nic. Phocae, pag. 168.

несовѣмъ справедливо было бы находить здѣсь полное сходство съ системою германскихъ композицій ¹⁾).

Если кто изъ армянскихъ стратіотовъ, удалившись, проведетъ въ отсутствіи три года, а потомъ, воротившись, найдетъ свой участокъ переданнымъ или кому изъ (сарацинскихъ) перебѣжчиковъ, или одному изъ отличившихся стратіотовъ, или же областныхъ архонтовъ и военныхъ стратиговъ, или кому другому въ видахъ общепользующей службы (διὰ κοινωφελείας δουλείας), то стратіотъ армянскій, воротившійся послѣ трехлѣтняго отсутствія, не имѣетъ права отыскивать свой участокъ или получить его обратно. Ибо если посредствомъ такого постановленія не будетъ положено предѣла армянскому непостоянству и склонности Армянъ къ бродяжничеству, но позволено имъ будетъ уходить на чужбину и переселяться, а потомъ снова возвращаться и безпрепятственно получать обратно свои участки, то разбредется вся Арменія (πάντα τὰ Ἀρμενιὰ οὐχῆσονται). Но если, какъ объяснено, пройдетъ три года, то слѣдуетъ участки не возвращающихся Армянъ отдавать или пришельцамъ (πρόσφορονъ вмѣсто πρὸς φύλαξιν), или отличившимся стратіотамъ въ видѣ награды. Если же, какъ ты пишешь, нѣкоторыя изъ такихъ армянскихъ помѣстій отданы были царскому монастырю Лаваны (τῆς Λαβάνης), или пожертвованы въ другія кураторіи, или же подарены были какимъ властелямъ — не ради общепользующихъ службъ, а въ видѣ пожалованія и милости, то наследники (удалившихся Армянъ) могутъ при возвращеніи своемъ обратно требовать свою собственность — не только въ теченіе трехъ лѣтъ, но и въ теченіе тридцати лѣтъ. Хотя бы лица, пожалованныя такими имѣніями, и могли представить записи (λιβέλλου) дозорщиковъ (ἐπολιτῶν) или хрисовулы, такіе документы мы все-таки повелѣваемъ считать за ничто, и наша воля все-таки состоитъ въ томъ, чтобы возвращающіеся наследники стратіотовъ получали обратно свои мѣста. Если же вѣмъ-либо другимъ или самими (временными) владѣльцами дано было (за такіе армянскіе участки), съ своей стороны, вознагражденіе, то пусть стратіоты все-таки получаютъ свое, а тѣ приносятъ жалобу и вчиняютъ искъ для возвращенія того, что дали. Относительно сдѣланныхъ улучшеній мы постановляемъ, что тѣ изъ нихъ, которыя отличаются своею пользою, простотою или дешевизною, какъ то насажденіе виноградниковъ, устройство мельницъ и амбаровъ, тѣ даютъ ихъ виновнику право на вознагражденіе; а все, что служитъ къ одному только украшенію и роскоши, не даетъ та-

¹⁾ Ср. *Gfrörer*, *Byzant. Gesch.*, III, 46.

кого права, но строителямъ предоставляется взять съ собою самый матеріалъ построекъ. А которые изъ Армянъ перебѣжали въ Сирію, то хотя бы они воротились до истеченія не только трехъ лѣтъ, но даже одного года, все-таки они не получаютъ обратно своихъ помѣстій, но лишаются своего права собственности, и пусть это служить имъ вмѣсто наказанія. Впрочемъ, если они возвращаются, то конечно, слѣдуетъ дать имъ обезпеченіе (χρή πρόνοιαν γίνεσθαι) посредствомъ назначенія другихъ помѣстій.

2) Относительно тѣхъ, которые подлежатъ обвиненію въ убійствѣ, ты долженъ, конечно, виновнаго въ злодѣйствѣ подвергать законному наказанію, но его воинскій участокъ вовсе не слѣдуетъ отдавать въ видѣ утѣшенія (παράνοθία) сыновьямъ или родственникамъ убитаго; „утѣшать“ должно движимымъ имуществомъ, а недвижимое слѣдуетъ сохранять для поддержанія военной службы. Если же нѣтъ движимаго, то и въ такомъ случаѣ на наследникахъ убійцы лежитъ обязанность надлежащей уплаты для „утѣшенія“ наследниковъ убитаго, но его помѣстье все-таки не можетъ быть отчуждено. Если же и всё, принадлежащее къ одному и тому же дому, повинны въ преступномъ убійствѣ, то пусть каждый изъ нихъ подвергается опредѣленному въ законѣ наказанію, но участки воинскіе, какъ уже много разъ сказано, не могутъ быть передаваемы въ другое мѣсто (ἀλλοχοῦ); но, хотя бы не оставалось никакого наследника, желающаго взять на себя воинскую повинность, пусть кто другой (посторонній) возьметъ землю и несетъ за нее службу.

11) Новелла Василія Младшаго (Болгаробойцы) о властеляхъ, пріобрѣтавшихъ имѣнія убогихъ со времени перваго законодательства царя Романа Старшаго, то-есть, отъ II-го индикта 6437 года (928 ?), въ которой они подвергаются осужденію.

По смерти Цимисхія, отъ котораго не осталось намъ никакихъ законодательныхъ памятниковъ, касающихся отношеній между богатыми и бѣдными, властелями и крестьянами, вступилъ на престолъ своихъ предковъ, старшій сынъ Романа II, Василій II, вмѣстѣ съ своимъ братомъ Константиномъ. Молодому государю пришлось вести долгую и упорную борьбу съ двумя наиболее сильными магнатскими семействами, Фокадовъ и Склировъ, изъ коихъ первая уже разъ достигла трона въ лицѣ знаменитаго Никифора II. Такимъ образомъ, не только въ силу преданій своей династии и вообще предписаній византійско-монархической государственной мудрости, но и вслѣдствіе

своего собственнаго опыта и личныхъ пережитыхъ имъ испытаній. Василій II сдѣлался самымъ строгимъ, суровымъ и непреклоннымъ врагомъ властельской аристократіи, и въ особенности, сильныхъ и старыхъ семействъ, стоявшихъ во главѣ ея. Объ этомъ свидѣтельствуетъ большая новелла, изданная имъ въ 996 году, заглавіе которой сейчасъ приведено нами выше. Византійскіе историки разказываютъ, что Василій II, возвращаясь въ 995 году изъ похода въ Сирію противъ Сарацинъ, остановился дорогой у богатаго магната, принадлежавшаго къ фамиліи Малениновъ, который нѣкогда былъ замѣшанъ въ одномъ возстаніи (Варды Фоки), но успѣлъ избѣгнуть наказанія. Евстаѳій Маленинъ принадлежалъ къ тѣмъ богачамъ, которые въ состояніи были, вооруживъ своихъ рабовъ и крестьянъ (париковъ), сидѣвшихъ на ихъ земляхъ, выставить военный отрядъ въ нѣсколько тысячъ человѣкъ. Императоръ съ удивленіемъ увидѣлъ дворецъ Малениновъ, болѣе похожій на крѣпость, и сильно былъ пораженъ богатствомъ и блескомъ домашней обстановки магната. Онъ подумалъ, говорятъ историки, — что человѣкъ, располагающій 3,000 вооруженныхъ рабовъ и пользующійся большимъ вліяніемъ на сосѣдей, можетъ поднять бунтъ не менѣе опасный, чѣмъ возстаніе Фоки и Варды Склира. Маленинъ приглашенъ былъ сопровождать императора въ столицу и затѣмъ болѣе не возвращался изъ Константинополя на свою родину. Его огромныя владѣнія въ Каппадокии были конфискованы. Законодательный актъ 996 года, направленный противъ всего сословія властелей, очень естественно считать, какъ это и дѣлаютъ новые изслѣдователи, слѣдствіемъ того впечатлѣнія, которое осталось въ мрачной и деспотической душѣ Василія послѣ посѣщенія каппадокійскихъ владѣній Маленина. Въ самой новеллѣ упоминаются имена Малениновъ наравнѣ съ Фокадами, какъ явный примѣръ наследственнаго преобладанія властельскихъ семействъ, не дающаго возможности разъ обиженнымъ убогимъ найдти противъ нихъ управу хотя бы во второмъ и третьемъ поколѣніи. Впрочемъ Василій II, самъ сдѣлавшій добавленія въ поднесенной къ подписанію конституціи, указываетъ и другіе примѣры нестерпимой будто бы тиранніи людей сильныхъ и богатыхъ. Та самая рука, которая низвергла въ прахъ Славянскую державу Самуила Болгарскаго, та самая рука, которая въ извѣстномъ почти современномъ изображеніи (представляющемъ Василія, попирающаго ногами побѣжденныхъ Болгаръ) такъ характеристично и надменно упирается въ бокъ, здѣсь начертала нѣсколько дошедшихъ до насъ строкъ, которыя тоже ярко и живо обрисовываютъ личность

наиболѣе замѣчательнаго византійскаго властителя, а также сущность и приемы его борьбы съ властелями во имя бѣдныхъ и убогихъ. Что можетъ быть характеристичнѣе его снисходительнаго сожалѣнія о малолѣтнихъ наслѣдникахъ властельскихъ фамилій, которымъ отцы оставляютъ въ наслѣдство имѣнія, подлежащія отобранію, такъ какъ не миновала еще давность, прикрывающая неправильное пріобрѣтеніе этихъ имѣній! И какое прекрасное утѣшеніе для этихъ властельскихъ наслѣдниковъ въ уничтоженіи всякой давности, въ заявленіи, что впредь не слѣдуетъ рассчитывать на какую бы то ни было давность владѣнія, что всегда и во всякомъ случаѣ неправильно купленное имѣніе будетъ отобрано! Или что можетъ быть рѣшительнѣе и радикальнѣе того средства разрѣшать соціальныя затрудненія и водворять правду, какъ указываемый въ новеллѣ приемъ, употребленный по отношенію къ одному властелю, вышедшему изъ среды убогихъ! Вообще во всемъ собраніи византійскихъ государственныхъ актовъ нѣтъ документа болѣе любопытнаго и поучительнаго, какъ эта новелла 996 года. Предоставляя читателю возможность ближе познакомиться съ нею изъ нашего перевода, мы замѣтимъ только, что въ ней рѣчь идетъ, главнымъ образомъ и прежде всего, объ уничтоженіи сорокалѣтней давности, которая первоначально была признана въ отношеніи пріобрѣтателей стратиотскихъ помѣстій, а потомъ перенесена была по аналогіи и на властелей, вкупавшихся въ крестьянскія общины. какъ это уже видно изъ новеллы Никифора Фоки. Полемика, которая довольно таки рѣзко обнаруживаетъ свое присутствіе въ эдиктѣ Василія II, направлена именно противъ постановленія, непріятнаго ему по всѣмъ воспоминаніямъ перваго соправителя, то-есть, Никифора Фоки. Сверхъ того, мы должны предупредить читателя, что четвертая глава новеллы, относящаяся къ монастырскому землевладѣнію, нами пока опущена и будетъ приведена въ другой связи, и что другія слѣдующія далѣе главы, не прямо относящіяся къ нашему главному вопросу, переданы нами только въ главныхъ чертахъ ихъ содержанія.

„Съ тѣхъ поръ какъ мы получили самодержавную власть и принялись разбирать дѣла между богатыми и бѣдными, мы увидѣли, что властели, страдая страстію пріобрѣтенія, паходятъ явное поощреніе своей страсти въ сорокалѣтней давности и стараются то посредствомъ подарковъ, то посредствомъ присущей имъ силы и вліянія — миновать какъ-нибудь этотъ срокъ и затѣмъ получить уже полное право собственности (*τελέσειν δεσποτείας*) надъ тѣмъ, что они дурнымъ

образомъ приобрѣли отъ убогихъ. Желая исправить такое зло, поставить въ должныя границы нынѣшнихъ властелей и воспрепятствовать будущимъ слѣдовать по тому же пути, мы издаемъ настоящій законъ, послѣ котораго они будутъ знать, что уже не найдутъ въ этой сорокалѣтней давности никакой помощи, но что чужое будетъ отбираемо не только у нихъ самихъ, но и у дѣтей ихъ или у тѣхъ, кому они оставляютъ свое имущество. А что держава наша не безъ разсмотрѣнія и не безъ испытанія отмѣняетъ освященное давностію право собственности, но сострадая къ бѣднымъ и заботясь о прочности общественнаго порядка, а также изъ любви къ справедливости, изъ желанія уврачевать опасную страсть любостыжанія, — это ясно будетъ изъ того, что мы сейчасъ хотимъ сказать. Не мало были мы обременяемы жалобами бѣдныхъ по поводу этого правила (сорокалѣтней давности), и много разъ путешествуя къ войскамъ и проходя области царства нашего, мы собственными глазами видѣли совершающіяся ежедневно въ отношеніи къ нимъ несправедливости и обиды. Развѣ не можетъ властель, обидѣвшій бѣднаго, долгое время пользоваться своею силою и благосостояніемъ, а потомъ еще передать то и другое своимъ наслѣдникамъ? Чѣмъ же въ такомъ случаѣ можетъ помочь бѣдному одно время (давность)? Развѣ не возможенъ такой случай, что патрицій, магистръ или военный domestikъ, обидѣвшій бѣднаго, будетъ имѣть своими потомками тоже властелей (*δυνατοί*) иногда родственныхъ съ царями и поддерживающихъ въ продолженіе семидесяти или ста лѣтъ силу своего рода и свое благосостояніе. Не должны ли мы сами вступиться, обуздать сильныхъ, поддержать бѣдныхъ въ принадлежащихъ имъ правахъ, которыя нихъ злымъ образомъ бывають отнимаемы или же похищаемы обманомъ? Когда богатые властели посредствомъ покупки, которую лучше было бы назвать денежнымъ наказаніемъ (*ἐπιχρησάμενοι — ἐκτίσαντες*), вторгаются въ сельскія общины (*εἰς χωρίων κοινότητας*), и когда потомъ ихъ наслѣдники, вмѣстѣ съ имѣніемъ, въ продолженіе нѣсколькихъ поколѣній получаютъ по наслѣдству силу и вліяніе своихъ предковъ, то конечно, бѣдному нѣтъ при этомъ возможности поднять дѣло (возбудить искъ) о возвращеніи отнятаго у него насиліемъ или обманомъ. Совершенно ясно, что только въ такомъ случаѣ будутъ обезпечены интересы бѣднаго, если ему предоставлено будетъ право, сколько бы ни прошло времени, беспрепятственно отыскивать и возможность получать обратно свою собственность. Если мы этого не слѣдаемъ, то мы дадимъ обидчику поводъ говорить: „я теперь благо-

денствую, и бѣдный не можетъ со мною тягаться; если и мой сынъ будетъ благоденствовать, и въ такомъ нашемъ благосостояніи пройдетъ все опредѣленное закономъ время, то приобретенное нами превратится въ неотъемлемое наше состояніе, и такимъ образомъ несправедливость моя обращается мнѣ въ пользу“.

Явный примѣръ тому — родъ Малениновъ и родъ Фокадовъ (Φοκάδων). Патрицій Константинъ Маленинъ, а потомъ сынъ его магистръ Евстацій, оба были властелями и въ продолженіе ста или даже ста двадцати лѣтъ пользовались благосостояніемъ. Фокады еще долѣ занимали видное положеніе. Ихъ дѣдъ, потомъ отецъ, а затѣмъ сыновья этого послѣдняго сохраняли, можно сказать, непрерывно до нашего времени свое преобладаніе. Какую же помощь можетъ оказать въ такихъ случаяхъ время ¹⁾?

Далѣе: развѣ можно не считать властелемъ того, кто хотя съ начала и принадлежалъ къ числу убогихъ, а потомъ достигъ почестей и дошелъ до верха славы? Онъ — не властель, пока онъ находится внизу, и пока онъ — въ такомъ положеніи, мы допускаемъ, чтобъ ему помогла давность. Онъ — властель съ тѣхъ поръ, какъ удостоился чести: съ тѣхъ поръ время (давность) нисколько не должно ему помогать... Подобные случаи (превращенія) случаются каждый день, какъ мы и сами это находили. Такъ мы нашли Филокалеса: первоначально онъ былъ крестьяниномъ и принадлежалъ къ числу убогихъ, а потому поступилъ въ число знатныхъ и богатыхъ. Пока онъ находился внизу, онъ несъ тягло вмѣстѣ съ своими односельчанами и на въ чемъ ихъ не обижалъ. Когда же онъ достигъ званія — съ начала евдомадарія, потомъ китонита, и наконецъ, провестіарія, онъ захватилъ все селеніе (χωρίον) и обратилъ его въ собственное помѣстье, измѣнивъ самое его названіе... Когда человѣкъ такъ поднялся, и когда его дѣла приняли такой видъ, — позволительно ли, чтобъ ему дано было въ помощь еще и время (давность), и предоставлена была возможность владѣть неизмѣнно тѣмъ, что онъ злымъ образомъ приобрѣлъ? — Никакъ. Поэтому, мы, проходя въ той мѣстности и узнавъ изъ жалобъ со стороны бѣдныхъ о положеніи дѣлъ, приказали разрушить его великолѣпные дворцы и сравнять ихъ съ землею, бѣднымъ возвратили ихъ достояніе, а ему оставили только то, что онъ имѣлъ сначала, то-есть, податную землю (δημόσιον), и

¹⁾ Приведенный отрывокъ, указывающій два примѣра властельскихъ домовъ, находится не во всѣхъ спискахъ, а только въ томъ, который былъ у Леукиана

опять воротили его въ первобытное состояніе крестьянина. Властелями должны быть считаемы не только такія лица, но и всѣ тѣ, на которыхъ указываетъ постановленіе прадѣда нашего, Романа Старшаго, подробно ихъ перечислившее. Онъ помѣстилъ въ число властелей и школаріевъ; а мы считаемъ властелями какъ этихъ послѣднихъ, такъ еще и протокентаріевъ. Ибо мы узнали на опытѣ, что и они бывають „сильными“ людьми.

Влѣдствіе того мы опредѣляемъ: имѣнія, пріобрѣтенныя властелями въ сельскихъ общинахъ (*εις χωρίων κοινότητας*) до перваго законоположенія Романа Старшаго (то-есть, ранѣе 928 года), если притомъ пріобрѣтеніе можетъ быть доказано письменными документами или достаточными свидѣтелями, должны оставаться собственностію властелей, подлежащею законной охранѣ, какъ это говорится и въ старыхъ законахъ. Письменные документы и достаточныя свидѣтельскія показанія должны быть предоставляемы для того, чтобы властели, по своей хитрой изворотливости (*χρητή περιουσία*) не стали выставлять свои недавно пріобрѣтенныя имѣнія принадлежащими имъ съ давняго времени тоже на основаніи письменныхъ актовъ. А съ тѣхъ поръ (съ 928 года) и до настоящаго времени, то-есть, до девятаго индикта 7504 (996) года и далѣе впредь, какъ это уже было возмѣщено въ сказанномъ законоположеніи Романа Старшаго, давность уже не имѣетъ никакого значенія, и ни въ какомъ случаѣ дѣйствіе ея не можетъ быть направляемо противъ бѣдныхъ, когда они имѣютъ споръ съ богатыми; напротивъ (не смотря на какую бы то ни было давность), бѣднымъ возвращаются ихъ имущества, и властели не могутъ даже предъявлять какія-либо притязанія на возмѣщеніе ихъ издержекъ на покупку или на улучшеніе (отбираемыхъ имѣній), потому что они оказываются нарушителями вышеозначеннаго законоположенія, и слѣдовательно, скорѣе заслуживаютъ еще взысканія. Когда нашъ прадѣдъ, царь Романъ, написалъ и сказалъ: „отнынѣ я запрещаю властелямъ дѣлать пріобрѣтенія въ сельскихъ общинахъ“ (*εις κοινότητας χωρίων*), то это значило, что онъ воспретилъ имъ дѣлать это на вѣкъ и на неопредѣленное-безконечное время и не имѣлъ въ виду какого-либо прикрытія давностію. А мы, какъ уже сказано, постановляемъ свой законъ не только относительно будущаго, но даемъ ему обратную силу. Если мы не исправимъ того, что еще отъ прошедшихъ временъ въ движеніи (*ἄρτι κινῶται*), то какъ мы въ состояніи будемъ охра-

нять будущее и держать въ страхѣ послѣдующихъ (нарушителей закона)?

Затѣмъ слѣдуетъ отрывокъ, считаемый собственноручною припискою императора на поданномъ ему къ подписанію экземплярѣ ¹⁾:

„И какъ перестанутъ другіе дѣлать то же самое? А что всего хуже, такъ это то, что власти передаютъ имѣнія, составленныя грабежемъ и обманомъ, собственнымъ дѣтямъ, полагая въ разчетѣ на сорокалѣтнюю давность, что они имѣютъ надъ такими имѣніями уже неотъемлимую собственность. Когда таковая защита и прикрытіе сорокалѣтней давности отстраняется, то дѣти властелей лишаются хищническаго наслѣдія, достигающагося отъ отца, приходятъ въ бѣдность и послѣднюю нищету, какъ этому подвергались отъ царской нашей державы внуки (ἔκγονοι) Романа Муселе. Получивъ отъ дѣда и отца подобнаго рода имѣніе около города Филомилія, они были послѣ повергнуты въ бѣдность. Уничтожая такую несправедливость и неравенство и постановляя для всѣхъ одинаково — бѣдныхъ и богатыхъ — полезное и справедливое, мы отмѣняемъ сорокалѣтнюю давность, дабы и богатые, зная это, не оставляли вышеозначеннаго рода наслѣдствъ своимъ дѣтямъ, и чтобы бѣдные, лишаемые своего достоинства, не приходили въ отчаяніе, но въ настоящемъ законоположеніи имѣли бы крѣпкую поддержку въ возвращеніи своей собственности.

2) Такъ какъ мы замѣтили большія злоупотребленія и обманы въ описяхъ (περιουσιολογία), вписываемыхъ въ нашихъ жалованныхъ грамотахъ (хрисовулахъ), и по этому поводу часто возникали жалобы и тяжбы въ судахъ, то мы опредѣляемъ, что означенныя описи не должны имѣть никакой силы, и что никто не можетъ ссылаться на такого рода документы, какъ скоро возникнетъ какой-либо споръ относительно имѣнія. Такого рода описи составляются не на основаніи мысли царской или по указанію царя, но на основаніи свѣдѣній, сообщаемыхъ получателями жалованной грамоты (хрисовула). И съ другой стороны, вписывающій опись въ хрисовулы протосекретъ (оберъ-секретарь) вовсе не бываетъ на самомъ мѣстѣ и не наблюдаетъ, когда совершается тамъ измѣреніе и отводъ имѣнія. Поэтому, какъ сказано, такого рода описи не должны имѣть въ спорныхъ случаяхъ никакой силы. Но если описи находятся въ податныхъ книгахъ (κωδικοὶ) общаго (большаго) приказа (τῶν ὑψηλοῦ секретῶν) или въ какихъ дру-

¹⁾ См. *Zachariae, Jus Graecorum*, III, 312 примѣч.

гихъ актахъ, имѣющихъ юридическую силу (*συστατικοῦ δικαίου*), то онѣ должны быть принимаемы во вниманіе и соблюдаемы.

4) Сверхъ того, мы постановляемъ, что въ отношеніяхъ къ казнѣ нѣтъ такой давности, которая лишала бы ее собственнаго права; напротивъ, казна можетъ отыскивать свое право, восходя назадъ ко времени Августа Кесаря, и требовать по справедливости, чтобъ ей было возвращено принадлежавшее ей. Много есть основанийъ къ тому, чтобъ казна безусловно могла отыскивать свое. Правительствующій государь часто не имѣетъ возможности все самолично наблюдать и досмотрѣть, потому что управленіе государствомъ—дѣло трудное, требующее многихъ заботъ и отнимающее много времени. Государь обыкновенно поручаетъ попеченіе о казенныхъ дѣлахъ чиновникамъ, отправляемымъ въ области (темы). Ясно, что все то, что эти послѣдніе совершаютъ хорошо, съ соблюденіемъ справедливости и безъ нарушенія выгодъ казны, должно считаться дѣйствительнымъ и твердымъ; а все то, что сдѣлано будетъ несправедливо и къ ущербу казны, все это останется неимѣющимъ силы; напротивъ, всякой разъ какъ государь, получившій въ свои руки правленіе, того пожелаетъ, казна имѣетъ право отыскивать свое и распорядиться онымъ, какъ ей угодно. Никакъ нельзя допустить, чтобъ сорокалѣтняя давность могла служить при этомъ какимъ-либо препятствіемъ. Весьма легко можетъ случиться, что она минуетъ совершенно незамѣтнымъ образомъ—безъ того, чтобъ какой дозорщикъ (*ἐπόπτης*) или царскій человекъ былъ высланъ для отысканія правъ казны. Сверхъ того, чиновникъ, отправленный для возстановленія правъ казны, можетъ оказаться взяточникомъ и плутомъ (*δολερὸς*), такъ что онъ и не позаботится объ отысканіи и востановленіи ея правъ, а благодаря своей корыстной и злой душѣ, явится предателемъ ея выгодъ. Не можетъ же вслѣдствіе того подвергаться осужденію казна, не представившая отыскивать свои права! Нужно прибавить, что мы на практикѣ убѣдились въ томъ, что дозорщики (*ἐπόπται*) и вообще другіе чиновники, пекущіеся объ интересахъ казны и посылаемые въ разныя ея службы, на самомъ дѣлѣ изобрѣтаютъ тысячи хитростей и обматовъ противъ нея, и только немного находится такихъ, которые исполняютъ наши повелѣнія“.

5) По старому закону лица, достигшія званія протоспааріевъ или какого другаго высшаго, будучи повинны въ умышленномъ убійствѣ, наказываются только потерю сана и чести, но не смертною казню. На будущее время преступники этого класса, если они сами

совершили убійство или составили заговоръ и напустили къ тому другихъ къ такому преступленію, будутъ подвергаться не только лишенію чести, но и лишенію главы.

6) Въ продолженіе времени отъ начала нашего самодержавнаго правленія до низложенія паракимомена (постельничаго или спальника) Василя, многое совершалось не по нашему изволенію, и безъ нашего вѣдома, а только по его распоряженію; поэтому всѣ хрисовулы, выдаваемые въ то время, объявляются сами по себѣ недействительными, и только тѣ изъ нихъ сохраняютъ силу, которые были представлены или впредь будутъ представлены на наше усмотрѣніе, для того чтобы получить собственноручную нашу подтвердительную отмѣну (надписаніемъ слова ἐτήρηθη).

7) Послѣдній пунктъ касается рынковъ, существующихъ въ разныхъ частныхъ имѣніяхъ. Нѣкоторые землевладѣльцы жаловались императору, что торговцы и покупатели переносятъ своевольно такія мѣста купили и продажи изъ одного мѣста въ другое, лишая ихъ многихъ выгодъ. Императоръ постановляетъ, что если купцы и покупатели, мѣстные и прѣзжіе, согласно и единодушно рѣшаютъ перемѣщеніе рынка, то уже никто не долженъ имъ препятствовать въ исполненіи такого рѣшенія; но при недостаткѣ единодушія и согласія рынокъ долженъ оставаться на старомъ мѣстѣ, и наконецъ, вообще не можетъ быть переносимъ съ земель, принадлежащихъ убогимъ, въ имѣнія владѣтелей.

12) Новеллы Никифора Фоки и Василя II о монастыряхъ.

Помимо земель, составлявшихъ предметъ экономической борьбы между свѣтскою аристократіей владѣтелей и крестьянскими общинами, покровительствуемыми государственною властію, далѣе помимо земель казенныхъ и составлявшихъ личное достояніе императорскаго дома, оставалась еще значительная часть территоріи, которая принадлежала церквамъ и въ особенности монастырямъ. Монастырское землевладѣніе какъ въ другихъ мѣстахъ, такъ и въ Византіи, тоже обнаруживало иногда стремленіе къ излишнему увеличенію и расширенію на счетъ свободныхъ крестьянскихъ участковъ. Слѣдовательно, нужно уже а priori ожидать, что законодательство, поставившее своею задачею защиту крестьянскаго землевладѣнія, не избѣгнетъ если не столкновенія съ церковью, то по крайней мѣрѣ необходимости вступить съ нею въ ту или другую сдѣлку...

Періодъ, когда монастырское землевладѣніе достигло наибольшаго развитія и почти преобладанія, и вслѣдствіе того, возбудило противъ себя неудовольствіе государственной власти, есть, безъ сомнѣнія, конецъ VII и начало VIII вѣка. Безъ особенной опасности впасть въ ошибку, можно предположить, что предъ началомъ иконоборства восточная церковь не уступала размѣрами своихъ территоріальныхъ земельныхъ богатствъ церкви западной. Франкскіе короли рано начали жаловаться, что ихъ казна остается пустою, что ихъ богатства перешли къ епископамъ и духовенству; къ концу VII вѣка цѣлая треть поземельныхъ имуществъ въ Франкскомъ государствѣ принадлежала церкви. Полагаемъ, что нѣчто подобное было и въ Византійскомъ государствѣ за то же время. Въ одномъ мало извѣстномъ, но очень любопытномъ духовномъ памфлетѣ (если можно такъ выразиться), писанномъ, правда, въ концѣ XI вѣка и посвященномъ именно вопросу о монастырскомъ землевладѣніи, авторъ, занимавшій первенствующій постъ въ восточной церкви, положительно утверждаетъ, что предъ наступленіемъ иконоборства весь родъ человѣческій былъ раздѣленъ на двѣ совершенно равныя половины—мірскихъ людей и монашествующихъ. Въ извѣстномъ соотвѣтствіи съ показаннымъ отношеніемъ мы должны представлять себѣ и распредѣленіе матеріальныхъ земныхъ благъ, то-есть, прежде всего землевладѣнія. Бѣлое духовенство вмѣстѣ съ церквами, при которыхъ оно состояло, владѣло тоже значительнымъ количествомъ земель: такъ что въ концѣ концовъ одна треть территоріи, находящаяся въ церковномъ владѣніи, окажется, можетъ быть, слишкомъ низкою цифрою разчета... Авторъ, котораго мы сейчасъ имѣли въ виду, полагаетъ, что иконоборческая ересь, внушенная завистію дьявольскою къ такому процвѣтанію иночества, преимущественно была направлена противъ монастырей и монастырскаго достоянія. Нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ отношеніи онъ былъ правъ. Мы уже имѣли случай замѣтить, что гоненіе на монастыри, начавшееся при Львѣ Исаврѣ и особенно ревностно и безпощадно проводимое его сыномъ Константиномъ Копронимомъ, совпадаетъ по времени, а вѣроятно, и по своимъ мотивамъ съ такъ называемою секуляризацией церковныхъ имуществъ при Карлѣ Мартелѣ и его сыновьяхъ. Такъ или иначе, съ начала произвольнымъ и насильственнымъ способомъ, потомъ болѣе мягкимъ и правильнымъ, даже путемъ соглашенія съ церковью, Франкскіе государи сумѣли воспользоваться монастырскими поземельными имуществами для своихъ свѣтскихъ правительственныхъ цѣлей. Значительная часть церковныхъ и

монастырскихъ земель досталась въ руки королевскихъ людей (вассаловъ), получившихъ свои „пожалованія“ изъ рукъ свѣтскаго давальца, къ которому они и обязались вассальною службою, безъ отрицанія, впрочемъ, правъ собственности первоначальнаго собственника, то-есть, монастыря или епископа. Въ Византіи была сдѣлана попытка болѣе радикальнаго рѣшенія вопроса—посредствомъ общаго закрытія монастырей и отобранія въ казну монастырскаго достоянія. Хотя эта мѣра и не была проведена вполнѣ, она, нужно думать, все-таки имѣла послѣдствіемъ возстановленіе нѣкотораго равновѣсія между мірскимъ и церковнымъ землевладѣніемъ; она косвеннымъ образомъ содѣйствовала усиленію мелкаго и крестьянскаго землевладѣнія. Затѣмъ, на соборѣ 787 года, вмѣстѣ съ торжествомъ иконопочитанія рѣшено было и возстановленіе монастырей. Было постановлено, что свѣтскія лица, захватившія въ несчастное для церкви время ея достояніе, то-есть, монастыри, епископіи и разныя богоугодныя дома, должны воротить ихъ обратно подъ страхомъ церковнаго отлученія. Реституція монастырскихъ и церковныхъ земель не была рѣшительно и прямо высказана. Но зато на будущее время было постановлено, что ни епископъ, ни игуменъ не могутъ допускать именно того, что дѣлалось на западѣ, не могутъ допускать отдачи (ἐκποίησις) церковныхъ доходныхъ земель архонтскому лицу или какой другой знатной особѣ¹⁾; даже тѣ земли, которыя не обрабатываются и не приносятъ дохода, могутъ быть отчуждаемы только клирику или крестьянину; если же крестьянинъ окажется подставнымъ лицомъ, то имѣніе отбирается обратно въ пользу монастыря... Съ окончаніемъ иконоборства и возшествіемъ на престолъ Македонской династіи число монастырей снова стало увеличиваться, и еще быстрѣе стало возрастать количество земли, поступающей въ монастырское владѣніе. Наклонность къ созерцательной монашеской жизни составляетъ характеристическую черту средне-вѣковыхъ Грековъ; страсть къ монашеству несомнѣнно достигала у нихъ размѣровъ, подрывавшихъ самыя основанія государственнаго быта и государственной силы. Хотя земли монастырей и не были вообще свободны отъ прямыхъ податей (отъ поземельнаго сбора), но все-таки онѣ пользовались, въ ущербъ другимъ и самому государству, многими привилегіями инаго рода, обыкновенно были изъяты отъ всякихъ натуральныхъ повинностей и поборовъ. Но и помимо этого ущерба, а

¹⁾ εἰς ἀρχοντικὴν χεῖρα ἢ ἐτέρῳ πρόσωπῳ Ralli, Syntagma canon. II, 593. Рѣчь идетъ здѣсь о 12-мъ и 13-мъ канонахъ седьмаго вселенскаго собора.

также убыли людей, подлежащихъ военному набору, еще чувствительнѣе былъ вредъ, наносимый основаніемъ монастырей крестьянскимъ общинамъ...

Мы уже видѣли, что Романъ Лакапинъ въ своей Новеллѣ 934 года высказалъ, хотя и несовсѣмъ ясно, намѣреніе ограничить разширеніе монастырскаго землевладѣнія на счетъ крестьянскихъ участковъ. Восьмой пунктъ его новеллы византійскіе юристы (Атталіота) понимали такъ, что если какой крестьянинъ, принимая монашество, пожелаетъ пожертвовать въ монастырь свою землю, то его односельчане имѣютъ право внести вмѣсто того цѣнность имѣнія, а самый участокъ удержать за собою. Ясное дѣло, что только въ рѣдкихъ случаяхъ крестьяне рѣшились бы воспользоваться своимъ правомъ, которое ни въ какомъ случаѣ не могло заключать для нихъ ничего принудительнаго, а между тѣмъ для другой стороны могло представляться неудобнымъ, несогласнымъ съ благочестіемъ и уваженіемъ къ церкви. Если же мы предположимъ, что восьмая статья новеллы имѣла въ виду только прошедшее, то-есть, другими словами—давала право выкупа на такіе участки, которые были пожертвованы въ монастыри ранѣе изданія закона, а на будущее время рѣшительно и безусловно воспрещала передачу крестьянской земли въ пользу монаховъ (такъ объяснялъ новеллу Романа императоръ Василій II),—то такая рѣшительная мѣра никакъ не могла быть приведена въ исполненіе или даже въ дѣйствіе двумя-тремя строками невразумительнаго законоположенія. Понадобилась другая болѣе смѣлая воля и другой болѣе энергической характеръ, чтобы громко сказать то, что желалъ, можетъ быть, сказать Романъ Лакапинъ, чтобы прямо указать зло и дѣйствительныя средства для противодѣйствія ему. Эта честь принадлежитъ императору Никифору Фокѣ, и безъ сомнѣнія—ему одному, хотя въ заглавіи знаменитой новеллы 964 года опять стоитъ имя патріція и протасиерита Симеона, какъ ея автора или редактора (ср. выше). Вотъ что гласитъ этотъ удивительный законодательный памятникъ:

„Искушитель нашъ, заботясь о нашемъ спасеніи и указывая пути къ нему, прямо наставляетъ насъ, что многое стяжаніе служитъ существеннымъ къ тому препятствіемъ. Предостерегая насъ противъ излишняго, онъ запрещаетъ даже пещися о пищѣ завтрашняго дня, не только что о жезлѣ, сумѣ или другомъ хитовѣ. И вотъ, наблюдая теперь совершающеся въ монастыряхъ и другихъ священныхъ домахъ и замѣчая явную болѣзнь (ибо иначе я не могу назвать того,

что вижу), которая в них обнаруживается, я не могу придумать, каким врачеством может быть исправлено зло, и каким наказаніем я долженъ преслѣдовать безмѣрное любостяжаніе... Кто изъ святыхъ отцевъ училъ этому, и какимъ внушеніямъ они слѣдуютъ, дошедши до такого излишества и до такого безумія?—Каждый день они стараются приобрѣтать тысячи десятинъ земли (γῆς κλέθρα πορίᾱ), строятъ роскошныя здапія, разводять превышающіе всякое число табуны лошадей, стада воловъ, верблюдовъ и другаго скота, обращая на это всю заботу своей души, такъ что монашествованіе уже ничѣмъ не отличается отъ мірской жизни со всѣми ея суетными заботами. Развѣ слово Божіе не гласитъ нѣчто совершенно тому противное и не заповѣдуетъ имъ полную свободу отъ такихъ попеченій (не печетесь, рече, что ясте или что пиете)? Развѣ оно не ставитъ въ примѣръ и посрамленіе намъ беззаботность летающихъ воробьевъ? Развѣ апостолъ не говоритъ: „Эти мои руки послужили мнѣ и моимъ“ (Дѣян. XX, 34); и въ другомъ мѣстѣ: „имѣя пищу и кровь, будемъ этимъ довольны“ (I Тимоѳ. VI, 8). Посмотри, какой образъ жизни вели святые отцы, которые нѣкогда просіяли въ Египтѣ, Палестинѣ, Александріи и въ другихъ концахъ земли: ты узнаешь, что жизнь ихъ была до такой степени проста, какъ будто они жили одною душою и уже достигли безтѣлесности ангеловъ.

Христосъ сказалъ, что царствіе Христово воскицается только съ большими усиліями и достигается многими скорбями. Но когда я посмотрю на тѣхъ, которые даютъ обѣтъ монашеской жизни и перемѣною одежды какъ бы знаменуютъ свое отреченіе отъ міра, и вижу, какъ они обращаютъ въ ложь свои обѣты и какъ противорѣчатъ поведеніемъ своему виду (схимѣ), то я не знаю, не слѣдуетъ ли скорѣе назвать все это пустымъ театральнымъ представленіемъ, придуманнымъ для посмѣянія имени Христова. Не апостольская это заповѣдь, не отеческое преданіе — приобрѣтеніе многодесятичныхъ громадныхъ помѣстій и множество заботъ о плодовыхъ деревьяхъ. Это не соотвѣтствуетъ строгимъ требованіямъ добродѣтельной жизни, но скорѣе есть дѣло тѣлесной нужды, при чемъ болѣе духовное уступаетъ мѣсто болѣе мірскому: нужда и потребность съ теченіемъ времени обратились въ неумѣренность (ἀμετρίαν), какъ обыкновенно все дурное, начавшись отъ малыхъ началъ и источниковъ, превращается потомъ въ большое зло.

Въ виду всего этого непонятно, почему люди, движимые желаніемъ сдѣлать что-нибудь для угожденія Богу и прощенія своихъ грѣховъ,

презирають столь удобную для исполненія, освобождающую отъ заботъ заповѣдь Христа, повелѣвающую продать имѣніе и раздать нищимъ; а вмѣсто того, какъ бы намѣренно желая сдѣлать ее трудною и хлопотливою и наложить на себя множество заботъ, наперерывъ стремятся устраивать монастыри, страннопріимные дома и богадѣльни. Въ прежнія времена, когда въ такихъ учрежденіяхъ былъ недостатокъ, устройство ихъ заключало въ себѣ много похвальнаго. Но когда число ихъ превратилось во множество и стало превосходить всякую потребность и мѣру, а люди продолжаютъ отказываться отъ добра, совершаемаго съ великою легкостію, и обращаются къ устройству монастырей,—то кто не подумаетъ, что это добро уже не безъ примѣси зла, и не скажетъ, что къ пшеницѣ примѣшались и плевелы. А еще болѣе, кто не замѣтитъ, что богоугодное дѣло сдѣлалось однимъ прикрытіемъ тщеславія, дабы всѣмъ были явны дѣлающіе благое. Они уже не довольствуются тѣмъ, чтобы свидѣтелями ихъ добрыхъ дѣлъ были только тѣ, которые при этомъ присутствуютъ, но хотятъ, чтобы и потомки не оставались въ невѣдѣніи объ ихъ добродѣтели. Въ то время, какъ есть тысячи другихъ монастырей, пострадавшихъ отъ времени и нуждающихся въ помощи, у насъ не хватаетъ усердія, чтобы потратиться для поправки ихъ и возстановленія; вмѣсто того мы всячески стремимся заводить собственные новые монастыри, дабы не только мы сами могли самоуслаждаться суетнымъ титуломъ (основателей), но дабы наше стояло явно и отдѣльно...

1) Вслѣдствіе того, желая съ корнемъ вырвать зло этого слабодубія, мы повелѣваемъ, чтобы желающіе быть благочестивыми и совершать дѣла пользы и человеколюбія, слѣдовали заповѣдямъ Христа, и продавая имѣніе, раздавали цѣну его нищимъ... Если же есть между ними такіе, которые изъ любви къ прекрасному и высокому (такъ мы называемъ ихъ любочестіе) хотятъ устраивать монастыри, страннопріимные и сиротскіе дома, то никто имъ въ этомъ не будетъ препятствовать. Но такъ какъ въ числѣ прежде выстроенныхъ монастырей есть много такихъ, которые, какъ сказано выше, пришли въ упадокъ и даже близки къ полному уничтоженію, то пусть они (такіе люди) прежде всего позаботятся о нихъ, пусть прострутъ руку помощи поверженнымъ на землѣ и на нихъ докажутъ свою любовь къ Богу. Если же, пренебрегая прежними монастырями, находящимися въ означенномъ печальномъ положеніи, и какъ бы закрывая на нихъ глаза, ревнители все-таки будутъ стремиться къ постройкѣ новыхъ таковыхъ зданій, то мы не можемъ похвалить такого дѣянія и даже

никакъ не можемъ допустить его, видя въ немъ ни что иное, какъ любовь къ суетной славѣ и явное безуміе... Что же касается способовъ, которыми можетъ быть осуществляема забота объ этихъ нуждающихся въ помощи монастыряхъ, то мы не требуемъ, чтобъ имъ были жертвуемы поля, помѣстья или здавія (ибо таковыхъ существуетъ за ними уже довольно отъ прежняго времени), но желаемъ, чтобы лица, имѣющія въ виду угодить Богу, продавъ поля и помѣстья, которыми владѣютъ, какимъ угодно мірскимъ людямъ, снабжали пренебреженные и упавшіе монастыри, а также ихъ по недостатку обработки втунѣ лежащія земли, подлежащими средствами ¹⁾, то-есть, доставляя имъ рабовъ, воловъ, стада овецъ и другаго скота. Ибо если мы будемъ жертвовать самыя поля и угодья, намъ принадлежащія, то при существующемъ для монастырей законномъ запрещеніи продавать ихъ собственность, мы придемъ къ тому же самому положенію, какъ и прежде, и оставимъ бѣдствующія и покинутые монастыри безъ всякой дѣйствительной помощи, такъ какъ за отсутствіемъ денегъ и рукъ они не въ состояніи будутъ предпринять что-либо полезное на своей землѣ.

Итакъ, отнынѣ да не позволено будетъ никому завѣщивать поля и помѣстья монастырямъ, богодѣльнымъ и страннопріимнымъ домамъ, или же митрополитамъ и епископамъ, такъ какъ это нисколько не приносить имъ пользы.

Если же какіе изъ прежнихъ монастырей или богоугодныхъ домовъ пользовались столь малымъ о себѣ попеченіемъ и находились въ такихъ дурныхъ рукахъ, что остались совершенно лишеными угодій (τόπων), то такимъ и впредь не будетъ препятствія пріобрѣтать достаточествующее съ вѣдома и разсмотрѣнія царскаго. А строить въ пустынныхъ мѣстахъ келліи и такъ называемыя лавры, которыя не стремятся къ пріобрѣтенію имѣній и чужихъ полей, а остаются въ предѣлахъ только собственной своей ограды (τῆ περιουχῆ μόνη τῆ ἰδίᾳ ὀριζομένης), мы не только не воспрещаемъ, но напротивъ считаемъ дѣломъ похвальнымъ.

Внушая и постановляя все это, я знаю, что для многихъ слова мои покажутся тяжкими и несогласными съ ихъ образомъ мыслей. Но я о томъ не забочусь, такъ какъ, по апостолу Павлу, я хочу угождать не людямъ, а Богу. Кто имѣетъ умъ и смыслъ и привыкъ смотрѣть не на одну только поверхность, но способенъ идти далѣе

¹⁾ πρόνοιας ἀπὸ τῆς προσηκουσῆς καταξί βίωσαν.

и провикать въ глубь вещей, для того будетъ ясно, что мы произнесли рѣшеніе полезное для живущихъ по Богу, а также и для всего общества" (τῷ κοινῷ πάντι).

Никто не откажетъ суровому солдату, который, однако, самъ носилъ подъ царскимъ облаченіемъ никому невидную власявицу, въ прямотѣ языка и рѣшительности законодательныхъ мѣропріятій. Набожная Византія X вѣка должна была выслушать отъ своего императора рѣзкую обличительную проповѣдь, въ которой построеніе монастырей прямо называлось дѣломъ пустой суетности и тщеславія! Новая заповѣдь, которая должна была по обычаю называться божественною, въ сущности сводилась въ двумъ совсѣмъ неблагочестивымъ пунктамъ: въ ней запрещалось строить новые монастыри и дѣлать въ пользу старыхъ наиболѣе обычныя пожертвованія и вклады, Никифоръ Фока говорилъ правду, объявляя, что онъ не ищетъ популярности. Трудно было думать о любви народной послѣ изданія такого закона въ первый годъ царствованія. Не смотря на всѣ свои успѣхи и подвиги военные, Никифоръ Фока до такой степени былъ ненавидимъ въ своей столицѣ, что, по словамъ Лиутпранда, долженъ былъ превратить свой дворецъ въ крѣпость и эту крѣпость въ свое постоянное убожище.

Что думали о законодательномъ актѣ 964 года люди благочестивые, старцы и монахи, имѣвшіе наибольшее вліяніе на умы населенія, объ этомъ мы узнаемъ изъ повеллы исполнѣ и безусловно законнаго государя, принявшаго наконецъ въ собственные руки бразды правленія, изъ повеллы Василія Порфиророднаго. Въ иныхъ древнихъ спискахъ законоположеніе Никифора Фоки о монастыряхъ сопровождается замѣткою, что оно было отмѣнено (κατήργηθη) уже Іоанномъ Цимисхіемъ, убійцею Фоки (969—975 гг.); однако нѣтъ никакихъ слѣдовъ и признаковъ, чтобы въ самомъ дѣлѣ послѣдовало формальное заявленіе въ этомъ смыслѣ ранѣе 988 года. Ничто не мѣшаетъ намъ думать, что нечестивый законъ не былъ примѣняемъ на дѣлѣ; но съ другой стороны, очень возможно, что и Цимисхій, и знаменитый „сальникъ“ (σαλκοφωρεως), управлявшій государствомъ въ первые годы самодержавія Василіева, не желали разстаться съ такимъ оружіемъ, которое могло до времени храниться въ арсеналѣ или архивѣ, а при случаѣ могло очень послужить государственнымъ нуждамъ. Но вотъ наступилъ тяжелый годъ для Византійской имперіи и еще болѣе для царствующей династіи: успѣхи болгарскаго возстанія, сопровождавшагося страшнымъ раззореніемъ городовъ и сель во Фракіи почти до

самого Константинополя, неудачи въ южной Италіи, гдѣ Византіи приходилось бороться и съ Нѣмецкимъ императоромъ, и съ своими союзниками, африканскими Сарацинами, враждебныя отношенія къ Русскимъ, примиреніе съ которыми хотя послѣдовало именно въ этомъ самомъ году, но, по видимому, нѣсколько позднѣе апрѣля мѣсяца (когда издапа была новелла), наконецъ рядъ внутреннихъ междоусобій, готовыхъ завершиться полнымъ торжествомъ двухъ бунтовщиковъ, стоявшихъ въ виду столицы на азіатской сторонѣ пролива, все это вмѣстѣ привело имперію на край гибели и заставило ея правителей спросить себя: гдѣ же причина гнѣва Божія, очевидно, на нее обрушившагося. Тогда-то явилась „Новелла благочестиваго царя Василія Младшаго, окончательно отмѣняющая (τέλειον ἀναρρόση) законоположеніе царя Никифора противъ церквей и богоугодныхъ домовъ“, и восстанавливающая силу добрыхъ законовъ Василія I и Льва Мудраго (Василики), а также Константина Багрянороднаго (новелла 947 года).

„Отъ монаховъ, засвидѣтельствовавшихъ себя благочестіемъ и добродѣтелью, а также отъ многихъ другихъ людей наше отъ Бога царство (ἡ ἐκ Θεοῦ βασιλεία ἡμῶν) узнало, что законоположеніе о Божіихъ церквахъ и богоугодныхъ домахъ, изданное киромъ Никифоромъ, присвоившимъ себѣ царскую власть (παρὰ τοῦ τῆς βασιλείας ἐπιβάντος κироῦ Νικηφόρου), сдѣлалось причиной и корнемъ настоящихъ бѣдствій, (причиною) ниспроверженія и смятенія этой вселенной (τῆς οὐρανόθεν τῆς τῆς), такъ какъ эти законы направлены къ оскорбленію и обидѣ не только церквей и богоугодныхъ домовъ, но и самого Бога. Все другое, а также и самый опытъ утверждаетъ насъ (въ такой мысли); ибо съ тѣхъ поръ какъ это законоположеніе вошло въ силу и до настоящаго дня никакой, даже самомалѣйшей удачи мы не встрѣтили въ нашей жизни, но напротивъ не осталось такого вида несчастія, котораго мы не испытали бы. Посему настоящею нашею благочестивою золотою грамотою съ нашимъ подписаніемъ мы постановляемъ, чтобы съ настоящаго дня сказанное законоположеніе считалось не дѣйствующимъ и оставалось впредь отмѣненнымъ и не имѣющимъ силы. Вмѣсто того пусть вступятъ опять въ дѣйствіе тѣ законы о Божіихъ церквахъ и богоугодныхъ домахъ, которые прекрасно и боголюбиво были изданы незабвеннымъ нашимъ дѣдомъ, а также его отцемъ и дѣдомъ. Чтобы настоящее наше постановленіе впредь оставалось твердымъ и неизмѣннымъ, мы подписали оное

собственною рукою и повелѣли приложить ввизу нашу золотую печать, 4-го дня апрѣля мѣсяца I-го индикта въ 6496 году“.

Ни золотая печать, ни красная подпись Болгаробойцы не сообщили однако постановленію 988 года неизмѣнной прочности. Страсть Византійцевъ къ построенію все новыхъ монастырей была такъ велика, ея разлагающее дѣйствіе на сельскія общины и крестьянское землевладѣніе, и слѣдовательно, на государственное благосостояніе было такъ очевидно, что самъ авторъ манифеста, осудившаго нечестивое законоположеніе Никифора Фоки, не могъ остаться вѣрнымъ своему заявленію, вынужденному тяжелыми затрудненіями минуты и монашескими внушеніями. Не прошло десяти лѣтъ, и самъ Василій II принужденъ былъ принимать мѣры къ обузданію пабожности своихъ подданныхъ, говорить въ духѣ тѣхъ воззрѣній, которыя продиктовали смѣлныя строки богопротивнаго законоположенія 964 года. Въ знаменитой большой новеллѣ 996 года, содержаніе которой относительно свѣтскаго землевладѣнія намъ уже извѣстно, идетъ также рѣчь и о монастырскомъ землевладѣніи.

„Изъ заявленій, поступающихъ къ намъ со всѣхъ сторонъ, изъ всѣхъ можно сказать округовъ (темъ), мы узнаемъ, что цѣлыя селенія не только терпятъ вредъ и стѣсненія, но и совсѣмъ перестаютъ существовать, забдаемыя монастырями (βλαπτόμενα... ἀδικοόμενα... ἀφαμιόμενα). Происходитъ это, говорить, во многихъ селахъ такъ, что вотъ какой-нибудь крестьянинъ (χωρίτης) строитъ на собственномъ своемъ мѣстѣ церковь и приписываетъ къ ней, съ согласія своихъ односельчанъ (βουλομένων καὶ τῶν συχωριτῶν αὐτοῦ), собственный участокъ, затѣмъ дѣлается самъ монахомъ и поселяется при ней (церкви) до конца своей жизни; далѣе также поступаютъ еще одинъ и другой крестьянинъ, и такимъ образомъ набралось тамъ два и три монаха. Этихъ трехъ монаховъ достаточно; послѣ ихъ смерти мѣстный митрополитъ или епископъ захватываетъ церковь, присваиваетъ ее себѣ и называетъ монастыремъ. Митрополиты и епископы, или удерживая за собою таковыя монастыри, или отдавая ихъ въ видѣ дара властелямъ, наносятъ большой ущербъ селамъ, обижаютъ ихъ и доводятъ до полного уничтоженія (ἐξαλείφουσι). Мы повелѣваемъ, чтобы такимъ образомъ возникшіе молитвенные дома (εὐχτήρια)—(ибо мы не хотимъ называть ихъ монастырями)—были всѣ возвращаемы опять „убогимъ“, и чтобы сторона митрополии или епископии была оттуда совершенно устранима. А если епископы или митрополиты подарили ихъ какимъ-либо „особамъ“ (προσώποις), то и эти особы от-

туда изгоняются, если даже ихъ владѣніе имѣть за собою долгое время, (ибо мы опредѣляемъ, что давность въ этомъ случаѣ не имѣетъ никакой силы), а самыя молитвенныя дома возвращаются сельчанамъ и остаются и на будущее время молитвенными домами, но подъ властію сельской общины (*ἀλλ' ὑπὸ τὰ χωρία*), и пусть въ нихъ будутъ старцы (*καλογήρους*), сколько и прежде было. Митрополиты или епископы могутъ имѣть здѣсь только духовныя права: право возношенія (*τὴν ἀναφοράν*, упоминаніе въ церковныхъ молитвахъ), право поставленія (*τὴν σφραγίδα*) игумена или настоятеля и право исправленія совершаемыхъ калогирями грѣховъ, а впрочемъ не должны получать отсюда ни такъ называемаго „обычнаго“ (*τὴν συνήθειαν*), ни какихъ-либо другихъ поборовъ, получаемыхъ ими отъ монастырей. Притомъ села, имѣющія вышеозначенныя молитвенныя дома, обязаны имѣть въ нихъ столько калогировъ, сколько ихъ было прежде.. Если же въ какіе изъ этихъ молитвенныхъ домовъ сдѣланы были пожертвованія и влады императоромъ, и они имѣютъ также келліи (*καθίσματα*), то хотя это и не согласно съ строгимъ правомъ, но ради царскаго попеченія (*πρόνοιας βασιλικῆς*), котораго они удостоились, пусть они остаются и впредь подъ властію своихъ митрополитовъ или епископовъ, но съ тѣмъ чтобъ они не могли быть передаваемы другимъ лицамъ... Равнымъ образомъ, если въ монастыряхъ, которые составились такимъ образомъ въ извѣстныхъ селеніяхъ, постриглись потомъ многіе изъ сосѣдей и пожертвовали въ нихъ свои поземельныя участки, и такимъ образомъ образовались уже большіе монастыри, имѣющіе выше восьми или десяти монаховъ, то хотя это можетъ быть и несогласно съ строгимъ правомъ, мы все-таки благоизволяемъ на то, чтобъ они были подъ властію митрополитовъ и епископовъ и могли быть безпрепятственно даримы или передаваемы кому угодно. Однако, при этомъ нужно имѣть въ виду то условіе, что такіе монастыри должны ранѣе имѣть свыше означеннаго числа восьми или десяти монаховъ и теперь же располагать средствами для ихъ содержанія, такъ какъ они не могутъ дѣлать новыхъ пріобрѣтеній, согласно съ запрещеніемъ, изданнымъ при нашемъ прадѣдѣ царѣ Романѣ Старшемъ (см. новеллу 934 г.), а теперь возобновляемъ нами. Если бы послѣ изданія настоящаго постановленія митрополиты и епископы отправили въ монастыри, не удовлетворяющіе вышеозначенному условію относительно количества постриженныхъ въ немъ лицъ, и гораздо болѣе восьми или десяти монаховъ, то хотя бъ и земли было достаточно для всѣхъ этихъ мо-

наховъ, мы все-таки не можемъ признать такого монастыря за дѣйствительный монастырь, а будемъ считать его за молитвенный домъ, принадлежащій сельской общинѣ (εις ἀνακοινωνίας χωρίων γυνόμενα) и находящійся подъ властію сельчанъ. Что же касается самостоятельныхъ и большихъ старинныхъ монастырей, то хотя бѣ они и не имѣли значительнаго числа монаховъ, и даже вслѣдствіе нерадѣнія митрополита или епископа оставались совсѣмъ безъ монаховъ, мы опредѣляемъ, что они по прежнему должны быть подъ властію митрополитовъ и епископовъ и могутъ быть даримы и передаваемы митрополитами и епископами, кому имъ будетъ угодно.

В. Васильевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОБЪ УЧЕБНЫХЪ ПОСОБИЯХЪ ДЛЯ ПРЕПОДАВАНІЯ ЕСТЕ- СТВЕННОЙ ИСТОРИИ ВЪ РЕАЛЬНЫХЪ УЧИЛИЩАХЪ.

1.

Курсъ естественной исторіи въ реальныхъ училищахъ трехгодич-
ный; онъ начинается въ V классѣ и заканчивается въ VII (въ основ-
номъ отдѣленіи). Хотя многіе ученики и не доходятъ до VII класса,
такъ что для нихъ занятія естественными науками продолжаются
всего два года, но въ виду все-таки значительнаго процента юношей,
поступающихъ въ VII (дополнительный) классъ, правильнѣе разсмат-
ривать курсъ естественной исторіи въ реальныхъ училищахъ, какъ
трехгодичный. По требованіямъ программы въ это время полагается
ознакомить учениковъ съ минералогіей, съ общими основаніями мор-
фологіи животныхъ и растений, съ системою животнаго и раститель-
наго царства и съ главными основаніями физиологіи растений и жи-
вотныхъ. Преподаватель естественной исторіи въ реальныхъ учили-
щахъ имѣетъ дѣло съ учениками уже взрослыми, средній уровень раз-
витія и подготовка которыхъ обыкновенно въ достаточной степени
соотвѣтствуютъ уже тѣмъ условіямъ и требованіямъ, при которыхъ
возможно болѣе или менѣе серьезное изученіе главныхъ фактовъ и
выводовъ естественныхъ наукъ, — тѣхъ фактовъ и выводовъ, которые
должны лечь въ основу правильнаго и здраваго пониманія явленій
окружающей природы. Очевидно здѣсь нельзя уже смотрѣть на есте-
ственно-историческій матеріалъ исключительно съ точки зрѣнія при-
годности его для предметныхъ уроковъ и нагляднаго обученія, нельзя

видѣть въ немъ только средство для развитія въ ученикахъ наблюдательности и т. д.; здѣсь, напротивъ, слѣдуетъ смотрѣть на него, какъ на науку, факты и выводы которой способны создать определенное и здоровое отношеніе къ явленіямъ природы. Благодаря такой постановкѣ дѣла, и самое преподаваніе естественной исторіи въ реальныхъ училищахъ не можетъ ограничиваться одною внѣшнею стороною предмета: отыскиваніемъ, сличеніемъ и заучиваніемъ наружныхъ признаковъ съ прибавленіемъ иллюстрацій изъ жизни животныхъ, да указаній на пользу и употребленіе растений; преподаваніе должно стремиться сдѣлать эти элементарные приемы изученія не цѣлью, но средствомъ для полученія нѣкоторыхъ выводовъ и обобщеній. Ученики реальныхъ училищъ сравнительно легко и скоро научаются постигать даже довольно сложныя соотношенія въ расположеніи органовъ; они схватываютъ эти соотношенія даже и въ томъ случаѣ, если послѣднія представлены на разрѣзѣ, или въ видѣ схемы; это обстоятельство, конечно, значительно облегчаетъ дѣло преподавателя и сберегаетъ время, потребное на выясненіе сложныхъ подробностей строенія. Научный естественно-историческій матеріалъ, — какъ ни великъ и ни обширенъ онъ въ настоящее время, — представляетъ столько стройности и порядка въ группировкѣ фактовъ, что изъ него безъ затрудненія можно выбрать наиболѣе важное и характерное и устранить второстепенное и менѣе общее, — выдѣлить тотъ рядъ выдающихся и прочно установленныхъ фактовъ, на изученіи которыхъ и основывается правильное пониманіе доступныхъ наблюденію явленій природы. По самому свойству матеріала своего естественныя науки могутъ быть преподаваемы съ успѣхомъ только подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы каждый, по возможности, предметъ, изучаемый въ классѣ, находился передъ глазами учениковъ, чтобы они сами могли изслѣдовать все его особенности. Преподаваніе должно сопровождаться показываніемъ тѣхъ объектовъ, о которыхъ идетъ рѣчь; вездѣ, гдѣ можно, въ рукахъ учениковъ должны быть тѣ предметы, которые они изучаютъ; чего нельзя показать въ натурѣ, то должно быть представлено въ видѣ искусственныхъ препаратовъ, или на рисункахъ. Послѣднее условіе вызываетъ необходимость имѣть въ училищѣ благоустроенный кабинетъ естественной исторіи, гдѣ были бы собраны подходящія къ курсу и рационально выбранныя учебныя пособія, то-есть такія, которыя толково задуманы и хорошо исполнены. Практика показываетъ, что составить вполне удовлетворительную коллекцію учебныхъ пособій — дѣло не

совсѣмъ простое, хотя можетъ, быть, съ перваго взгляда и можетъ показаться простымъ и несложнымъ.

Накупить чучель, скелетовъ, моделей и картинъ и запереть все это въ шкафы еще не значитъ составить кабинетъ естественной исторіи. Сколько при этомъ попадется никуда негоднаго и лишняго хлама, сколько денегъ потратится на покупку дорогихъ и съ виду блестящихъ вещей, которыя потомъ безъ всякой пользы будутъ занимать отведенное имъ мѣсто. Подобные промахи въ большинствѣ случаевъ положительно зависятъ отъ неопытности и неумѣнья лицъ, составляющихъ кабинеты, но очень часто бывають и результатомъ полного отсутствія въ продажѣ, въ извѣстномъ мѣстѣ, годныхъ и хорошихъ вещей. Присматриваясь къ выходящимъ въ свѣтъ различнымъ учебнымъ пособіямъ, не трудно замѣтить, что многія изъ нихъ носятъ на себѣ несомнѣнный отпечатокъ незнанія и неумѣнья взяться за дѣло, но тѣмъ не менѣе эти пособія покупаются и ужь конечно не за какія нибудь достоинства, которыхъ въ нихъ нѣтъ, а просто за неимѣніемъ на мѣстѣ ничего лучшаго. Составитель или издатель пособія, если онъ самъ не педагогъ, рѣдко справляется объ истинныхъ нуждахъ училища, а преподаватель, то-есть тотъ, кому это вѣдать надлежало бы, молчитъ и не заявляетъ о своихъ надобностяхъ. Отсюда и происходитъ разногласіе между спросомъ и предложениемъ, не совсѣмъ выгодно отзывающаяся и на преподаваніи.

Относительно количества учебныхъ пособій въ настоящее время затрудняюсь, повидимому, нѣтъ причинъ: достаточно указать на существованіе нѣсколькихъ мастерскихъ въ одномъ только Петербургѣ, не говоря уже о мастерскихъ заграничныхъ. Пространные каталоги, напримѣръ магазина Фену въ Петербургѣ, при выборѣ затрудняютъ скорѣе изобиліемъ предлагаемыхъ предметовъ, чѣмъ ихъ недостаткомъ. И съ каждымъ годомъ количество новыхъ учебныхъ пособій увеличивается довольно замѣтно и быстро, по мѣрѣ того какъ растетъ общее сознаніе необходимости нагляднаго преподаванія естественныхъ наукъ. Совсѣмъ не то встрѣтимъ, если обратимъ вниманіе на качество существующихъ въ продажѣ учебныхъ пособій. Въ этомъ отношеніи большинство имѣющагося по этой части матеріала распадается на двѣ группы, соответствующія двумъ довольно распространеннымъ взглядамъ на методъ преподаванія естественной исторіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ: одни изъ педагоговъ довольно неблагоприятно смотрятъ на разныя пособія, находя въ нихъ тотъ недостатокъ, что пособія убивають самостоятельность учениковъ; въ

тѣхъ случаяхъ, когда натуральныхъ объектовъ оказывается недостаточно, они вводятъ въ дѣло схематизированные препараты, которые даютъ лишь самое общее представленіе о строеніи органа. Другіе, напротивъ, стараются показывать въ видѣ искусственныхъ препаратовъ даже такія вещи, которыя съ гораздо большимъ успѣхомъ могутъ быть изучены на натуральныхъ объектахъ¹⁾. Въ одномъ случаѣ препаратъ будетъ имѣть значенія не больше, чѣмъ рисунокъ, набросанный мѣломъ на доскѣ; въ другомъ онъ совершенно устраниваетъ изслѣдованіе учениками предметовъ въ живомъ состояніи. Главная задача составленія хорошей коллекціи естественно-историческихъ учебныхъ пособій и состоитъ именно въ томъ, чтобы обойти эти крайности.

Между существующими учебными пособіями можно различить три категоріи: къ первой принадлежатъ естественные препараты — чучела, скелеты, гербаріи, собранія минераловъ и т. д., ко второй препараты искусственные, сдѣланные изъ гипса, папье-маше, воска и т. д. Большинство этихъ пособій сдѣлано, конечно, съ цѣлью помочь дѣлу преподаванія: представить съ одной стороны въ возможной ясности тѣ подробности, которыя по сложности своей не могутъ быть изслѣдованы самими учениками, съ другой — дать изображенія и модели тавихъ предметовъ, которые, по тѣмъ или другимъ причинамъ, не могутъ быть получены на мѣстѣ. Но въ видѣ рисунка или препарата можетъ быть представлено все, что угодно; однако обогащать коллекцію пособій всевозможными препаратами и рисунками только потому, что они представляютъ объекты животнаго или растительнаго міра, очевидно нѣтъ никакого основанія. Прежде всего не слѣдуетъ упускать изъ виду, что натуральный объектъ лучше всякаго препарата и повятнѣе всевозможныхъ рисунковъ, если притомъ по размѣрамъ своимъ онъ можетъ быть изучаемъ безъ помощи лупы и микроскопа. На этомъ основаніи, конечно, всѣ тѣ рисунки и препараты, которые представляютъ цѣликомъ животныхъ или растенія, могутъ играть въ училищной коллекціи лишь второстепенную роль. Они должны не замѣнять, а только дополнять тотъ живой матеріалъ, который имѣется подъ руками. Нѣсколько больше значенія имѣютъ препараты и рисунки, представляющіе различныя детали строенія или мелкіе микроскопическіе объекты. Но значеніе этихъ пособій опредѣ-

¹⁾ Къ такимъ препаратамъ принадлежатъ, напримеръ, коллекція гуттаперчевыхъ моделей цвѣтвовъ Бренделя.

ляется уже другими мотивами: детальныя препараты важны потому, что облегчаютъ выясненіе запутанныхъ и сложныхъ анатомическихъ отношеній; изображенія мелкихъ объектовъ — потому, что въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ микроскопическія наблюденія не могутъ имѣть значительнаго примѣненія и знакомство съ мелкими суставчатопогиами, червями и инфузоріями и т. д. можетъ быть приобретено преимущественно съ помощью рисунковъ и препаратовъ.

Общее же достоинство всевозможныхъ пособій опредѣляется ясностью, отчетливостью, отсутствіемъ излишней схематизаціи, а также и мелкихъ второстепенныхъ подробностей. Какъ ни просты въ сущности эти требованія, практика показываетъ однако, что удовлетворить имъ не такъ-то легко. Рисунокъ или препаратъ по самой сущности своей не могутъ передать всего, что представляютъ органъ или организмъ въ живомъ естественномъ состояніи. Воспроизводя, тѣмъ или другимъ способомъ, тотъ или другой органъ, всегда приходится жертвовать извѣстными частностями, извѣстными особенностями. Но далеко не все равно, чѣмъ пренебречь, какую сторону оставить безъ вниманія, какую, наоборотъ, усилить. Понятно, что пособие, годное для элементарныхъ школъ, будетъ недостаточно для среднихъ учебныхъ заведеній; пособие, годное для университетскаго преподаванія, также не найдетъ мѣста въ среднемъ учебномъ заведеніи. Очень ошиблись бы тѣ, которые захотѣли бы выписать учебныя пособия, руководствуясь исключительно указаніями и рекомендаціями каталоговъ и не потому конечно, чтобы въ каталогахъ намѣренно плохія вещи выдавались за хорошія, но потому, что отзывы каталоговъ, составленные обыкновенно въ самыхъ общихъ выраженіяхъ, очень мало или даже вовсе ничего не говорятъ о степени пригодности данной вещи для той или другой цѣли. Между тѣмъ цѣлесообразность и есть тотъ масштабъ, которымъ, помимо основнаго, измѣряется достоинство учебныхъ пособій. Выписывающій обыкновенно знаетъ, что ему нужно; но убѣдиться, что вещь соответствуетъ требованіямъ, часто можно только тогда, когда она уже въ рукахъ. Очень можетъ быть, многіе возразятъ, что достиженіе удовлетворительныхъ результатовъ зависитъ не столько отъ разныхъ пособій, сколько отъ самого преподавателя, что хорошій толковый учитель не затруднится выяснитъ то, что нужно, даже и въ томъ случаѣ, когда у него подъ руками будутъ пособия и не вполне удовлетворяющія своей цѣли. Это справедливо, но только отчасти; не слѣдуетъ забывать, что съ дурными и мало пригодными къ дѣлу посо-

біями преподаватель часто можетъ быть, вопервыхъ, поставленъ въ очень неудобное положеніе — примѣнять свой курсъ къ имѣющимся подъ руками пособіямъ, тогда какъ въ дѣйствительности должно быть какъ разъ наоборотъ; вовторыхъ, онъ потратитъ при этомъ несравненно больше труда и времени. Признавая же въ принципѣ необходимость хорошихъ учебныхъ пособій, необходимо дѣлать изъ нихъ строгій выборъ, что и возможно въ настоящее время при такомъ ихъ изобиліи и сравнительной дешевизнѣ.

Въ предлагаемой замѣткѣ мы попытаемся представить, вопервыхъ, перечень тѣхъ пособій, которыя существенно необходимы въ кабинетѣ естественной исторіи реального училища и вообще средняго учебнаго заведенія; вовторыхъ, общій обзоръ съ точки зрѣнія пригодности или непригодности для преподаванія тѣхъ существующихъ въ продажѣ пособій, которыя намъ удалось видѣть въ разныхъ магазинахъ и мастерскихъ Петербурга и въ музеѣ Солянаго городка. Нисколько не претендуя на полноту и законченность очерка, мы просто желаемъ подѣлиться съ тѣми, кого это интересуетъ, личными впечатлѣніями, вынесенными какъ изъ нашихъ экскурсій по магазинамъ, мастерскимъ и музеямъ, такъ и изъ тѣхъ опытовъ примѣненія разныхъ пособій на урокахъ, которые намъ лично довелось сдѣлать.

II.

При оцѣнкѣ естественно-историческихъ пособій, какъ и всякихъ другихъ пособій, необходимо имѣть въ виду, вопервыхъ, идею, которою руководствовался составитель, вовторыхъ тотъ подборъ матеріала, въ которомъ выразилась эта идея и, втретьихъ, самое исполненіе, то-есть тѣ техническіе приемы, съ помощью которыхъ составитель осуществилъ свою идею. Только то учебное пособіе и можетъ считаться удовлетворительнымъ, которое выдерживаетъ критику съ этихъ трехъ точекъ зрѣнія. Что касается технической стороны дѣла, то здѣсь разногласія быть не можетъ: дурной, то-есть, неясный или невѣрный рисунокъ или препаратъ всеми будутъ признаны за таковыя безъ всякихъ недоразумѣній. Но когда вопросъ коснется основной мысли, дѣли пособія и ея осуществленія, то во многихъ случаяхъ разные лица отнесутся различно къ одной и той же вещи, потому что цѣлесообразность — понятіе относительное и зависитъ отъ личнаго взгляда каждаго на предметъ. Вѣрны ли будутъ эти взгляды, это другой вопросъ; но ихъ всегда нужно имѣть въ виду, иначе не будетъ по-

нятно, почему данную вещь признают или не признают удовлетворительно. Различіе во взглядахъ зависитъ отъ неодинаковаго пониманія курса среднихъ учебныхъ заведеній и можетъ касаться какъ объема, такъ и содержанія курса, такъ что въ крайнихъ случаяхъ разногласіе можетъ быть настолько существеннымъ, что и самыя сужденія объ учебныхъ пособіяхъ съ разныхъ точекъ зрѣнія выйдутъ диаметрально противоположными. На этомъ основаніи мы считаемъ умѣстнымъ сказать прежде нѣсколько словъ о постановкѣ курса и объ условіяхъ преподаванія, которыя возможны въ тѣхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ естественная исторія проходитъ въ старшихъ классахъ. Изъ всѣхъ отраслей естествознанія біологическія науки, какъ по обширности и разнообразію научнаго матеріала, такъ и по важности выводовъ должны безспорно занимать здѣсь первое мѣсто. Начнемъ съ зоологіи. Здѣсь прежде всего мы позволимъ себѣ остановиться, хотя это и не относится прямо къ дѣлу, на одномъ, недавно появившемся мнѣніи относительно порядка изложенія этой науки въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Мнѣніе это высказано однимъ изъ нашихъ педагоговъ, г. Гердомъ, въ его учебникѣ зоологіи и такъ какъ оно касается, съ одной стороны, самой постановки курса, съ другой является воляѣ выраженнымъ и законченнымъ, то мы и позволимъ себѣ нѣсколько на немъ остановиться. Г. Гердъ полагаетъ, что зоологію слѣдуетъ преподавать, начиная съ низшихъ формъ и переходя постепенно въ высшимъ на томъ основаніи, что будто противоположный порядокъ ведетъ къ неправильному представленію о постепенной деградаціи и линейномъ расположеніи формъ и что при этомъ совершенно ускользаетъ у учениковъ понятіе о концентрическомъ расположеніи формъ каждаго типа. Такое мнѣніе нельзя признать правильнымъ и самый порядокъ изложенія зоологіи по этому методу представляетъ много неудобствъ. Въ самомъ дѣлѣ, чтобы начать курсъ съ протистовъ, нужно будетъ познакомить учениковъ съ протоплазмой, хоть настолько, чтобы они могли понимать такіе организмы, какъ амеба; изучать же протоплазму, какъ извѣстно, очень удобно у растений. Слѣдовательно сначала придется познакомить учениковъ съ растеніями. Самъ г. Гердъ признаетъ, что при его методѣ ученики должны сначала пройти ботанику. Не говоря уже о томъ, какъ стѣснительно можетъ быть подобное требованіе, нужно взять еще въ расчетъ то, что протоплазму пришлось бы изучать въ реальныхъ училищахъ въ V классѣ, а изученіе ея требуетъ микроскопическихъ наблюденій и ужъ по этой одной причинѣ въ V классѣ оно

немыслимо, потому что употребленіе микроскопа здѣсь еще не удобно и не можетъ принести существенной пользы. Если же имѣть въ виду учениковъ совершенно еще незнакомыхъ ни съ высшими, ни съ низшими растеніями, то очевидно здѣсь пришлось бы просто ограничиться демонстраціею амебы, плазмодія, или протоплазматическихъ токовъ въ клѣткахъ хорь, клѣткахъ водлисеріи и т. д. Такое изученіе протоплазмы, начатое *ex abrupto*, въ лучшемъ случаѣ имѣло бы послѣдствіемъ только то, что ученики зазубрили бы тѣ ея свойства, которыя указалъ бы имъ преподаватель, но очень сомнительно, чтобы этимъ путемъ они могли, какъ слѣдуетъ, ознакомиться съ протоплазмой. Въ самомъ дѣлѣ для пониманія протоплазмы и какъ вещества и какъ организма, требуется еще многое и прежде всего нѣкоторый запасъ физико-химическихъ свѣдѣній. Пришлось бы слѣдовательно сдѣлать еще одно отступленіе для введенія въ курсъ основныхъ физико-химическихъ свѣдѣній. Это отняло бы не мало времени и все-таки не много помогло бы дѣлу, потому что и самыя эти обрывки физико-химическихъ свѣдѣній, введенныя въ курсъ эпизодически и притомъ въ сжатомъ видѣ, страдали бы тѣмъ же недостаткомъ, каковымъ страдаетъ и самое изученіе протоплазмы въ V классѣ, то-есть неполнотою и несвоевременностью. Самыя причины, которыя побуждаютъ вести преподаваніе зоологіи въ восходящемъ порядкѣ, вовсе не такъ важны и значительны, чтобы ради ихъ слѣдовало непременно начинать курсъ съ протистовъ, пренебрегая всѣми трудностями, которыя приходится при этомъ одолевать и преподавателю и ученикамъ. По словамъ г. Герда (см. предисловіе къ его учебнику зоологіи) «при восходящемъ порядкѣ изложенія возможно развитіе въ учащихся основательныхъ понятій о процессахъ обособленія, интегрированія, постепеннаго раздѣленія труда въ отправленияхъ животнаго организма и проч. Только при такомъ порядкѣ возможно осмысленное пониманіе изучаемой формы и ея отношеній къ другимъ формамъ. Наконецъ только при такомъ порядкѣ возможно понятіе о древовидномъ расхожденіи типовъ. Противоположный же порядокъ, отъ высшихъ къ низшимъ, неизбежно внушаетъ ученикамъ ложныя представленія о ливейной послѣдовательности и о постепенной деградации». Въ этихъ положеніяхъ бросается въ глаза то, что здѣсь хлопочутъ о выясненіи процессовъ интегрированія, обособленія раньше, чѣмъ дано понятіе объ общемъ ходѣ развитія, хлопочутъ о выясненіи постепеннаго раздѣленія труда въ отправленияхъ организма—раньше, чѣмъ дано понятіе о

самыхъ отправленіяхъ. А что касается послѣдней причины, то-есть опасенія вызвать ложное представленіе о линейномъ расположеніи формъ, то трудно понять, почему непременно оно должно явиться, если начать съ высшихъ, и почему его удастся избѣгнуть, если начать съ протистовъ. Предполагать возможность появленія подобнаго ложнаго взгляда у учениковъ можно было, пожалуй, тогда еще, когда не были выяснены и установлены соотношенія между отдѣльными группами животнаго царства, когда не обращали вниманія на переходныя формы, когда еще эмбриологія не имѣла того значенія, какое она имѣетъ теперь. Понятно, что и теперь, если избѣгать указаній на сходныя черты, пренебрегать переходными формами и не пользоваться данными эмбриологіи, — и теперь можно легко повести дѣло такъ, что ученики неизбѣжно придутъ къ представленію о постепенной деградации и концентрическое и древовидное расположеніе формъ каждаго типа останется для нихъ неяснымъ и не спасетъ ихъ отъ этого ни восходящій, ни нисходящій порядокъ. Вся сила въ томъ, какъ излагать и на что обращать вниманіе, а не въ томъ, съ какого конца начинать. Кромѣ другихъ возраженій, которыя можно бы было привести противъ восходящаго метода, укажемъ еще на одно: естественнымъ путемъ пріобрѣтенія начальныхъ свѣдѣній изъ какой угодно области человѣческихъ знаній слѣдуетъ считать тотъ путь, которымъ шла сама наука, а это путь отъ явленій ближайшихъ, подлежащихъ непосредственному наблюденію къ явленіямъ болѣе запутаннымъ и сложнымъ. Географія и математика стали процвѣтать въ школахъ именно съ того времени, какъ вышли на эту дорогу. Почему же должно уклоняться отъ нея естествовѣдѣніе? Къ чему начинать съ труднѣйшаго, когда есть возможность избрать болѣе легкій путь? Развѣ изученіе позвоночныхъ не можетъ дать хорошаго запаса фактовъ, развѣ естественная исторія млекопитающихъ, на примѣръ, не представляетъ такихъ чертъ, которыя способны доставить матеріалъ для выводовъ и обобщеній. Наконецъ просто непрактично даже начинать съ протистовъ, потому что при этомъ пришлось бы оставить безъ вниманія тотъ матеріалъ, который имѣется уже готовымъ у учениковъ, съ которымъ они являются въ училище; всѣ они читали кое-что, кое-что видѣли сами; остается только разработать этотъ матеріалъ, главнымъ образомъ относящійся къ естественной исторіи высшихъ позвоночныхъ, придать ему надлежащее освѣщеніе и это будетъ лучшимъ началомъ для дальнѣйшаго изученія новыхъ фактовъ.

Переходимъ къ постановкѣ курса зоологін. Курсъ этотъ многіе начинаютъ съ обзора анатоміи человѣка и млекопитающихъ. Тогда зоологія является какъ бы прибавленіемъ къ курсу анатоміи, что по нашему мнѣнію нарушаетъ равновѣсіе между обоими предметами. Изученіемъ внѣшней формы тѣла и фактовъ, объясняющихъ ея особенности, не только не слѣдуетъ пренебрегать, напротивъ, ему слѣдуетъ предоставить по возможности болѣе мѣста, потому что изученіе внѣшней формы, хотя напримѣръ млекопитающихъ, даетъ въ руки хорошій матеріалъ для обобщеній, выясняя соотношеніе организаціи съ окружающими условіями, зависимость ея отъ образа жизни и постепенное видоизмѣненіе формъ тѣла, конечностей, зубовъ и т. д. параллельно съ измѣненіемъ окружающихъ условій, пищи и т. д. Млекопитающихъ вообще слѣдуетъ изучать подробнѣе, чѣмъ другіе отдѣлы позвоночныхъ потому что, во первыхъ, здѣсь существуетъ больше разнообразія во внѣшнихъ формахъ, во вторыхъ, здѣсь рѣзче замѣтна связь внѣшней организаціи съ образомъ жизни и вѣтветныхъ, потому, что млекопитающія лучше другихъ позвоночныхъ изучены со стороны образа жизни. Изъ всѣхъ четырнадцати отдѣловъ этого класса не всѣ, конечно, должны быть рассмотрѣны одинаково подробно уже потому только, что представители нѣкоторыхъ могутъ и не встрѣтиться ученику во всю жизнь, напримѣръ полуобезьяны, неполнозубыя, двуутробки, однопроходныя, но и изъ этихъ отдѣловъ нельзя совершенно игнорировать полуобезьянъ и однопроходныхъ, важныхъ по тѣмъ переходнымъ формамъ, которыя къ нимъ принадлежатъ. Что касается китообразныхъ и хоботныхъ (слонъ, тапиръ) то, хотя представители этихъ группъ тоже принадлежатъ къ формамъ не часто попадающимся, но они знакомы каждому съ дѣтства по книгамъ и рисункамъ и представляютъ поэтому богатый матеріалъ, на которомъ можно выяснитъ многое. Курсъ начинается изученіемъ обезьянъ. Очень удобно при этомъ рассмотреть одну какую-нибудь обезьяну, напримѣръ орангъ-утана и съ нимъ уже сравнитъ остальныхъ типичныхъ обезьянъ стараго и новаго свѣта (гориллу, шимпанзе, мартышку, повіана, ревуна, сапажу и уйстити). Изъ этого обзора выводятся общіе признаки и характеристика группы и становятся понятными такія особенности, какъ переимчивость (слѣдствіе строенія конечности), стадная жизнь, привязанность къ лѣсу. Полуобезьянъ (лемуръ, лори и летучій маки) не слѣдуетъ обходить потому, что у нихъ отчетливо можно замѣтить постепенное исчезновеніе обезьяняго типа по направленію къ ру-

рокрылымъ и настоящимъ насекомояднымъ. Рукокрылыя (летопырь, упань, вампиръ) представляютъ превосходный примѣръ важнаго измѣненія въ строеніи конечности, строго соответствующаго, подобно всему строенію тѣла, образу жизни. Тоже представляютъ и настоящія насекомоядныя (кротъ, ежъ, землеройка, выхухоль). Хищныя въ лицѣ своихъ представителей (кошки, собаки, гиены, медвѣдя, куницы) даютъ возможность отыскать новую путеводную нить для сравненія отдѣльных формъ: всѣ внѣшнія отличія выпадаютъ и остается строеніе зубовъ, та новая путеводная нить, которая потѣмъ, при посредствѣ переходныхъ формъ (выдра, *Enehydris*), даетъ возможность распознать истинную натуру ластоногихъ. Изъ ластоногихъ необходимо рассмотреть, по крайней мѣрѣ, тюленя и моржа. У грызуновъ, изъ которыхъ слѣдуетъ обратить вниманіе на бѣлку, суслика, сою, мышъ, хомяка, бобра, слѣпца, тушканчика, дикобраза, зайца, чекушку, лемминга и слѣпца, мы находимъ широкую и полную картину измѣненія внѣшнихъ формъ сообразно окружающимъ условіямъ: начиная съ бѣлокъ и сусликовъ и переходя постепенно къ мышамъ, бобру, кротовиднымъ грызунамъ, тушканчикамъ и зайцамъ, можно шагъ за шагомъ прослѣдить рѣзкое выраженіе приспособленій. Парнопапыя, лошадь, осель, носорогъ, тапиръ, представляющія значительное упрощеніе строенія конечности, помимо того интереса, какой они представляютъ въ качествѣ домашнихъ животныхъ, даютъ возможность выяснитъ зависимость формы конечности отъ способа ея употребленія (лошадь, осель); при этомъ дѣлается обзоръ и сравненіе конечностей группъ, рассмотрѣнныхъ раньше. Парнопапыя, свинья, пекари, бегемотъ, верблюдъ, лама, жираффа, кабарга, олень, антилопы, коровы, овцы, козы вносятъ въ имѣющійся уже запасъ признаковъ для сравненія новый признакъ: общая форма тѣла, строеніе зубовъ, конечностей оказываются недостаточными, приходится обратиться къ изученію внутренней организаціи, при чемъ связующимъ признакомъ является строеніе желудка; при этомъ дѣлается краткій очеркъ строенія кишечнаго канала вообще (человѣческаго напр.), дается общее понятіе о пищевареніи и выясняется значеніе процесса пережевыванія жвачки у *Ruminantia artiodactyla*. Киты (морская ко-рова, дельфинъ, гренландскій китъ, кашалотъ), такъ рѣзко отличающіеся своими внѣшними формами, прибавляютъ новые признаки сравненія и прежде всего строеніе скелета, которое и даетъ ключъ къ разъясненію всѣхъ уклоненій внѣшней формы ихъ тѣла, а обзоръ устройства ихъ органовъ дыханія, сравнительно съ другими млеко-

питающими, указываетъ имъ мѣсто подлѣ ластиногихъ. Скелетъ изучается сравнительно со скелетомъ человѣка и какого-нибудь другого млекопитающаго, напр. собаки, при чемъ указываются главные отличія скелета низшихъ позвоночныхъ отъ скелета человѣка. Общая картина класса дополняется обзоромъ словенъ, неполнозубыхъ (лѣпивецъ, броненосецъ, муравьеѣдъ), двуутробокъ (фалангиста, кенгуру) и однопроходныхъ (утконосъ и ехидна). При повтореніи ученики составляютъ аналитическія таблицы, или пользуются готовыми (напр. таблицами книги Лейнуса, таблицами учебника Михайлова). Классъ млекопитающихъ заканчивается обзоромъ человѣческихъ племенъ и общимъ очеркомъ анатоміи человѣка. Уже раньше, отъ времени до времени, дѣлаются бѣглыя указанія на устройство внутреннихъ органовъ человѣка, теперь все это приводится въ систему, при чемъ, конечно, имѣются въ виду существенныя и выдающіяся черты. При такомъ изученіи, очевидно, необходимо совершенно оставить тотъ путь, котораго обыкновенно придерживаются наши учебники, предлагающіе сначала только описаніе внѣшней организаціи и внѣшнихъ признаковъ отдѣловъ и классовъ и затѣмъ уже переходящіе къ изложенію анатоміи. Изученіе сначала однихъ внѣшнихъ признаковъ въ высшей степени не практично; оно успѣетъ надобѣсть очень скоро ученикамъ, да и самыя характеристики отдѣльныхъ группъ выйдутъ до крайности блѣдными и туманными. Между тѣмъ, если вводить, гдѣ слѣдуетъ, какъ признакъ, особенности внутренней организаціи, дѣло будетъ значительно разнообразиться и интересъ будетъ поддерживаться постоянно и до конца.

Птицы изучаются такъ же, какъ и млекопитающія, но теперь имѣется уже въ запасѣ извѣстный сравнительно-анатомическій матеріалъ; его-то и слѣдуетъ примѣнить къ дѣлу. Хотя и между птицами попадаются формы, которыя принадлежатъ къ числу рѣдкихъ, но такихъ группъ, которыя заключаютъ подобныя формы, немного (бѣгуны), а кромѣ того внѣшняя организація птицъ представляетъ столько однообразія, что главныя особенности птичьяго habitus легко могутъ быть схвачены на любой изъ нашихъ птицъ. На курицѣ, напр., легко изучить все, что относится къ анатоміи птицъ: скелетъ и пневматичность костей ¹⁾, распределеніе мускуловъ, строеніе яйца и т. д.

¹⁾ Пневматичность костей птицъ легко доказать слѣдующимъ образомъ: въ дыхательное горло убитой птицы вставляется плотно стеклянная трубка; другая такая же трубка вставляется въ отверстіе передолженной кости плеча. Вдувая въ

При изученіи скелета обращается вниманіе на тѣ характерныя отличія въ строеніи черепа, которыя указываютъ на сродство птицъ съ пресмыкающимися, а во внутренней организаціи — на черты, общія съ однопроходными. Знакомство съ птицами завершается пересмотромъ представителей отдѣльныхъ группъ. Для этого обзора можно выбрать изъ отдѣла плавающихъ птицъ: пингвина, топорика, гагару, чомгу, утку, гуся, фламинго, баклана, пеликана, чайку, буревѣстника; изъ отдѣла голенастыхъ: дрохву (стрепета), бекаса, кулика, вбиса, цаплю, колпицу, журавля и аиста; изъ лазуновъ: дятла, кукушку, сѣраго попугая, какаду, араса и тукана; изъ воробьиныхъ: носорога (*Buceros*), зимородка, сивоворонку, колибри, медоѣда, ласточку, стрижа, козодоя, ворону, райскую птицу, скворца, сорокопуга, ремеза, дрозда, соловья, менуру, жаворонка, воробья, снгирия, ткачика. Само собою разумѣется, что въ разныхъ группахъ воробьиныхъ птицъ рассматриваются сколько нибудь подробно только главные представители. Изъ отряда хищныхъ дневныхъ мы выбираемъ: сокола, истреба, орла, луна и коршуна; изъ ночныхъ — сову, сыча и филина; изъ отряда куриныхъ: гокко (*Gallus*), обыкновенную курицу, фазана, павлина, цесарку, тетерева, рябчика, перепела и куропатку; изъ бѣгуновъ—страуса, казуара и киви.

Пресмыкающіяся могутъ быть представлены воиолнѣ при разсмотрѣніи трехъ черепахъ: морской, болотной и сухопутной, трехъ змѣй: удава, ужа и гадюки и трехъ ящерицъ: мѣдвяницы, зеленой и крокодила. Для амфибій слѣдуетъ взять: жабу, лягушку, тритона и аксолотля; послѣдняго потому, что онъ теперь попадается почти въ каждомъ акваріумѣ, а это не послѣднее дѣло, потому что является возможность наблюдать раннею весною развитіе его яйца и превращенія головастика. Въ весеннее время картина превращеній амфибій дополняется наблюденіемъ надъ развитіемъ яйца лягушки ¹⁾. Исходною формою при разсмотрѣніи класса рыбъ берется наша какая ни-

первую трубку воздухъ, мы получимъ замѣтную воздушную струю, выходящую изъ отверстія плеча.

¹⁾ Лягушка одинъ изъ тѣхъ объектовъ, который пригоденъ въ весьма многихъ случаяхъ. Трудно найти иной объектъ, на которомъ съ такою ясностью можно бы было демонстрировать кровообращеніе, строеніе волосной сѣти, различіе между артеріей и веной и т. д. Поэтому ихъ необходимо имѣть въ запасѣ на зиму. Онѣ очень легко могутъ быть сохраняемы зимой. Для этого лягушекъ, пойманныхъ позднюю осенью, держать во мху въ подвалѣ при температурѣ около $+ 3^{\circ}$ Ц.

будь рыба. Ученики сами изучаютъ въ общихъ чертахъ ея анатомію подъ руководствомъ преподавателя. Для полнаго пониманія рыбаго типа необходимо сдѣлать указанія на рыбъ хрящеватыхъ, на рыбъ дышащихъ легкими и на ланцетника. Вообще же не бесполезно разсмотрѣть по крайней мѣрѣ слѣдующія формы: изъ рыбъ костистыхъ — окуней, летучихъ рыбъ (*Trigla*), макрелевыхъ (*Scomber*, *Thynnus*), тресковыхъ (*Gadus*, *Lota*), камбаловидныхъ (обыкновенная камбала), угрей, сельдей, щукъ, лососей, карповыхъ рыбъ, самыхъ выдающихся изъ отдѣла сростночелюстныхъ (*Orthogoriscus*, *Diodon*, *Ostration*), затѣмъ рыбъ пучкожаберныхъ (*Hyprosarpius*, *Syngnathus*); изъ хрящеватыхъ рыбъ слѣдуетъ обратить вниманіе на косоротыхъ (акулы и скаты) и эмалево-чешуйчатыхъ (осетры); наконецъ, какъ уже сказано, необходимо прибавить обзоръ рыбъ двоякдышащихъ (чешуйчатникъ); изъ круглоротыхъ необходимо разсмотрѣть миногъ и наконецъ ланцетника, какъ низшую ступень типа позвоночныхъ. Очень полезно при переспросахъ учениковъ заставлять ихъ рисовать на доскѣ все то, что они видѣли въ классѣ. Рисунокъ можетъ служить хорошимъ мѣриломъ знанія и отчетливости представленія; какъ бы ни былъ обстоятеленъ разказъ, рисунокъ, хотя и плохо сдѣланный, сразу даетъ возможность судить, вѣрно ли схвачены ученикомъ типичныя черты той формы, о которой онъ говоритъ. Обзоромъ типичныхъ рыбъ заканчивается типъ позвоночныхъ. Далѣе дѣлается краткій очеркъ процессовъ развитія куриного яйца, которое можетъ развиваться при искусственномъ назрѣваніи, и яйца лягушки и выводятся основной типъ строенія позвоночныхъ, строится схема и рассматриваются всѣ главнѣйшія усложненія этой схемы въ разныхъ классахъ типа. Аналитическія таблицы также могутъ быть при этомъ въ высшей степени полезны. Курсъ V-го класса заканчивается обзоромъ моллюсковъ, какъ группы довольно рѣзко очерченной и опредѣленной. Выключая изъ типа моллюсковъ руконогихъ, которыя по всей справедливости должны быть отнесены къ червямъ, и относя къ червямъ же и туникать, мы получимъ въ типѣ моллюсковъ: головоногихъ, брюхоногихъ и пластинчатожаберныхъ. Эти три класса могутъ быть представлены слѣдующими формами: головоногія — сепіей, осьминогомъ и корабликомъ (*Nautilus*); головастика — слизнемъ (*Limax*), геликсомъ, прудовикомъ (*Limnaeus*) и *Planorbis*’омъ; для прозобранхій достаточно взять *Paludina*, *Surgasa* и *Murex*, для килевоногихъ — каринарію; для опистобранхій — морскаго зайца (*Aplysia*); для крылоногихъ — *Clio*. Пластинчатожаберныя могутъ быть представлены устрицей (*Ostrea*),

Нупенортега—пчела, оса, муравей, ихневмонъ; для жуковъ: цинцидела, водолюбъ, плавунецъ, могильщикъ, бронзовка (*Cetonia*), майскій жукъ, часовщикъ, шпанская мушка (*Litta vesicatoria*), долгоносикъ, *Scaphisoma* и *Coccinella*; для перепончатокрылыхъ — фригавида; для прямокрылыхъ — стрекоза, эфемера, термитъ, *Gryllotalpa*, саранча и кузнечикъ; для бабочекъ—дневная, ночная (шелкопрядъ) и моль; для двукрылыхъ—муха, *Cecidomya*, блоха; для сосуновъ (*Rhynchota*) — клопъ, водяной скорпионъ, Нера, *Notonecta*, травяная вошь, головная вошь. Пауки могутъ быть взяты слѣдующіе: скорпионъ, крестовый паукъ, *Argyroneta*, тарантулъ, фаланга, клещи: собачій, чесоточный и сырпый. Для многоножекъ достаточно взять сколопендру, юлиду и *Glomeris*. Очень не бесполезно запастись съ осени куколками и личинками, которыхъ легко можно выдержать зиму въ кабинетѣ. О травяныхъ вшахъ нечего и говорить; каждому извѣстно, какъ легко онѣ уживаются на комнатныхъ растеніяхъ.

Послѣ общаго обзора суставчатоподобныхъ хорошо дать возможность ученикамъ попробовать свои силы на опредѣленіи насѣкомыхъ. Наиболѣе удобными объектами для классной работы слѣдуетъ признать бабочекъ и прямокрылыхъ; здѣсь опредѣленіе ведется по такимъ признакамъ, какъ окраска, форма крыльевъ, строеніе сяжковъ и др. Жуковъ, перепончатокрылыхъ, мухъ и т. д. слѣдуетъ избѣгать по той причинѣ, что при этомъ пришлось бы потратить много времени на отысканіе мелкихъ отличій, не вдругъ бросающихся въ глаза.

Послѣ суставчатоподобныхъ переходятъ къ червямъ. Прослѣдивъ у суставчатоподобныхъ постепенное исчезновеніе гетерономіи сегментовъ (ракообразныхъ, многоножки), удобно рассмотреть какую нибудь аннелиду. Въ нашихъ водахъ водятся *Tubifex* и *Nais*; ихъ и слѣдуетъ взять за исходныя формы. *Tubifex* вслѣдствіе своей прозрачности, а также потому, что хорошо уживается въ акваріумѣ, вполне удобенъ для этого; его легко наблюдать подъ микроскопомъ. Съ нимъ сравниваютъ дождеваго червя и морскую аннелиду (если возможно, то двухъ: свободно живущую и живущую въ трубкѣ). Затѣмъ слѣдуютъ *Gerhugena* (переходъ къ иглокожимъ), пиявки, трематоды и плоскія глисты (солитеръ, тения), затѣмъ туникаты (связь съ позвоночными) и мшанки; далѣе ротаторіи, колючеголовые черви, волосатики и наконецъ турбелляріи (переходъ къ простѣйшимъ). Типъ червей по обширности своей представляетъ безъ сомнѣнія самую трудную и объемистую часть курса и въ среднемъ учебномъ заведеніи онъ можетъ быть представленъ лишь весьма небольшимъ числомъ формъ.

Въ случаѣ недостатка времени изъ него можно даже вовсе исключить *Brosiuroda*, которыя кстатѣ совсѣмъ не встрѣчаются въ моряхъ Россіи,—тогда останутся восемь группъ; на объ одной изъ этихъ группъ умолчать невозможно: интересныя превращенія, перемѣла генераций, переселенія, размноженіе дѣленіемъ, изобиліе колоніальныхъ и колоніеобразныхъ формъ, происходящее отсюда раздѣленіе труда отправленій между отдѣльными членами колоніи и наконецъ средство многихъ группъ съ другими типами животнаго царства, все это вызываетъ болѣе или менѣе обстоятельный обзоръ этихъ главныхъ группъ.

Для иглокожихъ можно ограничиться голотуріей, плоскимъ и круглымъ ежами, настоящею морской звѣздой, офиурой и крипидой; этого вполне достаточно, чтобы представить постепенное исчезаніе двусторонней симметріи, распредѣленіе однозначныхъ членовъ около одной общей оси и рѣзко выраженную самостоятельность этихъ членовъ (дѣленіе морскихъ звѣздъ).

Въ типѣ безкишечныхъ необходимо описать: гидру, медузу, гидроида и слеранофору, изъ *Zoantharia*—нѣсколько рифныхъ коралловъ; изъ *Alcyonaria*—*Alcyonium*, горгонію, ринидогоргию, *Antipathes* морское перо (*Pennatula*) и органчикъ; изъ губокъ — известковую губку, роговую и нашу прѣсноводную *Spongilla*.

Изъ простѣйшихъ необходимо взять радиоларію, голую и панцирную корненожекъ, рѣсничную и жгутиковую инфузорій, грегариину и монеру.

Представители типовъ, перечисленные въ этомъ перечнѣ, намъ кажется, дадутъ возможность съ нѣкоторою полнотою 1) представить все богатство и разнообразіе животныхъ формъ, 2) показать взаимное отношеніе между отдѣльными формами и 3) обрисовать каждый типъ, какъ нѣчто обособленное и въ извѣстныхъ предѣлахъ самостоятельное. Опасаться, что приведенный порядокъ изложенія вызоветъ представленіе о линейномъ расположеніи животныхъ формъ едва ли возможно. Необходимо только характеризовать типичныхъ представителей настолько полно, чтобы выдавались ихъ рельефныя черты. Изслѣдуя затѣмъ измѣненія и усложненія этихъ типичныхъ особенностей у другихъ сродныхъ формъ, легко уловить съ одной стороны рядъ постепенныхъ усложненій и усовершенствованій типичныхъ признаковъ, съ другой — постепенное ихъ упрощеніе и деградацию. Дѣлая это въ предѣлахъ каждаго типа и проводя затѣмъ параллель между двумя сосѣдними типами, легко указать на то, до

какой крайней степени можетъ доходить выпаденіе всѣхъ усложненій организаціи у низшихъ формъ, до какого крайняго упрощенія можетъ простираться регрессъ организаціи въ каждомъ отдѣльномъ типѣ. Послѣ этого простое сравненіе низшихъ формъ одного типа съ высшими сосѣдняго сразу покажетъ полную невозможность рядоваго распредѣленія этихъ формъ. Какъ на примѣры такого сравненія, укажемъ на головоногихъ и ланцетника, на *Balanus* и аннелиду.

Мы позволили себѣ нѣсколько подробно остановиться на постановкѣ курса зоологіи потому, что этотъ предметъ для успѣшнаго преподаванія требуетъ несравненно больше пособій, чѣмъ ботаника и минералогія.

Преподаваніе ботаники слѣдуетъ начинать съ V класса, подобно зоологіи. Само собою разумѣется, постановка курса должна носить тотъ же характеръ, который принятъ для курса зоологіи; изученіе предмета должно и здѣсь начинаться съ болѣе простыхъ фактовъ; поэтому курсъ ботаники долженъ начаться разсмотрѣніемъ отдѣльныхъ представителей. Не задаваясь обширною программой и сложными цѣлями, въ курсѣ V класса, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ прежде всего сообщить ученикамъ тѣ факты и данныя, которыя необходимы для правильнаго наблюденія формъ растительнаго организма; ученики должны научиться видѣть тѣ особенности, которыя свойственны растенію, взятому отдѣльно, и съ этими данными они должны освоиться настолько прочно, чтобы для нихъ не было затруднительнымъ потомъ примѣнить свои знанія къ опредѣленію неизвѣстныхъ растеній по аналитическимъ таблицамъ. Поэтому въ V классѣ удобнѣе всего главное вниманіе обратить на морфологію. Съ этою цѣлью слѣдуетъ выбрать рядъ крупноцвѣтныхъ растеній и подробно разобрать ихъ въ классѣ. Само собою разумѣется, что каждый ученикъ долженъ имѣть въ рукахъ экземпляръ разбираемаго растенія. Излишне говорить, что точное знаніе морфологіи должно предшествовать всѣмъ дальнѣйшимъ шагамъ въ изученіи растительнаго организма и что преподаваніе морфологіи требуетъ большей осмотрительности со стороны учителя, чтобы, не отнимая отъ этого предмета строгаго научнаго характера, въ то же время не превратить его въ сухой перечень мелкихъ и мало интересныхъ подробностей, къ которымъ обыкновенно ученики скоро начинаютъ относиться очень легко и съ пренебреженіемъ. Все, конечно, зависитъ отъ метода изложенія, отъ порядка, въ какомъ слѣдуютъ одинъ за другимъ факты, и отъ большей или меньшей строгости въ выборѣ фактовъ, а все это въ свою очередь

зависитъ болѣе, чѣмъ гдѣ нибудь, отъ совершенно внѣшнихъ причинъ и прежде всего отъ того, какія растенія находятся подъ руками. На этомъ основаніи мы не считаемъ возможнымъ дѣлать подробныхъ указаній на тѣ объекты, которые наиболѣе пригодны для выясненія тѣхъ или другихъ морфологическихъ фактовъ. Здѣсь выборъ долженъ быть вполне предоставленъ преподавателю, такъ какъ, въ сущности, все равно, на какихъ формахъ ни выяснитъ, напримѣръ, строеніе цвѣтка, лишь бы выбранныя формы по величинѣ были удобны для разбора и не представляли рѣзкихъ уклоненій и аномалій. Мы позволимъ себѣ здѣсь набросать лишь въ общихъ чертахъ тотъ путь, который считаемъ наиболѣе удобнымъ для успѣшнаго преподаванія ботаники. Ботанику можно проходить въ теченіе всего года и нѣтъ надобности устанавливать весеннихъ и осеннихъ курсовъ, такъ какъ въ теченіе всего года можно работать надъ живымъ матеріаломъ. Осеннее и весеннее время посвящаются главнымъ образомъ изученію строенія цвѣтка, а въ глухую зиму можно изучать плоды, устройство сѣмени, почкосложеніе, расположеніе почекъ, строеніе стеблей (клубень, луковицу, корневище), пересматривать гербарные экземпляры и т. д. Въ осеннее время цвѣтуція растенія можно получать весь августъ и сентябрь; даже въ октябрѣ наша сѣверная флора еще не можетъ считаться окончательно обѣднѣвшею и до половины этого мѣсяца экскурсіи могутъ доставить еще кое-какой матеріалъ. Если при этомъ отдѣлать на ботанику въ теченіе августа и сентября три или даже всѣ четыре урока въ недѣлю, назначенные для естественной исторіи въ V классѣ, то получится осенью въ среднемъ числѣ около 25 часовъ, исключительно посвященныхъ разбору живыхъ растеній. Того матеріала, который можно добыть осенью, вполне будетъ достаточно, чтобы ученики могли на живыхъ экземплярахъ ознакомиться въ общихъ чертахъ съ главными особенностями строенія органовъ цвѣтковыхъ растеній и съ самыми важными и типичными ихъ измѣненіями. Но при этомъ главное вниманіе, по необходимости, придется обращать на строеніе цвѣтка, какъ части самой сложной и трудной, для того, чтобы впослѣдствіи по возможности меньше пришлось изучать строеніе цвѣтковъ по рисункамъ. Курсъ начинается разборомъ растенія съ простымъ и сложнымъ цвѣткомъ; выбирается такое растеніе, у котораго всѣ части, то-есть цвѣты, листья, стебель, корень ясны и хорошо замѣтны. Для этой цѣли можно взять какое нибудь крупно-цвѣтное растеніе, напримѣръ изъ сем. Cruciferae: левкой, *Erysimum*, *Tropaeolum*, *Capitata*, *Forsythia*, или изъ другихъ семействъ: *Lysimachia*,

Chelidonium, *Campanula*, *Saroparia* (последнія, конечно, въ крайнемъ случаѣ, когда нельзя достать другихъ, болѣе удобныхъ). Растеніе подробно разбирается въ классѣ. Его принимаютъ за типическое. Здѣсь устанавливается точная терминологія отдѣльныхъ частей, чтобы потомъ уже не возвращаться къ этому. Слѣдующія за тѣмъ растенія служатъ для того, чтобы изучить главныя измѣненія числа и формы отдѣльныхъ частей цвѣтка, то-есть чашелистиковъ, лепестковъ, тычинокъ и пестика. При этомъ лучше воздержаться по возможности отъ многочисленныхъ подробностей, лучше обо многихъ сторонахъ со-всѣмъ не упоминать, а обратить вниманіе на главное и наиболѣе типичное. Такимъ образомъ разсмотрѣвъ, положимъ, *Paraver*, *Campanula*, *Convolvulus*, *Geranium*, *Geum*, *Rubus* (такъ называемую испанскую малину) *Epilobium*, *Helianthus*, цвѣточный бобъ, душистый горошекъ, *Lanium album*, *Alisma*, можно выяснитъ неустойчивость въ числѣ листочковъ цвѣточнаго покрова, тычинокъ и пестиковъ и главныя измѣненія формы чашечки и вѣнчика. Крестоцвѣтныя съ одной стороны, *Campanula* и сложноцвѣтныя (*Bidens* на примѣръ) съ другой даютъ различіе между верхнимъ и нижнимъ цвѣткомъ; розоцвѣтныя и мотыльковыя выясняютъ строеніе сложнаго листа, прилистника, наконецъ весь рядъ перечисленныхъ растеній содержитъ нѣсколько примѣровъ различій въ устройствѣ пестика и всѣ почти формы со-цвѣтій. Разобравъ далѣе какое нибудь изъ лютиковыхъ растеній (*Ranunculus*), мы получимъ черезъ сравненіе съ предыдущими понятіе объ относительной важности отдѣльныхъ частей цвѣтка (чашечка, а иногда и вѣнчикъ могутъ выпадать, тычинки и пестики остаются). Послѣ этого можно перейти къ прочимъ частямъ растенія: листу, стеблю и корню. Здѣсь изучаются главныя формы простыхъ и сложныхъ листьевъ, вьющіяся и ползучіе стебли, стебли травянистые, деревянистые и кустарные, формы видоизмѣненныхъ стеблей (клубень, луковица, корневище) и главныя формы корней. Съ этимъ матеріаломъ можно уже приступить къ сравненію двухъ близко стоящихъ растеній (*Geum urbanum* и *G. strictum*, *Melilotus alba* и *M. officinalis*, *Trifolium pratense* и *T. agrarium* и т. д.) и установить принятое представленіе о родѣ и видѣ. При общемъ повтореніи все приводится въ систему, дѣлается сводъ фактовъ, добытыхъ относительно строенія листа, стебля, корня и цвѣточныхъ органовъ и указывается на общность происхожденія всѣхъ частей цвѣтка изъ листа (цвѣты *Nuzrhea alba*, цвѣты мака маховаго, прицвѣтники *Melomrugum pemozomum* и т. д.). Затѣмъ слѣдуетъ очеркъ процессовъ омыленія и начинается

изученіе плодовъ, послѣ этого изучается строеніе сѣмени; матеріаломъ служатъ сѣмена однодольныхъ (кукуруза, овесъ), хвойныхъ и двудольныхъ, послѣ чего разсматриваются вкратцѣ общія явленія проростанія. Въ концѣ года изучаются главныя семейства двудольныхъ: Papilionaceae, Cruciferae, Labiales, Compositae, Rosaceae, Scrophulariaceae, Amentaceae, Pomaceae и др. При повтореніи выводится на основаніи имѣющагося подъ руками матеріала въ существенныхъ чертахъ характеристика двудольныхъ растений и отличіе ихъ отъ растений однодольныхъ.

Курсъ VI класса обнимаетъ собою всѣхъ однодольныхъ, а изъ двудольныхъ тѣ семейства, цвѣтки которыхъ по мелкости своей представляютъ нѣкоторыя затрудненія для разбора, а также тѣ, которыя содержатъ много подраздѣленій. Курсъ VI класса будетъ обнимать собою такимъ образомъ эти группы цвѣтковыхъ растений и гистологическое строеніе растительнаго организма. Ученикамъ V класса, переходящимъ въ VI, полезно давать на каникулы задачи, которыя можно сдѣлать до извѣстной степени обязательными. Задачи, конечно, должны касаться тѣхъ морфологическихъ вопросовъ, о которыхъ была рѣчь въ теченіе года; при этомъ условіи задачи будутъ легко исполнимы и принесутъ свою долю пользы, давъ случай ученикамъ хотя и бѣгло и въ общихъ чертахъ отъ времени до времени припоминать пройденное. Задачи эти можно разнообразить, какъ угодно, что и даетъ возможность сообразоваться съ уровнемъ знаній каждаго ученика въ отдѣльности. Содержаніемъ задачъ можетъ служить весь курсъ морфологіи и все то, что было пройдено по систематикѣ растений. Болѣе успѣвшіе ученики могутъ заниматься опредѣленіемъ растений, болѣе слабые—анализомъ отдѣльныхъ цвѣтовъ, составленіемъ коллекцій цвѣтовъ, соцвѣтій, плодовъ и т. д. При началѣ года, во время повторенія пройденнаго въ V классѣ, ученики представляютъ свои задачи и отдаютъ отчетъ въ ихъ исполненіи. По большей части исполненіе задачъ оказывается настолько удовлетворительнымъ, что, наиримѣръ, анализы цвѣтовъ могутъ быть потомъ употреблены въ классѣ для демонстрацій. Въ кабинетѣ естественной исторіи С.-Петербургскаго 1-го реальнаго училища имѣется цѣлая коллекція таблицъ, содержащихъ анализы цвѣтовъ, а также небольшіе гербаріи, составленные учениками. Тѣ и другіе показываютъ ясно всю тщательность и стараніе, съ какими, по мѣрѣ силъ и возможности, ученики исполняли заданную работу. Послѣ общаго повторенія предыдущаго курса начинается обзоръ тѣхъ семействъ двудольныхъ, которыя не были

пройденъ въ предыдущемъ году: Umbelliferae, Scrophulariaceae, Caryophyllaceae, Malvaceae, Ranunculaceae и т. д. Затѣмъ переходятъ къ однодольнымъ. Цвѣты этихъ послѣднихъ придется проходить главнымъ образомъ по гербарнымъ экземплярамъ и по рисункамъ, но это не представитъ уже особаго затрудненія, потому что у учениковъ будетъ достаточный запасъ морфологическихъ свѣдѣній. Зима посвящается изученію гистологическаго строенія цвѣтковыхъ растений. Гистологию удобнѣе начинать не со стебля, а съ листа, вслѣдствіе болѣе простаго строенія этого органа. Показавъ ученикамъ разрѣзъ листа, разъединяютъ затѣмъ общепринятыми реактивами его клѣтки и изучаютъ сначала просто формы и строеніе отдѣльныхъ клѣтокъ, существующихъ въ данномъ листѣ. При демонстраціяхъ съ микроскопомъ полезно всегда класть подлѣ, на столъ, слегка набросанный рисунокъ того препарата, который показывается; ученики не сразу привыкаютъ видѣть то, что нужно; рисунокъ же позволяетъ имъ ориентироваться. Затѣмъ переходятъ къ изученію распредѣленія клѣтокъ въ разныхъ частяхъ листа (въ кожицѣ, паренхимѣ и сосудахъ) и дается понятіе о ткани. Послѣ этого уже можно перейти къ строенію стебля сначала травянистаго, потомъ деревянистаго и объяснить различіе въ строеніи стеблей однодольныхъ и двудольныхъ растений. Ученики VI класса имѣютъ уже запасъ свѣдѣній изъ химіи и физики; поэтому имъ могутъ быть сообщены главнѣйшіе факты относительно физиологической роли cadaго органа. Газовый обмѣнъ, зависимость его отъ свѣта въ зеленыхъ частяхъ растений, образованіе хлорофила и крахмала листьями, всасываніе корнями воды и растворовъ, движеніе по стеблю водныхъ массъ и силы, производящія это передвиженіе (волосность, температура, испареніе воды листьями) все это можетъ и должно быть разъяснено въ VI классѣ въ виду того обстоятельства, что многіе ученики здѣсь и заканчиваютъ изученіе естественной исторіи. Минералогія проходитъ въ V классѣ. Что касается постановки курса этого предмета, то, по нашему мнѣнію, она сдѣлана въ высшей степени удачно г. Гердомъ въ его „Учебникѣ минералогіи“ 1875—1877, изд. Тов. Общ. Пользы; къ этой книгѣ мы и отсылаемъ интересующихся этимъ предметомъ. Кристаллографія проходитъ въ VI классѣ. О постановкѣ ея см. учебникъ Герда. выпускъ 3-й.

Въ VII классѣ проходитъ физиологія животныхъ, безцвѣтковыхъ растений и физиологія растений. Такъ какъ въ реальныхъ училищахъ, въ которыхъ открытъ VII классъ, могутъ поступать юноши и изъ другихъ

реальныхъ училищъ частныхъ и казенныхъ, то само собою понятно что это обстоятельство должно придавать VII классу нѣсколько смѣшанный характеръ, потому что невозможно же ожидать, чтобы всѣ посторонніе ученики, поступающіе въ VII классъ, приносили съ собою совершенно одинакія свѣдѣнія и въ одинаковомъ объемѣ. Поэтому, при изложеніи курса физиологіи, всегда необходимо дѣлать анатомическій обзоръ каждой системы органовъ; эти анатомическіе обзоры, само собою разумѣется, должны сопровождаться разъясненіемъ гистологическаго устройства тканей, составляющихъ органы, потому что одно грубо-анатомическое изученіе органа не дастъ еще тѣхъ данныхъ, по которымъ можно разъяснить себѣ его физиологическую роль. Многие начинаютъ курсъ физиологіи животныхъ съ общихъ положеній объ общій веществъ въ организмѣ, переходятъ затѣмъ къ крови, ея составу и физиологической роли, къ питанію, выдѣленіямъ и заканчиваютъ изложеніемъ физиологіи системы органовъ движенія и первичныхъ аппаратовъ. Этотъ путь, начинающійся съ общихъ положеній, въ среднемъ учебномъ заведеніи, по нашему мнѣнію, неудобенъ: онъ нарушаетъ общій принципъ преподаванія, давая ученикамъ въ готовомъ видѣ то, что должно быть выработано ими самими. Мы предпочитаемъ поэтому вести дѣло иначе, шагъ за шагомъ, переходя отъ болѣе простыхъ явленій къ болѣе сложнымъ. Курсъ физиологіи начинается общимъ обзоромъ анатоміи человѣка, для того, чтобы освѣжить въ памяти учениковъ уже извѣстные имъ факты. На это обыкновенно уходитъ очень немного времени. При нересписахъ не бесполезно предлагать ученикамъ дѣлать сравнительные обзоры устройства какой нибудь системы органовъ человѣка съ соответствующими системами органовъ животныхъ. Это даетъ возможность довольно точно опредѣлить сумму знаній класса и вѣрно начертить планъ дальѣйшихъ занятій. Но каковы бы ни были результаты этого предварительнаго испытанія, все-таки въ курсѣ VII класса необходимо предпослать анатомическій очеркъ каждой системы органовъ изложенію ея физиологической дѣятельности, потому что для пониманія физиологической роли органа во многихъ случаяхъ требуется болѣе подробное знаніе анатоміи, чѣмъ то, которое пріобрѣтается въ курсѣ предшествующихъ классовъ.

Строго говоря, далеко не все равно, съ чего начать изученіе человеческого организма. За исходный пунктъ всего удобнѣе избрать такую систему органовъ, которая дѣйствительно могла бы потомъ служить основой при изученіи анатоміи остальныхъ органовъ. За

такую исходную точку мы выбираемъ скелеть: ему тѣло обязано своею формой, онъ служитъ опорой для органовъ движущихъ, питающихъ тѣло и т. д. Поэтому прежде всего изучается скелеть и мускулатура. При обзорѣ скелета обращается вниманіе на связь отдѣльныхъ костей и механизмъ сочлененій. Мускулатура изучается, конечно, въ главныхъ чертахъ: подробнѣе разсматриваются мускулы лица (мимика), мускулы конечностей, играющіе роль въ передвиженіи костей главныхъ отдѣловъ конечностей и мускулы грудной кѣтки. При изложеніи строенія костей необходимо обратить вниманіе на распределеніе костныхъ пластинокъ; хорошимъ объектомъ можетъ служить распиленная по длинѣ головка бедра вмѣстѣ съ шейкою и вертлюгами; тамъ, какъ извѣстно, хорошо можно видѣть сводчатое расположеніе костныхъ пластинокъ губчататаго вещества. Изложивъ гистологію костной и мускульной системы, переходятъ къ механикѣ движеній человѣка; главнымъ образомъ обращается вниманіе на механизмъ ходьбы и бѣга; затѣмъ дѣлаются сравнительныя указанія на механику движеній другихъ животныхъ: птицъ, рыбъ, суставчатоногихъ.

Дальнѣйшее развитіе курса идетъ слѣдующимъ образомъ: мышечная работа всегда сопровождается развитіемъ теплоты въ тѣлѣ и выдѣленіемъ пота; эти два явленія служатъ переходомъ къ общей картинѣ траты и возстановленія веществъ въ организмъ. Возстановленіе производится посредствомъ пищепринятія; изъ принятой пищи выдѣляется только извѣстная часть и то, что выдѣлено, всегда меньше всего количества принятой пищи, слѣдовательно произошло усвоеніе части пищи тѣломъ. Отсюда три важные процесса организма: выдѣленіе, развитіе теплоты и усвоеніе (возстановленіе).

Прежде другихъ разсматривается процессъ питанія, какъ менѣе сложный и болѣе доступный наблюденію. Сначала излагается строеніе пищеварительнаго аппарата, движеніе пищи по кишечному каналу и всѣ ея измѣненія на этомъ пути, при чемъ дѣлается обзоръ пищевыхъ веществъ: углеводовъ, жировъ, бѣлковыхъ веществъ, демонстрируется реакція крахмала на іодъ и измѣненіе свойствъ крахмала подъ влияніемъ слюны, дается общее понятіе о строеніи жировъ и ихъ распаденіи, сообщаются характерныя реакціи бѣлковъ и пептоновъ; затѣмъ излагается движеніе млечнаго сока по направленію къ кровеносной системѣ. Переходъ къ физиологіи кровеносной системы является такимъ образомъ вполне естественнымъ. Но прежде чѣмъ перейти къ органамъ кровообращенія, слѣдуетъ сдѣлать сравнитель-

ный обзоръ пищеварительнаго аппарата у животныхъ другихъ типовъ и выяснитъ тѣ главнѣйшія особенности, которыя характеризуютъ кишечный каналъ безпозвоночныхъ, то-есть постепенное исчезаніе сначала отдѣльныхъ железъ кишечнаго канала (моллюски), затѣмъ дифференцировки въ самыхъ отдѣлахъ чашки (суставчатоподібія, черви), далѣе слитіе кишечно-желудочной полости съ полостью тѣла (безкишечныя), наконецъ совершенное исчезаніе обособленныхъ пищеварительныхъ органовъ (паразитическіе черви, простѣйшіе), вслѣдствіе распредѣленія функций пищеваренія по всѣмъ частямъ тѣла. Послѣ этого обзора переходить къ органамъ кровообращенія. Здѣсь обращается вниманіе на строеніе стѣнокъ сердца, устройство сердечныхъ клапановъ, стѣнокъ, артерій и венъ. Порядокъ расположенія матеріала слѣдующій: устройство человѣческаго сердца, клапаны сердца, механизмъ сердечнаго насоса, акты сердечныхъ сокращеній, тоны сердца, давленіе крови въ артеріяхъ, кимографы, пульсъ, сфигмографы, различіе кровянаго давленія въ артеріяхъ, волосныхъ сосудахъ и венахъ, скорость кровянаго тока; затѣмъ слѣдуетъ строеніе, химическій составъ крови и опредѣленіе количества крови. При изложеніи механизма кровообращенія, очень не бесполезно бы было ввести въ обычай на опытѣ показывать измѣненіе кровянаго давленія въ разныхъ частяхъ кровеносной системы и способы его измѣренія. Но такъ какъ кимографы не мыслимы въ кабинетахъ естественной исторіи среднихъ учебныхъ заведеній, то было бы не бесполезно ввести въ употребленіе приборъ, описаніе и рисунокъ котораго даны въ недавно вышедшей физиологіи Фостера (перев. Пантелѣвой); приборъ этотъ безъ особенныхъ затрудненій могъ бы быть исполненъ средствами училища. Этотъ приборъ нами лично, впрочемъ, не былъ испытанъ, но мы позволяемъ себѣ указать на него, какъ на пособіе очень пригодное для разъясненія важнѣйшихъ деталей кровообращенія. При изученіи строенія и химическаго состава крови, необходимо имѣть нѣкоторое ея количество въ живомъ состояніи, чтобы показать на опытѣ свертываніе ея, выдѣленіе фибринъ и т. д. Точно также необходимо имѣть въ запасъ нѣсколько живыхъ лягушекъ (способъ ихъ сохраненія былъ уже указанъ выше) для того, чтобы демонстрировать кровяные шары и кровообращеніе въ перепонкѣ лапки. Сдѣлавъ затѣмъ сравнительный обзоръ органовъ кровообращенія у другихъ позвоночныхъ и безпозвоночныхъ, переходить къ лимфатической системѣ; въ общихъ чертахъ излагается строеніе лимфы, лимфатическихъ железъ и сосудовъ, затѣмъ — зубной, щитовидной железъ и селезенки.

Послѣ кровообращенія слѣдуютъ органы дыханія, излагаются анатомическія отношенія ротовой полости, глотки, зѣва и гортани, строеніе дыхательнаго горла, легкихъ, механическая сторона и химизмъ дыханія; въ заключеніе дается понятіе о спиромеріи. При общемъ обзорѣ органовъ дыханія у другихъ животныхъ, обращается вниманіе на легочное дыханіе, жаберное и трохсальное. При изложеніи устройства аппарата, производящаго голосъ у человѣка, полезно сдѣлать указанія на происхожденіе звуковъ, издаваемыхъ безпозвоночными (суставчатоногія). Затѣмъ слѣдуетъ обзоръ выдѣленій; здѣсь суммируются всѣ сюда относящіяся явленія въ процессахъ раньше уже разсмотрѣнныхъ и выводятся общій планъ строенія паренхимотозныхъ органовъ. Послѣ этого изучается строеніе и физиологія нервной системы и концевыхъ аппаратовъ. Курсъ заканчивается обзоромъ соотношеній между тканями тѣла, изложеніемъ въ общихъ чертахъ ихъ развитія изъ эмбриональныхъ клѣтокъ и раздѣленіе тканей по происхожденію; въ концѣ дается представленіе о клѣткѣ и ея измѣненіяхъ и въ общихъ чертахъ излагаются гистологическіе приемы. Такъ какъ каждая система органовъ изучалась сравнительно съ соответствующими системами органовъ животныхъ другихъ типовъ, то при повтореніи не трудно будетъ самимъ ученикамъ подмѣтить, что въ извѣстномъ ряду организмовъ (у простѣйшихъ) всѣ отправления распредѣлены равномерно по всѣмъ частямъ тѣла и вовсе не замѣчается никакихъ обособленныхъ органовъ; далѣе, что въ появленіи отдѣльныхъ органовъ, снабженныхъ опредѣленною функціей, существуетъ извѣстная постепенность и мало по малу въ различныхъ типахъ развивается тотъ или другой планъ устройства, то или другое распредѣленіе жизненныхъ функцій по отдѣльнымъ аппаратамъ. Такимъ образомъ они вѣрнѣе и ближе подойдутъ къ пониманію постепенной дифференцировки, постепеннаго усложненія въ организаціи той безконечно громадной массы существъ, которая составляетъ животный міръ.

Физиологія растений въ VII классѣ не должна, по нашему мнѣнію, заключать только одно изложеніе процессовъ, совершающихся въ растительномъ организмѣ. Подобно тому, какъ въ курсѣ физиологіи человѣка, удобнѣе начинать съ описанія формы и строенія аппарата, такъ и въ курсѣ физиологіи растений, морфологическія данныя должны занимать извѣстное, далеко не послѣднее мѣсто, въ виду того, что курсъ этотъ предлагается ученикамъ, хотя и знакомымъ уже нѣсколько съ морфологіей, но не настолько подробно, чтобъ вовсе

не нуждаться въ повтореніи и дальнѣйшемъ разъясненіи извѣстныхъ уже имъ фактовъ. Наша программа слѣдующая. Мы начинаемъ изучать растеніе съ перваго момента проявленія въ немъ жизненной дѣятельности, именно съ проростанія. Опыты надъ проростаніемъ еще возможны въ осеннее время. Изучивъ всѣ явленія, сюда относящіяся, мы выводимъ различія между сѣменемъ и спорой и сравниваемъ растительные организмы, происходящіе изъ сѣмени и споры; оказываются двѣ типичныя группы: въ одной осевыя растенія, въ другой — слоевцовыя. Сдѣлавъ общій обзоръ внѣшнихъ признаковъ осевыхъ растеній, находимъ и между ними двѣ группы: группу цвѣтковыхъ и группу безцвѣтковыхъ. Безцвѣтковыя, какъ слоевцовыя, такъ и осевныя, изучаются отдѣльно, такъ какъ морфологія ихъ не была пройдена въ VI классѣ. Ихъ удобно отложить до весны; осенью же можно заняться исключительно цвѣтковыми растеніями. Имѣя передъ собою разившееся изъ сѣмени молодое растеніице, продолжаемъ изучать явленія, которыя въ немъ происходятъ, и прежде всего питаніе, то-есть всасываніе, движеніе воды по стеблю, строеніе почвы и тѣ вещества, которыя потребляются растеніемъ въ видѣ растворовъ; далѣе переходимъ къ процессу обмѣна газовъ. Такимъ образомъ рассмотрѣны процессы, слѣдствіемъ которыхъ бываетъ накопленіе въ растеніи питательнаго матеріала, увеличеніе въ вѣсѣ и ростъ. Послѣ этого слѣдуютъ процессы, наступающіе только тогда, когда питаніе достигло извѣстнаго предѣла, обусловливающаго нѣкоторый избытокъ вещества; эти процессы — цвѣтеніе, опыленіе и плодоношеніе — заканчиваютъ циклъ жизненныхъ явленій въ растительномъ организмѣ. Но картина эта была бы неполна, еслибы не были выяснены отношенія физическихъ дѣятелей къ процессамъ растительнаго организма, еслибы не было указано вліяніе на растенія свѣта, тепла и т. д. Эти дѣятели должны быть изучены по отношенію къ растенію, должно быть указано вліяніе свѣта на процессъ ассимиляціи, вліяніе теплоты на дѣятельность различныхъ органовъ растенія. Сообразно этому плану, программа курса физиологіи слѣдующая:

1) Проростаніе. Строеніе бѣлковыхъ и безбѣлковыхъ сѣмянъ; проростаніе, роль сѣмядолей. Измѣненія, наблюдаемыя въ проростающемъ сѣмени; проростаніе въ темнотѣ и подъ вліяніемъ свѣта; направленіе стеблевой и корневой частей, различіе между сѣменемъ и спорой. Причины, вліяющія на направленіе роста стебля и корня. Данныя въ пользу зависимости роста стеблевой и корневой частей отъ силы тя-

жести; опыты Найта. Свойства тѣни кожицы, паренхимы и сосудистыхъ пучковъ и вліяніе ихъ на направленіе роста стебля и корня.

2) Общее описаніе растительнаго организма. Стеблевья и слоевочья растенія. Ихъ существенныя различія. Цвѣтковыя растенія. Отличіе стебля и корня; боковыя разчлененія стеблевой части: листь, его строеніе и отличительныя морфологическіе признаки; почка, расположеніе почекъ, листьевъ и вѣтвей на стеблѣ.

3) Питаніе. Объясненіе процесса всасыванія воды изъ почвы корневыми мочками. Переходъ воды въ стебель, движеніе воды по стеблю; опредѣленіе степени поднятія воды дѣйствіемъ корня и силами, дѣйствующими въ стеблѣ; путь, по которому движется въ стеблѣ вода; роль листьевъ въ процессѣ движенія воды по стеблю; движеніе воды въ стеблѣ подъ одновременнымъ дѣйствіемъ стебля, корня и листьевъ. Измѣненіе состоянія растенія, зависящее отъ уклоненій, наблюдаемыхъ въ дѣятельности стебля, корня и листьевъ. Строеніе почвы; вращиваніе растеній въ растворахъ солей; значеніе органическихъ и неорганическихъ веществъ для растенія.

4) Обмѣнъ газовъ. Движеніе газовъ въ растеніи и опыты для доказательства проницаемости различныхъ частей растенія для газовъ; обмѣнъ газовъ въ зеленыхъ частяхъ растеній въ темнотѣ и подъ вліяніемъ свѣта, различіе между дыханіемъ и ассимиляціей.

5) Цвѣтеніе. Строеніе и расположеніе цвѣтвъ, цвѣтень, сѣмяпочка. Опыленіе, перекрестное опыленіе, роль насѣкомыхъ въ процессѣ опыленія; отношеніе цвѣтневой трубки къ сѣмяпочкѣ. Образованіе плода. Растрескивающіеся и не растрескивающіеся плоды.

6) Дѣйствіе свѣта на растенія. Гелиотропизмъ; вліяніе свѣта на листья; хлороза, вліяніе свѣта на цвѣты; участіе свѣта въ процессѣ ассимиляціи.

7) Вліяніе теплоты на растенія. Вліяніе замораживанія; зимнее состояніе растеній; весеннее пробужденіе дѣятельности растенія.

8) Строеніе тканей растенія. Строеніе стебля (кора, камбій, древесина, сердцевина). Ткани растеній; кожица, сосудистыя пучки, паренхима. Растительная, клѣтка (оболочка ея, протопласма, ядро и ядрышко; кристаллы, крахмаль, хлорофиллъ).

Безцвѣтковыя растенія проходятся также, какъ и высшія, то-есть на отдѣльныхъ представителяхъ. Для напоротниковъ избирается нашъ *Pteris*, для хвощей—обыкновенный хвощъ, для плауновъ—*Lycopodium* и *Isocetes*, для харъ обыкновенная *Chara*, для лишайниковъ *Ramelia*,

Usnea, Cetraria, для водорослей одноклѣтчатыхъ Vaucheria, для нитчатыхъ Ulothrix, для морскихъ водорослей Fucus. Грибы могутъ быть представлены слѣдующими формами: Peronospora infestans, Thillities Caries, Agaricus, трюфель, какой-нибудь представитель миксомицетовъ, бродильный грибокъ, бактерія; для мховъ берется одна форма изъ листовидныхъ и одна изъ печеночныхъ; для Rhyzocarpeae берется Salvinia.

Таковъ, по нашему мнѣнію, матеріаль, достаточный для изученія главныхъ фактовъ біологическихъ наукъ. Сообразно этому перечню представителей, и долженъ быть составленъ кабинетъ естественной исторіи въ реальныхъ училищахъ.

И. Кричагинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

О НАЧАЛАХЪ ХРИСТІАНСКАГО ВОСПИТАНІЯ.

Слово въ день восшествія на престолъ Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Николаевича ¹⁾.

Будите вы совершенны, якоже Отецъ вашъ небесный совершенъ есть. (Мате. 5, 48).

Благочестивѣйшій Государь нашъ въ послѣднее пребываніе Свое въ Москвѣ призывалъ всѣхъ насъ къ содѣйствію, „чтобъ остановить заблуждающуюся молодежь на томъ пагубномъ пути, на который люди неблагонадежныя стараются ее завлечь“.

Этотъ милостивый призывъ есть знаменательная историческая черта нашего времени. Исторія отдастъ справедливость великимъ преобразованіямъ, совершеннымъ Александромъ II въ нашемъ отечествѣ, но она также отмѣтитъ и то, что Великій Преобразователь скорбѣлъ о неспособности многихъ изъ не лишенныхъ образованія молодыхъ людей Его времени понять Его великія предначертанія для блага отечества. Исторія отмѣтитъ Его вѣрный, глубокій взглядъ на умственное и нравственное состояніе нашей современной молодежи. Онъ находитъ наилучшій способъ вразумленія ея не въ преслѣдованіи со стороны власти, не въ карахъ правосудія, а въ средствахъ разумнаго

¹⁾ Произнесено въ Московскомъ большомъ Успенскомъ соборѣ преосвященнымъ Амвросіемъ, епископомъ Дмитровскимъ.

убѣжденія. Ему жаль нашу даровитую, горячую русскую молодежь, сбиваемую съ пути, и Онъ хочетъ облегчить ея вивовность, признавая ее во всеуслышаніе жертвой людей неблагопамѣренныхъ. Онъ призываетъ родителей, наставниковъ, воспитателей, писателей и всѣхъ гражданъ русской земли спасать отъ увлеченій нашу заблуждающуюся молодежь, такъ какъ въ ней гибнутъ молодыя силы, столь нужны для блага и преуспѣянія нашего отечества, нынѣ поставленнаго на путь всесторонняго развитія и преуспѣянія.

Чѣмъ же мы можемъ и должны отозваться на это истинно-отеческое слово великаго Государя нашего? Заботливою и усердною дѣятельностью по данному намъ указанію.

Въ рукахъ истинно-просвѣщенныхъ и опытныхъ руководителей много способовъ дѣйствовать на молодыхъ людей, но главный способъ, безъ котораго всѣ остальные беспильны, есть безъ сомнѣнія воспитаніе. Здравое воспитаніе поставитъ на прямую дорогу дѣтей и отроковъ, изъ которыхъ молодежь выходитъ. Вѣрныя сужденія о воспитаніи и счастливые опыты его вразумятъ и многихъ юношей по самому возрасту своему еще способныхъ перевоспитать и довоспитать себя. Изъ юношества, здраво воспитаннаго, явятся повые отцы и матери на смѣну тѣхъ, которые неисправимы и старѣютъ въ своихъ заблужденіяхъ, поддерживаемыхъ пороками.

Печальные опыты послѣдняго времени убѣдили насъ, что намъ необходимо озаботиться установленіемъ здоровыхъ и единообразныхъ началъ воспитанія. Начала воспитанія ложныя искажаютъ и развращаютъ народъ; начала разнообразныя и противорѣчивыя раздѣляютъ и разлагаютъ его, лишая его цѣлости, единомыслія и единодушія. Но какъ намъ согласиться въ началахъ и основныхъ приемахъ воспитанія? Невообразимая, ни въ одвомъ народѣ невиданная рознь въ возрѣвнѣхъ и сужденіяхъ губитъ всякое наше отечественное дѣло и приводитъ въ отчаяніе самыхъ благопамѣренныхъ и здравомыслищихъ русскихъ людей. Мы боимся, что наши люди науки и объ этомъ неотложномъ вопросѣ на много лѣтъ поднимутъ пренія безъ надежды соглашенія. А время уходитъ, молодежь наша не перестаетъ быть жертвою людей не благонадежныхъ.

Что же намъ дѣлать? Одно спасеніе—обратиться къ просвѣщеннымъ семействамъ, сохранившимъ еще, болѣе, или менѣе, христіанское настроеніе и знающимъ по опыту благотворность христіанскихъ началъ воспитанія. Пусть они, эти христіанскія избранныя семейства, возвысятъ свой голосъ за дѣтей Русской земли; покажутъ у себя при-

мѣръ какъ истинно-христіанскаго воспитанія дѣтей, такъ и огражденія ихъ отъ вліянія пишущихъ и преподающихъ лжеучителей, губящихъ наше отечество; ихъ голосъ поддержать тысячи семей, живущихъ безъ образованія въ простотѣ вѣры и также страдающихъ отъ развращенія своихъ дѣтей духомъ времени; ихъ голосъ поддержитъ весь народъ Русскій, уже чувствующій тяжкія послѣдствія современнаго развращенія нравовъ, но, по милости Божіей, еще живущій духомъ вѣры и благодати Христовой.

Но здѣсь чрезвычайно важно одно условіе, именно чтобы просвѣщенные христіанскія семейства имѣли сами разумное, сознательное и твердое убѣжденіе, что христіанскія начала воспитанія суть единственно вѣрныя и надежныя. Они должны быть вооружены яснымъ пониманіемъ достоинства хранимыхъ ими началъ противъ нападений нашихъ современныхъ философовъ. На нихъ посыплются (какъ и прежде это было, когда насъ еще только совращали съ пути) замѣчанія, что правила и приемы христіанскаго воспитанія, дѣйствовавшіе у насъ въ теченіе тысячи лѣтъ, пропитаны буквализмомъ, мертвою обрядностью, лишены разумныхъ (раціональныхъ) началъ, и не даютъ дѣтямъ надлежащаго развитія, лишаютъ ихъ свободы мысли, порождаютъ одностороннихъ аскетовъ, отличающихся духомъ нетерпимости, и пр.

Въ отвѣтъ на это родители-христіане могутъ противопоставлять не только собственный опытъ сердца и жизни, но и прямые доказательства, что христіанская буква и обрядность имѣютъ глубочайшій смыслъ, что христіанскіе приемы воспитанія имѣютъ въ своемъ основаніи глубочайшія раціональныя начала, которыхъ искали, но до которыхъ не могли домыслиться истинные философы древности, и которыхъ не понимаютъ только лжефилософы нашего времени.

Постараемся объяснить это. Но и здѣсь представляется затрудненіе: предметъ отвлеченный; нужно нѣкоторое напряженіе мысли, а мыслить крѣпко и самостоятельно мы не привыкли. Отъ того, скажемъ къ слову, мы и дѣлаемся легкою добычей всякаго лжеученія, и попадаемъ въ руки всякому заѣзжему проповѣднику.

Наши новые философы не видятъ, или не хотятъ видѣть, что христіанство есть не только Божественное откровеніе, но и совершеннѣйшая философія. Еще за полторы тысячи лѣтъ говорили люди мыслящіе, что „душа человѣческая отъ природы христіанка“. Христіанство принимаетъ человѣка какъ онъ есть, съ его природой, свойствами, законами мышленія и дѣятельности, и по этимъ именно за-

конамъ его воспитываетъ для временной и вѣчной жизни, исправляя худое, восполняя недостающее. Оно не прививаетъ къ человѣку ничего несвойственнаго его природѣ, не даетъ ему иного назначенія, не употребляетъ средствъ произвольныхъ, не вызываемыхъ существенною необходимостью. Поэтому начала и приемы христіанскаго воспитанія суть прежде всего начала философскія, то-есть требуемыя природой человѣка; потомъ христіанскія, то-есть сообщающія нашей природѣ то, чего ей недостаетъ въ ея настоящемъ состояніи.

Что такое воспитаніе?

Въ обширномъ смыслѣ, воспитаніе есть постепенное возведеніе живаго существа къ возможной для него полнотѣ совершенства и благосостоянія, чрезъ правильное развитіе его силъ и способностей. Изъ этого общаго понятія видно, что для правильнаго воспитанія человѣка, какъ и всякаго живаго существа, требуется, во-первыхъ, ясное понятіе о совершенствѣ, которое для него желается, во-вторыхъ, о средствахъ наиболѣе вѣрныхъ для достиженія совершенства, наконецъ, в-третьихъ, о плодахъ развитія или ожидаемомъ благосостояніи воспитанника.

Всѣ эти условія воспитанія существенно необходимы. Безъ яснаго понятія о человѣческомъ совершенствѣ воспитаніе пойдетъ по способу хожденія слѣпыхъ—ощупью; безъ увѣренности въ средствахъ—съ колебаніями, нерѣшительностію и робостію; безъ понятія объ истинномъ благосостояніи воспитанника—воспитаніе пойдетъ не для его блага, а въ удовлетвореніе только предположеній и мечтаній родителей, или въ исполненіе любимой теоріи воспитателей.

Первое условіе или понятіе о совершенствѣ человѣческомъ иначе называется идеаломъ или первообразомъ человѣческаго совершенства. Недавно еще у насъ была проповѣдуема теорія воспитанія безъ великихъ идеаловъ и предвзятыхъ понятій о совершенствѣ, но скоро дѣти, возрастающія подъ руководствомъ только своей природы, показали въ себѣ развитыми наиболѣе ея недостатки, и отличались преимущественно пороками. Сознались современныя мыслители въ необходимости идеаловъ и растерялись въ искаціи ихъ.

Подъ вліяніемъ матеріалистическихъ понятій, что религія есть собраніе суевѣрій, а нравственность—совокупность безсодержательныхъ правилъ и обычаевъ, и что истинное совершенство человѣка состоитъ только въ знаніи,—новые мыслители усиленно, не давая опомниться, гонятъ нашихъ юношей и дѣвицъ къ многознанію, воображая въ будущемъ наше отечество въ блескѣ научнаго образованія и всевозмож-

ныхъ усовершенствованій. Знанія распространяются; специальности размножаются до безконечности; число специалистовъ даровитыхъ и бездарныхъ, свѣдущихъ и несвѣдующихъ, увеличивается съ каждымъ днемъ; но вмѣстѣ съ ними умножается и число людей, у которыхъ видимо не обработано сердце; щекотливость самолюбія замѣняетъ чувство чести и человѣческаго достоинства; страсти не сдержаны; своеволие не обуздано. Ясно, что въ нихъ не воспитаны цѣлыя обширныя стороны души человѣческой; природа даетъ себя знать. Стало быть идеаль не полонъ.

Понявъ эту односторонность стали налегать на развитіе чувства красоты, на художественное образованіе, полагали что полюбивъ прекрасное человѣкъ и самъ сдѣлается прекраснымъ. Но эта надежда не оправдывается. Опытъ показалъ, что и любя прекрасное, человѣкъ самъ можетъ быть безобразнѣ собственныхъ своихъ произведеній. Здѣсь не досмотрѣно одно важное обстоятельство, что сдѣлать самого человѣка прекраснымъ такъ же трудно, какъ образовать изъ куска крѣпкаго мрамора прекрасную статую.

Нашли еще идеалы—въ великихъ характерахъ, созданныхъ фантазіей драматурговъ и другихъ поэтовъ, и въ историческихъ личностяхъ новаго и стараго времени. Но, во первыхъ, надо воспитывать цѣлыя народы, а произведенія поэтовъ и великіе люди исторіи, вопреки всѣмъ усиліямъ любителей просвѣщенія, народнымъ массамъ много если будутъ извѣстны только по именамъ. Наука дорога, а имъ впору добывать себѣ насущный хлѣбъ. Далѣе, не у всякаго человѣка достанетъ силъ на великое: что же дѣлать людямъ, обладающимъ малою долей силъ и талантовъ? Наконецъ во всѣхъ великихъ личностяхъ, историческихъ и вымышленныхъ, есть односторонности и недостатки: подражаніе полное повторить въ подражателяхъ недостатки образцовъ, а забота объ избѣжаніи ихъ недостатковъ подорветъ въ подражателяхъ благоговѣніе къ нимъ. Въ послѣднемъ же развитіи этой теоріи будетъ созданіе новой язической мифологіи, съ преступными героями и безнравственными богами.

Гдѣ же идеаль истинный, объемлющій всю природу человѣка во всей полнотѣ и въ нескончаемомъ ея развитіи, всѣмъ близкій и для всѣхъ доступный, легко познаваемый, дающій слабому малое, сильному великое, достолюбезный, всѣхъ къ себѣ влекущій и всѣхъ удовлетворяющій? Такой идеаль одинъ,—это Богъ христіанскій: Будите вы совершенны, якоже Отецъ вашъ небесный совершенъ есть. Ему-то, несозданному, обрадовался, когда услышалъ благоговѣ-

стіе о Немъ, испробовавшій всѣ созданныя идеалы, древній міръ языческой или—что тоже—міръ философскій. Но такъ какъ человѣкъ поврежденный во всѣхъ основахъ своей природы не могъ самъ собою возвыситься къ Богу не видимому и войти въ общеніе съ Нимъ, то Богъ послалъ въ міръ во плоти Сына Своего Единороднаго (Гал. 4, 4), Который взываетъ: Приидите ко Мнѣ вси (Матѣ. 11, 28), видѣвый Мене видѣ Отца (Іоанн. 14, 9). И вотъ Онъ представляется намъ и нынѣ стоящимъ предъ новыми врагами Своими, какъ стоялъ нѣкогда предъ Іудеями и вопрошающимъ: много добрыхъ дѣлъ показалъ Я вамъ отъ Отца Моего, за которое изъ нихъ хотите побить Меня камнями? (Іоанн. 10, 32), Только гордость фарисейская и самообольщеніе эллинское могутъ отрицать всесовершеннѣйшія свойства этого идеала и родство Его съ душою человѣка. Укажите въ человѣкѣ самое высшее требованіе природы, которое бы въ Немъ не находило удовлетворенія; вообразите самое высшее совершенство, котораго бы въ Немъ не было. Онъ есть сама истина, любовь, благодать, чистота, правда, безкорыстіе, самоотверженіе, трудолюбіе, терпѣніе, мужество,—но кто исчислитъ всѣ Его совершенства? Развѣ то въ Немъ не по духу нашего вѣка, что въ Немъ нѣтъ страстей, которыми бы мы могли себя оправдывать и Онъ не потворствуетъ имъ, что Онъ беззаконія не сотвори, ниже обрѣтется лести въ устѣхъ Его. (Ис. 53, 9).

Къ нему приводятъ, предъ Него ставятъ христіанскіе родители своихъ дѣтей въ томъ священномъ училищѣ, которое называется церковію. Здѣсь воспитаніе идетъ по всѣмъ законамъ человѣческаго развитія. Сначала чрезъ чувства—посредствомъ впечатлѣній. Какъ красоты природы въ главныхъ чертахъ человѣкъ узнаетъ и начинаетъ любить раньше всякой науки, знакомыя съ нею посредствомъ простаго созерцанія и опытовъ дѣтства, такъ и въ церкви приобрѣтаются первыя представленія о Богѣ, самыя раннія и наиболѣе важныя въ жизни человѣка, чрезъ созерцаніе изображеній, дѣйствій, символовъ, указывающихъ на міръ духовный. Мать, предметъ всей любви и нѣжности дитяти, стоитъ съ благоговѣйнымъ выраженіемъ лица и молится предъ иконою Спасителя; дитя посмотритъ то на нее, то на образъ, и не нуждается въ длинныхъ объясненіяхъ того что это значитъ. Вотъ первый безмолвный урокъ богопознанія. Дитя въ храмѣ: благолѣпіе храма, освѣщеніе, свѣтлыя облаченія священнослужущихъ, пѣніе и безмолвное предстояніе молящихся, обращенныхъ къ алтарю, священныя дѣйствія, отсутствіе предметовъ обыденной жизни, за-

прецненіе неблагоговѣйныхъ движеній, требованіе вниманія къ чому-то высшему, особенному—это уроки благоговѣнія предъ Богомъ, которыхъ не замѣнитъ никакая краснорѣчивая рѣчь законоучителя. При этихъ урокахъ нельзя замѣтить минуты, съ которой открывается въ дѣтяхъ пониманіе что читается и поется въ храмѣ; мы знаемъ только, что любили нашего Спасителя еще задолго до уроковъ закона Божія потому что часто слышали повѣствованія о Немъ, много Ему молились, лобызали Его Евангеліе, плакали о Немъ при чтеніи Его страданій и радовались всѣмъ сердцемъ празднуя Свѣтлое Воскресеніе. Этого обилія благодатныхъ вліяній и самой благодати Божіей лишаются родители своихъ дѣтей ненося ихъ въ храмъ для приобщенія св. таинъ и не приводя въ раннемъ возрастѣ въ церковь по тому пустому предлогу, что дитя ничего не понимаетъ; какъ будто только одинъ анализирующій разумъ есть проводникъ всѣхъ вліяній, дѣйствующихъ на развитіе человѣка. Здѣсь собственно воспитывается религиозное чувство, главный двигатель духовной жизни. Потеря этого времени и этого способа развитія сердца есть потеря невознаграждаемая. Послѣ дитя и отвлеченныя понятія усвоивать будетъ, и уроки твердить станеть, но сердце, которымъ овладѣли уже инныя впечатлѣнія и склонности, будетъ тупо и глухо къ впечатлѣніямъ духовнымъ.

Дальнѣйшее воспитаніе, сообщаемое церковью, точно также рационально. Не легко душу человѣка, отсюду окруженную земными предметами и непрестанно вызываемую въ міръ ви́шній, возвести въ міръ духовный и приучить внутренно чаще къ нему обращаться и жить въ немъ. Для этого мало заставить дѣтей по два часа въ недѣлю слушать школьные уроки закона Божія, оставляя ихъ затѣмъ на все время на жертву всякимъ вліяніямъ, безъ предостерегающаго напоминанія о Богѣ. Церковь поступаетъ не такъ. Она обязываетъ своихъ учениковъ съ ранняго дѣтства, съ самаго обученія грамотѣ, дня не проводитъ безъ чтенія слова Божія, не опускаетъ ни одного праздничнаго Богослуженія, не обращать домашней молитвы въ минутный безсознательный обрядъ, не пренебрегать урочными временами, въ которыхъ запрещаются удовольствія и развлеченія, душа сосредоточивается въ себѣ и обсуждаетъ свое нравственное состояніе. Все это намъ самимъ нинѣ трудно. Намъ самимъ желательно, чтобы насъ не обязывали ни къ какому духовному труду, чтобы у насъ былъ вѣчный праздникъ со всѣми увеселеніями, чтобы намъ разрѣшили спектакли и на Страстной недѣлѣ и никто бы ничѣмъ не тревожилъ на-

шей совѣсти.. Лѣнясь сами, мы отъ всѣхъ благочестивыхъ упражненій, какъ излишнихъ, освобождаемъ и дѣтей своихъ. За то и пожинаемъ что сѣемъ, и оправдывается надъ нами слово Спасителя: собираютъ ли съ терновника виноградъ или съ ренейника смоквы? (Матѣ. 7, 16).

Нѣтъ надобности распространяться о дальнѣйшихъ приѣмахъ религіознаго образованія, употребляемыхъ церковью. Заложивъ въ душахъ дѣтей и отроковъ чувство благочестія первоначальнымъ воспитаніемъ, оно открываетъ молодымъ людямъ всѣ источники знаній подъ охраною вѣры, приучая ихъ къ употребленію свободы подъ наблюденіемъ нравственнаго закона. Правила церкви для возрастнаго христіанина: все испытывайте, хорошаго держитесь (1 Сол. 5, 21), все мнѣ позволительно, но не все полезно (1 Кор. 10, 23). Она ставитъ закономъ одно основное начало знанія и жизни: все отъ Бога исходитъ и къ Богу возвращается. Истинный питомецъ церкви видитъ Бога въ исторіи домостроительства нашего спасенія, въ исторіи міра, въ природѣ, въ опытахъ своей жизни, а главное чувствуетъ Его въ своемъ сердцѣ; предъ Нимъ трудится, скорбитъ и радуется, отъ Него всего надѣется, съ Нимъ живетъ и къ Нему отходитъ по смерти. Съ какимъ же инымъ идеаломъ человекъ можетъ внутренно такъ сдружиться и быть неразлучно, въ какомъ другомъ идеалѣ можетъ почерпнуть столько внутренняго успокоенія, вдохновенія и силы?

Вмѣстѣ съ выясненіемъ въ сознаніи воспитанника высочайшаго первообраза человѣческаго совершенства церковь принимаетъ мѣры и къ направленію его дѣятельности, согласно съ совершенствами первообраза. Такъ должно быть по требованіямъ и всякой науки о человекѣ, къ какому бы философскому направленію она ни принадлежала. Но никакая педагогія не обладаетъ такими средствами или приѣмами для направленія человека къ совершенству, какими владеетъ церковь.

Внутренняя жизнь человека есть тайна. Мы можемъ говорить воспитаннику, учить, совѣтовать, но что происходитъ въ его духѣ вслѣдствіе нашихъ убѣжденій, мы не можемъ знать если онъ самъ этого не откроетъ, да еще и въ силахъ ли онъ самъ объяснить что въ немъ происходитъ? Притомъ, всѣмъ нашимъ влияніямъ становится, такъ сказать, на дорогѣ особая способность человека, составляющая величайшее его преимущество, но вмѣстѣ и величайшее затрудненіе для воспитателей—это его свобода. Можно наклонить его свободу по нашему желанію хитростію, оболъщеніемъ, но онъ скоро пойметъ, и

найдя себя обманутымъ, потеряетъ къ намъ довѣріе. Его можно принудить дѣлать то, чего мы желаемъ, но онъ внутренно будетъ намъ противиться, и сдѣланное по насилію не признаетъ своимъ. Кто можетъ войти въ душу человѣка и привести все въ ней въ порядокъ, заставить ее думать, желать, дѣлать все такъ какъ мы полагаемъ лучшимъ для ея блага? Никто, кромѣ Бога Сердцевѣдца. Ему-то, познавшему дѣтьми христіанскими отъ рожденія, церковь и поручаетъ воспитаніе ихъ, оставляя каждого изъ нихъ на попеченіе неотлучнаго приставника, недремлющаго наблюдателя—ихъ собственной совѣсти.

Что такое совѣсть? По наблюденіямъ психологическимъ, она есть чувство жизни духовной, подобное чувству жизни физической, какое мы имѣемъ въ нашемъ тѣлѣ. Это чувство свидѣтельствуетъ о правильномъ, гармоническомъ настроеніи нашего духа и расширеніи его жизни, когда мы дѣлаемъ добро, и о разстройствѣ, стѣсненіи, страданіи, когда мы дѣлаемъ зло, подобно тому какъ чувство жизни въ тѣлѣ даетъ намъ знать тепло ему или холодно, больно оно или здорово. Смущеніе дитяти, уличеннаго во лжи, краска стыда на лицѣ дѣвicy при появленіи соблазна—вотъ самыя первыя проявленія совѣсти, свидѣтельствующей о нравственномъ замѣшательствѣ или разстройствѣ души. Самыя страшныя потрясенія совѣсти испытываетъ певинная молодость при первомъ паденіи. Опыты утѣшенія совѣсти при добромъ дѣлѣ также начинаются въ душѣ нашей весьма рано, и никогда ее не покидаютъ. Отсюда видно въ чемъ заключается тайна нравственнаго воспитанія. Она состоитъ въ томъ, во-первыхъ, чтобы сохранить въ воспитанникѣ совѣсть чистою, то есть, чуткою, бодрою, вѣрно показывающею нравственныя состоянія души, и самую душу охранить отъ разстройства, или немедленно возстановлять послѣ разстройства, чтобы дать юному человѣку почувствовать внутреннее благосостояніе, приобретаемое исполненіемъ нравственнаго закона, или, иначе, познакомить его съ духовнымъ опытомъ. Въ этомъ опять единственно безошибочною и благонадежною руководительницею является церковь.

Великія усилія она употребляетъ, чтобы прежде всего просвѣтить, или, такъ сказать, вывѣрить совѣсть своихъ сыновъ юныхъ и возрастныхъ, чтобы она была безошибочнымъ показателемъ преступленія и добродѣтели отъ самаго зарожденія ихъ въ мысли и неясной мечтѣ до послѣдняго осуществленія на дѣлѣ. Для этого непрестанно при богослуженіяхъ въ чтеніяхъ и пѣнопѣніяхъ преподается ученіе

о Богѣ всесовершенномъ и всеправедномъ, ненавидящемъ грѣхъ и любящемъ добродѣтели, предлагаются описанія преступленій и подвиговъ добродѣтели и повѣствованія о грѣшникахъ, наказанныхъ, или помилованныхъ и праведникахъ блаженствующихъ; возносятся умиленные молитвы о прощеніи нашихъ согрѣшеній и избавленіи отъ соблазновъ и искушеній. Сюда направлены всѣ правила о говѣніи, всѣ законоположенія объ исповѣди и приобщеніи. Здѣсь дитя вмѣстѣ съ родителями и всѣми христіанами непрестанно поставляется со своею совѣстію предъ Богомъ—ни для кого невидимо, но для Него понятно; здѣсь, говоря современнымъ языкомъ, совершается тотъ медленный процессъ, не передаваемый ни въ какомъ краснорѣчивомъ урокъ, процессъ раздѣленія въ нашемъ сознаніи двухъ присущихъ намъ природъ, или двухъ челоуѣковъ—ветхаго и новаго, добраго и злаго, и не только предлагается нашей свободѣ выборъ направленія жизни, но и прямо дается чувствовать, что только въ направленіи къ добродѣтели есть истинная жизнь и счастье души челоуѣческой. Чѣмъ вы это замѣните въ научныхъ системахъ воспитанія? Раціоналисты могутъ строить только не оправдываемыя опытомъ теоріи; а педагоги позитивисты и матеріалисты изъ любимаго ими животнаго царства ни до чего подобнаго и возвыситься не могутъ.

Эти приемы нравственнаго воспитанія церковь ввела и въ семейства. Мать — истинная христіанка — въ прежнее время непрестанно указывала дитяти: „это грѣхъ“. Что это значить? Можетъ быть намъ это понятнѣе будетъ на языкѣ ученомъ, нежели на библейскомъ. Это значить указаніе на уклоненіе отъ идеала челоуѣческаго совершенства. Ничего не можетъ быть раціональнѣе какъ замѣчать дитяти съ ранняго возраста его уклоненія отъ предназначеннаго ему совершенства. При мысли о Богѣ, наказующемъ грѣхъ, частое указаніе на возможность грѣха есть самый вѣрный способъ научить дитя различать грѣхи и бояться грѣховъ. А такъ какъ прежде страшились не только нарушенія заповѣдей десятословія, но и воспитательныхъ уставовъ церкви, то случаи остерегать дѣтей отъ грѣха представлялись часто. Нынѣ многими ничто не почитается за грѣхъ, кромѣ развѣ уголовныхъ преступленій, ведущихъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія. Но по ученію церкви есть грѣхи малые, ведущіе къ великимъ. Дитяти говорили, когда оно просило нищи скоромной въ постный день, или въ праздникъ до обѣдни: „грѣхъ“. Это значило, учись воздержанію и терпѣнію: когда оно позволяло себѣ неприличныя движенія на молитвѣ, говорили: „грѣхъ“; это значило — учись благоговѣнію; уро-

нило часть просфоры—„грѣхъ“; это значило—чти святыню; небрежно обращается съ хлѣбомъ: „грѣхъ“, — невниманіе къ дару Божию; угрызится исполнить приказаніе отца, или матери: „грѣхъ“; это значило—повинуйся законной власти, и т. п. Отъ того-то прежде и боялись большихъ грѣховъ, что совѣсть чутка была къ малымъ, что великъ былъ страхъ отвѣтственности предъ Богомъ, что хорошо знакомы были страданія души, впадающей по несчастію въ тяжкій грѣхъ. Ничѣ все можно, и ничто не страшно. Отъ тупости нравственнаго чувства происходитъ это безстрашіе и дерзость по отношенію къ порокамъ и страшнымъ преступленіямъ какія видимъ мы нынѣ.

При этихъ же урокахъ церкви зарождается и духовный опытъ, о которомъ мы говорили выше. Онъ начинается борьбой съ влеченіями испорченной природы, обнаруживающимися съ ранняго дѣтства, и сопровождается чувствомъ удовольствія при преодоленіи ихъ, и такимъ образомъ полагается начало мужества и твердости въ подвигахъ добродѣтели. Здѣсь пріобрѣтается опытное познаніе высшихъ утѣшеній, какія можетъ имѣть человѣкъ и помимо чувственныхъ увеселеній, каковы: молитвенное умиленіе, сладость уединеннаго размышленія при чтеніи Слова Божія, чувство душевнаго мира и при тѣлесной усталости послѣ продолжительныхъ богослуженій, облегченіе совѣсти послѣ исповѣди, радость по пріобщеніи Св. Таинъ и при церковныхъ торжествахъ. Все это даетъ опытное понятіе объ иной жизни чѣмъ наша земная, даетъ позывъ къ этой жизни, соединяющійся съ охлажденіемъ къ чувственнымъ увеселеніямъ. Отсюда происходитъ пріобрѣтаемое съ лѣтами и духовною зрѣлостію безстрашное разставаніе съ этою жизнію и надежда вѣчнаго успокоенія за гробомъ.

Какіе плоды эти воспитанники церкви приносятъ съ собою, вступая въ общественную жизнь? Юноши и дѣвицы во всемъ складѣ или настроеніи своего духа получаютъ противовѣсіе соблазнамъ свѣта, предостереженіе въ совѣсти противъ искушеній; они, и одолѣваемые силою страсти, пройдутъ долгую борьбу, много перепахнутъ внутренно прежде нежели рѣшатся на тяжкій проступокъ; а въ случаѣ паденія имъ есть къ чему возвратиться: они знаютъ способы лѣченія душевныхъ болѣзней, имъ знакомо и пріятное чувство нравственнаго выздоровленія. О какъ они не похожи на этихъ одичавшихъ нравственно питомцевъ современной науки!

Воспитанники церкви опытомъ жизни, съ помощію благодати Божіей, утвердившіеся въ добрыхъ правилахъ и навыкахъ, становятся недоступными для преступленій. Видятъ, или не видятъ ихъ люди,

угрожаетъ, или не угрожаетъ имъ наказаніе,—они не совершаютъ преступленій: оно имъ гадко, оно имъ страшно и противно ихъ природѣ. Никакія оболщенія—богатства, наслажденій роскоши не соблазняютъ ихъ: имъ пріятнѣе сухая корка чернаго хлѣба съ миромъ совѣсти. чѣмъ самая роскошная явства, добытыя преступленіемъ. Отъ того-то артельщикъ, воспитанный въ деревнѣ, у вдовы-матери, простой христианки, въ страхѣ Божіемъ, носитъ миллионы отъ банка до банка и не заглядывается на нихъ, а образованный кассиръ систематически обкрадываетъ кредитныя учрежденія. Отъ того прежде бывало, что грубый крестьянинъ, знавшій съ дѣтства церковь Божію, совершивъ убійство, идетъ донести самъ на себя, чтобы праведною карой закона облегчить страданія своей души, а нынѣ бываетъ, что образованный юноша-убійца заранѣе добываетъ фальшивые паспорта.

Только воспитанники церкви знаютъ возможность быть внутренно счастливыми при трудностяхъ и лишеніяхъ жизни. У нихъ всегда есть въ готовности утѣшеніе: честно день потрудиться, усердно помолиться, оказать ближнему услугу, отдохнуть мирно въ своемъ семействѣ, или въ обществѣ друзей, въ бѣдѣ возложить печаль свою на Господа. Отъ того они всегда довольны своимъ состояніемъ, не смотрятъ съ завистію на довольство другихъ, не раздѣляютъ мысленно между собою чужаго богатства; беспорядки, волненія, возмущенія—не ихъ дѣло.

Еще Саломонъ говорилъ: въ благословеніи правыхъ возвысится градъ, усты же нечестивыхъ раскопается (Прит. 11, 11). Какъ, повидимому, труды праведниковъ, пріобрѣтающіе городамъ и царствамъ Божіе благословеніе и благоденствіе, могутъ быть уничтожаемы болтливыми, или лживыми устами? Однако, это такъ. Никто не позналъ этого горькимъ опытомъ лучше насъ. Кто раскапываетъ основы нашего могущества: единомысліе, единодушіе, нравственную твердость, вѣрность, покорность властямъ, чистоту нравовъ? Уста и перья нечестивыхъ! Пора намъ заградить, если не уста лживыя, то собственный нашъ слухъ отъ ихъ рѣчей и обратиться къ трудамъ благочестивыхъ предковъ нашихъ, чтобы возвратить себѣ пріобрѣтенное ими Божіе благословеніе. Аминь.

ЗАМѢТКА ПО ПОВОДУ ОТЧЕТА О ПЕДАГОГИЧЕСКОМЪ ОТДѢЛѢ ПАРИЖСКОЙ ВСЕМІРНОЙ ВЫСТАВКИ ¹⁾.

Авторъ отчета о педагогическомъ отдѣлѣ Парижской всемірной выставкѣ въ заключеніи своей статьи сдѣлалъ нѣкоторыя указанія, которыя, по его мнѣнію, должны послужить къ улучшенію учебнаго дѣла въ Россіи. Между прочимъ, онъ указываетъ, какъ на недостатки обученія рисованію въ нашихъ училищахъ, такъ и на неудовлетворительную постановку самаго предмета въ учебномъ курсѣ городскихъ училищъ, учительскихъ институтовъ, учительскихъ семинарій, мужскихъ и женскихъ гимназій. Последнее замѣчаніе совершенно правильно; но врядъ-ли можно надѣяться, чтобы улучшение могло быть достигнуто именно при помощи тѣхъ мѣръ, которыя предлагаются авторомъ, что мы и постараемся выяснитъ въ настоящей замѣткѣ.

Прежде всего мы никакъ не можемъ признать за учебными „курсами рисованія“ того значенія, которое придаетъ имъ составитель отчета. Такъ на стр. 32-й читаемъ: „Эта метода рисованія (*frége Victoris*) и черченія можетъ имѣть большое значеніе для нашихъ учительскихъ институтовъ и учительскихъ семинарій, потому что въ ней всѣ приемы такъ подробно объяснены, что даже учи-

¹⁾ См. *Ж. М. Н. Пр.* 1879 г. Январь. Статья г. Сентъ-Илера.

тель не-спеціалистъ можетъ преподавать элементарный курсъ рисованія и черченія съ успѣхомъ“.

Далѣе, на стран. 33—34: „Въ этомъ отношеніи русскіе учителя начальныхъ и городскихъ училищъ находятся въ гораздо худшихъ условіяхъ, такъ какъ хорошо выработаннаго методическаго курса рисованія для русскихъ народныхъ школъ не существуетъ“. На стр. 36: „Увеличеніе числа уроковъ во всѣхъ вышеозначенныхъ учебныхъ заведеніяхъ и подробныя указанія на способы преподаванія этого предмета составляютъ насущную потребность и требуютъ возможно скораго исполненія. Преподаватели нѣкоторыхъ реальныхъ училищъ могутъ оказать большую услугу, взявъ на себя трудъ составить курсы рисованія для разныхъ учебныхъ заведеній и выработать программу этого курса“.

Кажется, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что составитель отчета считаетъ совершенно возможнымъ улучшить успѣхи по рисованію въ нашихъ школахъ однимъ введеніемъ тщательно составленныхъ курсовъ, съ подробными методическими указаніями. Такія ожиданія нельзя не признать слишкомъ преувеличенными. Рисованіе есть языкъ видимыхъ формъ; усвоить его себѣ возможно лишь посредствомъ основательнаго изученія самыхъ формъ; это изученіе представляетъ въ школѣ весьма большія трудности, даже, можетъ быть, большія, чѣмъ изученіе языка членораздѣльныхъ звуковъ. Поэтому и методика рисованія, даже въ настоящее время, когда уже признана необходимость вести обученіе и этому предмету въ стройной системѣ,—недостаточно разработана, несмотря на дружныя усилія педагоговъ Австріи, Бельгіи, Германіи и Франціи. Во всѣхъ лучшихъ сочиненіяхъ по методикѣ рисованія за послѣднее время единогласно высказывается та мысль, что успѣховъ въ обученіи этому предмету можно ожидать не только отъ увеличенія числа учебныхъ часовъ, но также отъ лучшей методической подготовки самихъ учителей рисованія, которая въ свою очередь возможна лишь подъ условіемъ учрежденія особыхъ педагогическихъ курсовъ, будутъ ли эти курсы при академіи художествъ или составятъ самостоятельное учрежденіе. Когда будутъ приготовлены хорошіе учителя рисованія, теоретически изучившіе методъ обученія рисованію и достаточно ознакомленные практически со способами его примѣненія, тогда лишь можно будетъ ожидать, что такіе учителя ознакомятъ воспитанниковъ учительскихъ семинарій и институтовъ съ методикой рисованія. Въ этомъ отношеніи

обученіе рисованію находится совершенно въ тѣхъ же условіяхъ, какъ обученіе грамотѣ, письму, ариѳметикѣ. Какъ обучать этимъ предметамъ нельзя научиться по какому-нибудь курсу, а необходимо, кромѣ теоретическаго приготовленія, поработать сперва самому въ школѣ подь руководствомъ знающаго и опытнаго преподавателя, такъ точно и обучать рисованію можно научиться лишь такимъ же образомъ у хорошаго учителя этого предмета.

Извѣстно, что Императорская Академія художествъ, при содѣйствіи министерства народнаго просвѣщенія, выработала проектъ учрежденія при академіи педагогическихъ курсовъ для приготовленія учителей рисованія. Остается лишь желать, чтобы этотъ важный проектъ осуществленъ былъ въ возможно ближайшемъ времени. Когда изъ этихъ курсовъ выйдутъ надлежащимъ образомъ приготовленные учителя рисованія, то отъ нихъ и отъ ихъ руководителей и можно будетъ ожидать правильной разработки метода этого предмета, а затѣмъ и успѣха его въ училищахъ. До того времени успѣхи въ рисованіи будутъ являться въ томъ или другомъ училищѣ въ видѣ частныхъ случаевъ, вызванныхъ какими-нибудь особенно благоприятными обстоятельствами.

Что касается до курсовъ рисованія, „снабженныхъ подробными указаніями“, то они въ рукахъ учителей неумѣлыхъ или недостаточно подготовленныхъ, приведутъ лишь къ рабскому копированію страницъ курса, какъ это и теперь дѣлается во многихъ училищахъ, но съ тою лишь разницей, что теперь ученики копируютъ рисунки курса безъ всякой системы, а тогда копированіе будетъ происходить въ нѣкоторой послѣдовательности, начиная съ простѣйшихъ формъ; но такъ какъ и эта работа не можетъ быть освѣщена и направлена руководящею мыслию понимающаго учителя, то и она окажется почти столько же безплодною, какъ и нынѣшнее копированіе съ эстамповъ.

Въ пунктѣ 3-мъ своихъ указавій составитель отчета говоритъ слѣдующее о значеніи рисованія не только въ низшихъ, но и въ среднихъ училищахъ (напримѣръ реальныхъ). „Методы преподаванія этого учебнаго предмета еще довольно разнообразны, но всѣ новѣйшіе курсы рисованія очевидно направлены не къ копированію оригиналовъ и моделей (?), а къ возбужденію въ ученикахъ самодѣятельности въ видѣ композицій рисунковъ различнаго вида. Такъ какъ для учениковъ невозможна самостоятельная работа въ смыслѣ рисованія кар-

тинъ, портретовъ и пейзажей) ?), то главное значеніе при этомъ приобрѣтаютъ композиціи орнаментовъ и рисунковъ, имѣющихъ техническій характеръ (?). Такое направленіе обученія рисованію особенно приспособлено для учебныхъ заведеній съ реальнымъ курсомъ“ и т. д.

Далѣе говорится о необходимости ввести серьезный (?) курсъ рисованія во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, особенно въ тѣхъ, изъ которыхъ ученики и ученицы переходятъ къ практической дѣятельности и ремесламъ, такъ какъ нѣтъ другаго учебнаго предмета, который бы такъ скоро давалъ возможность практически воспользоваться имъ въ жизни (а грамота? а счетъ?) Составленіе рисунковъ и нѣкоторая сворвка въ орнаментации цужна теперь во всѣхъ ремеслахъ и промыслахъ (?); за рисунокъ, составленный съ нѣкоторымъ вкусомъ, платятъ дорого и т. д.

И такъ, по мнѣнію автора, обученіе рисованію во всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ реальнаго характера должно имѣть цѣлю возбужденіе въ ученикахъ самодѣятельности въ видѣ композиціи орнаментовъ и техническихъ рисунковъ различнаго вида; для реальныхъ училищъ такое направленіе, по словамъ составителя, особенно пригодно, а для низшихъ училищъ оно даже необходимо, потому что сейчасъ по выходѣ изъ школы доставить хорошій кусокъ хлѣба, такъ какъ за каждый рисунокъ, составленный съ нѣкоторымъ вкусомъ платятъ дорого! Если мы не такъ поняли автора или онъ не то хотѣлъ сказать, что слышно въ его словахъ, то вина не наша. Но со сказаннымъ невозможно согласиться никоимъ образомъ.

Рисованіе должно быть въ школѣ предметомъ общеобразовательнымъ, предназначеннымъ къ нѣкоторому, ему свойственному, развитію духовныхъ силъ ученика, и въ связи съ этимъ развитіемъ и въ зависимости отъ него, — къ разработкѣ техническаго навыка; въ школѣ оно не должно быть обращено въ ремесло уже потому, что ремесленное обученіе требуетъ и большаго времени и другихъ учителей.

Рисованіе, какъ мы выше замѣтили, есть языкъ видимыхъ формъ: обученіе ему имѣетъ много сходства съ обученіемъ языку членораздѣльныхъ звуковъ. Сначала ученикъ подъ руководствомъ учителя читаетъ изображенія этихъ формъ: онъ знакомится съ ихъ чертами, главными свойствами и со взаимнымъ отношеніемъ важнейшихъ, основныхъ изъ ихъ числа. За тѣмъ онъ учится ихъ изображать (письмо формъ). Разумѣется, оба процесса находятся въ та-

ной же тѣсной связи, какъ и при обученіи грамотѣ. Но ученикъ не можетъ ограничиваться однимъ умѣньемъ изображать формы, находящіяся предъ его глазами; основныя формы онъ долженъ знать, для того, чтобы имѣть возможность пользоваться ими въ случаѣ надобности. Отсюда проистекаетъ необходимость третьяго рода упражненій — изображенія данныхъ формъ на память.

Когда ученикъ усвоитъ себѣ нѣкоторый запасъ формъ, тогда можно понемногу приучить его владѣть ими, видоизмѣняя ихъ или составляя изъ нихъ новыя комбинаціи. Этотъ родъ упражненій при обученіи рисованію и называютъ композиціями. Это самый трудный родъ и за упражненіе этого рода не всякому учителю слѣдуетъ браться, потому что здѣсь всего легче попасть на ложный путь и увлечь туда же своихъ учениковъ. Прежде всего самъ учитель долженъ обладать правильнымъ и хорошо развитымъ вкусомъ; онъ самъ долженъ быть эстетически приготовленъ къ подобному труду и только при этомъ условіи его ученики разовьютъ свой вкусъ на истинно хорошихъ образцахъ и, по возможности, избѣгнуть всего уродливаго или лишеннаго вкуса. При этихъ упражненіяхъ учитель долженъ внимательно слѣдить за всякимъ проявленіемъ самодѣятельности учениковъ, какъ въ выборѣ готовыхъ формъ, такъ и въ ихъ видоизмѣненіи и употребленіи, остерегая ихъ отъ всего неправильнаго и безобразнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ долженъ осторожно руководить ихъ, не насилуя ихъ вкуса. Здѣсь надлежитъ внимательнѣйшимъ образомъ слѣдить за первыми проблесками таланта и тщательно оберегать ее. Въ этихъ упражненіяхъ методическая рутинна и подведеніе всѣхъ вкусовъ и способностей подъ одинъ общій шаблонъ дѣйствуютъ самымъ губительнымъ образомъ на проявленіе самобытности и таланта въ ученикахъ. Но, такъ какъ учитель все же имѣетъ дѣло не съ однимъ ученикомъ, а съ цѣлымъ классомъ; такъ какъ классная работа, по крайней мѣрѣ въ главныхъ чертахъ, должна оставаться для всѣхъ учениковъ общою, то въ этомъ соглашеніи условій общей классной работы со сбереженіемъ особенностей, обусловливаемыхъ индивидуальностію учащихся, и состоитъ для учителя труднѣйшая задача. Самая цѣль этого приѣма уже далеко не такъ опредѣленна, какъ при обученіи изображать видимыя формы или приучать рисовать наизусть.

И такъ при обученіи рисованію мы видимъ три главныхъ приѣма:
1) изображеніе видимыхъ формъ, 2) изображеніе подобныхъ же формъ

наизусть, на память, и 3) композиціи, заключающіяся преимущественно, въ выборѣ какъ самыхъ формъ, такъ и ихъ расположенія. Этими приёмами методика рисованія далеко не ограничена: остается, напримеръ, ознакомить учениковъ съ цвѣтами (красками), ихъ гармоніей и употребленіемъ. Въ этомъ отношеніи имѣется нѣсколько болѣе или менѣе удачныхъ попытокъ, но вопросъ этотъ недостаточно разработанъ; поэтому мы пока оставляемъ его въ сторонѣ.

Всѣ названныя три приёма одинаково важны при обученіи рисованію и конечно желательно, чтобы во всѣхъ нашихъ школахъ доставало и времени и педагогическихъ силъ для правильного обученія рисованію и, слѣдовательно, для приложенія всѣхъ этихъ трехъ приёмовъ. Но если школа ограничена и во времени и въ педагогическихъ силахъ, то спрашивается, слѣдуетъ ли при обученіи рисованію сохранить всѣ три названныя приёма въ ихъ нормальной соразмѣрности или ограничиться нѣкоторыми изъ нихъ?

Знакома ученика съ языкомъ формъ, школа должна прежде всего сдѣлать его грамотнымъ въ отношеніи къ этому языку, научить читать и писать на немъ, то-есть, научить понимать данный несложный рисунокъ, а также изображать на бумагѣ несложныя формы, видѣть ли ихъ ученикъ передъ собою, или припоминаетъ видѣнное, или эти формы создаются его собственнымъ воображеніемъ.

Предметомъ изученія могутъ быть: 1) плоскія формы, начиная съ геометрическихъ и переходя постепенно къ болѣе сложнымъ формамъ плоскаго орнамента, и 2) тѣлесныя формы, начиная съ геометрическихъ тѣлъ и ихъ группъ и оканчивая предметами, по своей внѣшней формѣ близкими къ простымъ геометрическимъ формамъ. Далѣе этого врядъ ли можетъ идти элементарная школа; далѣе она встрѣтитъ почти непреодолимые препятствія и въ возрастѣ учениковъ, и во времени, назначенномъ на обученіе, и въ педагогическихъ силахъ школы. Если ограничиться и этими занятіями, но вести ихъ правильно, то, съ одной стороны, они сами по себѣ представятъ работу очень не легкую, съ другой, ихъ образовательное значеніе обнаружится самымъ несомнѣннымъ образомъ: ученикъ прежде всего приучится внимательно смотрѣть на внѣшнія формы и, слѣдовательно, надлежащимъ образомъ ихъ видѣть. Въ немъ будетъ развита весьма важная способность, которая въ настоящее время, по общимъ отзывамъ, почти совершенно пренебрежена въ школахъ, и въ то же время самый методъ обученія будетъ содѣйствовать развитію пониманія,

сообразенія, памяти, находчивости и т. д., не говоря уже о пробужденіи и правильномъ направленіи эстетическаго чувства. Наконецъ, пріобрѣтенное въ школѣ умѣнье нарисовать желаемый несложный предметъ драгоценно въ такой степени, что трудно представить себѣ тотъ родъ дѣятельности, гдѣ бы оно не пригодилось: оно и будущему артисту послужитъ прочнымъ основаніемъ для дальнѣйшей разработки его способностей; оно же поможетъ сапожнику или портному правильно скротить кусокъ матеріи, а кузнецу замѣтить и занести въ свою записную книжку, наприкладъ, форму той затѣйливой и узорчатой петли, которую онъ случайно увидѣлъ на дубовой двери старинной церкви. Если между учащимися найдутся мальчики очень способные, то они будутъ самостоятельно развиваться и при помощи названныхъ двухъ упражненій и подѣ влияніемъ тѣхъ изящныхъ образцовъ всякаго рода, которыми они должны быть окружены въ школѣ.

Если число уроковъ дозволяетъ, то слѣдуетъ ввести (но не болѣе, какъ одинъ изъ пріемовъ обученія) и занятіе учениковъ композиціею. Нѣтъ сомнѣній, что это упражненіе въ нѣкоторой мѣрѣ будетъ развивать въ ученикахъ способность своеобразно комбинировать и видоизмѣнять готовыя формы и, въ рѣдкихъ случаяхъ, даже — создавать новыя; слѣдовательно, для развитія самодѣятельности вообще оно весьма полезно. Но, чтобы именно оно могло принести учащимся даже въ низшихъ училищахъ значительную практическую пользу, чтобы оно научило ихъ составлять такіе хорошіе рисунки, которые оплачивались бы и хорошими деньгами, — это совершенно напрасныя надежды. Ни возрастъ, ни относительная кратковременность пребыванія въ школѣ не дозволяютъ и талантливому ученику развитъ свои способности до такой степени. При томъ не слѣдуетъ забывать, что на долю простыхъ рисовальщиковъ, какихъ можетъ выпустить общеобразовательная школа, можетъ достаться развѣ копированіе какого нибудь правильнаго узора. А сочиненіе новыхъ, дѣйствительно изящныхъ рисунковъ, всегда поручается артисту, получившему высшее художественное образованіе и притомъ извѣстному своимъ изящнымъ вкусомъ. Вотъ такимъ-то лицамъ и платятъ дорого за хорошіе рисунки. При этомъ нельзя не вспомнить словъ покойнаго А. С. Хомякова, въ его статьѣ объ общественномъ воспитаніи въ Россіи (Русскій Архивъ, 1879 г. № 1). „Такъ несчастный ученикъ ремесленно-художественной школы, вѣкъ свой трудившійся

надъ рисованіемъ орнаментовъ, никогда не нарисуетъ и не придумаетъ того затѣйливаго орнамента, который шутя накинеть въ одно мгновеніе рука академика, никогда не думавшаго о сплетеніи виноградныхъ и дубовыхъ листьевъ“.

Поэтому мы менѣ всего желали бы, „чтобы курсы рисованія были у насъ направлены къ возбужденію въ ученикахъ самостоятельности въ видѣ композицій рисунковъ различнаго вида.“ Такое одностороннее направленіе въ обученіи рисованію было бы вреднымъ даже въ рукахъ учителей, получившихъ художественное образованіе; оно было бы вредно уже по своей односторонности; а въ рукахъ учителя „не спеціалиста, который, будто бы можетъ обучать рисованію и черченію съ успѣхомъ на основаніи подробнаго курса, въ которомъ объяснены всѣ приемы“ (стр. 32), но не имѣющаго ни художественнаго образованія, ни развитаго долгаго изученіемъ изящныхъ формъ вкуса, оно могло бы сдѣлаться еще болѣе вреднымъ.

Слѣдя за развитіемъ методики рисованія за послѣдніе годы, мы можемъ, если не ошибаемся, объяснить себѣ, почему составитель отчета въ такой степени увлекся ученическими композиціями.

Въ послѣдніе двадцать лѣтъ, уже послѣ первой Парижской выставки, методика рисованія, хотя медленно, но вѣрно идетъ впередъ, завоевывая вмѣстѣ съ тѣмъ своему предмету все болѣе и болѣе мѣста въ школахъ. Какъ во всякомъ новомъ предметѣ, интересующемъ весьма живо спеціалистовъ, и въ методикѣ рисованія появляются по временамъ приемы, на которые возлагаются самыя преувеличенныя надежды. Такъ было, на примѣръ, въ свое время съ стигмографіей или рисованіемъ по квадратной сѣткѣ. Когда этотъ приемъ сдѣлался извѣстнымъ въ Австріи и Германіи, онъ сразу нашелъ себѣ множество самыхъ горячихъ поклонниковъ. Нѣкоторые дошли до такой крайности, что давали ученикамъ рисовать на квадратной сѣткѣ предметы въ перспективномъ сокращеніи! Выставки школъ въ Германіи были наполнены стигмографическими рисунками учениковъ; во всѣхъ почти педагогическихъ журналахъ можно было пайти статьи въ защиту или въ опроверженіе этого приѣма. Но время взяло свое: увлеченіе прошло и рисованіе по квадратной сѣткѣ удержало въ школахъ свое мѣсто какъ приемъ, весьма полезный въ рукахъ владѣющаго имъ преподавателя. То же самое теперь происходитъ съ ученическими композиціями: это приемъ новый и, самъ по себѣ, полезный, однако тоже въ рукахъ владѣющаго имъ преподавателя. Но имъ увлечены, каж-

дѣй хорошій учитель желаетъ показать, что успѣли сдѣлать его ученики въ этомъ направленіи. Поэтому-то такое множество школъ и прислало на Парижскую выставку „композиціи“ своихъ учениковъ. Но не надо быть пророкомъ, чтобы предсказать, что и это увлеченіе пройдетъ; композиціи займутъ надлежащее мѣсто въ методикѣ рисованія, а главною цѣлію этой методики останется, по прежнему, довести каждаго ученика въ школѣ до умѣнья правильно нарисовать несложную группу простыхъ тѣлъ, съ соблюденіемъ законовъ перспективы и освѣщенія.

В. Эвальдъ.

ОБЪ ОДНОМЪ УЧЕБНИКЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ ДЛЯ НАЧАЛЬ- НЫХЪ ШКОЛЬ.

Въ циркулярѣ по Варшавскому учебному округу (1878 № 10) находимъ мы слѣдующую любопытную записку извѣстнаго нашего писателя, теперешняго начальника Варшавской учебной дирекціи, Ц. К. Щебальскаго:

„Зимомъ 1873—74 года, во время управленія моего Сувалкскою учебною дирекцію, г. попечитель варшавскаго учебнаго округа предложилъ мнѣ написать русскую исторію для народнаго чтенія въ здѣшнемъ краѣ.

Обдумавъ предложенную мнѣ задачу, я пришелъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: а) предполагаемая исторія должна имѣть характеръ эпизодическій, то есть, касаться лишь нѣкоторыхъ, но важнѣйшихъ событій и дѣятелей нашей исторіи, оставляя прочія событія и лица въ тѣни, или даже вовсе опуская ихъ; б) тѣ событія и историческіе дѣятели, которымъ будетъ отведено мѣсто въ предполагаемой книгѣ, должны быть изображены съ возможною полнотою и выуклостью, дабы они врѣзались въ памяти читателя; в) для того, чтобъ эти событія и лица врѣзались въ памяти читателя, необходимо чтобъ все, касающееся ихъ, было написано занимательно, при условіи исторической точности и правдивости и, не оскорбляя ничьихъ религіозныхъ вѣрованій и національныхъ симпатій, содѣйствовало ослабленію мѣстныхъ предубѣжденій противъ народной русской церкви и сближенія съ русскимъ народомъ.

Но, — представилось мнѣ при этомъ, — не такова ли же задача и

учебника по исторіи, предвѣщаемого для здѣшнихъ (а можетъ быть, и не для здѣшнихъ только) начальныхъ школъ? Не эпизодическій ли характеръ онъ долженъ имѣть въ противоположность систематическому, и не благоразумнѣе ли предлагать вниманію учениковъ начальныхъ школъ нѣсколько, но важнѣйшихъ событій и историческихъ дѣятелей, чѣмъ развивать предъ ними всю длинную, слишкомъ длинную для нихъ умственныхъ силъ нить исторической жизни нашего государства? Не слѣдуетъ ли, посредствомъ приспособленнаго къ этой цѣли изложенія, стремиться къ тому, чтобъ избранные историческіе эпизоды врѣзывались съ возможно меньшимъ усиленіемъ въ памяти учениковъ? А если такъ, то не можетъ ли служить предполагаемая Русская Исторія для грамотнаго народа не только для чтенія, но и для преподаванія исторіи въ начальныхъ школахъ? Вѣдь преподаются же въ нихъ естествознаніе и географія по книгѣ для чтенія Водовозова.

Желая провѣрить свои соображенія опытомъ, я, написавъ первый выпускъ Русской исторіи, попробовалъ разработать его въ 3-мъ отдѣленіи I-го Сувальскаго городскаго училища. Разработка производилась порядкомъ, указаннымъ въ особо составленномъ мною Наставленіи для учителя и въ приложенныхъ къ оному Вопросахъ для повторенія. Опытъ оказался удовлетворительнымъ: ученики не только давали отвѣты на предлагаемыя имъ вопросы, но самостоятельно излагали цѣлыя эпизоды, особенно такіе занимательные, какъ смерть Олега, мщеніе Ольги, походы Святослава, крещеніе Кіевлянъ и т. п. Руководимые моими вопросами, они исправно разказывали, — что гораздо труднѣе, — о вѣрованіяхъ и обычаяхъ славянъ и кромѣ того показывали на картѣ всѣ мѣстности, упоминаемыя въ моей рукописи. Всего этого я достигъ въ 10 часовыхъ уроковъ, а впоследствии когда написанъ былъ второй выпускъ (Раздробленіе Руси), онъ былъ подобнымъ же образомъ и съ такимъ же успѣхомъ (въ 12 уроковъ) разработавъ подъ руководствомъ учителя I сувальскаго училища.

И такъ опытъ показывалъ, что относительная обширность первыхъ выпусковъ Русской исторіи не дѣлаетъ ихъ неудобными для преподаванія въ начальныхъ училищахъ, — по крайней мѣрѣ въ такихъ, которыя находятся въ такихъ же условіяхъ, какъ I-ое сувальское. Опытъ доказывалъ, напротивъ, что эта обширность устраниваетъ два важныя неудобства, представляемыя сжатостью и сухостью изложенія учебниковъ, а именно, во-первыхъ, скуку, наводимую ими на учениковъ и, во-вторыхъ, попятное учениковъ зазубривать эти учебники. Въ самомъ дѣлѣ, даже человѣку, вполне владѣющему словомъ,

мудрено, если онъ захочетъ повторить то, что сказано въ учебникѣ, ничего не опуская и не прибавляя, мудрено, говорю, не повторить изложеніе автора буквально или почти буквально; буквально же повтореніе текста Русской исторіи для грамотнаго народа, какъ и текста всякой книги для чтенія, невозможно; ученику волею-неволей приходится припоминать не слова, а сущность прочитаннаго, работать умомъ и упражняться въ русской рѣчи; урокъ исторіи сливается съ урокомъ русскаго языка.

Можно указать и еще на одно преимущество преподаванія въ начальныхъ школахъ исторіи по книгѣ для чтенія сравнительно съ учебникомъ. По прочтеніи ученикомъ страницы (болѣе или менѣе, — смотря по степени его развитости), учитель, помощью предлагаемыхъ вопросовъ, заставляетъ его извлекать изъ прочтеннаго одну только сущность, то-есть, отличать важное отъ неважнаго, первостепенное отъ второстепеннаго, производить слѣдовательно чрезвычайно полезную для умственнаго развитія работу, для которой нѣтъ повода въ учебникѣ, ибо въ немъ всѣ упоминаемые факты одинаково требуютъ усвоенія, одинаково не могутъ быть опущены.

И эта важная въ педагогическомъ отношеніи работа, — отдѣленіе важнаго отъ неважнаго и опущеніе послѣдняго, объясняетъ, почему каждый изъ выпусковъ Русской исторіи для грамотнаго народа, немногимъ уступающій по объему цѣлому учебнику Острогорскаго можетъ быть разработанъ въ десять, или даже двадцать разъ меньшее число уроковъ. Объемъ упомянутой Исторіи не составляетъ, слѣдовательно, препятствія къ преподаванію по ней въ начальныхъ школахъ. Однако и заключающееся въ ней неважное не составляетъ безполезнаго балласта, ибо оно сообщаетъ книгѣ занимательность, поддерживаетъ вниманіе учениковъ, составляетъ какъ бы пріятную для вкуса кашлю, въ которой ученики проглатываютъ знаніе.

Такіе выводы были въ моихъ глазахъ несомнѣнны. Но я рѣшился подвергнуть ихъ новому опыту. Съ этой цѣлю, во время рождественскихъ праздниковъ 1877—78 года я разослалъ по экземпляру бывшихъ въ то время напечатанными первыхъ четырехъ выпусковъ Рус. Исторіи десяти избраннѣйшимъ мною начальнымъ учителямъ и поручилъ имъ, руководствуясь составленными мною Наставленіями и Вопросами, немедленно приступить къ преподаванію по сей Исторіи, а по окончаніи учебнаго года представить мнѣ съ полною откровенностью свои замѣчанія, какъ о самомъ этомъ руководствѣ,

такъ и о послѣдствіяхъ преподаванія по оному. Сущность сихъ замѣчаній заключается въ слѣдующемъ:

а) Четыре выпуска Русской Исторіи были пройдены и повторены въ всѣхъ десяти училищахъ, а въ нѣкоторыхъ повторены по два раза; въ нѣсколькихъ пройденное было изложено самими учениками письменно, въ видѣ письменныхъ упражненій, въ особыхъ тетрадкахъ, которыя замѣнили имъ книги, недоступныя большинству учениковъ по своей цѣнѣ. На все это потребовалось (въ нѣкоторыхъ школахъ, не болѣе 120 и не менѣе (въ другихъ школахъ) 45 часовыхъ уроковъ. Въ одномъ училищѣ, именно Варшавскомъ, при Маріинскомъ приютѣ, куда я могъ доставлять и послѣдующіе выпуски по мѣрѣ ихъ выхода, пройдено семь выпусковъ съ употребленіемъ на это лишь 100 часовыхъ уроковъ.

б) Почти всѣ учителя находятъ, что Русская Исторія написана вразумительно, просто и занимательно,—что и было моею задачей; нѣкоторые угадали и другую задачу, которую я имѣлъ въ виду,—изобразить лица и событія съ возможною наглядностью,—такъ, чтобы они сами собой врѣзывались въ память дѣтей. Только одинъ учитель, не понявъ, что этого нельзя достигнуть сжатымъ разказомъ, находить, что Русская Исторія слишкомъ пространна; по мнѣнію же нѣкоторыхъ, и, между прочимъ, и учителя образцоваго училища, эта кажущаяся обширность объема разсматриваемой книги составляетъ существенное достоинство, лишая учениковъ возможности зазубривать уроки. Этотъ же учитель указалъ и на полезное въ политическомъ отношеніи вліяніе Русской Исторіи, долженствующей способствовать уничтоженію въ средѣ польскаго крестьянства вѣковыхъ предубѣжденій противъ русскаго народа.

в) Всѣ десять учителей, и за исключеніемъ одного, вовсе не касающагося этого предмета, отдають предпочтеніе Русской Исторіи для грамотнаго народа предъ употреблявшимся дотолѣ учебникомъ, который находятъ сухимъ и незанимательнымъ для дѣтей; нѣкоторые, особенно учитель варшавскаго при Маріинскимъ приютѣ училища, съ одушевленіемъ описываютъ интересъ, возбужденный между учениками первою изъ сихъ книгъ, а иные замѣчаютъ, что она можетъ замѣнить въ старшихъ отдѣленіяхъ книги для чтенія, и что, слѣдовательно, на уроки исторіи можно отдѣлить часть уроковъ по русскому языку, именно уроки объяснительнаго чтенія.

г) Наконецъ, всѣ учителя, коснувшіеся этого предмета, заявляютъ, что въ городскихъ училищахъ можно съ пользою преподавать по

Русской Исторіи для грамотнаго народа и что для сихъ училищъ она предпочтительнѣе прежняго учебника; многіе учителя замѣчаютъ, впрочемъ, что эта исторія нѣсколько дорога.

И такъ новос, незнакомое симъ учителямъ руководство въ числѣ 4-хъ выпусковъ было разработано ими въ продолженіе 45 — 120 уроковъ, при чемъ въ тѣхъ школахъ, гдѣ было употреблено большее число уроковъ, ученики составляли письменныя изложенія прочитанныхъ ими разказовъ. Въ варшавскомъ училищѣ 7 выпусковъ было разработано въ 100 уроковъ, а въ образцовомъ 4 выпуска были пройдены въ 45 — 50 уроковъ. Могу засвидѣтельствовать, что въ училищахъ скерневипкомъ, варшавскомъ и образцовомъ я лично удостовѣрился въ весьма удовлетворительномъ знаніи учениками пройденнаго ими, а г. помощникъ попечителя варш. учебнаго округа остался доволенъ отвѣтами изъ исторіи учениковъ образцоваго училища при посѣщеніи сѣвницкой семинаріи въ минувшемъ августѣ, то-есть послѣ 2-хъ мѣсячнаго перерыва въ занятіяхъ учениковъ. А изъ этого можно заключить, что всѣ десять выпусковъ Русской Исторіи для грамотнаго народа могутъ быть основательно разработаны въ 175—200 часовыхъ уроковъ.

Но,—замѣчали мнѣ нѣкоторые педагоги, — можно-ли отдѣлить 175—200 уроковъ на одну исторію, когда мы должны въ порядочной школѣ познакомить нашихъ учениковъ и съ закономъ Божиимъ, и съ русскимъ, и съ отечественнымъ языкомъ, и съ естественновѣдѣніемъ, и съ географіей, и съ ариметикой?

Прежде чѣмъ отвѣтить на это возраженіе, слѣдуетъ условиться, что называть „порядочной школой“?

Порядочная школа, по-моему, та, въ которой учитель основательно подготовленъ къ своему дѣлу, и занимается имъ серьезно, и гдѣ дѣйствительный учебный годъ не менѣе 9-ти мѣсяцевъ. Таковы, я полагаю, почти всѣ городскія училища варшавскаго округа, и нѣкоторыя, а можетъ быть и многія посадскія и фабричныя. Въ старшихъ отдѣленіяхъ такихъ училищъ, какъ выше показано, проходятся со влюченіемъ исторіи семь предметовъ, и я полагалъ бы, что на всѣ эти предметы, кромѣ географіи и природнаго языка, слѣдуетъ назначить по одному часовому уроку ежедневно, а на природный языкъ и на географію (которую можно начинать и во 2-мъ отдѣленіи, то-есть, знакомить съ картой) назначить по три урока въ недѣлю. Такимъ образомъ на каждый изъ первыхъ пяти предметовъ, и въ томъ числѣ на исторію, получится въ 36 недѣль дѣйствитель-

наго учебнаго года въ городскихъ и посадскихъ училищахъ, 216 часовыхъ уроковъ,—число болѣе чѣмъ достаточное, какъ показалъ опытъ, для разработки и усвоенія въ училищахъ всѣхъ 10 выпусковъ Русской Исторіи для грамотнаго народа, подходя къ типу книги для чтенія.

Замѣчу при этомъ, что разработка названной Исторіи порядкомъ, указаннымъ въ Наставленіи, есть въ то же время и урокъ по русскому языку (урокъ объяснительнаго чтенія), и въ этомъ отношеніи помянутая Исторія представляетъ, какъ мнѣ кажется, преимущество предъ учебникомъ.

Въ виду всего вышезложеннаго, мнѣ кажется, что если планъ и расположеніе Русской Исторіи для грамотнаго народа соответствуетъ потребностямъ начальныхъ училищъ здѣшняго края, (такихъ, гдѣ учителя получили образованіе въ учительскихъ семинаріяхъ, и гдѣ учебный дѣйствительный годъ не менѣе 36 недѣль), то объемъ этой книги не можетъ считаться препятствіемъ для введенія ея въ качествѣ руководства для преподаванія исторіи, порядкомъ указаннымъ мною въ Наставленіи и въ Вопросахъ для повторенія ¹⁾.

Къ сожалѣнію, цѣна этой книги дѣлаетъ ее недоступною для большинства учениковъ начальныхъ школь. Но, во первыхъ, при разработкѣ ея можно заставлять учениковъ вписывать въ тетради изложеніе послѣдовательно разработанныхъ разказовъ, какъ это уже и дѣлается въ нѣкоторыхъ училищахъ варшавской дирекціи; во вторыхъ, можно надѣяться, что при послѣдующихъ изданіяхъ Русской Исторіи будутъ приняты мѣры къ ея удешевленію.

¹⁾ Эти *Вопросы и Наставленія* печатаются начальникомъ варшавской дирекціи и будутъ, по заявленіи требованія, высылаемы по тѣмъ самымъ цѣнамъ, по которымъ обойдется автору. (Они уже напечатаны. *Ред.*)

ИЗВѢСТІЯ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И СОСТОЯНІИ НАШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

1) УНИВЕРСИТЕТЫ.

О состояніи и дѣйствіяхъ Московскаго университета въ 1878 году: личный составъ преподавателей; вакантныя кафедры; объ усиленіи учебной дѣятельности студентовъ и контроль надъ занятіями ихъ; темы для соисканія наградъ медалями; ученые труды преподавателей; удостоеніе ученыхъ степеней и званій; бюджетъ университета, свѣдѣнія объ учащихъ; состояніе учебно-вспомогательныхъ учрежденій; дѣятельность ученыхъ при университетѣ обществъ.

Въ Московскомъ университетѣ состояло въ 1878 году, сверхъ профессора богословія, слѣдующее число штатныхъ преподавателей: въ историко-филологическомъ факультетѣ: ординарныхъ профессоровъ 7, экстраординарныхъ 3, доцентовъ 5, лекторовъ 4; на физико-математическомъ: ординарныхъ профессоровъ 13, экстраординарныхъ 3, доцентовъ 3, астрономъ-наблюдатель 1; въ юридическомъ: ординарныхъ профессоровъ 7, доцентовъ 6; въ медицинскомъ: ординарныхъ профессоровъ 11, экстраординарныхъ 3, доцентовъ 11, прозекторовъ 2, помощниковъ прозектора 3. Вообще при университетѣ находилось штатныхъ преподавателей: ординарныхъ профессоровъ, въ томъ числѣ и профессоръ богословія, 39, экстраординарныхъ 9, доцентовъ 25, лекторовъ 4, астрономъ наблюдатель 1, прозекторовъ 2, помощниковъ прозектора 3, всего 83 преподавателя. Сверхъ того, по приглашенію университета, состояли въ качествѣ стороннихъ преподавателей одинъ заслуженный преподаватель и восемь кандидатовъ по слѣдующимъ предметамъ: русской исторіи, греческому языку, всеобщей исторіи,

торговому праву, уголовному праву, уголовному судопроизводству и энциклопедии права. Некоторым преподавателям, сверх прямых их обязанностей, временно поручено было преподавание предметов, принадлежащих другим кафедрам, именно: заслуженному профессору Басову—учение о болезнях мочевых и половых органов, профессору Троицкому истории философии права, профессору Клейну общей патологии, лектору Фелькелю греческого и латинского языков и магистру Милашевичу палеонтологий; приватъ-доцентов при университете состояло 16; по предмету учения о кожных болезнях 2, по учению о сифилитических болезнях, 1, по учению о женских болезнях 1, по сравнительной эмбриологии 1, по оперативной хирургии 2, по предмету учения о женских операциях 1, по общей терапии 1, по акушерству и женским болезням 1, по микологии в применении к научной медицине 1, по сергматрии 1, по электро-терапии 2, по детским болезням 2. Изъ имѣющихся по дѣйствующему уставу кафедръ оставались незамѣщенными три кафедры на юридическомъ факультетѣ: энциклопедіи права, истории славянскихъ законодательствъ и истории важнѣйшихъ иностранныхъ законодательствъ. Изъ числа преподавателей были командированы за границу съ ученою цѣлю: профессора Богдановъ, Архиповъ и Тимирязевъ, доценты Богословскій, Ковалевскій, графъ Комаровскій, Снегиревъ и Орловъ, и лаборантъ Волконскій. Для приготовления къ профессорскому званію командированы были за границу кандидаты Колоколовъ и Виноградовъ и докторъ Добронравовъ, изъ нихъ первый на два года, второй на шесть мѣсяцевъ, послѣдній на одинъ годъ, всѣ трое на счетъ суммъ министерства народнаго просвѣщенія.

Для усиленія учебной дѣятельности студентовъ и для контроля надъ занятіями ихъ существовали семинарии и производились практическія занятія. Въ историко-филологическомъ факультетѣ семинарии успѣли прочно установиться со времени раздѣленія факультета (начиная съ IV курса) на три спеціальныя отдѣленія: а) классической филологии, б) славяно-русской филологии и в) историческое. Въ 1878 году, какъ и прежде, семинарии обнимали важнѣйшіе предметы факультетскаго преподаванія. 1) Въ отдѣленіи классической филологии семинаріями руководилъ экстраординарный профессоръ Коршъ и доцентъ Цвѣтаевъ: а) по отдѣлу греческой словесности: въ первой половинѣ 1878 года, то-есть во второй семестрѣ 18⁷⁷/₇₈ года, занятія греческимъ языкомъ состояли въ объясненіи студентами по очереди, то-есть членами и кандидатами семинарии, отрывковъ изъ греческихъ

лириковъ по „Anthologie aus den Lyrikern der Griechen von Dr. E. Buchholtz, 1-es Bändchen“, именно: Архилоха, Симонида и Селорга (Amorginus) и Солонъ, причемъ источникомъ свѣдѣній по критикѣ текста служило „Poëtae lyrici Graeci. Teretiis curis ed. Th. Bergk“. Переводы отрывковъ писались на русскомъ языкѣ, объясненія—на латинскомъ, на которомъ происходили и пренія. Въ 1878-79 академическомъ году были объясняемы оды Пиндара, вторая Немейская и первая Пилейская по второй части той же Антологіи Вухгольца, кромѣ которой пособіями служили: изданіе Диссона, Poëtae lyrici Graeci Бергка, переводъ Моммсена и друг. Относительно языковъ, употребляемыхъ въ семинаріи, былъ соблюдаемъ тотъ же порядокъ. б) По отдѣлу римской словесности предметомъ занятій за 1878-й годъ служила латинская эпиграфика. Предварительно руководителемъ представленъ былъ очеркъ развитія эпиграфическихъ знаній въ западной Европѣ съ XV вѣка по настоящее время; при этомъ главнымъ образомъ имѣлось въ виду практически ознакомить студентовъ съ важнѣйшими собраніями латинскихъ надписей стараго и новаго времени и дать характеристику ученыхъ Италіи, Голландіи, Франціи и Германіи, усиліямъ которыхъ эпиграфика обязана своими успѣхами. За этимъ очеркомъ слѣдовало чтеніе и объясненіе надписей по 1-му тому Corp. Inscr. Lat. При выборѣ матеріала наблюдалась постепенность: сначала разбирались надписи мелкія и вообще не затруднявшія синтаксическимъ строемъ, и только по прочтеніи большаго количества таковыхъ приступлено было къ такъ наз. Senatus consultum de Bacchanalibus. Интерпретация была почти исключительно грамматическая. Руководствами и пособіями, кромѣ курса лекцій доцента Цвѣтаева, служили: Index grammaticus, приложенный къ 1-му тому Corp. Inscr. Lat. и грамматическіе труды Нейе, Корссена, Бюхелера, Аве и друг. По ознакомленіи съ болѣе доступнымъ матеріаломъ въ 1-мъ томѣ Corp. Inscr. Lat., студенты раздѣлились на двѣ группы: одна избрала народныя надписи Помпей по IV-му тому Corp. Inscr. Lat.; другая, имѣя въ виду сохраненія древности, пожелала ознакомиться съ tituli sacri sepulcrales, по сборнику Вильмансо „Exempla Inscriptionum Latinarum“.

2) Въ отдѣленіи славяно-русской филологіи, подъ руководствомъ профессора Буслаева, студенты занимались составленіемъ рефератовъ на темы, предложенныя профессоромъ, по рукописямъ и пособіямъ, имъ же указаннымъ. Подъ руководствомъ профессора Тихоцравова, студенты разбирали, со стороны языка и содержанія, въ первой половинѣ года, лѣтописи по Лаврентьевскому списку, во второй поло-

винѣ—Слово о полку Игоревѣ. Подъ руководствомъ профессора Дювернуа, студенты, въ часы преподаванія, посвященные практическимъ занятіямъ, были руководимы: а) по языку сербскому въ разборѣ и объясненіи народныхъ пѣсней по сборнику Караджича, б) по языку чешскому—легенды о св. Прохорѣ и предисловія Корнелія Вилгерда къ сочиненію „О правахъ земли чешской“, и в) по языку польскому—эпизода изъ Мицкевича „Разказъ Васьделома“. Къ экзамену были представлены всѣми 10-ю студентами переводы по языку сербскому. Во второмъ полугодіи 1878 года, по достаточномъ ознакомленіи студентовъ съ поэтическимъ языкомъ сербскихъ былинъ, было приступлено къ чтенію „Балканъ-Дивана“, изданнаго хорватскимъ писателемъ Велимиромъ Гаємъ, при чемъ предметомъ особаго вниманія было отраженіе языка сербской поэзіи въ хорватской прозѣ. Занятія въ семинаріи по исторіи всеобщей литературы ведутся параллельно съ преподаваемымъ курсомъ. Въ 1877/78 академическомъ году былъ читанъ курсъ исторіи средневѣковой нѣмецкой литературы, а въ семинаріи объяснялся подлинникъ Нибелунговъ и Гудруны по изданіямъ Барча. Доцентъ Стороженко читалъ на IV-мъ курсѣ лекціи по исторіи Шекспировской критики, а потому и объясненія въ семинаріи приняли характеръ эстетической оцѣнки. Для рефератовъ предложены слѣдующія задачи: а) Извлечь изъ драматургіи Лессинга его теорію трагедій; б) Сличеніе двухъ редакцій Гамлета 1603 и 1604; в) Разборъ книги Вердера „Vorlesungen über Hamlet. Berlin. 1865“. 3) Въ историческомъ отдѣленіи семинаріемъ по всеобщей исторіи руководилъ профессоръ Герье, по русской исторіи профессоръ Поповъ. Семинаріи по всеобщей исторіи состояли изъ двухъ отдѣленій. Предметомъ занятій въ младшемъ отдѣленіи въ первомъ полугодіи былъ разборъ сочиненія Азаревича „Патриціи и плебеи“, а въ старшемъ отдѣленіи—источники для исторіи Франціи въ XVIII вѣкѣ. Во второмъ полугодіи предметомъ занятій на младшемъ отдѣленіи былъ разборъ „Анналь“ Тацита и другихъ источниковъ для исторіи царствованія Тиберія, въ старшемъ отдѣленіи—источники для исторіи Франціи въ XVIII вѣкѣ. Кромѣ того, для студентовъ IV-го курса принимавшихъ также участіе въ старшемъ отдѣленіи общаго семинарія, былъ устроенъ особый семинарій по исторіи древнихъ вѣковъ. Занятія въ этомъ семинаріѣ заключались: а) въ переводѣ съ латинскаго и объясненіи хрестоматіи средневѣковыхъ историческихъ и юридическихъ памятниковъ, напечатанной профессоромъ Герье для участниковъ въ семинаріѣ; б) въ разборѣ изслѣдованій студентовъ по во-

просу о землевладѣніи у древнихъ Германцевъ (на основаніи Германіи Тацита и *Leges barbarorum*). Въ семинаріѣ по русской исторіи принимали участіе студенты историческаго отдѣленія, коихъ въ первомъ полугодіи было 2, во второмъ же 6 и кромѣ того одинъ студентъ лицея Цесаревича Николая. Въ первомъ полугодіи студентъ Харахоркинъ читалъ свой рефератъ о Люблинской уніи 1569 года. Рефератъ этотъ, отличаясь полнотою изложенія, свидѣтельствовалъ о совершенномъ знакомствѣ автора съ источниками для избраннаго имъ вопроса. Студентъ Боголѣповъ читалъ рефератъ, предметомъ коего была характеристика государственнаго управленія въ Россіи XVII вѣка. Главныя положенія обоихъ рефератовъ служили предметомъ диспута для участниковъ въ семинаріѣ. Запятія въ семинаріѣ втораго полугодія сосредоточены были сначала на тѣхъ вопросахъ изъ исторіи древне-русскаго быта, объясненіе которыхъ представлено въ первой главѣ XIII тома „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ“ С. М. Соловьева. Совмѣстное изученіе текста этой главы съ сочиненіями другихъ писателей о тѣхъ же вопросахъ и провѣрка ихъ историческими источниками послужили предметомъ для нѣсколькихъ рефератовъ. Студентъ Веселовъ разсматривалъ вопросъ „О домашнемъ бытѣ московскихъ государей и придворной службѣ того времени“, основываясь на сочиненіяхъ Олсарія, Котошихина и Крижанича и руководствуясь сочиненіемъ Забѣлина: „Домашній бытъ русскихъ царей и царицъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ“; студентъ Дудышкинъ представилъ рефератъ „О высшихъ классахъ служилаго сословія въ XVI и XVII столѣтіяхъ“; студентъ Мизиновъ—читалъ рефератъ по вопросу объ историческомъ значеніи раскола, пользуясь сочиненіями Шапова, Макарія и друг.; студентъ Смирновъ разбиралъ вопросъ „О земствѣ и городахъ въ XVII вѣкѣ“; студентъ графъ Соллогубъ разсматривалъ вопросъ „О воеводскомъ управленіи“; студентъ Якушкинъ изслѣдовалъ вопросъ „О положеніи сельскаго населенія въ Россіи XVII вѣка“; студентъ лицей Цесаревича Николая Алехинъ разсматривалъ вопросъ „О приказахъ и ихъ значеніи въ центральномъ и областномъ управленіи московскаго государства въ XVI и XVII вѣкахъ“. Кромѣ разсмотрѣнія названныхъ вопросовъ, обследованныхъ въ вышепомянутой главѣ сочиненія С. М. Соловьева, представлены были рефераты и по другимъ вопросамъ, выходящимъ за предѣлы ея. Такъ студентъ Смирновъ—разсматривалъ вопросъ „О землевладѣніи по Русской Правдѣ; студентъ Дудышкинъ—читалъ рефератъ „О ближнемъ бояринѣ Ординѣ-Нащо-

кии"; студентъ Мизиловъ — читалъ рефератъ „О Посошковѣ“; студентъ Веселовъ — читалъ рефератъ о Наказѣ императрицы Екатерины II; студентъ Якушкинъ читалъ рефератъ подъ заглавіемъ А. Я. Полѣновъ и вопросъ о надѣленіи крестьянъ землею. Наконецъ нѣсколько лекцій въ спеціальному курсѣ по исторіи сѣверо-западной Россіи посвящены были разсмотрѣнію вопроса о языкѣ, какъ источникѣ для исторіи первоначальнаго народнаго быта, причемъ для исторіи финскихъ племенъ главнымъ пособіемъ служило сочиненіе Альквиста и *Die Kulturwörter der Westfinnischen Sprachen*, а для исторіи Литвы сочиненіе Брикнера *Litau-slavische Studien*, и прочтена была лѣтопись *Origines Livoniae sacrae et civiles seu chronicon Livonicum vetus Henrici de Lettis*“, съ положеніями Ганзена и Пабста. Въ юридическомъ факультетѣ практическими занятіями студентовъ руководилъ профессоръ Муромцевъ. Въ 1877—1878 академическомъ году студенты 2-го и 3-го курсовъ слушали вмѣстѣ у этого профессора основной курсъ римскаго гражданскаго права. Въ параллель этому курсу были устроены практическія занятія студентовъ. Вслѣдствіе неподготовленности послѣднихъ нельзя было приступить непосредственно къ работамъ по догмѣ Римскаго права, и потому они были заняты преимущественно историческими работами. Были выполнены рефераты, темы которыхъ заимствовались главнымъ образомъ изъ области ученій о владѣніи и давности. Эти рефераты докладывались въ аудиторіи и подвергались общему обсужденію. Съ 1878—79 академическаго года область практическихъ занятій студентовъ по римскому праву значительно расширилась: оно преподается въ 3-мъ курсѣ. Студенты этого курса уже въ прошломъ году усвоили основныя свѣдѣнія по римскому праву, такъ что въ настоящемъ году слушаютъ спеціальнѣйшій курсъ, который содержитъ въ себѣ важнѣйшіе отдѣлы этого предмета въ распространенномъ измѣненіи. Семинарій этого года имѣетъ характеръ строго-догматическій. На разрѣшеніе студентовъ предлагаются случаи гражданской практики, заимствованные частію изъ составленныхъ для этой цѣли нѣмецкихъ сборниковъ, частію изъ русской судебной практики. Студенты, принявшіе на себя разрѣшеніе казуса, излагаютъ предъ аудиторіей проектъ рѣшенія, который подвергается вслѣдъ за симъ общему обсужденію. Обсужденіе каждаго случая оканчивается заключеніемъ профессора. На семинарій посвящено еженедѣльно по два часа, такъ что всѣ студенты 3-го курса будутъ участниками его. Кромѣ обычныхъ занятій имѣется въ виду предлагать задачи болѣе сложныя; такъ напримѣръ,

уже предложено сравнить русскую судебную практику по вопросам о представительствѣ съ учевіемъ современнаго римскаго права о томъ же предметѣ. Удачное выполненіе подобныхъ задачъ зачисляется за курсовое сочиненіе. Въ факультетѣ физико-математическомъ семинаріи замѣнялись практическими занятіями студентовъ на астрономической обсерваторіи, въ зоологическомъ музеѣ, въ химическихъ лабораторіяхъ, въ ботаническомъ саду и кабинетѣ. Въ палеонтологическомъ кабинетѣ студенты занимались микроскопическими работами подъ руководствомъ хранителя кабинета. Практическія занятія въ минералогическомъ кабинетѣ происходили отъ 11 до 12-ти часовъ по понедѣльникамъ, а въ остальные дни недѣли послѣ двухъ часовъ; въ физической лабораторіи—въ часы свободные отъ лекцій, между 10 и 4; въ технической лабораторіи—три раза въ недѣлю, но воскресеньямъ, средамъ и пятницамъ. Сверхъ того на практическія упражненія по математикѣ со студентами перваго курса назначено было два часа въ недѣлю, а по теоретической механикѣ студентамъ предлагались задачи для рѣшенія на дому. На медицинскомъ факультетѣ студенты ежедневно были заняты на многочисленныхъ лекціяхъ, которыя въ нѣкоторыхъ курсахъ продолжаются отъ 8-ми утра до 3-хъ часовъ пополудни. Сверхъ того, они занимались практически и въ часы свободные отъ лекцій, показанныхъ въ росписаніи. Студенты-медики упражнялись въ химической и фармацевтической лабораторіяхъ и занимались въ ботаническомъ саду. Профессоръ медицинской химіи руководилъ студентовъ въ производствѣ зоохимическихъ изслѣдованій. Въ анатомическихъ театрахъ студенты разсѣвали труны съ цѣлію изученія нормальной, хирургической и патологической анатоміи и судебной медицины; здѣсь же упражнялись въ производствѣ операций на трупахъ и изучали практически общую патологию. Въ кабинетахъ физиологическомъ и гистологическомъ, въ анатоми-патологическомъ театрѣ студенты занимались практическимъ изученіемъ физиологіи и гистологіи, нормальной и патологической анатоміей. Въ клиникахъ они писали исторіи болѣзней, на основаніи собственнаго изслѣдованія больныхъ и, въ случаѣ нужды, сами производили термометрическія, химическія и микроскопическія опредѣленія. Профессору судебной медицины студенты представляли протоколы судебно-медицинскихъ изслѣдованій. Ординарный профессоръ Клейнъ, съ цѣлію возможно-полнаго ознакомленія студентовъ съ патологическою анатоміей и патологическою гистологіей въ первомъ полугодіи 1878—79 академическаго года, велъ практическія занятія съ желающими изъ сту-

дентовъ 5-го курса въ праздничные и воскресные дни отъ 1 до 3 часовъ пополудни.

Для соисканія наградъ медалями предложены были студентамъ слѣдующія темы: въ историко-филологическомъ факультетѣ „Литературныя описанія хожденій во Святую Землю и въ Царьградъ съ XII по XVI вѣкъ включительно“, „Эрасмъ и его отношеніе къ реформаци“ и „Представить состояніе искусства въ эпоху гомерическихъ поэмъ“, въ физико-математическомъ „Очеркъ состоянія и развитія математическихъ наукъ въ Россіи въ половинѣ XVIII столѣтія“ и „О послѣднихъ изслѣдованіяхъ относительно семейства Аммонитидовъ“; въ юридическомъ „Административная юстиція во Франціи, Австріи и Пруссіи въ ея историческомъ развитіи, начиная съ французской революціи“; въ медицинскомъ „О связи болѣзненныхъ явленій, наблюдаемыхъ въ теченіе періода зуборащенія у дѣтей, съ самимъ процессомъ зуборащенія“. За представленныя на эти темы сочиненія награждены медалями золотыми: отдѣленія естественныхъ наукъ кандидатъ выпуска 1878 года Алексѣй Павловъ и студентъ V-го курса медицинскаго факультета Лазарь Миноръ, серебряными: историко-филологическаго факультета кандидатъ выпуска 1878 года Саркисъ Саркисовъ и медицинскаго факультета студентъ V-го курса Петръ Нечаевъ; половинными преміями имени Н. В. Исакова студенты историко-филологическаго факультета Вячеславъ Смирновъ и Вячеславъ Ялушкинъ. Сверхъ того, студенты историко-филологическаго факультета Сергій Рождественскій и Сергій Радецкій, за особые успѣхи въ древнихъ языкахъ, удостоены: первый полной, а второй—половинной филологической преміи, а сочиненіе студента Григорія Ульянова удостоено похвального отзыва.

Преподаватели университета и другіе служащіе въ ономъ лица напечатали и приготовили къ выпуску въ свѣтъ слѣдующіе учено-литературные труды: ординарные профессора: протоіерей Сергіевскій напечаталъ нѣсколько проповѣдей, говоренныхъ по разнымъ случаямъ торжественныхъ служеній въ университетской церкви; Буслевъ напечаталъ 5-мъ изданіемъ „Учебникъ русской грамматики“ и составилъ академическій отзывъ о книгѣ архимандрита Амфилохіа „Описаніе Юрьевскаго евангелія; Тихомировъ прочелъ публичную лекцію: „Древне-русскія сказанія о паденіи Царьграда“; Поповъ напечаталъ въ Православномъ Обзорѣннѣ рецензію на книгу пастора Фехнера „Chronik der Evangelischen Gemeinden in Moskau“, въ Русскомъ Архивѣ—статью подъ заглавіемъ „Савва Текели въ Россіи

(1787—1789 гг.)“ и въ Киевскомъ Славянскомъ Ежегодникѣ статью „Австрійская публицистика предъ введеніемъ дуализма (1865—1866 г.)“; Герье напечаталъ въ Вѣстникѣ Европы четыре статьи „О Тенѣ, какъ историкѣ Франціи“ и вмѣстѣ съ Б. Н. Чичеринымъ написалъ сочиненіе „Русскій дилетантизмъ и общинное землевладѣніе“; Ивановъ напечаталъ рѣчь, произнесенную на университетскомъ актѣ: „Взглядъ Цицерона на современное ему изученіе краснорѣчія въ Римѣ, въ связи съ его собственнымъ образованіемъ“; Щуровскій къ 50-лѣтнему своему юбилею, по порученію общества любителей естествознанія, пересмотрѣлъ всѣ свои статьи, помѣщавшіяся въ разныхъ журналахъ, и посредствомъ дополненій привелъ ихъ въ уровень съ нынѣшнимъ состояніемъ науки, для новаго ихъ изданія; Цингеръ прочиталъ публичную лекцію въ университетѣ: „О новыхъ воззрѣніяхъ на пространство“; Толстомятовъ прочелъ публичную лекцію „Объ алмазѣ“; Столѣтовъ приготовилъ къ университетскому акту рѣчь: „Очеркъ развитія нашихъ свѣдѣній о газахъ“; Марковниковъ напечаталъ отчетъ о командировкѣ въ дунайскую армію и читалъ курсъ неорганической химіи на женскихъ курсахъ; Слудскій помѣстилъ въ Математическомъ Сборникѣ статью „Механика будущаго“; Бредихинъ издаетъ 5-й томъ Анналь обсерваторіи, въ которомъ помѣщаетъ свои работы: „Observations spectroscopiques du soleil en 1878“; „Observations de Jupiter“, „Sur la comète de 1877“, „Remarque générale sur les comètes“, „Mesures micrométriques d'Algol“ „Recherches sur les comètes de 1823, 1843 (1), 1853 (2), 1853 (4), 1854 (2), 1854 (3), 1857 (3), 1863 (4), 1807“, „Mesures micrométriques du groupe d'étoiles 1460 G. G. H.“; Богдановъ прочелъ публичную лекцію объ антропологической физиогномикѣ и напечаталъ ее, издалъ подъ своею редакціею 1) 2-ой томъ „Антропологической выставки общества любителей естествознанія“, въ которомъ помѣстилъ статьи: а) „Курганные черепа Юхновскаго уѣзда“, б) „Суджанское длинно-головое курганное населеніе“ и в) отчетъ о поѣздкѣ на всемірную выставку; 2) „Воскресныя объясненія въ политехническомъ музеѣ“, въ коихъ помѣстилъ: а) „Объ этнографическихъ и антропологическихъ собраніяхъ“, б) „О собраніи полезныхъ и вредныхъ животныхъ“ и в) „О паразитныхъ животныхъ“; 3) первый томъ „Акклиматизаціи Зоологическаго сада“, въ коемъ помѣстилъ нѣсколько мелкихъ замѣтокъ; Бугаевъ напечаталъ въ Математическомъ Сборникѣ статьи: „Къ теоріи дѣлимости чиселъ“ и „Къ теоріи функциональныхъ уравненій“, помѣстивъ эти статьи и въ Bulletin des Mathématiques et

d'Astronomie; Лешковъ занимался редакціею Юридическаго Вѣстника, издаваемаго Московскимъ юридическимъ обществомъ, прочелъ публичную лекцію „Война и благотворительность“ и сообщилъ въ юридическомъ обществѣ рефератъ подъ заглавіемъ „За сто лѣтъ пути сообщенія и почты“; Павловъ продолжалъ печатаніе памятниконъ древняго русскаго каноническаго права, по порученію археографической комисіи; Янжуль прочелъ публичную лекцію „Британскіе интересы на Востокѣ“ и напечаталъ ее, помѣстилъ нѣсколько мелкихъ финансовыхъ статей въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ и готовилъ къ печати второй выпускъ сочиненія „Англійская свободная торговля“, Муромцевъ прочелъ публичную лекцію „О защитѣ неимущественныхъ интересовъ въ гражданскомъ правѣ“, помѣстилъ нѣсколько рецензій въ Юридическомъ Вѣстникѣ и приготовилъ рецензію о книгѣ Нерсесова для помѣщенія въ Сборникѣ государственныхъ знаній; Чупровъ напечаталъ докторскую диссертацию „Желѣзнодорожное хозяйство, томъ II: Условія, опредѣляющія движеніе и сборъ на желѣзныхъ дорогахъ“ и прочелъ публичную лекцію: „Восточная война и настоящій экономическій кризисъ“; Соколовскій напечаталъ „Основы общей и частной фармакологіи“; Булыгинскій приготовилъ къ изданію 2-й выпускъ перевода „Физиологической химіи Гоппе-Зейлера“; Захарьинъ помѣстилъ въ Berliner klinische Wochenschrift статью „Die syphilitische Pneumonie“, въ годовомъ засѣданіи физико-медицинскаго общества сдѣлалъ дальнѣйшее сообщеніе о томъ же предметѣ; сводъ клиническихъ и другихъ сообщеній профессора Захарьина о названной болѣзни, составленный К. М. Павлиновымъ, помѣщенъ въ Медицинскомъ Обзорѣннн подъ заглавіемъ: „Распознаваніе и леченіе сифилиса легкихъ“; Клейнъ напечаталъ статью „Два случая меланосаркомы головного мозга“ и нѣсколько другихъ статей въ медицинскомъ отчетѣ Московскаго воспитательнаго дома. Экстраординарные профессора: Иванцевъ-Платоновъ напечаталъ нѣсколько статей въ Православномъ Обзорѣннн; Герцъ читалъ публичную лекцію „Статуэтки изъ Танагры“, которую и напечаталъ въ Русскомъ Вѣстникѣ; сверхъ того напечаталъ рецензію на книгу Садовскаго въ Трудяхъ Московскаго археологическаго общества, и рядъ статей объ археологіи и искусствѣ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ; Коршъ написалъ Archiv für slavische Philologie замѣтку о нѣкоторыхъ особенностяхъ русскаго произношенія; Тимирязевъ издалъ обширный курсъ физиологіи растений подъ заглавіемъ: „Жизнь растений“, прочелъ двѣ публичныя лекціи подъ заглавіемъ: „Дарвинъ, какъ типъ ученаго“ и

„О грибахъ“, изъ нихъ первую напечаталъ отдѣльною брошюрой, и сдѣлалъ въ С.-Петербургскомъ обществѣ естествоиспытателей сообщенія „О родѣ ядра у *Leptomitae (Saprolognia laotea)*. Доценты: Сторожено помѣстилъ въ учебно-воспитательной библіотекѣ, издаваемой учебнымъ отдѣломъ Московскаго техническаго общества, рецензію на книгу г. Полеваго „Школьный Шекспиръ“, прочелъ публичную лекцію: „Лордъ Байронъ, какъ защитникъ угнетенныхъ народностей Востока“, и издалъ въ свѣтъ свою докторскую диссертацию подъ заглавіемъ: „Робертъ Гринъ, его жизнь и сочиненія, критическое изслѣдованіе“; Миллеръ занимался приготовленіемъ къ печати „Руководства по исторіи Востока“; Fortunatovъ напечаталъ *Lituanica* въ журналѣ *Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen*; Цвѣтаевъ издалъ трудъ подъ заглавіемъ „*Sylloge Inscriptorum Oecarum. Vol. I „Petropli. Vol. II Lipsiae*“, готовитъ къ изданію переводъ соч. „*A dictionary of Roman and Greek Antiquities... by Antony Ried. 4 ed. London, 1874*“. Сабанѣевъ издалъ переводъ учебника неорганической химіи Кольбе; Горожанкинъ сдѣлалъ сообщеніе въ обществѣ испытателей природы „О половомъ процессѣ у хламидомонадъ“; Ковалевскій подготовлялъ сочиненіе „Исторія политической мысли въ Англіи во второй половинѣ среднихъ вѣковъ“, напечаталъ въ Юридическомъ Вѣстникѣ статью „О методологическихъ приемахъ при изученіи ранняго періода въ исторіи учреждений“ и прочелъ двѣ публичныя лекціи: объ экономическомъ положеніи крестьянъ въ Англіи и Франціи и о причинахъ ухудшенія матеріальнаго быта въ послѣдующія столѣтія“; Нерсесовъ напечаталъ магистерскую диссертацию: „Понятіе добровольнаго представительства въ гражданскомъ правѣ“ и помѣстилъ въ Юридическомъ Вѣстникѣ рецензію на книгу Гордона „Представительства въ гражданскомъ правѣ“; Ельцинскій редактировалъ Московскую медицинскую газету, въ которой помѣстилъ нѣсколько рефератовъ по вопросамъ практической медицины; Снегиревъ сообщилъ въ физико-медицинскомъ обществѣ случай удаленія фибромы съ маткою и яичниками и удаленія фибромы широкихъ связокъ *per la paratomiam*; Фохтъ напечаталъ статью подъ заглавіемъ: „Изслѣдованіе по поводу происхожденія острой и хронической катарральной пневмоніи“; Макѣевъ подготовлялъ отчетъ по акушерской клиникѣ за всѣ года завѣдыванія ею; Погожевъ напечаталъ сочиненіе: „Анатомическое описаніе сердца у позвоночныхъ животныхъ“; Медвѣдевъ прочиталъ двѣ публичныя лекціи о физическомъ воспитаніи въ отроческомъ и юношескомъ возрастахъ; Ней-

дингъ напечаталъ въ извѣстіяхъ Московской городской думы „Санитарный очеркъ Яузской части“. Лекторы иностранныхъ языковъ: Фелькель вполне приготовилъ къ печати свой трехлѣтній трудъ — изданіе книгъ Цицерона „de officiis“ со введеніемъ въ стоическую философію и съ подробнымъ комментариемъ, имѣющимъ состоять, кромѣ введенія и текста, по крайней мѣрѣ изъ 50-ти печатныхъ листовъ; кромѣ того, началъ составлять комментарий къ сочиненію Цицерона „Tusculanae disputationes“ и переводить „Anabasis“ Ксенофонта на латинскій языкъ; Гемиліанъ — помѣщалъ статьи по техническому отдѣлу въ газетѣ Гатцука. Сторонніе преподаватели: Зубковъ печаталъ магистерскую диссертацию: „Трахинянки, трагедія Софокла“; Карѣевъ напечаталъ историческую диссертацию: „Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи въ послѣдней четверти XVIII вѣка“. Астрономъ-наблюдатель Цераскій представилъ для V-го тома Анналь обсерваторіи отчетъ объ астро-фотометрическихъ работахъ до 1879 года, въ которомъ изложилъ рядъ изслѣдованій для установленія теоріи фотометра, и правилъ 540 опредѣленій звѣздъ, лежащихъ между зенитомъ и полюсомъ; кромѣ того доставилъ замѣтку о новомъ способѣ опредѣленія разстоянія нашей галактики. Лаборанты: Миллеръ напечаталъ въ журналѣ Русскаго химическаго общества и въ Berliner Berichte статьи: „О нитрофталевыхъ кислотахъ“ и „Ueber den Amidophthalsäureäther und Oxyphtalsäure d. Herrn Bayer“; Жуковскій составилъ аналитическую таблицу, какъ руководство при практическомъ изученіи аналитической химіи. Ординаторы: Курбатовъ готовилъ докторскую диссертацию: „Объ искусственномъ пути въ желудокъ“; Митропольскій напечаталъ въ Медицинскомъ Обозрѣніи описаніе трехъ случаевъ эхинококковъ въ печени; Муратовъ дѣлалъ сообщенія въ физико-медицинскомъ обществѣ: „Беременность и роды при paresis одной половины тѣла“ и „Механизмъ рожденія головки при гидроцефалии безъ предварительнаго протокола“. Хранитель зоологическаго музея Зографъ напечаталъ: въ Трудахъ антропологической выставки „Антропологическій очеркъ самоѣдовъ“, въ Воскресныхъ объясненіяхъ политехническаго музея „О каменномъ углѣ и его продуктахъ“, и приготовилъ къ печати отчетъ о поѣздкѣ въ Зауральскую часть Пермской губерніи и страну Мещеряковъ, совершенной по порученію комитета антропологической выставки. Сверхштатные ассистенты: Тихомировъ напечаталъ нѣсколько рефератовъ въ изданіи общества любителей естествознанія „Зоологическій садъ и акклиматизація“, и статью подъ заглавіемъ „О составѣ фауны

въ зоологическихъ садахъ“, въ политехническомъ музеѣ сдѣлалъ три воскресныхъ объясненія коллекцій, изъ которыхъ два напечаталъ въ изданіи этого музея: Воскресныя объясненія: а) „Издѣлія изъ слоновой кости и черепахи“, и б) „Коллекція пушныхъ звѣрей“; Бѣлопольскій представилъ, для V-го тома Анналь обсерваторіи, работы: „Observations photoheliographiques en 1878“, „Observations au cercle méridien en 1878“, „Observations sur les météores du mois d'août de 1878“ и „Recherches sur les microscopes du cercle méridien“. Помощникъ прозектора Тихомировъ печаталъ рефераты въ журналѣ Медицинское Обозрѣніе, напечаталъ отчетъ о санитарномъ состояніи Пречистенской части Москвы въ Московскихъ городскихъ извѣстіяхъ, а въ извѣстіяхъ общества любителей естествознанія „О родничковыхъ костяхъ“.

Совѣтомъ Московскаго университета въ 1878 году утверждены въ степени доктора: магистры: Зеленогорскій философіи, Кошкинъ физики, Чупровъ политической экономіи и статистики, Посниковъ политической экономіи, лекаря Литиновскій, Бернеръ и Эйгесъ медицины; въ степени магистра: докторъ Берлинскаго университета Широковъ всеобщей исторіи, кандидаты: Милашевичъ минералогіи и геогнозіи, Кроненбергъ зоологіи, Табашниковъ и Нерсесовъ гражданскаго права и Гольцевъ полицейскаго права. Затѣмъ удостоены: степени кандидата: по историко-филологическому факультету 15, по физико-математическому 26, въ числѣ ихъ одинъ студентъ лица цесаревича Николая, по юридическому 41, изъ нихъ три студента того же лица; званія дѣйствительнаго студента: по физико-математическому факультету 2, по юридическому 22. По медицинскому факультету удостоено: степени лекаря 84, изъ нихъ 5 съ отличіемъ, уѣзднаго врача 2, провизора 56, аптекарскаго помощника 53, дантиста 2, повивальной бабки 111.

Денежныя средства Московскаго университета находились въ слѣдующемъ положеніи: 1) изъ государственнаго казначейства ассигновано по финансовой смѣтѣ на содержаніе университета 462,628 руб. 70 коп., именно: на личный составъ 224,682 руб. 60 коп., на учебныя пособія, хозяйственныя и другіе расходы 158,896 руб. 60 коп., на стипендіи и пособія студентамъ 3,709 руб. 50 коп. 2) благотворительныхъ капиталовъ 933,463 руб. 98 коп., изъ нихъ въ процентныхъ бумагахъ 879,442 руб., въ наличныхъ деньгахъ 54,021 руб. 98 коп. 3) суммы сбора со студентовъ за слушаніе лекцій: къ 1-му января 1878 года оставалось 17,587 р. 44 к., въ теченіе 1878 года посту-

шло 39,758 руб. 95 коп., израсходовано 36,824 руб. 56 коп., затѣмъ въ 1879 году оставалось 20,521 руб. 83 коп. Главнѣйшіе расходы изъ суммы сбора слѣдующіе: на разныя непредвидимыя расходы 16,877 руб. 70 коп., на жалованье и плату сверхъ штатнаго положенія 12,970 руб., на учрежденіе стипендій, на выдачу стипендій и пособій студентамъ, на выдачу содержанія молодымъ людямъ, оставленнымъ при университетѣ для усовершенствованія въ наукахъ 3,651 руб. 66 коп., на вознагражденіе профессоровъ и прочихъ преподавателей за чтеніе лекцій по другимъ кафедрамъ 1,150 руб.

Студентовъ въ 1-му января 1878 года состояло 1,568, въ теченіе 1878 года вновь поступило 366 (изъ правительственныхъ гимназій 247, изъ лицея Цесаревича Николая 12, изъ духовныхъ семинарій 29, изъ другихъ среднихъ учебныхъ заведеній 12, изъ другихъ университетовъ 37, изъ университетскаго отдѣленія лицея Цесаревича Николая 6, изъ бывшихъ студентовъ Московскаго университета 20), въ теченіе года выбыли 291, въ томъ числѣ: до окончанія курса 105, по окончаніи курса и сдачѣ экзамена 186; затѣмъ къ 1-му января 1879 года состояло 1,643 чел., которые распредѣлены были слѣдующимъ образомъ: на историко-филологическомъ факультетѣ 131, на физико-математическомъ 240 (по отдѣлу математическихъ наукъ 188, по отдѣлу естественныхъ наукъ 52), на юридическомъ 318, на медицинскомъ 954. По происхожденію: потомственныхъ и личныхъ дворянъ 769, духовнаго званія 440, почетныхъ гражданъ и купцовъ 138, мѣщанъ и цеховыхъ 224, крестьянъ 37, иностранцевъ 35; по вѣроисповѣданіямъ: православнаго 1,412, армяно-григоріанскаго 34, евангелическо-лютеранскаго 66, реформатскаго 5, римско-католическаго 87, іудейскаго 39; по мѣсту первоначальнаго образованія: окончившихъ курсъ въ гимназіяхъ 1,166, окончившихъ курсъ въ духовныхъ семинаріяхъ 373, окончившихъ курсъ въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ 104. Стипендій выдано было на сумму 115,100 руб. 67 коп.: въ первомъ полугодіи 426 студентамъ, во второмъ 425; размѣръ стипендій простирался отъ 40 до 100 руб. въ годъ. Пособій одновременныхъ выдано: въ первомъ полугодіи 234 студентамъ на сумму 3,995 руб., во второмъ 334 студентамъ на 6,856 руб.; размѣръ пособій отъ 19 до 50 руб. Сверхъ того Московскою купеческою управою выдано пособій: 32 студентамъ по 14 руб. 234 руб., 5 — 7 студентамъ по 50 руб.—250 руб., и одному 15 руб. 50 коп.

Учебно-вспомогательныя учрежденія Московскаго университета къ концу 1878 года находились въ слѣдующемъ положеніи: въ универ-

ситетской библиотекѣ имѣлось 100,283 названія въ 168,153 томахъ и 11,518 тетрадяхъ; въ это число не вошли, какъ еще неразобранныя: библиотека упраздненнаго Московскаго славянскаго благотворительнаго комитета и библиотека, завѣщанная покойнымъ профессоромъ О. В. Варвизскимъ. Въ студенческой библиотекѣ при юридическомъ факультетѣ 1,158 названій въ 1,830 томахъ. Библиотека эта открыта 17-го октября 1878 года, и съ того числа по 1-е декабря взято было изъ нея для чтенія 408 томовъ русскихъ книгъ и 64 тома иностранныхъ, всего 472 тома, что составляетъ въ среднемъ выводѣ въ недѣлю 68 томовъ русскихъ и 10 иностранныхъ. Въ кабинетѣ изящныхъ искусствъ и древностей 20,034 предмета. На астрономической обсерваторіи 74 инструмента и прибора на сумму 29,150 руб. Работы обсерваторіи продолжались по тому плану, который установился въ послѣднее пятилѣтіе: завѣдывающій обсерваторією профессоръ Бредихинъ продолжалъ свои наблюденія большимъ рефракторомъ, посвятивъ значительную часть времени теоретическимъ изысканіямъ надъ кометами, астрономъ-наблюдатель Царскій главнымъ образомъ занимался далеко подвинувшимися уже своими фотометрическими изслѣдованіями звѣздъ, кромѣ того принималъ участіе въ работахъ по фотографіи солнца; ассистентъ Бѣлопольскій постоянно производилъ фотографическіе снимки солнца и занимался точнымъ опредѣленіемъ положеній звѣздъ съ опутимымъ собственнымъ движеніемъ при помощи меридіаннаго круга, кромѣ того принималъ участіе въ другихъ работахъ обсерваторіи и постоянно снабжалъ Москву точнымъ временемъ. Изъ прикомандированныхъ къ обсерваторіи межевыхъ инженеровъ одинъ занимался редукией меридіанныхъ наблюденій прошлыхъ лѣтъ, а другой, сверхъ того, принималъ полезное участіе въ астрономическихъ наблюденіяхъ, чередуясь съ ассистентомъ какъ въ вышеупомянутыхъ опредѣленіяхъ положеній звѣздъ меридіаннымъ кругомъ, такъ и въ нѣкоторыхъ другихъ работахъ. Изъ студентовъ IV-го курса восемь человекъ съ большимъ усердіемъ занимались подъ руководствомъ профессора наблюденіями, а также упражненіями въ вычисленіяхъ. Къ концу года наблюденія и вычисленія были изготовлены къ печати въ видѣ пятаго тома *Annales*, котораго первая половина уже вышла къ 1-му декабря, вторая же половина должна была появиться въ началѣ 1879 года. Расходы по печатанію этого изданія университетъ принялъ на свои суммы, отпустивъ для этого 400 руб., въ дополненіе къ штатнымъ средствамъ обсерваторіи на печатаніе трудовъ ея. Проектъ изслѣдованія притяженія въ Москов-

ской губернии приближается къ исполненію, благодаря присылкѣ изъ Гамбурга отъ Репольда заказаннаго для сего реверсионнаго маятника. Въ механическомъ кабинетѣ числилось: моделей 129, инструментовъ 68, чертежей 54, всего на сумму 5,377 руб. 60 коп. Кабинетъ этотъ, составлявшій прежде, вмѣстѣ съ кабинетами технологическимъ и агрономическимъ, часть такъ называемаго промышленнаго музея, перенесенъ изъ стараго зданія университета въ новое и помѣщается теперь рядомъ съ аудиторіями физико-математическаго факультета, и штатная сумма кабинета увеличена на 200 руб. Въ химической лабораторіи: а) въ отдѣленіи органической химіи—разныхъ приборовъ, инструментовъ 338 нумеровъ 729 предметовъ на сумму 7,356 руб. 86 коп., книгъ 172 названія въ 270 томахъ, періодическихъ изданій 5 названій, б) въ отдѣленіи неорганической химіи: аппаратовъ инструментовъ и мебели 123 нумера 232 предмета на 2,804 руб., матеріаловъ и посуды на 932 руб. Число практикантовъ, занимавшихся въ лабораторіи, считая каждое полугодіе отдѣльно, было 76 человекъ, именно: естественнаго разряда II и III курсовъ 34, медицинскаго факультета тѣхъ же курсовъ 37, фармацевтовъ 3 и 2 окончившихъ курсъ естественника, продолжавшихъ ранѣе начатія изслѣдованія. Практическія занятія велись преимущественно по аналитической химіи; трое студентовъ высшихъ курсовъ занимались изслѣдованіями на заданныя имъ темы. Въ зоологическомъ музеѣ имѣлось разныхъ предметовъ 82,374 нумера. Занятія въ музеѣ, за исключеніемъ лѣтнихъ вакацій, были ежедневныя; занимались студенты естественнаго отдѣленія и медицинскаго факультета. Съ начинающими производились общія анатомическія и зоологическія упражненія въ извѣстныя часы подъ руководствомъ двухъ преподавателей, которымъ помогалъ одинъ студентъ. Болѣе успѣвшіе занимались постоянно въ свободное отъ лекцій время, имѣя въ своемъ распоряженіи особія помѣщенія на рабочихъ столахъ. Студентами IV курса Насоновымъ и Голубининымъ, II—Митрофановымъ и Шимкевичемъ и I—Ивовымъ изготовлено было значительное число микроскопическихъ препаратовъ для музейскаго собранія. Въ зоологическомъ семинаріѣ участвовали наиболѣе успѣвшіе и наиболѣе ревностно занимавшіеся практическимъ изученіемъ зоологіи, именно названные пять студентовъ естественнаго разряда и одинъ студентъ медицинскаго факультета. Кромѣ того нѣкоторые изъ занимавшихся въ музеѣ были допущены въ качествѣ посѣтителей, хотя на первое время и не принимали непосредственнаго участія въ трудахъ лабораторіи; такихъ

кандидатовъ на членовъ было четверо. Нижеслѣдующіе студенты, кромѣ систематическаго изученія курса, занимались болѣе спеціальнымъ изученіемъ нѣкоторыхъ формъ: Насоновъ — оканчивалъ свою работу о муравьяхъ и сдѣлалъ нѣсколько наблюденій надъ образомъ жизни и развитіемъ животныхъ, жившихъ въ терраріумахъ и аквариумахъ зоологическаго сада; Шимкевичъ — пропелъ анатомію клеща *Eulais*; Митрофановъ — изготовилъ значительную серію препаратовъ по анатоміи позвоночныхъ для музея и антропологической выставки; Голубининъ — изучалъ ядоотдѣлительные органы тарантула; Ивовъ — приготовлялъ серію препаратовъ по развитію мухи, а Адельгеймъ — по строенію пиявки. Въ воскресные дни происходили въ музеѣ классы рисованія, устроенные Московскимъ обществомъ распространенія техническихъ знаній; рисованіе происходило съ препаратовъ и предметовъ зоологическаго музея и въ немъ принимали участіе преимущественно медики I-го курса. Въ воскресные же дни музей, за исключеніемъ лѣтнихъ вакацій, былъ открытъ для публики; воспитанники учебныхъ заведеній и дѣти составляли главную массу посѣтителей. Въ геологическомъ кабинетѣ находилось: ископаемыхъ 7,053 нумера, картъ геологическихъ и графическихъ 32 нумера, геологическихъ разрѣзовъ 9, разныхъ моделей 141 нумеръ, картинъ 15 нумеровъ; въ библиотекѣ кабинета: геологическихъ сочиненій 95 названій, палеонтологическихъ 100 названій, 19 оконченныхъ монографій и 12 томовъ неоконченыхъ монографій, издаваемыхъ Лондонскимъ палеонтологическимъ обществомъ, руководство 35 названій, періодическихъ сочиненій 222 тома и 360 ливрезоновъ, смѣси 123 сочиненія. Въ минералогическомъ кабинетѣ въ 1877 году числилось: минераловъ, горныхъ породъ и ископаемыхъ 14,000 нумеровъ, физическихъ и химическихъ аппаратовъ 42 нумера, вспомогательныхъ инструментовъ 87 нумеровъ, препаратовъ и моделей 655 нумеровъ, книгъ 45 сочиненій; въ 1878 году пріобрѣтена часть коллекцій везувскихъ минераловъ и микроскопъ со шлифованнымъ приборомъ. Въ физическомъ кабинетѣ находилось инструментовъ 362 нумера. Въ физической лабораторіи состояло: инструментовъ 63 нумера на 2,128 руб., книгъ 165 томовъ 39 тетрадей на 487 руб. Ботаническій кабинетъ въ началѣ 1878 г., раздѣленъ былъ на два отдѣленія: систематическое и физиологическое. Въ систематическомъ отдѣленіи учебныхъ пособій состояло около 100,000 нумеровъ, въ физиологическомъ: инструментовъ 11 нумеровъ, посуды 58 нумеровъ; стѣнные таблицы по анатоміи растений, коллекція микроскопическихъ препаратовъ. Ботаниченкій садъ покупкою, об-

мѣномъ и пожертвованіями частныхъ лицъ сдѣлалъ значительныя пріобрѣтенія въ видѣ весьма цѣнныхъ и рѣдкихъ экземпляровъ растений. Въ шести оранжереяхъ и теплицѣ сада культивировалось до 2,460 видовъ съ разновидностями, причемъ многіе съ необходимыми дублетами и даже триплетами. Растенія оранжерей доставляли обильный матеріалъ для демонстрацій на лекціяхъ и для практическихъ занятій студентовъ въ ботаническомъ кабинетѣ. Ботаническое отдѣленіе сада раздѣлено на четыре отдѣла: медицинскій, техническій, систематическій многолѣтнихъ травъ и систематическихъ лѣтниковъ. Въ медицинскомъ отдѣлѣ культивировалось 122 вида, въ техническомъ 68. При выборѣ растений для посадки на этихъ двухъ отдѣленіяхъ садъ руководствовался современнымъ аптекарскимъ уставомъ, нѣкоторыми сочиненіями по фармакогнозіи, а также техническими сочиненіями. Систематическій отдѣлъ многолѣтнихъ травъ по спискамъ 1877 года содержалъ 1,100 видовъ. Число это опредѣлялось численностію видовыхъ этикетовъ при находившихся на лицо травахъ; но точность опредѣленія уже давно казалась сомнительною, а потому съ весны 1878 года было предпринято полное переопредѣленіе названій растений. Пользуясь нѣкоторыми сочиненіями по европейскимъ флорамъ и при содѣйствіи двухъ кандидатовъ университета, удалось переопредѣлить до $\frac{3}{4}$ всей коллекціи многолѣтнихъ травъ: около 400 формъ, считавшихся самостоятельными видами, оказались или разностями, или еще чаще дублетами; всѣ эти растенія были вынуты изъ грядъ. Изъ числа оставшихся на грядкахъ 616 формъ почти половина опредѣлена со всею точностію, а другая половина оставлена безъ опредѣленія до слѣдующаго лѣта. Въ систематическомъ отдѣленіи лѣтниковъ было высажено 300 горшковъ. Такъ какъ получаемые для этого отдѣленія заграничныя сѣмена обыкновенно крайне неточно опредѣлены, то отдѣленіе это, какъ и въ прошлые годы, имѣло мало научнаго интереса. Въ виду сего, а также крайней хлопотливости и большой матеріальной стоимости ухода за отдѣленіемъ лѣтниковъ, предполагается его совершенно уничтожить. Ботаническое отдѣленіе было посѣщаемо въ теченіе вакаціоннаго времени студентами, фармацевтами, учителями и учительницами среднихъ учебныхъ заведеній, а также любителями, получавшими въ отдѣленіи матеріалъ для работъ. Подъ руководствомъ завѣдывающаго садомъ происходили занятія студентовъ естественнаго отдѣленія и медицинскаго факультета, которые упражнялись въ опредѣленіи растений. Число студентовъ, участвовавшихъ въ этихъ занятіяхъ, было болѣе 120; стороннимъ

лицамъ выдано было на постоянное посѣщеніе отдѣленія 78 билетовъ. Публичное отдѣленіе (аллеи и цвѣтники) сада было открыто для публики ежедневно, кромѣ субботъ, съ 10-ти часовъ утра и до 8-ми вечера; на посѣщеніе этого отдѣленія было выдано 1,503 сезонныхъ билетовъ. Въ технической лабораторіи состояло: снарядовъ и инструментовъ 176 номеровъ, препаратовъ и реактивовъ 451 номеръ, книгъ и журналовъ 184 названія. Въ агрономическомъ кабинетѣ: аппаратовъ 108 номеровъ 130 экземпляровъ, препаратовъ и реактивовъ 60 номеровъ 78 экземпляровъ, различныхъ сочиненій 88 названій 89 томовъ, періодическихъ изданій 22 названія, различной посуды 25 номеровъ 320 экземпляровъ. Въ медицинской химической лабораторіи: различныхъ инструментовъ и приборовъ 126 номеровъ 433 экземпляра на 1,526 руб., книгъ и періодическихъ изданій и 117 томовъ на 378 руб. Въ кабинетѣ сравнительной анатоміи: препаратовъ и цѣлыхъ животныхъ, могущихъ служить для демонстрацій на лекціяхъ 1,890 номеровъ; матеріаловъ для приготовленія препаратовъ, то-есть неотдѣланныхъ скелетовъ, ихъ частей и цѣлыхъ животныхъ въ спирту 399; анатомическихъ, индексіонныхъ и оптическихъ инструментовъ 360 номеровъ; книгъ и атласовъ 187 названій. Въ физиологическомъ кабинетѣ: снарядовъ и инструментовъ 1,554 номеровъ на 3,879 руб., книгъ и журналовъ 504 названія, атласовъ и рисунковъ 81 названіе, препаратовъ 40 номеровъ. Въ фармацевтическомъ и фармакогнозическомъ кабинетѣ: книгъ и журналовъ 148 названій на 637 руб., химико-фармацевтическихъ препаратовъ 998 предметовъ на 368 руб., фармакогнозическихъ 1,018 экземпляровъ на 240 руб., посуды и стеклянныхъ орудій 400 экземпляровъ на 854 руб. Въ кабинетѣ физиологической анатоміи и состоящемъ при немъ музеѣ: анатомическихъ препаратовъ 3,260 номеровъ, книгъ и атласовъ 309 названій, инструментовъ и аппаратовъ 426 предметовъ, посуды 60 штукъ на 167 руб. Въ анатомическомъ театрѣ занимались практически, подъ руководствомъ профессора и прозекторовъ студенты младшихъ двухъ курсовъ медицинскаго факультета, всего 514 человѣкъ. Кромѣ того, препаратами и книгами пользовались многіе студенты высшихъ курсовъ и врачи; изъ послѣднихъ нѣкоторые работали по специальнымъ вопросамъ. Для этихъ занятій, а также для лекцій анатоміи получено изъ разныхъ больницъ въ теченіе года 190 труповъ взрослыхъ и 44 дѣтскихъ. Въ музеѣ патологической анатоміи: патологическихъ препаратовъ 4,001 экземпляръ; книгъ, журналовъ и атласовъ 239 названій на сумму 3,530 руб., микроскоповъ 19 номеровъ на 2,215 р.,

инструментовъ и посуды 1,771 номеръ на 1,508 руб. Въ кабинетъ судебной медицины: книгъ 190 названій на 819 руб., препаратовъ, рисунковъ и фотографическихъ снимковъ 189 номеровъ, посуды для препаратовъ 80 номеровъ на 30 руб., микроскоповъ, другихъ инструментовъ и прочаго имущества на 327 руб. Въ теченіе года въ анатомической театрѣ было доставлено для судебно-медицинскаго изслѣдованія 162 трупа, въ томъ числѣ 9 труповъ новорожденныхъ младенцевъ. Изслѣдованіе производилось подъ наблюденіемъ доцента и прозектора. Студенты V курса упражнялись въ судебно-медицинскихъ вскрытіяхъ и въ составленіи такихъ же свидѣтельствъ на заданныя темы. Въ фармакологическомъ кабинетѣ: періодическихъ изданій 4 названія, препаратовъ, снарядовъ и инструментовъ 1,009 предметовъ. Въ терапевтическомъ отдѣленіи факультетской клиники инструментовъ 75 экземпляровъ, вновь приобрѣтено 25. Въ клиникѣ этой, имѣющей 30 кроватей, больныхъ въ теченіе 1878 года состояло 166, изъ нихъ выздоровѣло 130, умерло 15, къ концу года оставалось 21; больныхъ, приходившихъ за совѣтами, было 3,270. Каждый изъ учащихъ велъ подробныя исторіи своихъ больныхъ и, подъ руководствомъ профессора клиники, упражнялся въ распознаваніи и леченіи болѣзней. Въ пропедевтическомъ отдѣленіи той же клиники, имѣющей 16 кроватей для лицъ обоего пола, больныхъ пользовалось 61, изъ нихъ выздоровѣло 39, умерло 10, осталось къ концу года 12. Въ вѣдѣніи этого отдѣленія находится лабораторія, снабженная всѣми принадлежностями. Учащіеся подъ руководствомъ самого профессора, у кровати больного занимались распознаваніемъ болѣзней и веденіемъ исторій оныхъ. въ лабораторіи же упражнялись въ химическихъ и микроскопическихъ изслѣдованіяхъ. Въ хирургическомъ отдѣленіи факультетской клиники имѣлось: хирургическихъ инструментовъ 843 номера, патологическихъ препаратовъ 289 номеровъ. Больныхъ въ теченіе года состояло 258, изъ нихъ выздоровѣло 205, умерло 13, оставалось на излеченіи 43; приходившихъ за совѣтами было 2,369; операций произведено: большихъ 67, малыхъ 238. Въ акушерскомъ отдѣленіи находилось инструментовъ и препаратовъ 764 номера, въ теченіе года приобрѣтено 40 номеровъ. Акушерская клиника посѣщалась студентами V курса, которые во время дежурства наблюдали за теченіемъ родовъ и, подъ руководствомъ профессора, занимались изслѣдованіемъ беременныхъ женщинъ, какъ приходившихъ за совѣтомъ, такъ и поступившихъ въ клинику для родовъ; они наблюдали за теченіемъ послѣродоваго періода и производили акушерскія опе-

радіи на фантомѣ, присутствовали при производствѣ операцій, дѣланыхъ въ клиникѣ профессоромъ и ординаторами. Въ теченіе года въ клинику поступило 956 беременныхъ, изъ коихъ 948 разрѣшились отъ бремени, а 8 выписались не разрѣшившись. Правильныхъ родовъ было 876, а въ 72 случаяхъ роды представляли уклоненія, по поводу коихъ произведены были операціи. Изъ родившихъ заболѣло 83, изъ нихъ выздоровѣло 73, умерло 8 осталось на слѣдующій годъ 2. Беременныхъ, приходившихъ за совѣтомъ было 289. Въ поликлиникѣ женскихъ болѣзней находилось инструментовъ 63 нумера. Приходящихъ за совѣтами больныхъ было 999, изъ нихъ 17 помѣщены были на уступленныхъ профессоромъ 4-хъ кроватяхъ, и имъ были сдѣланы операціи. Студенты V курса, подъ руководствомъ доцента и ординаторовъ, упражнялись въ распознаваніи и леченіи болѣзней и вели подробныя исторіи больныхъ. Въ дѣтскомъ отдѣленіи факультетской клиники, имѣющемъ 11 кроватей для дѣтей обоего пола, въ теченіе года больныхъ состояло 59, изъ нихъ выздоровѣло 49, умерло 3, оставалось къ концу года 7; приходившихъ за совѣтами дѣтей было 1,000. Въ специальной факультетской клиникѣ болѣзней мочевыхъ и половыхъ органовъ находилось инструментовъ 192 нумера. Больныхъ состояло 62, изъ нихъ выздоровѣло 49, умерло 2, осталось къ 1879 году 11; пользовавшихся совѣтами и леченіемъ клиническаго врача было 500. Операцій произведено: большихъ 34, малыхъ 333. Въ терапевтическомъ отдѣленіи госпитальной клиники больныхъ въ теченіе 1878 года было 858, изъ нихъ выбыло 645, умерло 135, въ томъ числѣ умершихъ чахоткою 43, умершихъ въ самый день поступленія 10, оставалось къ 1879 году 78, приходившихъ за совѣтомъ было 4,902. Операцій произведено было 54. Въ хирургической госпитальной клиникѣ больныхъ въ теченіе года было 554, изъ нихъ выбыло 423, умерло 70, къ концу года оставалось на излеченіи 61, приходившихъ за совѣтомъ было 3,323; операцій произведено 610, изъ нихъ большихъ 113, малыхъ 497. Въ нервномъ отдѣленіи госпитальной клиники больныхъ пользовалось 119, изъ нихъ выбыло 73, умерло 16, состояло къ концу года на лицо 30, приходившихъ за совѣтомъ было 768. Въ сифилитической госпитальной клиникѣ больныхъ пользовалось 155; изъ нихъ выбыло 129, умерло 2, къ концу года оставалось на излеченіи 24, приходившихъ за совѣтомъ больныхъ было 577. Операцій произведено 90.

Состояція при московскомъ университетѣ ученія общества находились въ 1878 году въ слѣдующемъ положеніи:

Общество любителей російской словесности имѣло 17 почетныхъ, 133 дѣйствительныхъ члена и 2-хъ сотрудниковъ. Засѣданій было: одно публичное и одно обыкновенное. Изъ изданій общества продолжалось печатаніе XI выпуска и 2-го изданія IV выпуска пѣсней, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ, а 2-е изданіе выпуска III окончено. Въ библиотекѣ общества числилось: 479 названій 808 томовъ, 5 газетъ и 21 рукопись. Въ кассѣ общества, къ концу года, и въ сѣудѣ на изданіе, наличными и билетами, числилось 1,240 руб. 79 коп.

Императорское общество исторіи и древностей російскихъ. Общество это имѣло три засѣданія и продолжало, подъ завѣдываніемъ секретаря А. Н. Попова, свое изданіе подъ заглавіемъ „Чтенія“, коихъ отпечатано и выпущено въ свѣтъ четыре книги. По изданіи въ 1877 году „Богословіе святаго Іоанна Дамаскина“ въ переводѣ Іоанна, экзарха Болгарскаго, напечатаннаго покойнымъ О. М. Бодянскимъ въ первую пору его завѣдыванія „Чтеніями“ (съ 1846 по 1848 г.), настоящая редакція приготовила къ изданію также труды Бодянского: „Шестодневъ“, въ переводѣ же Іоанна, экзарха Болгарскаго, и „Житіе Θεодосіа“. Тотъ и другой трудъ напечатаны по рукописямъ XII — XIII вѣка буква въ букву и слово въ слово. Съ 1877 года начато печатаніемъ въ чтеніяхъ „Описаніе славянскихъ рукописей библиотекы Святой Троице-Сергіевской лавры“, которое въ трехъ томахъ будетъ окончено печатаніемъ въ Чтеніяхъ нынѣшняго года.

Императорское Московское общество испытателей природы. Общество это, по примѣру прежнихъ лѣтъ, продолжало поддерживать дѣятельныя сношенія какъ съ русскими, такъ и съ иностранными учеными учрежденіями. Черезъ посредство своего вице-президента К. И. Ренара и секретарей, общество обмѣнивалось изданіями и вело корреспонденцію научнаго содержанія съ 88-ю учрежденіями и болѣе чѣмъ со 100 лицами, въ Россіи находящимися, и съ 60-ю лицами и 271-мъ учрежденіемъ иностранными, то-есть всего съ 519-ю мѣстами. Въ 1878 году общество имѣло случай коснуться интересовъ сельскаго хозяйства и протянуть руку помощи интересамъ практическимъ. Усть-Медвѣдицкая земская управа и комитетъ Ростовскаго на Дону сельско-хозяйственнаго съѣзда обратились къ обществу съ просьбою указать имъ мѣры для борьбы съ грибокѣмъ, причинившимъ тамъ большіе убытки на пшеничныхъ и ржаныхъ поляхъ. Присланные образцы поврежденныхъ растений были пересланы члену

часть ссп. отд. 4.

общества, профессору А. А. Фишеру-фонъ-Вальдгейму, по опредѣленію котораго паразитъ оказался *Russinia graminis*. Г. Фишеръ-фонъ-Вальдгеймъ представилъ обществу пространную записку о размноженіи этого грибка и о мѣрахъ для успѣшной борьбы съ нимъ. Копія съ этой записки были препровождены въ оба названныя учрежденія. Общество продолжало также переписку съ г. Ревужскимъ въ Ревидини, въ Венгріи, по вопросу о вредности короѣда-типографа для здоровыхъ еловыхъ деревьевъ. Этотъ, болѣе чѣмъ столѣтній вопросъ обострился въ послѣдніе годы вслѣдствіе чрезвычайнаго размноженія короѣда въ Австро-Венгріи. Въ спорѣ о томъ, падаетъ-ли короѣдъ-типографъ на здоровыя деревья или нѣтъ, сдѣланъ шагъ въ томъ смыслѣ, что нѣкоторыя компетентныя учрежденія высказались въ пользу мнѣнія о безвредности короѣда-типографа для здоровыхъ елей. Къ этому мнѣнію, поддержанному въ прошломъ столѣтіи Тиршемъ, позднѣе Перрисомъ, Ревужскимъ и высказанному въ одномъ изъ засѣданій общества профессоромъ Линдеманомъ, присоединились въ послѣдніе годы: академія наукъ въ Пештѣ и лѣсная академія въ Хемницѣ. Научная дѣятельность общества выразилась въ 1878 году изданіемъ записокъ, продолжавшихъ выходить подъ редакціей вице-президента К. И. Ренара. Въ теченіе года выпущено пять номеровъ Бюллетеней, именно номера 2, 3 и 4-й за 1877-й и номера 1-й и 2-й за 1878 годы. Въ этихъ номерахъ напечатаны статьи: баронъ Шодуаръ „Новыя роды и виды семейства *Carabidae*“; К. Э. Линдеманъ „Продолженіе монографіи короѣдовъ Россіи“; В. Е. Яковлевъ „Новыя полужесткокрылыя астраханской фауны“ и „Описаніе новыхъ видовъ *Agadidae*“, К. Бергъ „Бабочки Патагоніи“; К. Э. Фаустъ „О нѣкоторыхъ южно-русскихъ видахъ *Silpha*“ и „Описаніе новыхъ видовъ жуковъ русской фауны“; Я. Бедряга „Образованіе пигментовъ у ящерицъ“; О. И. Родомковскій „Новый методъ опредѣленія шмелей“, К. К. Перепелкинъ „О строеніи сливной струны у миноги“; Э. Э. Балліонъ „Каталогъ жуковъ, собранныхъ въ Кульджѣ“; А. А. Фишеръ-фонъ-Вальдгеймъ „О видахъ *Eutyloma*“ и „Обзоръ растений, пораженныхъ ржавчиною (*Ustilaginae*)“; А. А. Кожевниковъ „Исторія развитія цвѣтка въ семействѣ *Agaceae*“; Ф. Э. фонъ-Гердеръ „Прибавленіе къ *Plantae Raddeanae*“; и „Прибавленіе къ *Plantae Severtzovianaе*“; д-ръ Гельдрейхъ „О родѣ *Leopoldia*“; И. Мюллеръ „О лишаяхъ восточно-сибирскихъ тундръ“ и „О лишаяхъ Московской губерніи“; баронъ Ф. Тюмень „О грибахъ Сибири“; Г. А. Траутепольдъ „О методахъ и теоріяхъ въ

геологій“ и „Объ окаменѣлостяхъ мѣловой формаци въ Россіи“; Н. П. Вишняковъ „О жилой камерѣ нѣкоторыхъ русскихъ аммонитовъ“; С. Н. Никитинъ „О Mesites Puzirefski“; К. О. Милашевичъ „Палеонтологическіе этюды“ и „Отвѣтъ Пренделю“; Р. А. Прендель „Отвѣтъ на статью г. Милашевича“ и „Нѣсколько словъ по поводу „Отвѣта“ г. Милашевича“; Р. Ф. Германъ „Ислѣдованіе объема атомовъ и удѣльнаго вѣса органическихъ соединений“. Сверхъ того, въ Бюлетенѣ напечатаны письма изъ путешествій и экскурсій: Г. Г. Зенберга, альб. Эд. Регеля, Г. А. Траутшольда и А. К. Беккера, и біографія покойнаго члена общества Н. И. Желѣзнова, составленная Г. А. Траутшольдомъ. Общество имѣло 8 очередныхъ и одно годовое засѣданіе, въ которыхъ, кромѣ текущихъ дѣлъ, были доложены слѣдующіе 22 реферата научнаго содержанія: президента А. Г. Фишера-фонъ-Вальдгейма о метаморфозѣ вообще, Л. П. Сабанѣева о волкѣ, К. Э. Линдемана о *Dendroctonus micans*, С. А. Усова о возрастныхъ измѣненіяхъ *Aquila fulva*, П. М. Кулешова объ уродливыхъ измѣненіяхъ внутреннихъ половыхъ органовъ у разнополыхъ двойней коровы, Д. А. Кожевникова объ исторіи развитія и морфологій цвѣтка въ семействѣ ароидныхъ, В. А. Тихомирова а) о яборандіи и пилокарпинѣ, и б) о распознаваніи примѣсей къ чаю, Г. А. Траутшольда а) о нахожденіи *Lepidesthes* въ мячковскомъ горномъ известнякѣ, и б) Пивитина а) объ аммонитахъ группы *Amaltheus funiferus*, и б) о желѣзныхъ рудахъ Таврической губерніи, А. П. Сабанѣева о сгущеніи газовъ, Э. Б. Шэне о присутствіи озона въ воздухѣ, О. А. Бредихина о работахъ, сдѣланныхъ въ астрономической обсерваторіи Московскаго университета, Н. А. Любимова а) о телефонѣ и б) о новомъ снарядѣ, для полшенія явленій земнаго магнетизма, Я. И. Вейнберга а) о передачѣ телеграфическихъ знаковъ безъ помощи проволоки, и б) о значеніи лѣсовъ въ климатическомъ отношеніи, П. М. Хайновскаго о телефонѣ, В. В. Николаева ислѣдованіе токопрохожденія въ воздушныхъ телеграфныхъ проволокахъ; Г. Г. Зандебергъ, извѣстный шведскій путешественникъ, посѣтившій засѣданіе въ качествѣ гостя, сообщилъ о естественныхъ богатствахъ прибрежій Ледовитаго океана. Въ число членовъ общества избраны вновь 18 лицъ, изъ числа ихъ 7 почетныхъ и 11 дѣйствительныхъ членовъ. Денежныя средства составляли: 2,857 руб. 14 коп., ежегодно получаемыя отъ правительства, и членскіе взносы, которыхъ поступило 184 рубля. Нѣкоторое усиленіе средствъ въ 1878 году произошло благодаря Н. П. Вишня-

кову, принявшему на себя расходы по напечатанію таблицъ къ сочиненію его, помѣщенному въ Бюллетенѣ общества. Въ бібліотеку общества поступило книгъ и журналовъ 1,082 названія; эти книги, имѣющія весьма значительную цѣнность, пріобрѣтены въ обмѣнъ на издаваемые обществомъ Записки. Сверхъ того, общество получило въ даръ: а) коллекцію водорослей, собранныхъ шведскою экспедиціей на Шпицбергенѣ, отъ Стокгольмской академіи наукъ; б) коллекціи омакненѣностей изъ Ронка (въ Италіи) и изъ Антверпена, отъ г. Лефевра, и в) коллекцію третичныхъ раковинъ отъ г. Лоулей въ Монтекии. Съ своей стороны общество передало въ ботанической кабинетъ Московскаго университета, для постояннаго пользованія, всѣ свои обширныя гербаріи, а въ зоологической музей коллекцію шкурокъ птицъ, собранныхъ бывшимъ секретаремъ Л. П. Сабанѣевымъ въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи, преимущественно на Уралѣ.

Физико-медицинское общество. Общество это имѣло въ своемъ составѣ: почетныхъ членовъ, русскихъ и иностранныхъ 36, дѣйствительныхъ 100, членовъ-корреспондентовъ, русскихъ и иностранныхъ 72, членовъ-соревнователей 1. Въ теченіе 1878 года общество имѣло засѣданій: одно годовое, 7 очередныхъ и 6 неочередныхъ. На этихъ засѣданіяхъ членами общества и посторонними посѣтителями-врачами сдѣланы были слѣдующія сообщенія: Г. А. Захарьинимъ случай специфической пневмоніи, Н. Ѳ. Гагманомъ а) о леченіи врожденной косолапости, съ демонстраціей придуманнаго имъ для этой цѣли снаряда, б) отчетъ о пятилѣтней дѣятельности устроеннаго имъ ортопедическаго заведенія, в) случай замѣчательной деформации грудной кѣтки съ демонстраціей больнаго, и г) о массажѣ и о гимнастикѣ, А. Х. Репманомъ а) демонстрація изобрѣтеннаго имъ, снабженнаго коммутаторомъ, электрода и б) о дѣйствительности контузіи воздухомъ; Морховцемъ изслѣдованія о микроскопическомъ и химическомъ строеніи нервнаго волокна, А. А. Каспари по поводу дѣйствительности контузіи воздухомъ, Н. А. Тольскимъ случай хроническаго полиомизиста, В. Ѳ. Снегиревымъ случай экстирпаціи фибромы *uteri per laparotomiam*, совмѣстно съ полнымъ удаленіемъ кисти яичника (одной дермоидной) и матки, Г. К. Теръ-Григорьянцемъ случай ограниченной гангрены легкихъ и леченіе ея салicyлово-кислымъ натромъ, Щербаковымъ о перевозкѣ раненныхъ на санитарныхъ поѣздахъ князя В. А. Долгорукова и Московскаго центральнаго склада, Тихомировымъ о легкомъ способѣ распознаванія подлинности чайныхъ листьевъ съ помощію микроскопа (съ демон-

страціей), Д. Н. Зернова о двойной маткѣ съ демонстраціей анатомическаго препарата, В. Е. Глики случай пораженія головныхъ нервовъ съ демонстраціей анатомическаго препарата саркомы въ пазухахъ и основной кости черепа, при чемъ еще при жизни больнаго ему удалось діагностировать мѣсто страданія, А. А. Муратовымъ а) Paraesis одной половины тѣла при беременности и родахъ, и б) механизмъ рожденія головки у гидроцефалика безъ предварительнаго прокола ея (съ демонстраціей плода), П. О. Филатовымъ о грудицѣ новорожденныхъ, Н. А. Митропольскимъ о циркуляціи крови въ тѣлѣ лихорадочнаго, А. Н. Соловьевымъ отчетъ лихачевскаго родильнаго отдѣленія Казанской губернской земской больницы, В. А. Добронравовымъ экстирпации матки по способу Фрейнда-Шредера, В. О. Снегиревымъ удаленіе фибромы широкихъ маточныхъ связокъ per laparotomiam (съ демонстраціей). Денежныя средства общества находились въ слѣдующемъ положеніи: къ 1878 году состояло 8,443 руб. 48 коп., въ теченіе года поступило годоваго взноса членовъ и процентовъ по купонамъ 535 руб. 47 коп., въ теченіе того же времени израсходовано на увеличеніе инвентаря, канцеляріи и жалованье служителямъ 165 руб. 60 коп., затѣмъ къ 1-му января 1879 года оставалось процентными бумагами и наличными деньгами 8,713 руб. 35 коп. Въ библіотекѣ общества находилось книгъ, брошюръ и періодическихъ изданій 1,104 названія.

Императорское общество любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи. Общество имѣло въ своемъ составѣ: почетныхъ членовъ 24, членовъ основателей 30, непремѣнныхъ членовъ 133, дѣйствительныхъ 308, членовъ-сотрудниковъ 41. Дѣятельность общества выражалась: а) въ засѣданіяхъ, б) экспедиціяхъ и в) научныхъ изданіяхъ. Засѣданій было: общихъ 5, антропологическаго отдѣла 3, этнографическаго 5, отдѣленія физическихъ наукъ 8, комитета антропологической выставки 11. Въ этихъ засѣданіяхъ были сдѣланы слѣдующія сообщенія по зоологіи: А. А. Бѣлопольскаго по анатоміи *coccinella*, А. Е. Голубинина наблюденіе надъ строеніемъ *Muscidae*, Н. Ю. Зографа естествоисторическія наблюденія во время поѣздки на Канинъ полуостровъ, А. А. Коротнева объ амѣбахъ, Н. В. Насонова къ анатоміи муравья; по ботаникѣ: П. Ф. Маевского а) о маховыхъ цвѣтахъ въ растеніяхъ *Primula* и *Dianthus*, и б) о маховыхъ цвѣтахъ *Hyacinthus* и *Camelia*; В. А. Тихомирова а) о трихолахъ у *Cynogosphalae*, б) о паразитномъ грибокѣ одного изъ новыхъ туркестанскихъ астрагаловъ, и в) провякновеніе

живыхъ безцвѣтныхъ кровяныхъ клѣтокъ лягушки въ элементы растительныхъ тканей; по геологіи и палеонтологіи: К. О. Милашевича а) о кораллахъ палеозойнаго типа изъ неозойныхъ формаций, и б) о поѣздкѣ въ Орловскую губернію для раскопки мамонта; по антропологіи и этнографіи: О. М. Августиновича о племенахъ, населяющихъ калымскій округъ, П. М. Апостольскаго бытовая и миѳическая сторона въ русской народной свадьбѣ, Е. В. Барсова о посланіи неизвѣстнаго автора XVII вѣка противъ свадебныхъ поганскихъ обычаевъ, В. Н. Бензенгра а) исторической очеркъ дѣятельности антропологическаго отдѣла общества любителей естествознанія до открытія комитета антропологической выставки 2-го марта 1877 года, б) о сложныхъ портретахъ, и в) о вліяніи кормленія въ первомъ возрастѣ ребенка, А. П. Богданова а) курганные черепа Смоленской губерніи, находящіеся въ кранеологическомъ собраніи общества любителей естествознанія, б) курганные черепа области древнихъ сѣверянъ и в) курганные черепа Тарскаго округа Тобольской губерніи, М. А. Бѣлина о слѣдахъ орудія на костяхъ, Н. Н. Дергачева исторической и этнографической очеркъ Корель Архангельской губерніи, Н. Н. Зографа а) антропологической очеркъ Самоѣдовъ и б) о бытѣ Кавицкихъ самоѣдовъ, А. П. Кельсиева а) о русскихъ обитателяхъ Кольскаго полуострова, б) о бытѣ русскихъ Лопарей, в) практика антропологич., и г) о раскопкахъ языческихъ владбищъ Тверской и Ярославской губерній, Н. Г. Керцелли обзоръ отдѣленія доисторическихъ древностей Московскаго публичнаго музея, В. И. Коллюбакина антропологическія изслѣдованія надъ населеніемъ нѣкоторыхъ московскихъ фабрикъ, М. В. Лосіевскаго обряды присяги у инородцевъ Уфимской губерніи магометанъ и язычниковъ, В. М. Михайловскаго о бушменахъ, ихъ нравахъ и образѣ жизни, Н. П. Мансурова о колтунѣ въ этнографическомъ отношеніи, Ф. Д. Нефедова а) преданія и пѣсни о башкирскомъ батырѣ Салаватѣ, б) отчетъ о раскопкахъ, произведенныхъ въ Касимовскомъ уѣздѣ, и в) о памятникахъ и народахъ Приуральскаго края Е. А. Покровскаго а) случай микроцефалии въ Москвѣ, и б) вліяніе первыхъ приѣмовъ воспитанія на физическое развитіе у разныхъ народностей, Н. А. Попова обзоръ дѣятельности этнографическаго отдѣла за истекшія десять лѣтъ его существованія, В. Н. Радакова а) антропологическія наблюденія надъ населеніемъ Болгаріи и Румыніи, и б) отчетъ о собранныхъ для комитета антропологической выставки коллекціяхъ и о своихъ работахъ за Балканами, А. Г.

Смирнова объ имущественныхъ правахъ жены по русскимъ народнымъ обычаямъ, Г. Г. Сандеберга поѣздка на сѣверъ Россіи, М. А. Тихомирова замѣтка о родничковыхъ кистяхъ, Г. Д. Филимонова о доисторической культурѣ въ Осетіи; по физикѣ и химіи: Г. Варнерке о приготовленіи по его способу фотографической эмульсии и о походной камерѣ, Я. И. Вейнберга изслѣдованія по вопросу о вліяніи истребленія лѣсовъ на климатъ данной мѣстности въ зависимости отъ физическихъ свойствъ почвы и направленіе преобладающихъ вѣтровъ, А. С. Владимірскаго а) о сигнальныхъ телефонахъ, б) о телефонѣ Белле, и в) о способахъ канализаціи электрическаго свѣта В. Н. Чиколева, Д. П. Езучевскаго о средствахъ пользоваться фотографіей при путешествіяхъ и экскурсіяхъ, П. П. Капустина устройство и употребленіе его лунника, А. И. Кельсіева нѣкоторыя свѣдѣнія о сѣверныхъ сіяніяхъ въ сѣверной части европейской Россіи, В. В. Николаева а) изслѣдованія тонопрохожденія въ воздушныхъ телеграфныхъ проводахъ, и б) новая формула для выраженія теплоемкости насыщеннаго пара, А. Х. Ренмана объ изобрѣтенныхъ имъ электрондахъ, назначенныхъ для медицинскихъ цѣлей. М. К. Сидорова о шумѣ и трескѣ при сѣверныхъ сіяніяхъ по ту сторону Урала, П. Э. Сиххоненко о нѣкоторыхъ особенныхъ свойствахъ растворенныхъ кремневислыхъ соединеній, К. К. Тизенгаузена о новѣйшихъ системахъ ручнаго скорострѣльнаго оружія, И. М. Хайновскаго значеніе мязмовъ при развитіи болѣзней и пользованіе болѣзней антимиазматическими средствами, Н. Ф. Ягва а) объ отсчитываніи высоты ртутнаго столба на его гидростатическомъ висотомѣрѣ, и б) объ устройствѣ изображеннаго имъ пустотѣлаго поплавка для опредѣленія уровня воды въ паровыхъ котлахъ. Всѣ экспедиціи за 1878 годъ были произведены отъ комитета антропологической выставки на средства, отчасти пожертвованныя, отчасти переданныяб заимообразно комитету нѣкоторыми членами его. Командированы были слѣдующія лица: Зографъ, Пельцамъ и Нефедовъ для изученія сѣверо-востока Россіи по отношенію къ его антропологическимъ и до-историческимъ достопримѣчательностямъ; Филимоновъ для изученія въ томъ же отношеніи Крыма; Чернявскій для пополненія результатовъ экспедиціи на Кавказъ; Керцелли и Кельсіевъ для раскопокъ въ Ярославской, Тверской и Костромской губерніяхъ; Милашевичъ въ Орловскую губернію для раскопокъ остатковъ мамонта, Барсовъ для производства раскопокъ въ Олонецкой губерніи, Поповскій и Бернштамъ для раскопокъ въ Херсон-

ской и Екатеринославской губерніяхъ, Богдановъ—на Парижскую всемірную выставку, Севрюгинъ—для осмотра важнѣйшихъ европейскихъ музеевъ и коллекцій Парижской всемірной выставки. Общество выпустило въ свѣтъ въ теченіе 1877—1878 гг. десять томовъ разныхъ своихъ изданій.

Математическое общество. Общество это имѣло въ 1878 году семь засѣданій, на которыхъ дѣлали ученія сообщенія Алексѣевъ, Бредихинъ, Громека, Заловъ, Лѣтниковъ, Слудскій, Соколовъ, Сердобинскій, Петерсонъ по различнымъ отдѣламъ чистой и прикладной математики. Общество приступило къ изданію IX-го тома математическаго Сборника. Средства общества по прежнему состояли изъ правительственной субсидіи въ 500 руб., которая однако далеко недостаточна для удовлетворенія самыхъ настоятельныхъ нуждъ общества.

Юридическое общество. Въ теченіе года избраны были: въ дѣйствительные члены 42 лица, изъ коихъ 10 принадлежатъ къ составу юридическаго факультета, остальные къ судебному и административному вѣдомствамъ; въ члены корреспонденты 2 лица. Въ засѣданіяхъ общества были доложены рефераты: В. П. Даневскимъ о кодификаціи современнаго международнаго права и о сочиненіи Блунчли „Современное международное право“, М. М. Ковалевскимъ а) о совершенныхъ формахъ общиннаго землевладѣнія въ Индіи, и б) англійская поземельная политика въ Индіи, А. М. Евреиновой а) о юго-славянскомъ правѣ, и б) о задружномъ началѣ, В. А. Ульяницкимъ о развитіи конгресса и конференціи, А. Г. Смирновымъ о народныхъ способахъ заключенія браковъ, М. С. Гольденвейзеромъ о новомъ законопроектѣ, объ организаціи адвокатуры, внесенномъ въ Германскій рейхстагъ, графомъ А. С. Комаровскимъ о возраженіяхъ противъ права войны, Н. А. Русановымъ новѣйшія сочиненія объ общинномъ землевладѣніи въ Россіи, С. П. Матвѣевымъ о торговыхъ несостоятельностяхъ на основаніи данныхъ международной статистики, А. М. Фальковскимъ: а) о сочиненіи Лорана „Принципы гражданского права,“ б) сочиненіи Нерсесова и Гордона о представительствѣ въ гражданскомъ правѣ, М. П. Соколовымъ о судебной реформѣ въ Болгаріи, В. А. Лохвицкимъ а) комментарий къ закону о присвоеніи права состоянія, б) о направленіяхъ въ современной юридической литературѣ, и в) объ исполненіи рѣшеній иностранныхъ судовъ; В. Н. Лешковымъ: за сто лѣтъ пути сообщенія и почты, К. Д. Анциферовъ

вымъ обвинительное начало и англійскій уголовный процессъ, И. И. Янжуломъ о табачной монополіи. При юридическомъ обществѣ образованна, подъ предсѣдательствомъ В. Н. Лешкова, коммисія для пересмотра и дополненія существующихъ программъ для собиранія народныхъ обычаевъ. Кромѣ того, общество занималось изданіемъ журнала Юридическій Вѣстникъ, редакторами котораго состояли Лешковъ, Фальковскій и Ковалевскій; въ журналѣ этомъ печатались, кромѣ рефератовъ членовъ юридическаго общества, разныя статьи научнаго и практическаго содержанія, а также бібліографическія и критическія замѣтки.

НИЗШИЯ УЧИЛИЩА.

Учебныя заведенія ст. Ладожской (Кубанской обл.)

Станица Ладожская Кубанской области, которую едва ли можно найти на многихъ географическихъ картахъ, замѣчательна тѣмъ, что въ ней сосредоточено нѣсколько учебныхъ заведеній съ значительнымъ количествомъ учащихся. Главное мѣсто между ними занимаетъ Кубанская учительская семинарія и Ладожскіе женскіе педагогическіе курсы. Несмотря на многія неблагопріятныя условія, при которыхъ эти заведенія возникли и существуютъ въ настоящее время, въ какія нибудь семь лѣтъ они дали краю около 300 хорошо подготовленныхъ учителей и учительницъ. Своими успѣхами они много обязаны Д. Д. Семенову, стоявшему во главѣ Кубанской учительской семинаріи съ первыхъ дней ея существованія. Много труда, много усилій нужно было употребить для того, чтобы поставить эти заведенія на должную высоту; много нужно было умѣнья, чтобы собрать вокругъ себя, на далекой окраинѣ, талантливыхъ помощниковъ, одушевленныхъ высокою идеей приготовленія народныхъ учителей. Только при такомъ условіи можно было вести борьбу съ обстоятельствами, подрывавшими въ обществѣ довѣріе къ заведенію, съ вознями однихъ, которымъ было не по душѣ его преуспѣяніе, съ замыслами другихъ, ставившими личныя симпатіи выше самаго дѣла. Многимъ въ своей дѣятельности на пользу Кубанской области г. Семеновъ обязанъ бывшему попечителю Кавказскаго учебнаго округа Я. М. Невѣрову, оставившему недавно свой постъ. Въ этомъ замѣчательно гуманномъ человѣкѣ Кубанская учительская семинарія находила всегда сильную поддержку

и самое теплое участіе; поэтому его имя на долго сохранится въ сердцахъ всѣхъ воспитателей и воспитанниковъ заведеній ст. Ладожской.

Откладывая до другаго раза разсмотрѣніе учебно-воспитательной части въ названныхъ заведеніяхъ, мы прослѣдимъ за ихъ постепеннымъ возникновеніемъ и вкратцѣ ознакомимъ читателя съ ихъ внѣшней организаціею. Это тѣмъ болѣе будетъ кстати, что г. Семеновъ оставилъ въ сентябрѣ ст. Ладожскую и перешелъ въ Горы (Тифлисской губ.), гдѣ занялъ мѣсто директора Закавказской учительской семинаріи.

Кубанская учительская семинарія, въ силу своего устава, Высочайше утвержденнаго 23-го декабря 1869 г., должна была помѣститься въ ст. Старо-Корсунской, но за неимѣніемъ тамъ готоваго помѣщенія она открыта была въ ст. Полтавской 14-го января 1871 года въ зданіи Полтавскаго окружнаго училища, переведеннаго не задолго передъ тѣмъ въ г. Темрюкъ. Помѣщеніе съ промерзавшими насквозь зимою стѣнами, далеко не представляло удобствъ для правильно устроеннаго учебнаго заведенія. Кромѣ того жизнь въ ст. Полтавской, удаленной отъ почтоваго тракта, лишенной совершенно прѣсной воды, окруженной плавнями и болотами, была не совсѣмъ удобна. Учителя семинаріи не могли найти подходящихъ квартиръ; воду приходилось возить за 6 верстъ, а бѣдные учащіеся сильно страдали отъ изнурительныхъ лихорадокъ. Вслѣдствіе такихъ неблагопріятныхъ условій семинарія была переведена въ ст. Ладожскую, занимающую центральное положеніе въ области и лежащую на правомъ высокомъ и песчаномъ берегу р. Кубани. Хотя здѣсь и дуютъ иногда по двѣ недѣли сѣверо-восточные вѣтры, но все-таки климатическія условія болѣе благопріятны. Особенно хороши здѣсь весна и осень; зима же длится не болѣе двухъ мѣсяцевъ, да и то иногда въ половинѣ декабря можно гулять въ однихъ скуртукахъ и безъ калошъ.

Въ ст. Ладожской семинарія нашла довольно просторное зданіе бывшей 1-й бригады и заняла его послѣ необходимыхъ приспособленій. Но оно конечно не могло удовлетворять всѣмъ требованіямъ. Такъ помѣщенія для начальной школы и дома для садовника не существовало; о больницѣ или лазаретѣ нечего было и думать. Вотъ почему вскорѣ было исходатайствовано около 14,000 р. на постройку новыхъ и ремонтъ старыхъ зданій. Въ теченіе лѣта 1873 г. были произведены всѣ необходимыя работы. Директору была отдѣлана до-

вольно удобная и просторная квартира, вновь были построены помещеніе для образцовой школы, домъ для садовника и обширная баня. Въ саду семинаріи были устроены подъ деревяннымъ навѣсомъ многочисленные и разнообразныя гимнастическія снаряды. Несмотря однако на значительную затрату, помещеніе самыхъ классовъ все еще было не вполне удовлетворительно. Классныя комнаты были проходными; въ одной и той же комнатѣ до обѣда помещался классъ, послѣ обѣда—другой. Нужно было позаботиться или о постройкѣ совершенно отдѣльнаго дома по плану учебнаго заведенія, или о пристройкѣ цѣлаго корпуса съ классными комнатами. Въ 1876 году на такую пристройку изъ войсковыхъ суммъ было отпущено болѣе 8,000 р. Классы теперь размѣщены въ теплыхъ свѣтлыхъ комнатахъ, изъ коихъ каждая имѣетъ въ длину 12 аршинъ, въ ширину 9, въ высоту около 5 аршинъ. Въ такой комнатѣ удобно можно помѣстить отъ 20 до 35 учениковъ. Къ сожалѣнію, не такъ хорошо обставлена образцовая школа; за неимѣніемъ достаточныхъ средствъ зданіе для нея построено на скорую руку, изъ плохаго дѣса; прошло не болѣе пяти лѣтъ, и оно уже оказывается непригоднымъ. Внѣшностью своей оно производитъ непріятное впечатлѣніе: стѣны кривы и низки, крыша несоразмѣрно высока и крута; сѣни тѣсны и гризны; двери поставлены старья изъ другаго зданія; двойныя рамы не плотно вставляются; вслѣдствіе искривленія стѣнъ, полъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поотсталъ отъ нихъ. Многія станичныя училища, выстроенныя по тому же плану, далеко оставляютъ за собою образцовую школу Кубанской семинаріи, какъ по своей обширности, прочности, такъ и по внѣшней и внутренней опрятности. Необходимо будетъ озаботиться о постройкѣ для образцовой школы новаго и при томъ обширнаго зданія, такъ какъ школа эта, благодаря прекрасному веденію въ ней учебнаго дѣла, привлекаетъ массу учениковъ не только изъ ст. Ладожской, но даже изъ другихъ мѣстъ Кубанской области. Въ самой семинаріи недостаетъ гардеробной, такъ какъ корридоръ, гдѣ помещается въ настоящее время верхнее платье воспитанниковъ, чрезъ это очень грязенъ; недостаетъ и рекреационной залы, гдѣ бы воспитанники зимою и въ ненастную погоду могли проводить свободное отъ занятій время. Такая зала должна быть высока, обширна, хорошо вентилирована, снабжена гимнастическими снарядами и простыми скамьями. Еще чувствительнѣе отсутствіе церкви. Г. министръ народнаго просвѣщенія во всеподданнѣйшемъ отчетѣ своемъ за 1875 годъ говоритъ: „Къ условіямъ, благопріятствовавшимъ правильной

постановкѣ учебнаго и нравственно-воспитательнаго дѣла въ учительскихъ семинаріяхъ, должно отнести существованіе при многихъ семинаріяхъ домашнихъ церквей, въ которыхъ воспитанники, кромѣ пѣнія и чтенія во время богослуженія, совершаютъ общія утреннія и вечернія молитвы въ присутствіи наставниковъ и такимъ образомъ приобретаютъ благочестивый навыкъ не только къ посѣщенію храма, но и къ благоговѣйному стоянію на молитвѣ“. Въ тѣхъ семинаріяхъ, гдѣ прежде не находилось церквей, приступлено было къ ихъ постройкѣ, при чемъ на каждую ассигновано по 11,750 р. Чѣмъ же объяснить то прискорбное явленіе, что въ сколько учебныхъ заведеній ст. Ладожской и при томъ заведеній многочленныхъ не имѣютъ церкви—этой святой и существенно-необходимой принадлежности каждаго благоустроеннаго заведенія и особенно такого спеціальнаго, какъ учительская семинарія, готовящая народныхъ учителей, обязанныхъ распространять нравственно-религіозныя начала въ средѣ сельскаго населенія? Вопросъ о постройкѣ для учебныхъ заведеній ст. Ладожской особой церкви обсуждался въ педагогическомъ совѣтѣ семинаріи и затрогивался въ ея отчетахъ ежегодно. Еще въ 1873 году генераль М. А. Цакки, тогдашній начальникъ Кубанской области, вопль сочувствуя этому дѣлу, обѣщавъ ходатайствовать предъ высшимъ начальствомъ объ осуществленіи желаній педагогическаго совѣта, но выходя въ отставку помѣшалъ ему исполнить это намѣреніе. Новый наказный атаманъ въ 1874 г. предложилъ педагогическому совѣту семинаріи выработать проектъ, приблизительную смету и планъ предполагаемой церкви. Члены совѣта горячо принялись за дѣло; къ сожалѣнію въ войскѣ не оказалось свободныхъ суммъ,—къ тому же, по случаю неурожаевъ, въ хозяйственномъ правленіи было получено очень мало доходовъ.

Въ день открытія семинаріи въ ст. Полтавской находились на лицѣ лишь директоръ, священникъ и одинъ преподаватель наукъ; недоставало врача, одного преподавателя наукъ, учителя пѣнія, учителя начальной школы и садовника. Пріемному испытанію подвергалось 55 человекъ, изъ которыхъ было принято 36, составившихъ первый классъ. Въ сентябрѣ, когда семинарія перешла въ ст. Ладожскую, число учащихся возросло до 60 и сформировался второй классъ. Начальная школа, существовавшая въ ст. Ладожской до перехода туда семинаріи, была присоединена къ ней подъ именемъ образцовой. Въ школѣ этой съ сентябрю же начались правильныя занятія и ученики втораго класса посѣщали по временамъ уроки учителя образцовой

школы, готовясь такимъ образомъ мало по малу къ практическимъ занятіямъ въ 3-мъ классѣ въ слѣдующемъ году.

Вслѣдъ за сформированіемъ 3-го класса семинаріа получила болѣе полную организацію. Такъ образцовая школа раздѣлилась на двѣ: собственно образцовую и практическую или экспериментальную и кромѣ трехъ нормальныхъ классовъ возникли при семинаріи еще два: высшій или спеціальный и низшій—приготовительный (про-семинаріа). Раздѣленіе образцовой школы произошло на томъ основаніи, что она не можетъ удовлетворять своему назначенію, если допустить въ ней къ постоянному преподаванію малоопытныхъ семинаристовъ. Будущіе народныя учителя должны видѣть предъ собою образецъ правильно организованной школы; а этого возможно достигнуть лишь тогда, когда кромѣ школы образцовой при семинаріи будетъ существовать еще другая, для практики семинаристовъ.

Педагогическому совѣту Кубанской учительской семинаріи § 31 ея устава предоставлено право оставлять при семинаріи отличнѣйшихъ изъ оканчивающихъ курсъ еще на одинъ годъ для болѣе подробнаго изученія какой-нибудь науки съ тѣмъ, чтобы по истеченіи года причислять ихъ къ разряду учителей уѣздныхъ училищъ. Въ 1873 году изъ перваго выпуска было оставлено трое и они-то составили новый спеціальный классъ при Кубанской семинаріи.

Въ 1872 году появился циркуляръ г. министра народнаго просвѣщенія къ попечителямъ учебныхъ округовъ, въ которомъ было выражено, что самымъ лучшимъ контингентомъ учащихся для учительскихъ семинарій должны быть дѣти сельскихъ школъ, ибо въ такомъ случаѣ сельскіе учителя будутъ выходить изъ той же среды, въ которой имъ суждено жить и трудиться; по уставу семинарій въ нихъ могутъ быть принимаемы молодые люди не раѣе шестнадцати-лѣтняго возраста, но такъ какъ курсъ начальной народной школы оканчивается въ 13—14 лѣтнемъ возрастѣ, то г. министръ предлагалъ, чтобы мальчики, окончившіе курсъ двуклассной народной школы и заявившіе желаніе продолжать образованіе въ учительскихъ семинаріяхъ, оставались, до достиженія ими 16-ти лѣтняго возраста, при тѣхъ же школахъ для дальнѣйшихъ занятій подъ руководствомъ учителей за особое вознагражденіе и подъ наблюденіемъ инспектора народныхъ училищъ. Принимая въ соображеніе означенный циркуляръ и то обстоятельство, что въ Кубанской области не существовало въ то время мужскихъ двуклассныхъ сельскихъ школъ, педагогическій совѣтъ семинаріи рѣшилъ организовать особый приготовительный

классъ или просеминарію. Къ такому рѣшенію побуждали его еще и особыя соображенія, а именно: ученики образцовой школы, окончивающіе курсъ 14-ти лѣтъ, оставались при ней до 16-ти лѣтняго возраста; утромъ помогали учителю, а вечеромъ занимались самостоятельно подъ наблюденіемъ учителя. Не выдержавшіе конкурснаго экзамена въ 1-й классъ обыкновенно оставались въ ст. Ладожской для присканія средствъ подготовки въ семинарію. Какъ для тѣхъ, такъ и для другихъ учрежденіе пригготовительнаго класса было очень полезно. Имѣя въ виду будущую учительскую дѣятельность воспитанниковъ спеціального класса, совѣтъ вмѣстѣ съ заботой объ ихъ теоретическомъ образованіи, изыскивалъ способы еще болѣе укрѣпить ихъ въ практическомъ отношеніи. Такую практику воспитанники спеціального класса лучше всего могли получить, занимаясь съ учениками просеминаріи. Практикуясь годъ въ образцовой школѣ и годъ въ пригготовительномъ классѣ, они основательно знакомились съ курсомъ уѣздныхъ и двухклассныхъ городскихъ училищъ. Такимъ образомъ, Кубанская семинарія была первою семинаріею въ Россіи съ пригготовительнымъ классомъ. Нынѣ необходимость пригготовительныхъ классовъ созвана почти повсемѣстно.

Преусиѣнію Кубанской учительской семинаріи способствовало въ значительной степени и то обстоятельство, что первоначальный ея штатъ (13,250 руб.), весьма незначительный по сравненію со штатами нѣкоторыхъ другихъ семинарій, былъ въ 1875 году увеличенъ, такъ что, напримѣръ, учителя наукъ стали получать по 1,395 руб., а все содержаніе семинаріи возросло до 17,780 руб. Въ слѣдующемъ же году, съ официальнымъ утвержденіемъ пригготовительнаго класса, учителю котораго опредѣлено 845 руб. содержанія, съ открытіемъ, сверхъ 40 существовавшихъ уже стипендій, новыхъ 10 и съ увеличеніемъ размѣра каждой стипендіи со 100 на 120 рублей, штатъ Кубанской семинаріи увеличился на 2,845 руб. и достигъ почтенной цифры 20,625 рублей.

Въ той же Ладожской станицѣ еще до перехода туда учительской семинаріи, подъ веденіемъ бригаднаго командира существовало женское училище на средства Екатеринодарскаго женскаго благотворительнаго общества. Съ упраздненіемъ бригады училище закрылось. Притомъ же трудно было найти хорошо подготовленную учительницу. Между тѣмъ необходимость имѣть женскую школу чувствовалась на каждомъ шагѣ и выражалась неоднократно въ словесныхъ заявленіяхъ общества, которое предложило даже готовое для школы

помѣщеніе. Тогдашній наказный атаманъ отнесся весьма сочувственно къ этому дѣлу и поручилъ устройство женскаго училища директору Кубанской учительской семинаріи. Такимъ образомъ вскорѣ въ ст. Ладожской (1-го марта 1872 г.) послѣдовало открытіе женскаго одно-класснаго училища съ 15-ю ученицами при одной учительницѣ.

Но это еще не все. Потребность въ учителяхъ для станичныхъ школъ была очень велика, а между тѣмъ казаки слишкомъ заняты своею службой; кому же какъ не женщинѣ сподручнѣе занять скромное мѣсто станичной учительницы? Вслѣдствіе того явилась мысль расширить Ладожское женское училище, преобразовавъ его въ двух-классное съ пятилѣтнимъ курсомъ и устроить при немъ женскіе педагогическіе курсы, хотя въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ. Положеніе и штатъ Ладожскаго женскаго нормальнаго училища съ педагогическими при немъ курсами были утверждены Его Высочествомъ Намѣстникомъ Кавказскимъ 25-го іюля 1872 года. Въ сентябрѣ того же года курсы и школа были открыты съ 26-ю малолѣтними дѣтьми въ училищѣ и 7-ю взрослыми дѣвками въ курсахъ. Оба эти заведенія содержатся на суммы трехъ вѣдомствъ: 2,400 руб. отпускаетъ Кубанское войско, 250 руб. Екатеринодарское женское благотворительное общество и 300 руб.—общество ст. Ладожской. Средства весьма ограниченны! Было бы трудно на нихъ существовать двумъ учебнымъ заведеніямъ, если бы въ той же станицѣ не было готовой педагогической корпораціи. Это имѣлось въ виду, когда заведеніе открывалось въ видѣ опыта на два года. Но опытъ этотъ длится уже 6 лѣтъ и существованіе курсовъ въ будущемъ подвержено большому сомнѣнію, тѣмъ болѣе что учителя семинаріи за преподаваніе въ курсахъ получаютъ ничтожное вознагражденіе. Такъ учитель исторіи и учитель географіи получаютъ за преподаваніе въ старшемъ классѣ курсовъ по 1 руб. 25 коп. въ мѣсяць ¹⁾, а директоръ учительской семинаріи за завѣдываніе двумя женскими учебными заведеніями и за четыре урока педагогики въ курсахъ получаетъ всего 120 руб.

Положеніе курсовъ съ самаго начала ихъ существованія было ненормально. Туда поступали дѣвушки мало подготовленныя и учились онѣ только два года. Что могли онѣ приобрести въ столь короткій

¹⁾ По штату въ старшемъ классѣ курсовъ полагается 1 урокъ въ недѣлю на исторію и географію; а такъ какъ годовой урокъ оплачивается 30-ю рублями, то учитель исторіи и учитель географіи за этотъ урокъ получаютъ по 15 руб. въ годъ или по 1 руб. 25 коп. въ мѣсяць.

срокъ? Ничтожное вознагражденіе за трудъ не могло привлекать въ курсы преподавателей. Если они и давали уроки, то ради добраго дѣла и въ надеждѣ на будущее. Всѣхъ недѣльныхъ уроковъ въ первомъ классѣ было назначено 16, а во второмъ—12; между тѣмъ въ учебную программу входили и педагогика, и практическая геометрія и исторія, и географія и проч. Вслѣдствіе этого на каждый предметъ приходилось очень мало уроковъ.

Ходатайство о преобразованіи курсовъ въ женское отдѣленіе Кубанской учительской семинаріи было возбуждено въ 1874 году, на что и испрашивался расходъ изъ войсковыхъ суммъ въ количествѣ 9.000 руб.

Какъ учебное, такъ и войсковое вѣдомства отнеслись съ полнымъ сочувствіемъ къ этому проекту и тотчасъ же приняли нѣкоторыя мѣры для осуществленія его, хотя и не вполне. Такъ войско съ 1875 года содержитъ въ курсахъ на свой счетъ 11 стипендіатовъ; при женскомъ училищѣ для усиленія его курса и для практическихъ занятій кандидатокъ устроенъ приготовительный классъ, на жалованье учительницъ котораго отпускается ежегодно 400 руб.

Число учащихся въ учебныхъ заведеніяхъ ст. Ладожской въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ постепенно увеличивалось, а затѣмъ подвергалось различнымъ колебаніямъ. Въ учительской семинаріи при открытіи ея находилось, какъ уже сказано выше, 69 учениковъ, а въ 1878 году число это возросло до 191, въ женскомъ училищѣ съ педагогическими курсами было въ 1877 году 98 ученицъ; общее число получившихъ педагогическую подготовку въ заведеніяхъ ст. Ладожской простирается до 311; принимали участіе на четырехъ временныхъ учительскихъ сѣздахъ при Кубанской семинаріи 85 человекъ и держали испытаніе на званіе учителей и учительницъ вачальныхъ школъ — 39.

По частнымъ и официальнымъ свѣдѣніямъ оказывается, что изъ означеннаго выше числа (311) лишь весьма немногіе отказались послѣдствіи отъ педагогической дѣятельности. Мѣстомъ этой дѣятельности служить не одна только Кубанская область, но также области Терская, губерніи Екатеринославская, Харьковская, Ставропольская, Кутаисская, Бакинская и друг. Нѣкоторые изъ учителей занимаютъ мѣста въ уѣздныхъ училищахъ и въ двухклассныхъ городскихъ, а нѣкоторые изъ учительницъ — въ прогимназіяхъ и въ двухклассныхъ женскихъ училищахъ.

Въ связи съ устройствомъ учебныхъ заведеній въ ст. Ладожской находится возникновеніе въ ней нѣсколькихъ особыхъ учреждений. Къ таковымъ мы относимъ: войсковую больницу, книжный складъ, столярную мастерскую и метеорологическую станцію.

30-го сентября 1873 года состоялось открытіе въ ст. Ладожской войсковой больницы съ особымъ отдѣленіемъ для учащихся (15 кроватей) на офицерскомъ положеніи.

Отдаленность Ладожской станицы отъ большихъ центровъ Россіи дѣлала крайне затруднительнымъ пріобрѣтеніе учебныхъ пособій, руководствъ и вообще книгъ. Войсковые стипендіаты получали книги изъ бібліотеки семинарій, стипендіаты же другихъ вѣдомствъ и своекоштные терпѣли большой въ нихъ недостатокъ. Одинъ изъ преподавателей семинаріи выписывалъ частнымъ образомъ книги и продавалъ ихъ нуждающимся, а въ 1874 году попечителемъ округа ему было разрѣшено на собственные средства открыть при семинаріи складъ книгъ и учебныхъ пособій.

Одновременно съ открытіемъ книжнаго склада тѣмъ же лицомъ была устроена столярная мастерская, въ которой по преимуществу изготовлялась классная мебель и различныя наглядныя пособія, какъ напримѣръ, арифметическіе ящики, модели геометрическихъ тѣлъ, счеты и т. п. Нельзя не замѣтить, что значительную поддержку мастерская встрѣтила въ директорѣ училищъ Кубанской области Н. Ф. Блюдовѣ, который нѣсколько разъ дѣлалъ ей заказы различныя наглядныя пособія для школъ. Непмѣніе капитала, дороговизна рабочихъ рукъ, затрудненія въ пріобрѣтеніи лѣса, невозможность одному лицу, при исполненіи прямыхъ своихъ обязанностей, завѣдывать двумя довольно сложными учрежденіями—вотъ причины, вслѣдствіе которыхъ мастерская не могла просуществовать болѣе трехъ лѣтъ. Но и въ это короткое время она принесла не малую пользу. Что касается книжнаго склада, то и его существованіе не было обезпечено. Выписывать книги приходилось въ кредитъ, а чрезъ это уменьшалась уступка въ цѣнѣ. Вслѣдствіе всего этого завѣдывавшій складомъ рѣшился еще въ прошломъ 1877 г. закрыть его, о чемъ и заявилъ педагогическому совѣту семинаріи.

Въ 1872 году бывшій наказный атаманъ Кубанскаго войска согласился на перенесеніе изъ г. Екатеринодара въ ст. Ладожскую метеорологическаго павильона и находившихся въ немъ инструментовъ, съ тѣмъ, чтобы современемъ при Кубанской учительской семинаріи устроилась метеорологическая станція. На пріобрѣтеніе новыхъ инструмен-

товъ генералъ Цакки выдалъ изъ собственныхъ средствъ 150 руб. и въ томъ же году нѣкоторые инструменты были выписаны изъ главной физической обсерваторіи. Остановка была за барометромъ, который надо было налить, а за это дѣло никто не рѣшался взяться. При томъ же не находилось и лица, которое аккуратно производило бы метеорологическія наблюденія и составляло бы таблицы. Только въ прошломъ году садоводъ семинаріи Я. П. Страшкевичъ, соблазна о непроизводительности затраченныхъ на метеорологическіе инструменты денегъ и зная по опыту, какое значеніе для края могутъ имѣть метеорологическія наблюденія, совершаемыя аккуратно и безъ перерывовъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, началъ заниматься ими; занятія его встрѣтили сочувствіе въ директорѣ Тифлисской обсерваторіи А. Ѳ. Морицъ, который самъ прибылъ въ ст. Ладожскую, провѣрилъ всѣ инструменты и подарилъ семинаріи еще нѣсколько новыхъ. Въ помощь садоводу привлечены были и нѣкоторые воспитанники семинаріи для того, чтобы впоследствии, когда явится возможность устроить въ Кубанской области нѣсколько метеорологическихъ станцій и полустанцій, они могли занять мѣста наблюдателей-метеорологовъ.

Учительская семинарія пользуется сочувствіемъ общества. Сочувствіе это выражается между прочимъ въ томъ, что въ ней имѣютъ своихъ стипендіатовъ общества Терской области, губерній Ставропольской, Екатеринославской и даже Харьковской; между этими молодыми людьми находятся пользующіеся стипендіями имени генераловъ М. Т. Лорисъ-Меликова, М. А. Цакки и тайнаго совѣтника Я. Н. Невѣрова. Сочувствіе общества выражается также во многихъ цѣнныхъ пожертвованіяхъ. Крупнѣйшимъ изъ нихъ былъ участокъ земли въ 300 десятинъ, отведенный учебнымъ заведеніемъ жителями ст. Ладожской въ воспоминаніе посѣщенія станицы 16-го и 17-го сентября 1872 году Его Высочествомъ Намѣстникомъ Кавказскимъ. Въ общественномъ приговорѣ по этому случаю читаемъ слѣдующее: „дабы увѣковѣчить сіи достопамятные дни въ сердцахъ нашихъ дѣтей и внуковъ, положили: отвести изъ нашего общаго юрта триста десятинъ земли, доходъ съ которой опредѣлить въ помощь содержанія двухъ училищъ мужскаго и женскаго, въ которыхъ учатся наши дѣти, назвавъ участокъ этотъ училищнымъ участкомъ“.

То же общество отвело для семинаріи подъ садъ и огородъ 4¹/₂ десятины земли за станицей. Пниѣ на этомъ участкѣ вырытъ единственный въ станицѣ колодезь и благодаря труду садовника семина-

ріи Я. П. Страшкевича разведенъ обширный фруктовый садъ и виноградникъ, которые года черезъ два могутъ уже принести обильные плоды. Г. Страшковичъ завелъ также въ саду образцовый пчельникъ, положилъ начало винодѣлію и шелководству. Получая незначительное вознагражденіе онъ вполне предавался своимъ занятіямъ и не скупился иногда на нихъ даже собственными средствами, самъ нанималъ рабочихъ и т. п. Въ настоящее время онъ покинулъ семинарію ибо приглашенъ былъ завѣдывать фермой Кубанскаго сельско-хозяйственнаго общества въ г. Екатеринодарѣ.

Къ земельнымъ приобрѣтеніямъ семинаріи слѣдуетъ отнести и пожертвованіе проживающаго въ ст. Ладожской отставнаго генерала Я. Г. Габасна. Сочувствуя усиліямъ садоводства въ Кубанской области вообще и большому развитію сельско-хозяйственныхъ знаній въ средѣ воспитанниковъ, онъ изъявилъ готовность изъ высочайше дарованнаго ему участка, находящагося на лѣвомъ берегу рѣки Кубани противъ ст. Ладожской, отдѣлить 30 десятинъ земли для устройства образцовой фермы или агрономической станціи.

Цѣннымъ также приобрѣтеніемъ является довольно полный естественно-историческій кабинетъ, уступленный семинаріи Кубанскою войсковою гимназіей. Какъ бы въ дополненіе къ этому кабинету впоследствии, уже на пожертвованныя различными лицами деньги, были приобрѣтены модель глаза и модель уха Озу, а помощникъ директора училищъ Кубанской области г. Черняевскій подарилъ семинаріи очень полный и систематически составленный имъ гербарій преимущественно Кавказской флоры. На деньги, собранныя съ литературно-музыкальнаго вечера, устроеннаго преподавателями и учениками семинаріи, былъ выписанъ изъ главной физической обсерваторіи громадшій, очень хорошо устроенный флюгеръ. Укажемъ здѣсь еще на одинъ цѣнный подарокъ, сдѣланный И. Я. Пясецкимъ: это четыре рельефныя карты, изъ которыхъ Европа помѣщается на 20, Африка на 16, сѣверная Америка на 12, и южная Америка на 12 квадратныхъ аршинахъ. Украшая залу и библіотеку семинаріи эти карты служатъ вмѣстѣ съ тѣмъ прекраснымъ пособіемъ при изученіи физической географіи частей свѣта.

А. Фролковъ.

дѣла
и т. д.
дѣла

ЗАМѢТКА КЪ 1-Й ОДѢ 1-Й КНИГИ ГОРАЦІЯ СТ. 29 — 36.

Во всѣхъ извѣстныхъ мнѣ изданіяхъ Горациа стихи, о которыхъ я хочу говорить, читаются одинаково; не смотря на то, едва ли найдется комментаторъ, который не счелъ бы нужнымъ сдѣлать оговорку, предупреждая читателя, что здѣсь вѣтъ повторенія одной и той же мысли, и такимъ образомъ принять подъ свою защиту поэта отъ могущихъ быть, или дѣйствительно бывшихъ, нареканій. Такъ Орелли говоритъ: *Ne ter idem dixisse videatur Horatius* (хорошъ же поэтъ, когда можетъ казаться, что онъ трижды повторяетъ одно и то же!), *accurate distinguendae sunt tres sententiae vv. 29. 30. 36 nimirum ita, remotis imaginibus* (29): „*Me vero plus quam omnia delectant studia poetica, quibus dum vaco, summam felicitatem adeptus, inter deos versari mihi videor; (30) ac praesertim, ubi solus loca amoena perambulo, lyrica carmina meditans, plebi longe superiorem me esse sentio. (36) Quodsi tu quoque, qui idoneus es huius facultatis iudex, poetarum lyricorum hoc nomine vere dignorum numero me adscribes, ego Romanæ fidicen lyrae, gloriae sempiternæ certus ero*“. Нѣтъ дѣлаетъ оговорку только относительно *Dis miscent superis* и *feriam sidera*. Вотъ его слова: „*miscent me s. v. a. (to-есть, so viel als) evehunt, ohne deshalb mit feriam sidera zusammenzufallen. Jenes bezeichnet die selige Gemeinschaft mit den Göttern; dieses einen Ruhm und eine Herrlichkeit, die hoch über das Gewöhnliche erhaben, gleichsam bis an den Himmel reichen. Мимоходомъ сказать, странное толкованіе, будто miscent me = evehunt, когда самъ комментаторъ при (palma nobilis) evehit говоритъ, что nobilis = nobilitans, sofern der Ruhm auf*

den Besitzer fällt, изъ чего видно, что Наукъ считаетъ *evehit* почти—*sidera feriam*. Гораздо вѣрнѣе Митчерлихъ указываетъ на то, что *Dis miscent superis* не то же, что *palma nobilis ...evehit*, какъ, по его словамъ, полагало большинство современныхъ и предшествовавшихъ ему комментаторовъ Горация. Но при такомъ указаніи онъ, повидимому, заботится не столько о томъ, чтобы содѣйствовать болѣе вѣрному пониманію этихъ словъ, сколько о томъ, чтобы оградить Горация отъ нареканій за повтореніе одной и той же мысли. А къ чему же вся эта защита? Положеніе увѣнчаннаго плющевымъ вѣнкомъ поэта и увѣнчаннаго пальмовою вѣткою состязателя на Олимпійскихъ играхъ одинаково; почему же не высказать одну и ту же мысль о томъ и другомъ, только въ другой формѣ? Изъ всего вышесказаннаго видно, что всѣ комментаторы сознаютъ, что что-то въ этомъ мѣстѣ неладно, но въ чемъ именно заключается это что-то, объ этомъ они не имѣютъ яснаго представленія. Что же именно неладно? Неладно то, что при настоящемъ чтеніи этихъ стиховъ не соблюдена постепенность, градація: мысль не только не повышается, но даже понижается, съ чѣмъ соединены другія несообразности, о которыхъ будетъ говорено ниже. Это такого рода поэтическая ошибка, которую допустить у такого поэта, какъ Гораций, никакъ нельзя, особенно если взять въ соображеніе, что она встрѣчается въ указанномъ мѣстѣ, гдѣ поэтъ восторженно говоритъ о своемъ поэтическомъ призваніи и такихъ же занятіяхъ.

Что дѣйствительно, при настоящемъ чтеніи этихъ стиховъ, не соблюдена градація, въ этомъ не трудно убѣдиться. Очевидно отдѣленіе (выдѣленіе) отъ народа, отъ прочихъ Римлянъ (*prorio*), отличіе отъ нихъ и сознаніе своего превосходства надъ ними—мысль гораздо болѣе слабая, чѣмъ присоединеніе къ сонму боговъ, возвращеніе въ ихъ средѣ, сознаніе блаженства, испытываемаго въ сообществѣ съ ними. Къ тому же вторая мысль (въ текстѣ первая) заключаетъ въ себѣ *implicite* первую (въ текстѣ вторую), потому что тотъ, кто примыкаетъ къ сонму боговъ, тѣмъ самымъ и отдѣляется отъ людей и превосходитъ даже тѣхъ, которые возвышаются надъ прочими людьми. Потому, при настоящемъ чтеніи, не только нарушена постепенность мыслей, но и вторая мысль заключаетъ, какъ необходимая часть или предположеніе, въ первой; въ такомъ смѣслѣ, но только въ такомъ, можно сказать, что она заключаетъ въ себѣ повтореніе предыдущей. Что комментаторы чувствовали и смутно сознавали, что здѣсь должна бы быть градація, видно изъ вышеспри-

веденнаго толкованія Орелли (слова *ac praesertim* очевидно указываютъ на такое смутное сознаніе). Поэтому, для соблюденія необходимой градаціи, я предлагаю слѣдующее измѣненіе въ текстѣ, именно вмѣсто *Dis miscent superis* поставить *secernunt populo*, и наоборотъ, что вполнѣ допускаетъ размѣръ, то-есть, читать это мѣсто слѣдующимъ образомъ:

- Me doctarum hederæ præmia frontium*
 30. *Secernunt populo, me gelidum nemus*
Nympharumque leves cum Satyris chori
 32. *Dis miscent superis, si neque tibias... etc...*

Только при такомъ распредѣленіи стиховъ, также первая часть этихъ двухъ предложеній, то-есть подлежащія съ дополненіями получаютъ надлежащее значеніе и сохраняется связь этихъ стиховъ съ предыдущими и послѣдующими. Укажемъ сперва на значеніе *gelidum nemus Nympharumque leves cum Satyris chori*. Согласно толкованію комментаторовъ, эти слова должно принимать въ смыслѣ занятій поэзіею среди уединенія сельской жизни, среди прекрасной природы, столь благотворно дѣйствующей на поэтическое настроеніе каждаго писателя. Если такъ, а сомнѣваться въ этомъ едва ли возможно, то что же можетъ значить *doctarum hederæ præmia frontium*? Очевидно, это не можетъ значить занятіе поэзіею вообще, какъ толкуютъ комментаторы, потому что эта мысль заключала бы въ себѣ вторую, только что объясненную, относясь къ ней, какъ общее къ видовому. Къ тому же, говори о занятіяхъ поэзіею вообще, уместнѣе было сказать: лавровые вѣнки, какъ главное украшеніе Аполлона и поэтовъ, а не плющевые. Очевидно упомянутыя слова ничего иного означать не могутъ, какъ занятіе поэзіею среди людской суеты, среди шума города Рима, въ противоположность къ такимъ же занятіямъ среди уединенія сельской жизни. И дѣйствительно, кто же могъ бы награждать Горація плющевыми вѣнками (*doctarum hederæ frontium*) за его произведенія, какъ не образованные цѣнители и знатоки поэзіи, и гдѣ же жили эти цѣнители, какъ не въ Римѣ? Самое слово *hederæ* не напоминаетъ ли намъ пиршества и попойки, какія происходили главнымъ образомъ въ Римѣ и на которыхъ украшеніе вѣнками было дѣломъ обычнымъ? Если же друзья и покровители поэзіи, лучшіе знатоки ея, награждали Горація плющевыми вѣнками, то за какія произведенія они могли дать ему такія награды? Очевидно, не за оды, первыя три книги которыхъ онъ впервые посвящаетъ Меценату; на-

грады могли относиться только къ написаннымъ и изданнымъ имъ раньше произведеніямъ, а такими были лишь его сатиры и нѣкоторые эподы, которыми, какъ извѣстно, Горацій началъ свою литературную дѣятельность. Эти сатиры были не только сочинены имъ въ Римѣ, но самый сюжетъ ихъ заимствованъ главнымъ образомъ изъ римской жизни. Значить, подѣ вышесказанными словами слѣдуетъ понимать вовсе не занятія поэзіею вообще, а занятія извѣстнымъ родомъ ея, именно главнымъ образомъ сатирами, написанными имъ въ городѣ Римѣ. И эти-то первыя произведенія его, не въ одномъ поэтическомъ смыслѣ, но и въ дѣйствительности отдѣлили его отъ народа (*secerunt populo*), то-есть, отъ жителей Рима и вообще Римлянъ, они отмѣтили его печатью поэта, они указали ему на истинное его призваніе, которое состояло не въ защитѣ республиканскихъ учрежденій, какъ онъ полагалъ раньше, и вообще не въ томъ, чѣмъ занимались прочіе Римляне, за исключеніемъ нѣкоторыхъ избранныхъ, а только въ занятіи поэзіею. Они отмѣтили его печатью поэта, потому что, какъ общеизвѣстно, сатиры, при первомъ же появленіи ихъ, обратили на себя вниманіе и заслужили одобреніе не только публики, но и величайшихъ знатковъ и цѣнителей, Виргилія, Варія, а затѣмъ и самого Мецената, котораго Горацій безъ сомнѣнія и имѣлъ главнымъ образомъ въ виду, говоря о награжденіи вѣнками. Благодаря свисканному этими произведеніями расположенію послѣдняго, Горацій получилъ отъ Мецената въ даръ Сабинскую виллу, даръ, важный не столько въ матеріальномъ отношеніи, сколько въ духовномъ: среди прекрасной природы и уединенія сельской жизни (*me gelidum nemus* и т. д.) поэтической талантъ Горація разцвѣлъ въ полномъ цвѣтѣ и принялъ высшій полетъ, плодомъ котораго и были подносимыя имъ Меценату, какъ первому виновнику вдохновенія и разцвѣтанія поэтического генія Горація, три книги одъ. Превосходно и съ необыкновенною силой выражено благотворное вліяніе прекрасной природы на поэтическое настроеніе поэта (согласно предлагаемому мною чтенію): „*Dis miscent superis*“, то-есть подѣ вліяніемъ ея Горацій присоединяется къ сонму боговъ, вызванное ею практическое настроеніе возбуждаетъ въ немъ чувство такого блаженства, какое можно испытать только въ сообществѣ съ богами. Чтобы покончить здѣсь съ нитью мыслей поэта, укажемъ на связь ихъ съ послѣдующими. Правда, вліяніе прекрасной природы и уединенія сельской жизни такъ вдохновляютъ меня,—вотъ нить мыслей Горація,—что я чувствую себя какъ бы въ сообществѣ съ богами; но это не всегда, а только (согласно

возврънню древнихъ на Музы) въ тѣ счастливыя минуты жизни, когда и Музы, въ частности Музы лирической поэзіи и гимновъ, вдохновляютъ меня; когда онѣ не отказываютъ мнѣ въ благосклонномъ содѣйствіи (*si neque tibiâs Euterpe cõhibet nec Polyhymnia Lesboum refugit tendere barbiton*). Но одно высоко-поэтическое настроеніе не даетъ еще мнѣ ручательство въ томъ, что мои лирическія произведенія отмѣчены печатью гениа, что я великій лирическій писатель: можно быть въ душѣ поэтомъ, и все-таки не создавать великихъ поэтическихъ произведеній. Потому если публика и лучшіе современныя мнѣ поэты, а также ты, Меценатъ, уже признали меня талантливымъ сатирическимъ писателемъ и наградили меня за мои сатирическія произведенія плющевыми вѣнками, то теперь при поднесеніи тебѣ новаго опыта, первыхъ моихъ лирическихъ пѣснопѣвій, плода моего вдохновенія среди уединенія и прелестей подаренной тобою Сабинской виллы, я надѣюсь, что и эти оды также заслужатъ твое одобреніе и что, на основаніи ихъ, ты причислишь меня къ лучшимъ лирическимъ поэтамъ (*lyricis vatibus inseres*). Если моя надежда сбудется, то я не нуждаюсь въ одобреніи прочихъ людей: я увѣренъ, что приобрѣту славу, которая превыше всего на свѣтѣ и которая вознесетъ меня до самыхъ небесъ (*sublimi feriam sidera vertice*).

Изъ только что сказаннаго видно, что, при предлагаемомъ мною чтеніи, также лучше соблюдается связь съ послѣдующимъ: переходъ отъ сознанія высочайшаго вдохновенія, выраженіемъ котораго служатъ подносимыя Горациемъ оды, къ надеждѣ, что онѣ заслужатъ полное одобреніе Мецената, которое доставитъ ему безсмертную, возносящую его до небесъ славу, совершенно естественный и непринужденный. Такая строгая связь сохраняется и при переходѣ отъ предыдущихъ стиховъ къ разсматриваемому мѣсту, то есть отъ стремленій и занятій прочихъ жителей Рима и вообще Римлянъ (*populus*), лучшіе представители которыхъ заботятся о приобретеніи военной и гражданской славы, къ поэтическому призванію Горациа.

Говорить ли еще о томъ, что, при предлагаемомъ мною чтеніи, градація соблюдена не только во второй части обоихъ разсматриваемыхъ предложеній, но и въ первой? Очевидно, что городская жизнь, и особенно жизнь въ такомъ городѣ, какимъ былъ тогда Римъ, не могла такъ вдохновить поэта, какъ уединенная сельская жизнь среди прекрасной природы, и самый родъ поэзіи, которымъ занимался Горацийъ въ Римѣ (сатиры), не могъ возбудить въ немъ такого вдохновенія, какъ лирическія произведенія; не говорю уже о томъ, что са-

тиры (1-я кн.), какъ первые опыты его поэтическаго таланта, не отличались такою зрѣлостью, какъ его оды.

Мнѣ остается еще доказать, что слова *Dis miscent* неумѣстны при *hederac* и т. д., какъ *secernunt populo* при *gelidum nemus* и т. д. Что они совершенно умѣстны при предлагаемой мною перестановкѣ, это послѣ всего сказаннаго, кажется, ясно до очевидности. Начну съ послѣднихъ словъ. *Populus* при *gelidum nemus* не могло обозначать никого другаго, какъ сельскихъ жителей. Но какимъ же образомъ можно этихъ послѣднихъ называть *populus*? Правда, комментаторы объясняютъ это слово въ данномъ случаѣ = *vulgus*; но 1) *populus* никогда не имѣетъ такого значенія и 2) даже въ такомъ значеніи это слово было бы неумѣстнымъ, потому что кто же назоветъ сельскихъ жителей *vulgus*? Также неумѣстно было бы выдѣленіе себя (*secernunt*) отъ сельскихъ жителей и это тѣмъ болѣе, что и сельскіе жители наслаждаются природою и не относятся безучастно къ ней. Къ тому же *gelidum nemus* etc. заключаетъ въ себѣ указаніе на уединеніе отъ людей, каковое понятіе не заключается въ *secernunt*. При *hederac* же глаголь *secernunt* тѣмъ болѣе умѣстенъ, что плющевыя вѣтки служатъ какъ бы вѣшнымъ знакомъ, по которому на первый взглядъ можно усмотрѣть (*cerni potest*) отлччіе Горациа, какъ поэта, отъ прочихъ Римлянъ. Что *Dis miscent* неумѣстны при *hederac* и т. д. ясно уже изъ предыдущаго; прибавлю только, что сатира, по своему преимущественно дидактическому характеру, не можетъ вдохновлять поэта въ такой мѣрѣ, чтобы онъ чувствовалъ себя какъ бы въ сонмѣ боговъ.

Послѣ всего вышеизложеннаго кажется несомнѣннымъ, что изъ подъ пера Горациа не могли выйти разсмотрѣнные мною стихи въ такой разстановкѣ, какая до сихъ поръ была всеми принимаема; предположить, что Гораций могъ сдѣлать подобную ошибку, значить несколько не понимать характера его поэзіи вообще, и его лирической въ частности, и хотя, по мѣткому выраженію Квинтилиана, Гораций *verbis audax*, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ *felicissime audax*. Вопросъ заключается теперь въ томъ, какимъ образомъ могла произойти такая перестановка?

Побужденіемъ къ ней могло быть, судя по аналогіи съ старыми и современными комментаторами, невѣрное пониманіе 29 ст., а именно будто въ немъ говорится о поэтическихъ занятіяхъ Горациа вообще, въ какомъ случаѣ болѣе умѣстно теперешнее чтеніе, при которомъ *Dis miscent*, заключая въ себѣ болѣе общее и болѣе важное понятіе, лучше соотвѣт-

ствуешь болѣе общему и важному понятію литературныхъ занятій Горациа вообще. Къ самому же пониманію 29 ст. въ сказанномъ смыслѣ могло подать поводъ то обстоятельство, что въ предыдущихъ стихахъ Горацийъ говоритъ о стремленіяхъ и занятіяхъ прочихъ Римлянъ въ самыхъ общихъ чертахъ, что по самой сущности дѣла и не могло быть иначе; естественно было думать, что въ первой строкѣ затѣмъ онъ, противопоставляя себя имъ, какъ поэтъ, тоже говоритъ о своихъ поэтическихъ занятіяхъ вообще. При этомъ только упущено изъ виду, что вовсе не въ характерѣ такого реалистическаго поэта, какъ Горацийъ, говорить объ опредѣленной личности, а тѣмъ болѣе о себѣ, въ такихъ общихъ, лишенныхъ опредѣленной реальной подкладки выраженіяхъ; забыли также, что при поднесеніи оды, при посвященіи ихъ Меценату, онъ не могъ упустить изъ виду послѣдняго, а долженъ былъ сказанное о себѣ привести въ связь съ тѣмъ, чьей искренней дружбѣ, высоко образованному уму и тонкому поэтическому чувству онъ такъ много былъ обязанъ даже въ смыслѣ развитія своего поэтическаго таланта.

Къ какимъ ложнымъ заключеніямъ и, можно сказать, грубому непониманію поэтическаго таланта Горациа приводила эта перестановка, тому примѣромъ можетъ служить вполнѣ основательное и необходимо вытекающее изъ настоящаго чтенія замѣчаніе Наука. Вотъ что говоритъ онъ: „Wenn die beiden ersten und die beiden letzten Zeilen fehlten, so hätten wir statt der Widmung ein Vorwort: und ein Vorwort das nichts (будто!—а диссопансъ подѣ конецъ въ несоблюденіи градаціи, правда, незамѣченный Наукомъ?) zu wünschen übrig liesse, während man sich jetzt wundern kann, dass in dem Gedichte selbst nicht die mindeste Beziehung auf den Angeredeten genommen wird. Sollten die vier Dedicationszeilen, welche auch hinsichtlich des Metrums isolirt stehen, vielleicht nachträglich (нечего сказать—хорошій же поэтъ Гораций!)—bei der Übersendung—hinzugefügt sein“? Пусть успокоится остроумный критикъ: при предлагаемомъ мною, единственно возможномъ у такого поэта, какъ Горацийъ, чтеніи отношеніе къ Меценату совершенно ясно указывается съ самаго того мѣста, съ котораго оно только возможно, то-есть когда Горацийъ начинаетъ говорить о себѣ, и проводится чрезъ все послѣдующее до конца. И съ какою необыкновенною тонкостью, съ какимъ неподражаемымъ искусствомъ указано на эти отношенія. И вотъ, благодаря неискусной перестановкѣ нѣсколькихъ словъ такого поэта, какъ Горацийъ, да еще въ такомъ мѣстѣ, въ которомъ его поэтическій талантъ проявляется съ не-

обыкновенною силой, приравниваютъ къ тѣмъ жалкимъ ремондентамъ, у которыхъ можно сокращать и удлинять произведенія, смотря по надобности!

Если Наукъ, на основаніи прежняго текста, сдѣлалъ предположеніе совершенно несоотвѣтствующее характеру Горація вообще и поэзіи его въ частности, то я склоненъ сдѣлать совершенно противоположное и, надѣюсь, болѣе правильное предположеніе. Очень вѣроятно, что Горацій только при второй редакціи ослабилъ упрекъ на отношеніе, въ которомъ высказанная въ 29 ст. мысль находится къ Меценату: подъ вліяніемъ тѣхъ близкихъ и въ высшей степени дружественныхъ отношеній, въ которыхъ находился Горацій къ послѣднему, онъ, глубоко проникнутый сознаниемъ, сколько онъ обязанъ своему другу и покровителю не только въ матеріальномъ, но и духовномъ отношеніи, вѣроятно при первой редакціи сдѣлалъ незначительный историческій промахъ, приписавъ Меценату болѣе значительную роль въ награжденіи плющевыми вѣнками, чѣмъ то было согласно съ дѣйствительностью.

А. Мессъ.

НѢЧТО ОБЪ УЧЕБНЫХЪ ПОСОБІЯХЪ ПО ДРЕВНИМЪ ЯЗЫКАМЪ.

τῆς ἀρετῆς ἰδρωῖτα θεοὶ προπάροιδεν
ἔθνησαν ἀθάνατοι.

Въ нашей учебной литературѣ со введенія гимназической реформы стали появляться среди полезныхъ книгъ и такія пособія по древнимъ языкамъ, которыми, по вѣдѣнію или невѣдѣнію ихъ авторовъ, подрываются основы, на которыхъ зиждется гимназическое образованіе,—пособія, предлагающія ученикамъ то, что должно быть результатомъ ихъ собственныхъ усидчивыхъ трудовъ. Къ такого рода изданіямъ, между прочимъ, мы причисляемъ слѣдующія: 1) Новый упрощенный словарь къ пѣснямъ Гомера по порядку стиховъ—Веркгаупта; 2) его же переводъ пѣсней Гомера; 3) Соснецката—рѣчи Цицерона противъ Катилины, два текста: подлинный и по упрощенной конструкціи, съ примѣчаніями и словаремъ, и 4) его же I, II и III книги Энеиды Виргилія, два текста: „подлинный и по упрощенной конструкціи, съ примѣчаніями, объясненіемъ болѣе трудныхъ мѣстъ и словаремъ, для употребленія въ гимназіяхъ“.

Всѣ эти изданія мы считаемъ не выдерживающими критики и не стоило бы, конечно, о нихъ говорить, еслибы, къ несчастію, не завалены были ими книжные магазины столичныхъ и провинціальныхъ городовъ, откуда они проникаютъ въ домашнія библіотеки учениковъ гимназій. Вотъ почему мы рѣшились печатно высказать наше мнѣніе объ этихъ произведеніяхъ учебной литературы, причемъ не намѣрены вдаваться въ подробную ихъ критику, а укажемъ только на

общій ихъ характеръ и на тотъ вредъ, какой они могутъ привести учебному дѣлу.

Начнемъ съ „пособія къ чтенію и изученію Гомера“, составленнаго г. Веркгауптомъ. Пособіе это состоитъ изъ словаря, составленнаго по порядку стиховъ, и изъ русскаго перевода. Къ словарю прибавлены примѣчанія, для ознакомленія съ которыми приведемъ нѣсколько примѣровъ. Стран. 4 стихъ 3: „πολλοῖσι; гом. форма дат. множ. II. склон. вм. πολλοῖς, ἔτῃσιν гом. форма дат. множ. I. склон. вм. ἔταις; 4) ᾧ ἐνὶ οἴκῳ=ἐν ᾧ οἴκῳ въ своемъ домѣ. 5) Ἀχιλλῆος (=Ἀχιλλέως) οἰεῖ (=οἰεῖται, οἰεῖ), т. е. Неоптолемъ.—πέριπεν прош. несов. безъ приращенія=ἔπεριπεν“ и такъ далѣе до конца.—Спрашивается, зачѣмъ печатать словарь по порядку стиховъ? Развѣ недостаточно алфавитнаго словаря, какой находится въ изданіи Кремера? Положимъ, что полезно заставлятъ учениковъ выписывать слова по порядку стиховъ въ ихъ тетради съ тою цѣлью, чтобы, съ одной стороны, они имѣли возможность тверже запоминать вокабулы, съ другой, всматриваться лучше въ ихъ правописаніе. Но зачѣмъ печатать подобнаго рода словари? Не зачѣмъ ли, чтобы прямо помѣшать достиженію упомянутой цѣли? Или же г. Веркгауптъ принялся за составленіе печатныхъ тетрадей для гимназистовъ съ вокабулами по порядку стиховъ и съ указаніями на гомерическія формы, въ родѣ тѣхъ, которыя приведены выше, въ томъ убѣжденіи, что для учениковъ V и VI классовъ такая работа слишкомъ обременительна? Вотъ до чего доходитъ излишняя заботливость объ облегченіи милымъ дѣтямъ труда, что даже такой бездѣлицы, какъ выборъ словъ по порядку стиховъ и сличеніе гомерическихъ формъ съ аттическими на основаніи извѣстныхъ ученикамъ парадигмовъ не хотятъ предоставить самостоятельному труду юношей 15—17 лѣтъ! Вотъ, тебѣ готовая книженка, зубри себѣ на здоровье, а преподавателямъ древнихъ языковъ на радость! Но какъ ни безцѣльны подобнаго рода словари съ примѣчаніями, все таки они не причиняютъ такого ущерба учебному дѣлу, какъ подстрочные переводы читаемыхъ въ гимназіяхъ авторовъ, составляемые въ добавокъ на скорую руку. Веркгауптъ и въ этомъ отношеніи не лишилъ гимназистовъ своей заботы о нихъ, снабдивъ ихъ подстрочнымъ переводомъ шести рапсодій Одиссея, и какимъ переводомъ! Я не считаю здѣсь своею задачей разбирать весь этотъ переводъ, для чего потребовалось бы исписать цѣлыя десятки листовъ бумаги, а полагаю, что достаточно будетъ привести на удачу нѣсколько строкъ чтобы познакомить читателя съ достоинствомъ его. Для сличенія при-

ведемъ сперва подлинныя слова поэта, на примѣръ, изъ VI рапсодіи, стихъ 13—23:

τοῦ μὲν ἔβη πρὸς δῶμα θεὰ γλαυκῶπις Ἀθήνη,
νόστον Ὀδυσσεῖ μεγάλῃορι μητιόωσα.
βῆ δ' ἴμεν ἐς θάλαμον πολυδαίδαλον, ᾧ ἐν κόρῃ
κοιμᾶτ' ἀθανάτησι φῶν καὶ εἶδος ὁμοίη,
Ναυσικάα θυγάτηρ μεγάλῃορος Ἀλκινόοιο,
πάρ δὲ δύο ἀμφίπολοι, χαρίτων ἄπο κάλλος ἔχουσαι,
σταίημοῖν ἐκάτερθε· θύραι δ' ἐπέχειντο φαιναί.
ἦ δ' ἀνέμου ὡς πνοιῆ ἐπέσσυτο δέμνια κόρης,
στῆ δ' ἄρ' ὑπὲρ κεφαλῆς, καὶ μιν πρὸς μῦθον ἔειπεν,
εἰδομένη κόρῃ ναυσικλειτοῦ Δάμαντος,
ἦ οἱ ὀμηλικίη μὲν ἔην, κεχάριστο δὲ θυμῷ.

Въ этихъ стихахъ Гомера художественно описанъ моментъ, когда богиня Аѳина направляется къ дворцу царя Феакія, Алкиноя, и затѣмъ является въ спальнѣ его дочери. Всѣ мельчайшія подробности разказаны со строгою послѣдовательностью. Сперва, по словамъ поэта, Аѳина идетъ къ дому Алкиноя (ἔβη πρὸς δῶμα), затѣмъ она направляется въ спальню дочери его (βῆ δ' ἴμεν ἐς θάλαμον), при чемъ нѣсколькими штрихами нарисовала внутренность спальни: „спальня— изящно отдѣланная, въ ней почиваетъ богоподобная дочь Алкиноя, при ней (πάρ) сторожатъ двѣ служанки, получившія красоту отъ Харитъ; онѣ стоятъ по обѣимъ сторонамъ косяковъ; сіяющія блескомъ двери заперты (ἐπέχειντο), и вотъ при запертыхъ дверяхъ Аѳина проносится, какъ вѣтерокъ, къ ложу дѣвицы, становится у изголовья и, принявъ видъ дочери славнаго мореходца Диманта, ея ровесницы и любимой подруги, говоритъ“. Такой, очевидно, смыслъ приведенныхъ выше стиховъ поэта. Полюбопытствуемъ теперь, какъ переводить это мѣсто г. Веркгаунтъ. „Къ дому его (Алкиноя)“, говоритъ переводчикъ, „пошла свѣтлокая богиня Аѳина, заботясь о возвратѣ великодушнаго Одиссея. Быстро (?) вступила она въ художественную спальню, въ которой почивала дѣвица, станомъ и видомъ подобная безсмертнымъ, Навзикая, дочь великодушнаго Алкиноя, и подлѣ нея двѣ служанки, получившія красоту отъ Харитъ, съ обѣихъ сторонъ дверныхъ косяковъ; и свѣтлыя двери находились тамъ. Аѳина спѣшила, какъ дуновеніе вѣтра, къ ложу дѣвицы, стала потомъ надъ ея головою и обратила къ ней слово, принявъ образъ дочери знаменитаго мореходца Диманта, которая была ея ровесница и

возлюблена ся сердцемъ". Какая же, спрашивается, выходитъ картина, по словамъ переводчика? Аѳина, пришедши къ дому Алкиноя, быстро входитъ (ἄγ' εἰσέρου?) въ спальню, въ которой почиваетъ Павликая, а подлѣ нея стоятъ двѣ служанки съ обѣихъ сторонъ косяковъ. Значить, ложе Павликаи стояло тутъ же у дверей, иначе трудно себѣ представить, какимъ это образомъ двѣ служанки могли стоять подлѣ Павликаи и вмѣстѣ съ тѣмъ по обѣимъ сторонамъ косяковъ. Но пусть такъ, что же далѣе? Далѣе говоритъ переводчикъ, что „свѣтлымъ дверя“ гдѣ-то „находились тамъ“. *Risum teneatis amici!* „Аѳина спѣшила къ ложу дѣвицы, стала потомъ надъ ея головою и обратила къ ней слово“. При этихъ словахъ переводчика невольно подумаешь, что отъ дверей къ ложу дѣвицы была по крайней мѣрѣ цѣлая верста разстоянія, тогда какъ выше сказано было, что служанки стояли по обѣимъ сторонамъ дверныхъ косяковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ подлѣ ложа Павликаи. Слѣдовательно, коль скоро Аѳина, по словамъ переводчика, вошла въ спальню, она тотчасъ же должна была очутиться у ложа Павликаи. Зачѣмъ же еще говорить, что „она спѣшила“, а „потомъ стала“? Не сумбуръ ли все это? А вѣдь таковъ смыслъ или, лучше сказать, бессмыслица перевода. Въ подлинникѣ, какъ мы видѣли выше и какъ всякій сколько-нибудь знающій языкъ Гомера можетъ заключить изъ приведенныхъ нами стиховъ, изображена картина другая. Переводчикъ искажилъ смыслъ означенныхъ стиховъ. У него выходитъ не картина, а какой-то хаотическій наборъ словъ. Повторяю, что я избралъ это мѣсто на удачу; но есть много другихъ мѣстъ, которыя, пожалуй, и похуже нами разобранныго. Прибавимъ къ этому такого рода выражения, каковы, на примѣръ, слѣдующія: стр. 106: „объяви мнѣ по правдѣ“—„прижался къ тебѣ съ рѣчью“—„имѣющій прискорбіе въ душѣ“—; стр. 121: „художественная спальня“—„силою превышали“—„обратила къ ней слово“—„одежды твои лежатъ оставлены безъ вниманія“—„побуди отца до разсвѣта приготовить муловъ“—и т. п. солецизмы и варваризмы, которыми испещренъ весь переводъ отъ первой страницы до послѣдней,—и читатель можетъ себѣ составить ясное понятіе о достоинствѣ перевода г. Веркгаупта. И такую-то кашей угощаютъ наше юное поколѣніе, предлагая ему какъ пособіе къ чтенію и изученію Гомера! Вмѣсто того, чтобы созерцать высокохудожественныя картины подлинника, которыя Гораций справедливо называетъ „*speciosa miracula*“, ученикъ зубритъ плохой переводъ, не только искажающій смыслъ подлинника, но чуть ли не въ каждой

строкъ погрѣшающей относительно чистоты и правильности русскаго языка. Иной ученикъ VI класса гораздо лучше перевелъ бы самъ, но его самодѣтельность сковываетъ страхъ передъ печатнымъ словомъ, имѣющимъ, какъ извѣстно, большое обаяніе на молодые умы, большее иногда, къ сожалѣнію, чѣмъ слова учителя въ классѣ. Мнѣ самому приходилось испытать это въ моей практикѣ. Ученикъ, которому я дѣлалъ замѣчанія по поводу неправильно переведеннаго того или другаго выраженія и заставлялъ лучше вникнуть въ смыслъ подлинника, относился къ моимъ замѣчаніямъ съ недоувѣріемъ, ссылаясь на печатный переводъ. Если, сверхъ всего этого, принять еще въ соображеніе и тотъ прискорбный фактъ, что внимательность учениковъ, имѣющихъ подъ рукою подстрочные переводы съ готовыми вокабулами по порядку стиховъ и элементарными грамматическими объясненіями, неизбѣжно должна глхнуть, такъ какъ ученики, полагаясь на свое пособіе и рассчитывая найти въ немъ все нужное, не слѣдятъ за тѣмъ, что происходитъ въ классѣ, то мы вполне вѣрно оцѣнимъ вредъ, какой приносятъ учебному дѣлу пособія, подобныя сейчасъ разсмотрѣнному.

Обратимся теперь къ изданіямъ г. Соснецкаго и посмотримъ, что это за плоды досуга почтеннаго автора. Изданія эти заключаютъ въ себѣ два текста, подлинный и по „упрощенной конструкціи“, съ краткими примѣчаніями и со словарями въ алфавитномъ порядкѣ. Авторъ для вящаго внушенія юной публикѣ интереса къ заглавію своихъ книгъ не забылъ прибавить: „по лучшимъ иностраннымъ образцамъ“, зная, конечно, какъ наше молодое поколѣніе цѣнитъ всякій заграничный товаръ, какъ бы онъ плохъ ни былъ. Мы не имѣемъ подъ рукою этихъ заграничныхъ образцовъ и не можемъ съ ними сличить „*fac simile*“, а потому будемъ имѣть въ виду въ дальнѣйшихъ нашихъ замѣчаніяхъ только эти послѣдніе, тѣмъ не менѣе позволяемъ себѣ сказать мимоходомъ, что означенные образцы, по всей вѣроятности, стоять своихъ подражаній.

Чтобы избавить читателя отъ необходимости справляться съ самими изданіями г. Соснецкаго для повѣрки нашихъ сужденій, мы приведемъ здѣсь небольшіе отрывки изъ нихъ, полагая, что этого будетъ достаточно, чтобы убѣдиться въ непригодности предлагаемыхъ авторомъ пособій „для употребленія въ гимназіяхъ“. Итакъ разсмотримъ прежде всего хоть бы, напрямѣръ, слѣдующій отрывокъ изъ I-й рѣчи Цицерона противъ Катилины:

ПОДЛИННЫЙ ТЕКСТЪ.

Quousque tandem abutere, Catilina, patientia nostra? Quamdiu etiam furor iste tuus nos eludet? Quem ad finem sese effrenata jactabit audacia? Nihilne te nocturnum praesidium Palatii, nihil urbis vigiliae, nihil timor populi, nihil concursus bonorum omnium, nihil hic munitissimus habendi senatus locus, nihil horum ora vultusque moverunt? Patere tua consilia non sentis? Constrictam jam omnium horum conscientia teneri conjurationem non vides? Quid proxima, quid superiore nocte egeris, ubi fueris, quos convocaveris, quid consilii ceperis, quem nostrum ignorare arbitraris?

ТЕКСТЪ ПО УПРОЩ. КОНСТРУКЦИИ.

Quousque tandem Catilina, abutere (ris) nostra patientia? Quamdiu etiam iste furor tuus eludet nos? Ad quem finem audacia effrenata jactabit sese? Nihilne praesidium nocturnum Palatii, nihil vigiliae urbis, nihil timor populi, nihil concursus omnium bonorum, nihil hic locus munitissimus senatus habendi, nihil ora vultusque horum moverunt te? Non sentis tua consilia patere? Non vides tuam conjurationem teneri jam constrictam conscientia omnium horum? Quem nostrum arbitraris ignorare, quid egeris nocte proxima, quid superiore, ubi fueris, quos convocaveris, quid consilii ceperis?

Что же мы видимъ въ „текстѣ по упрощенной конструкціи“? Тѣ же слова и конструкціи, что и въ подлинникѣ, только въ другомъ порядкѣ. Спрашивается, какими соображеніями руководился авторъ, измѣняя порядокъ словъ подлинника? Можетъ быть, онъ желалъ показать юнымъ читателямъ рѣчей одного изъ величайшихъ ораторовъ древности различіе между риторическимъ размѣщеніемъ словъ и обыкновеннымъ, такъ называемымъ логическимъ, чтобы такимъ образомъ выставить на видъ блѣдность рѣчи при обыкновенной разстановкѣ словъ, въ сравненіи съ блескомъ риторическаго построенія ихъ? Но такому предположенію противорѣчатъ многочисленные мѣста въ измѣненномъ текстѣ, не представляющія вовсе обыкновеннаго логическаго порядка, соответствующаго духу латинскаго языка. По правиламъ латинской грамматики, напримѣръ, слова при обыкновенномъ спокойномъ тонѣ рѣчи должно бы размѣстить слѣдующимъ образомъ: „nostra patientia abutere—nos eludet sese iactabit—nocturnum Palatii praesidium“ или: „praesidium Palatii nocturnum—hic munitissimus senatus habendi locus“ или: „hic locus senatus habendi munitissimus—horum ora vultusque te nihil moverunt?—Non (nonne) vides coniurationem tuam conscientia omnium horum constrictam teneri? Ср. грам.

Мейеринга 1006, 1010—1012 §§; Цумпта 786 и слѣдующіе §§. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что точныхъ правилъ относительно размѣщенія какъ отдѣльныхъ словъ, такъ и цѣлыхъ предложеній въ латинскомъ языкѣ нѣтъ, да и быть не можетъ, такъ какъ разстановка частей рѣчи зависитъ во многихъ случаяхъ отъ того болѣе или менѣе возбужденнаго состоянія, въ которомъ находится говорящій или пишущій, а также отъ того, на что онъ желаетъ обратить особенное вниманіе своихъ слушателей или читателей. Поэтому-то въ разныхъ родахъ прозаическихъ литературныхъ произведеній, не говоря уже о поэтическихъ, бываетъ различное размѣщеніе словъ и предложеній. Въ одномъ преобладаетъ обыкновенное, логическое, въ другомъ риторическое, и это составляетъ одну изъ отличительныхъ чертъ того или другаго слога. Порядокъ словъ въ рѣчахъ Цицерона именно такой, какой болѣе всего соотвѣтствовалъ душевному настроенію оратора въ минуту, когда онъ произносилъ или писалъ рѣчь, а также болѣе всего гармонируетъ съ духомъ и смысломъ каждой изъ его рѣчей. Въ такомъ видѣ гимназисты и должны читать и созерцать рѣчи Цицерона, если мы нежелаемъ лишить эти художественныя произведенія великаго оратора ихъ прелести, а учениковъ истиннаго эстетическаго наслажденія при чтеніи ихъ. Но г. Соснецкій, какъ педагогъ, разсудилъ иначе. Онъ говоритъ въ предисловіи къ своему изданію, что „желая быть полезнымъ молодому поколѣнію, онъ рѣшился издать рѣчи Цицерона противъ Катилины, помѣстивъ рядомъ съ подлиннымъ текстомъ текстъ по упрощенной конструкціи. Это сдѣлано имъ на томъ“, молъ, „основаніи, что трудность при переводѣ съ древнихъ языковъ заключается главнымъ образомъ въ тѣхъ особенныхъ синтаксическихъ оборотахъ, которые не подчиняются правиламъ новѣйшихъ языковъ“. Изъ этихъ словъ автора читатель непременно долженъ заключить, что въ предлагаемомъ авторомъ упрощенномъ текстѣ онъ измѣнилъ не порядокъ словъ, а синтаксическій складъ рѣчи, замѣнивъ особенные и не подчиняющіеся правиламъ новѣйшихъ языковъ синтаксическіе обороты латинской рѣчи болѣе простыми и болѣе легкими для повимапія учениковъ V-го класса. Но мы видѣли изъ приведеннаго отрывка I-й главы, что обѣщанное авторомъ упрощеніе конструкціи не что иное, какъ простая перестановка словъ, слѣдующая вдобавокъ, какъ нами указано выше, не по правиламъ латинской грамматики, а, какъ можно догадываться, согласно съ русскимъ переводомъ, составленнымъ въ умѣ самимъ авторомъ. И что же выходитъ? Ученики, прочитавъ въ заглавіи слова:

„текстъ по упрощенной конструкціи“, и не заглядываютъ въ подлинный текстъ, избѣгая его какъ чего-то для себя непреодолимаго, представляющаго, по словамъ автора, „большія трудности при переводѣ на русскій языкъ“, и обращаются прямо къ упрощенному будто бы тексту, надѣясь найти въ немъ ключъ къ раскрытію мыслей автора и чая чуть-ли не избавленія отъ собственной домашней работы, то-есть отъ логическаго и грамматическаго разбора заданнаго отрывка, безъ чего никакой переводъ невозможенъ. Конечно, обѣщаннаго авторомъ облегченія ученики не находятъ, потому что произвольное измѣненіе порядка словъ не есть упрощеніе конструкціи и не облегчаетъ ученикамъ домашней подготовки ихъ въ разборѣ назначенной на урокъ главы, а между тѣмъ ученики отвлекаются этимъ злосчастнымъ текстомъ отъ созерцанія истинныхъ красотъ подлинника. Сличать же оба текста между собою у большинства учениковъ, если не у всѣхъ, нѣтъ ни времени, ни охоты. По крайней мѣрѣ, какъ мнѣ извѣстно изъ собственной практики и изъ практики другихъ преподавателей, прочтеніе подлинника ученики откладываютъ до вызова ихъ учителемъ къ отвѣту. Мало того, авторъ своимъ текстомъ „по упрощенной конструкціи“ не только не пособляетъ ученикамъ въ ихъ домашней приготовительной работѣ, но напротивъ, спутываетъ ихъ, заставляя ихъ пригонять свой переводъ къ сдѣланному имъ произвольно въ своемъ текстѣ порядку словъ, который ученики, изъ уваженія къ печатному слову, считаютъ единственно возможнымъ для перевода на русскій языкъ, тогда какъ слова подлинника могутъ быть переведены и другими оборотами русской рѣчи кромѣ тѣхъ, которые придумалъ авторъ, а слѣдовательно и въ другомъ порядкѣ, такъ-какъ другіе обороты могутъ обусловить и другое размѣщеніе словъ, несогласное съ тѣмъ, какое встрѣчается въ „текстѣ съ упрощенной конструкціей“. А если это такъ, то не медвѣжьё ли услугу оказалъ авторъ юнымъ читателямъ Цицерона своимъ двойнымъ текстомъ? Впрочемъ, считаетъ ли авторъ учениковъ V-го и VI-го классовъ, юношей 15 — 17 лѣтнаго возраста, на столько неразвитыми, что они, по его мнѣнію, послѣ надлежащаго разбора заданнаго отрывка изъ легкихъ рѣчей Цицерона не въ состояніи сдѣлать русскаго перевода? Обороты рѣчи и тѣсно связанный съ ними порядокъ словъ въ русскомъ переводѣ слѣдуетъ предоставить находчивости ученика. Да и никакой благоразумный педагогъ не станетъ стѣснять учениковъ въ этомъ отноше-

ни, лишь-бы мысль, заключающаяся въ подлинникѣ, была передана ими вѣрно и правильнымъ русскимъ языкомъ.

Перейдемъ теперь къ изданію *Виргилія* того же автора и съ такимъ-же двойнымъ текстомъ. Разсмотримъ для примѣра 12 первыхъ стиховъ изъ III-й книги *Энеиды*, съ прибавленіемъ текста по упрощенной конструкціи.

Подлинный текстъ.

Postque ¹⁾ res Asiae Priamique evertere gentem
Immeritam visum Superis, ceciditque superbum
Ilium, et omnis humo fumat Neptunia Troja,
Diversa exsilia et desertas quaerere terras
Auguriis agimur divum, classemque sub ipsa
Antandro et Phrygiae molimur montibus Idae,
Incerti quo fata ferant, ubi sistere detur,
Contraimusque viros. Vix prima inceperat aestas,
Et pater Anchises dare fatis vela jubebat.
Littora tum patriae lacrymans portusque relinquo
Et campos ubi Troja fuit. Feror exsul in altum
Cum sociis, natoque, penatibus et magnis dis.

Текстъ по упрощенной конструкціи:

Postquam visum superis evertere res Asiae gentemque Priami immeritam, superbumque Ilium occidit, et Troja Neptunia fumat omnis humo, agimur auguriis divum quaerere exsilia diversa et terras desertas, molimurque classem sub Antandro ipsa et montibus Idae Phrygiae, incerti, quo fata ferant, ubi detur sistere; contraimusque viros. Vix prima aestas inceperat, et pater Anchises jubebat dare vela fatis, quum relinquo lacrymans littora portusque patriae, et campos ubi fuit Troja. Feror exsul in altum cum sociis natoque, penatibus, et magnis dis.

И здѣсь мы замѣчаемъ то же, что и при изданіи Цицерона. Второй текстъ представляетъ слова и обороты рѣчи, тождественные съ подлинникомъ, только въ другомъ порядкѣ, соответствующемъ, какъ должно полагать, тому строю рѣчи, какой, по предположенію автора, долженъ быть въ русскомъ переводѣ прозой. Такимъ образомъ упрощенія конструкціи въ собственномъ смыслѣ этого слова мы и здѣсь не видимъ, если не считать упрощеніемъ то, что издатель однажды

¹⁾ Впрочемъ описка, должно быть: «postquam».

(ст. 10) вмѣсто сочинительнаго союза „tunc“ поставилъ подчиняющій „quoniam“. Да и непонятно, какимъ это образомъ издатель ухитрился бы упрощать конструкціи, встрѣчаемыя у Виргилія, проще которыхъ въ синтаксическомъ отношеніи ничего и быть не можетъ. Другое дѣло образный языкъ поэта, который на первыхъ порахъ, пожалуй, можетъ затруднять учениковъ. Но этого вопроса мы не будемъ здѣсь касаться, такъ какъ второй текстъ Энеиды не даетъ намъ никакого повода къ этому. Не станемъ также указывать на странную и своеобразную разстановку знаковъ препинанія въ обоихъ текстахъ, за которую преподаватель русскаго языка едва-ли похвалилъ бы автора, если бы онъ допустилъ ее и въ русскомъ переводѣ; будемъ говорить о порядкѣ словъ въ измѣненномъ текстѣ. Порядокъ словъ у поэта дѣйствительно бываетъ другой, чѣмъ у прозаика, и зависитъ часто отъ размѣра стиха. Поэтому сначала, пока ученики еще не ознакомились хорошо съ читаемымъ поэтическимъ произведеніемъ, бываетъ полезно, а часто даже необходимо, заставлять ихъ, прежде чѣмъ переводить, размѣщать слова согласно съ логическимъ значеніемъ ихъ въ предложеніи, при чемъ, по моему мнѣнію, слѣдуетъ руководствоваться правилами латинской грамматики, а отнюдь не русской, такъ какъ въ противномъ случаѣ ученики привыкаютъ размѣщать слова въ порядкѣ, несвойственномъ духу латинскаго языка, что не можетъ потому не отзываться неблагоприятно на ихъ переводахъ съ русскаго языка на латинскій. Но, замѣтимъ, было бы безтактно со стороны преподавателя, если бы онъ впередъ указывалъ ученикамъ на тотъ порядокъ словъ поэтическаго произведенія, въ какомъ слѣдуетъ ихъ размѣстить по взаимному логическому отношенію ихъ, а не представлялъ бы ученикамъ самимъ доискиваться смысла, заключающагося въ заданномъ отрывкѣ, и согласно съ этимъ возстановить обыкновенный логическій порядокъ словъ, въ отличіе отъ порядка, встрѣчаемаго въ подлинникѣ и обусловленнаго отчасти требовавшими метрическаго состава стиховъ. Онъ предвосхищалъ бы у нихъ то удовольствіе, какое испытываетъ всякій при достиженіи цѣли собственными усиліями, и задаваемые уроки теряли бы для нихъ живой интересъ, такъ какъ имъ оставалась бы только скучная работа зубренія наизусть готоваго. Но если безтактно было бы со стороны преподавателя такъ поступать въ классѣ, то во сколько безтактнѣе предлагать мертвящую душу пособія въ видѣ текстовъ съ упрощенной конструкціей, заключающихъ въ себѣ, въ сущности, тотъ же синтаксическій складъ рѣчи, что и въ подлинникѣ, только съ другою разстановкой

словъ и предложеній, которая въ тому же зачастую не согласуется съ духомъ латинскаго языка. Какая же это услуга молодымъ и неопытнымъ любителямъ музъ? Намъ приходится и здѣсь, какъ и выше, спросить издателя текста Энеиды „съ упрощенною конструкціей“, считаетъ ли онъ въ самомъ дѣлѣ такую работу, какъ размѣщеніе словъ въ логическомъ порядкѣ, столь головоломною, что она не по плечу даже ученикамъ VI и VII классовъ, въ которыхъ полагается чтеніе Энеиды Виргилія? Неужели имъ легче рѣшать, напримеръ, алгебраическія и геометрическія задачи, относящіяся къ курсамъ VI и VII классовъ, чѣмъ отыскивать логическое соотношеніе частей рѣчи какого нибудь отрывка изъ древнихъ авторовъ? Не думаемъ, а между тѣмъ никакой педагогъ-математикъ не дастъ ученикамъ въ руки книги, въ которой предлагались бы готовые процессы рѣшеній задачъ, не желая лишить ихъ удовольствія самостоятельно добиться рѣшенія оныхъ. Не такого ли правила слѣдуетъ придерживаться и педагогу-филологу? Не мѣшало бы помнить издателямъ „текстовъ съ упрощенными конструкціями“, равно какъ авторамъ плохихъ подстрочныхъ переводовъ, что какъ во многихъ другихъ случаяхъ, такъ въ особенности въ дѣлѣ умственнаго развитія не столько важны результаты изслѣдованій, сколько самые процессы ихъ. Излишняя заботливость объ облегченіи ученикамъ умственной работы чуть-ли не хуже чѣмъ оставленіе ихъ безъ всякой помощи. „Не легкія занятія и не мимолетныя удовольствія доставляютъ душѣ истинное знаніе и побуждаютъ ее къ достиженію прекраснаго“, говоритъ Сократъ у Ксенофонта, „а занятія соединенныя съ настойчивостью“. „Αἱ μὲν ῥαδιουργίαι καὶ ἐκ τοῦ παραχρῆμα ἡδοναὶ οὐτε σφρατὶ εὐεξίαν ἰκανοὶ εἰσιν ἐνεργάζεσθαι, ὡς φασὶν οἱ γυμνασταὶ, οὐτε ψυχῆ ἐπιστήμῃ ἀξιόλογον οὐδὲμίαν ἐμποῦσιν, αἱ δὲ διὰ καρτερίας ἐπιμέλειαι τῶν καλῶν τε καὶ ἀγαθῶν ἔργων ἐξικνεῖσθαι ποιοῦσιν, ὡς φασὶν οἱ ἀγαθοὶ ἄνδρες.

Что же намъ сказать относительно примѣчаній и словарей, приравненныхъ къ изданіямъ г. Соснецкаго? Отвѣчаютъ ли они предположенной цѣли? Для критика, который пожелалъ бы подробно рассмотреть и съ этой стороны означенныя изданія, нашлось бы много матеріала для разсужденія. Мы же, оставаясь вѣрными намѣченному въ началѣ плану, ограничимся и здѣсь только общими указаніями.

По нашему мнѣнію, комментарий къ изданію какого нибудь древняго автора, назначенному пособіемъ „для употребленія въ гимназіяхъ“, долженъ заключать въ себѣ все недоступныя для учениковъ свѣдѣнія по мифологіи и древностямъ, а также краткое объяс-

неніе такихъ мѣстъ, истолкованіе которыхъ было бы для нихъ затруднительно. Все же доступное для учениковъ должно быть исключено изъ комментарія. Но примѣчанія къ изданіямъ г. Соснецкаго рѣчей Цицерона и Энеиды Виргилія не совсѣмъ удовлетворяютъ этимъ требованіямъ, такъ какъ по ихъ скудости ученикъ не вездѣ найдетъ необходимыя для пониманія автора свѣдѣнія; къ тому же они изложены мѣстами не совсѣмъ ясно, а мѣстами и не вѣрно. Возьмемъ для примѣра примѣчаніе къ словамъ 23-го стиха III книги Энеиды:

„Forte fuit iuxta tumulus, quo cornea summo
Virgulta et densis hastilibus horrida myrtus“.

„Въ латинскомъ языкѣ“, говоритъ издатель, „слова *horridus* и *horrens* въ сочетаніи, подобномъ сейчасть приведенному, почти всегда теряютъ свое значеніе: ужасный, страшный (какъ будто бы такое значеніе этихъ словъ было первоначальнымъ!), и принимаютъ особенное: выдающійся, рѣзко бросающійся въ глаза. Слѣдовательно *horrida silva* очень (?) густой (?) лѣсъ; *horrida rupes*—скала, рѣзко отдѣляющаяся отъ массы и поднимающаяся высоко вверхъ“. Ни тотъ, ни другой изъ приведенныхъ примѣровъ не наводитъ ученика на настоящій смыслъ, какой въ этомъ мѣстѣ имѣетъ слово: *horridus*. Ученикъ, прочитавъ выше изложенное примѣчаніе, переведетъ слова: *et densis hastilibus horrida myrtus*, или такъ: „и очень густой миртовый кустъ“, или же: „высокій миртовый кустъ съ густыми вѣтками“, тогда какъ слова эти слѣдуетъ перевести: „и миртовый кустъ съ густыми торчавшими вверхъ вѣтками“. Извѣстно, что первоначальное значеніе прилагательнаго *horridus* — торчавшій, съѣженный, взъерошенный.

Такого рода неточностей и недомолвокъ мы могли бы привести болѣе, но, намъ кажется, и этого достаточно, чтобы убѣдиться въ томъ, что примѣчанія къ изданіямъ, о которыхъ идетъ рѣчь, не говоря уже о скудости ихъ, не вездѣ отличаются надлежащею обдуманностію.

Что же касается до словарей, прибавленныхъ къ этимъ изданіямъ, то при самомъ бѣгломъ просмотрѣ ихъ нельзя не замѣтить, что словари эти носятъ характеръ такой же необдуманности и торопливости. Авторъ, напримѣръ, показывая при глаголахъ окончанія главныхъ временъ, не придерживается никакой системы. Разъ онъ показываетъ одни только окончанія, другой — окончанія, съ прибавленіемъ одной или нѣсколькихъ буквъ основы, и при томъ иногда только одно изъ двухъ употребительныхъ окончаній, иногда же оба. Напримѣръ

„abeo, ivi, itum, abire“ и „exeo, xii, ivi, xitum, xire“. Кромѣ того, нерѣдко встрѣчаются и грубыя ошибки въ русскомъ переводѣ латинскихъ словъ. Такъ, на примѣръ, слово „aetas“ у автора значитъ не только „возрастъ“, но и „лѣто“ (!); „congerere“ не только „собирать въ одно мѣсто“, но и „спорить“ (!); „confligere“ кромѣ значенія: „биться, сражаться“ имѣетъ будто бы также значеніе: „домогаться“ (?) и т. п. Не рѣдко попадаются и этимологическія ошибки, какъ въ текстѣ, такъ и въ словарѣ, въ родѣ слѣдующихъ: „accido“ вмѣсто accedo; „amantus“ вмѣсто „amatus“; „ampleti“ вмѣсто amplecti и т. д. Сюда же слѣдуетъ отнести и неправильное раздѣленіе словъ при переносѣ съ одной строки на другую, встрѣчаемое чуть ли не на каждой страницѣ обоихъ текстовъ рѣчей Цицерона противъ Катилины. На примѣръ, на стр. 4 читаемъ: „cons-cripti“ вмѣсто con-scripti; на стр. 5: „illu-strantur“ вмѣсто illu-strantur“; на стр. 6: „cus-todiis“ вмѣсто cu-sto-diis; на стр. 11 „ca-usa“ (sic) вмѣсто cau-sa и т. д.

Словомъ, съ какой стороны ни посмотрѣть на разобранныя нами пособія гг. Веркгаупта и Соснецкаго, они не только не выдерживаютъ критики въ качествѣ пособій, но и не удовлетворяютъ самымъ незамѣлнымъ требованіямъ печатнаго слова.

И. Ф.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Одиссея Гомера съ примѣчаніями Е. Шмида. Выпускъ II. Пѣсни IV — VI. С.-Петербургъ 1878.

Въ своей рецензіи 1-го выпуска комментарія г. Шмида къ Одиссеѣ Гомера (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, августъ 1878, отдѣлъ класс. фил.) мы высказали сужденіе, что г. Шмидъ— вполне компетентный толкователь Гомера, и выразили желаніе, чтобы онъ продолжалъ дѣло, столь прекрасно начатое, и издалъ въ возможно скоромъ времени всю Одиссею, а также и Илиаду. Желаніе наше отчасти сбылось; предъ нами 2-й выпускъ Одиссеи, содержащій пѣсни IV—VI. Этотъ выпускъ подтверждаетъ сужденіе, высказанное нами относительно перваго выпуска, и можно надѣяться, что съ окончаніемъ всего труда русская учебная литература будетъ обогащена дѣйствительно цѣннымъ пособіемъ.

Приступая къ изложенію своихъ замѣтокъ относительно подробностей, мы руководимся и на этотъ разъ тѣми же соображеніями, какъ и при замѣткахъ, высказанныхъ нами по поводу перваго выпуска.

δ. 14. χρυσέη означаетъ, по объясненію г. Шмида, „дорогая, высоко цѣнимая человѣческимъ родомъ“. Почему не прямо „золотая“? Эпитетъ этотъ вѣдь и въ другихъ языкахъ употребителенъ. — 50. οὖλας (χλαίνας) объясняется „шерстяной“, при чемъ указывается лат. vellus. Въ примѣчаніи же къ ζ 231 слово это объясняется „густой“, съ ссылкою на δ 50. Ясно и понятіе для учениковъ было бы поставить и на первомъ мѣстѣ (δ 50) первоначальное значеніе „густой“, изъ котораго уже образовалось значеніе „шерстяной“. — 80.

κέν съ fut. встрѣчается не особенно „рѣдко“. С скромности, усматриваемой здѣсь г. Шмидомъ въ словахъ Менелая, мы не замѣчаемъ и едва ли она и можетъ быть усматриваема здѣсь.—116: „νόησε ἀνιπλά-
vertit cum lacrimas effundentem“. По здѣсь νόησε=узналъ, то-есть
узналъ (изъ впечатлѣнія произведеннаго на него разсказомъ объ Одис-
сеѣ), что онъ сынъ Одиссея, какъ видно и изъ ст. 148 (ср. примѣч.
г. Шмида къ этому мѣсту).—122: χρυσήλατοςъ называется Артемида
будто бы потому, что стрѣлы имѣли подобіе веретенъ. Но кромѣ
Артемиды еще и другія богини имѣютъ эпитетъ χρυσήλατοςъ
(напримѣръ Латона у Пиндара), при чемъ объясненіе г. Шмида не-
приложимо, такъ что болѣе подходящимъ кажется намъ объясненіе
Фези, что χρυσήλατοςъ есть эпитетъ богини “zur Bezeichnung der
weiblichen Würde“.—133: χαράαντο г. Шмидъ производитъ отъ χαράν-
ωρι; не лучше ли отъ χαίρω;—171: νόσος, по г. Шмиду, имѣетъ „зна-
ченіе начинательное“. Пронце и вѣрифе было бы сказать, что это=
русск. совершенному виду: поселилъ бы.—198: къ χείρασθαι г. Шмидъ
дополняетъ τινά, въ чемъ однако нѣтъ никакой надобности, такъ какъ
χείρασθαι подлежащее къ γέρας (ἐστὶ) въ предыдущемъ стихѣ.—206.
„ὄ==ὄ τ“; должно быть ὄτι.—220: „рѣчь идетъ, во всякомъ случаѣ,
о наркотической травѣ, а не о сокѣ, поэтому βάλε, а не χέε“. Намъ
кажется, что здѣсь φάρμακον означаетъ именно какой либо наркоти-
ческой сокъ (вѣроятно это былъ опиумъ), такъ какъ трава едва ли сно-
собна смѣшаться съ виномъ; βάλε не доказываетъ ничего въ пользу
мнѣнія г. Шмида, такъ какъ βάλε употребляется и о жидкостяхъ,
напримѣръ, о слезахъ δ 114.—Объясненіе г. Шмида къ стиху 278
не совсѣмъ убѣдительно, и стихъ этотъ вообще кажется страннымъ
по своему содержанію, такъ что лучше всего признать его за интер-
поляцію.—336: νεβροῖς г. Шмидъ объясняетъ „двойнота“, безъ осно-
ванія, какъ полагаемъ; νεβροῖ здѣсь—дѣтныши, сколько бы ихъ ни
было.—352. τελέεσσας (ἐκατόμβας) значить, будто бы: „ведуція къ
исполненію молитвъ чловѣка“, что едва ли вѣрно; лучше τελέεσσαι:
ἐκατόμβαι=гекатомбы совершенныя, въ которыхъ нѣтъ никакого упу-
щенія.—429: ἀμβροσίη (νόξ), по г. Шмиду, „освѣщающая какъ амбро-
зія“. Но этимъ объясненіемъ г. Шмидъ противорѣчитъ отчасти самому
себѣ, см. прим. къ δ 79; по нашему мнѣнію, νόξ называется ἀμβροσίη,
потому что вообще имѣетъ отношеніе къ богамъ.—430. ῥηγμίν? пра-
вильною кажется намъ только форма ῥηγμῖς. — Въ примѣчаніи къ
стиху 477, г. Шмидъ говоритъ, что лѣтній поворотъ солнца бываетъ
около 21 юня. Чтобъ не вводить въ заблужденіе русскихъ читателей,

слѣдовало прибавить: „по новому стилю“, или просто поставить число по русскому календарю, то-есть 9 іюня. — Въ стихѣ 581 послѣ *ποταμοῖο* надо уничтожить запятую, а потомъ уже не нужно къ *εἰς*... дополнять *ἔχων*, такъ какъ *εἰς* зависитъ прямо отъ *στῆρα νέας*, съ замѣною предлоговъ *ἐν* и *εἰς*, какъ на примѣрѣ О 275 *ἐφάνη λίς εἰς ὄδον*, или Хер. Анаб. 1, 2, 2 *παρῆσαν εἰς Σάρδεις*.—601. Телемахъ отказывается отъ лошадей, потому что на Итакѣ неудобно ихъ держать. Къ этому г. Шмидъ замѣчаетъ: „Однако изъ примѣра Ноемона (636) видно, что это неудобство не мѣшало жителямъ Итаки держать лошадей“. Но такъ какъ Ноемонъ своихъ лошадей держалъ не на Итакѣ, гдѣ это было невозможно, а долженъ былъ держать ихъ на материкѣ, то примѣръ этотъ и доказываетъ основательность доводовъ Телемаха.—774. *δαμόνοιο* объясняется „ослѣвленные божествомъ“, что едва ли вѣрно.—824. „*ἄμαυρόν* безгѣлесный (духъ)“. Но по Курціусу (*Grundzüge* 3 изд. 516) слово *ἄμαυρός* происходитъ отъ корня *μαρ* (тотъ же корень и въ русск. мракъ), стало бытъ *ἄμαυρός* = темный, неясный (Фези: *das dunkle Bild, Nebelbild*). — 841: „*νοκτὸς ἀμολύφ* = во мракѣ ночи“. Это объясненіе не совсѣмъ ясно; на основаніи словъ г. Шмида ученикъ подумаетъ, что *ἀμολύφ* = мракъ, что будетъ не совсѣмъ вѣрно. Поэтому слѣдовало объяснить это слово подробнѣе.

ε 47. къ *φράζδος* ср. русское верб-а. — 65. *ἐνᾶζοντο* не „постоянно проводили ночь“, а „гнѣздились“. — 101. Въ объясненіи къ этому стиху г. Шмидъ говоритъ, что боги „участвуютъ въ жертвахъ“, и для доказательства этого приводитъ γ 336 и I 535, гдѣ, однако, никакого „участія боговъ въ жертвахъ“ мы не видимъ. Впрочемъ, можетъ быть, что здѣсь только неясность изложенія.—175. *τό* зависитъ не отъ *ἐπί*, какъ говоритъ г. Шмидъ, а отъ *περόωσι*; *ἐπί* здѣсь — нарѣчіе, и мы имѣемъ дѣло съ такъ называемымъ тмезисомъ. — 275. *οἷη ἄμυρός ἐστι* („*Ἄρхτος*) *λοετρῶν Ὀχεάνοιο*). Къ этому стиху г. Шмидъ замѣчаетъ: „Есть и другія созвѣздія, которыя также не заходятъ“. Но дѣло въ томъ, что Большая Медвѣдица теперь заходитъ въ (широтахъ) Греціи, и не можетъ быть причислена къ созвѣздіямъ, такъ называемымъ околополюснымъ, о которыхъ можно сказать, что онѣ *ἄμυροί εἰσι λοετρῶν Ὀχεάνοιο*. Чтобы быть околополюсною, звѣзда должна имѣть, въ настоящее время, по крайней мѣрѣ 52° уклоненія (*declinatio*) въ широтахъ Греціи (около 38° сѣверной широты), между тѣмъ какъ уклоненіе Большой Медвѣдицы въ этихъ широтахъ только 50°. Очень возможно, однако, что во время возникновенія этой части Одиссеи уклоненіе Большой Медвѣдицы было боль-

ше (если предположить, что эта часть Одиссеи появилась около 900 г. до Р. Хр., то уклонение Большой Медвѣдицы было тогда больше 63°), что объясняется перемѣною мѣстоположенія точки равноденствія (Praecession der Nachtgleichen; ср. объ этомъ Littrow, Wunder des Himnells, 5-е издание, страница 248).—289. πεῖραφ объясняется „веревка, петля“, не скорѣе ли „конецъ, предѣлъ“? — 335. θεῶν ἔξι ἔμμορε τιμῆς г. Шмидъ объясняетъ: θεῶν ἔξι=ὀπὸ θεῶν; но тогда τιμῆς остается безъ ближайшаго опредѣленія; какаѣ же это τιμῆς? Поэтому лучше, намъ кажется, читать: θεῶν ἔξι ἔμμορε τιμῆς, такъ что θεῶν—опредѣленіе къ τιμῆς; ей досталось божеская почеть.—346. „τῆ про- тѣи руку“; можно было прибавить: русское на. — 356 „μῆ имѣеть тотъ же смыслъ, что и послѣ глаголь timendi, а понятіе боязни заключается въ предыдущемъ восклицаніи“. Но понятіе боязни за- ключается скорѣе въ предложеніи μῆ—ὄφραίνῃσι; это, конечно, пред- ложеніе главное, независимое, а примѣчаніе г. Шмида можетъ наве- сти ученика на мысль, будто это—предложеніе придаточное. — 459. „ἔο, первоначально fέο, sui“. Слѣдовало сказать: первоначально cfεο, такъ какъ одного F для объясненія долготы по положенію въ ἀπό не достаточно.—469. ἡῶδι πρό. По словамъ г. Шмида, суффиксъ δι въ ἡῶδι вызванъ вопросомъ: когда? такъ что ἡῶδι=утромъ, и πρό= πρωί рано. Мы, однако, полагаемъ, что суффиксъ δι и здѣсь удержи- ваетъ свое собственное значеніе—мѣстное, а ἡῶδι πρό значить: предъ утромъ (Фези: vor dem Morgenlichte her); ср. Γ 3 οὐρανῶδι πρό, N 349 Ἰλιῶδι πρό.

ζ 8. ἄνδρες ἀλφησταί г. Шмидъ (въ α 349) объясняетъ: „питаю- щіеся хлѣбомъ“; но намъ кажется лучшимъ другое объясненіе, по которому ἄνδρες ἀλφησταί (отъ корня ἀλφ, ἀλφάνω)=qui victum quae- runt, qui quaestum faciunt (смотри Curtius Grundzüge 3 изд., страница 274).—42. „φασί—извѣстно“; болѣе чѣмъ сомнительно, чтобъ φασί могло имѣть такое значеніе.—84 „κίον пѣшкомъ“. Откуда замѣчаетъ г. Шмидъ, что пѣшкомъ? Стихъ 319 не доказываетъ этого, такъ какъ тамъ прибавлено πεζοί; здѣсь же, наоборотъ, можно утверждать, что и слу- жанки ѣхали на телѣгахъ (φέρων δ' ἐξοῆτα καὶ αὐτήν, οὐκ οἴην, ἄμα τῆγε καὶ ἀμφίπολοι κίον ἄλλαι).—102. г. Шмидъ читаетъ кат' οὐρεος. Но луч- ше, кажется, читать кат' οὐρεα, во первыхъ потому, что это лучше согласуется съ слѣдующимъ κατὰ Τηρύγετον ἢ Ἐρῶμανθον, а во вторыхъ потому, что здѣсь высказывается не то, что Артемида сходила съ горы, а то, что она ходила по горамъ.—121. Колебаніе Одиссея объясняется не тѣмъ, что „онъ только что проспался“, а скорѣе тѣмъ, что онъ въ

самомъ дѣлѣ не зналъ, гдѣ онъ, и кто живетъ въ странѣ, куда занесла его судьба.—129. „μῆδ' ἐκ φαιός: свою наготу“ — не вполне вѣрно и произошло вѣроятно опять отъ стремленія сохранить *debitam pietatis reverentiam*; но въ такомъ случаѣ не лучше ли совсѣмъ не давать объясненія, чѣмъ давать невѣрное?—149. Въ концѣ этого стиха г. Шмидъ ставитъ знакъ вопроса; по нашему мнѣнію здѣсь вопроса нѣтъ, а смыслъ этого стиха: „я прошу тебя — будь ты богиня или смертная“.—244. „Подлежащее замѣчается въ εἴη (онъ), а τοῖσδε=τοῖσδε ὄν приложение къ нему“. Такъ ли? По нашему мнѣнію, подлежащее здѣсь — πόσις, а сказуемое τοῖσδε κακλήμενος εἴη.—262. „ἐπὶν главное (?) предложеніе“. Это вѣроятно только *larsus salami*.—266. Ποσειδῆιον, будто бы „Посейдонова площадь“. Какъ же потомъ объяснить ἀμφίς? Ποσειδῆιον здѣсь — храмъ Посейдона, во округѣ (ἀμφίς) котораго находится ἄγορῆ.

Въ ссылкахъ на предыдущія мѣста мы нашли нѣкоторыя погрѣшности, на примѣръ при δ 13 ссылка на α 171, хотя здѣсь говорится совсѣмъ другое; при ε 3 ссылка къ β 26, вмѣсто β 14, при ε 45 „къ δ 709“ не совсѣмъ ясно, при ε 249 „къ δ 337“ вмѣсто 335; при ζ 8 къ „δ 175“ вмѣсто 174; ссылка при ζ 149 къ „ε 445“ не ясна. Въ ε 58 въ текстѣ τέτρεν, въ примѣчаніи ἑτέτρεν.

И. Мейеръ.